

Национальная академия наук Беларуси

Государственное научное учреждение
«Институт философии НАН Беларуси»

Консультативный межконфессиональный совет
при Уполномоченном по делам религий и национальностей

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
международной научной конференции
Республика Беларусь, г. Минск, 27–28 мая 2014 года

Минск
«Право и экономика»
2014

УДК 21+37.014]:316.325

ББК 87.3

Р40

Научный редакционный совет:

Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, член-корреспондент
НАН Беларуси А. А. Коваленя;

Уполномоченный по делам религий и национальностей Л. П. Гуляко;

Митрополит Минский и Слуцкий Павел,
Патриарший Экзарх всея Беларуси;

Митрополит Минско-Могилевской архиепархии Римско-католической церкви в
Республике Беларусь, архиепископ Тадеуш Кондрусевич;

Председатель (муфтий) мусульманского религиозного объединения в Республике
Беларусь Абу-Бекир Шабанович;

Директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич

Редакционная коллегия:

Т. И. Адуло, Н. А. Кутузова, В. А. Максимович,
И. Б. Михеева, О. Л. Сташкевич

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор Л. Ф. Евменов;
доктор философских наук, профессор А. И. Осипов

Р40

Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы : мат. межд. науч. конф., Республика Беларусь, г. Минск, 27–28 мая 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2014. – 439 с.

ISBN 978-985-552-382-7.

Сборник содержит доклады и тезисы докладов, сделанных на международной научной конференции «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы», организованной под эгидой Национальной академии наук Беларуси совместно с Консультативным межконфессиональным советом при Уполномоченном по делам религий и национальностей и прошедшей 27–28 мая 2014 г. в Институте философии НАН Беларуси.

Предназначен для ученых-философов, социологов, культурологов, этнологов, искусствоведов, специалистов в области истории религии и религиоведения, священнослужителей, практиков системы образования и социальной работы, а также всех, кто интересуется актуальными проблемами и задачами взаимодействия Государства, Общества и Церкви в интересах устойчивого социального и духовно-нравственного развития современного общества.

УДК 21+37.014]:316.325

ББК 87.3

ISBN 978-985-552-382-7

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2014

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси <i>А. А. Ковалени</i>	10
Приветственное слово Первого заместителя Председателя Президиума НАН Беларуси <i>С. А. Чижика</i>	11
Государственная политика Республики Беларусь в деле духовного возрождения общества. Приветствие Уполномоченного по делам религий и национальностей <i>Л. П. Гуляко</i>	13
Православная Церковь в современном белорусском обществе: смысл образовательных инициатив. Выступление Митрополита Минского и Слуцкого <i>Павла</i> , Патриаршего Экзарха всея Беларуси	15
Роля рэлігіі ў працэсе адукацыі. Выступленне Арцыбіскупа <i>Тадэвуша Кандрусевіча</i> , Мітрапаліта Мінска-Магілёўскага	18
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ: СИНЕРГИЯ СВЕТСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ НАЧАЛ	23
<i>Истины разума и мудрость религиозной веры в контексте развития интеллектуальной культуры социума</i>	23
<i>А.А. Лазаревич</i> . Наука и духовно-нравственные ценности в интеллектуальной культуре современного общества	23
<i>Е. М. Бабосов</i> . Соработничество религии и образования в духовном возвышении человека	28
<i>Ю. Г. Тамбиянц</i> . Религия, духовность, образование на современном этапе: теория и практика	32
<i>О. П. Пунченко</i> . Религиозные компоненты в структуре философско-культурологического мировоззрения	35
<i>И. Я. Левяш</i> . Культуротворческий смысл идеи Бога	38
<i>Э. М. Сороко</i> . Ориентиры образования и воспитания человека в едином процессе социальной интеграции и становления общества развитого гармонизма	44
<i>Л. А. Сосновский</i> . Некоторые соображения о триаде вера – знание – мировоззрение	49
<i>Н. Л. Балич</i> . Религиозные и светские ценности в культуре современного общества	53
<i>Ф. С. Приходько</i> . Восток – Запад: проблема поиска идейно-концептуальной основы цивилизационного диалога	56
<i>П. С. Карако</i> . Христианская экологическая этика: состояние и перспективы развития	58
<i>И. К. Русанду</i> . Инновации как фактор формирования социо-экосистемы	61
<i>Р. Н. Дождикова</i> . Идея ненасилия и современная стратегия мира	63
<i>О. Л. Познякова</i> . Кантово учение об универсальном характере природы человека как теоретическое основание модели единства современного мира	65

<i>А. І. Бабко.</i> Выспяванне перадумоў навукі сучаснага тыпу як культурна-гістарычны феномен.....	66
<i>А. А. Спектор.</i> Наука и миф: аспекты специализации и популяризации	69
<i>С. П. Чумак.</i> Проблема выбора геополитических приоритетов социоэкономического развития	72
<i>Важнейшие направления научно-образовательной деятельности в ракурсе актуальных социокультурных процессов .....</i>	74
<i>З. Я. Капустина.</i> Специфика современных методологических подходов к формированию перспективных стратегий и технологий образования и воспитания	74
<i>Е. И. Мещангина.</i> Мировоззренческая культура как духовное условие в образовательном процессе высшей школы в XXI веке	76
<i>Т. А. Каритонova.</i> Higher education in information society: the networked perspective	78
<i>В. П. Старжинский.</i> Трансформация образовательных стратегий: от классической парадигмы к преодолению клипового мышления	81
<i>И. А. Фурса.</i> Методологические основания проектирования информационно-образовательных ресурсов	84
<i>Н. А. Никонович.</i> Методологические проблемы кросс-культурной когнитивности.....	87
<i>И. Ф. Габрусъ.</i> Торжество вампир-культуры.....	89
<i>М. А. Сонгаль.</i> Религиозный аспект личностной идентичности личности в трансформирующемся обществе	92
<i>В. Н. Семенова.</i> Современный нарциссизм как последняя стадия секуляризации западной цивилизации	95
<i>Ю. Ф. Никитина.</i> Альтерглобализм и международная интеграция.....	98
<i>Духовно-нравственное воспитание личности как приоритет социальной и образовательной политики.....</i>	99
<i>О. А. Павловская.</i> Духовно-нравственные ценности в условиях современного транзитивного общества	99
<i>Н. Б. Яковлева.</i> Духовно-нравственное воспитание учащихся – одно из основных направлений воспитательной работы в современной школе	104
<i>Е. Е. Чистякова.</i> Пути осуществления духовно-нравственного воспитания учащихся в учреждениях общего среднего образования	107
<i>Л. Я. Кулажанка.</i> Хрысціянскія каштоўнасці і духоўна-маральнае выхаванне ў сістэме свецкай адукацыі сучаснай Беларусі	109
<i>С. Ю. Дивногорцева.</i> Христианская антропология как методологическое основание формирования стратегии духовно-нравственного воспитания личности	112
<i>Л. З. Левит.</i> Личностно-ориентированная концепция счастья: духовность против гедонизма.....	114
<i>Н. Г. Колтакова.</i> Секуляризация и ее роль в духовном воспитании личности	116

<i>С. А. Тимошенко, И. М. Лаврухина. Трансформация традиционного образа вины в связи с секуляризацией духовной культуры</i>	119
<i>О. Л. Сташкевич. Воспитание толерантности как нравственного качества личности</i>	122
<i>Т. В. Уколова. Культурологическая интерпретация в воспитании ценностных ориентиров старшеклассников</i>	125
<i>М. Ф. Пухальская. Теоретические основы христианской педагогики в историческом развитии по П. Ф. Каптереву</i>	128
<i>Т. В. Нестер. Педагогическая система Джона Дьюи и формирование демократических ценностей</i>	130
<i>С. А. Мякчило. Рефлексивный подход к исследованию зависимого мышления и поведения (на примере феномена пьянства)</i>	132
<i>Л. М. Ботух. Интернет-зависимость как новый вызов здоровью</i>	137
<i>Р. В. Слухенская. Гуманитарно-научная парадигма здоровья человека</i>	140
<i>О. Г. Лукашова. Здоровье в ряду ценностных ориентиров населения Беларуси</i>	143
<i>Место философского знания в перспективных научно-образовательных стратегиях</i>	146
<i>Т. И. Адуло. Философское знание в современной образовательной стратегии</i>	146
<i>Азер Мустафаев. Сущность и содержание проблемы человека в религиозной философии</i>	151
<i>В. А. Костенич. Религиозные ипостаси философского образования</i>	156
<i>Д. В. Малахов. Проблематизация онтологии в экзистенциальных подходах к философско-научному познанию</i>	158
<i>Н. Ф. Свобода, О. В. Фадеева. Философия: студент и творчество</i>	162
РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ	166
<i>Светские и религиозные компоненты образования, их роль в формировании мировоззрения современного человека</i>	166
<i>И. В. Котляров. Православное воспитание как приоритетное направление современного образования: социологическое измерение</i>	166
<i>С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова. Предпосылки и перспективы включения курса о религии / религиях в школьную программу в Беларуси (по результатам социологического исследования 2011–2013 гг., г. Минск)</i>	172
<i>Прот. Александр Шимбалёв. Религия и образование: проблема преодоления идеологических мифов</i>	185
<i>Ф. С. Приходько. Наука и религия: совместный поиск истины как предпосылка формирования современной образовательной парадигмы</i> ..	188
<i>А. В. Кузнецов. Кризис современного техногенного общества и образование</i>	190
<i>Л. С. Яковлев, В. В. Черникова. Реформирование системы образования в контексте обновления систем общественных ценностей</i>	193

<i>Н. С. Щёкин.</i> Религиозное образование в контексте диалога государства и Церкви	196
<i>Е. А. Тимошук.</i> Феноменологическая перспектива медиации религии и образования в светском обществе	199
<i>Р. С. Лаво, С. А. Морозов.</i> Религия в современном образовательном процессе в сфере культуры и искусств	202
<i>С. А. Юшкевич.</i> Экологическое образование и христианство	204
<i>С. М. Алейникова.</i> "Духовность – ОПК – светскость" как тренд российской идеологии	207
<i>Л. М. Богатова.</i> Социокультурный контекст десекуляризации российского высшего образования	209
<i>Г. Н. Петровский.</i> Элементы религиозной культуры в школьном образовании.....	211
<i>Т. Я. Янушкевич.</i> Взаимодействие учреждений образования Республики Беларусь (г. Минска) и Белорусской Православной Церкви в вопросах воспитания и образования подрастающего поколения	215
<i>М. А. Ковалёв.</i> Роль религии и религиозных наук в современном гуманитарном образовании	222
<i>Семья и семейное воспитание: религиозные и светские ценности .....</i>	225
<i>Н. К. Эйнгорн.</i> Специфика современной духовно-нравственной аксиосферы в образовании и семейном воспитании	225
<i>Антун Лисец.</i> Уважение Закона Божьего спасает жизнь и здоровье	228
<i>С. В. Киртич.</i> Духовно-нравственные аспекты просвещения родителей	231
<i>А. С. Палибина.</i> Православные ценности в семейном воспитании	232
<i>Е. В. Мурюкина.</i> Православное медиаобразование в семье с детьми	235
<i>А. С. Цмыг.</i> Традиции образования и воспитания в семьях старообрядцев Беларуси	236
<i>Т. У. Зайкоўская.</i> Крызіс хрысціянства як фактар крушэння традыцыйных сямейных каштоўнасцяў	237
<i>И. Б. Бельская.</i> Подготовка к совершеннолетию: опыт учебно-методического обеспечения	238
<i>О. Ю. Гончаров.</i> Семья, школа и Церковь в образовательном процессе, позиция Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня	240
<i>Е. В. Перепелица.</i> Гендерная аксиология: новая модель семьи	245
<i>Н. Ф. Гребень.</i> Семейное благополучие и гендерные установки брачных партнеров.....	247
<i>Ф. И. Храмова.</i> Гендерные аспекты трансформации исламской этнокультуры как компонент светского образования	249
<i>В. И. Огородник, И. С. Огородник.</i> Религиозные ценности семейного воспитания и ювенальная юстиция в современном гражданском обществе ...	252
<i>Философия религии и религиоведение в системе образования: статус и перспективы.....</i>	254
<i>В. В. Старостенко.</i> Религия в светских учреждениях образования:	

религиоведческо-правовые аспекты проблемы.....	254
<i>Т. П. Короткая.</i> Религиоведение в ВУЗе: методологические проблемы преподавания учебной дисциплины	257
<i>М. А. Можейко.</i> Проблемы преподавания религиоведения в современном светском ВУЗе.....	261
<i>П. Ф. Дик.</i> К светскому основанию религиоведческого образования.....	263
<i>В. А. Адзіночанка.</i> Аб выкладанні рэлігіязнаўства як філасофскай дысцыпліны	265
<i>С. К. Носов.</i> Актуальность религиоведческого знания в современной высшей школе	268
<i>С. Г. Масько, П. С. Крючек.</i> Философия религии в системе формирования культуры педагога	270
<i>В. В. Кудрявцев.</i> Религиоведение в подготовке будущих педагогов.....	271
<i>Г. Ж. Джуманова.</i> Религиоведческое образование – важный фактор духовной безопасности молодежи.....	272
<i>А. А. Круглов.</i> Светское религиоведение как важнейшее средство ликвидации религиозной безграмотности студентов	277
<i>И. Б. Остащук.</i> Религиозный символизм в преподавании религиоведческих дисциплин.....	279
<i>Л. А. Филипович.</i> Опыт Украины в сфере религиоведческого образования: достижения и проблемы.....	282
<i>Е. М. Смагулов.</i> Религиоведение в светских учебных заведениях: казахстанский опыт	286
<i>Е. У. Байдаров.</i> О некоторых аспектах качества учебников "Основ религиоведения" в Республике Казахстан.....	289
<i>Д. М. Зайцев.</i> Опыт преподавания спецкурса "История религий" в Лицее БГУ	292
<i>А. С. Хотеев.</i> Церковная история X–XVI вв. на страницах учебной литературы в Республике Беларусь	295
<i>Ю. И. Шилькин.</i> Религиоведение – да, религия – нет	298
<i>Религиозное образование и его взаимодействие со светской школой.....</i>	300
<i>Н. А. Кутузова.</i> Вопросы религии и образования в контексте международных правовых стандартов	300
<i>А. Л. Куши.</i> Светское и религиозное образование: проблема взаимодействия	304
<i>Н. Г. Севостьянова.</i> Религиозно-нравственные компоненты мировоззренческой подготовки студентов высших учебных заведений.....	307
<i>С. С. Поднюк.</i> Высшее религиозное образование в Республике Беларусь: проблемы и перспективы развития.....	310
<i>А. Зноско.</i> Правовое положение высших духовных семинарий Римско-католической Церкви в Республике Беларусь: проблемные аспекты.....	314
<i>Д. В. Брилев.</i> Высшее исламское образование в независимой Украине: эволюция и современное положение.....	320

<i>А. Г. Косиченко. Религиозное образование в светских государствах и проблемы Казахстана в данной сфере.....</i>	324
<i>Т. И. Баталко, Т. Я. Виноградова. Религиозное образование в светских школах: зарубежный опыт.....</i>	327
<i>Б. М. Лепешко. Религиозный контекст университетского образования.....</i>	329
<i>О. В. Шубаро. Проблема статуса религиоведческого знания в системе образования и в науке.....</i>	331
<i>А. М. Дубравина. Религиозное образование как фактор противодействия деструктивным социальным иллюзиям в современном обществе.....</i>	334
<i>А. А. Исаев. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.....</i>	337
<i>И. А. Шебанова. Организация семинарских занятий для студентов на базе приходских храмов.....</i>	340
<i>Е. А. Круподеря. Религиозный компонент в образовательных проектах мунистов на постсоветском пространстве.....</i>	342
<i>М. В. Гринь. Религия как "молекулярная" идеология в сфере современного образования.....</i>	345
<i>Т. А. Становская. Значение историко-педагогического наследия в преподавании модуля "Основы Православной культуры" в современной школе.....</i>	347
<i>Е. В. Зайцев. Инкорпорация знаний о религии в систему светской школы: к вопросу о толерантности.....</i>	350
<i>Симбиоз религиозного сознания и художественной практики в образовательно-воспитательном пространстве.....</i>	353
<i>Э. С. Дубянецкі. Роля народнага мастацтва і рэлігійнай культуры ў выхаванні моладзі.....</i>	353
<i>З. У. Драздова. Мастацкія творы аб хрысціянскіх святых.....</i>	356
<i>Т. В. Габрусь. Диалогичность художественно-семантических форм как основа самобытности сакрального зодчества Беларуси.....</i>	359
<i>Е. А. Цымбалюк. Духовный аспект общего музыкального воспитания.....</i>	362
<i>Г. И. Сорока-Скиба. Духовная музыка как средство формирования музыкально-эстетической культуры.....</i>	364
<i>Т. Г. Мдивани. Восток как внешний импульс созидательного процесса: европейское композиторское творчество.....</i>	367
<i>Религиозное знание и образование в исторической ретроспективе.....</i>	371
<i>А. В. Филиппович. Древнегреческая система образования и инициация.....</i>	371
<i>С. І. Санько. "Царскі наратыў" і дыскурсіўныя практыкі легітымацыі ўлады ў традыцыйным грамадстве.....</i>	373
<i>Н. Н. Жоголь. Кирилл Туровский: истоки христианской православной культуры в Беларуси.....</i>	377
<i>И. И. Морозова. Семья в религиозных построениях К. Н. Леонтьева.....</i>	381
<i>Н. И. Мушинский. Поиск справедливости как образовательная стратегия в эпоху техногенеза: соотношение науки и религии в философии.....</i>	

В. Соловьёва.....	384
Н. О. Щупленков. Христианская антропология В. В. Зеньковского.....	387
Э. Д. Хафизов. Н. С. Тимашев о религии и власти.....	390
И. Б. Михеева. Востоковедческие научно-образовательные стратегии в современной Польше: общая характеристика	392
Социальная миссия Церкви и межконфессиональные отношения в глобальном мире.....	395
Е. Е. Зенкевич. Социальное служение Церкви: перспективы развития	395
В. В. Шумская. Умовы ўдзелу БПЦ у грамадскім жыцці краіны 1989– 2010 гг.	398
Д. И. Наумов, Т. Д. Шкуратова. Гражданская идентичность в контексте молодежной политики Белорусской Православной Церкви	408
М. В. Кобзистая, Е. А. Ледовских. Церковь и армия в современной России ...	410
L. E. Denisova. Theoretical approaches and effective practices of training of specialists for church social work	413
В. А. Сидоров. Политический конфликт в медиасфере постсекулярного общества: проблемное поле и методология изучения	414
Ю. С. Лаврыш. Религиозная журналистика в Украине: проблематика, педагогика и подходы к написанию материалов.....	417
Айдын Али-заде. О проблемах исламской реформации и путях ее идеологического обоснования	419
М. В. Анцыповіч. Дыялагічнасць іўдаізма і хрысціянства	426
И. П. Заинчковская. Религиозная идентичность украинских студентов: корреляционный анализ	429
Г. В. Косых. Смысловая организация современной религиозности протестантского направления христианской церкви	431
Е. Г. Абакумов. Кризис конфессиональной идентичности в современном лютеранстве.....	434

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**Академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси А. А. Ковалени**

Уважаемые участники конференции! Уважаемые гости!

Приветствую вас на международной научной конференции «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы» и приглашаю к заинтересованному разговору по одной из самых актуальных социально-гуманитарных проблем, связанной с взаимодействием светских и религиозных мировоззренческих и ценностных основ современного общества, упрочением их совместного вклада в развитие и совершенствование системы образования и восприятия.

Отношения государства и религиозных организаций – это особый исторически сложившийся диалог, акцент в котором делается на проблематику образования и воспитания, сочетание светских и религиозных ценностей. В наши дни знания о религии выступают неотъемлемым компонентом общей и профессиональной культуры специалиста, являются составной частью образованности современного человека, существуя в различных формах – светской и религиозно-богословской. Это, в свою очередь, актуализирует вопрос как о месте и роли знаний о религии в интеллектуальном капитале общества, так и о форме их преподавания в образовательных учреждениях. Насущной потребностью качественного обновления социально-гуманитарного образования является опора на традиционные ценности, богатое историко-культурное и духовное наследие народа, а также комплексное и эффективное решение задач духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Следует отметить, что белорусское государство открыто к взаимодействию со всеми религиозными организациями, действующими на его территории. Для реализации этого сотрудничества создана развитая законодательная и нормативно-правовая база. В Конституции Республики Беларусь закреплён светский характер государственной системы образования и при этом подтверждено право граждан на равные возможности доступа к образованию независимо от их отношения к религии. Утверждая данный принцип, белорусское государство допускает и приветствует возможность взаимодействия учреждений образования с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их «влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Следует подчеркнуть, что религиозные общины играют важную роль в реализации государственной молодежной политики, достижении таких целей в работе с молодежью, как противодействие распространению наркомании и иных зависимостей, профилактика асоциального поведения и преступности, формирование у молодого поколения высоконравственных социальных идеалов, гражданственности и патриотизма.

Ярким примером плодотворного взаимодействия государства и религиозных организаций на поприще научной и образовательной деятельности является Программа сотрудничества Национальной академии наук Беларуси и Белорусской Православной Церкви, разработанная в 2003 году. Деятельность, осуществляемая в рамках программы, тесное сотрудничество академических ученых и

представителей Белорусской Православной Церкви в реализации научных, научно-практических, информационно-познавательных, воспитательных мероприятий и проектов уже сейчас позволяет сделать выводы как о высоком уровне взаимопонимания представителей светской и религиозной ветви отечественной духовности, так и о несомненно позитивных результатах их диалога.

Нельзя не отметить, что религиозные традиции во все времена были важным носителем и генератором общечеловеческих ценностей. В учениях всех традиционных религий, чей духовный опыт и откровения входят в сокровищницу культуры человечества, достойное и определяющее место занимают идеалы и ценности любви к Родине, гражданской добродетели, достоинства человека и уважения к другим людям, семейного благонравия, доброты, честности и терпимости. Обращение к этим ценностям в жизненной практике каждого человека – ключ к достижению лучшего будущего для всех людей, наций и государств.

Желаю участникам конференции плодотворной научной работы, интересных дискуссий и самых лучших впечатлений от пребывания в стенах Национальной академии наук Беларуси.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Первого заместителя Председателя Президиума
Национальной академии наук Беларуси С. А. Чижика
участникам Международной научной конференции «Религия и образование
в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы»**

Уважаемые участники конференции!
Высокопочтимые служители Церкви! Коллеги!

Позвольте от имени Национальной академии наук Беларуси приветствовать вас в стенах ведущего научного учреждения нашей страны и пригласить к участию в международной научной конференции «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы».

Сегодняшний форум является очередным значимым шагом на пути укрепления сотрудничества Государства, Общества и Церкви в решении насущных задач социального и гуманитарного развития, стоящих перед нашей страной и мировым сообществом. Взаимодействие светской и духовной сферы является важнейшим инструментом гармоничного развития социума. И наука, и религия ориентированы на решение фундаментальных проблем, связанных с общественным и духовным прогрессом, гуманизацией общественных отношений и реализацией духовно-нравственного потенциала человека.

Не будет преувеличением сказать, что в нашей стране выстроен уникальный, не имеющий аналогов в мире механизм партнерства религиозной и светской сферы. За последние два десятилетия религиозное самосознание белорусского народа значительно возросло, а конфессиональный фактор стал играть заметную роль в общественно-политической жизни. Именно с религией связаны многие предпосылки и основания духовной стабильности, порядка, незыблемости нравственных устоев общества.

Республика Беларусь гордится своими многовековыми духовными традициями, которые сложились при подвижническом участии служителей Церкви. Сегодня наша страна – это многоконфессиональное государство, в котором успешно сосуществуют и развиваются более двух десятков религиозных направлений. Формируя политику и приоритеты в сфере свободы совести, государство максимально учитывает уроки церковной истории и государственно-церковного взаимодействия, характер межконфессиональных отношений. Так, в частности, в преамбуле Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» подчеркнута исторически значимая роль традиционных для Республики Беларусь религий; отмечена определяющая роль Православной Церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; культурная и историческая роль Католической церкви на территории Беларуси; неотделимость от общей истории Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама.

На сегодняшний день одним из ключевых направлений сотрудничества Государства, Общества и Церкви является нравственное и гражданско-патриотическое воспитание. В основу этого сотрудничества положен тот факт, что религиозные традиции во все времена были важным носителем и генератором общечеловеческих ценностей. Общественная миссия Церкви и научно-образовательной сферы сходятся в необходимости формировать гуманистическое мировоззрение людей, прививать им идеалы и навыки коллективизма, ответственности, творчества, бескорыстия и альтруизма. Воспитание высокой нравственно-коммуникативной культуры гражданина связано с формированием отношения к другим людям в духе взаимного уважения и терпимости. Знание о религиозных потребностях, ценностях и религиозной практике людей способствует формированию представлений о религии как об одной из важнейших составляющих культуры. Оно может стать основой воспитания социальной сплоченности и способности к диалогу – мировоззренческому, межкультурному и межрелигиозному.

В наши дни особую значимость приобретает поиск оптимума во взаимодействии светского и религиозного образования и воспитания, определение объема и формы интеграции религиозного содержания в образовательный процесс с учетом ценностей мировоззренческого плюрализма, свободы совести и вероисповедания. Уверен, что сочетание традиционности и новаций, светских и религиозных ценностей, исторически сложившихся и новых стратегий образовательно-воспитательной работы создает прочные предпосылки религиозного мира и гражданского согласия в нашей стране для нынешнего и будущих поколений.

Вопросы государственно-конфессионального диалога, взаимоотношения светских и религиозных ценностей в решении наиболее острых социальных проблем стоят на повестке дня отечественной науки. Нельзя не отметить продуктивный характер тесного сотрудничества научных учреждений и Церкви. Примером успешного партнерства в этой сфере служит Программа сотрудничества НАН Беларуси и Белорусской Православной Церкви. Полагаю, что она может послужить образцом и для других совместных программ и проектов, которые могут реализовываться на научно-методической базе Национальной академии наук

Беларуси с участием представителей религиозных организаций.

Хочу особо подчеркнуть, что задача строительства сильной, процветающей Беларуси должна решаться в опоре на веками проверенный комплекс ценностей, традиций и идеалов, которые позволяли белорусскому народу выживать и развиваться, выходить победителем из различных исторических катаклизмов. Объединение усилий светской и церковной ветвей отечественной культуры, научного и богословского познания – это одно из важнейших условий формирования инновационной культуры мышления и деятельности, терпимого отношения к другим традициям, культурам и вероисповеданиям.

Уверен, что наша дискуссия позволит обогатить арсенал современных образовательно-воспитательных методик и знаний, раскрывающих исключительно богатый духовно-нравственный потенциал религиозных традиций и ценностей в современном белорусском обществе.

Желаю всем участникам конференции содержательной и плодотворной работы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ДЕЛЕ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Приветствие Уполномоченного по делам религий и национальностей

Л. П. Гуляко участникам Международной научной конференции «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы»

Ваше высокопреосвященство! Ваша эксцеленция! Уважаемые гости, организаторы и участники международной научной конференции, дамы и господа!

Тематика нашей конференции весьма актуальна, поскольку затрагивает широкий спектр вопросов, касающихся государственно-церковных отношений в сфере образования. А это значит, что предстоит обсудить ряд проблем, касающихся взаимодействия светских и религиозных образовательных систем в современном обществе. Среди них методологические подходы к формированию перспективных стратегий и технологий образования, теоретические основы педагогики и эффективные практики духовного воспитания в разных странах, практика преподавания религиоведения в светских учебных заведениях, содержание школьных образовательных программ о религии, принципы защиты прав обучающихся в области свободы совести и вероисповедания и другие. Примечательно, что в рамках конференции планируются презентации исследовательских и образовательных проектов.

Процессы взаимодействия религии и образования в современных светских обществах, несомненно, представляют собой открытую и сложную социально-динамичную систему исторически сложившихся отношений между государственными учреждениями образования и традиционными конфессиями как общественными организациями в интересах укрепления духовности и нравственности обучающихся. Необходимо, чтобы проблемы отношений между светскими и религиозными образовательными школами в настоящее время значительно шире выходили за рамки частных вопросов о преподавании каких-либо конкретных курсов, например, основ религиоведения или основ

христианской культуры. Эти проблемы должны выходить на построение определенных систем государственно-церковных коммуникаций, основанных на принципах партнерства и разграничения ответственности между субъектами социальных отношений. Вот почему в целях профессионального обсуждения заявленных вопросов по теме настоящей конференции руководители религиозных объединений и конфессий просили Национальную академию наук Беларуси взять на себя функции ее основного организатора в сотрудничестве с Консультативным межконфессиональным советом при Уполномоченном по делам религий и национальностей.

За последние два с половиной десятилетия конфессиональный фактор стал играть заметную роль в общественно-политической жизни нашей страны, о чем свидетельствуют социологические исследования, мониторинги и другие информационные данные.

Духовное возрождение, наблюдающееся в нашем государстве, может быть определенным примером для других стран мира. Ведется конструктивный диалог между всеми ветвями власти и религиозными организациями, помогающий проявлению на практике духовного и материального потенциала личности. Активное сотрудничество государства и церкви пропагандируется, в первую очередь, на примерах традиционных конфессий.

Мы не ставим задачу увеличивать и сокращать количество религиозных организаций в стране. Государство не вмешивается в эти вопросы. Количество храмов, других культовых зданий должно соответствовать потребностям людей.

Приоритетными направлениями государственной политики Республики Беларусь в конфессиональной сфере являются: поддержание отношений толерантности и взаимного уважения между людьми, предупреждение противоречий и конфликтов, пресечение любых проявлений дискриминации по религиозному признаку, ксенофобии и других форм нетерпимости. Наблюдается дальнейшее развитие конструктивных взаимоотношений органов государственного управления с религиозными организациями при строгом соблюдении Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», других нормативно-правовых документов.

Президент нашей страны неоднократно подчеркивал, что в Беларуси создаются все необходимые условия для деятельности всех зарегистрированных религиозных организаций: «У нас общие цели – духовно-нравственное здоровье нации, общественная стабильность, мир и согласие».

В этом направлении следует отметить работу государства и церкви по выполнению уникального проекта – Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью, которому исполнилось в 2013 году 10 лет с момента его подписания 12 июня 2003 г.

За достаточно короткий отрезок времени заинтересованные министерства и ведомства, местные органы государственного управления, а также Белорусская православная церковь в рамках двусторонних программ согласно названному Соглашению много сделали в сферах сохранения и развития историко-культурного наследия, науки, культуры и туризма, СМИ, социальной защиты, благотворительной деятельности, содействия укреплению семьи, духовного и физического здоровья нации, охраны материнства и детства, в других областях и, конечно же, в области образования.

Особо хочу подчеркнуть, что именно Министерство образования и Национальная академия наук Беларуси всесторонне изучают современные процессы в образовании и науке, четко и активно реализуют свои соглашения с Белорусским Экзархатом.

Поскольку одним из инициаторов и организаторов данной конференции является Консультативный межконфессиональный совет при Уполномоченном по делам религий и национальностей, большинство его представителей также участвует в ее работе. Это хороший пример развития в Республике Беларусь государственно-церковного и межконфессионального диалога, пример нашего духовного и национально-культурного возрождения, пример укрепления и расширения связей между людьми и народами, представляющими различные вероисповедания.

Надеюсь, что работа конференции позволит углубить обмен духовными ценностями, историческим опытом сосуществования базисных культур разных народов. Конечно, это сложная задача. Ее решение требует твердых правил: уважения к традициям любой нации, в том числе и опыту религиозному; признания различий в убеждениях; равенства позиций в процессе диалога.

Истинное образование опирается на глубинные духовные традиции, на природные основы национальных культур. Умственная зрелость восходит к историческому миросозерцанию и дается обучаемому через овладение созидательным опытом культуры своего народа. А культурная традиция – путь естественного наследования научного и духовного опыта. Она лежит в основе знаний, образования и всей духовной жизни общества. Через нее осуществляется связь времен и придается человеческому бытию высокое назначение и нравственный смысл.

Пользуясь случаем, особую благодарность хочу высказать организаторам международной научной конференции и в первую очередь Национальной академии наук Беларуси, а всем ее участникам пожелать успешной и плодотворной работы.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: СМЫСЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

**Выступление Митрополита Минского и Слуцкого Павла,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси**

Досточтимые организаторы и участники форума!

В первую очередь позвольте мне выразить сотрудникам Национальной академии наук Беларуси благодарность за приглашение принять участие в настоящей конференции. Тема нашей встречи задает рамки проблематики, важной для всего белорусского общества, независимо от его религиозной и конфессиональной принадлежности.

За тот небольшой срок, который я несу послушание предстоятеля Белорусской Православной Церкви, мне удалось убедиться в существовании уже сформировавшейся традиции отношений между Церковью и государством в сфере образования. Это и республиканские Программы сотрудничества Церкви с

Министерством образования, и конкретные разновозрастные программы духовно-нравственного воспитания, различные совместные конференции, а также площадки, на которых апробируются различные аспекты наших партнерских отношений. Среди таких площадок можно особо упомянуть Институт теологии Белорусского государственного университета, который готовит теологов и религиоведов, то есть фактически создает пространство встречи светской и религиозной мысли для наших соотечественников.

Каков же смысл нашего сотрудничества? Каковы цели, перспективы, а также проблемы, требующие нашего внимания?

Всякое размышление требует терминологической определенности. По крайней мере, к ней нужно стремиться, понимая, что жизнь, безусловно, богаче того, что можно определить в терминах.

Именно это богатство жизни мы видим тогда, когда обращаемся к словам, составляющим тему нашей встречи. «Религия», «образование», «светскость». Каждое из этих понятий имеет свою историю, а вместе с тем и огромные смысловые контексты, задающие конфигурацию общественных отношений, ту или иную культуру.

Наше время определяется тем, что мы продолжаем формировать культуру, сохраняя и реконструируя то лучшее, что нам досталось из предыдущих эпох. Общество находится в поиске, и мы должны предлагать ясные проекты для будущего.

У нас нет никакой возможности вдаваться в тонкости становления понятия «светскости». Наверное, достаточно будет, если мы вспомним то, как принцип светскости закрепляется в нашем белорусском законодательстве. Речь идет о следующих нормативных документах: Конституция Республики Беларусь, закон «О свободе совести и религиозных организациях», Кодекс об образовании.

Позволю себе процитировать ст. 4 Конституции: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». Здесь, думается, отражено то существенное, что вкладывается в принцип светскости в различных государствах при всем многообразии смысловых оттенков обсуждаемого понятия, а именно: отсутствие единой обязательной идеологии для граждан.

Однако очевидно, что всякий общественный институт, претендующий на полноценное участие в гражданской жизни, имеет некую систему оценок, которую и предлагает в качестве желательной для общества в целом. Задача государства при этом заключается в том, чтобы создать условия возможности выбора, а также предохранить граждан от воздействия деструктивных идеологий (ст. 5, 16 Конституции).

Здесь мне бы хотелось сделать несколько замечаний принципиального характера.

Первое касается возможности отождествления понятий светскости и нейтралитета. Иногда в практике общественных отношений мы встречаемся с нежеланием должностных лиц разрешить ту или иную гражданскую инициативу под предлогом нарушения некоего идеологического баланса. «А вдруг обидятся католики? А у нас еще есть и баптисты», – говорят в таких случаях. И оказывается, что должностное лицо помогает не тому, чтобы граждане различных конфессий могли реализовать свои права, а делает все, чтобы не допустить никого к

осуществлению законных прав. При этом декларируемый нейтралитет является на деле вакуумом, который обязательно заполнится, ведь, как говорится, «свято место пусто не бывает». И когда наши дети в поиске развлечений начинают пробовать наркотики, то реабилитация оказывается гораздо более трудоемкой, чем профилактика.

Второе замечание вытекает из первого и касается необходимости включения в объем понятия светскости того, что мы все подразумеваем под ответственностью. В ст. 15 Конституции Республики Беларусь говорится: «Государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь». Ответственность не может быть безличной. А это означает, что мы должны ориентироваться на воспитание личностей. И бережно охранять личное начало от всего, что его разрушает. Это возможно только тогда, когда сами чиновники будут осознавать себя ответственными личностями, когда закон будет восприниматься не как средство запрета, а как регулятор гражданских инициатив.

Не могу не привести несколько примеров того, как светскость, теряя связь с ответственностью, оборачивается против здоровья самого общества. Речь идет о так называемом гендерном равенстве. Само по себе совершенно справедливое утверждение о равноправии женщин и мужчин в последнее время приводит к дискриминации тех граждан, которые не согласны с навязыванием гомосексуальной идеологии. Во Франции несогласие распространялось не только на законность регистрации однополых браков, но еще более на возможность этих людей усыновлять детей. Но голоса несогласных не были услышаны. В Германии правительство земли Баден-Вюртемберг разработало план реформы школьного образования на 2015–2016 годы. В целом, в плане реформ, состоящим из 32 страниц, слово «сексуальный» встречается 20 раз [1]. В соответствии с требованиями данной реформы, тема гомосексуализма и «многообразия форм сексуальной жизни» должна быть не просто темой какого-то отдельного урока, а пронизывать насквозь всю школьную программу, начиная с начальной школы, и входить в состав таких предметов как история, немецкий язык, иностранный язык, биология, физкультура, музыка, этика, обществоведение, основы христианства и природоведение.

Протесты немцев, также как и французов, не были услышаны. В результате, как мне недавно довелось узнать, люди оказываются перед выбором – покинуть Родину, либо участвовать в нравственном убийстве собственных детей, и некоторые действительно стремятся покинуть страну для духовного самосохранения.

Простите мне эти вопиющие примеры. Они иллюстрируют два тезиса: во-первых, обеспечение равноправия, без понимания того, ради чего оно реализуется, является опасным для жизни общества. Во-вторых, мы видим, что система образования является ключевым пространством, в котором происходит формирование системы оценок.

Завершая свое краткое выступление, хочу выразить свое мнение о роли религии в системе образования. Начну с цитаты из хорошо известного документа: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В нем говорится: «Не настаивая на том, чтобы церковная система оценок была единственно

принятой в светском обществе и государстве, Церковь, однако, убеждена в конечной истинности и спасительности пути, открытого ей в Евангелии» (XIV.2).

Убеждение в спасительности Евангельского пути побуждает нас свидетельствовать об идеалах христианской жизни. Речь не идет о создании некоей «христианской математики» или «православной физики». Мы верим, что преподавание естественнонаучных дисциплин, свободное от предвзятого отношения к религии, способно навести человека на вопрос о бытии Бога. И делом его свободного выбора будет сказать Богу «да» или «нет».

Главная задача присутствия религии в системе образования заключается в том, чтобы сохранить возможность выбора и дать силы идти по избранному пути. Слово «образование» мы, христиане, возводим к слову «образ». Поэтому смысл образования заключается в реконструкции образа Божия в человеке, что достигается в первую очередь созданием определенного педагогического пространства, где ребенок может развивать свои творческие способности. Не столько знание, сколько воспитание, преодоление греха – вот наша цель в образовательном и воспитательном процессе. Христос Спаситель призывал своих последователей познать истину и «...истина сделает вас свободными, – говорил Он. А «...всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 32, 34).

Нам нужно вместе думать о том, как совершенствовать систему образования. Много уже сделано. Главное, повторяю, – это суметь ответственно подойти к задаче формирования личности, что требует повышенной ответственности каждого участника педагогического процесса.

Нельзя перекладывать все тяготы воспитания будущих поколений на детские сады и школы. Семья остается основой нашего общества. Существуют центры досуга, спортивные секции. Наконец существуют воскресные школы, духовные училища, семинарии и академии. Наша обязанность перед будущими поколениями — быть солидарными партнерами, а не жить в предрассудках друг о друге, разрушая хрупкую гармонию души, которая как чудо расцветает только там, где есть доверие, мир и любовь.

Литература и источники

1. План реформы школьного образования на 2015–2016 год земли Баден-Вюртемберг (Германия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kultusportal-bw.de/site/pbs-bw/get/documents/KULTUS_Dachmandant/KULTUS_kultusportal-bw/Bildungsplanreform/Arbeitspapier_Leitprinzipien.pdf. – Дата доступа: 01.06.2014.

РОЛЯ РЭЛІГІЎ ПРАЦЭСЕ АДУКАЦЫІ Выступленне Арцыбіскупа Тадэвуша Кандрусевіча, Мітрапаліта Мінска-Магілёўскага

Глыбокапаважаны прэзідыум, удзельнікі канферэнцыі!

1. Найперш хацеў бы падзякаваць за запрашэнне прадстаўнікоў Каталіцкага Касцёла прыняць удзел у распачынаючайся канферэнцыі на тэму адносін рэлігіі і адукацыі ў свецкіх грамадствах.

Тэма вельмі важная і актуальная. У часы ганенняў на Касцёл цяжка было гаварыць аб сістэматычнай катэхізацыі і евангелізацыі, бо не было дастатковай

колькасці дзеючых касцёлаў і святароў, не было рэлігійнай літаратуры, а дзецям забаранялася хадзіць да касцёла. Катэхізацыяй у тыя цяжкія часы займаліся бацькі і дзяды. Яны вучылі маладое пакаленне так, як умелі і як маглі. Найбольш важным у гэтым працэсе было іх сведчанне малітвы і маральнага жыцця, за што мы ім вельмі ўдзячны.

Дзякуй Богу, тыя часы мінулі, і сёння можна вучыць рэлігіі ў нядзельных школах пры касцёлах. Друкуецца многа рэлігійнай і катэхетычнай літаратуры, таксама рыхтуюцца свецкія катэхеты, што з'яўляецца вялікай дапамогай у працэсе катэхізацыі. Аднак у сувязі з лаіцызацыяй і секулярызацыяй грамадства, што адбываецца зараз, праблема рэлігійнай адукацыі застаецца. Падобнае бачна і ў іншых краінах. Гэта адзнака нашага часу, і яна з'яўляецца выклікам для Касцёла, на які неабходна шукаць адказ.

2. Іншай адзнакай часу і адначасова выклікам з'яўляецца праблема, як пагадзіць паміж сабой адукацыю і рэлігію ў свецкім грамадстве. Дзякуй Богу, што ўжо мінулі часы, калі рэлігію называлі опіумам для людзей і сцвярджалі, што рэлігія і навука не сумяшчальныя, пярэчаць адна адной. Сучасны чалавек, найчасцей сваю надзею пакладае ў дасягненнях навукі і тэхналогій. Аднак у той самы час, ён бачыць, што навука і тэхналогіі не могуць вырашыць усіх праблем, асабліва звязаных з самім чалавекам, яго самапаразуменнем, сэнсам жыцця, момантамі цяжкіх, смерці, страты надзеі і г. д. Тым ці іншым чынам чалавек пачынае шукаць чагосці звышпрыроднага. Адказ на такія і падобныя пытанні можа даць толькі рэлігія. Чалавек па сваёй прыродзе рэлігійны, і таму рэлігійны кампанент павінен прысутнічаць у фармацыі чалавека, бо яго адсутнасць вядзе да духоўнай і маральнай дэградацыі.

У сусветнай практыцы існуе многа спосабаў рэлігійнай адукацыі. У некаторых краінах існуюць канфесійныя школы, якія арганізуе Касцёл. У іншых – у свецкіх школах праводзяцца ўрокі рэлігіі, якія найчасцей маюць рэлігіязнаўчы характар. У гэтым выпадку падрыхтоўка да сакрамантаў праводзіцца ў парафіях. Існуе і прынятая ў Беларусі мадэль, калі рэлігійная адукацыя і падрыхтоўка да сакрамантаў адбываецца пры касцёлах ва ўзгаданых вышэй так званых нядзельных школах.

Важна даць магчымасць дзецям і моладзі атрымаць рэлігійную адукацыю, каб маладое пакаленне магло развівацца гарманічна.

3. Творца чалавека – Бог – паклаў у яго душу маральны закон. Аднак здэфармаваная першародным грахам чалавечая прырода схільна да граху. Таму яму патрэбна адпаведная рэлігійная фармацыя, нейкі механізм, каб супрацьстаяць злу. Такім механізмам з'яўляецца маральнасць і культура. І калі гэты механізм недастаткова развіты, чалавек чыніць зло. Аб гэтым можа сведчыць, напрыклад, экалагічны крызіс, бо калі чалавек дзейнічае паводле драпежных прынцыпаў, то пасля сябе пакідае знішчэнне і запустенне. Інфармацыйная рэвалюцыя, што адбываецца ў нашы дні, вядзе да падзення добрых звычаяў і занечышчэння культурнай прасторы, культурна-антрапалагічнага крызісу.

Культура і чалавечы розум – гэта магутныя абаронныя механізмы, аднак і яны патрабуюць падтрымкі і стымуляцыі, перадусім праз адпаведным чынам арганізаваную сістэму адукацыі. Ад гэтага будзе залежаць не толькі прафесійная падрыхтоўка маладога чалавека, але таксама і яго маральна-псіхалагічная і духоўная культура. Адсюль выводзіцца пастулат, што сістэма адукацыі павінна

прадугледжваць узбагачэнне духоўнага жыцця навучэнцаў.

Дэкларацыя пра хрысціянскае выхаванне II Ватыканскага Сабору вучыць, што «дзеці і маладыя людзі маюць права на тое, каб іх падтрымлівалі ў правільнай ацэнцы маральных каштоўнасцяў і заахвочвалі да іх прыняцця, а таксама да таго, каб лепш пазнаваць і любіць Бога. Таму Сабор настойліва просіць усіх, хто кіруе народамі або выхаваннем, клапаціцца, каб моладзь ніколі не была пазбаўлена гэтага святога права. Ён заклікае дзяцей Касцёла аддана працаваць ва ўсіх сферах выхавання, асабліва для таго, каб належныя даброты выхавання і адукацыі маглі хутчэй дасягнуць усіх людзей ва ўсім свеце» [1, с. 1].

Сярод тых, хто адказны за выхаванне моладзі, а гэта сям'я, грамадства, школа, медыя і г. д., асаблівае месца належыць рэлігійным арганізацыям. Узгаданы вышэй Сабор кажа, што «ўрэшце, абавязак навучання асаблівым чынам належыць Касцёлу. І не толькі таму, што яго, як і чалавечую супольнасць, трэба лічыць здольным даць выхаванне, але найперш таму, што ён павінен паказваць шлях збаўлення ўсім людзям, перадаваць вернікам Хрыстовае жыццё і стала дапамагаць ім у дасягненні паўнаты гэтага жыцця. Касцёл абавязаны даць сваім дзецям такое выхаванне, дзякуючы якому ўсё іх жыццё змагло б напоўніцца Хрыстовым духам. У той жа час ён дапамагае ўсім народам дасягнуць поўнай дасканаласці чалавечай асобы дзеля добра самага зямнога грамадства і для будавання больш гуманнага свету» [1, с. 3].

4. Адным са спосабаў духоўнага ўзбагачэння моладзі з'яўляецца ўключэнне рэлігійнага выхавання ў свецкую школу. Менавіта школа, згодна са сваёй місіяй, развівае інтэлектуальныя магчымасці навучэнцаў, выпрацоўвае здольнасць да правільнага меркавання, знаёміць з культурнай спадчынай папярэдніх пакаленняў, выходзіць пачуццё каштоўнасцяў, рыхтуе да прафесійнага жыцця, стварае сярод выхаванцаў, якія маюць розны характар і паходжанне, сяброўскія адносіны і падтрымлівае дух узаемаразумення. Акрамя таго, яна з'яўляецца своеасаблівым цэнтрам, у дзейнасці і развіцці якога павінны браць удзел сем'і, настаўнікі, розныя аб'яднанні, якія развіваюць культурнае, грамадзянскае, рэлігійнае і грамадскае жыццё, а таксама ўся чалавечая супольнасць [1, с. 5].

Менавіта таму «Касцёл, усведамляючы свой вельмі важны абавязак старанна клапаціцца пра маральнае і рэлігійнае выхаванне ўсіх сваіх дзяцей, з асаблівай любоўю і дапамогай павінен спадарожнічаць тым шматлікім дзецям, якія атрымліваюць адукацыю ў некаталіцкіх школах» [1, с. 7].

Падобным ёсць і вучэнне Праваслаўнай Царквы. Так у Асновах сацыяльнай канцэпцыі Расійскай Праваслаўнай Царквы запісана, што «з праваслаўнага пункту гледжання пажадана, каб уся сістэма адукацыі была збудавана на хрысціянскіх каштоўнасцях. Тым не менш Царква, зыходзячы са шматвяковай традыцыі, шануе свецкую школу і гатова будаваць свае ўзаемаадносіны з ёй зыходзячы з прынцыпаў чалавечай свабоды. Царква лічыць карысным і неабходным правядзенне урокаў хрысціянскага веравучэння ў свецкіх школах па жаданні дзяцей або іх бацькоў, а таксама ў вышэйшых навучальных установах» [2, с. 3].

З сказанага вынікае, што адукацыя павінна служыць як інтэлектуальнай і прафесійнай, гэтак і маральнай фармацыі з мэтай умацавання этычных нормаў падростаючага пакалення і ўгрунтавання духоўных і культурных каштоўнасцяў. Для гэтага асабліва ўвага павінна быць нададзена духоўнай этыцы і фарміраванню згодна з ёй адпаведнага светапогляду.

У эпоху разнастайных крызісаў і працэсаў глабалізацыі тэалагічна-рэлігійныя веды з'яўляюцца эфектыўным інструментам удасканалення ўсяго грамадства. Узбагачэнне адукацыйнай сістэмы рэлігійным навучаннем дасць навучэнцам новы інтэлектуальна-духоўны багаж, дзякуючы якому яны будуць у далейшым фарміраваць сваё меркаванне на тэму рэлігіі і маральнасці.

5. Кажучы пра ролю рэлігіі і адукацыі ў свецкім грамадстве, неабходна звярнуць увагу на тое, што ў сучасным свеце адчуваецца вялікая актыўнасць нетрадыцыйных і нават дэструктыўных рэлігійных рухаў, якія ў першую чаргу імкнуцца ўплываць на моладзь.

Гаворачы аб прычынах іх растучай папулярнасці, неабходна прызнаць, што гэта як віна традыцыйных веравызнанняў і іх недастатковай актыўнасці, так і тое, што сучасны чалавек у пошуках сваёй тоеснасці, сэнсу і мэты існавання прагне перамены свайго статусу. У новых рэлігійных рухах маладых людзей вабіць заклік да самарэалізацыі, збаўлення сваёй душы тут і цяпер, а не ў будучым жыцці. У сваім арсенале новыя рэлігійныя рухі маюць цэлую сістэму псіхалагічных метадаў, дзякуючы якім прыцягваюць новых членаў.

Таму ўвядзенне рэлігіі ў сістэму адукацыі спрыяла б адпаведнай падрыхтоўцы маладога пакалення, каб яно магло спакойна і без духоўных траўм знаходзіцца ў асяроддзі розных ідэй і рэлігійных рухаў.

6. З вышэй сказанага можна зрабіць выснову, што для духоўнага рэнесанса сучаснага свету важна звярнуць большую ўвагу на гуманістычнае выхаванне і ролю ў ім рэлігіі, філасофіі, тэалогіі і антрапалогіі, каб падрыхтаваць людзей, здольных задаваць пытанні аб сэнсе існавання і адначасова шукаць на іх адказ. Такое настаўленне цікавіць моладзь і натхняе яе шукаць духоўнай фармацыі.

У кантэксце насычэння адукацыі гуманістычным зместам узрастае роля духоўнага фактара ў асобе настаўніка. Таму, кажучы аб ролі рэлігіі ў працэсе адукацыі, вельмі важнай з'яўляецца і адпаведная духоўная падрыхтоўка настаўнікаў.

З пункту погляду вырашэння звязаных з духоўнасцю сучаснага чалавека праблем, важным з'яўляецца не толькі ўзровень адукацыі і культуры, але таксама іх напрамак, менавіта ў ім прысутнічае духоўны элемент. Усё гэта мае прынцыповае значэнне для пераадолення супярэчнасцяў, якія выступаюць у працэсах глабалізацыі на ўзроўні духоўнага жыцця сучаснага чалавека.

Лацінскае выслоў'е кажа: «*Sit finis libri, sed non finis querendi*» – «Няхай будзе канец кнігі, але не даследаванняў».

Упэўнены, што канферэнцыя па вельмі актуальнай тэме «Рэлігія і адукацыя ў свецкіх грамадствах: вопыт, праблемы, перспектывы» стане яшчэ адным даследчым крокам у напрамку павышэння прысутнасці рэлігійнага кампанента ў свецкай сістэме адукацыі. Заўтра гэты форум завяршыцца. Аднак спадзяюся, што з яго завяршэннем не завяршацца даследаванні ў гэтай галіне з мэтай удасканалення сістэмы адукацыі.

Літаратура і крыніцы

1. Дэкларацыя пра хрысціянскае выхаванне «Gravissimum educationis» // Дакументы Другога Ватыканскага Сабору. – Мінск, 2008.
2. Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви // Общественные общероссийские чтения Основ социальной концепции Русской Православной Церкви. Информационный бюллетень – № 1. – М., 2001.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ: СИНЕРГИЯ СВЕТСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ НАЧАЛ

---

*Истины разума и мудрость религиозной веры
в контексте развития интеллектуальной культуры социума*

НАУКА И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Лазаревич

Для современного общества в условиях глобализации и ускоряющихся темпов социально-культурной динамики как никогда актуальной является проблематика синтеза научной рациональности и духовно-нравственных ценностей, гармонизации отношений и плодотворного сотрудничества государства, науки, образовательно-воспитательной системы и Церкви.

В основе стратегии гармонизации лежит характерное для постнеклассической науки представление о сочетании разума, веры и нравственного чувства человека в цивилизационном процессе. Более того, для современного социума, который характеризуется как общество, основанное на знаниях, приоритетной является идея о взаимной «выводимости» знаний и ценностей. Так, к примеру, как пишет современный российский исследователь О.Б. Соловьёв, «в современную модель экономического управления, наряду с такими факторами производства как земля, труд и капитал должны быть включены институциональные формы получения и организации знания... Выявление технологического паритета с другими странами, областей отставания от мирового уровня, глубоких разрывов между фундаментальными исследованиями и внедренными в хозяйственную практику технологиями требует включения науки... в выработку и в некоторых – наиболее важных, судьбоносных для социально-экономического развития страны – случаях принятие властных решений. Создание единой системы государственного прогнозирования, с помощью которой субъект власти на научной основе определял бы приоритеты стратегического развития страны, концентрируя усилия на базовых направлениях, необходимо в такой же степени как единые инновационные цепочки, где уже есть все звенья – от идей до их коммерциализации» [1, с. 24].

Необходимо отметить, что в истории философской мысли была представлена и альтернативная точка зрения, согласно которой научно-рационалистический дискурс постоянно выступает в роли «служанки ценностей», изобретая обоснования тому, что изначально постулировано (нередко волевым

решением) в качестве социально-культурных, в том числе моральных норм. Вспомним известное изречение Ницше: «Нравственные (или безнравственные) цели составляют в каждой философии подлинное жизненное зерно, из которого каждый раз вырастает целое растение. В самом деле, мы поступим хорошо (и умно), если для выяснения того, как собственно возникли самые отдаленные метафизические утверждения данного философа, зададимся сперва вопросом: какая мораль имеется в виду (имеется *им* в виду)?» [2, с. 244]. Среди тех, кто скептически относился к стремлениям философов выводить нормативные утверждения из знания о мире, выделяется фигура виднейшего представителя аналитической школы Б. Рассела. Он полагал, что «философия в течение всей своей истории состояла из двух частей, не гармонизировавших между собой. С одной стороны – теория о природе мира, с другой стороны – этические и политические учения о том, как лучше жить. Неспособность достаточно четко разделять эти две стороны была источником большой путаницы в мыслях. Философы, от Платона и до У. Джемса, допускали, чтобы на их мнения о строении Вселенной влияло желание поучать: зная (как они полагали), какие убеждения сделают людей добродетельными, они изобретали аргументы, часто очень софистические, чтобы доказать истинность этих убеждений» [3, с. 348–349].

Наряду с высказанной выше позицией Ф. Ницше и Б. Рассела можно привести ряд примеров из истории религиозной, философской, политической мысли, когда рационально-эпистемологическая аргументация использовалась в обоснование идеалов, религиозных или этических норм, принятых в культуре изначально. Абсолютизация данной точки зрения, естественно, принижает роль и значение научного знания как самостоятельной нормативно-культурной ценности. Более того, на такой основе легко создаются угрозы для развития самой науки. «Наука находится в большей опасности, чем большинство из нас себе представляет. Этот кризис выходит за рамки сиюминутных проблем, как, например, уменьшение финансирования фундаментальных исследований. Наука развивается в культуре, которую она обслуживает, а эта культура становится все более враждебной, о чем свидетельствуют атаки креационистов на теорию эволюции и движение в пользу так называемой теории разумного замысла... Престиж науки подрывается также и коррупцией в рядах ученых, связанных с фармацевтическими и другими компаниями; изображениями в средствах массовой информации ученых как исчадий зла; страхом перед прорывами в биологии, которые угрожают пересмотром самого понятия "человечество". Сама научная методология подвергается нападкам со стороны "менеджеров правды", которые при принятии решений отталкиваются от иных критериев – от мистического озарения до политического или религиозного авторитета. Борьба вокруг вопроса об истине является частью процесса изменения нашего отношения к такой глубинной основе, как знание» [4, с. 546–547].

Осмысление природы и сущности рационального распределяется в основном по двум направлениям. Одно из них связано с оценкой эффективности человеческих действий и характеризует в качестве рациональных те из них, которые позволяют достигать желаемых целей и результатов с наименьшими затратами времени и усилий. Другое направление в понимании рационального связано с учетом определенных правил, обеспечивающих последовательность, логику человеческих рассуждений и апеллирующих к принципам

функционирования самого человеческого интеллекта.

Подход к пониманию рационального, основанный на идее полезности и целесообразности, восходит к античной идее «техне» — искусственному преобразованию (воспроизводству, моделированию) действительности, а его синтез с идеей монотеизма лег в основу европейской рациональности. Эта традиция явилась определяющей в научно-техническом прогрессе, в развитии теории культуры и социально-экономических процессов, в современном организационном знании и деловой практике.

Вместе с тем, осмысление собственных действий в окружающем мире заставляет людей все больше внимания уделять характеру организации своих знаний об этом мире, поскольку они лежат в основе формирования и реализации различных программ жизнедеятельности человека и общества. Данное обстоятельство обуславливает усиление роли познания как необходимого условия в формировании рационализированных норм социальной жизни.

Стремительный рост научного знания, способы его систематизации и развития на основе внутренней логической непротиворечивости сформировали и соответствующую метанаучную методологию, которая обусловила допустимость фактически неограниченной самостоятельности теоретических концепций. В логике развития знания и его структуре оказались возможными гипотетические допущения, в том числе и такие, которые фактически не могут быть верифицируемы практическим опытом и соответственно не контролируются нормами социальной приемлемости.

Данная тенденция особенно сильно проявляется в связи с проникновением науки во все более глубинные структуры как микро- и мегамира. Привычная методология субъект-объектных отношений, с позиций которой в качестве объекта познания выступают реально фиксируемые элементы природы, постепенно трансформируется, дополняясь новым характером связей — субъект-знаниевыми отношениями, где различные формы теоретических знаний заменяют сам объект. Сложность формирующихся таким путем теоретических моделей требует соответственно и сложной экспериментальной проверки. Моделирование эксперимента с использованием элементов упрощений и допущений не может гарантировать объективную истинность научного знания и, значит, его социальный успех. К тому же, это не только не приближает к познанию реального мира, но и способно выступить фундаментом мира искусственного, синтетического. Во многом этот искусственный мир и является сегодня камнем преткновения в разгадке противоречий, которые все больше и больше накапливаются в отношениях естественной и сотворенной человеческим разумом так называемой «второй» природы.

Издержки научно-рационализированной модели мира осознаются давно. Сегодня уже достаточно ясно, что сущность и содержание рационального не могут связываться исключительно с областью научного познания, а их анализ предполагает выход в более широкий социокультурный контекст. Человек не только познает мир, но и преобразует его, переживает свое бытие в нем, соприкасаясь с самыми разными нормами жизни, не всегда поддающимися возможностям научного объяснения. На основе подобного ощущения неполноты мировосприятия и возникают различные направления иррациональной философии, как, собственно, и критические оценки науки в сфере ее непосредственных

представителей. Показательно в этом смысле утверждение известного американского математика М. Клайна о том, что развитие математики всегда носило в основном алогичный характер. В этом ряду констатаций можно отметить и критические замечания в адрес науки и научной рациональности со стороны многих философов и методологов науки, особенно постпозитивистского направления.

Тем не менее, абсолютизация идеи расхождения научной рациональности с более широкими ее трактовками методологически ошибочна. Наука – это продукт человеческой культуры, запрос людей на обеспечение разумной организации своей жизни. От других форм интеллектуально-духовной практики науку отличает доказательность, объективная аргументация, выявление закономерных связей, непротиворечивость. Сознание человека в современном мире, выступающего как творчески активная, социально и морально ответственная личность, включенная в сложную систему связей и отношений, не может не основываться на этих принципах.

Одна из главных особенностей развития современного общества заключается в том, что научно-рациональный фактор социальных преобразований является доминирующим и существенно определяет реализацию других условий социокультурной динамики. Очевидно, что системообразующая роль научной рациональности сохранится и в будущем. Не случайно основополагающей компонентой в теоретических реконструкциях постиндустриального общества выступают представления об особом статусе информации и знаний, роли и месте науки в развитии социума вообще.

Роль научной рациональности в системе человеческого мироощущения и мироотношения как нельзя лучше продемонстрирована в теории «трех миров» К. Поппера. Согласно его учению, состояния «второго мира» – ментального мира верований, установок и предрасположенности, любви и ненависти, удовольствий и боли – функционируют как системы контроля тела, а продукты «третьего мира», в особенности наши научные теории, – как системы контроля разума. Современный кризис в ценностных основаниях научно-рациональной методологии выглядит как рассогласованность в отношении описанных К. Поппером «миров». Похоже, что эпистемологическая составляющая «контроля разума» нуждается все же в дополнении со стороны более широкой системы духовно-культурных ценностей общества и индивидуального мира человека. Современные тенденции гуманизации и гуманитаризации социальной активности направлены на достижение этой цели. Не случайно в поле зрения общественного мнения попадают вопросы этики науки, персональной ответственности ученого за разумное продуцирование новых знаний и возможность их безопасного функционирования в обществе. Современная научная деятельность перестает быть автономным процессом производства знаний, развивающимся на эндогенных основаниях. Напротив, она предстает в форме такой человеческой активности, в пределах которой оценивается рациональность не только действий, но и целей.

В силу этого интеллектуальное развитие общества в целом должно быть рассмотрено не только по параметрам накопленных знаний и созданных технологий, но и через призму научно-методологической и нравственной рефлексии, субъективной эксплицированности человеческой жизни, воплощения важнейших социально-культурных ценностей. В известной мере рациональность

гносеологически и культурологически обусловлена индивидуальными качествами человека.

Объективности ради, следует отметить, что повинна в этом не только рациональность как таковая, ее сущностные проявления. Современное общество отличается заметной неустойчивостью и быстротечностью событий, интенсивным характером перемен, возникновением новых типов социальной реальности, связей и отношений. Интенсивность социальных изменений основывается в том числе и на разрыве закономерной взаимообусловленности событий, что характерно для ситуаций искусственного комбинирования нового вне его «произрастания» из прошлого и вне оценки возможностей развертывания в будущем. Человек находится под ударом обрушивающейся на него новой и новой информации, с трудом используя лишь маленькую ее часть и в этом смысле проявляя индифферентные связи с окружающей (опережающей) его действительностью. В этих условиях он зачастую оказывается не способен сегодня в полной мере усвоить наследие прошлого, имея в виду накопленную человечеством сумму знаний, исторические традиции, культурные нормы, нравственно-этические ценности.

Все это выступает дополнительным свидетельством кризисности современной культурной ситуации. В первую очередь, кризис затрагивает самого человека, его духовно-культурные, интеллектуально-мировоззренческие, рационально-смысловые основы. На современную интеллектуальную культуру влияют не только противоречия в самих основаниях знания, их обезличивание и социализация в рамках абстрактно рациональных форм, но и процессы универсализации и глобализации социума, которые имеют серьезное значение в реальной практике взаимоотношений людей, социальных общностей, наций и государств. Сегодня мы сталкиваемся с феноменом «выхода» интеллекта за пределы национально-культурной детерминации и влияния, что не может не воздействовать на традиционные схемы взаимосвязи науки и общества, не может не привлекать внимание специалистов к разработке перспективных моделей интеллектуально-духовного развития нации.

В этих условиях особенно актуализируются задачи взаимодействия науки и иных традиционных форм духовной практики в деле обеспечения устойчивого социального развития, совершенствования образовательной работы, гражданско-патриотического воспитания. Залогом системности этой работы является развитие научных исследований в сфере духовной жизни общества, историко-философской проблематики, сравнительной культурологии, религиоведения.

Так, на базе Института философии НАН Беларуси не первый год ведется масштабная научно-организационная работа по координации философско-религиоведческих исследований на постсоветском пространстве, по обмену опытом в сфере решения этноконфессиональных противоречий и проблем. В 2011 году именно в Минске была принята декларация о создании Евразийской континентальной ассоциации исследовательских центров в области религиоведения, учреждена белорусская Национальная ассоциация религиоведческих центров. За последние несколько лет сотрудниками Института философии был организован целый ряд научных конференций, семинаров, круглых столов («Христианство в исторической судьбе белорусского народа» на базе Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, 2009 г.;

«Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей» на базе Минских духовных школ в Жировичах, 2010 г.; «Христианские ценности как фактор духовно-нравственного развития современного человека», 2011 г. и др.). В республике и за рубежом увидели свет крупные монографические издания, такие как «Религиоведение в Беларуси» [5], «На пограничье: исследования по философии религии» [6] и ряд других.

Задача строительства сильного государства и устойчиво развивающегося, инновационно ориентированного общества должна решаться в опоре на веками проверенный комплекс ценностей, традиций и идеалов. Гармоничное сосуществование и развитие ценностей интеллектуальной и духовной сферы является важнейшим условием активизации человеческого потенциала, формирования инновационной культуры мышления и деятельности, толерантного отношения к другим традициям, культурам и вероисповеданиям.

Литература и источники

1. Соловьёв, О.Б. Институты знания и технологии власти в современной модели экономического управления // Вопросы философии. – 2009. – №8.
2. Ницше, Ф. Соч. в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
3. Рассел, Б. История западной философии: В 2 т. – М., 1993. – Т. 2.
4. Тоффлер, Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М., 2008.
5. Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Беларуси: сборник. Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси (Актуальные проблемы конца XX – начала XXI века) / сост. и общ. ред. Н.А. Кутузовой, А.А. Лазаревича, В.В. Шмидта. – Москва: ИД «МедиаПром», 2011.
6. Na pograniczu. Studia z filozofii religii / Red. naukowa: W. Slomski, I. Micheeva; Bialoruska Academia nauk w Minsku, Vyzsza Szkola Finansow i Zarzadzania w Warszawie. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Mega-Plast, 2011.

СОРАБОТНИЧЕСТВО РЕЛИГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ДУХОВНОМ ВОЗВЫШЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Е. М. Бабосов

Патриарх Московский и Всея Руси, равно как и руководство Белорусской православной церкви, активно осуществляют стратегическую линию на увеличение информационной открытости и углубление взаимодействия с государством, а также с такими важными социальными институтами как наука, образование.

Для такого взаимодействия и расширения параметров открытости в Республике Беларусь за последние годы создана система конституционно-правовых гарантий. Важнейшее значение в данном контексте имеет Закон «О свободе совести и религиозных организаций» (2012), Кодекс «Об образовании» (2013), Закон «О правах ребенка» (1993). Основным лейтмотивом этих законодательных актов является установление, согласно которому «национальная система образования в Республике Беларусь носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии». Однако это

основополагающее утверждение вовсе не исключает возможность взаимодействия и сотрудничества учреждений образования с зарегистрированными религиозными организациями. Вместе с тем подчеркивается необходимость органам управления образования и учебным заведениям учитывать оказываемое религиозными объединениями и организациями «влияние на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Кроме того, обращается внимание на то обстоятельство, что взаимодействие учебных заведений с религиозными организациями должно концентрироваться главным образом «в вопросах воспитательной деятельности» и осуществляться преимущественно «во внеучебное время».

Действуя в пределах конституционно-законодательного пространства, как религиозные организации, в первую очередь наиболее распространенной в Беларуси православной конфессии (по данным общереспубликанского социологического исследования, проведенного в сентябре–октябре 2013 года к православию причислили себя 81,8% от общего массива опрошенных), так и образовательные учреждения призваны осуществлять сотрудничество с учетом того, какие образовательные программы считает приемлемыми современное православие в Беларуси и России.

В организации и осуществлении своих социальных функций Белорусская православная церковь придает очень существенное значение образовательным программам, ориентируя их на одухотворение человека и общества. В этой деятельности она руководствуется основными доктринальными установлениями, прежде всего «Основами социальной доктрины Русской православной церкви», принятыми Архиерейским собором РПЦ в августе 2000 года. В этом документе к числу приоритетных направлений сотрудничества церкви и государства, а также церковных организаций и учреждений образования в современный исторический период отнесены: а) забота о сохранении нравственности в церкви, б) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; в) дела милосердия и благотворительности; г) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия; д) осуществление профилактики правонарушений; е) поддержка института семьи, материнства и детства; ж) деятельность по охране окружающей среды.

Дальнейшую конкретизацию эти доктринальные установления получили на состоявшемся в начале февраля 2013 года в Москве Архиерейском Соборе Русской православной церкви, а также на заседаниях XXI Международных рождественских образовательных чтений «Традиционные ценности и современный мир», прошедших в конце января 2013 года тоже в Москве. В этих чтениях, собравших более 8 тысяч участников, представителей 148 епархий из России, Беларуси, Украины, Казахстана, Латвии, Великобритании, Германии, Франции, Канады и других стран, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем докладе подчеркнул, что «современный мир ощущает потребность восстановить ценностные приоритеты в своей жизни», которые «определяют векторы личностного развития» и от которых «зависит культурный и духовный потенциал целых наций и цивилизаций». На нас, христианам, – продолжал патриарх, – «лежит особая ответственность за сохранение и передачу духовных, нравственных ценностей будущим поколениям, чтобы не разрушилось человеческое общество, чтобы не исчезла гармоническая красота человеческого бытия».

В итоговом документе этой конференции отмечается, что «церковь активно поддерживает такие ценности, как свобода, мир, святость человеческой жизни от зачатия до естественной смерти, крепкая семья, основанная на любви и верности, общественный долг, обязательства человека перед близкими».

Если внимательно проанализировать представленный, достаточно обширный ареал ценностей, проповедуемых христианством в целях духовно-нравственного возвышения человека, то нетрудно заметить, что он в своем содержательном наполнении по многим параметрам конвергирует с аксиологической парадигматикой, развиваемой современной системой образования. Данная парадигматика развивается в шести основных взаимосвязанных аспектах:

1) как процесс формирования у индивидов, включенных в то или иное звено образования (учащиеся, студенты, постдипломное обучение), системы знаний о мире, в котором они живут и действуют, и системы ценностей, сформировавшейся и формируемой в диалоге поколений через различные ступени образования;

2) как процесс цивилизационно-культурных изменений общественного и группового сознания применительно к различным по возрасту и условиям (уровням и формам) обучения контингентам людей, включенных в систему образования;

3) как становление личностного сознания учащегося, что дает возможность анализировать в диахронном и синхронном аспектах взаимодействие внешних и внутренних условий развития сознания и самосознания личности, формирования ее духовно-нравственного мира, ее личностной культуры, ценностных ориентаций и жизненной стратегии;

4) как осуществление социализации личности и группы, социально-структурных изменений и социальной мобильности, в процессе которой осуществляется дифференциация и деконструкция социальных статусов и позиций представителей различных поколений в общем русле социокультурного развития народа и общества;

5) как процесс преломления в содержании и формах образовательно-воспитательного процесса этнонациональных особенностей белорусской культуры в ее органической взаимосвязи с русской культурой и культурами других соседних народов в процессе развертывания и изменения тенденций развития европейской и мировой культуры в начале XXI века и в процессе перехода от индустриальной к постиндустриальной, информационной (ноосферной) цивилизации;

6) как исходный пункт и мощный образовательно-воспитательный плацдарм для построения необходимой в условиях становления информационной цивилизации экономики знаний.

В такой шестикомпонентной парадигме развертывания системы образования расширяются эвристические рамки применения понятий «культура», «просвещение», «образование», «воспитание», а также горизонтальной экспликации составляющих этих понятий по сферам (эстетической, нравственной, педагогической и т. п.) при выяснении их функциональных ролей в решении проблемы совершенствования образовательно-воспитательной системы.

Внедрение этой парадигмы в процесс обучения и воспитания современного юношества позволит решить важнейшую стратегическую задачу, которую выдвигает перед нами третье тысячелетие, – осуществить благотворный для

формирования высокообразованной, духовно богатой и социально активной личности переход от индустриального, техногенного общества потребления к постиндустриальному, информационно-ноосферному обществу, развивающему интеллект и культуру человека и всего народа, возвышающему его в духовно-нравственном смысле.

Социологические исследования, проведенные в 2013 году (опрошено 1589 человек во всех регионах страны), показали, что в наибольшей степени объединяет респондентов с жителями Беларуси религия, вероисповедание (так считают 77,1% опрошенных). Причем 54,1% ощущают свое единство именно с людьми одного с ними вероисповедания. Отвечая на вопрос, какие ценности являются для вас главными в жизни из 18 предложенных вариантов ответа 29% респондентов выбрали веру в Бога, а в возрастной когорте от 50 лет и старше такую позицию занимает 37,5% опрошенных. Причисляют же себя к числу верующих 71,6% респондентов. Правда, следует отметить, что подлинно верующими, т.е. активно участвующими в культовых практиках и регулярно совершающими религиозные обряды, являются только 18,5% от общего количества опрошенных социологами граждан Беларуси. Такая общая панорама состояния религиозности в Беларуси позволяет понять, почему большинство проинтервьюированных преподавателей (72,0%), представителей православной церкви (88,0%) и родителей учащихся (63,8%) положительно относятся к введению в общеобразовательных учреждениях Беларуси факультативного курса «Основы православной культуры. Православные святыни восточных славян». Причем две трети опрошенных педагогов (69,5%) и родителей (64,1%) считают, что данный курс должен быть факультативным, а не обязательным предметом. Несколько иная картина отношения к изучению в общеобразовательных учреждениях курса о религии выявлена среди учащихся. Так, 59,3% опрошенных старшеклассников заявили, что в случае введения такого факультатива они сходят на пару занятий, а потом решат, нужно ли им это, а 32,8% высказались в том смысле, что они лучше займутся чем-нибудь более интересным. И только 7,9% опрошенных из их среды ответили, что будут с интересом посещать все уроки этого факультативного курса.

В настоящее время факультативные курсы «Основы православной культуры», «Духовные основы культуры», «Культура и религия» преподаются в 3 общеобразовательных учреждениях Минска и Минской области (около 5% от общего числа этих учебных заведений).

Рассматривая данную проблему, научно-методический совет при Министерстве образования Беларуси обратил основное внимание при изучении религиозных учебных дисциплин на критерии научности, светскости, соответствия национальным культурным основам образования, а также на необходимость координации предлагаемого учебного материала с содержанием основных курсов соответствующих курсов.

При Белорусском Экзархате, по данным 2012 года, функционирует 654 воскресных религиозных школы, которые посещают наряду с обычными школами учащиеся, у которых, как правило, родители являются верующими. Социологические исследования выявили существенные различия в ценностных ориентациях учащихся общеобразовательных учреждений и православных воскресных школ. Если у первых в иерархии ценностей преобладают интересная работа (35,4%), профессия (27,3%); общественное признание, известность (7,9%);

возможность получать удовольствия (13,3%), то среди учащихся воскресных религиозных школ на первом месте находятся вера (61,9%), помощь людям (50,4%), духовно-нравственные ценности (34,6%). Приведенные данные эмпирических исследований составляют фактологическую основу для сотрудничества социальных институтов образования и религии в вопросах воспитания учащейся молодежи и духовного возвышения человека.

РЕЛИГИЯ, ДУХОВНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ю. Г. Тамбиянц

На современном этапе совершенно определенно можно констатировать возрастание внимания к религии как социальному феномену. Это вполне естественно, ведь неоднократно «хоронивший» религию проект Модерна сам пришел в упадок, погрузившись в глубокий кризис, что признают многие маститые ученые в работах с характерным названием (У. Бек «На пути к другому Модерну», Дж. Грей «Поминки по просвещению», К. Крауч «Постдемократия», В. Пугачев «Управление свободой» и др.). Как пишет британский ученый Джон Шварцмантель, «религия очевидным образом вернулась в жизнь общества, и сложилась ситуация, совершенно противоположная модернистским проектам эпохи Просвещения, которые подразумевали изгнание религии из политической жизни или, по крайней мере, отнесение и «заключение» в рамки личной приватной сферы жизни человека» [5, с. 205]. По мнению этого мыслителя, кризис традиционных идеологий, бывших продуктом Просвещения, приводит к тому, что религиозное сознание вытесняет приверженность, например, социалистической идее и связанную с этим классовую идентичность. По сути дела на этом тезисе построена известная концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, показавшая себя вовсе не бесплодной на практике, если вспомнить линии разлома Югославии и обратить внимание на складывающуюся ситуацию в современной Украине. Несмотря на глобализацию, «происходит интенсивный процесс формирования раскола мира между религиями» [4, с. 143].

Подобное обстоятельство является одним из острых и спорных моментов современного академического дискурса. Так, российские ученые А. Остапенко, Т. Хагуров возлагают надежду на религиозный ренессанс, указывая даже не просто на упадок духовности, морали и т.п., но констатируя антропологический кризис в самой сердцевине воспроизводящих механизмов общества – образовании. Последнее, по их мнению (и многих других ученых), утрачивает воспитательную функцию, превращаясь в типичного поставщика услуг. Все это закономерно вытекает из логики общества потребления и насаждаемой им культуры [2, с. 50].

Но дело в том, что ученые-обществоведы демонстрируют весьма разное отношение к факту возрождения религиозности и усиливающегося в связи с этим влияния церковных институтов и организаций. Не в последнюю очередь здесь играет роль идейная предрасположенность. Например, явный сторонник консерватизма (в обновленном варианте) А. Кольев считает необходимым формирование российской национальной идеи на базе Православных ценностей,

которые за много веков вобрали и переработали архетипы и мифы русского народа [1]. Соответственно, названный исследователь вовсе не против усиления влияния религиозных институтов в политике, культуре, образовании, что вполне согласуется с его некоторыми монархическими симпатиями.

Весьма скептически настроен по данному вопросу Ж. Тощенко. Причем его скептицизм идет «по нарастающей», если судить по работам 2000-х годов. Рассматривая церковь в социологическом ракурсе, этот ученый указывает на ряд моментов, которые стоит критически осмыслить. Но прежде следует напомнить, что определенный религиозный подъем происходит в объективных условиях зрелого индустриального социума, и последний вряд ли бы сложился без «расколдования мира» (М. Вебер). Другими словами, следует учитывать степень рациональности современного сознания.

Во-первых, Ж. Тощенко полагает, что для современных религий жизненно важно найти адекватные формы адаптации к условиям нынешней социальной реальности. И здесь, по его мнению, склонное к консерватизму православие слабо учитывает потребности времени и в этом плане существенно «отстает» от католичества и протестантизма. Последние находят и используют нетрадиционные методы работы с населением, особенно молодежью. Католическое духовенство, заигрывая с населением, применяет светские формы, но с религиозным аспектом. Протестанты и вовсе апеллируют к простоте, естественности и непритязательности, зачастую превращаясь в своеобразное шоу. Это, по мнению Ж. Тощенко, является одной из важных причин того обстоятельства, что православная паства «не испытывает сильной приверженности по отношению к его (православия) догматам» [4, с. 143]. Подобный факт ученый доказывает эмпирически, утверждая, что подлинно верующих, как и принципиальных атеистов относительно немного. Гораздо более тех, кто придерживается промежуточных позиций, колеблющихся между верой и безверием [3, с. 277].

Признавая частичную правоту известного российского социолога, все же следует отметить необходимость и неизбежность консервативности для религии. Как представляется, без определенного соблюдения церковных догматов выхолащивается сама суть религиозной морали, на которую многие исследователи (А. Остапенко, Т. Хагуров, А. Кольев, С. Кара-Мурза и др.) призывают сделать ставку. Однако реанимация христианских основ вряд ли может осуществиться в контексте легализации, например, «однополых браков». Да и состоящие из католиков и протестантов западные общества в принципе переживают похожие проблемы в духовной сфере, если судить по ряду известных работ (К. Крауч, Ж. Бодрийяр, К. Лэш, З. Бауман).

Во-вторых, Ж. Тощенко в целом справедливо указывает на то, что в религии чаще видят «не путь к спасению души, а некую социальную структуру, способную воссоздать и поддержать столь необходимые обществу моральные нормы и духовные ценности» [3, с. 275]. Однако к деятельности религиозных институтов возникают серьезные претензии, которые заставляют многих людей сдерживать свою религиозность. Этот тезис нам представляется более весомым, чем первый. Представляется, что Церковь, как организация, не сумела решить очень важную, возможно даже главную задачу в современных условиях – избежать превращения в субъект рыночных отношений. По сути дела, нынешние религиозные институты выступают в роли поставщика услуг определенного вида.

Ж. Тощенко не без оснований констатирует, что все без исключения религии демонстрировали классовую идеологическую ориентацию, поддерживая стоящие у руля управления государством социальные группы [4, с. 141]. Кроме того, в условиях социально-экономической поляризации российского общества демонстрация религиозной приверженности представителями преуспевающих групп работает на подрыв религиозного авторитета – порождает сомнения «как в истинности религиозных догматов, так и искренности субъектов религиозной пропаганды». И в подобной ситуации, «люди, если не отходят от канонов веры, то нередко начинают искать опору внутри религии, поддерживая различные формы сектантства и инакомыслия». Подрыв внутреннего единства, по мнению названного ученого, есть реальная проблема современных мировых религий [3, с. 277].

К сожалению, на протяжении большей части своей истории Церковь демонстрировала более черты «града человеческого», а не «града Божьего», если воспользоваться терминологией Блаженного Августина. Нынешнее время вовсе не является исключением, хотя, по всей видимости, именно сейчас церковные институты должны являть собой пример истинного служения веры, и по утверждению одного православного служителя (знаюмого автора данной статьи), пройти основательную «морально-нравственную очистку». История знает случаи, когда духовно-религиозное возрождение может состояться благодаря усилиям буквально считанных единиц людей. Так, деятельность Христа, Пророка Мухаммеда и их ближайших соратников бесспорно позитивно повлияла на моральное оздоровление общества Римской империи и арабского мира.

Мы полагаем, что современный религиозный ренессанс целесообразно регулировать в направлении не только религиозной, но и культурно-исторической идентичности, что поможет в решении проблем как социальной морали, так и вопросов политического характера (укрепление национального единства). В этом плане основная роль должна быть отведена именно образовательным институтам, поскольку храм посещают далеко не все, а еще меньше остается послушать проповедь по окончании службы. Идущее на смену поколение следует знакомить с основами православной культуры, историей церкви, жизнью христианских подвижников. И, разумеется, необходимо соответствующее участие государственных структур.

Литература и источники

1. Кольев, А. Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М., 2003.
2. Остапенко, А. А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Монография / А. А. Остапенко, Т. А. Хагуров. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012.
3. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек. – М., 2001.
4. Тощенко, Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? – М., 2007.
5. Шварцмантель, Д. Идеология и политика. – Харьков, 2009.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

О. П. Пунченко

Культурологические основания образовательной парадигмы грядущей информационной цивилизации выдвигают в качестве насущной задачи необходимость расширения мировоззренческого поля образования как фактора раскрепощения духа современного общества и личности. Формирующееся философско-культурологическое мировоззрение предстает сегодня как активно изменяющаяся система духовно-практического освоения мира, которая констатирует смыслообразующие формы духовного бытия человека и общества, связывает воедино материальные и духовные интенции социальной среды, раскрывает содержание взаимосвязи «человек – мир».

В иерархии мировоззренческого поля философско-культурологическое мировоззрение есть один из его видов. Мировоззрение по своему логическому объему шире, чем философия или культурология, представляет собой учение о сохранении базисных оснований культуры мышления.

Если анализировать мировоззрение в единстве всех взаимосвязанных его аспектов, то его глобальной задачей выступает обеспечение человека системой духовных представлений и ценностных ориентаций, а также установок для его целенаправленной жизнедеятельности. Для своего социального бытия человеку недостаточно знать, как он относится непосредственно к соприкасающимся с ним предметами. Важную роль играет потребность в уяснении того, как он будет действовать в новых ситуациях – вероятностных, неоднозначных.

Ценность философско-культурологического мировоззрения заключается, с одной стороны, в том, что его архитекtonика предстает как множество философских, социально-политических, культурологических, педагогических и религиозных идей, а с другой, как методология духовного освобождения личности, то есть раскрепощение его духа.

Включение в архитекtonику философско-культурологического мировоззрения религиозных компонентов, о чем ранее не могло быть и речи, поскольку философское и религиозное мировоззрения трактовались как антиподы, расширяет его мировоззренческое поле. Анализ взаимоотношений философии и религии показывает, что массив накопленной информации о религии огромен, но осваивая основные принципы, положения, понятия и факты этой информации, человек входит в ее мир, находит для себя ориентиры в этом мире, чтобы воспользоваться ими в своей практической жизни, в личностных духовных исканиях. Когда-то Диоген в древности на вопрос «Что дала ему философия?», ответил: «по крайней мере готовность по всякому повороту судьбы». К сожалению, и в наши дни человек, и человечество в целом, постоянно сталкиваются с непредсказуемыми «поворотами судьбы». Поэтому значимость религиоведения, учитывая его мировоззренческий статус, возрастает. Сегодня в условиях резкого нарастания в начале XXI века сложнейших экономических, политических, правовых, экологических, межнациональных, религиозных и иных проблем становится особенно важным человеческое измерение любой социальной деятельности.

Если остановиться на содержании религиозной ниши философско-культурологического мировоззрения, то она предстает, прежде всего, как ареал формирования духовного мира личности, раскрепощения его духа, как способ духовной ориентации человека в мире. Религиозная культура формирует в человеке гуманистические идеи, общечеловеческое начало, которое рассматривается как исторически сложившиеся нормы права, морали, быта, правила мышления, эстетические вкусы, все, что делает человека представителем определенного образа жизни, культуры и психологии. Эти религиозные компоненты исследованного нами мировоззрения выступают в качестве краеугольных. Это, во-первых.

Во-вторых, новое понимание духовности отражает и новое трактование сущности религии как формы общественного сознания, как социокультурного феномена. Акцентируя внимание на изучении всеобщего духовного первоначала, религия редуцирует, сводит все наличное многообразие взаимоотношений между миром и человеком к трем основным способам освоения мира человеком: духовному, практическому и аксиологическому. Их выделение – необходимое условие предметного самоопределения религии, начало продвижения религиозного сознания по пути раскрытия предельных оснований бытия мира и человека. С этой точки зрения можно говорить о том, что с начала возникновения религиозных теоретических конструкций эта форма общественного сознания по проблеме устройства мира попыталась выступить как предельный вид теоретизирования. Об этом свидетельствует анализ основных религиозных писаний буддизма (Трипитака), христианства (Библия), ислама (Коран) и др.

Обобщая современную практику отношения человека к религии как социокультурному феномену, ее можно эксплицировать как субъективное, глубоко личностное осмысление индивидом общей картины мира. Это породило апелляцию не только к Богу, как творцу этого мира, но и к идее мирового разума и другим представлениям об этой картине.

Включение религии в таком ее понимании в структуру философско-культурологического мировоззрения расширяет проблемное поле, конкретизирует задачи по формированию нового типа духовности общества и личности.

Задачей третьего религиозного компонента в структуре философско-культурологического мировоззрения выступает освобождение духа человека от падшей социальности, проявляющейся в виде государственных установлений, с которыми народ уже свыкся – об этом в свое время писал Н. А. Бердяев, рассматривая человеческую историю. Рок истории довлеет над нами в виде традиций, обычаев и предрассудков, которые загоняют личность в лабиринт-головоломку, состоящий в целом из наших привычных идей и понятий, принявших форму клише. В основе этого процесса лежит «закон объективности», который отторгает от нас продукты нашего мышления, нашей деятельности, заставляя их жить самостоятельно. Этот закон, как считал Н.А. Бердяев, превращает продукты нашего творчества в огромную репрессивную силу. Сила эта жестко регламентирует нашу жизнь. Поэтому процесс развития духовности предстает как бесконечный путь борьбы за освобождение духа от падшей социальности.

Высшая духовность, в призме этой борьбы, предстает как полное преодоление «объективированного закона». Царство духа есть внутреннее царство

субъективности, свободы, не знающее, причинно-следственных отношений и отношений властвования. И такое царство формируется системой религиозных ценностей. Оно должно быть внутренним, экзистенциальным и проявляться в виде свободы, творчества, любви.

Процесс формирования религиозного компонента духовности сегодня неоднозначен и достаточно сложен, поскольку практика социальных преобразований нередко вступает в противоречие с теоретическими конструктами религии. Светское общество сегодня не решает проблем развития религиозной составляющей мировоззрения личности. На этом пути есть ряд препятствий субъективного характера, тормозящих развитие религиозного миропонимания общей картины бытия. Так, школьными программами не предусмотрено целенаправленное знакомство с религиозной картиной мира. Идет формирование материалистического мировоззрения, знакомство же с другими его разновидностями не предусмотрено. В вузах, особенно в технических, опять же, сталкиваемся с субъективным переходом к изучению курса «Религиоведение». Например, МОН Украины целесообразность изучения этого курса возложила на ректораты технических вузов, где этот курс или вообще не читается, или читается в объеме 12–14 часов, что позволяет студентам лишь поверхностно ознакомиться с ним. Аспирантом же этот курс включен в программу философии, где ему может быть отведено лишь 2–4 часа. Поэтому формирование духовного мира личности и замыкается сегодня на своеобразном метафизическом, одностороннем, материалистическом подходе. Альтернативы ему в системе образования практически нет.

Но это не означает того, что личность, идентифицирующая себя в наше время с конкретными элементами различных типов мировоззрения, не расширяет аспекты своего мировосприятия и миропонимания, своей духовности, включая элементы других типов мировоззрения, в том числе и религиозного.

К позитиву в решении проблем формирования религиозной духовности можно отнести также появление воскресных религиозных школ, активную публикацию учебной литературы, широкомасштабное строительство храмов и церквей, увеличение контингента обучающихся в духовных семинариях, попытку построения первой религиозной школы на Украине (г. Одесса) и другие.

В целом, формирования религиозной духовности пока еще не приняло широкомасштабной, целенаправленной практики. Необходимо более тесное сотрудничество государственных и религиозных институтов в конструктивном решении данной проблемы.

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИДЕИ БОГА

И. Я. Левяш

«Сокрытое принадлежит Господу»

Второзак 29: 29

«Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес, – что можешь сделать? Глубже преисподней, – что можешь узнать?»
Иов 11: 7–8

Два судьбоносных стража – Эрос и Танатос – неотвратимо требуют решения дилеммы плотской смертности и духовного бессмертия человека. Это проблема смысла его бытия, и он приходит к Богу, когда полон веры, надежды и любви, и покидает его, когда утрачивает их.

Такое состояние – следствие неспособности рациональным путем разрешить «последние», «проклятые» вопросы соотношения «бездны над нами и бездны под нами» (Достоевский). Осевых среди них, на наш взгляд, по меньшей мере три: а) *теодицея*, или оправдание Бога в мире, полном несправедливости и ужаса; б) *богоборчество* – отпадение от Бога как онтологической субстанции, но не от его идеи; в) традиционная *устойчивость* известных ветвей конфессионального Христа и затруднения экуменизма. Каждая из этих фундаментальных проблем заслуживает специального рассмотрения [1, с. 194–215].

Однако в этой статье мы ограничимся необходимыми в системе образования пролегоменами к постижению проблемы.

Почему не Бог, а его идея?

В теологии и церковных практиках Бог – это объективная, высшая и сокровенная сущность, и вопрос: «Можешь ли ты исследованием найти Бога?» – имеет риторический и однозначно отрицательный характер. Однако, не посягая на его *мистические* истоки, в принципе возможно, подобно исследованию мифа, выявить его *рациональный* смысл.

Идея Бога (греч. *theos*, лат. *deus*) – это идея именно *единого* Бога, а не богов. О них можно писать с маленькой буквы уже в силу их множества и очевидного подобия человеку и другим разноликим «тварям». Об этом – ироническое замечание Гете: «Оберон хоть без рогов, / все же черт в итоге. / Как и все в конце концов / греческие боги» [2, с. 165]. Идея Бога по определению, уже в силу бесконечности в пространстве и времени ее глубинных смыслов, не только для обыденного, но и самого умудренного и возвышенного сознания, – это всегда *открытая* проблема. «Между "есть Бог" и "нет Бога" лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец» [3, с. 34].

Изначально принципиальная сложность идеи Бога уже в том, что это идея *Абсолюта*, «бесконечной суммы бесконечных совершенств» (Р. Луций). У него нет *ab ovo* (начала), как в мифе, и он – не только единый и безмерный Творец всего сущего, но и *самое сущее*. Бог – это и беспредельное *sumtum bonum* (лат. высшее благо). В этом смысле у религии и ее центральной идеи Бога – отношения «любви – ненависти» с Эросом и Танатосом. Гегель обратил внимание на то, что в основе

античного понятия «религия» лежат широко бытовавшие в латинском мире слова *religio* – связь, *ligare* – связывать. В таком ракурсе Эрос аналогичен религии (лат. *religate* – объединять) по ее первосмыслу как «вос-связь» распавшегося, разъединенного, и такова же универсалистская миссия мифологии.

Глубокая и всесторонняя ассимиляция мифа «по плечу» только *монотеистическим* религиям. Чем объясняется назревшая потребность в них, повсеместный переход культурных народов к вере в единого Бога? Этот вопрос требует постижения практически *универсальной* потребности развитого человека в идее Бога. Перефразируя афоризм: «Разум бывает всегда, но не всегда в разумной форме», можно утверждать, что Бог есть всегда, но он преимущественно не сводим к *ratio*.

Отношение человека к Богу всегда было и остается альтернативным – либо *внешним*, прагматическим, либо *внутренним*, экзистенциальным. Распространенная версия заключается в вере в Бога как религии *рабов*. В пользу этой версии существуют достаточно серьезные свидетельства. Иудаизм и христианство возникли как вера народа, поработленного Римской империей, и кажется очевидным, что «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак» (Т. Моммзен). Отсюда один из ницшеанских вердиктов: «Богом назвали то, что ослабляет, учит слабости... Тот, кто не умеет подчинить вещи своей воле, старается... придать им какой-нибудь смысл, ... верит, что в них уже есть воля» [4, с. 61].

Парадокс в том, что в поздней Римской империи христианство стало официальной религией *власть имущих*. Это обесценивает версию «рабской» религии и требует ее переосмысления в более широком *социально-историческом* контексте. С этой точки зрения идея Бога «полезна». В таком ракурсе резонно суждение, что единобожие возникло вместе с усилением социальной и межэтнической борьбы, как потребность в идеологической санкции политической и экономической власти и господства, в конечном счете – в организации больших культурно-цивилизационных пространств. Не случайно политическая власть обретала сакральный характер как Бого-данная, вплоть до *изобретения* родословных от богов. В тоталитарных режимах XX века эта «милость» уже превзошла самую себя как окончательное обретение рая «здесь и сейчас».

Всегда была значимой и религиозная мотивация социально-политической *иерархии*. Н. Макиавелли считал религию, независимо от ее формы, необходимой для укрепления мощи государства. Гегель утверждал, что религия и политика – заодно. Известно, что вольнодумец Вольтер «бил и жег» церковь, «как молния» (Герцен), однако полагал, что если Бога и нет, но у вас хотя бы дюжина крепостных, то его следует *выдумать*. Мало того, философ завещал начертать на своем надгробии такие слова: «Богу – от Вольтера». Трудно сказать, чего здесь больше – раскаяния или иронии. Якобинец Робеспьер убедился, что замена Верховного существа Богиней Разума оказалась несостоятельной, и возвращение к традиционному Богу стало политически необходимым.

Эта проблема неотступно преследовала русских мыслителей. Ф. Тютчев создал замечательные строки: «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...». Но хорошо знавший писателя князь М. Гагарин отмечал: «В религиозном отношении он не был христианином. Католичество и протестантство были в его глазах историческими фактами, достойными внимания философа и государственного

деятеля, но ни в католичестве, ни в протестантстве, равно как и в восточном православии, он не усматривал факта сверхъестественного и божественного. Его религией была религия Горация, и я был бы чрезвычайно удивлен, если бы мне сказали тогда, что он станет когда-нибудь ревнителем восточной церкви...» [5, с. 336].

Один из персонажей Ф. Достоевского – буквально по Вольтеру и Робеспьеру – полагает, что «бог есть только гипотеза... но признаю, что он нужен, для порядка... для мирового порядка и т. д. и если бы его не было, то надо бы его выдумать» [6, с. 499]. Чеховский «интеллигентный человек» «имеет право не верить в сверхъестественное, но он обязан скрывать это неверие, чтобы не производить соблазна и не поколебать в людях веры». Этот типичный интеллеktуал исходил из того, что «веровать в бога не умно, но религия должна быть охраняема, так как для народа необходимо сдерживающее начало, иначе он не будет работать» [7, с. 80, 146]. В этих словах, в сущности, вся аргументация т. н. «научного атеизма» против религии, ее видение как «опиума для народа».

Однако *экзистенциальная* сущность религиозной веры, как и богоборческой оппозиции ей, гораздо глубже и сложнее социального пласта. «Смысл религиозного культа, – писал Ф. Ницше, – состоит в том, чтобы склонить и принудить природу к выгоде человека, т. е. *внести в нее закономерность, которую она сама по себе не обладает*, тогда как в настоящее время мы хотим *познать* закономерность природы, чтобы подчиниться ей. Словом, религиозный культ основан на представлениях о колдовском отношении человека к человеку; и колдун древнее священника.

Но наряду с этим культ основан и на других, более благородных представлениях: он предполагает симпатическое отношение человека к человеку, наличность благожелательности, благодарности, внимания к просьбам, договор между врагами, обеспечение залогом, притязание на охрану собственности. Человек даже на очень низких ступенях культуры не стоит к природе в отношении бессильного раба, он не *должен* обязательно быть ее безвольным слугой» [8, с. 306].

На этом уровне обусловленность идеи Бога двуедина. С одной стороны, это неустранимость иррационального в деятельности человека, с другой – потребность в определенной иерархии и доверии к сакральному авторитету. В архаичных и локализованных общностях человек еще не обладал развитым абстрактным мышлением, довольствовался фрагментами сущего. Отсюда – еще *партикулярный* (лат. *particularis* – частичный, частный) бог, точнее, сонм (у эллинов – пантеон) богов.

Есть смысл прислушаться к компаративной оценке Ф. Ницше политеизма и монотеизма. «Величайшую» заслугу первого – «чудесное искусство и способность создавать богов» – он усматривал в том, что в его пределах «...отдельный человек устанавливает себе *собственный* свой идеал и выводит из него свой закон, свои радости и свои права... Тогда была одна норма: «человек», – и каждый народ верил в то, что он *имеет* эту единственную и последнюю норму. Но над собою и вне себя... вправе был видеть множество норм: один бог не был отрицанием другого бога или хулой на него!.. Напротив, монотеизм, этот окоченелый вывод из учения о некоем эталоне Человека –...вера в некий эталон Бога, возле которого существуют еще только лживые лжебоги, – был, возможно, величайшей

опасностью прежнего человечества... В политеизме был создан первый образец свободомыслия и разномыслия человека...» [8, с. 597–598].

Мыслитель предложил убедительные аргументы в пользу *антропного* характера политеистических божеств. Он писал, что древние греки взирали на гомеровских богов не как на своих владык и не признавали себя их рабами, подобно иудеям. «Они видели в них как бы лишь отражение самых удачных экземпляров своей собственной касты, т.е. идеал своего собственного существа, а не его противоположность. Люди и боги чувствуют себя родственными друг другу, между ними существует взаимный интерес... Человек имеет высокое мнение о себе, создавая таких богов». Об этом свидетельствует та свобода, с которой Гомер чувствует себя среди своих богов, как у себя дома...с тем, что давала ему народная вера,...он обращался так свободно, как скульптор со своей глиной, т. е. с той же непринужденностью, какую обладали Эсхил и Аристофан и какую отличались в Новое время великие художники Ренессанса, равно как Гете и Шекспир» [8, с. 307, 311].

Если боги изображаются в телесно-чувственном образе, то на них можно и воздействовать посредством лишения жертвенной пищи, бичевания, заключения в оковы и т. д. Китайцы низших классов, чтобы насильственно добиться благосклонности своего оставившего их без помощи бога, связывали веревками его изображение, сбрасывали с пьедестала, владели по улицам, вываливали в грязи и навозе. «Собака ты, – приговаривают они, – мы поселили тебя в роскошном храме, мы красиво позолотили тебя, хорошо кормили, приносили тебе жертвы, а ты так неблагодарен!». Философ отмечал, что аналогичные насильственные меры в отношении изображений святых и Божьей Матери, когда они не хотели исполнять свои обязанности во время эпидемий или засух, случались в католических странах [8, с. 305–306].

Экзистенциальные и аксиологические аспекты идеи Бога

Остается реальностью, что последующее усложнение культуры и цивилизации, прежде всего постижение и освоение универсальных связей, обострение противоречий человека с внешним миром и «наедине с собой», утрата самодостаточного локального бытия и нарастание нередко бурных межцивилизационных контактов, в конечном счете, трагическое переживание *общечеловеческой судьбы*, – все эти факторы вызвали потребность в мощном абстрагировании, воссоздании целостности распадающейся картины мира.

Поиск такой суперсложной целостности предполагает ее «сухой остаток», или «святую простоту». *Целостность* – существенный признак развитого, способного к абстрактному мышлению, сознания. Все существующее оно возводит к *сущему – единому Началу* и в этом контексте рассматривает бесконечное многообразие проблематики человека. Исторически первое именование такого начала – *Бог*. Он не нуждается в рациональном обосновании. Известен библейский парадокс: когда Сатана возводит Христа на высокие стены и предлагает ему бесстрашно броситься вниз (ибо, если он Сын Божий, то будет спасен), Христос, который затем сотворит «много чудес», не устрашится Голгофы и вокреснет, на этот раз отвергает дьявольское искушение. Почему? Ответ прозрачен: *смысл* идеи Бога – не в доказательствах, а в *вере* в него. Как говорили латиняне: *Melius scitur nesciendo* – Лучше знаешь бога, не доискиваясь его. И Тертуллиан утверждал: «Верую, ибо абсурд».

Подобно богам политеизма, идея Бога, – *антропной* природы, и Бог *есть*, если он *есть в нас*. Библейский Бог говорит, что его Завет «не на небе» и «не за морем», а в человеческом сердце (см.: Второзак 30, 12–14). «А от этого слова: «*бремя* от Господа» – впредь не употребляйте; ибо бременем будет *такому* человеку слово его, потому что вы извращаете слова живого Бога» (Иеремия 23, 36). Христос говорит об этом так: «Не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. И не совершил там многих чудес по неверию их» (Матф. 57:58). Св. Августин был убежден, что «Бог не во внешнем, а внутри». «Чудо – веры лучшее дитя, – писал Гете. – ...Этому надо верить, потому что не вяжется с разумом; что после погребения он воскрес – достоверно, ибо невозможно» [2, с. 33, 482]. С точки зрения поэта, «Бог, обитающий в груди моей, / влияет только на мое сознание. / На внешний мир, на общий ход вещей / не простирается его влияние» [2, с. 57]. Гете, по его словам, не задавался вопросом, обладает ли это высшее существо рассудком и разумом, но чувствовал, что оно само рассудок, само разум. Все живое проникнуто им, человек же – в такой мере, что ему дано частичное познание наивысшего. «Сам Бог не может существовать без мудрых людей», – резонно заметил основатель протестантизма Мартин Лютер. Однако Ф. Ницше возразил: «Бог еще менее может существовать без неумных людей» – этого добрый Лютер не сказал» [8, с. 593]. «Веровать в бога нетрудно, – писал Чехов, – В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте! Эта вера доступна тем немногим, кто понимает и чувствует Христа» [7, с. 343]. Таков и Бог М. Цветаевой: «Что бы ни пели нам попы, / что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть, / Бог – слишком Бог, червь – слишком червь. / На труп и призрак – неделим! / Не отдадим тебя за дым / кадил, цветы могил. / И если где-нибудь ты *есть* – / Так – в нас» [9, с. 172].

Такое видение – продукт становления и эволюции *общечеловеческой* культуры. Перед человеком, выходящим из первобытного, архаического общества, впервые встали проблемы несоответствия между сущим и должным, частичностью, неполнотой его личной жизни и уникальностью *рода* Человек в космическом универсуме. Это время постижения должного, стремления преодолеть неполноту индивидуального существования, ориентации человека на идеальный образ «ни еллина, ни иудея» – человека *вообще*, единого и бессмертного человечества. Бог – воплощенный *идеал/смысл* жизни, символ разрешения противоречия между ограниченным бытием конкретного «частичного» человека и универсальной способностью Человеческого рода к совершенствованию, его стремлением к «горнему миру». «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, *для чего жить* (курсив мой – *И. Л.*)» [10, с. 237].

Триумф великих монотеистических религий ознаменовал, говоря словами А. Пушкина о христианстве, «великий духовный и политический переворот нашей планеты... В этой священной стихии исчез и обновился мир» [11, с. 233]. Ф. Достоевский проникновенно писал, что «народы слагаются и движутся силою иною, повелевающею и господствующею... Эта сила есть сила неумолимого желания идти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни... «реки воды живой»... Искание бога» [12, с. 198]. Вслед Достоевскому целая плеяда мыслителей исходит из того, что «до тех пор человек будет сбиваться

с направления, искать цель, быть недовольным, пока не отыщет своего бога... А если нет бога, то жить не для чего, надо погибнуть» [3, с. 216]. Ф. Ницше подчеркивал, что «действительное изобретение основателей религии сводится, во-первых, к тому, чтобы установить определенный образ жизни и нравственный обиход, действующий как *disciplina voluntatis* (лат. дисциплина воли)...; во-вторых, дать *интерпретацию* этой жизни, благодаря которой она предстает в свете высшей ценности и становится отныне неким благом, за которое борются, а при случае и отдают жизнь» [8, с. 670].

По существу, в идее Бога воплощена модель Богоподобного, *идеального* человека. Оппозиция «совершенный Бог – несовершенный человек» прозрачна в тексте Ветхого завета: «Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб ему изменяться. Он ли скажет и не сделает? Будет говорить и не исполнит?» (*Числа* 23, 171). Глубоко религиозный Н. Бердяев писал, что «...ни от кого нельзя получить той религии, которую не имеешь в себе...» [13, с. 380]. В отличие от неустанного теологического искания Бога Л. Толстым, его «мучит не столько тема Бога, сколько тема о человеке и его судьбе, его мучит загадка человеческого духа...Поистине вопрос о Боге – человеческий вопрос. Вопрос же о человеке – божественный вопрос, и, может быть, тайна Божья лучше раскрывается через тайну человеческую...следует быть поменьше теологом и побольше антропологом». Бог, заключает мыслитель, по сути «есть абсолютный человек» [14, с. 46].

Человек – квинтэссенция отношения не только к Божественному Абсолюту, но и *человека к человеку*. На вопрос: «Как служить духам предков и божествам?» – Конфуций ответил своему ученику: «Ты еще не знаешь, как служить людям. Разве ты можешь знать, как нужно служить духам?». «Как следует людям относиться к богам и демонам? – продолжал вопрошать ученик, и Учитель сказал: – Никак. Люди еще не научились относиться друг к другу» [15, с. 203]. Перефразируя А. Камю, можно утверждать, что «если нет нас», всегда проблематичных взаимоотношений между людьми, нет и идеи Бога. Путь к Богу – это свидетельство *веры, надежды и любви* в коммуникации с абсолютным человеком.

Эта ментальная триада верующего человека порождает давнюю и нарастающую потребность в *Мессии* – спасителе. Вере присуща *эсхатология* (греч. *eshaton* – последний, конечный и *logos* – учение). В христианской догматике это учение о «последних вещах» и ожидание *апокалипсиса* (греч. *apokalypsis* – откровение) – согласно Ветхому Завету, Страшного суда. Но эта мистерия не фатальна для праведников: они спасутся, вновь обретут своего Бога и войдут в его «тысячелетнее царство».

С таких позиций социально-конформистская и даже конвенциональная концепции Бога содержат в себе *ratio*, но в целом грешат поверхностностью. Социальная «полезность» Бога – вовсе не причина, а *следствие* экзистенциального, на уровне глубинных смыслов, бытия зрелого человека. Если бы этой предпосылки не было, «выдумать» Бога было бы не только невозможно, но и, как заметил Лаплас, в этой идее нет необходимости.

В итоге подчеркнем пафос этой статьи антитезой И. В. Гете: «Все сущее необходимо..., а потому бога нет. А разве нет необходимости в боге?» [16, с. 414]. Этот риторический вопрос позволяет выявить дилетантский характер буквального, вне смыслового контекста прочтения ницшеанского «Бог умер». А этот *контекст*

таков: «В мире еще недостаточно религии даже для того, что только разрушать религии... Но во имя чего? Во имя нашего неверия?.. Скрытое *да* в нас сильнее, чем любые *нет* и *может быть*, которыми вы больны вместе с вашим веком; и когда вам придется пуститься по морям,...то и вас вынудит к этому – *вера!*» [8, с. 310, 701].

Литература и источники

1. Левяш, И. Я. Базовые универсалии культуры. Кн. 1. Смысл и структура. – Саарбрюккен, 2012.
2. Гете, И. В. Собр. соч. в 10 т. – М., 1976. – Т.2.
3. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1980. – Т.17
4. Ницше, Ф. Воля к власти. – М., 1994.
5. Тютчев, Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М., 1988.
6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1976. – Т. 14.
7. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1977. – Т. 8.
8. Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. – М., 1998. – Т.1.
9. Цветаева, М. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. – М., 1990.
10. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1976. – Т. 15.
11. Ильин, И. А. Наши задачи. В 2 т. – М., 1992. – Т. 1
12. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1974. – Т. 10.
13. Бердяев, Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. – 1994. – Т.2.
14. Бердяев, Н. Смысл истории. – М., 1990.
15. Малявин, В. Конфуций. – М., 1992.
16. Гете, И. В. Собр. соч. в 10 т. – М., 1976. – Т. 3.

ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЕДИНОМ ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА РАЗВИТОГО ГАРМОНИЗМА

Э. М. Сороко

Сегодня, обращая взоры на формирование во всем мире, в каждом государстве, управленческих инициатив как крупномасштабных, стратегических, так и тактических, более узких в своих временных границах, нельзя не обратить внимания на их структурные и функциональные изъяны. Сказанное касается всего, что ныне есть в обществе и распространяется на выработку управленческой политики, на процессы формирования основных материальных и духовных ценностей, на созидание нравственных начал социального бытия, на отношение к прошлому. Здесь нельзя не отметить предельную их заземленность, прагматичность, а то и вовсе меркантильность и отстраненность от интересов человека.

Экономика как средство обеспечения жизнедеятельности человека, в сущности превратилась в цель и человек таким образом выпал из поля внимания, остался втуне, за пределами процесса социализации, который, однако, должен быть иметь его, человека, основным предметом и целью общественных и государственных управленческих воздействий, стратегических как ближайших по срокам действия, так и долговременных инициатив. С превращением средства в цель экономика, лишившись человека во главе угла, стала бес-человечной (и

обесчеловеченной) экономикой.

Образование человека – это не собственно обучение как передача ему каких-то профессиональных сведений, каких-то навыков труда и, тем более, не собственно накачка его знаниями с превращением его в энциклопедический ящик или в исполнительскую машину. В отличие от живой природы, где производство и воспроизводство видов запрограммировано на генетическом уровне, в обществе человек всечастно и повсеместно обязан творить новое, чтобы вводить найденное в арсенал средств, которые делают его жизнь, жизнь всех людей планеты, качественнее – лучше, надежнее, обеспеченнее, стабильнее, совершеннее, ярче. Для этого принимаются во внимание и активизируются все обретенные в прошлом материальные и духовные ценности, весь накопленный цивилизацией опыт, который осваивается по мере сил и способностей каждым человеком в условиях обретаемой им свободы самопроявлений и самореализации своих индивидуальных способностей и свойств. И вот тут встает вопрос о сущности образования человека. Ведь у понятия «образование» есть «родственники»: «появление», «возникновение», «формирование», «делание», «становление», «созидание», «сотворение», «возрастание», «самообретение» и т. п. Еще полтора-два века назад на Руси при приеме кого-то на работу первым делом интересовались тем, не какое у него образование, а какое у него воспитание. Недостаток знаний может быть так или иначе восполнен и компенсирован, а вот недостаток воспитания ведет к разрушению сообщества единомышленников, к разрыву трудовой ячейки, где предстоит работать принимаемому на работу лицу. Синергизм, гармонизм, согласованность действий, отвечающих канонам должного функционального качества, возможность свободно раскрывать свой исконный дар и индивидуальные способности в конструктивном процессе созидания чего-то общественно значимого, ориентация на позитивные ценности – вот некая толика из того, что может и должен делать образованный человек, проявляющий инициативу, способный быть актором-средством в сложном креативном процессе укрепления и возвышения ячейки социума. Словом, мононаправленность, одномерность, функциональная канализированность человека еще не все, что может быть в нем востребовано в процессе его труда.

Если выделить в историческом процессе этапы (эпистемы, по Мишелю Фуко) формирования и социализации индивида в смысле становления его общественного реноме, его по-человечески значимых и востребуемых атрибутов, то эти этапы предстают в виде цепи сменяющихся доминант: изначально доминантой служит религия с ее верой; по прошествии времени искусство, призванное воспитывать чувства; затем науки, развивающие разум, дисциплинирующие сознание человека и навыки суждений, пролагающие человеку путь в освоении Природы; и, наконец, внутреннее медитативное начало, самосознание, возвышающее способность к самокритике, к подверганию всего сущего сомнению при творческой устремленности на поиск собственных решений различных трудных унаследованных из прошлого проблем. Это, в частности, проявляет и новые смыслы в известном высказывании Иисуса Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). А именно: здесь «Я» – не только божественное, но и человеческое. Это важнейший атрибут субъекта-актера возвысившегося до того, чтобы можно было видеть его явно и воспринимать его созданным «по образу и подобию Бога». «Я» здесь – творящее начало, созидающее вторую

природу, общество. И в таком статусе это «Я» проявляет набравшие силу в той или иной мере каждую из составляющих тетрады: «рацио–эмоцио–интуицио–медитацио». Принимать на веру те или иные утверждения, из каких бы авторитетных источников они ни вышли, человек уже не может, не пропустив их через фильтр вызревающей в нем рефлексии. Так, первая строка, которой открывается Евангелия от Иоанна «В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1) ставит вопрос: для чего было нужно Слово Богу, когда еще не с кем было общаться. Но священнослужители храмов в своих проповедях не дают разъяснений на сей счет. Между тем, по-гречески (а в древности Библия была на греческом) Слово записывалось как ТЕОРЕМА (Theo+Rema=Слово Бога). И тогда становится ясно, что Бог-Отец создал Проект Мира, который изложен языком математических теорем. А что это за теоремы — с ними можно ознакомиться по «Началам» Евклида (первоначально эта книга называлась «Элементами»). Назначение ее у Евклида — дать знания о том, как построить с помощью циркуля и линейки любой из пяти правильных политопов, называемых платоновыми телами, которые зиждутся на отношении золотого сечения — основного инварианта гармонии, узла выражающей эту гармонию меры. Кстати, на известном масонском символе, изображающем наложенные друг на друга уголок и циркуль, раствор циркуля в отношении к прямому углу составляет золотое отношение 0,618. Как видим, задача сугубо эстетическая, без какой-либо прикладной ориентации. Становится понятным ответ Эвклида одному из учеников, спросившего: «Учитель, а какая польза от Вашей науки?». Видимо ученик был из тех, чьи родители привыкли во всем извлекать выгоду и искать практических применений, на что ныне и ориентируют ученых известные управленческие структуры в нашей стране и за рубежом: все проекты, выполнять которые современные европейские грантодатели приглашают в 7-ю и другие рамочные программы, жестко прагматичны и рассчитаны на конкретный материальный результат, а не на раскрытие видения сущности вещей через освоение всеобщих системных принципов. Что же ответил Евклид ученику: «Ха, он ищет пользу! Дайте ему обол и пусть идет своей дорогой» (обол – в те времена мелкая монета). Словом: «На те обол и дуй отседа».

В методологическом отношении важно отметить базисный конфигурактор и вместе с тем важнейший принцип структурогенеза – Четверицу, фундаментально значимую как в онтологии, в бытийном отношении, так и в эпистемологии. Обычно она проявляется как 3+1: по определению К. Г. Юнга – три нормальных элемента и один странный, либо три странных и один нормальный. Будь то совокупность наиболее значимых религий (авраамические: православие–католицизм–ислам + буддизм как не собственно религия, поскольку Будда – не собственно Бог), либо христианская религия (Триединый Бог плюс Богоматерь, крест как символ единства светлых и темных сил, косая перекладина на нем отделяет царство Света от царства Князя Тьмы), генетика (второй закон Менделя, он же закон расщепления), художественные произведения («Три мушкетера», «Трое в лодке, не считая собаки» и т. п.) – во всех случаях проявляется некий скрытый базовый структуротворящий, несомненно информационный, код, имеющий Четверицу своим императивом. Этот методологический базис в качестве основания и первоначала структурогенеза эволюционно имеет древнее происхождение. Он восходит к принципу четырехгранности сооруженных в

глубокой древности во многих местах Земли исполинских пирамид, древнему символу свастики, почитание которой было свойственно многим древним народам, Квадригам Аполлона и божества гностиков Абраксаса, четверице Пифагора, четырем стихиям Эмпедокла, четырем атрибутам гармоничного человека Платона, «квадратного человека» Аристотеля, к соответствующим идеям Витрувия, Леонардо да Винчи, Яна Амоса Коменского и т. д. Ныне есть попытки создания на основе этого методологического ключа Тетрафилософии и Тетрасоциологии. Принцип Тетризма в антропологическом аспекте имеет естественные основания: человек имеет всего четыре языка для вхождения в мир и общения с ним. Таковы языки науки (здесь главное – разум) как средство для беседы человека с Природой; языки игровой модели мира, искусства (здесь главное – чувства), которое, по словам Мусоргского, «есть средство для беседы с людьми, а не цель»; язык религии (здесь основа – вера как условие для беседы человека с Абсолютом, с Высшими духовными ценностями, с Богом) – средство проникновения в Сферу Иррационального; наконец, медитация, которая неотделима от внутренней речи человека в его общении с самим собой, в самопостижении себя, как то завещал Сократ (здесь главное – рефлексия, а также воля, возвышение и закалка ее суровым самотренажом для укрепления самодостаточности, самообладания, достоинства, чести, самосознания, самоуважения человека и синергичных начал его социального бытия – сопричастности, соучастия, сострадания, милосердия, которое превышает справедливости и т. д.). Этими языками покрывается все, что делает человека человеком, но, разумеется, если все они наполнены позитивными созидательными функциональными устремлениями, присущими собственно человеческой деятельностной натуре – стоят на нравственных канонах и ценностях, ибо безнравственный разум – не разум, безнравственные чувства – не чувства, равно как и безнравственная вера не есть вера в собственном ее смысле и т. д. Выбор в качестве базиса четырех основных сфер социального и индивидуального бытия, даже при допустимости спорности их конкретных определений, весьма перспективен для построения теории и развития идеологии гармонии и конструирования гармоничного человека как цели социального процесса становления общества в макромасштабе исторического действия. Четыре позиции в структуре социального индивида и становлении интеллекта человека подлежат контролю, со стороны органов государственного управления, базовой и корректирующей регуляции. «Рацио–эмоцио–интуицио–медитацио» – таковы основные стороны самосозидающего и самоосознающего себя «Я», самой человеческой природы, куда следует вкладывать основные средства для возвышения основного достояния гармонизируемого общества – человека.

Надо отдать должное науке – сегодня она располагает средствами, о которых мечтал еще В. Ленин (ПСС, т. 53, с. 122–123). Она нашла пути и средства для определения состояния сложных систем в аспекте идентификации их нормы либо патологии, качества или бескачественности, порядка или хаоса, нарушенного либо гармонизованного разнообразия как основного фактора структурной (или атрибутивной) информации, будь то экономика со всеми ее отраслями либо человек в совокупности его базовых атрибутов. Тем самым наука проявляет себя как умеющая диагностировать состояния сложных систем, а следовательно, располагает методами и иными средствами, управленческими рычагами приведения этих состояний в норму, путями и способами обеспечения

структурной, а значит и функциональной, гармонии, тем самым гарантируя достижение нужного качества. Более того, она умеет изначально предлагать критериально верифицируемые варианты (матрицы) проектов сложных систем, предуготованных для заполнения их любым конкретным специфицированным материалом, принципиально минуя стадию эмпирических испытаний готовых изделий, – минуя те фазы, когда в производственном цикле руководствуются лишь методом проб и ошибок («методом тыка»). Основную роль здесь играют введенные в научный оборот великим немецким философом Гегелем узлы узловой линии мер. Они проявлены нами в их количественной сущности как обобщенные золотые сечения – некие гомологи классического золотого сечения 0,618 для последовательности эллиптических геометрий, или геометрий Римана, где служат инвариантами и опорным точками для интегральных характеристик сложных систем, при всем том, что там состоятельны соответствующие метрики Минковаского-Банаха.

Гармоничная цивилизация, или Общество Развитого Гармонизма, как единственное возможное эволюционно достигаемое усилиями всех людей планеты и повсеместно приемлемое формирование в организации общественной жизни, есть безальтернативный вариант общественного жизнеустройства в будущем, становящееся явью по мере вхождения общества из своей предыстории в свою собственную историю единого целостного глобального социального суперорганизма. В подобном восхождении цивилизации к состоянию зрелости заинтересованы все народы. И процесс этот завершится успешно лишь при условии, что такого рода гармоничная организация всего общества будет синергично самоустанавливаться при одном условии – на основе осмысления всеобщих диалектических принципов, которые регулируют всякое эволюционное движение к своим гармоничным состояниям. Это означает, что с необходимостью должно приниматься во внимание то безусловное обстоятельство, что сам этот процесс самозастройки общества на основе всеобщих принципов, обладающих наивысшим методологическим статусом, более чем закономерен, а значит, справедлив для всех сложных целостных систем природы, безотносительно к их конкретной специфике и масштабности. В социальной сфере это движение должно происходить сознательно, без революций, ненасильственно и только через соответствующее научное знание, которого не было и не могло быть у всех предшествующих цивилизаций, ибо наука стала достоянием человечества сравнительно совсем недавно. Лауреат Нобелевской премии Эджен Вигнер подчеркнул: мир устроен так, что в нем объективными явлениями управляют объективные законы, а этими последними управляют всеобщие принципы, или, как он образно выразился, «питаются ими». Широко известна мысль Аристотеля: кто знает общее – то знает все. На выявлении общего в любой сфере познания, практики настаивал и В. Ленин, дабы всякий раз не наткнуться на одни и те же частности, образно говоря – не наступать на одни и те же грабли. Поэтому введение в вузовские программы обучения специалистов любого профиля научных методов системного синтеза, критериев диагностики состояния сложных систем в смысле различения их нормы и патологии на основе интегративных мер, всеобщих принципов системогенеза, всеобщей организационной науки (еще А. А. Богданов разработал ее основные положения), всеобщей теории разнообразия (науки диаторопики) и других разделов того же круга ныне сверхактуально: надо придать

импульс ускорения развитию инновационной деятельности, раскрытию креативного потенциала человека как гаранта обеспечения надежности социального и экономического развития нашего общества на рубеже вхождения в шестой технологический уклад. Важнейшая задача здесь – широкое освоение науки системного синтеза для создания нанотехнологий и производства наноматериалов. Анализ не дает знания, знание дает синтез, – говорил Иммануил Кант. Внять этой мысли великого немца и руководствоваться ею – одна из нынешних приоритетных задач.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ТРИАДЕ ВЕРА – ЗНАНИЕ – МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Л. А. Сосновский

1. *Постановка проблемы* на данной конференции представляется так. Если это «*религия и образование*», значит, речь идет о формировании *религиозного мировоззрения*. Если это «*образование в светском обществе*», речь, пожалуй, идет о формировании *научного мировоззрения*. Наконец, поскольку это «*религия и образование в светском обществе*», то, следовательно, обсуждению подлежит *сакраментальная четверка (квадратура)* – с учетом *духовного Я* (рисунок 1). Стрелки на этом рисунке показывают все возможные *взаимодействия* и, следовательно, символически обуславливают любые *взаимовлияния* (*Δ-взаимодействия*) между *Верой – Знанием – Мировоззрением* посредством *субъективного Я*.

Тема, обозначенная на рисунке 1, настолько обширна, глубока и содержательна, что ее исследования велись и ведутся мыслителями и учеными всех веков и поколений и над нею задумывается (так или иначе и в свое время) каждый человек (*Homo Sapiens*), ибо его собственное бытие в конечном счете соотносится с *фундаментальной триадой*: Вера (*F*) – Знание (*K*) – Мировоззрение (*W*).

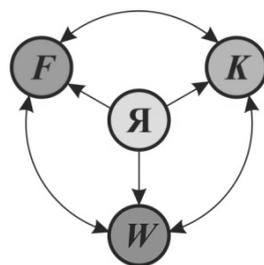

Рисунок 1. *Sacramentalis quadratura*: *F* – вера (*Foi* фр.); *K* – знание (*Knowledge* англ.); *W* – мировоззрение (*Weltanschauung* нем.)

Нечего и думать, что здесь может быть дан, хотя бы и в самом кратком изложении, обзор имеющихся литературных источников, поскольку их море безбрежно, поэтому ограничимся лишь некоторыми мыслями на сей счет.

2. Если *FKW* – *единая триада*, то, по-видимому, нет веры (*F*) без некоторого знания, как нет и знания (*K*) без некоторой веры, а мировоззрение (*W*) формируется на базе обеих (*F* и *K*) парадигм. Такое утверждение позволяет

разрешить *вопрос о первичности веры или знания*. В самом деле, поскольку, как уже было сказано, F и K *двоично*, можно полагать, что они возникают и развиваются *совместно и взаимосвязано*. И теперь главный вопрос – их *соотношение*: если мировоззрение – *целое*, а вера и знание – его важнейшие, но *отдельные части (элементы)*, то какая часть больше? Очевидный ответ на этот вопрос пока можно дать лишь для *крайних (граничных, экстремальных)* случаев: вера безусловно доминирует в религиозном мировоззрении, а знание – в научном мировоззрении (см. п.1). А что будет в *промежуточных ситуациях*?

Если соотношение веры и знания имеет крайние значения, значит, оно изменчиво во времени (t). Отсюда следует известное тривиальное заключение: вера тоже изменчива (она может «укрепляться», «таять» и т.п.), как изменчиво и знание (оно может быть «малым», «большим», «очень большим» и т.д.). Похоже, мы пришли к пониманию того, что неплохо бы дать *численную (количественную) оценку уровня (меры) знания и веры*. Почему бы и нет? Решение такой задачи открыло бы возможность (и перспективу) *сравнительного анализа* – не только *качественного* (меньше-больше), но и *количественного* (во столько-то раз, или на столько-то процентов меньше-больше). Опосредованные методы количественной оценки частного знания (например, у студентов) хорошо известны и широко используются. А применительно к вере? Таковые используются и в духовных семинариях. Но все они носят, как сказано, лишь частный характер (например, оценки по закону Божьему или по сопромату). А можно ли дать *обобщенную количественную оценку* возможных соотношений между верой и знанием у человека – в принципе? Мы попробуем это сделать.

3. Размышления показывают, что уровень (или степень) веры можно сравнительно оценивать в *классическом интервале*

$$0 \leq F \leq 1 \quad (1)$$

В самом деле, если $F = 0$, то у человека нет веры, а если $F = 1$ («целое»), то она наиболее сильная и «цельная», то есть максимально возможная ($\max F = 1$). Понятно, что внутри интервала $0 < F < 1$ она будет «дробной», т.е. составляющей *часть целого*. И ее нетрудно ранжировать внутри этого интервала не только качественно (больше-меньше), но и количественно: в такое-то число раз (или на столько-то процентов) больше или меньше.

Для знания, как и веры, нуль тоже является значимым числом ($K = 0$). Трудность представляет наибольшее знание. Можно ли принять: оно *бесконечно велико*? То есть $K \rightarrow \infty$? Но бесконечность – не значащее число, она неконкретна и ее нельзя, следовательно, сосчитать. Поэтому вместо нее примем представление о «как угодно большом, но конечном числе» [1]; оно называется *биг* и имеет обозначение $\aleph$. Тогда интервал возможного изменения количественных оценок знания, аналогично (1), будет

$$0 \leq K \leq \aleph \quad (2)$$

Здесь «целое» (максимальное значение) мыслится как биг ($\max K = \aleph$), так что все другие оценки знания будут $K(t) < \aleph$. Если, например, $\aleph = 10^9$, то K – любое число в интервале $0 < K < 10^9$. Такое *богатство оценок* знание, по всей вероятности, заслуживает.

Если (1) разделить на (2), получим соотношение веры и знания, которое (снова) количественно может изменяться в интервале

$$0 \leq F \leq 1/K. \quad (3)$$

Заметим, что минимум для (1), (2) и (3) одинаков, то есть постулируется, что если $F = 1/K$, то и $F/K = 1/K^2$. Последнее означает, что в таком случае и мировоззрение должно быть нулевым ($W = 0$). И еще: отсюда следует, что соотношение F/K тем меньше, чем больше K . Это значит, что всегда должно быть $F \ll K$. Теологам такое заключение может показаться неправдоподобным (или сомнительным). Однако следует заметить: если $F \ll K$, то это не означает, например, что «вера не сильна»; просто ее уровень оценивается интервалом (1), в котором единице можно поставить в соответствие «как угодно большую» веру, равную целой (единице).

Поиск показывает, что неравенства (1), (2) и (3) могут быть удовлетворены в простейшей модели [2]

$$F = \frac{1}{1 + e^{-K}} \quad (4)$$

где e – фундаментальная константа: основание натуральных (Неперовых) логарифмов; $e = 2,71828 \dots$

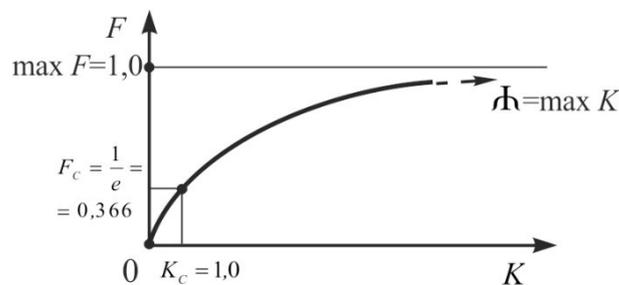

Рисунок 2. Обобщенная функция Вера – Знание

График функции (4) представлен на рисунке 2. Из его анализа можно получить все предположения и заключения, сделанные выше относительно изменения $F(t)$, $K(t)$ и $W(t)$. Анализ функции (4) дается в докладе; здесь же только заметим, что на ней обнаруживается критическая точка C с фундаментальными координатами $K_c = 1$ и $F_c = 1/e = 0,366$.

4. Обобщим сказанное – и дадим его несколько конкретизированное и расширенное представление (рисунок 3).

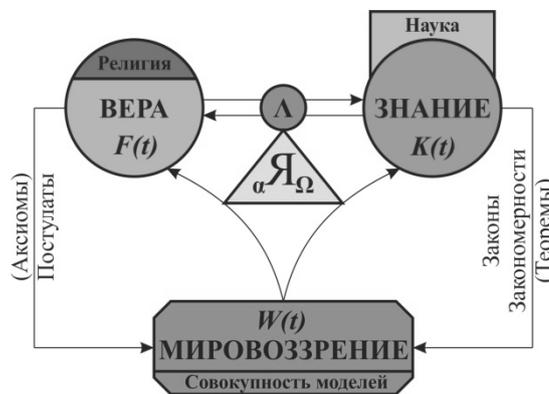

Рисунок 3. Триада $F(t) - K(t) - W(t)$ и духовное Я

Здесь опущены известные многообразные толкования терминов вера, знание, мировоззрение – кратко скажем об их возможном новом понимании.

Религия и наука, взаимодействуя ($\rightleftarrows$), добывают крупинцы истины и питают ими *мировоззрение* (стрелки от F и K к W). Выражаясь почти математически, принимаем гипотезу, что вера более склонна к тому, чтобы вырабатывать ограниченное число *правдоподобных постулатов* (или, в строгих случаях, *аксиом*), которые знание принимает как верные, тогда как знание (наука) имеет целью искать в этом мире и устанавливать систему *взаимосвязей*, гипотез (постулатов), *закономерностей* и, наконец, *законов* (в строгих случаях, формулировать и доказывать *комплекс теорем*). Мировоззрение, таким образом, не просто «сумма веры и знания» – это *совокупность разнообразных моделей мира*, которые обобщают постулаты и теоремы в единое целое и, в конечном счете, должны подтверждаться опытом бытия людей. Заметим еще, что мировоззрение ценно не только само по себе – оно весьма полезно и для совершенствования представлений о вере и знании (обратные нелинейные стрелки от W к F и K). Таким образом, по терминологии трибофатики [3] реализуется *два эффекта: прямой* (влияние F и K на изменение мировоззрения) и *обратный* (влияние W на изменение веры и знания). Для обоих этих эффектов характерны диалектические Λ -взаимодействия

$$(F \rightleftarrows K) \wedge \dots = \quad (5)$$

5. В заключение необходим хотя бы один пример. Кратко обсудим здесь сложнейшую проблему *жизни после смерти* ([4], [5], [6], [7] и мн. др.). Вера (*во что?*): жизнь после смерти существует. Знание (*чего?*): научных (строгих) доказательств жизни после смерти нет, равно как нет и необходимых доказательств отсутствия жизни после смерти. Отсюда следуют *основы мировоззрения* (по проблеме): а дальше – что? Дадим три ответа на подобные вопросы [4].

...Люди несколько тысячелетий пытливо всматривались в темное небо, на котором ночью мерцают таинственные Звезды – и сияет «*глупая луна*» (Пушкин). Загадочный Млечный путь пролегает неведомо откуда и куда. А сегодня человечество обладает огромным арсеналом конкретных знаний даже об отдаленных уголках бесконечной Вселенной и верит, что где-то в ней может быть и жизнь после смерти. А пока мы практически используем такие знания – мы, например, стали довольно часто (по космическим меркам) летать на *ближние дачи*: Луну, Венеру, Марс и дальше.

...В начале нашего века люди напряженно вглядывались в атомно-молекулярную решетку веществ, из которых состоит этот *материальный мир*, – и ломали голову: а что там, внутри решетки? И уже к концу столетия человек познал многие основные закономерности глубокого строения бесконечного микромира. Да что там познал! – практически использовал: атомная энергия, например. И верит: возможно, именно там существует жизнь после смерти?

...На пороге XXI века перед людьми – иссиня-темная и *загадочная шторка смерти*, и что за бытие сокрыто за ней – почти неведомо, хотя это и совсем рядом с жизнью (во времени и в пространстве). Но я думаю, что и *сия тайна не останется вечной* – ведь уже и сегодня в этой шторке есть проблески знания, пусть и очень-очень малые. И есть вера: не за горами время, когда человек приоткроет загадочную и грозную шторку: посмотрим, что *там, дальше!*

Мы боимся смерти, потому что не знаем ее *интеллектуальной сущности* [4], [7]. Нас *устрашает небытие после смерти*, ибо пока мы лишь смутно

воображаем бытие в ином мире, – а точных знаний нет, а есть только вера. Но все же это начало познания. Как видим – вера бесполезна для познания истины.

Вот что я хотел сказать здесь *in brevi*. DIXI.

Литература и источники

1. Сосновский, Л. А. Принципы механотермодинамики: [монография] / Л.А. Сосновский, С.С. Щербаков; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель, 2013.
2. Сосновский, Л. А. L-риск (механотермодинамика необратимых повреждений). – Гомель, 2004.
3. Сосновский, Л. А. Основы трибофатики: учебное пособие для студентов высших технических учебных заведений. – Гомель, 2003. – Т. 1., – Т. 2. Перевод на англ. и кит. языки: L. A. Sosnovskiy. Tribo-Fatigue (wear-fatigue damage and its prediction). // Found. of Eng. Mech. – Springer, 2005.
摩擦疲劳学 磨损 – 疲劳损伤及其预测. L.A. 索斯洛夫斯基著, 高万振译 – 中国矿业大学出版社, 2013. –324 p.
- 4 Сосновский, Л. А. Трибофатика: о диалектике жизни. Изд. 2-ое. – Гомель, 1999.
5. Малиничев, Г. Жизнь после жизни // Чудеса и приключения. – 1991. – № 1. 6. Моуди, Р. Я был там, где еще никто никогда не был // Чудеса и приключения. – 1991. – № 1.
7. Василиадис, Н. Таинство смерти. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И СВЕТСКИЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. Л. Балич

Одним из важнейших вопросов современного общества является отношение людей к религиозным ценностям и идеям. Религиозные ценности выражают духовно-нравственные основы народа, закладывают базис общественной морали и культуры. Религия учит духовности, милосердию, братству, жизни в соответствии с требованиями совести и нравственных законов.

Особое место в духовно-нравственном развитии Беларуси принадлежит православию как наиболее распространенной в нашей стране религии, являющейся фактором социальной консолидации и национальной идентичности белорусского народа. Не случайно человек обращается к вере в самые сложные периоды жизни.

Следует отметить влияние светской культуры на отношения между обществом и религией. Эти отношения приобретают характер взаимодействия в жизни социума светских и религиозных культурных традиций. Светская и религиозная культуры – системные целостности, которым присущи самоорганизация, относительная автономия, структура, логика развития, репрезентативность. В реальной жизни невозможно функционирование религиозной и светской культур автономно, что приводит к их взаимодействию, сотрудничеству или конкуренции. Социология религии изучает закономерности взаимодействия религиозной и светской культур.

Религиозная культура – это символы, представления, практики и нормы, которые связаны с сакральным отношением к определенной религии. Н. Луман интерпретирует религию как семантику и практику, имеющую дело с различием

чего-то знакомого и незнакомого: «Преодолевая повседневность, религия может в обществе и для общества перерабатывать самореференцию и инореференцию. В этом отношении ее способ действия является “образцовым” для оперативно замкнутой и ориентированной на коммуникацию общественной системы...» [1, с. 249–250].

Светская культура не связана непосредственно с религиозным сакральным отношением и направлена на осмысление конкретных частных сторон и аспектов человеческой жизни в их комплексном проявлении.

В современном мире практически невозможно полностью избежать контактов между различными культурными традициями, что приводит к взаимовлиянию светской и религиозной культур и лежащих в их основе структур социального знания. Взаимодействие проявляется везде, где присутствуют носители религиозного и светского сознания: в сфере образования, науке, искусстве, социально-политической жизни, в быту и т. д. Это приводит к столкновениям и взаимной адаптации различных ценностных систем и норм социального поведения. В результате абсолютные моральные системы (религиозная мораль, единство официальной и неофициальной морали, целесообразность и нравственность, единство общественного мнения и совести) сложно реализовать в полной мере в современном обществе. Они могут существовать в качестве этического идеала и лишь частично воспроизводиться в поступках людей.

Особенность морали заключается в том, что она основана на ценностях, которые определяют предпочтения людей, исходящих из своих целей и идеалов, о чем справедливо отмечал известный английский социолог Э. Гидденс: «Все люди являются разумными и осведомленными субъектами деятельности... располагают обширным набором знаний относительно условий и последствий того, что они делают в своей повседневной жизни» [2, с. 384]. Гидденс считал, что большинство акторов способны не только обоснованно описать собственные поступки, но и объяснить причины, по которым они ведут себя так, а не иначе. Эту способность он связывал с потоком повседневного поведения, в основе которого выделял рационализацию суждений. В этом контексте уместно вспомнить немецкого социолога М. Вебера, который также наделял поступки людей в повседневной жизни рациональным смыслом.

Современный человек включен в систему общественных отношений, поэтому его ценностные приоритеты не всегда опираются на абсолютные нормы, а реализуются посредством практического ориентирования своей жизнедеятельности, что определяет формирование личностных качеств, необходимых для успешной социальной жизни. Это подтверждают данные исследования, посвященного проблемам культуры, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле–августе 2013 г. (объем выборки – 1589 чел.). Участникам опроса предлагалось обозначить личностные качества, которые помогают им в повседневной жизни. Для изучения особенностей, присущих верующим и атеистам, респонденты были дифференцированы на указанные группы. Это позволило выявить общность и разность ценностей, занимающих наиболее высокие и низкие (по частоте выделения) позиции. Среди пяти часто выделяемых качеств верующие называют верность, трудолюбие, властность, достоинство и вежливость; атеисты – верность, властность, трудолюбие,

достоинство и самолюбие. К личностным качествам, которые (по мнению респондентов) помогают меньше других, верующие отнесли терпимость, самоуверенность, самолюбие, ответственность и честность; атеисты – ответственность, человеколюбие, смелость и мужество, терпимость и честность. Полученные данные свидетельствуют, что независимо от мировоззренческих установок обе группы выделили четыре (из пяти) одинаковых качества, помогающие больше всего, и три, помогающих меньше всего.

Отбросив мировоззренческие пристрастия и установки, попытаемся объективно интерпретировать имеющуюся данность.

В современном обществе широко представлены различные проекты и модели религиозной и нерелигиозной направленности, в рамках которых рассматривается как будущее человечества и цивилизации в целом, так и социально-политические, культурные, экономические проблемы. С одной стороны, существует вероучительная традиция в рамках религий, которая составляет основу интерпретации тех или иных вопросов, с другой – социальные реалии, в которые включен человек. Каждому направлению свойственны типичные для них представления, ценности и поведенческие императивы. Они могут различным образом сочетаться или не сочетаться между собой в представлениях социальных субъектов – носителей религиозных или атеистических убеждений.

В ходе социальных взаимодействий сами субъекты – носители религиозной и светской культур формируют свои позиции относительно различных общезначимых реалий и определяют возможный выбор системы ценностных ориентаций и качеств личности. Такой выбор не всегда оказывается легким и часто не укладывается в существующий в общественном сознании социальный идеал верующего человека. Возникающее в такой ситуации противоречие между ориентацией на ценности общественного или личностного блага и реальными поступками верующих разрешается в той или иной степени в культовой практике, не всегда соответствующей тому образу жизни и поведению, которые вытекают из идей и норм, принятых в определенной религиозной доктрине.

Данное противоречие усиливается тем, что согласно многим социологическим исследованиям отношение к религии в массовом сознании преимущественно благожелательное. В то же время другой стороной этого отношения является отстраненность людей от религиозной жизни. Признавая значимость религии, большинство не торопится практически вводить ее в сферу повседневности – религиозная активность в обществе скорее исключительное явление. Соответственно ценностные ориентации и личностные качества современного человека – это осознанный выбор тех идей и целей, которые для него социально предпочтительнее, что помогает функционировать человеку в повседневной жизни, определяет общую стратегию поведения в реализации жизненных планов и решений.

Литература и источники

1. Луман, Н. Общество общества; пер. с нем. А. Антоновский. – М., 2011.
2. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М., 2005.

ВОСТОК – ЗАПАД: ПРОБЛЕМА ПОИСКА ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Ф. С. Приходько

Особенностью современного этапа глобализации, превращающей мир во все более целостную систему, является ее спонтанно-стихийный характер. Мировым сообществом до настоящего времени не выработано надежных механизмов управления, которые были бы адекватны этой целостности. Человечество подошло к той черте, когда доминирование стихийно складывающегося регулирования общественных отношений чревато драматическими последствиями. В сложившейся ситуации настоятельно необходима сознательно и целенаправленно выстроенная система управления глобальными мировыми процессами. Взаимоотношения цивилизаций, несомненно, важный фактор складывающегося миропорядка. И если они будут развиваться не в русле толерантности, а в конфронтационном духе, то мрачные предсказания Сэмюэля Хантингтона о конфликте между Западом и Востоком могут стать действительностью.

Конструктивный диалог, учитывающий культурные различия и опирающийся на цивилизационное единство разных стран и народов, в этой ситуации создал бы соответствующие духовно-идеологические предпосылки для более эффективного решения многочисленных проблем.

Для продуктивного диалога культур, как и для продуктивного диалога двух индивидов, необходимы определенные условия, прежде всего желание вести диалог и наличие приемлемой для сторон идейно-концептуальной основы коммуникации, взаимопонимание, признание равноправия и самоценности участников диалога. Есть ли все эти качества у современных культур? Может ли культура, испытывающая чувства неполноценности, ощущение ущербности, показаться интересной другим культурам? Может ли культура, высокомерно взирающая на другие как на отсталые, варварские, стать для других притягательной, авторитетной силой, фактором стабильности? Возможен ли искренний и заинтересованный диалог культур ради взаимообогащения духовными ценностями на фоне разворачивающейся на Земле битвы за ресурсы?

Важнейшим фактором, детерминирующим способность субъекта исторического действия к диалогу с другими субъектами, являются его социокультурные цивилизационные особенности, специфические условия исторической социальной динамики, разные ментальные установки. Для восточной культурной традиции характерны такие ценности, как коллективизм, клановая солидарность, иерархичность, почитание старших, развитые чувства долга и обязанностей. Так, отличительными особенностями китайской культуры являются стремление к гармонии, целостности, спокойствию и умиротворению. Она делает упор на единении Неба (космоса) и человека, ориентирует индивида на внутреннее самосовершенствование, воспитание в нем высоких морально-нравственных качеств. Ей присущ принцип «золотой середины» и «мира», она – против крайностей и насилия.

Специфичны социокультурные основания отношения к внешнему миру у западной цивилизации. Ей присущ целерациональный тип социального действия, ориентированный на достижение конкретного практически-полезного результата

деятельности, на изобретение и применение социальных технологий, с помощью которых можно изменять мир и самого человека в соответствии с заранее сконструированными моделями и проектами. При взаимодействии с другими цивилизациями для нее характерны стремление к экономической, политической, социокультурной и нередко вооруженной экспансии, восприятие иных культур как низших и неразвитых. Такое отношение к инаковости начинает формироваться еще в эпоху Античности. Древние греки, римляне в окружающем их мире видели пространство, заселенное варварами, разговор с которыми может быть только с позиции силы, языком оружия. Греция противопоставляет себя персидскому Востоку как свободный мир – деспотии. Крестовые походы стимулируют формирование соответствующей идеологии в отношении всего исламского мира. В Новое время подобная установка по отношению к внешнему миру получила всестороннее идеологическое и концептуальное обоснование во внешне уважаемой концепции общественного прогресса.

Идея прогресса, сформировавшаяся на Западе в эпоху Просвещения и получившая затем широкое распространение на всех уровнях общественного сознания, заложила концептуально-мировоззренческие основы отношения к Востоку и в целом к внешнему миру, обусловившие доктринальные и идеологические установки экспансионистской внешней политики. В ходе эволюции эта идея превратилась в некую эрзац-религию («религию прогресса»). Идея прогресса заряжала социально-историческим оптимизмом, порождала и стимулировала активно-деятельностное, экспансионистское отношение к окружающему миру.

Идея прогресса продемонстрировала свою живучесть. Могли меняться слова: «прогресс», «модернизация», «трансформация», «экономический рост», «вестернизация», «цивилизаторская миссия» и т. д., но неизменным оставалось убеждение, что человечество объективно-вынужденно проходит универсальные стадии в своем развитии, двигаясь вперед («вверх») по восходящей линии от низшего к высшему, от деспотизма и тирании к демократии и свободе, от темноты и невежества к просвещению и цивилизации, от голода и нищеты к благополучию и процветанию. Эта идея оказалась очень востребованной на Западе. Она стала теоретико-методологическим инструментом ранжирования цивилизаций, стран, народов: одни социумы – западные – признавались «передовыми», «цивилизованными», более «продвинутыми» и «развитыми», а другие – «отставшими» и «неразвитыми» и поэтому ради своего же блага нуждающимися в опеке и помощи со стороны «развитых». На практике это выразилось в том, что страны Запада стали позиционировать себя как лидеры мирового процесса и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела других государств. В этом смысле идея прогресса оказалась весьма удобным и эффективным политико-идеологическим орудием подчинения себе окружающего мира. «В конечном итоге, – пишет Т. Шанин, – идея прогресса превратилась в могущественную идеологию порабощения. Во имя ее вершились и вершатся акты поразительной жестокости, оправдываемые «великим будущим», а поэтому допустимые, более того, мыслящиеся как прямые обязанности элит» [1, с. 36]. Прогресс Китая, Индии, других стран существенно изменяет теоретические представления о прогрессе как явлении характерном исключительно для Запада. ... Сегодня прогресс обретает цивилизационную размерность, которая отвергает единый образец

и универсализацию чьего бы то ни было опыта, включая западный. Прогресс утратил линейность форм и начинает свое существование в рамках разных цивилизаций и наций [2, с. 12].

Однако созданный на Западе мощный идеологический аппарат, не может приостановить свою работу, постоянно формирует образ нового врага. На наших глазах создается такой новый враг для западной цивилизации, новый фронт идеологического противостояния, полюсами которого выступают Запад и Восток.

Современные Индия и Китай демонстрирует новые подходы к налаживанию межцивилизационного диалога. Эти цивилизации с давних времен выработали высокую толерантность, стремление к гармонии и миру. Так, уже в первые годы после образования КНР конфуцианские идеи о взаимоуважении и гармонии были адаптированы применительно к внешнему миру и выражены Мао Цзэдуном в известных пяти принципах мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

Внешняя политика современного Китая исходит из того, что все страны на международной арене являются равноправными вне зависимости от размера территории, уровня государственной мощи и богатства, а их народы имеют право выбирать социальную систему и путь развития в соответствии со своей волей и реалиями своей страны. Поэтому для налаживания межгосударственных отношений правильным выбором является установление дружественных связей и взаимовыгодного сотрудничества на основе пяти принципов мирного сосуществования, содействие развитию и всеобщему процветанию [3, с. 27]. Подобных принципов придерживается Индия, многие страны и народы Востока.

Литература и источники

1. Шанин, Т. Идея прогресса // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 32–37.
2. Буров, В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика / В.Г. Буров, В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2007. – № 5. – С. 7–26.
3. Юй Суй. Поднебесная на марше // Беларуская думка. – 2011. – № 9. – С. 22–29.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

П. С. Карако

Современные экологические проблемы становятся предметом внимания не только со стороны представителей научного знания, общественных деятелей, политиков, но и религии. На страницах многих религиозных изданий проводится оценка состояния природы, отмечаются причины его ухудшения, вносятся предложения по оптимизации социоприродных взаимоотношений. Среди последних подчеркивается необходимость осуществления интеграции экологии, этики и религии. В таких изданиях стали употребляться и выражения: «христианская этика», «православная экология», «христианская экологическая этика» и другие, которые означают и соответствующие направления мысли в христианстве. В этой связи возникает вопрос. Насколько убедительны суждения

теологов христианства по данному вопросу? Ответ на него может быть получен при анализе соответствующих положений, содержащихся в официальных документах и суждениях представителей христианства.

Последовательно и содержательно «мнение» Русской православной церкви о проблемах состояния и охраны природной среды изложено в ее современном теоретическом документе – «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2000). В нем есть раздел под названием «Церковь и проблемы экологии», в котором выражается «мнение» этой церкви по широкому спектру экологической проблемы. Богословы православия выражают свою обеспокоенность за современное состояние природы. Они констатируют глобальную выраженность начавшейся деградации всех компонентов биосферы: истощение ее невозобновимых минеральных ресурсов, сокращение запасов пресной воды, накопление в биосфере вредных для нее веществ и т. д. Ими делается вывод, что биосфера «оказалась на пороге глобальной экологической катастрофы» [1, с. 71].

В документе обращается внимание и на причины всего этого. По убеждению его авторов, они коренятся в «грехопадении человека и его отчуждении от Бога», произошедшее еще в «доисторические времена». Уже тогда человек вместо «возделывания» и «хранения» всего того, что создал Бог, стал осуществлять властвование и насилие над окружающим его миром. Последующее усиление подобного отношения человека к природе и стало причиной современного экологического кризиса. Но этот кризис, говорится далее в цитируемом источнике, заставляет людей и «пересмотреть» их отношение с окружающим природным миром. Люди начинают осознавать необходимость принятия действенных мер, которые способствовали бы прекращению деграционных процессов в природе. В качестве таких мер называются: изменение методов хозяйствования, создание ресурсосберегающих технологий и безотходных производств и т. д.

Подчеркивается и тот факт, что в настоящее время «получает развитие экологическая этика», а «руководствующееся ею общественное сознание высказывается против потребительского образа жизни», отмечается важность «повышения нравственной и юридической ответственности за вред, нанесенный природе», предлагается «ввести экологическое обучение и воспитание» учащихся и студентов. Русская православная церковь призывает «объединить усилия по защите окружающей среды на базе широкого международного взаимодействия» [1, с. 72].

Но все сказанное осуществляется в системе научного знания, светского образования и воспитания, природоохранной политике государства. В этой системе получила свое обоснование и экологическая этика. В настоящее время она становится научной и учебной дисциплиной. В Республике Беларусь издано и первое учебное пособие по курсу экологической этики. А в чем же выражается вклад православной церкви в решение отмеченных вопросов? На страницах цитируемого труда ответа на поставленный вопрос мы не находим. Авторы данного труда констатируют лишь то, что делается научным знанием и государством в области охраны природы.

Не находим мы ответа и на вопрос о характере развития экологической этики, ее социальной функции в данном документе. Но он поднимается и в следующих официальных материалах православной церкви. Так, в Программе

сотрудничества Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Беларуси, Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров РБ и Белорусской Православной Церкви (2004) отмечены возможности ряда направлений совместной деятельности данных государственных органов и церкви по сохранению и улучшению природной среды Беларуси. Среди них называются просвещение и воспитание граждан в «духе бережного отношения к окружающему миру», формирование у них навыков рационального использования природных ресурсов, «этики потребления». Подчеркивается важность «подготовки материалов по вопросам экологической этики» [2, с. 94].

Многие аспекты охраны окружающей среды отражены и в Решениях Международной научной конференции «Церковь и окружающая среда: Европейский опыт и украинские перспективы» (Ужгород, 2007). В них констатируется, что «объединение усилий Церкви, научных и светских учреждений, государственных и общественных организаций является сегодня чрезвычайно важным и актуальным для решения местных, национальных, региональных и глобальных проблем сохранения Природы, Биосферы и обеспечения безопасности человечества» [3, с. 92]. Указываются и конкретные направления их «усилий» по сохранению окружающей человека природной среды: осуществлять совместную работу светских и церковных заведений по повышению знаний обучающихся в области «экологической этики и культуры», включить в учебные планы учреждений религиозного образования предмет «Богословская экологическая этика», обязать Церковь оказывать помощь светским учебным заведениям по подготовке учебных программ по экологической этике и планов практических действий в отношении охраны окружающей природы и т. д.

Сегодня важно, чтобы эти усилия стали реализовываться на практике, а не оставались только зафиксированными в виде пунктов разного рода «программ» и «решений». Только когда они начнут воплощаться в конкретных делах по охране природы, вот тогда и можно будет говорить о роли религии в преодолении экологического кризиса и ее вкладе в разработку христианской экологической этики. До настоящего времени такое направление теологии еще не сформировалось. Богословами и многими приверженцами религиозных подходов по охране природы сделаны только общие заявления о важности создания христианской экологической этики.

На этом пути представителям таких подходов важно осознать и осуществить ряд значимых для них положений и действий. Некоторые из них сформулировал немецкий экофилософ В. Хёсле. Прежде всего, он делает упрек христианству за то, что ему не удалось разработать этику, общепризнанную в условиях техногенной цивилизации. Только осуществив такую работу, оно, по его убеждению, «найдет себе оправдание» и «сможет выжить во всемирной истории». Далее им предложен и ряд изменений содержания христианской экологической этики, от реализации которых будет зависеть и ее «выживаемость»: «Церковные законы должны претерпеть принципиальное изменение. Претендовать на верность духу христианской этики сегодня вправе скорее тот, кто ведет себя в соответствии с ситуацией кризиса окружающей среды, нежели тот, кто следует традициям, древность которых, возможно, и вызывает к себе уважение, но мало способствует решению экзистенциальных проблем человечества. Теологическое образование...

также должно быть реформировано. Учителю этики (а ведь именно им обязан быть священник)... важнее обладать основными экологическими знаниями, чем придаваться дотошным литургическим штудиям» [4, с. 98–99].

Значимость экологических знаний и экологического образования в преодолении современных экологических проблем отмечал только Иоанн Павел II. Но его мысли и суждения по этому вопросу почему-то не встречаются в текстах тех богословов, которые называют себя представителями христианской экологической этики. В их трудах нет и упоминания об экологии как области знания и факторе решения экологической проблемы. Отсутствие положений и выводов современной экологии в теоретических положениях приверженцев христианской этики не позволяет говорить о христианской экологической этике как сложившемся направлении в христианстве.

Литература и источники

1. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2000.
2. Программа сотрудничества Минприроды Беларуси с Белорусской православной церковью по вопросам охраны природы // Гуманитарный экологический журнал. – 2010. – № 2.
3. Решения Международной научной конференции «Церковь и окружающая среда: Европейский опыт и украинские перспективы» // Гуманитарный экологический журнал. – 2009. – № 2.
4. Хёсле, В. Философия и экология. – М., 1993.

ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИО-ЭКОСИСТЕМЫ

И. К. Русанду

Отмечая характерную для научных разработок Авиценны прогностическую ориентацию, следует отметить вклад ученого в исследование такого научного феномена, который в последствие получил терминологическое оформление в понятии «инновация».

Инновационные процессы сопровождали всю человеческую историю, хотя введение новшеств на заре человеческой истории происходило с большими промежутками времени, в конечном счете, исходило из потребностей развития человечества. В социокультурном плане инновации связываются с научно-техническим прогрессом, способствующем развитию общества. В последнее время они стали рассматриваться не только в экономическом плане, но и более широко, как особый род творческой деятельности, генерирующий, прежде всего, новое знание и другие нововведения.

До сих пор инновационные процессы в основном были ориентированы на улучшение традиционных форм социально-экономического развития и тем самым, в темпоральном аспекте, – на реализацию в настоящем. Рост масштабов инновационных процессов в обществе отражает не только более интенсивную динамику современного развития, но и собственную потребность избавления от всего устаревшего и неэффективного. Так или иначе, устаревшие продукты и технологии любого вида деятельности ориентируют деятельность не столько на настоящее и будущее, сколько на прошлое человечества.

Сам эволюционный процесс на его главной линии – магистрали универсальной эволюции – может быть представлен в качестве двух взаимно дополняющих процессов, выражающихся в принципах эволюционного консерватизма и эволюционных изменений (инноваций), который часто называют усложнением, повышением организации и т.д. Принцип эволюционного консерватизма заключается в том, что в процессах прогрессивного развития, если они длятся долго, как универсальная эволюция, действует преемственность. Преемственность выражается в том, что накопленное системой содержание (прежде всего, информационное) включается в новые более высокие по уровню развития структуры, тем самым канализируя эволюционный процесс. Это делает реальный эволюционный процесс комбинаторно-направленным.

Инновационный принцип выражает неизбежность появления нового в эволюционирующей системе, увеличение информационного содержания системы, усложнение заключенного в ней разнообразия. Нововведение усложняет систему, делает ее более организованной, если появляются связи между старыми и новыми элементами и частями. Возникновение нового в эволюционирующей системе ведет к росту разнообразия, и согласно закону необходимого разнообразия, к увеличению устойчивости более сложной системы. Рост устойчивости в этом случае происходит за счет увеличения сложности, уровня организации или, если следовать информационному вектору эволюции, за счет роста информационного содержания системы.

Понятие «инновация» утрачивает свой чисто социальный смысл и становится принципиально социоприродным понятием: появление нового видится не просто в социальной системе координат, а в социоприродной системе (социоэкосистеме). Все чаще инновация вносится человеком не только в социум (экономику, социальную сферу и т.д.), но и в природу. Это следует из самого понимания устойчивого развития как социоприродного процесса, из того, что новое является порождением не только человеческого сознания, но и природы как таковой (за счет которой живет человек и человечество). Появление нового в обществе и природе – это эволюционный процесс, и инновации следует рассматривать именно в системе «общество – природа». Такое социоприродное видение инноваций диктуется синергетикой и экологией, поскольку элементарной системой развития является социо-экосистема.

В контексте изложенного следует отметить важную роль концептуальных разработок Авиценны, посвященных проблеме выявления гармонии как состояния душевного равновесия, необходимого человеку для практической реализации интеллектуального потенциала в обыденной деятельности. Творческие возможности личности, по заключению ученого, реализуются во всей полноте в ситуации социального запроса научного результата, что необходимо предполагает формирование определенной социальной среды, в которой практическая реализация творческого продукта (то есть собственно инновация), оказывается жизненно необходимой.

ИДЕЯ НЕНАСИЛИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ МИРА

Р. Н. Дождикова

Идея ненасилия выступает как основа стратегии мира на Земле. Можно сказать, что идея ненасилия как своего рода надбиологическая программа жизни, деятельности, поведения и общения представляет собой социокод (В. С. Стёпин), передаваемый из поколения к поколению как на Востоке, так и на Западе. В христианстве идеи ненасилия были сформулированы в Нагорной проповеди и, прежде всего, в следующих заповедях Христа: «не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»; «любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас. ...Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» (МФ., 5; 39, 43, 46). Христианские идеи ненасилия находят свое отражение в учении о непротивлении злу насилем Льва Толстого, согласно которому человек должен перестать делать зло, совершать насилие даже тогда, когда сам становится объектом зла и насилия. «Нельзя огнем тушить огонь, водой сушить воду, злом уничтожать зло», – пишет Л. Толстой в своей статье «О непротивлении злу злом». Не только на добро надо отвечать добром, но и на зло надо отвечать добром. В своей работе «Царство божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» Л. Толстой пишет, что «истинное непротивление есть единственное настоящее сопротивление злу. Оно сокрушает голову змия. Оно убивает и вконец истребляет злое чувство. ...Непротивление сохраняет – противление разрушает». Согласно Толстому, «единственный смысл жизни человека состоит в служении миру содействием установления царства божия». В своей работе «Закон насилия и закон любви» Л. Толстой утверждает, что «сущность жизни человеческой и высший закон, долженствующий руководить ею, есть любовь». То, что любовь есть необходимое и благое условие жизни человеческой было признаваемо всеми религиозными учениями древности (учениями египетских мудрецов, браминов, стоиков, буддистов, даосистов и др.). Однако только Христос возвысил любовь до уровня основополагающего, высшего закона жизни, согласно которому в любви и через любовь в человеке обнаруживается божественное начало: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин., 4, 16). Поэтому любовь к Богу и человеку есть единственно возможная основа единения людей: «Царство Бога на земле есть мир всех людей между собой».

Идеи Л. Толстого нашли свое продолжение и развитие в идеологии ненасилия Махатмы Ганди, которая, в свою очередь, повлияла на лидера ненасильственного сопротивления расизму Мартина Лютера Кинга. Так, М. Ганди писал, что «Россия в лице Толстого дала мне учителя, который предоставил теоретическую основу моего ненасилия». В своей стратегии «сатьяграхи» («твердости в истине») М. Ганди соединил идеи Л. Н. Толстого с индуистской идеей ахимсы («непричинения вреда живым существам»). Ганди предложил народу Индии принципиально новый путь возрождения страны (не вооруженное восстание и не путь петиций колонизаторам) – путь «ахимсы», ненасилия. Ахимса означает внутреннее решение человека, в основе которого – признание высшими ценностями жизни и любви к человеку и всему живому. В мире идет не борьба

между хорошими и плохими людьми, а борьба между Жизнью и Смертью, Добром и Злом в душе каждого человека. Отказ от участия в делах Зла проводит человека на путь строительства нового мира – мира Добра. «Ненасилие – не только позиция сильных, но и сама по себе сильная позиция», которая привела к тому, что Англия добровольно «ушла» из Индии, оставив свои колониальные притязания.

Мартин Лютер Кинг адаптировал философию и методы Ганди для ненасильственной борьбы за гражданские права негров в США. В согласии с христианской идеей ненасилия Мартин Лютер Кинг призывал к любви, пониманию и единению, ибо «древний закон «око» за «око» приведет к тому, что все останутся слепыми. Он аморален потому, что пытается усмирить противника, а не привлечь его на свою сторону. Насилие аморально, ибо оно наживается на ненависти. Оно разрушает единство и делает невозможным братство между людьми. ... Темнота не может разогнать темноту: на это способен только свет. Ненависть не может уничтожить ненависть: только любовь способна на это. Ненависть умножает ненависть, насилие умножает насилие, грубость умножает грубость. Ненасилие – могущественное и верное оружие, которое побеждает, не нанося ран... Любовь – это единственная сила, способная превратить любого врага в друга». Борьба Кинга привела к принятию закона, запрещавшего сегрегацию (1964).

Идеи ненасилия включены в концепцию «благоговения перед жизнью» А. Швейцера, который примером своей жизни и благотворительной деятельности подтвердил их целительный характер. «Благоговение перед жизнью», по А. Швейцеру, содержит в себе три основных элемента мировоззрения как три взаимосвязанных результата мышления: смирение, этику, миро- и жизнеутверждение. Этический принцип «благоговения перед жизнью» может стать одновременно принципом этики межкультурной коммуникации – «благоговения перед культурой и традицией» (В. А. Лекторский) как Запада, так и Востока, а «смирение в сердце человека – основой мира на Земле» (Э. Ласло).

Академик В. С. Стёпин в своей работе «Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию» подчеркивает значение стратегии ненасилия как стратегии выживания человечества: «Важно, чтобы человечество от старых менталитетов техногенной цивилизации перешло к новому видению мира. Новый способ жизни в этом мире обязательно будет включать в себя стратегию ненасилия. Когда я работаю с объектом, в который я сам включен, то насильственное, грубое его переделывание может вызвать катастрофические последствия для меня самого. Ибо, трансформируя объект, я изменяю свои собственные связи и функции. В этом случае неизбежны определенные ограничения моей деятельности, ориентированные на выбор только таких возможных сценариев изменения мира, в которых обеспечивается стратегия выживания. И эти ограничения основываются не только на объективных знаниях, возможных линиях развития объектов, но и на определенных ценностях, понимании приоритета добра, красоты и человеческой жизни. Если это новое мировоззрение является условием выживания человечества, то этику ненасилия по справедливости следует считать фундаментальной и, я бы добавил, самой лучшей, вдохновляющей частью этого мировоззрения».

КАНТОВО УЧЕНИЕ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОГО МИРА

О. Л. Познякова

Цивилизационный диалог Восток – Запад традиционно принято проводить в контексте утверждения или отрицания идеи «единства мира».

Автор статьи предлагает теоретическое основание модели единства мира, в основе которой положено Кантово учение об универсальном характере природы человека.

Известно, что одним из первых, кто преодолел европоцентризм и обратил внимание не только на западную цивилизацию, но и на культуру других народов, был Ф. Вольтер, который тем самым значительно расширил предмет исторической науки. Помимо многих просветителей, к идее становления общемировой цивилизации склонялись такие видные специалисты в области цивилистики, как А. Тойнби и К. Ясперс. Однако наиболее значительный вклад в разработку и лучшее понимание данного вопроса внесли, несомненно, В. Макнил, И. Валлерстайн, К. Чейз-Данн, Д. Уилкинсон и др. Благодаря их усилиям появились и получили широкое распространение такие понятия, как «единая цивилизация», «общие цивилизационные принципы», «глобальная цивилизация», «единая мировая цивилизация», «универсальная цивилизация» и т. п., которые указывают на характерные для всего человечества процессы, лежащие в основе регуляции общественных отношений и тем самым на цивилизационное единство различных стран и народов, составляющих мировое сообщество. Для сторонников такого подхода является вполне очевидным, что после эпохи Великих географических открытий все народы со временем оказались втянутыми в мировую историю и к началу XX века получили общий опыт.

Иммануил Кант, немецкий мыслитель XVIII века, разработал оригинальное учение об универсальном характере природы человека. Данное учение может выступать в качестве теоретического основания идеи единства современного мира.

По И. Канту, природа человека как родового существа заключается в его разумности. В рамках своей *гносеологической концепции* немецкий философ показывает, что специфическим отличием человека является внутренняя способность априорного знания. И. Канту также принадлежит идея внутреннего времени, без которой понимание природы человека было бы вообще невозможно. Без понятия внутреннего времени человек не имел бы представления о прошлом, благодаря которому он вообще отличается от животного.

Принципиально важным для понимания природы человека являются мысли И. Канта о трансцендентальном единстве апперцепции. По И. Канту, «Я» – это «определяющий субъект», который образует активную часть, сторону мышления и определяет, решает, с какими элементами знания, понятиями сознания устанавливать соответствующую связь.

Такова универсальная природа человека с точки зрения гносеологических параметров в философии И. Канта. Что касается *этического учения* философа, то здесь главное заключается в том, что человек признается существом в двух кардинально отличных друг от друга мирах – познаваемом и непознаваемом,

эмпирическом и интеллигибельном. Как эмпирическое существо человек находится целиком во власти природного детерминизма: все его поступки обусловлены не зависящими от него обстоятельствами, у него нет свободы воли и он, следовательно, по существу невменяем. Но с другой стороны, человек есть «вещь в себе», которая неподвластна законам природы, обладающая разумом и независимая от чувственности и внешней среды вообще. Это и есть подлинный человек, ответственный за свои поступки, ибо он обладает свободной волей и поэтому есть господин самому себе.

Поступки человека не должны быть непосредственной реакцией на эмпирическую ситуацию. Между эмпирической ситуацией, созданной внешним временем, и поступком человека вклинивается деятельность разума со своими идеями добра, морального долга и т. д. Именно идеи разума, которые носят априорный характер, являются основой построения общественной морали и фундаментом правил, которые должны управлять действиями и поступками человека.

Иными словами, человек не только должен быть нравственным существом, но он вполне способен быть таковым. Из этого вытекает *идея нравственного совершенствования личности*, которая находит в учении И. Канта всестороннее и принципиально новое по своему содержанию развитие. Моральное совершенствование непременно предполагает социальное переустройство, но последнее создает лишь благоприятные условия для нравственной самодетельности личности.

Таким образом, великий кенигсбержец указал на два основополагающих универсальных свойства человека: априорное мышление и способность к моральному совершенствованию. Именно благодаря этим двум природным качествам в эпоху глобальных конфликтов возможно говорить о единстве современного мира и о выживании человечества. В этом смысле, Иммануил Кант – наш современник и союзник.

Литература и источники

1. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе // И. Кант. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1965.

ВЫСПЯВАННЕ ПЕРАДУМОЎ НАВУКІ СУЧАСНАГА ТЫПУ ЯК КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНЫ ФЕНОМЕН

А. І. Бабко

Узнікненне навукі сучаснага тыпу напачатку Новага часу было падрыхтавана папярэднім развіццём чалавечага пазнання і культуры ў цэлым, яно належыць да найважнейшых вынікаў духоўнай працы чалавецтва.

Неабходна адзначыць, што дадзеная тэза выглядае небясспрэчнай: яна абаяраецца на бачанне гісторыі ўвогуле і гісторыі навукі ў прыватнасці, якое ў другой палове XX ст. выклікала катэгарычную нязгоду філосафаў, якіх мы прызвычаліся называць постмадэрністамі. Далёкія ад таго, каб разглядаць гістарычнае развіццё як цэласны і кагерэнтны працэс, яны зважаюць найперш на «выпадкі і выпадковыя супадзенні, што сыходзяцца ў вырашальныя моманты, каб

даць пачатак новым эпохам, паняццям і інстытуцыям» [1] (тут і далей пераклад мой. – А. Б.). Акрамя таго, да філосафаў, якія не маглі прыняць і не прымалі згаданы падыход, належыць Т. Кун – магчыма, самы вядомы і ўплывовы крытык менавіта ў кантэксце гісторыі навуковага пазнання, які нястомна падкрэсліваў яе дыскрэтны, унутрана разарваны характар.

Тым не менш аналіз гістарычнага разгортвання навуковага пошуку дае важкія аргументы на карысць уяўлення пра яго як пра ўнутрана звязны, адзначаны глыбокім адзінствам працэс (яго адзінства і звязнасць абумоўліваецца ў канчатковым выніку адзінствам духоўнай стыхіі, у якой ён здзяйсняецца). Пра гэтым важна мець на ўвазе, што аднабаковае кумулятывісцкае яго апісанне, якое так рэзка крытыкаваў Т. Кун, зусім не з’яўляецца непазбежным вынікам згаданага ўяўлення: метадалагічны і метадычны інструментарый, неабходны для разгляду гістарычнага развіцця навукі ў непадзельнасці і ўзаемаабумоўленасці бесперапынных і дыскрэтных, эвалюцыйных і рэвалюцыйных, экстэнсіўных і інтэнсіўных яго характарыстык і стадый, мы можам знайсці, напрыклад, у дыялектычнай філасофскай традыцыі.

У кантэксце ўзнікнення навукі сучаснага тыпу найбольш яскравым і пераканаўчым гістарычным сведчаннем слухнасці акрэсленай пазіцыі з’яўляецца той факт, што ў працэсе разгортвання чалавечага пазнання неаднойчы і ў розных культурных асяродках прыкладаліся інтэнсіўныя і досыць паспяховыя намаганні па тэарэтычным засваенні рэчаіснасці, якое шмат у чым адпавядае мадэрнаваму ідэалу навуковасці.

Найперш у гэтым плане неабходна згадаць эліністычную навуку, якая можа разглядацца і як правобраз, і як своеасаблівы эмбрыён навукі сучаснага тыпу. Прысвечаная вытанчаным, складаным праблемам, яна мела высокаматэматызаваную форму (якая часам ацэньваецца як татальная, абсалютная, так што эмпірычны аспект выглядае ў ёй нібы пазбаўленым права на існаванне – на гэта ўказваюць, напрыклад, С. Хокінг і Л. Млодзінаў [2, с. 24]). Пра яе істотную блізкасць да навукі сучаснага тыпу яскрава сведчыць той момант, што пэўныя яе дасягненні (тэорыя вагара, тэорыя плавання целаў) «былі дастаткова проста інкарпараваныя» ў склад мадэрнай сістэмы ведаў [3, с. 85].

Варта адзначыць, што ўзаемная блізкасць (але, натуральна, не тоеснасць) александрыйскай навуковай традыцыі і навуковага пошуку, які разгортваўся ў Новы час, схіліла нават некаторых гісторыкаў навукі да высновы, згодна з якой дадзеная традыцыя падаецца як таямнічае, невытлумачальнае «іншароднае цела» ў антычным культурным кантэксце. Пазбаўленая істотных стасункаў з іншымі культурнымі феноменамі, яна цікавіла нібыта толькі яе творцаў, а таксама прадстаўнікоў пталемееўскай дынастыі, што невядома з якіх прычын падтрымлівалі яе [3, с. 55]. У гэтым меркаванні знайшоў свой адбітак (безумоўна, у перабольшаным выглядзе) адмысловы характар эліністычнай навукі. Аднак пагадзіцца з канстатаванай у ім поўнай выключанасцю дадзенага феномена з агульнакультурнага кантэксту антычнасці ні ў якім разе нельга. Па-першае, узнікненне александрыйскай навукі было падрыхтавана яе вялікімі папярэднікамі, вынікі працы якіх справядліва набылі статус класічных. Па-другое, яе нельга вырываць з таго ўсеагульнага грамадскага і культурнага кантэксту, у якім разгортвалася пазнавальная дзейнасць грэкаў, складовай часткай якой яна з’яўляецца. Тут неабходна адзначыць, што александрыйская навука, як і ўся

эліністычная культура, паўстала на грунце інтэнсіўнага міжцывілізацыйнага дыялога, выкліканага да жыцця заваёвамі Аляксандра Македонскага і стварэннем ягонаў імперыі.

Другім гістарычным феноменам, надзвычай бліжкім па сваіх характарыстыках да навуковага пазнання сучаснага тыпу і надзвычай уплывовым з пункту гледжання выспявання перадумоў гэтага апошняга, з'яўляецца сярэднявечная ісламская навука. Неабходна падкрэсліць, што яна, у сваю чаргу, зведала моцны ўплыў антычнай навуковай спадчыны і можа разглядацца як далейшае яе творчае развіццё, як раскрыццё невыяўленых у свой час творчых яе патэнцый і, значыцца, як магутнае намаганне па яе прасоўванні, трансляцыі, перадачы ў прышласць [3, с. 56–59]. (Згаданая трансляцыя адбывалася, аднак, на падставе няпростых, супярэчлівых стасункаў заходняй і ўсходняй цывілізацый, у якіх тым не менш заставалася месца для плённага, выніковага міжкультурнага дыялога). Паколькі прадстаўнікі ісламскай навукі маглі абаперціся на трывалы падмурак, створаны антычнымі філосафамі і навукоўцамі, яны здолелі ў пэўных адносінах бліжэй падыйсці да новаеўрапейскіх пазнавальных стандартаў, чым іх вялікія папярэднікі. Так, ісламскія даследчыкі, не звязаныя, у адрозненне ад элінаў, комплексам парадыгматычнай сузіральнасці, зусім не саромеліся весці эксперыментальны пошук, які займаў у іх навуковай дзейнасці годнае і прызнанае месца.

Ісламская навука дасягнула істотных поспехаў у розных галінах пазнання. Напісаныя ў XI ст. працы Авіцэны ў галіне медыцыны, напрыклад, на працягу многіх стагоддзяў (фактычна, да пачатку Новага часу) і ў хрысціянскім, і ў ісламскім свеце выконвалі ролю стандартных медычных тэкстаў [4, с. 427]. Гісторыкі навукі падкрэсліваюць універсалізм, рознабаковасць, багатую эрудыцыю гэтага слаўтага навукоўца, сярод зацікаўленняў якога істотнае месца належала і філасофіі [3, с. 57–58].

У выпадку эліністычнай і ісламскай навукі гаворка ідзе пра ідзе пра феномены, што праіснавалі больш-менш працяглы час і здолелі ў значнай ступені раскрыць свой творчы патэнцыял. У гісторыі чалавечага пазнання мелі месца, аднак, і такія сітуацыі, у якіх пэўным спробам і інтэнцыям, якія ў перспектыве таксама маглі прывесці да спасціжэння рэчаіснасці, блізкага да навукі сучаснага тыпу, не было наканавана развіцця і здзейсніць адпаведную магчымасць. Як лічыць К. Ронан, напрыклад, падобная перспектыва вымалёўвалася ў кітайскай культуры ў сувязі з дзейнасцю філосафаў, што належалі да школы легістаў. Легісты імкнуліся ахопліваць усе рэчаісныя з'явы і працэсы дакладна, перадаючы іх пры дапамозе лікаў. Калі б дадзеная інтэнцыя была задзейнічана і ў навуцы, дык, магчыма, навуковая рэвалюцыя пачалася б у Кітаі на семнаццаць стагоддзяў раней, чым на Захадзе [5, с. 203–204].

Аднак у імперыі Цынь, як і ў эліністычным ці сярэднявечным арабскім свеце, бракавала трывалага культурнага, духоўнага падмурка для такой падзеі. Спрыяльныя для яе сацыяльныя ўмовы паўсталі напачатку Новага часу ў заходнім культурным асяродку, калі на арэну гістарычнай творчасці выйшла дзейная, дынамічная асоба, якая прагнула эфектыўнасці, паспяховасці кожнага свайго дзеяння і таму мела вострую патрэбу ў неабходных для гэтага ведах пра характар і сутнасць рэальных з'яў і працэсаў. Згаданая патрэба і спарадзіла навуку, якая абапіралася на эксперыменты, назіранні і апрацоўвала назапашаны такім чынам

фактычны матэрыял пры дапамозе вытанчанага матэматычнага інструментарыя.

Т. ч., чалавецтва ў працэсе свайго гістарычнага развіцця шукала, намацвала ў багатай палітры сваіх пазнавальных практык спосаб тэарэтычнага засваення свету, які ўвасобіўся ў навуцы сучаснага тыпу. Выспяванню яе перадумоў істотна паспрыялі розныя цывілізацыйныя асяродкі. Таму, хоць яна паўстала ў Еўропе, яе неабходна разглядаць як вынік духоўнай працы ўсяго чалавецтва, як вынік плённага міжкультурнага дыялога, які здзяйсняўся, праўда, на напоўненым драматычнымі калізіямі, супярэчлівым грунце.

Літаратура і крыніцы

1. Aylesworth, Gary. Postmodernism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Edition), Edvard N. Zalta (ed.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/postmodernism>. – Дата доступа: 05.12.2013.
2. Hawking, S.W. Der große Entwurf: Eine neue Erklärung des Universums / S. W. Hawking, L. Mlodinow. – Reinbek: Rowohlt, 2010.
3. Cohen, H.F. Les raisons de la transformation et la spécificité européenne // L'Europe de science: constitution d'un espace scientifique / sous la dir. de M. Blay, E. Nicolaïdis; M. Assimakopoulos, M. Beretta, M. Blay H. F. Cohen, M. Gally et otr. – Paris: Éditions du Seuil, 2001. – P. 51–94.
4. Ley, H. Ibn Sina // Philosophenlexikon / hrsg. von E. Lange und D. Alexander. – 4.Aufl. – Berlin: Dietz Verlag, 1987. – S. 426–433.
5. Ronan, C. Histoire mondiale des sciences. – Paris: Éditions du Seuil, 1988.

НАУКА И МИФ: АСПЕКТЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

А. А. Спектор

Человек как биологический вид обладает уникальными свойствами. Появившись в одном из регионов Африки, он расселился практически по всем климатическим поясам. Он построил культуру и цивилизацию, осваивая мир. Освоение мира включает познавательно-преобразующую деятельность и формирование мировоззрения. Стремление объяснить мир, найти в нем свое место порождает и мнение, и знание, и мифы, и науку, и религию. Недаром уже на постнеклассическом этапе развития науки появился антропный принцип, формулировка которого заключается в следующем «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [3]. Можно даже сделать предположение, что разум является одним из условий ее существования и появляется в результате эволюции вселенной, но этот вопрос во многом выходит далеко за пределы науки. Во всяком случае, антропный принцип рассматривает человека как наблюдателя [3], деятельностный подход – как созидателя [8].

И познание, и преобразование, и мировоззрение напрямую связано с практической деятельностью. Ведь именно земледелие, путешествие, торговля породили математику и астрономию, а медицина стала основой биологии. Но столь же логичным стало появление веры в сверхъестественное, которое легло в

основу религиозного мировоззрения. Кроме того, вера в сверхъестественное представляет собой объяснительный принцип, который многих устраивает тогда, когда феномен невозможно на данный момент познать, но необходимо принимать во внимание и осваивать, адаптироваться к нему.

Следовательно, можно сказать, что и религия, и наука являются адаптивными механизмами для человеческого вида. Между этими феноменами есть не только существенные различия, но имеется и много общего. Причем для сравнения многое зависит от того, какая наука имеется в виду, гуманитарная или естественная.

Прежде всего, и наука, и религия строят свои модели. Религиозная модель построена на вере, но и в рамках науки есть модели, находящиеся на грани рациональной веры [2].

Рассмотрим отношение к истине. В рамках когнитивной парадигмы науки главная ее цель – поиск истины, приращение знания. Религия истину постулирует. Однако в каждой религии истина своя, и вера не отрицает разум.

В рамках конструктивной парадигмы цель науки – принятие решения, выполнение проекта [7]. Истина в рамках конструктивной парадигмы относительна, то есть является истиной в некотором диапазоне.

Но и наука может быть мифологизирована. Научный миф – это принявшее рационализированную форму мифологизированное знание, черпающее свой материал из науки и апеллирующее к ней [1]. Почему же это происходит? Прежде всего, потому, что в рамках какой-либо парадигмы при нормальной стадии развития науки (по Т. Куну) есть некоторые аксиомы и/или теории, которые легче принять. На некоторых этапах, точнее, в периоды кризисов науки, они могут оказаться помехой на пути дальнейшего развития. Например, в эволюционной теории можно говорить о наследовании приобретенных признаков тогда, когда речь идет о мутации *de novo*, но не следует путать их с ненаследственной изменчивостью в рамках нормы реакции. Также не следует путать наследственные и врожденные заболевания.

Т. Кун, автор концепции научных революций и смены научных парадигм, утверждает, что парадигма остается признанной, будучи так называемой дисциплинарной матрицей, то есть своего рода продуктом соглашения между учеными [4]. Благодаря новой парадигме более точно определяется поле исследовательской деятельности и возможно появление новой научной дисциплины. Однако следует учесть, что и новая парадигма может показаться или даже оказаться не парадигмой, а мифом. И. Лакатос [5] разработал методологию научных исследовательских программ, согласно которой у каждой такой программы есть «твердое ядро» и «защитный пояс». В программе имеется две группы правил. Первая группа представляет отрицательную эвристику и показывает, каких путей следует избегать. Вторая группа представляет собой положительную эвристику и показывает направления и методы исследования. Поэтому в науке так важна методология, ведь методологические ошибки могут приводить к мифологизации даже в пределах одной науки. Более сильные риски связаны с междисциплинарными исследованиями. Ведь на грани двух дисциплин проблема узкой специализации проявляется как никогда сильно. Сама по себе специализация – естественный этап развития человеческой культуры и цивилизации, но дело в том, что узкие специалисты в одной области иногда

допускают методологические ошибки, действуя в других областях, иногда даже не смежных. Х. Ортега-и-Гассет [6] еще в прошлом веке указывал на это в несколько ином плане. Он утверждал, что наука позволяет работать в ней людям, не обладающими широким кругозором и широкими знаниями, а являющимися специалистами, причем прекрасными специалистами в какой-то узкой области. И у таких людей возникает ощущение, что они разбираются и в других областях. Самые известные примеры здесь – это появление альтернативных версий всемирной истории, разработанных математиками. Однако проблемы методологических ошибок гораздо шире. И собственно говоря, методологическая ошибка в науке – это еще не миф. Мифом она становится, когда выходит за рамки науки.

Этот аспект мифологизации науки заключается в ее популяризации. Как ни парадоксально это звучит, но популяризация науки напрямую связана с ее специализацией. Популяризацией науки занимаются как ученые, так и журналисты и писатели. Здесь очень многое зависит от специализации пишущего. Огромное количество научных мифов, распространенных в наше время, вызвано тем, что люди, которые пишут о науке, разбираются только в одном или нескольких ее аспектах. Отсюда можно сделать следующие выводы: в образовании очень полезным является обучение гуманитариев основам естественных наук и обучение естественников основам гуманитарных наук. Более того, в этом плане весьма полезно развивать дисциплины, лежащие на границе этих областей, в том числе и явления, которые одновременно являются предметом рассмотрения как научного, так и религиозного мировоззрения, а именно – самого человека и мира, его окружающего.

Литература и источники

1. Бляхер, Е. Д., Волынская Л. М. Научная метафора: к методологии исследования трансляции знания. Раздел № 3: метафорические переносы между наукой и обществом // *Философские науки*. – 1989. – Р. 2.
2. Вартофский, М. Модели: репрезентация и научное понимание. – М., 1988.
3. Картер, Б. Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // *Космология: теории и наблюдения*. – М., 1978.
4. Кун, Т. Структура научных революций. – М., 2001.
5. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Структура научных революций*. – М., 2001.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass/read. – Дата доступа: 01.05.2014.
7. Старжинский, В. П., Спектор, А. А. Конструктивная методология как рефлексивная система / В. П. Старжинский, А. А. Спектор // *Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей*. – Курск, 2006. – Вып 7.
8. Стёпин, В. С. *Философия науки*. – М., 2006.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С. П. Чумак

Выбор геополитических приоритетов для территориально небольших стран, значительно ограниченных в энергетических и сырьевых ресурсах, имеет ряд специфических особенностей. Если объективно сложившимся нормативным детерминантом интеграционной динамики выступает постулат о приоритетности вектора социально-экономического развития, при котором страна должна максимально быстро вписаться в мировое экономическое пространство, перейти на новые современные принципы организации хозяйственной жизни, достичь стабильного и эффективного развития национальной экономики, то особую важность в этих условиях приобретает правильный выбор именно национальных приоритетов и грамотное, экономически обоснованное определение основных направлений развития в экономике, политике, культуре. При этом новая модель социально-экономического развития страны должна учесть и специфику, и сложность создания суверенного государства, поскольку, перейдя на демократические и рыночные преобразования, такая страна с трудом начинает осваивать правила плюралистической демократии и цивилизованного рыночного хозяйствования.

Как правило, в силу ряда исторически сложившихся объективных и субъективных факторов, процесс реформирования в развивающихся странах в начальной стадии характеризуется глубоким кризисом, нарастанием деформаций в экономике и социальной сфере, ухудшением условий труда и снижением уровня жизни населения. Этот период протекает в условиях разрушения многих отраслей и производств, деградации технико-технологической базы, сужения внутреннего рынка, роста убыточности и неплатежеспособности производителей, утраты традиционных внешних рынков сбыта, увеличения внешней задолженности государства, и, следовательно, неизбежного ограничения национального суверенитета.

Такая ситуация объективно требует выбора либеральной модели социально-экономического развития с сильной внешнеэкономической компонентой, что на практике означает высокую степень открытости экономики, экспортоориентированность производства, активно конкурирующего на внешнем и внутреннем рынке, открытого для национально безопасного и выгодного импорта товаров, капиталов, услуг, поливекторную внешнеэкономическую интеграцию, основывающуюся на использовании сравнительных преимуществ национальной экономики.

Интеграция в таких условиях представляет собой сложный и динамичный феномен, в основе которого лежит стремление к объединению ранее отдельных блоков экономического механизма, с развитием связей между ними, что выражается через увеличение торговых потоков товаров, людей, капитала и идей. Важным также является осознание растущей взаимозависимости между экономическими пространствами, с формированием открытой системы, которая охватывает различные сферы экономической, политической, социальной жизни.

Но при этом следует учитывать, что приоритетность роли, которую

объективно играет внешнеэкономическая сфера в достижении стратегических целей стабилизации социально-экономической жизни, требует временного перехода к политике целенаправленного внешнеэкономического развития с соответствующим усилением и расширением функций государства.

Стратегия деятельности государства в области совершенствования внешнеэкономической деятельности предполагало сосредоточение усилий государства, прежде всего, на следующих направлениях: развитие государственной инфраструктуры осуществления внешнеторговых операций; диверсификация товарного экспорта; усиление производственно-кооперационного характера связей с зарубежными партнерами; осуществление ограничено-избирательного протекционизма и поддержки импортозамещающих производств; совершенствование системы внешнеэкономического сотрудничества; модернизации в сфере внешних заимствований и иностранных инвестиций; формирование валютных резервов для ослабления зависимости от иностранных кредитов и импортеров.

Главным ориентиром таких реформ может быть последовательное уменьшение дефицита торгового баланса, а в перспективе достижение положительного сальдо внешнеторговых операций и платежного баланса в целом. Практическая реализация такой цели предполагает наращивание объемов экспорта и улучшение его структуры, а также относительное уменьшение импорта за счет внедрения ресурсосберегающих технологий и реализации мер протекционистского характера, направленных на ограничение конкурирующего импорта.

Нормативные цели общества – обеспечение социально-экономического развития, модернизация и повышение конкурентоспособности национальной экономики как внутри, так и за ее пределами, с последовательной интеграцией в сложившуюся структуру международного разделения труда, как способа создания материальных и духовных ценностей. При этом либерализация и глобализация способствуют большей мобильности факторов производства, фрагментации и специализации различных сфер деятельности, со значительным расширением сферы торговли услугами.

Приоритетными направлениями развития системы внешнеэкономических связей должно выступить развитие всех видов экономического и научно-технического сотрудничества и формирование отношений с различными международными и организациями. При этом первоочередными задачами выступают: повышение конкурентоспособности национальных товаров на рынках; стимулирование роста внешнеторгового оборота и тем самым создание предпосылок для безинфляционного оживления производства; повышение привлекательности экономики страны для иностранных интересов; укрепление собственных геополитических позиции.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ПЕРСПЕКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

З. Я. Капустина

Перспективные стратегии и технологии образования и воспитания, полагается, должны определять путь развития народа той или иной страны. Традиционно такие стратегии носили обобщенный характер и касались таких сторон социальной системы, как структуризация, социально-ролевое функционирование субъектов, их социальная адаптация. Все эти составляющие модифицировались в разных схемах в соответствии с изменениями конфигураций самой социальной системы. При этом ориентация была на укрепление вертикали – упрочение иерархических отношений в обществе, т. е. отношений подчиненности.

В условиях торжества идеологии и тоталитарного государства стратегии и технологии образования и воспитания отвечали требованиям государственного заказа. Формировался характерный облик гражданина. При этом гражданское общество продолжало оставаться «в эмбриональном состоянии» (Т. Заславская).

С крушением идеологии и тоталитаризма изменилась структура общества, государства, минимизировались и общественно значимые скрепы (ценности). Поверхностная укорененность их объясняется тем, что порождены они были ситуативно. Изменилась ситуация, изменились и представления о ценностях. В условиях новой реальности традиционные скрепы утратили свою актуальность. На их месте стали развиваться индивидуализм, прагматизм, предприимчивость, взявшие под свое лоно социальные деструктивные явления: наркотизацию, алкоголизацию, фальсификацию всего и во всем; пышным цветом зацвела коррупция; стало утрачиваться доверие, минимизироваться любовь, стали утверждаться смыслы естественного (тварного) существования – безответственность, бесчувственность, равнодушие, природные потребности, порождаемые ими интересы – то есть, стала искажаться сама культура человеческая. Все это определило актуальное состояние общественных отношений в постсоветском пространстве. И нет сомнений, что оно есть прямое следствие несколько упрощенного видения самой сути системной организации общества и государства.

Вертикаль организации общественных отношений еще не отражает полноту и специфику организации человеческого общества. Жизнеполагающее значение имеет организация горизонтали – рядоположенных межчеловеческих отношений.

Допускались и укоренялись стратегии, не способствующие восхождению населения на более высокий культурно-эволюционный уровень развития – развития ценностного сознания, четкого представления о ценностных ориентациях и движения к ним. Общественные отношения строились на предписаниях, заложенных в кодексах, уставах, в традиционно обозначенной ходом истории

«колее».

Горизонталь социальной системы – становление народа добродетельным гражданством, межчеловеческие рядоположенные отношения, не были предметной сферой гуманитарных наук (культурной антропологии, культурологии) и педагогики. Как справедливо заметил Ю. М. Плюснин: «В социогуманитарных науках усиливались процессы «оестествления», во многом благодаря тому, что утверждался в правах методологический принцип естественного происхождения как человека, так и общества, и социальное развитие стало рассматриваться как природно-исторический процесс. Наука, построив в основном относительно непротиворечивую картину мира, вплотную подошла к изучению человеческой психики и сознания, к проблеме механизмов познавательной деятельности, естественным образом предполагая возможным свести их к явлениям, аналогичным природным. Эти тенденции со стороны гуманитарных наук обеспечивались развитием социологии, приобретающей все более позитивистскую окраску (следовательно, и методологически смыкавшейся с естествознанием), а также развитием психологии, которая под влиянием впечатляющих успехов естествознания в конце XIX в. с самых первых своих шагов ориентировалась на экспериментальные, опытные исследования психических функций»... И далее: «Механическое совмещение естественно-научного и гуманитарного способов познания в отношении таких сложных объектов, как человеческая психика или общество, не может дать качественно нового видения объекта и, тем более, по многим пунктам оказывается неприемлемым как для той, так и для другой стороны» [1, с. 14] Стратегии, ориентированные на доминирование естествознания, обществоведения в школьном образовании, на интеграцию педагогики с социологией и психологией в педагогическом образовании не дали качественно нового видения процессов воспитания, формирования и развития гражданственности как ценности человеческой культуры. Теоретические положения остаются неработающими в плане развития духовной и нравственной сферы личности. Бессмысленная интеграция разносферных предметных областей, естественно, не позволяет обозначенным дискурсам оказывать одухотворяющее влияние на сознание, на этическую детерминацию нравственного мировосприятия, миропонимания, мировоззрения личности. Ибо предметная область психологии, социологии, естествознания не содержит и не проясняет смыслов человеческого бытия, его отличия от социального (тварного) существования. Описание социальности как свойства людей, социализации как процесса становления индивидуума существом общественным, не проясняют отличие, особость организации человеческих свойств в индивидууме, особость организации совместной человеческой жизни. И что примечательно, сохраняется умолчание известного факта о том, что социальность – это свойство всех живых существ. Согласно Ю. М. Плюснину, любой индивид, а не только человек с самого момента своего рождения *включен* в какое-то сообщество, *принадлежит* ему – сначала как существо, целиком зависимое от матери и отца, затем как член своего выводка, включенный в группу. Жизнь любого живого существа протекает в сообществе.

Поэтому, осмысливая современные перспективные стратегии и технологии образования и воспитания, следует рассмотреть механизмы формирования и развития межчеловеческих рядоположенных отношений в обществе. Базовым

механизмом может быть только новая педагогика, методологическую основу которой должна составить культурная антропология, что позволит синтезировать знания этических категорий (высших смыслов человеческого бытия, закодированных в них), веру в высшие смыслы и добродетельность (нравственность). Тем самым будет обеспечиваться действительно гармоничное развитие добродетельного человека (гражданина) и гражданского общества (общество способных к добродетельности людей).

Ибо опора на постулируемые социологами, психологами истины, которые составляют содержание современной педагогики, вводят в заблуждение воспитателей и воспитуемых, нивелируют потребность в постижении особых знаний, в формировании добродетельных привычек, в приложении определенных усилий для духовного и нравственного развития. Обозначенным подходом траектория общественного развития незаметно, но уверенно выводится в русло прошлых эпох – в процесс движения от одной точки бифуркации к другой (от бунта к восстанию, от него к революции, от нее к путчу, и все снова по кругу).

И что самое страшное – создается почва, на которой укореняются чуждые идеи, принципы, неразличение добра и зла.

Литература и источники

1. Плюснин, Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. – Новосибирск, 1990.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДУХОВНОЕ УСЛОВИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В XXI ВЕКЕ

Е. И. Мещангина

Воспитательный процесс в высшей школе нацелен на формирование социально зрелого человека, который должен не только брать на себя ответственность при принятии и выполнении решений, но и понимать и принимать многообразие культур и национальных традиций.

Сегодня в условиях глобализации и изменчивости современного мира, необходимо каждому развивать свою личность и человеческие качества. По сути дела, мы должны обеспечить переход от технократической модели образования к модели социокультурной, которая предлагает широкую гуманистическую и гуманитарную подготовку студентов. Другими словами, должна поменяться сама парадигма образования как двуединого процесса обучения и воспитания: в центр всего образовательного процесса ставится человек. Это является мировой тенденцией современного образования. В XXI веке движение к научно-технической цивилизации требует повышения уровня интеллектуального и духовного потенциала общества.

Гуманизация системы высшего образования способна дать студентам знания об обществе, культуре, человеке. Кроме того, процесс гуманизации способствует всестороннему развитию личности. Именно гуманизация и гуманитаризация высшего образования создают необходимые условия для развития общества путем его вхождения в единое мировое и европейское социальное пространство и способствовать всестороннему развитию личности.

Основой парадигмы XXI века стали человек как высшая ценность и культура как коллективный интеллект, как условие самоорганизации и саморазвития личности. Для того, чтобы реализовать творческие потенциалы молодого человека в соответствии с требованиями и реальными возможностями мирового сообщества, необходимо учесть, что главным условием эффективного развития общества, должна быть успешная социализация и инкультурация личности, ее саморазвитие как субъекта культуры. Это предусматривает использование и применение современных образовательных технологий.

Современный технократизм абсолютизировал роль техники и материального производства в социальном процессе, тем самым игнорируя и умаляя духовные ценности. Поэтому система образования рискует превратить знания в товар, свести достижения в области образования и науки к рыночной услуге, лишив их статуса безусловных ценностей.

Кроме того, сегодня акцент на повышении профессионализма через образовательный процесс высшей школы, таит в себе опасность «сужения» воспитательной составляющей образования. Воспитательная работа в вузе должна способствовать развитию и сохранению лучших традиций в обществе.

Сегодня воспитание современного студента невозможно свести к однолинейному процессу формирования тех или иных значимых социальных качеств, т. к. воспитание – это целостный и целенаправленный процесс, который должен обеспечить формирование человека, умеющего сочетать свои убеждения с открытостью новым идеалам, независимого в суждениях, способного адаптироваться к внешним обстоятельствам и действовать без оглядки на авторитеты.

Воспитание предполагает формирование отношений студента к окружающей действительности, к людям и к самому себе. Студент должен осознавать, переживать, оценивать свой собственный опыт, делать выбор и принимать ответственное решение, потому что воспитание – ценностно-смысловая «ткань» всего образовательного процесса.

Сегодня формируется новый тип личности студента, ориентированный прежде всего на жизненный успех. И естественно, коммуникативные установки студентов на сотрудничество, товарищеская взаимопомощь и дружба должны выступать главными ориентирами в образовательном процессе. Это поможет, с одной стороны удержаться в гонке за информационными технологиями, с другой стороны, сформировать и поддержать мотивы познавательной деятельности, что позволит осуществлять свои жизненные выборы на основе собственной системы ценностей.

Вместе с тем, сегодня важно видеть в студентах ту категорию молодых людей, от которых потенциально зависят достижения общественной жизни в ближайшем будущем. Именно поэтому и общество, и государство должны заботиться о воспитании студенчества. Известный русский педагог и ученый К. П. Яновский писал: «Существеннейшие интересы общества и государства требуют, чтобы высшие заведения давали нам людей, развитых духовно и телесно, не только обладающих известной суммой научных знаний, но и воспитанных в строгом уважении к закону... Воспитание в высшем учебном заведении должно быть направлено к развитию в учащихся сознательного уважения (проявляющегося в их поступках) своего человеческого достоинства и личности

других, уважения к закону и законной власти, к развитию в них постоянного стремления к истине и добру» [1, с. 454–455].

Поэтому, сегодня очень важно, чтобы преподаватель во взаимодействии со студентами использовал современные образовательные технологии, которые не ослабевают воспитательный аспект учебной деятельности, а способствуют становлению у них ответственности перед самим собой и обществом.

Воспитание имеет дело с жизненными смыслами человека и значит должно получить значимый статус в самой идеологии высшей школы XXI века.

Литература и источники

1. Яновский, К. П. К вопросу о наших высших учебных заведениях, и об университетах в особенности // Антология педагогической мысли России второй половины XIX–начала XX в. / Сост. П. А. Лебедев. – М., 1990.
2. Балицкий, А. Гуманизация и гуманитаризация образования // Высшее образование в России. – 2007. – № 2.
3. Петрий, П. В. Так ли важны гуманитарные науки в системе образования России // Социология образования. – 2007. – № 3.

HIGHER EDUCATION IN INFORMATION SOCIETY: THE NETWORKED PERSPECTIVE

T. A. Kapitonova

The changes of the modern world caused by the enlarging globalization processes and the development of new information technologies give rise to the new phenomenon of so called “information society” – society with previously unknown social need for information and knowledge. So, Wikipedia defines it as «a society in which the creation, distribution, diffusion, use, integration and manipulation of information is a significant economic, political and cultural activity». Closely related to the concept of «information society» are the concepts of post-industrial society (Daniel Bell), of post-modern society, of knowledge society, of network society (Manuel Castells), etc.

During the last decades the concept of network has gained importance in the context of the theory of information society. For example, Manual Castells in his work: «The Rise of the Network Society» argues that «one of the key features of informational society is the networking logic of its basic structure, which explains the use of the concept of 'network society'» [1, p. 21]. Or: «Dominant functions and processes in the Information Age are increasingly organized around networks. Networks constitute the new social morphology of our societies...» [1, p. 500].

Which forms of education are mostly consistent with this new trend in the area of knowledge?

We suppose, one of these forms is represented by the network model of education. But this model doesn't properly implemented in practice yet; rather it focuses on the future. We attempt to sketch in the network transformation as a possible trend in future development of the educational system. We analyze its potential for a critical rethinking and reforming of the modern education standards in line with the challenges of the postindustrial era.

So educational community in terms of a network perspective can be interpreted as

an extensive network of interacting individuals and (or) organizations. Accordingly, the network model represents education as informational and communicational system with underlying network topology and structure. So, the network educational topology can be outlined as follows: a plurality of network's nodes (it can be both individuals - students, teachers and educational organizations) connected with each other in a certain way in the educational space. In this case, the edges of the graph serve the actual interactions between network's nodes within the educational space.

There are three types of network topology: centralized, decentralized and distributed networks. The first one involves a powerful resource center, where the number of incoming links will be much greater than the number dialed. In the second and third type the centralized resource center does not exist. In the case of distributed network each node is connected with all other neighbors.

Educational network can be built as *university campus network* or university campus area network - i.e. computer network made up of an interconnection of local area networks (LANs) within a compact area of educational institution, including a variety of its administrative buildings, academic buildings, university libraries, campus or student centers, conference centers, etc. For example, as Stanford University Network at Stanford University, or Project Athena at MIT, or the Andrew Project at Carnegie Mellon University.

Distributed educational institutions use new technologies, such as learning through the Internet, satellite TV, network ISDN, fiber-optic networks, video conferencing, etc. Distributed University consists of administrative nucleus and a network of training centers joint by flexible delivery of educational resources. Management of such institution is based on network technology.

Network communities place high demands on the development of not only knowledge but also communicative competence of its actors. Namely communication stands as decisive factor in shaping the education community. Educational networks are the communicative-oriented structures which are implemented an intensive exchange of information, knowledge, research projects, educational programs, courses, material, intellectual, organizational and human resources.

Educational networks can be understood as self-organizing systems, which means that their order does not imposed by external factors. It appears, according to their internal properties and exhibits a certain degree of autonomy. Network interacts with the environment, but it does not define its organization. Educational environment continuously adapts to changing external factors and seeks to promote diversity.

Network gives us a special infrastructure to support the self-organization of the education space: so student is no longer a passive object of the educational intentions of the tutor, but becomes an active creative subject, who freely moves in the intersubjective space of knowledge. As a result we can observe the self-organization and self-reproduction (autopoezis) of an individual educational trajectory of the student.

Thus, the network educational model which emphasizes dialogue, interactivity, self-organization, flexibility - represents the antithesis to the traditional education paradigm, characterized by the rigid uniformity and hierarchy, by the monolog conception of culture. The network paradigm allows us to develop new strategies for creating and maintaining variety in the educational environment [2].

Table 1. Comparing the characteristics of the traditional (hierarchical) and networked education paradigms

Traditional (hierarchical) education paradigm	Networked education paradigm
Monolog conception of culture	Dialogue conception of culture, interactivity
Vertical control	Self-organization
Centralization	Coordination, cooperation
Rigidity	Flexibility
Hierarchical structure of organization	Networked structure of organization
Uniformity in educational environment	Variety in educational environment

Belarus system of higher education includes a variety of educational organizations which have the common control structures, but haven't a common educational environment. These educational institutions have a vertical hierarchical organization and only their controlling tops are horizontally integrated. Such an organization does not contribute to the overall production, reproduction and transfer of knowledge, does not stimulate innovation development in Belarus. Today the primary task of transformation of the system of higher education in Belarus is the *formation of a common educational space* in which we will create, accumulate and develop educational innovations. This task has no solution in the traditional hierarchical discourse because network educational environment can't be created by administrative means, from the top, but expected to be self-grown, self-organized.

To solve this task we should follow the *rule of the golden ratio*: 61,8% of the components of the educational environment should be self-organized systems, and only 38,2% – should be administrative hierarchical systems which mission is to support sustainability and boundaries of the educational environment. But this ratio is only possible in networking.

Coordination instead of control. Our networked model suggests the transition from centralized control based on hierarchical structures (up-control) to the multipolar, polycentric network coordination based on the set of distributed coordination centers (down-control) and on the principle of reciprocal positive relationship (i.e. reinforcement of positive result). This transition determines the direction of evolution of the education environment and provides favorable conditions for its development.

The networked system of education provides the next opportunities: the organization of a broad professional interaction; the exchange of knowledge and experience; the enhancement of professional skills; the attraction of new members; the improvement of the quality of education and its competitiveness.

The networked system of education provides an open and efficient access to new resources: ideas, information, knowledge, programs, techniques, technologies, training. Acquiring of new skills and knowledge goes better than in hierarchical organization since network offers the better variety of search procedures and provides participants with more extensive and comprehensive information than the hierarchy. Economic benefits of such an organization manifest themselves in reducing transaction costs, as well as in good adaptability to unpredictable changes in the external environment.

References

1. Castells, M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. – Volume 1. – Cambridge, MA; Oxford, UK, 2000.
2. Апти, Н. Д. Образовательное пространство и сеть / Н. Д. Апти, Н. З. Алиева, О. Ю. Грицких // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ К ПРЕОДОЛЕНИЮ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ

В. П. Старжинский

Образование – способ становления и формирования человека через усвоение и выработку духовной и материальной культуры – культуротворчество. Реализация основной функции образования – формирование личности, ее социального и профессионального становления, самореализации человека осуществляется посредством трансляции программ поведения, общения и деятельности. Образование также обеспечивает механизм преемственности и устойчивого развития общества и человеческой культуры в форме социокультурного наследования, а также воспроизводства субъектов научной и производственной деятельности. В процессе реализации этих функций образование оказывается тесно связанным с наукой и производством и в конечном итоге определяется этими видами человеческой культуры. Этапы развития образования изоморфны соответствующим этапам науки и подразделяются на классический, неклассический и постнеклассический. В свою очередь, развитие науки детерминировано ценностями и динамикой развития традиционного, индустриального, постиндустриального и информационного обществ. В силу этого, образование развивается в режиме трансформации образовательных стратегий, требующих перманентных образовательных реформ. Структура образования зависит от функций – задач, которые решаются в образовательной сфере. Можно выделить следующую структуру образования, системность функционирования которой будет определяться целостностью и гармоничностью ее элементов: 1. образование и человек, 2. образование и школа, 3. образование и наука, 4. образование и культура личности, 5. образование и культура общества.

Остановимся на последней функции более подробно. Данная функция образования реализуется в средствах развития и преемственности духовной культуры и включает в себя виды и тренды духовного наследования. Весь XX и начало XXI века прошли под знаком радикальных преобразований в сфере науки, культуры и социальных отношений. На смену индустриальному обществу приходит постиндустриальное, а затем информационное, преобразившее типы и способы педагогической коммуникации посредством информационных технологий. Постепенно преодолевается тоталитаризм, как основа не только политической системы государств, но и авторитарный тип педагогического общения. Происходит смена типов социально культурного наследования посредством становления *префигуративной культуры*. Данный тип социокультурной динамики характеризуется тем, что не традиции и прошлые

поколения являются носителями культурных ценностей, но и новации через актуальную культуру сверстников, а также устремленность в будущее интенции определяют механизмы социокультурного развития. Проще говоря, это такой тип культуры, в котором не только дети учатся у родителей, но и родителям приходится учиться у своих детей. В условиях формирования информационного общества появляется новая образовательная реальность. Школа и учитель теряют свои традиционные функции служить основным источником базовых знаний. Более 80% информации современные дети получают не в классно-урочной системе, а на основе приобщения к экранной культуре. Учитель перестает функционировать в качестве главного транслятора знаний, поэтому его функция «научить учиться» возрастает. Возрастает ответственность ученика (и его родителей) за качество образования, поскольку они выбирают школу, учителей, предметы. Становятся реальностью индивидуальные образовательные программы, обучение в экстернате, дистанционные формы обучения. При этом одновременно возникают негативные последствия информационно-коммуникативных технологий в виде феномена клипового мышления.

Клиповое мышление («clip» англ., фрагмент текста, отрывок из фильма или вырезка из газеты) – мышление современных школьников, основанное на принципах построения музыкальных клипов, которые не несут в себе никакой смысловой нагрузки и составлены из нескольких слабо связанных между собой образов. Владелец клипового мышления воспринимает мир не целостно, а как череду почти не связанных между собой событий. Клиповое мышление появляется в результате адаптации человека к насыщенной информационной среде. Возрастание скорости и насыщенности информационных потоков приводит к необходимости находить все больше факторов, влияющих на каждое интересующее человека событие. Данные факторы в процессе репрезентации объединяются по проектному принципу и могут быть представлены в клиповой форме. Кроме того, насыщенная информационная среда, приводит к увеличению количества дел или проектов, которыми один человек вынужден заниматься одновременно. Появление феномена клипового мышления выражает рост демократии и диалогичности на разных уровнях социальной организации, когда происходит переход от монолога к диалогу, поскольку классический текст отражает монолог автора и представлен линейной формой организации.

Клиповое мышление приводит к значительным негативным последствиям в формировании мышления и личностного развития учащихся. Мышление ученика в насыщенной информационной среде развивается в основном за счет произвольного внимания и чувственных образов в ущерб произвольно-сознательному абстрактно-логическому конструированию понятий и идеализаций и оперированию ими. При этом замедляется и искажается когнитивно-личностное развитие: у учащегося снижается способность к выработке общелогической культуры мышления, возможность, а впоследствии и желание сосредотачиваться на какой-либо проблеме, изложенной в текстовой форме. Появляются психологические патологии: рассеянность, гиперактивность, дефицит произвольного внимания, а также нарушение рефлексивно-оценочной деятельности (умение видеть себя со стороны и корректировать свое поведение) и целеполагания (способность ставить и обосновывать долгосрочные цели). Клиповое мышление порождает культурный и этический релятивизм:

современный ученик не видит разницы между системой абсолютных, непреходящих, фундаментальных, общечеловеческих ценностей и псевдоценностей массовой культуры, он не может адекватно оценивать место в обществе, которое занимает, а также нормы и правила, которые регламентируют общественную жизнь. Этические нормы теряют статус своей всеобщности, поскольку усваиваются не из реальной жизни и классической художественной литературы, а из СМИ и интернета (массовой культуры), что деформирует процесс культурно-ценностного становления человека. Клиповое мышление ведет также к ослаблению чувства сопереживания и ответственности и позволяет манипулировать сознанием человека (навязывать систему ценностей и предпочтений в виде низкопробных и примитивных произведений массовой культуры), что весьма удобно для коммерции. Клиповое мышление играет деструктивную роль в современном образовании: резко снизился коэффициент усвоения знаний, ученики зачастую не понимают смысл прочитанного. Современные подростки не могут освоить классическую литературу, математику, историю, поскольку СМИ, электронные коммуникации, формируют тип восприятия, отличный от текстового. В современной жизни качественное образование является залогом успешной карьеры, поэтому носители клипового мышления могут быть вытеснены на положение аутсайдеров. В некоторых странах с целью преодоления клипового мышления разрабатываются специальные тренинги, где учат сосредотачивать внимание на одной проблеме, вырабатывают навыки рефлексии, целеполагания и произвольного внимания в течение длительного времени. Но наиболее действенные методы связаны с уменьшением работы с электронными носителями информации и увеличением роли классического образования, основанного на работе с бумажными текстами: обсуждение, конспектирование способствует выработке умения анализировать, устанавливать связи между явлениями, и в конечном итоге приводит к разрушению клиповой картины мира и соответствующего мышления.

Образовательные стратегии приобретают новое содержание: приоритетом становится самооценочность человека как единственного источника прогресса, принимается идея непрерывности образования, цели образования ориентируются на самого человека, на его личностное самоопределение и самоактуализацию. В этой связи реализация культурологической парадигмы приводит к решению сверхзадачи педагогики – интегрировать обучение и воспитание в едином процессе культуротворчества. Приоритетами образования становятся: организация образовательной среды, в которой каждый ребенок получил бы возможность гармонично развиваться; формирование коммуникативных навыков и гражданских качеств; обеспечение опыта рефлексии и самовоспитания. Тренды развития будущего показывают возрастание роли неформального, дополнительного и дистанционного образования, сокращение сроков обучения, пожизненный лайф-коучинг (образование через всю жизнь), развитие модульного и мобильного обучения, снижение стоимости образования, необходимость сертификации образования с целью управления качеством.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

И. А. Фурса

Глобальные тенденции информационного общества определяют новое видение организации социокультурного образовательного пространства, исходя из современных подходов к трактовке образа гармоничной личности и конкурентоспособного специалиста, которые неминуемо оформляются как ответная реакция на изменяющиеся условия общественного развития. Осмысление принципиальных позиций в проектировании инструментального обеспечения образовательного процесса (в его части реализации цели становления профессиональной культуры личности) в контексте реалий глобального информационного общества и детерминируемых им условий современной образовательной среды определяет цепочку дальнейших рассуждений.

Если рассматривать задачу разработки информационно-образовательных ресурсов и технологий в логике системного подхода, то следует ее охарактеризовать через такие *параметры*, как определение состава элементов, состояния, описание среды и направлений взаимодействия между всеми компонентами. Раскрывая обозначенные параметры, получаем: *проектирование информационно-образовательных ресурсов и технологий* обусловлено особенностями социокультурной среды информационного общества и осуществляется в границах образовательной среды; *структурируется*, учитывая первичность целевого ориентира, который есть результат требований социокультурной среды информационного общества и центральный элемент образовательной среды; обусловленных его содержанием подходов, принципов, методов и средств; *обнаруживает иерархию взаимодействий*: социокультурная среда информационного общества → формирование целевого ориентира в рамках образовательной среды → подходы и принципы → методы и средства → система информационно-образовательных ресурсов, и обратная связь при использовании ресурсов субъектами образовательного процесса.

Социокультурная среда информационного общества запускает механизмы функционирования образовательной среды и ее субъектов, задает своего рода рамочные условия. Сущностные особенности глобального информационного общества в сферах культуры (виртуализация коммуникативного поля, информационная насыщенность, мультимедийность, стремление к разнообразию) и социетальности (виртуальные сообщества, сетевая профессиональная структура), экономики (креативные индустрии, инновационность, глобализация экономики, наукоемкое производство) и политики (демократизация, открытость системы, глобальность политического пространства) формируют внешние условия, содержащие возможности, но и препятствия, риски, угрозы для успешной профессионализации личности.

Необходимым условием становления профессиональной культуры личности является *образовательная среда*. В современных научных публикациях образовательная среда рассматривается обязательно в контексте ее насыщения образовательными ресурсами и технологиями.

Исходя из постулатов гуманистической парадигмы, целевой ориентир

любой модели в социальных системах – это личность. Предметный ракурс в данном случае имеет личность в социально-профессиональном измерении. Ключевые для современной личности, функционирующей в условиях глобального информационного общества, характеристики многообразны, однако, можно определить один смыслообразующий конструкт, задающий общую направленность развития современной личности. Это ряд характеристик личности, объединенных пониманием специфики особого бытия субъекта социального процесса и номинируемых с помощью частицы само-. В таком случае логично определить *целевым ориентиром самосозидающую личность*, конкретные характеристики которой раскрываются далее.

Актуализация системного и компетентностного подходов обусловлена содержанием поставленной цели, которая предполагает необходимость формирования базовых компетентностей как фундамента для освоения профессиональных (или предметных для средней школы), а также ряда мировоззренческих ориентиров, социальных паттернов, мотивационных установок, потенциал которых раскрывается только в системе.

В соответствии со ст. 91 Кодекса об образовании в числе основных требований к организации образовательного процесса отмечен *компетентностный подход*. В широком смысле компетентностный подход предполагает переориентацию образования от «знаниевой» к «деятельностной» парадигме, что имеет весомые теоретико-методологические и практические основания. В определении объема понятия «компетенция» исследователи расходятся во мнениях. Однако очевидные пересечения семантического поля различных классификаций ключевых образовательных и социальных компетенций [например, 1], на наш взгляд, образуют совокупность принципиально значимых (для проектирования информационно-коммуникационных ресурсов с целью становления профессиональной культуры личности) акцентов. Такие стержневые позиции могут быть выражены в *принципах*:

ориентации на саморазвитие, самоопределение. Этот принцип понимается в самом широком контексте, как способность делать собственный выбор, формировать свою личность посредством активного мыслетворчества, развития умений выстраивать индивидуальные траектории профессионального и социального развития в поликультурном мире. Самоактуализирующаяся личность есть истинный результат образования, так как, по выражению Й. Хейзинга, «...полуобразованный человек культуру, или скорее суррогат, который он глотает вместо культуры, получает в виде уже готового препарата» [2, с. 324]; *опоры на гуманистические ценности*;

приоритетности личностных качеств коммуникативности, активности (в контексте поиска, заявления и достижения собственной социальной и профессиональной позиции), открытости, инициативности, креативности;

сообразности социокультурным трендам информационного общества (значимость развития умений понимать и принимать национальные особенности и различия, стимулирования иноязычной активности в условиях глобализационных процессов; формирования информационно-коммуникационной компетентности в условиях информатизации и т.д.).

Системный подход определяет необходимость взаимосвязи между описанными элементами и применительно к разработке информационно-

образовательных ресурсов для становления профессиональной культуры личности конкретизируется в следующих *принципах*:

целостного воздействия на личность (интеллектуальную, мотивационную, эмоционально-волевою, а также экзистенциальную сферы). Реализация данного принципа в современных условиях выдвигает следующие требования к разработке информационно-образовательных ресурсов:

ориентация на формирование системного мышления. Технологически данное требование эффективно выполнять посредством использования технологий ментального картирования (*mind mapping*), концептуального картирования (*concept mapping*), проектных форм работы;

интеграция компьютерных и педагогических технологий при определяющей роли педагога. Это означает, что, несмотря на высокотехнологичность современных средств обучения, оценить потенциал обучающегося, увидеть идеальную цель и дельту между ними способен только человек. Поэтому в разработке информационно-образовательных ресурсов должно стремиться к автономности и универсальности, но на данном этапе информационно-образовательные ресурсы могут только сопровождать и обсуживать целостный образовательный процесс;

учета условий социокультурной среды информационного общества. Этот принцип имеет отношение к характеристикам информационно-образовательных ресурсов. В этой связи выделим несколько значимых требований к разработке информационно-образовательных ресурсов:

интерактивность способов образовательной коммуникации, которая выступает естественным следствием открытости и нелинейности современного коммуникационного пространства;

мультимедийность информационно-образовательных ресурсов, обусловленная множественностью коммуникационных каналов;

использование «облачных» технологий, средств мобильного, дистанционного, сетевого обучения при организации информационно-образовательных ресурсов, что актуально в условиях виртуализации социокультурного пространства современного общества;

использование глобальных ресурсов, участие в межстрановых образовательных проектах, что практически невозможно исключить из современной образовательной практики в контексте глобализационных процессов.

Литература и источники

1. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. – 5 мая [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. – Дата доступа: 05.03.2014.
2. Хейзинга, Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. – СПб., 2010.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОГНИТИВНОСТИ

Н. А. Никонович

Нерефлективные, мифо-архетипические компоненты сознания являются сложным и трудноэксципируемым феноменом, к изучению которого не всегда применимы рационалистические стратегии исследования. В связи с этим возникает корпус вопросов, связанных с пониманием неевропейской ментальности.

Понимание менталитета, смысловой сферы и логики значительно отдаленных по времени культур представляет определенные методологические трудности. Одна из проблем заключается в значительной хронологической отдаленности во времени культуры, которая исследуется, от культуры, к которой принадлежит исследователь. Другой немаловажный аспект – методологические принципы и теоретические установки исследования темпорально отдаленных культур. Этот вопрос немаловажен, поскольку от исходных методологических посылок зависит конечный результат культурологических исследований.

Сложность понимания особенностей функционирования мифологического сознания заключается также в возможности (или, точнее, невозможности) воссоздания его ментальных матриц. Так, например, теоретики истории ментальностей подметили определенные трудности, которые возникают в связи с интерпретацией какого-либо ментального типа: «...чувства, эмоции, ценностные системы тоже имеют свою историю» [2, с. 81]. В «Зарубежных исследованиях в обзорах и рефератах» приводится немаловажное замечание чешского медиевиста Ф. Грауса, который концентрирует внимание на вариативности ментальных миров исследователя и реконструируемых им культурных форм. По Граусу, «историк находится в плену своего собственного менталитета, преломляющего незаметным для него образом его взгляд на материал источника» [2, с. 81].

Здесь может оказаться продуктивным постулируемый этнопсихологией *emic*-подход, фундирующий идею аутентичного исследования культурного материала путем применения тех же когнитивных процедур, которые используются в исследуемой культуре. *Emic*-подход представляет собой «взгляд изнутри» на культуру-объект, что позволяет осуществить мониторинг культурных смыслов изнутри, что может приблизить к пониманию неевропейских культур, принципиально полисемантических. Вопрос о том, какими методами можно преодолеть ментальные и интеллектуальные преграды, требует своего изучения.

В науке принято считать доминантными чертами мифа синкретичность, алогичность. Очерчивая контуры мифологической картины мира, можно говорить о том, что она ингибирует мифологическое созерцание, мифологическую эпистему (способ мифологического познания) и социальное действие, базирующееся на мифологическом познании. Эта схема может быть условной, и исходные элементы в ней могут меняться в зависимости от специфики той среды, где она ретранслируется. Под мифологической эпистемой подразумевается корпус мифологических знаний. В связи с вычленением структуры мифа следует отметить трудности, возникающие из-за значительных отличий картины мира исследователя и мифологической картины мира как объекта исследования. Это тот случай в

философской науке, когда предельная удаленность во времени рассматриваемой культуры не позволяет реципиенту выстраивать ее адекватный образ. Герменевтический подход способен в некоторой степени уменьшить дистанцию между исследуемым и исследующим. Таким образом, высказывается идея о том, что методологические проблемы постижимости соизмеримости культур могут быть преодолены также методом эмпатической причастности к культурным кодам верифицируемой культуры.

Другой пласт проблем связан с вопросом оперирования исторической памятью и историей в традиционных обществах. Как следует из исследований многих авторов, историцизм как самосознание культуры в ее конечности присущ не всем обществам. К обществам, чьей особенностью является незатронутость историчностью, относятся первобытное общество, а также некоторые общества Древнего мира. Данные общества строили свои схемы жизнедеятельности вне истории как доминирующего фактора самосознания, что дало основания ряду исследователей обозначить этот специфический тип мироощущения как «неисторический». Можно заметить (и это подтверждают исследования румынского религиоведа М. Элиаде), одни общества отличаются развитым чувством времени и истории, другие – нет.

Парадигмы историцизма являются предшествующими по отношению к антиисторическим подходам, т. е. антиисторизм в философии характерен для современной социальной философии. Во многом это связано с развитием идей К. Поппера и Р. Арона. Однако своеобразное отношение к истории присутствует в мифологических культурах. До возникновения философски обоснованной и структурированной парадигмы антиисторицизма в западной науке она в спонтанной нерелексивной форме существовала в доисторических культурах. В этой первичной «антиисторической» парадигме существовали свои собственные представления об истории, ее смысле, цикличности, «вечном возвращении». В этих автохтонных культурах история имела негативные коннотации, которые вытеснялись аксиологически более ценными – в соответствии с иерархией ценностей данного типа культуры. Это – мифологическая картина мира, которая отвергает идею историчности в силу замены ее идеями круговорота, цикла, доминантными образцами мифологем, архетипических символов и ритуального «вечного возвращения».

Осмыслению историчности человека способствует понимание того, что в многообразных традиционных культурах человеческое сознание противилось таким категориям, как время и история. Как известно, культуры древности (в частности, древнекитайская, древнеиндийская и др.) не имели развитого исторического сознания. Одна из причин заключается в том, что субъекту трудно признать свою конечность (которая в данном смысле синоним историчности), чем объясняются попытки преодоления конечности путем инкорпорированности сознания в миф, который существует по своим законам и имеет своей целью достижение недуалистического, непреходящего бытия. Другая причина связана с синкретичностью менталитета, поскольку история как таковая была частью духовной матрицы этих культур. Развертывание истории – это, прежде всего, развертывание глубинных структур внутреннего космоса (в китайской философии – Дао, в индийской – Пуруша). Эти начала представляли собой всеобъемлющий синтез всего сущего, в котором отсутствовало разделение на историческое и

неисторическое сознание.

Как отмечает А.В. Гурьянова, «историческое познание по определению направлено на прошлое и в этом смысле всегда является познанием «другого». «Иной», «другой» – основополагающие мыслительные категории, имплицитно используемые историками» [1, с. 28]. Очевидно, что в традиционной культуре отсутствовала рецепция «Другого» в силу парадигмального синкретизма, что является еще одним объясняющим фактором неэксплицированности исторического сознания в подобных обществах.

В чем причина неисторичности мифо-религиозных культур? Этот вопрос может быть объяснен различным восприятием истории у разных народов – глубинным мироощущением, затрагивающим весь корпус представлений человека. Теоретическую доминанту формирует социум: в мифологической модели не остается места для историцизма как типа мировоззрения, поскольку аксиологически мифологическая модель представляет большую ценность для данного типа ментальности. Причина заключается в субстанциально-онтологической ориентации данных культур, нацеленных на поиск неизменных оснований. Такими основаниями и являются миф, «праистория», ритуал, которые обладают в мифологическом сознании, как показали исследования М. Элиаде, перманентной природой. Дихотомия «историческое-мифологическое» решается в пользу второй составляющей. Это важно для понимания проблемы целостности человеческого бытия и личности. Исходя из этого можно сделать вывод, что историчность и погруженность в нее субъекта разрушает целостность экзистенции и приводит к фрустрации. Механизм преодоления фрустрации в традиционных обществах – базирование сознания на составляющих мифологии. В исследуемых культурах существует приоритет мифологической картины мира перед исторической в силу того, что она способна нивелировать негативные последствия «ужаса истории». Таков подход к пониманию истории в традиционных культурах.

Литература и источники

1. Гурьянова, А.В. Философско-методологические основания синтеза ключевых парадигм современной эпистемологии истории : автореф. дис... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2009.
2. Левинсон, К.А. Ментальности в Средневековье: концепции и практика исследований // История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Михина; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: Е.В. Горюнов [и др.]. – М., 1996. – С. 79–96.

ТОРЖЕСТВО ВАМПИР-КУЛЬТУРЫ

И. Ф. Габрусь

Студент приходит в аудиторию. Для современной гносеологии это уже не просто молодой, биологически полноценный индивид, но субъект познания социальный. А это значит, что он во многом уже сформировавшаяся личность, студенческий статус которой предполагает большой и разнообразный багаж знаний, умений и навыков, а также и наличие определенной изготовки его сознания на овладение выбранной специальностью. Такое понимание социальной

природы субъекта познания – несомненное достижение диалектико-материалистической гносеологии. Но оно прихрамывает в том отношении, что исходит из предпосылки, что с биологией у субъекта все нормально, в том смысле, что она всем удовлетворена и спокойно дремлет себе, не вмешиваясь в познавательный процесс, и потому дает этому процессу беспрепятственно развиваться в соответствии с принципами и законами когнитологии. Но это слишком сильное допущение. Биология молодого человека – это прежде всего большой заряд фрейдовской либидоизной энергии, всегда готовой вырваться на поверхность духа и захватить весь его плацдарм. Сила страшная, и если просыпается не к месту и не ко времени – сила явно асоциальная (впрочем, асоциальная только в очень конкретной ситуации, требующей от индивида, оказавшегося в ней, ее рационального истолкования и интерпретации. Но как основа семейного союза мужчины и женщины она приобретает качество первостепенной социальности). Платоновский образ норовистого коня, непослушного вознице-разуму – символа живущей в нас вожделеющей страсти, Большого Желания – слишком комплиментарен этой темной силе. Бхагаватгита же дает ей абсолютно адекватное определение, без всяких обиняков именуя «супостатом, что пожирает уменье и знание». А о ее месте и полновласти в мире в той же Бхагаватгите читаем: «Как зеркало ржавчиной, как зародыш покрыт оболочкой, как дымом покрыто пламя, так он этот мир покрывает – неистребимое пламя это, принявшее образ Камы». Супостат не нуждается в провокациях. Он всегда на посту и в полной боевой готовности. Поэт лишь констатирует всем известный факт, что в молодости «все мои члены были гибки, за исключением одного», а в старости «все мои члены затвердели, за исключением одного». А значит, «ни сна, ни отдыха измученной душе», которой при этом (и несмотря ни на что) надо еще и на личностном уровне не подкачать: тому же студенту ВУЗа – своевременно и успешно сдать все лабораторные, курсовые, зачеты и экзамены, проявить себя и даже достичь максимальных высот в спорте, и художественной самодеятельности, и в структурах молодежных политических ассоциаций, а еще быть внимательным и заботливым сыном или дочкой, общительным и надежным коллегой, формировать из себя крепкого профессионала и т. д., и т. п. Как пожиратель умений и знаний супостат – враг студента номер один. Ведь студент как студент – это в первую очередь труженник смысла, носитель гераклитовского «самообогащающегося Логоса, пределов которому не сыщешь». Хорошему студенту любой ценой нужно прорваться к платоновскому царству вечных идей, по Августину Блаженному – получить доступ к мыслям Бога, по Карлу же Попперу – освоить третий мир, мир научных истин, противостоящий как внешнему миру чувственных вещей, так и внутреннему миру психических феноменов. Врываясь в пространство сознания, супостат переворачивает здесь все вверх дном, форматирует и переформатирует здесь все под себя. При этом он захватывает не только все пространство сознания, гуссерлевское «живое настоящее», но и подчиняет себе волю человека, которая в итоге теряет свое качество разумного стремления, а превращается в слепую и агрессивную, не признающую никаких доводов разума шопенгауэровскую «волю к жизни», неистребимую жажду жизни. Хотеть, по Шопенгауэру, не учатся. Воля, средоточием которой является половое влечение, половой инстинкт, всегда деятельна. Она не перестает желать. Здесь стоит сказать пару слов об одном

историко-философском казусе, а именно, как в XX веке основоположником психоанализа был найден «топор под лавкой». Сам поздний Фрейд, ознакомившись с идеями Шопенгауэра (а он в свою очередь был прилежным читателем древнеиндийских Вед, Бхагаватгиты и Буддийского канона), вынужден был признать, как многим он обязан своей недостаточной образованности.

Задача любого ВУЗа – зажечь душу студента страстью профессионала своего дела, сформировать в ней высоконапряженное динамическое поле знаний, умений и навыков, которое в любой нужный момент выдает «на гора» высокопрофессиональное действие маститого специалиста. То есть, во внутреннем мире любого индивида, а уж тем более студента, всегда противостоят друг другу как минимум две динамические зоны, два синергетических динамических хаоса, «обремененных» полярными предметностями. И вот: биология студента сама по себе, по природе своей бурлит горячей юной кровью, общество (в лице прежде всего своего родного БГУИР) ждет от него пассионарного горения в овладении выбранной профессией, а культура современная на каждом шагу и почти в каждом своем проявлении провоцирует в нем взрывную вспышку либидоизной энергии, обращена к тому самому ненасытному кама-видному супостату из Бхагаватгиты, «что пожирает уменье и знанье». Культура всегда была торможением, и в первую очередь торможением супостата. Лишь со второй половины XX века и, увы!, по сей день культура «европейского человечества» не просто освобождает его, но и на каждом шагу его провоцирует, напрямую обращена к нему, почти каждым своим проявлением и действием ищет его, зовет и вызывает. И нет никакого ханжества в том, что традиционная культура набрасывает на эту первичную витальность покровы умолчания. Корневая система жизни и должна пребывать на своем месте во мраке земном, она не должна обнажаться. Ей хорошо пребывать в живительном мраке бессловесной инстинктивности. Это хорошо и благотворно и для нее самой, а еще плодотворнее и полезнее для всех остальных, более высоких кругов бытия человека. Здесь налицо глубокая диалектика: чем больше обнажается эта система, тем она слабее в своих жизненных потенциях. Уже даже физика открыла для себя, что наблюдение деформирует объект. Тем более это справедливо в отношении феноменов внутреннего мира человека.

Современная культура «европейского человечества» отбрасывает стыд, списывает его как устаревший пережиток. Она в прямом смысле «заголилась», как предвидел еще в XIX веке Достоевский. А это значит, что запущен и действует на максимальных оборотах механизм несомненно асоциального отбора, при котором обречены на неминуемую гибель в сетях супостата души самые впечатлительные и тонкие, наиболее потенциально способные к высокому социальному служению, а на бурной стремнине жизненного потока выживают и чувствуют себя в своей тарелке лишь носители грубой животности да обладатели бесчувственных до холодности придорожного камня душ. Предостережение-крик Достоевского о предстоящем миру растлении душ еще в колыбели уже не яркая литературная метафора, а суровая реальность нашего времени. Фрейдовская концепция сублимации – это «хула на Духа». Не из темных подземелий сексуальности, а из светоносных, небесных источников Смысла черпает индивидуальная душа поддержку и помощь и силу, обретает свою пассионарность, возможность и готовность к сверхусилию и сверхнапряжению. Энергетический удар сознанию снизу, из фрейдовского либидо разрушает смыслы и их тонкую архитектуру,

вызывает смысловой хаос и низводит дух на уровень первичной и, как правило, самодостаточной витальности, не нуждающейся для своего нормального функционирования в каких-то особенных и вспомогательных смыслах. Адекватное понимание и описание загадки и тайны высокого культурного творчества дал в XX веке (в русле христианской культурной традиции и в пику фрейдовской концепции сублимации как трансформации и преобразования сексуальной энергии в культурные ценности высочайшего достоинства) Лев Гумилев в своей теории пассионарности как энергетического толчка индивидуальному сознанию свыше. Такой толчок поднимает человеческий дух на высоты духовного творчества и жертвенного, бескорыстного служения своему призванию, делает одержимым великой идеей и высокими смыслами, причисляет тем самым индивида к узкой когорте любимцев богов, богоизбранных, для которых в силу такого энергетического посыла становится по плечу творческое сверхнапряжение, немыслимая для обывателя сверхконцентрация духа на открытой данному избраннику небес смысловой предметности.

Глобальные вызовы человечеству сегодня таковы, что без максимального напряжения, а значит, без высочайшей самодисциплины каждого землянина, в каком бы статусе он не был, обеспечить его собственное выживание и сохранить природу-мать для будущих поколений – невозможно в принципе. Казалось бы культура западного, «европейского человечества» (Э. Гуссерль) как реального технологического гегемона на нашей планете должна была бы быть провозвестницей новой суровой аскезы. А по факту, это культура – вампир, высасывающий из человечества жизненные соки, низводящий человека с подходящих ему высот Духа на уровень низменной экзистенции. И парадокс этот имеет лишь одно объяснение: так частнособственнический интерес – основа современной глобализации (читай – вестернизации) – продолжает самоутверждать себя в истории, обрекая ее и самого себя на неминуемую гибель.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

М. А. Сонгаль

Исследование процессов самоидентификации и формирования идентичности личности – актуальная тема исследования социального и гуманитарного знания. В настоящее время она приобретает особую значимость в условиях трансформации и глобализации современного мира.

В концепции идентичности личности, которая восходит к трудам Э. Эриксона, а также активно разрабатывается многими современными психологами, принято выделять ее две составляющие – личностную и социальную. Социальная идентичность связана с осознанием человеком солидарности с определенными социальными группами, социальными идеалами и стандартами. В свою очередь личностная идентичность определяется в терминах уникальных личностных черт, тождественности себе. В процессе самоидентификации человек формирует представление о своем месте в мире через отождествление себя с социальными образцами, ролями и функциями, принятыми в обществе в

определенный исторический период [1]. Процесс социализации личности предполагает также индивидуализацию – человек осваивает мир выборочно, через свои собственные интересы и внутренние переживания.

В современном обществе человек соотносит себя, прежде всего, с профессиональными, возрастными, гендерными, национальными группами. Важнейшее значение имеет религиозный аспект самоидентичности личности, поскольку связывает личностную и социальную идентичность, обеспечивает целостность духовного бытия человека. Данный аспект самоидентичности базируется на осознании своей принадлежности к определенной религии, выбор которой связан как с национальной и этнической принадлежностью, так и с процессом социализации и самоидентификации. В условиях нестабильности общества религиозные ценности дают современному человеку опору, ощущение целостности и упорядоченности мира. Религиозная общность ассоциируется с устойчивостью, то есть такой характеристикой, которую теряет современное общество в условиях трансформации.

Глобализация принципиально изменяет социальную и культурную коммуникацию, изменяя тем самым и процесс формирования самоидентичности человека. В условиях нестабильности ему становится все сложнее однозначно соотносить себя с социальными группами из-за многообразия предлагаемых ролей в постоянно изменяющемся обществе. Ускоренный динамизм социальных систем, глобальность социальных процессов приводит к кризису идентичности. Поэтому целесообразно говорить о том, что глобальное общество в целом является трансформирующимся, так как осуществляет переход к новой стадии своего развития. Кризис техногенного общества обусловлен глобальными проблемами современности, которые тесно взаимосвязаны друг с другом и нагружены социальными, этническими и национальными конфликтами [2, с. 80]. Мировые тенденции становятся фундаментальной проблемой современной философии, их анализ осуществляется в работах Э. Гидденса, С. Хантингтона, У. Бека, И. Валлерстайна и др.

Проблема формирования социальной идентичности личности на постсоветском пространстве приобретает особое звучание, так как период трансформации, который продолжается в Беларуси и других постсоветских странах, был связан с описываемым кризисом, с которым общество столкнулось еще после распада СССР. В связи с этим постсоветское общество оказалось в условиях «двойного транзита», поскольку переход к глобальному информационному обществу проходил одновременно с процессом перехода к новому открытому типу общества, и ему свойственны как противоречия периода «догоняющего развития», так и противоречия характерные для постиндустриальных стран [3, с. 86].

В значительной степени сложность новой социальной ситуации на постсоветском пространстве была обусловлена противоречиями разных культур, не ощутимыми в такой мере в советский период. Ломка существовавших традиций и образцов привела к кризису социальной идентичности, связанному с невозможностью использования прежних образцов и моделей поведения. Старые идеалы утратили свое влияние и исчезли, но новые так и не возникли. Вероятно, потребностью в них был обусловлен поспешный поиск «национальной идеи» на постсоветском пространстве. В данном вопросе особую роль получила религия,

как объединяющий фактор в духовной сфере жизни общества.

Сразу после распада СССР возрождение России репрезентировалось как возврат к России до 1917 г. Апелляция к прошлому стала катализатором, позволившим политическим лидерам мобилизовать широкие социальные слои и получить значительную поддержку общества, обернуть в свою пользу растущее недовольство существующим положением вещей. М. Феретти утверждает, что подобное общественное использование прошлого не смогло бы сыграть такую роль, если бы данный образ истории не соответствовал потребностям памяти именно в таких идентификационных опорах [3, с. 9]. Действительно, в период трансформации в обществе оказываются востребованными ценности консерватизма: уважение традиций, признание религиозных ценностей, семейной морали. Современный консерватизм российского общества характеризуется антииндивидуализмом, антизападничеством, пониманием мощного централизованного государства как ценности, ориентацией на идеалы православия [4, с. 167]

В результате формирование религиозного аспекта самоидентичности в России и Беларуси, странах, имеющих общие исторические корни, имеет свои особенности. Во многом они связаны с возрождением религиозности и возрастанием роли церкви как института гражданского общества, занимающегося нравственным воспитанием человека [5, с. 152]. Консервативно настроенные представители общественной мысли видят в усилении роли православной церкви в жизни страны, возможность восстановления правильного социального порядка. Однако Ж.Т. Тощенко констатирует парадокс в сознании и поведении современного постсоветского человека в религиозной сфере: православие стало неким символом, ассоциацией с чем-то устойчивым, олицетворяющим «прежнюю Россию». Религии отводится роль «новой идеологии», которая может помочь в возрождении народа и страны. Ж.Т. Тощенко справедливо отмечает, что такое желание слишком общо, даже примитивно, поскольку упрощает многие аспекты жизни и не сопровождается осознанным решением людей изменить образ жизни и образ мысли [6, с. 361]. Социологические опросы подтверждают, что люди, обратившиеся к религии под влиянием своего рода «моды», имеют довольно поверхностное представление о конфессии, последователями которой себя считают [6, с. 112]. А.А. Зиновьев критически относился к религиозному возрождению в России в 1990-х гг., считая его результатом деградации интеллектуальной сферы и возникновения морально-психологического кризиса, связанного с ощущением беспросветности [7; с. 416]

Таким образом, для преодоления кризиса социальной идентичности, характерного для постсоветского пространства, необходимо ставить задачу преодоления парадоксов в общественном сознании, связанных с религией, в результате чего религиозный аспект самоидентичности в полной мере проявит свою позитивную роль. Кроме того, в вопросах воспитания и становления гармоничной личности необходимо ориентироваться на развитие системы образования. В условиях глобализации духовное и культурное развитие современного общества зависит от степени эффективности диалога культур. Поэтому философия в целом и теоретическое осмысление процессов трансформации и глобализации современного мира играют ключевую роль в преодолении кризиса социальной идентичности.

Литература и источники

1. Микляева, А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб., 2008.
2. Бек, Ульрих. Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000.
3. Данилов, А. Переходное общество: проблемы системной трансформации. – Минск, 1998.
4. Ферретти, М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Информационно-политический канал Полит. Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.polit.ru/documents/517093.html>. – Дата доступа: 10.04.2011. – Дата доступа: 12.01.2013.
5. Адуло, Т. И. Человек в условиях социальных трансформаций / Т. И. Адуло, О. А. Павловская. – Минск, 2006.
6. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек: монография. – М., 2008.
7. Зиновьев, А. А. Кризис коммунизма // Коммунизм как реальность. – М., 1994.

СОВРЕМЕННЫЙ НАРЦИССИЗМ КАК ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. Н. Семенова

В традиционных обществах важнейшую роль в социализации человека выполняла религия и религиозные институты. Вопреки расхожему мнению о темном западном средневековье, в результате дисциплинарного контроля со стороны религии и государства в Традиции формировалось целостное мировоззрение, отвечавшее предназначению каждого сословия. Традиция создавала человека с целостным непротиворечивым мировоззрением, осознающего необходимость подчинения своих чувственных желаний разумному началу, осознающего свою неполноценность, готового бороться со своими слабостями, исправлять себя и мир, совершенствоваться и стремиться к абсолюту. Несмотря на многочисленные исторические примеры отклонения от данного пути, такова была теоретическая установка традиционного сознания.

В XV–XVII вв. традиционная западная цивилизация средневековья рушится под напором возрожденческого индивидуализма и новоевропейского либерализма. Новое время знаменует собой рождение Модерна, антитрадиционной секулярной цивилизации, которая в своем развитии с XVII по XXI вв. проходит несколько стадий. Последняя стадия «усталого» Постмодерна все еще представляет собой логическое и последовательное развитие либеральных идей, среди которых основополагающими являются индивидуализм и идея человеческой свободы.

Изначально свобода в либерализме понималась в негативном ключе, прежде всего как «свобода от», а не «свобода для». Первоначальный пафос свободы был связан именно с освобождением от власти традиционных институтов: государства, религии и церкви. На всех этапах развития современной цивилизации этот революционный пафос освобождения человека улавливался и акцентировался: «свобода больше не является адаптацией или вариацией традиции; она требует разрыва, неповиновения, низложения унаследованных законов и символов, самостоятельного творчества, изобретения без готовых образцов» [1, с. 142].

Если первая, экстенсивная стадия либерализма и Модерна связана с

ограничением власти государства и религии: государство как «ночной сторож», деизм и пантеизм в религии, то поздний Модерн пытается разрушить как остатки Традиции, так и одновременно поставить под вопрос свои собственные основания, все больше погружаясь в пучину скептицизма, атеизма, нигилизма, протестных настроений, социальных революций и метафизического бунта. Тезис о «смерти бога» в конце XIX в. закономерно сменяется тезисами о «смерти человека», «мире как хаосе», «конце истории» в конце XX в. Западная цивилизация вступает в свою завершающую постсовременную стадию.

Для начальных стадий либерализма характерен скептицизм, антиклерикализм, которые постепенно трансформируются в атеизм и идеалы светского государства с его «гражданской религией» и протестантской этикой. Однако окончательно остатки религиозного исчезают, когда религия становится частным делом и даже идеология, во всяком случае, теоретически в концепциях постиндустриального общества объявляется снятой и преодоленной. Сферу трансцендентного губит равнодушие.

В рамках последовательного развития принципа индивидуализма, существование западного индивида, как отмечает французский социолог Жиль Липовецки, перешло в стадию персонализма и нарциссизма, что в культуре соответствует наступлению «прохладного» постмодерна с его всеобщим разочарованием и монотонностью новизны. Позднее постмодернистское общество представляет собой усталое общество скольжения, где все революционные порывы сглаживаются из-за равнодушия, возникшего вследствие избытка (а не недостатка) удовольствий, информации, потребления как такового. Общество потребления дискредитировало протестантскую этику, оторвало западного обывателя от местной национальной и этнической среды, создало предпосылки для появления мультикультурализма и космополитизма. Современный западный индивид – это человек без родины, без национальности, без религии, без политики и идеологии.

Конечная стадия данного процесса – атомизация и тотальный нарциссизм человеческих особей, которые из индивидуумов превращаются в ди-видуумов, разорванных, бесполох существ с мозаичностью сознания (шизофреническое сознание) и действия. Фаза нарциссизма связана с ослаблением у индивида эмоционального заряда при столкновении с социальным или трансцендентным. Отсюда, нарцисс замыкается на себе и гипертрофирует собственное «Я», превращаясь в солипсиста. В данной фазе формируются слабые, неустойчивые в убеждениях люди, с полным отсутствием ответственности перед обществом и перед высшими принципами. Для нарциссов не существует сферы духа, а сфера социального предельно размыва и релятивизирована. В центре внимания нарциссов – они сами: их тело, их эмоции, переживания, события их личной жизни, приватная история, их повседневность.

Принципиальная характеристика современного нарцисса – отсутствие связи с абсолютным. В этом смысле, уже мыслители первой половины XX в. отмечали бездомность современного им человека, но это была трагическая бездомность и экзистенциальная тоска по данному поводу. В постмодернистском нарциссе нет ничего традиционного, он ни с чем не связан, он видит себя гражданином мира, поэтому свое бездомное одиночество, свою атомарность он воспринимает равнодушно: «Равнодушный человек ни к чему не привязан, ни в чем твердо не уверен, готов ко всему, и его взгляды подвержены быстрым переменам» [1, с. 71].

Нарцисс – это прежде всего светский человек, для него не существует трансцендентного измерения. Отсюда, для фазы нарциссизма характерен подчеркнутый гедонизм и демократизация самой гедонистической логики, приводящей к реабилитации и поощрению самых низменных потребностей, не только к физической, но прежде всего, к душевной и интеллектуальной распушенности. Нарцисс не в состоянии самостоятельно мыслить, аргументировать тезисы, анализировать и обобщать имеющуюся информацию. Нарцисс не способен на глубокие чувства, со-переживание ближнему, вся эмоциональная и душевная сфера нарцисса находится в состоянии прохладного равнодушия. Это не значит, что нарцисс не интересуется, например, политикой или религией; интерес к «высшим сферам» присутствует, но так же, если не больше, нарцисс интересуется ресторанами, модой, попмузыкой, путешествиями в экзотические страны, йогой, дзэн или алхимией. Это «колеблющийся индивид», ищущий самого себя, но без самоистязания и веры» [1, с. 176]. Нарцисс – новый кочевник, зыбкость и текучесть становится не только подлинной стихией его существования, но и его природой. Нет ничего устойчивого и внутри самого нарцисса, отсюда, его неизбежная десубстанциализация.

Одним из факторов, влияющих на формирование нарцисса в развитых странах Запада, является современное светское образование, которому в своем морализаторстве (если таковое еще присутствует) не на что опереться, поскольку сфера трансцендентного отсутствует, а трансцендентальное измерение предельно релятивизируется. В кризисном состоянии находится и высшее образование на постсоветском пространстве. Проводимые прозападные реформы нацелены на разрушение остатков классической системы высшего образования, еще сохранявшихся в советской системе образования. Дегуманизация и дефундаментализация современного высшего образования, все больше напоминающего систему средне специального и профессионально-технического образования, направлена на воспроизводство человека массы, человека-функции, послушного дисциплинированного исполнителя, «жизнерадостного робота». Данная тенденция омассовления «одномерного человека» не противоречит, на первый взгляд, противоположной тенденции на персонализацию и нарциссизм.

Последним шагом в окончательной секуляризации современного образования, является планомерное и последовательное сокращение в системе высшего образования гуманитарных дисциплин. Из высшей школы уже исчезли религиоведение, этика, эстетика, история философии, мировая история; существенно сокращены культурология, логика; исковерканы «модульной системой» философия и политология. В процессе так называемого изучения оставшихся гуманитарных курсов индивид и превращается в нарцисса, равнодушно и рассеяно получает то шизофреническое видение мира, которое он затем транслирует в реальной жизни или в социальных сетях.

Литература и источники

1. Липовецки, Ж. Эра пустоты. – М., 2001.

АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Ю. Ф. Никитина

Дефолт доллара в 1971 г. и нефтяной кризис 1973–1975 гг. спровоцировали остановку тысяч предприятий, рост безработицы, снижение спроса на мировых рынках и увеличивающийся дефицит государственного бюджета. Поиск выхода из сложившейся кризисной ситуации в мировой экономике привел к практической реализации неолиберальной доктрины, которая сформировалась еще в 30-ые годы XX в. Неолиберальная экономическая теория, базирующаяся на идее невмешательства государства в дела бизнеса и свободного перемещения капитала по всему миру, позволила ТНК преодолеть границы национальных государств и перевести производственные мощности в развивающиеся страны. Данная процедура позволяла значительно сэкономить, поскольку в этих странах была крайне дешевая рабочая сила, низкие налоги и возможность избежать затрат на защиту окружающей среды. А вложение капиталов в новые технологии позволило получить значительную инновационную ренту. В результате этого ТНК предстали в качестве своеобразных центров аккумуляции капитала, располагая властными полномочиями, сравнимыми с силой государства. И на сегодняшний день мы вынуждены констатировать, что вектор развития мира задает экономика, в то время как мировая политика отстает от нее.

Однако неолиберальная модель развития, позволившая преодолеть экономический кризис 1970-х гг., оказалась не такой уж и справедливой и зачастую осуществляющейся в ущерб правам человека и национальным интересам ряда государств. Данные обстоятельства, а так же заявления ее сторонников в духе того, что неолиберальная стратегия является безальтернативным и единственно возможным вариантом развития, стимулировали зарождение в середине 90-ых гг. XX в. такого транснационального движения, как альтерглобализм.

В научной литературе многие авторы не проводят разграничений между альтерглобализмом и антиглобализмом. Однако это несколько не правомерно, поскольку альтерглобалисты, в отличие от антиглобалистов, признают объективность процессов интеграции, но выражают несогласие с неолиберальной моделью глобализации, видя в ней источник социальной и экономической несправедливости, ущерба окружающей среде. С их точки зрения, неолиберализм защищает интересы не всего человечества, а определенных привилегированных групп, конкретных национальных и транснациональных корпораций [1, с. 7].

Под антиглобалистами принято подразумевать протекционистов и националистов. Первые придерживаются определенной экономической политики с целью защиты национального рынка, а вторые видят в глобализации с ее надгосударственными институтами источник серьезных трансформаций нации [2].

Альтерглобализм является неоднородным движением. В литературе можно встретить характеристику альтерглобализма как «движения движений», поскольку оно объединяет самые разнообразные организации и движения, чья борьба связана с преодолением негативных эффектов неолиберальной модели глобализации (экологические, студенческие, профсоюзные, феминистские, анархические и проч.). Как следствие, методы достижения поставленных задач, участникам различных направлений в рамках одного и того же движения, видятся разными.

Сами альтерглобалисты в качестве теоретиков своего движения выделяют Эммануила Валлерстайна, Самира Амина, Франсуа Утара, Кристофа Агитона, Эрика Туссена, Ноама Хомского (Noam Chomsky), Антонио Негри и Майкла Хардта [3].

Как было отмечено выше, сторонники альтерглобализма не отрицают процесс глобализации, но выступают против неолиберальной модели ее осуществления, пытаясь выработать альтернативные проекты. С этой целью активисты многих социальных движений собираются на Всемирном социальном форуме, ежегодной международной встрече, проводимой в противовес Всемирному экономическому форуму. Альтерглобалисты характеризуют ВСФ как новое по принципам и методам организации явление, базирующееся на инициативе снизу, по сетевому принципу, на мобилизации и совместной работе; плюралистическое, но при этом по сути своей единое, практически нацеленное и теоретически мощное действие-мобилизация. Помимо ВСФ организовано множество социальных форумов на региональном уровне. Общая их тональность ориентирована на поиск пути созидания иного, альтернативного господствующей ныне глобальной либерально-капиталистической системе, мира. Мира более гуманного, демократического, социально справедливого и более прогрессивного в техническом, экономическом, но прежде всего, как отмечают сами альтерглобалисты, человеческом измерении [1, с. 7].

Литература и источники

1. Бузгалин, А.В. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». – М., 2003.
2. Регель, А. 7 мифов о глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://n-europe.eu/article/2008/12/12/7_mifov_o_globalizatsii. – Дата доступа: 10.11.2013.
3. Бузгалин, А.В. Глобализация сопротивления. Борьба в мире / под. ред. А.В. Бузгалина; пер. с англ. И. Левина. – М., 2009.

Духовно-нравственное воспитание личности как приоритет социальной и образовательной политики

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

О. А. Павловская

Жизнь людей на рубеже XX–XXI вв. оказалась в орбите кардинальных социальных трансформаций, связанных с развитием научно-технической мысли, освоением новейших технологий, внедрением передовых производственных мощностей, расширением коммуникативного пространства. Но в то же время современные реалии воочию демонстрируют, с какой большой тревогой, неослабевающей болью, серьезным опасением воспринимаются людьми новые вызовы и угрозы, обусловленные различного рода социально-экономическими и политическими причинами. Экономические реформы, политические программы и

действия, казалось бы, направленные на реализацию идей рыночной экономики, демократии, правового государства и гражданского общества, на практике вызывают многочисленные противоречия, зачастую непримиримые, сопровождаются чрезвычайным обострением социально-психологической обстановки.

Кто бы мог подумать, что высказываемые на пороге нового столетия социально-гуманитарные чаяния и надежды, так быстро разобьются о суровые драматические, а порой и трагические события в общественно-политической жизни, что вновь придется столкнуться с такими ужасающими и антигуманными явлениями, как терроризм, экстремизм, торговля людьми, межнациональные и межрелигиозные конфликты. Обострение политической обстановки в ходе так называемых цветных революций, арабской весны, сопровождаемых насильственными, агрессивными действиями, вооруженными столкновениями, страданиями и гибелью людей не могло не сказаться на морально-психологической атмосфере, вызывая состояние страха, ужаса, отчаяния, разочарования и других негативных человеческих реакций. Под лозунгами борьбы за демократию на «киевском майдане» открыто заявил о себе крайний национализм, проповедующий непримиримое и враждебное отношение к другим нациям и народностям, а также вдруг обнаружили себя отголоски фашизма и происки неофашизма, с присущими для них проявлениями человеконенавистнической идеологии.

Как же это могло произойти в наше время после того тяжелейшего и горького опыта, который человеческое сообщество приобрело в ходе испытаний XX века? Почему это стало возможным в эпоху глобальных информационных процессов и передовых научных достижений и технологий?

В связи с этим хочется вспомнить размышления известного православного священника, богослова Александра Меня: «Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже было, что оно состоялось, в XIII ли веке, в IV ли веке или еще когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа для нас до сих пор непостижимы, потому что *мы еще неандертальцы духа и нравственности*, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что *история христианства только начинается*, и то, что было раньше, то, что мы сейчас называем историей христианства, – это наполовину неумелые и неудачливые попытки реализовать его» (курсив наш – О. П.) [1, с. 16].

Эти слова, произнесенные отцом Александром в 1990 г., не утратили своей значимости и сегодня. Духовный кризис, падение нравов, распространение различного рода девиаций – все, что воочию наблюдалось в 90-е годы XX в. и что с еще большим бесстыдством и позором происходит сегодня – является убедительным подтверждением того, что *«мы еще неандертальцы духа и нравственности»*. Скорее всего, в этом состоянии следует искать и корни происходящих в настоящее время различного рода политических метаморфоз, ведущих к распространению насилия и ненависти, межэтнической и межконфессиональной вражды. Незрелое моральное сознание индивида, порождающее трусость и малодушие, пошлость и подлость, безответственность и предательство, становится в современном мире сродни дикости и варварству. Получается, что, значительно продвинувшись в своем материально-техническом

развитии, человеческое сообщество весьма существенно отстает в духовно-нравственном плане. Резонно возникает вопрос, как, каким образом *цивилизация* как важнейшее качественное состояние социума соотносится с *цивилизованностью* как одним из ведущих показателей духовного развития личности?

Но в этом высказывании отца Александра содержится и большая надежда на то, что есть выход из критического положения. И связано это с постижением учения Иисуса Христа и прежде всего его гуманистической сущности и нравственного содержания. Это долгое время являлось весьма нелегкой задачей, выполнение которой в значительной мере сдерживалось исторически обусловленной взаимосвязью религии и политики, государственной власти и церковной организации. Но именно перенесение акцента на нравственную суть христианства, отраженные в нем универсальные общечеловеческие ценности, открывает новые рубежи в качественном преобразовании человеческой жизни, поэтому *«история христианства только начинается»*. Это очень важно осознать нам, людям, непосредственно связанным и исторически и культурно с христианским миром.

Значительная роль отводится морали и в разрешении острых проблем, связанных с формированием национального самосознания, налаживанием уважительных и доброжелательных отношений между представителями различных этносов и национальностей, осуществлением диалога в системе религиозно-конфессиональных взаимодействий. Как отмечал академик Д. С. Лихачев, «национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны» [2, с. 3–4]. В связи с этим уместно вспомнить и размышления о сути национальной культуры академика Ю. М. Лотмана, который особо подчеркивал значение моральных ценностей в процессе ее развития: «Нужно, чтобы национальный организм был здоровым, чтобы он сам порождал культуру, чтобы он органически порождал свое развитие. И поэтому необходимо понять, что такие в общем, как будто бы, чисто моральные качества – толерантность, вежливость, интеллигентность, уважение к человеку – это вопросы жизни» [3].

В современном мире все более очевидным становится осознание роли нравственных ценностей в развитии диалога между цивилизациями. Общечеловеческая нравственность – это та основа, которая позволит сблизиться, взаимодействовать, сотрудничать народам и странам, относящимся к различным цивилизациям. Это особенно хорошо видно, если обратиться к истокам этих цивилизаций, к тем первоначальным культурным памятникам, явившимся базой для их формирования. Такие древние письменные источники, как «Библия», «Авеста», «Лунь юй», «Дао дэ цзин», «Типитака» и др., доносят до нас величайшие идеи о том, что в основе человеческого бытия лежат ценности, направленные на утверждение добра, мудрости, человечности в сознании и поведении человека, в отношениях между людьми. «Воздействие великих моралистов, – пишет академик А. А. Гусейнов, – на жизнь последующих поколений огромно. Уже одно то, что они стали общепризнанными символами человеческого величия, а многие из них, прежде всего те, кого мы называем учителями человечества, – дали миллионам последователей сознание духовной идентичности имеет совершенно неопределимое значение» [4].

Возрастание роли морали в качественном преобразовании современного социума обуславливает перенесение акцента с ее нормативно-долженствовательной природы на персонально-аксиологическую. Сегодня уже явно недостаточно только вести речь об идеалах, нравственных принципах, нормах поведения, важно увидеть, определить, привести в движение духовные силы людей, направить их на социально значимые цели и гуманистические приоритеты, дать новые стимулы для их развития. В структуре человеческой духовности центральное место занимают именно нравственные компоненты, благодаря которым духовная энергия в человеке качественно и содержательно оформляется в соответствии с дихотомией «добро–зло» и других, вытекающих из нее понятий. Такой подход поднимает на новую высоту проблему личности как субъекта социального действия, открывая в ней источник не только активного и творческого, но и социально позитивного и гуманистического отношения к качественному преобразованию окружающей действительности. «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, – подчеркивал в свое время И. Кант, – бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он *личность*, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпеть, он одна и та же личность, т. е. существо, по своему положению и достоинству совершенно отличное от *вещей*, каковы неразумные животные, с которыми можно обращаться и распоряжаться как угодно» [5, с. 357]. Человек с развитым личностным сознанием способен возвышаться над действительностью и влиять на нее, напротив же, человек, выступающий в качестве вещи, предмета, средства, «винтика», остановившийся в своей развитии на уровне животного существа, превращается в орудие для манипуляций, издевательств, порабощения. Поэтому сегодня весьма актуально перенесение акцента в структуре движущих сил социума на личность, на раскрытие ее духовно-нравственного потенциала.

Человечность, гуманность, уважение, добропорядочность, добросовестность, ответственность, честность – эти и другие качества, проявляясь в жизни человека, превращают нравственность из теоретической конструкции в реально существующий феномен. Раскрываясь всем богатством своих моральных чувств, убеждений, мотивов и качеств, человек становится неповторимой личностью, открывает и совершенствует, говоря словами И. Канта, «человеческое в себе», «заложенные в нас прекрасные задатки добра, делающие человека достойным уважения». Следовательно, все более очевидным становится то, что одним из ведущих факторов социального развития становится моральный фактор, и в этом отчетливо просматривается глобальный вызов современности, закономерность объективного исторического процесса

В философско-методологическом плане одной из ключевых категорий, позволяющих проникнуть в суть морального фактора является категория «культуры». Мировоззренческие основания культуры, как особо подчеркивает академик В. С. Стёпин, позволяют «не только понять, каков в своих глубинных основаниях наличный человеческий мир, но и показать, каким он может и должен быть» [6, с. 352]. Следует заметить, что этот взгляд в будущее, определение социально-гуманитарных перспектив, осмысление гуманистических приоритетов и является неотъемлемой частью морали как формы общественного сознания, этики как практической философии. «Своеобразие морали и ее особая роль в культуре

связаны с потенциально неисчерпаемой многозначностью ее содержания. Без этого она не была бы тем, чем она на самом деле является – синонимом гуманности, последней и высшей апелляционной инстанции в человеческих делах» [7, с. 36].

Транзитивное состояние современного общества, обусловленное прежде всего необходимостью перехода на информационный путь развития, отчетливо выводит на передний план проблему формирования культуры личности, решение которой позволит, с одной стороны, искать наиболее эффективные способы преодоления негативных морально-психологических последствий индустриализма, с другой – оптимизировать возможности для раскрытия и совершенствования духовно-нравственного потенциала человека как реальной силы грядущих социокультурных преобразований. Разрастающаяся материально-техническая база общественного производства, увеличивающийся его научно-технологический потенциал не должны отодвинуть на задний план самого человека, тем самым превратив его в своеобразный придаток к «умным машинам» и существенно обострив характер социальных отношений. Как метко подчеркнул в связи с этим Э. Фромм, «человеческий диалог – более надежный путь к предотвращению опасных столкновений, чем шаги, продиктованные компьютером» [8, с. 257–258].

Известно, что для нормального функционирования общества необходимо наличие системы общепризнанных духовных ценностей, которые являются своего рода скрепами этого общества, обеспечивающими его целостность, устойчивость и жизнеспособность. В современном обществе остро ощущается ценностный кризис, что свидетельствует прежде всего о том, что потеряли свою значимость и эффективность для большинства населения общепринятые, официально закрепленные ценности предыдущей социально-исторической эпохи. Новые же ценности, в которых бы отражался дух времени, перспективные социально значимые цели, еще не оформились должным образом и не достигли уровня общественного признания. Это не означает вовсе, что механизм моральной регуляции прекратил свое функционирование. Просто произошло очень серьезное рассогласование во взаимодействии его составных частей. Ранее действующая ценностная структура утратила свой доминирующий характер, иерархическую упорядоченность. Но в то же время, несмотря на духовный кризис, заметно активизируются креативные процессы на тех или иных участках системы моральной регуляции. Это происходит прежде всего на уровне личностного сознания, а также на уровне определенных социальных групп и даже общественных институтов, активно включившихся в процесс кардинальных социокультурных преобразований. Здесь набирает силу «самодетельное» творчество новых ценностных представлений и моральных оценок. В основе этого процесса лежат общечеловеческие гуманистические по своей природе ценности, которые сохраняются в исторической культурной памяти человечества и жизненном духовном опыте личности и которые переосмысливаются через призму новых социальных условий и отношений. И отсюда, с так называемой «периферии» начинают поступать сигналы на государственно-национальный уровень, способствуя постепенной «кристаллизации» духовно-нравственных ценностей, отвечающих духу времени и актуальным социальным и личностным интересам. Такой процесс постепенного, осторожного «собирания» нравственных

ценностей мы можем наблюдать сегодня. Именно в этом процессе отчетливо может проявить себя и уже проявляет духовно-нравственный потенциал личности. Целенаправленная и последовательная актуализация этого потенциала в различных видах человеческой деятельности обязательным образом скажется и в целом на системе социальных отношений, способствуя ее моральному оздоровлению и духовному возвышению.

Литература и источники

1. Мень, А. Радостная весть (Лекции). – М., 1992.
2. Лихачев, Д. С. Слово писателя. – М., 1989.
3. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/32931. – Дата доступа: 10.08.2012.
4. Гусейнов, А. А. Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. – М., 2009.
5. Кант, И. Критика практического разума. – 2-е издание, стереотипное. – СПб, 2005.
6. Стёпин, В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды – Минск, 2012.
7. Этика / под общ. ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. – М., 2000.
8. Фромм, Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии // Фромм, Э. Душа человека. Сб. – М., 2004.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ – ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Н. Б. Яковлева

На протяжении столетий вместе с белорусами в нашей стране проживают представители других национальностей, вместе составляющие народ Беларуси. Это русские, поляки, украинцы и другие. Республика Беларусь является суверенным государством, государствообразующей национальностью являются белорусы. Более 80% граждан Беларуси являются православными христианами. Христианство пришло на земли современной Беларуси более тысячи лет назад и оказало определяющее влияние на историческое становление и развитие духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа.

После распада СССР начались стремительные изменения патриотического сознания. В стране наблюдался рост эмигрантских настроений, культ потребительства, преклонение перед Западом, пренебрежение своей отечественной культурой и традициями. Такая ситуация представляет большую опасность, так как человек, преклоняющийся перед чужим и не уважающий национальное наследие, может стать марионеткой в чужих руках. Поэтому совершенно правомерно, что в современных условиях формирование у граждан страны патриотического сознания – одна из важнейших задач воспитательной работы. Настоящим патриотом может стать только духовно развитая и нравственно зрелая личность, чувствующая свою ответственность не только за себя, но и за судьбы Отечества. Испокон веков чувство патриотизма нашего народа, его стойкость и мужество в защите своего Отечества было пронизано религиозно-нравственным

смыслом, суть которого выражена в Евангельской заповеди: нет большей любви, чем душу свою положить «за други своя». Привязанность к историческим корням и приобщение к непреходящим религиозно-нравственным ценностям придает человеку уверенность и стойкость, дает силу пройти через все испытания.

Сегодня во всех законодательных актах в сфере образования, начиная с Кодекса Республики Беларусь об образовании, закреплена приоритетность воспитания, основанного на традиционных духовных и моральных ценностях нашего народа, в том числе на традициях Православия.

Для развития Белорусской государственности необходимы те исконные ценности духовной жизни и морали гражданской жизни, которые едины как для Евангелия, так и для Конституции современного государства. Развитие духовно-нравственного потенциала молодежи, формирование таких качеств, как доброта, честность, справедливость, трудолюбие; стремление к бескорыстной заботе о близких, способности к беззаветной любви к Родине и др., обеспечит достойное развитие общества.

В образовательном процессе школы необходимо опираться на традиции белорусского народа. Именно это закреплено правовыми актами нашего государства, в которых признается определяющая роль Православной Церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [1] [3]. Учреждения образования в вопросах воспитательной деятельности на основании письменных заявлений законных представителей детей (самих совершеннолетних обучающихся) во внеурочное время могут взаимодействовать с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [2].

В настоящее время действует программа сотрудничества министерства образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви на 2011–2014 гг. Программа разработана на основе Конституции Республики Беларусь, Кодекса Республики Беларусь об образовании, Закона Республики Беларусь «О правах ребенка», Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь, а также в соответствии с нормами международного права, Соглашением о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью от 12 июня 2003 года.

Программа направлена на объединение усилий органов управления образованием, учреждений образования, религиозных организаций Белорусской Православной Церкви и общественных объединений для воспитания нравственно зрелой, духовно развитой личности, осознающей свою ответственность за судьбу Отечества и народа, и предусматривает реализацию комплекса совместных мероприятий, направленных на развитие гуманитарного (в том числе теологического и религиоведческого) образования в Республике Беларусь, разработку содержания воспитания и гуманитарного образования в учреждениях образования.

В рамках Программы заложено проведение совместных научных исследований по культурологической, духовно-нравственной, религиозно-философской, церковно-исторической и психолого-педагогической тематике [4]. В учреждениях общего среднего образования поддерживаются идеи возрождения

духовности белорусского народа, восстановления культурных традиций и утверждения исторической роли Православия в Беларуси.

Ежегодно в помощь педагогам разрабатываются инструктивно-методические рекомендации об особенностях организации воспитательной и идеологической работы в учреждении образования Республики Беларусь, в которых приоритетными направлениями воспитательной работы являются: гражданско-патриотическое, духовно-нравственное, воспитание культуры здорового образа жизни, самопознания и саморегуляции личности, семейное воспитание и др.

В рамках сотрудничества Министерства образования и Белорусской Православной Церкви проводятся семинары, круглые столы и другие мероприятия. Успешно продолжают свою деятельность региональные методические объединения педагогов по духовно-нравственному воспитанию учащихся.

Традиционными стали конференции, посвященные вопросам формирования у молодежи нравственных ценностей, милосердия, патриотизма: Международные Кирилло-Мефодиевские чтения и Свято-Михайловские православные чтения, Сретенские педагогические чтения в г. Витебске, Кутейнские чтения в г. Орше, Свято-Елисеевские чтения в г. Новогрудке. Одним из самых значимых педагогических форумов являются Свято-Евфросиньевские педагогические чтения.

Такие нравственные ценности, как трудолюбие, добротворчество, воздержание, целомудрие, крепкая семья, почитание детьми родителей, любовь к своему народу, его традициям, уважение памяти предков, содержит обширные возможности в деле духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в учреждениях общего среднего образования. Учащиеся знакомятся с вопросами, касающимися роли христианства в формировании национального менталитета, духовно-нравственных ценностей белорусского народа, в процессе изучения ряда предметов учебного плана. Наряду с этим учащимся предоставлена возможность посещать факультативные занятия соответствующей направленности.

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь обеспечивает научно-методическое сопровождение образовательного процесса в учреждениях общего среднего образования. За последние 5 лет по основным направлениям воспитания было издано более 40 пособий, получили гриф и рекомендованы для использования в учреждениях общего среднего и дополнительного образования детей и молодежи 14 программ факультативных занятий (размещены на сайте НИО www.adu.by). При организации работы по духовно-нравственному воспитанию, формированию здорового образа жизни педагогам и родителям можно рекомендовать следующие пособия: «Формирование нравственных ценностей учащихся в детских и молодежных объединениях» (автор М. Е. Минова); «Народная педагогіка як сродак выхавання вучняў» (автор Г. П. Арлова); «Патриотическое воспитание учащихся: история и современность» (автор В. В. Буткевич); «Организация социально-педагогической работы в школе» (автор Т. С. Капелевич) и др.

Жизнь и опыт показывают, что духовность и нравственность в обществе тесно взаимосвязаны: там, где нет духовности, падает нравственность. Поэтому

духовно-нравственное воспитание учащихся – одно из основных направлений воспитательной работы в современной школе.

Литература и источники

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) / Оpubл. в газете «Звезда» от 27 ноября 1996 г.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 05.02.2014.
3. Закон Республики Беларусь от 17.12.1992. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.info/docum09/part35/akt35625.htm. – Дата доступа: 05.02.2014.
4. Программа сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви на 2011–2014 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minedu.unibel.by>. – Дата доступа: 05.02.2014.

ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Е. Чистякова

Образование и религия в нашей стране долгое время оставались на разных, диаметрально противоположных сторонах в процессе воспитания подрастающего поколения. Сегодня учреждения образования и религиозные организации имеют общие задачи: воспитание духовно-нравственной личности учащихся – носителя гражданских, национальных, духовных и культурных традиций народов нашей страны.

В Кодексе Республики Беларусь об образовании определено, что учреждения образования в вопросах воспитания на основании письменных заявлений обучающихся (законных представителей несовершеннолетних обучающихся) во внеучебное время могут взаимодействовать с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Порядок, условия, содержание и формы такого взаимодействия определяются Правительством Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь [1].

На объединение усилий учреждений образования и религиозных организаций направлена Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2011–2014 год. Целью ее является использование потенциала православных традиций и ценностей в духовно-нравственном и патриотическом воспитании детей и учащейся молодежи [2].

В соответствии с Положением о порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями (утверждено постановлением Совета Министров от 24 июня 2011 г. № 838) учреждения образования могут осуществлять сотрудничество с Белорусской Православной Церковью на основе соглашения между Министерством

образования Республики Беларусь и Белорусским Экзархатом, взаимодействие которых может быть инициировано как религиозной организацией, так и администрацией учреждений образования с согласия учредителя учреждения образования. Согласно данному Положению под религиозной организацией понимаются зарегистрированные в установленном порядке религиозные общины, религиозные объединения, монастыри, монашеские общины, религиозные братства и сестричества, религиозные миссии и духовные учебные заведения. Участие в мероприятиях, проводимых совместно с религиозной организацией в рамках плана воспитательной работы учреждений образования, допускается только на основании письменных заявлений обучающихся или законных представителей несовершеннолетних обучающихся [3].

Содержание взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся определяется в рамках следующих направлений:

- гражданское, нравственное и патриотическое воспитание обучающихся на основе духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа;

- ознакомление с историко-культурным и духовным наследием, забота о сохранении и восстановлении памятников истории и культуры;

- работа с неблагополучными семьями, имеющими несовершеннолетних детей;

- организация досуга и оздоровления детей и подростков;

- работа с детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей, детьми, находящимися в социально опасном положении, детьми, нуждающимися в особых условиях воспитания;

- профилактика правонарушений, асоциального поведения обучающихся;

- пропаганда здорового образа жизни;

- деятельность по охране окружающей среды;

- профилактика влияния на молодежь религиозных организаций, деятельность которых направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности [2].

Порядок и формы взаимодействия учреждения образования с епархиями и приходами Белорусской православной Церкви изложены в Методических рекомендациях по организации сотрудничества учреждений образования с Белорусской Православной церковью Министерства образования Республики Беларусь (2011 г.). Где говорится, что для углубленного изучения духовно-нравственного наследия Православия и его роли в формировании белорусской государственности и патриотическом воспитании в детей и учащейся молодежи по желанию обучающихся и их законных представителей имеется возможность посещать факультативные занятия. Факультативные занятия в учреждениях общего среднего образования направленные на повышение у обучающихся интереса к изучаемым учебным предметам, углубление их содержания, активизацию познавательной деятельности, интеллектуальное, духовное и физическое развитие и т. д.

В настоящее время в учреждениях общего среднего образования

используются учебные программы факультативных занятий с грифом «Рекомендовано Научно-методическим учреждением «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь» направленные на приобретение знаний учащимися по истории религиозных конфессий и вероисповеданий, основ религиоведения; на приобщение учащихся к национальными, культурными, религиозными традициями белорусского народа, способствующим духовно-нравственному воспитанию учащихся:

учебная программа факультативных занятий «Культура и религия» для учащихся X–XI классов (автор С. Г. Рогальский), учебная программа факультативных занятий «Основы религиоведения» для учащихся XI классов (автор В. В. Старостенко) (учебный предмет «Обществоведение»);

учебная программа факультативных занятий «Библия как памятник истории и литературы» для учащихся VI класса (автор В. А. Федосик, И. А. Авдеев) (учебный предмет «Всемирная история»);

учебная программа факультативных занятий «История вероисповеданий и религиозных движений Беларуси» для учащихся XI классов (автор И. А. Авдеев) (учебный предмет «История Беларуси»);

учебная программа факультативных занятий «Библейские и евангельские сюжеты в белорусском изобразительном искусстве» для учащихся VI классов (авторы П. А. Яницкая, И. Н. Скворцова); «Христианские ценности и художественная культура (православная традиция)» для учащихся X–XI классов (автор Л. А. Густова–Рунцо) (учебный предмет «Изобразительное искусство»).

Выбирая пути осуществления духовно-нравственного воспитания учащихся в учреждениях общего среднего образования необходимо понимать, что личность, лишенная культурных, нравственных и духовных традиций и ценностей своего народа, оказывается не в состоянии в последующем защитить себя, своих близких, свое Отечество. Желание видеть своих детей счастливыми обязывает нас заботиться об их духовно-нравственном воспитании и образовании.

Литература и источники

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г., одобрен Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – №13. – 2/1795.
2. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2011–2014 год // Образовательный портал [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.adu.by>. – Дата доступа: 05.04.2013.
3. Положением о порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями (утверждено постановлением Совета Министров от 24 июня 2011 г. № 838) // Настаўніцкая газета. – 2011. – 6 авг.

ХРЫСЦІЯНСКІЯ КАШТОЎНАСЦІ І ДУХОЎНА-МАРАЛЬНАЕ ВЫХАВАННЕ Ў СІСТЭМЕ СВЕЦКАЙ АДУКАЦЫІ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСІ

Л. Я. Кулажанка

Істотнай перашкодай на шляху ўключэння прынцыпаў хрысціянскай

педагогікі ў выхаваўчы працэс свецкіх навучальных устаноў з'яўляюцца светапоглядныя адрозненні паміж носьбітамі і транслятарамі базавых выхаваўчых прынцыпаў. Тым не менш, на наш погляд, існуюць прадпасылкі для пераадолення супярэчнасцей, гарманізацыі адносін і дасягнення канструктыўнага дыялогу.

Актуальнасць маральнага вымярэння рэлігіі не адмаўляецца свецкай сістэмай адукацыі і выхавання. Аднак для рэзультатыўнага выкарыстання выхаваўчага патэнцыялу хрысціянства патрэбна больш уважлівае вывучэнне сутнасці рэлігійнага вопыту і яго ролі ў фарміраванні духоўна-маральных якасцей чалавека і грамадства. Сучасны дыялог навукі, свецкай педагогікі і рэлігіі, выкарыстанне вопыту хрысціянскіх Цэркваў ва ўдасканаленні асобы дае магчымасць дыялектычна сінтэзіраваць розныя падыходы, здымаць супярэчнасці свецкасці і рэлігійнасці праз іх узаемадзеянне і ўзаемадапаўняльнасць. Свецкая педагогіка сёння можа ўзбагаціцца вопытам мінулых стагоддзяў, а таксама даследаваннямі тэолагаў, хрысціянскіх педагогаў, прадстаўленых, у тым ліку, і сучаснымі хрысціянскімі духоўнымі школамі ў Беларусі.

Перадумовай пераадолення супярэчнасцей з'яўляецца высокая ацэнка і свецкай, і хрысціянскай педагогікай патэнцыялу чалавечай асобы, здольнасці яе да самаўдасканалення і перамянення. Хрысціянства падкрэслівае выключную ролю чалавека ў гісторыі, разглядае яго найперш як асобу, свядомы суб'ект сваіх правоў і абавязкаў, тварэнне, здольнае да сатворчасці і духоўнага самаразвіцця.

Як вядома, выніковай мэтай абодвух сістэм выхавання з'яўляецца фармаванне чалавека высокай маралі, чалавека духоўнага. Сярод мноства фактараў, якія ўплываюць на працэс выхавання чалавека, вызначальным з'яўляецца сістэма каштоўнасцей, г.зн. тых базавых экзістэнцыяльных арыенціраў, на якіх будзецца сістэма выхавання, ад якіх залежыць выбар этычных правілаў і стратэгіі жыцця. Як вядома, з філасофскага пункту гледжання, духоўная каштоўнасць ёсць ідэальнае ўяўленне пра тое, што ёсць належнае, дасканалое, што ляжыць у аснове жыцця чалавека. У аксіялогіі выдзяляюцца тры асноўныя тыпы духоўных каштоўнасцей – філасофска-светапоглядныя, маральныя і эстэтычныя. Некаторыя аксіёлагі вылучаюць яшчэ адзін тып: каштоўнасці рэлігійныя, якія можна лічыць поўным і адэкватным сінтэзам усіх духоўных каштоўнасцей, што дае цэласнае ўяўленне пра асноўныя сэнсы быцця, маральныя ўстоі і эстэтыку. На іх думку, рэлігійныя каштоўнасці ўключаюць усю цэласнасць духоўнага кампанента быцця, у тым ліку вышэйшыя іерархічныя кампаненты агульначалавечых каштоўнасцей.

Пры гэтым існуюць і адрозненні. У тэалогіі і рэлігійнай практыцы прызнаецца, што хрысціянскія каштоўнасці адрозніваюцца зададзенай і пастаяннай структурай, пры гэтым кожная сэнсавая канстанта напоўнена нязменным маральным зместам. Сістэма маральнага жыцця, заснаваная на галоўнай заповедзі любові, раскрываецца як сістэма аб'ектыўная, цэласна арганізаваная, ступенчата выбудаваная, практычна мэтазгодная. Засвоеныя хрысціянскія каштоўнасці становяцца цэнтральным кампанентам самасвядомасці асобы, вышэйшым рэгулятарам яе паводзін.

Шкала агульначалавечых каштоўнасцей, як паказвае практыка, даволі рухомая, у кожнай сацыякультурнай традыцыі яна напаяецца сваім сэнсам. Укаранёнасць маральнага парадку ў адноснай іманентнай сферы бягучай рэчаіснасці абмяжоўвае ўзровень і якасць маральных крытэрыяў.

Паводле думкі хрысціянскіх тэолагаў, духоўнасць заўсёды рэлігійная; духоўны чалавек – гэта асаблівы тып чалавека, які імкнецца праявіць сябе “як вобраз і падабенства”, г.зн. заўсёды імкнецца да ідэалу, да пазнання ісціны, вышэйшых сэнсаў быцця. З хрысціянскага пункту гледжання, вобраз чалавека духоўнага выяўляецца ў перавазе духоўных, маральных і інтэлектуальных інтарэсаў над матэрыяльнымі і прагматычнымі. Духоўнасць ёсць «плады душы» – любоў, міласэрнасць, суперажыванне, цнатлівасць, устрыманне, цярдзенне, якія Дух праяўляе праз асобу чалавека» [2, с. 36]. Хрысціянства такім чынам ставіць перад чалавекам найвышэйшую планку на шляху да самаўдасканалення і ўказвае на шляхі яго дасягнення.

Хрысціянскія каштоўнасці займаюць асаблівае месца ў структуры духоўнасці чалавека, яны выяўляюць той ідэальны вобраз актыўнай духоўнай дзейнасці і маральнага ўдасканалення, якія патэнцыяльна закладзены ў чалавеку. Сістэма хрысціянскіх каштоўнасцей, засвоеная асобай, становіцца асновай для ўсвядомленых і канструктыўных адносін да сацыяльнай рэчаіснасці і ўласных магчымасцей. Яна фармуе матывацыю пастаяннага маральнага ўдасканалення, актывізацыі вышэйшых пачуццяў, якія ўплываюць на ўнутраны свет чалавека і ўспрыняцце ім рэальнасці.

Хрысціянства раскрывае фундаментальныя ісціны чалавечага быцця, дае адказ на такія пытанні, як сэнс жыцця, заканамернасці смерці, прычыны антрапалагічнага крызісу, раскрывае наступствы чалавечага эгаізму ў розных сферах, а таксама прапануе сведчанні ісціннай прыроды чалавека, узоры праведнасці, чысціні і ахвярнасці як вышэйшых прынцыпаў маральнасці. Хрысціянства не толькі дэкларуе высокія прынцыпы маралі, але ставіць перад чалавекам задачы, абавязвае да канкрэтных дзеянняў па выкананню прынцыпаў і норм паводзін. У святле хрысціянскіх каштоўнасцей набываюць асаблівае духоўнае гучанне і змястоўнае напаўненне традыцыйныя паняцці і прынцыпы жыцця чалавека, такія як адказнасць, свабода, любоў, ахвярнасць і інш.

Для сучасных педагогаў актуальным з’яўляецца разуменне таго, што вяртанне хрысціянскіх сэнсаў у сучасную свецкую педагогіку – гэта не пытанне навяртання ў веру. Вяртанне рэлігійных сэнсаў неабходна з прычыны багацця і змястоўнасці шматвяковага вопыту хрысціянства ў справе фармавання асобы чалавека, сведчанне пра магчымасці яго перамянення і дасягнення вяршынь духоўнай дасканаласці. Таму выкарыстанне прынцыпаў хрысціянскай педагогікі, каштоўнасцей хрысціянства ў кантэксце выхавання асобы, пераадолення крызісу ў сферы маралі ўяўляецца дзейным выхаваўчым сродкам і змястоўным папаўненнем магчымасцей сучаснай свецкай адукацыі Беларусі.

Літаратура і крыніцы

1. Шаповал, Ю. В. Религиозные ценности: религиозоведческий анализ (на примере иудаизма, христианства, ислама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mobogenie.com/Android-Manager. – Дата доступа: 14.11.2013.
2. Аверинцев, С. Связь времен. – Киев., 2004.

ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

С. Ю. Дивногорцева

Отправной точкой научного теоретизирования, в том числе по вопросам методологии педагогики, является практическая действительность. Рассмотрим ситуацию в современном российском образовании, касающуюся вопроса духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. В декабре 2009 года в качестве методологической основы разработки и реализации федерального государственного стандарта общего образования была предложена «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [1]. В Концепции было подчеркнуто, что в современной школе должна быть сосредоточена как интеллектуальная, так и духовная, культурная жизнь обучающегося. Российской школе не только вернули воспитательную функцию, но и акцентировали ее внимание на проблемах духовно-нравственного развития и воспитания личности ребенка. Механизм развития системы образования, обращенной к внутреннему миру человека, был запущен. Много сделано для достижения поставленных целей, например, начата работа по приобщению подрастающих поколений к системе ценностей, соответствующих традиционным российским религиям, в процессе изучения различных модульных курсов по выбору, в том числе «Основ православной культуры».

Однако подобного рода перемены в системе российского образования породили и ряд существенных проблем. Одной из них, на наш взгляд, является дезориентация учителей школы в методике организации процесса духовно-нравственного развития и воспитания личности ребенка. Это и неудивительно: практически двадцать постперестроечных лет школа довольно слабо или вообще не выполняла свои воспитательные функции, а богатый опыт воспитательной работы, накопленный советской школой, был выстроен на жестком авторитарном идеологическом (коммунистическом) подходе, что мало приемлемо в современной социокультурной жизни российского общества. В то же время начатый процесс обращения к проблемам духовно-нравственного воспитания личности остановить невозможно и нецелесообразно. Научной общественности необходимо решать проблемы, возникающие на практике, стремиться к ее научному осмыслению и обоснованию.

Не отвергая единство педагогики как науки, которая изучает явления образования (обучения, воспитания и развития личности) в их единстве и системе, имеет смысл определиться с методологическим основанием, на которое можно было бы опираться при построении системы духовно-нравственного воспитания личности. На наш взгляд, таким основанием для отечественной педагогики, около тысячелетия, вплоть до 1917 года развивавшийся в контексте православной культуры, может стать христианская антропология. По крайней мере, важно опираться на основные положения христианской антропологии, существуя и выстраивая свою профессионально-педагогическую деятельность в контексте православной педагогической культуры.

Так, учение православной антропологии о поврежденности природы

человека первородным грехом диктует необходимость рассматривать в качестве основного предмета педагогической деятельности *воспитание* личности. Назначением человека, согласно православной антропологии, является обожение, означающее не самовозвеличивание, но устремленность к идеалу, воплощенному в Иисусе Христе. Соответственно воспитание становится нацеленным на раскрытие изначально заложенного в человеке образа Божьего, на преобразование его личности. Исходя из этих предпосылок, воспитание в контексте православной педагогической культуры определим как специально организованный, управляемый и контролируемый процесс возвращения, поддержки ребенка и взаимодействия с ним, нацеленный на возрождение, освящение и преобразование личности воспитанника, ее обожение, освобождение от пороков. Педагогу необходимо учитывать, что обожение человека имеет специфическую особенность. Оно может осуществляться благодаря двум взаимно направленным устремлениям: благодатному Божественному воздействию и человеческому желанию, усилиям этот дар приобрести. Поэтому в православной педагогической культуре воспитание зиждется на *синергии человеческих психофизических сил* (процесс самовоспитания), *благодати Божией* (воспитание, возвращение человека Богом), а также *воздействию на человека других людей* (родителей, педагогов, общества в целом) в процессе оказания ими поддержки ребенку и взаимодействия с ним.

Христианская заповедь о любви к Богу и ближнему, положение православной антропологии о том, что полнота человеческой жизни состоит в общности, соработничестве человека с Богом, другим человеком и миром в целом обуславливают другодоминантность ориентации воспитательного процесса в контексте православной педагогической культуры. Это ориентация на понимание воспитуемым важности служения Богу и человеку, что на практике выражается в приучении ребенка думать и заботиться о других. Основой взаимодействия участников воспитательного процесса в данном случае выступает соборность как духовное единение, в котором индивидуальность не подавляется, но развивается на духовной основе. Подобная духовная интеграция преодолевает обезличенность коллективизма и негативность индивидуализма для общества. Соборность воплощается в духовной жизни Церкви, семьи и православной школы.

Идея иерархического устройства человека, характерная для христианской антропологии, ложится в основу иерархического выстраивания воспитательного процесса личности: воспитание духовное, нравственное, физическое (телесное). Духовность в православной педагогической культуре – это особое качество личности, способ ее существования, которому соответствует внутренняя направленность на Абсолютные ценности. Внешним проявлением духовной жизни является нравственность. Нравственность человека в православной педагогической культуре выражается в свободном принятии им Абсолютных нравственных императивов и проявляется в его поведении и поступках. И духовность, и нравственность раскрываются в человеке по мере его духовного становления: духовность задает смыслы, а нравственность – правила и способы действия.

В структуре духовно-нравственного воспитания целесообразно для его организационного выстраивания выделить три иерархически выстроенных уровня: *сакральный, знаниевый и нравственно-ориентированный*. Сакральный уровень

определяется неповторимостью православной религии. Способами его реализации являются: следование христианским заповедям, воспитание чувства благоговения и почитания святынь, участие в богослужениях и церковных таинствах, церковная и домашняя молитва, литургический пост, покаяние, которые передаются «невербализуемым» знанием. Основой педагогической деятельности на данном уровне является предоставление воспитаннику возможности приобретать личный опыт христианской жизни в семье или церковной общине, участвовать в богослужениях и церковных таинствах. Религиозно-нравственное воспитание, реализуемое на знаниевом уровне, допускает и требует вербализованного педагогического воздействия как на интеллектуальную, так и на эмоциональную сферу личности. Основным средством его осуществления является предоставление воспитаннику возможности получать необходимые религиозные знания, умения и навыки. На знаниевом уровне происходит интеллектуальное и эмоциональное осмысление мира человеком, складывание определенного миропонимания, на сакральном – осмысление, рефлексия души, определенные волевые усилия личности, приводящие ее к новому уровню духовного состояния. Основными способами реализации нравственно-ориентированного уровня являются нравственное научение и включение ребенка в активную деятельность, развитие эмоциональной сферы как умения познавать чувствами. Эти способы направлены на формирование у личности нравственных отношений к родине, семье, обществу, умения и желания творчески трудиться, беречь и охранять природу и т. п.

Подобного рода знания жизненно необходимы современному педагогу, поскольку служат как основанием формирования его методологической культуры, так и организационно-педагогических действий. На методологических знаниях основана культура мышления педагога, которая, в том числе, должна быть направлена на проектирование и конструирование процесса духовно-нравственного воспитания личности, разрешение возникающих педагогических проблем, что обеспечивает высокий уровень профессиональной деятельности учителя.

Литература и источники

1. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – М., 2009.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ: ДУХОВНОСТЬ ПРОТИВ ГЕДОНИЗМА

Л. З. Левит

В 2006–2012 гг. мы разработали Личностно-ориентированную концепцию счастья (ЛОКС), в которой реализация внутреннего потенциала индивида и достижение им счастливой жизни описываются через взаимодействие двух многоуровневых систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ) [2; 4; 5]. С религиозно-философских точек зрения, ЛУ может быть интерпретирована как древнегреческий «дэймон», внутренний дух человека, связывающий его с богом [3] или, в качестве *идеальной* части личности – как высшая духовность, как «дыхание» самого бога [1].

Как известно, один из важных принципов диалектики связан с идеями борьбы противоположностей, *двойственности*. В частном случае можно утверждать, что все в мире имеет условно «хорошую» и «плохую» сторону. Внутри человеческой психики также действуют две основные силы: одна «приковывает к земле», вторая «влечет к небу».

Если мы обратимся к ЛОКС, можем также увидеть, что между собой взаимодействуют две первоначально несхожие системы. Личностная Уникальность, будучи «идеальной», духовной частью, метафорически тянет человека вверх, «к Богу», в то время как Эгоизм традиционно подразумевает иные характеристики, связанные, в первую очередь, с врожденной человеческой греховностью, удовлетворением индивидом собственных материально-телесных потребностей и «земной» жизнью.

Проделанный теоретический анализ показал, что наша концепция находится на пересечении разнонаправленных тенденций, изучающих «конечные» ценности, которые определяют полноценную жизнь и субъективное благополучие человека. С каждым из этих направлений ЛОКС имеет как зоны «перекрывания», так и области расхождений [2].

Представители современной религии совершенно справедливо озабочены массовым ростом эгоизма и гедонизма как простейших форм «погони за счастьем» в рыночном обществе. Гедонист, стремясь получить «все и сразу» в вечной погоне за «синей птицей», никогда не достигает конечной цели.

В своем повседневном существовании верующему человеку рекомендуется преодолевать собственный эгоизм, в частности – путем проявлений альтруизма и сострадания к ближнему, которые зачастую связаны с его собственными страданиями. Подобно религии, ЛОКС также «настаивает» на преодолении индивидом низших форм своего эгоизма – правда, иными средствами и с другими целями. Субъект, желающий вести счастливую, полноценную жизнь и следующий нашей теоретической модели, должен преодолевать эгоизм низших уровней с помощью развития и реализации «идеальной» части себя – своей Личностной Уникальности. Разумеется, в будущем «плодами» ее деятельности смогут воспользоваться и другие индивиды.

Мы единоклюны с религиозными идеями, касающимися приоритета духовных ценностей и необходимости ограничения субъектом собственного эгоизма (его низших форм), однако считаем развитие *индивидуального* потенциала в качестве наивысшего и конечного способа реализации духовной составляющей. Тем самым мы демонстрируем согласие с религией в отношении ограничения «низшего» и разногласие в определении и способе реализации «высшего» уровня человеческого существования.

Как указывает К. Армстронг, в эпоху Просвещения «атеизм» ассоциировался с девиантным и аморальным поведением, разного рода злоупотреблениями [1, с. 232], которые современные специалисты назвали бы краткосрочным гедонизмом. С нашей точки зрения, подобная «гедонистическая опасность» действительно существует для людей, имеющих духовный вакуум и «застрявших» на низшем, «полуживотном» уровне развития. Однако ее преодоление не требует обязательного обращения к богу. Достаточно обратиться вглубь, к Личностной Уникальности – своей «идеальной» и «духовной» части. Хотя ЛУ индивида до поры до времени скрыта в бессознательном, она все же

кажется нам доступнее для своего обладателя, чем гипотетическая и пока неведомая высшая сила.

На своей «вершине» ЛОКС имеет общие ценности с религией лишь до такой степени, до какой Личностная Уникальность внутри человека может быть признана «божественной». В этой связи вспомним, что «дэймон» (аналогом которого выступает система «ЛУ» в ЛОКС) в Древней Греции рассматривался в качестве переходной формы от «человеческого» к «божественному» [3]. Увы, данная традиция не прижилась в христианстве: между безупречным Богом и грешным человеком ныне зияет непроходимая при жизни пропасть [1].

Таким образом, ценности ЛОКС сродни религиозным на «нижних» этажах концепции и полностью отличаются на «верхних», предполагая *индивидуальную самореализацию* и «возвышение» в *земной* жизни, а не следование «высшему внешнему авторитету» и получение за это награды в раю. С точки зрения религии, человек должен подняться над своим эгоизмом ради единения с другими людьми. С точки зрения нашей концепции, человек должен подняться над низшими формами своего эгоизма, и, используя его высшие формы, осуществить свое *индивидуальное* предназначение: реализовать собственную Личностную Уникальность и достичь счастья.

Литература и источники

1. Армстронг, К. Биография бога. – М., 2012.
2. Левит, Л. З. Уникальный потенциал, самореализация, счастье. – Saarbrucken, 2013.
3. Платон Апология Сократа. Диалоги. – М. 1986.
4. Levit, L. Z. Happiness: Person-Oriented Conception // International Journal of Advances in Psychology. Vol. 1. Iss. 3. November, 2012.
5. Levit, L. Z. Personal Uniqueness Therapy: Living with an Inner Ideal // American Journal of Applied Psychology. Vol. 3. № 1, January 2014.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ДУХОВНОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

Н. Г. Колтакова

Когда речь идет о светском воспитании духовных ценностей, всегда возникает проблема – проблема отношения к религии в современных обществах. Ведь здесь важен не только тип учебного заведения, к примеру, семинария или университет, а именно те общественные процессы, которые начались еще с эпохи Возрождения. Эти изменения обычно называют секуляризацией (от лат. *saecularis* – светский), т. е. «обмирщением» религии. Безусловно, указанная «светскость» затрагивает ряд вопросов сугубо религиозного плана, но так как предметом осмысления здесь становится не сакральный, а скорее духовный контекст, то укажем на «секулярный» характер современного общества прежде всего как на факт.

С точки зрения исторической действительности перед нами четко прослеживаются две тенденции: с одной стороны, некий мистицизм, пришедший на смену религиозности, «терапевтический иррационализм», согласно терминопотреблению, английского философа и социолога Эрнеста Геллера [1,

с. 145], а с другой – так называемое «рационализированное христианство», природу которого анализирует Чарльз Тейлор [2]. Оба варианта являются парадоксальным образом секулярными и должны быть учтены в преподавании религии как дисциплины общественно-гуманитарного цикла. Рационализированное христианство связано с протестантизмом, особенное же развитие получает в Англии, представляя собой некий кодекс морального поведения. «Именно так мы должны жить: быть трудолюбивыми и рациональными в удовлетворении собственных потребностей, и через усовершенствование, из этого вытекающее, помочь удовлетворению потребностей других» [2, с. 315]. Протестантизм является религией более этической, а не мистической. Однако в то же время он достаточно востребован.

Иногда возникает впечатление, что даже английский тип джентльмена – это тип, порожденный рационализированной христианской этикой. Собственно, перед нами одна из форм секуляризации религии, которую не следует оценивать ни негативно, ни позитивно. Самым адекватным в этом случае представляется слово понимание. Собственно, и в преподавании религии должно присутствовать желание понять и осмыслить, без пафоса и фанатизма, но с должным уважением ко все формам религии. Известной является ходячая фраза, что атеизм – тоже религия. Так и преподаватель религии в светском учреждении должен осознавать различные религии – будь то христианство, иудаизм, мусульманство или буддизм – как чувственные формы постижения Божественного, а если употребить светскую терминологию, то Истины.

Однако христианская этика как более «светская» форма легче поддается преподаванию. Теперь следует вернуться к указанному выше мистицизму. «Терапевтический иррационализм», о котором говорит Эрнест Геллер в контексте фрейдовской концепции, на самом деле заполняет лауну, освобожденную благодаря процессам секуляризации. Личность часто балансирует между рационализмом и иррационализмом: когда возникает нехватка одного из них, ее пытаются восполнить. Фрейдовское «id – ego – super-ego» приходит тогда, когда христианское понимание искушения уже не является внутренне присущим мышлению общества. Однако при этом остается потребность личности заполнить иррациональное пространство.

Таким же образом дело обстоит и со всплеском мистических религиозных течений в конце XIX-го и XX-м веках. Этот процесс не тождественен мистике христианских отцов церкви, равно как и средневековому мистицизму, он представляет собой попытку светского человека восполнить недостаток иррационализма и по-своему осмыслить мир. При этом попытка дала очень ценные вещи, например смыслоискания русского Серебряного века. Однако понять эти искания можно все равно через процесс секуляризации. Так, Вячеслав Иванов, синтезирующий античность и христианство, монотеизм и политеизм, Диониса, который «есть божественное всеединство Сущего» [3, с. 30], и Христа, обращающийся от православия к католичеству, является не просто мятущейся фигурой своего времени, а тем, кто уловил его дух. Вячеслав Иванов мыслит одновременно и «по-мирски», и «по-светски».

Секуляризация также порождает особую форму религиозности – бунт. Безусловно, бунт в целом является не только современной формой отношения к действительности. «Бунтует», как замечает Вяч. Иванов, «и праведный Иов» [3,

с. 91]. Хотелось бы указать на особую форму бунта в секулярном обществе, который является, не столько даже богоборчеством, сколько противостоянием миру без Бога. С этой точки зрения нелегкой задачей представляется изучение «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского светским человеком. В то же время бунт здесь – поиск, попытка ощутить тяжесть бытия и существования:

– Брат, к чему это все? – спросил Алеша.

– Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.

– В таком случае, равно как и бога [4, с. 268].

Приведенный диалог является ярким примером секуляризации общественного сознания. Несмотря на заложенную в нем иронию, ощутимо и стремление к ее преодолению, возврату к истокам христианства. Данное произведение сложно для прочтения людей, мало знакомых с христианской, точнее даже с православной традицией. Даже протестант и тем более мусульманин прочтет его по-своему. При этом ведь не существует изначально «неверного» прочтения. Задача светского подхода к изучению этого произведения должна включать:

1. ознакомление с христианской православной традицией, которая легла в основу мироощущения героев;

2. выход на сферу ценностей;

3. выход на Божественное начало, одинаково присущее всем религиям.

Показательным примером взаимодействия религиозного и общечеловеческого является реакция Христа на слова Великого Инквизитора. Данный эпизод подробно рассмотрен С. С. Аверинцевым в статье «Образ Иисуса Христа в православной традиции», где молчание утверждается как апофатика, т. е. утверждение через отрицание [5, с. 162–164]. Приведем цитируемый мыслителем отрывок. В ответ на вопрос Алеши об окончании его поэмы Иван Карамазов дает поразительную картину: «...Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы горькое и страшное. Но он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ» [4, с. 295–296]. Так же поступает и Алеша.

Творчество Ф. М. Достоевского – это «тяга к сакральному», которая, по мысли русского культуролога Н. А. Хренова, характерна для XX века [6], но возникает еще в XIX-м. Секуляризированный мир начинает новые поиски. При этом следует учесть, что абсолютный возврат к прошлому уже невозможен. Однако такой полный возврат мог бы обернуться либо механистичным, либо слишком фанатичным. Для одних икона – это предмет культа, для других – объект прежде всего эстетический. Обе эти стратегии надо учесть и толерантно донести в курсе эстетики.

Светское отношение к религии является не искажением, а изменением. Мы должны учитывать динамичный, постоянно изменяющийся мир и общество. Ведь светское общество не отвергает религию, оно дает выбор, пытается ее не только переосмыслить, но и осмыслить. Перед нами объективный процесс, который следует не игнорировать, а учитывать его неоднородность и разнородность.

При таком рассмотрении и реакция на изучение религии и религиозных произведений будет понимающей, а не противостоящей, что позволит сделать духовный мир личности значительно глубже.

Литература и источники

1. Геллер, Е. Розум і культура: історична роль раціональності та раціоналізму; пер. з англ. С. Савченка. – К., 2004.
2. Тейлор, Ч. Джерела Себе; заг. ред. пер. з англ. А. Васильченка. – К., 2005.
3. Иванов, В. И. По звездам. Борозды и межи. – М., 2007.
4. Достоевский, Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Братья Карамазовы. Части I–III. – М., 1991. – Т. 9.
5. Аверинцев, С. С. Образ Иисуса Христа в православной традиции // Аверинцев, С.С. Собрание сочинений. Связь времен. – К., 2005.
6. Хренов, Н. А. Воля к сакральному. – СПб., 2006.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ВИНЫ В СВЯЗИ С СЕКУЛЯРИЗАЦИЕЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. А. Тимошенко, И. М. Лаврухина

Исследование образов вина включает содержательную разработку понятия вина, осознание источников и причин вина, переосмысление связанных с ней понятий зла, долга, греха, виновности, совести, ответственности. Это, в свою очередь, предполагает объединение философско-антропологического и культурологического подходов с религиозной и литературной традициями, взаимодополнение общемировоззренческого контекста конкретно-дисциплинарными содержательными моментами.

В традиционной и современной культурах сформировались отличающиеся образы вина. Под *традиционной* мы понимаем культуру, базирующуюся на религиозных ценностях и ориентирующуюся на сохранность традиций и обычаев, которые выступают главными регуляторами общественной жизни. *Современная* культура характеризуется отказом от религиозного мировоззрения, ориентацией на науку, способностью и готовностью к изменениям. Важнейшими социальными ценностями становятся индивидуализм, свобода и права личности.

Анализ основных подходов в понимании вина и соответствующих образов вина позволяет сделать вывод о том, что в связи с усилением процессов секуляризации в истории духовной культуры традиционный образ вина к XX веку модифицировался в многоаспектный философско-теоретический образ, на основе которого впоследствии сформировался соответствующий междисциплинарный концепт вина. Ниже более подробно представляем процесс преобразования образов вина в культуре.

Уже в древнегреческой философии и в восточной культуре встречается эпистемологический подход в понимании сущности вина с формированием соответствующего образа. Так, буддизм трактует вину как беду человека, заблудившегося и выбравшего несправедный путь. Древние греки (Демокрит) причиной греха, трактующегося как ошибка, считают незнание наилучшего. В общем, вина предстает как привнесенная характеристика нравственного статуса человека.

В авраамической традиции начал полноценно разрабатываться вопрос о механизмах вменения и субъектах вины. Отметим, что различная трактовка статуса реального мира в его взаимосвязи с Богом вызывает разное понимание этих механизмов и субъектов. Если мир предстает как неудачное откровение Абсолюта (индийское мировоззрение), то это событие выступает роковой ошибкой Божества, и вина смещается в сторону Бога, однако не понятен механизм ее вменения. Если наличное существование мира признается достойным Бога, и одновременное существование добра и зла в мире оправдано (их сравнение позволяет выявить ценность добра), то отпадает необходимость в самом механизме вменения вины, кому бы то ни было (китайская религия).

В авраамических религиях реальный мир предстает как подлинная реализация замыслов Бога, но тогда необходимо объяснить, откуда и почему в мире появилось зло. В этой традиции наличие зла в мире связывается с грехопадением человека, а склонность человека ко злу рассматривается как грех. Вина, соответственно, ложится на человека и делится между ним и злым искушителем. Таким образом, традиционный образ вины связывается со статусом человека в мире, и вина предстает имманентной характеристикой человеческого существования.

Новоевропейская традиция, в противовес средневековой, из содержания вины убрала всякие метафизические смыслы. В Новое время Бог примиряется со Злом, а Зло – с миром и с человеком. Согласно классической западной метафизике, Зло вообще может не иметь онтологического статуса, как у Спинозы. «Мы стремимся к чему-либо, желаем чего-нибудь, чувствуем влечение и хотим не вследствие того, что считаем это добром, а наоборот, мы потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его» [1, с. 464]. Часто Зло трактуется как онтологически необходимое: у Лейбница оно представляет собой нечто, чему надлежит вернуться в лоно Бога или Высшего Блага, у Гегеля оно предстает как момент становящейся действительности [2]

Рассмотрение проблемы вины в Новое время преимущественно уходит в этическую плоскость, и формируется иной, нежели в традиционной культуре, образ вины. Вина понимается как содействие человеком осуществлению зла и рассматривается в системе этических категорий. Этический подход зло объясняет через свободу, а свободу через зло. Кант, Кьеркегор полагают, что через человека грех вошел в мир, а зло не обладает собственным бытием и есть порождение человеческой свободы. Соответственно, грех – это акт творения и причинения зла, а спасение соотносится с личностью и ответственностью человека. Человек, осуществляющий свободный злой выбор, становится виноватым. «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким. И то и другое должно быть результатом его свободного произвола; иначе и то, и другое не могло бы быть вменено ему, следовательно, он не мог бы быть ни морально добрым, ни морально злым» [3, с. 48].

Для сравнения в буддистской традиции зло выступает некоей субстанцией, квазифизической реальностью, которая вторгается в человека извне. Соответственно, грех – это пребывание в мире зла, «несчастье существования». Спасение же приходит к человеку из какого-то другого, «чистого» места и трактуется как освобождение.

Таким образом, этический подход зло, свободу и вину оставил в пределах и в уделе человека. Моральное состояние вины наступает после нарушения нравственных предписаний, что возможно при наличии в нас свободы, которая обуславливает как уход от нравственного закона, так и выбор благодати.

В русской философии вина и виновность приобретают абсолютный, метафизический характер, однако формирующийся образ все же несколько отличается от образа вины традиционной культуры. Вл. Соловьёв считает, что наш мир возник в результате «отпадения» от идеального всеединства, в результате чего в мире воцарился хаос и зло. Человек же – это последний «оплот» всеединства внутри мира, позволяющий миру сохранять крупницы абсолютного смысла и абсолютной цельности. Н. Бердяев, Ф. Достоевский, И. Ильин, Л. Карсавин источник и причину несовершенства и зла мира видят в безосновной метафизической Свободе, которая делает человека абсолютно, метафизически виновным за все то зло, которое было совершено, совершается и будет совершено в мире ([см., напр.: [4]).

П. Рикёр, добавив в анализ проблемы вины понятие скверны как первоначальной матрицы зла, реализовал, условно назовем, «магический» подход с оформлением «магического» образа вины. В «магическом» понимании зло – это запятнанность (зло как нечистая субстанция), грех – это зараженность злом, а виновность – это осознание греха [5]

В светском варианте проблема вины анализируется в рамках правового подхода. Отношения зло-грех-искупление религиозного сознания модифицируются в правовом сознании в отношении преступление-вина-наказание. Преступление в общем случае является выбором человека, а вина – всецело характеристикой собственно человеческого поведения.

В центре внимания философской мысли проблема вины оказывается только в экзистенциализме, который и определил сущность экзистенциальной вины. Экзистенциальная вина возникает у индивида, когда он не может сущностно состояться, реализовать свои врожденные таланты и способности. М. Хайдеггер понимает вину в контексте причинности: вина как повод чему-то целостно проявиться, стать «произведением». Вина как причинность предполагает, что человек сам из себя, определяя цели, посредством собственной активности создает определенную форму или способ своего существования. Человек виновен в том, будет ли он «произведением», «явит» ли свое «потаенное». В этом смысле вина – это не характеристика человеческого поведения, а экзистенциальный статус человека. М. Хайдеггер считает, что вина онтологична, не имеет предикатов и может быть ухвачена лишь на уровне «присутствующего» понимания [6]

Таким образом, соответствующие образы вины, включающие представления о ее сущности и статусе, разрабатывались в рамках религиозно-философских, этических и социопсихологических систем. Соответственно, вина как центральное понятие в ракурсе других характеристик человеческого бытия (добро, зло, смысл, творчество) имеет религиозное, характерное для традиционной культуры, и атеистическое, характерное для современной культуры, прочтения. Проявлением первого выступает метафизический образ-смысл в понимании вины, проявлением второго – правовой, моральный и экзистенциальный образы-смыслы. Принятие вины через сознательное (моральный подход) или непроизвольное нахождение в состоянии виновности (экзистенциализм, Ф. Кафка) говорит о том, что в

современной культуре вина предстает статусным состоянием человека, центральной характеристикой человеческого существования, иначе невозможно объяснить ее принятие. Трансформация образов вина обусловлена изменением статуса человека в мире и культуре, а, в целом, секуляризацией культуры. Человек XX века ощущает себя самодостаточной сущностью и целостной системой.

Литература и источники

1. Спиноза, Б. Этика [III, Т. 9, схолия]. Пер. с лат. Н. А. Иванцова // Б. Спиноза. Избр. произв.: В 2 т. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1.
2. Гегель, Г. В. Ф. Зло и его прощение // Г. В. Ф. Гегель Феноменология духа. – СПб.: «Наука», 1992.
3. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Соч. в 6 т. – Т. 4, ч 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 6–57.
4. Карсавин, Л. П. О личности // Л. П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. – М.: Ренессанс; СП «ИВО-СиД», 1992.
5. Рикёр, П. Виновность, этика и религия // П. Рикёр Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М.: Искусство, 1996.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время. Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК НРАВСТВЕННОГО КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ

О. Л. Сташкевич

Республика Беларусь – государство, в котором мирно сосуществуют христианские и нехристианские конфессии, проживают представители более 140 национальностей и народностей. Поэтому необходимо, чтобы современное образование, учитывая духовно-культурные ценности коренного народа, готовило личность к диалогу с другими культурами, к мультикультурному пространству XXI века.

Следует отметить, что в Беларуси отсутствуют открытые столкновения и конфликты на этнической, расовой, лингвистической и конфессиональной основе. Но нельзя забывать о том, что во всем мире, в том числе и в Беларуси, стали формироваться различные крайне радикальные движения. Неокрепшая подростковая психика, юношеский максимализм, несформировавшаяся система духовно-культурных ценностей, ощущение покинутости и невостребованности часто приводят молодежь в организации экстремистского толка. Поэтому одной из задач современного образования является воспитание толерантности как основного нравственного качества человеческой личности.

«Декларация принципов терпимости» определяет толерантность как «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. ...Терпимость – это гармония в многообразии. ...Терпимость – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [1]. Это значит, что необходимо толерантно, уважительно относиться к другим национальностям, расам, религии, политическому мнению и т.п. Но, в то же время, это не означает «терпимого

отношения к социальной несправедливости», отказа от своих прав или убеждений. Наиболее эффективным механизмом воспитания толерантности является обучение людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы. В учебных заведениях необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения толерантности.

Как нравственное качество личности толерантность характеризуется уважительным отношением к другой личности, которая может иметь определенные отличия (расовую или этническую принадлежность, пол, цвет кожи, вероисповедание). Толерантность предполагает активность жизненной позиции, развитое самосознание, ответственность, свободный мировоззренческий выбор, определение личностного отношения к любой идеологии, религии, то есть требует усилий и самодисциплины со стороны личности.

Толерантность, способствующая не только прогрессу, но и гражданскому миру и согласию, несовместима с такими проявлениями антикультуры, как *национализм, экстремизм и терроризм*.

Для *национализма* характерна идея национальной исключительности, превосходства над другими этносами. Национализм часто стремится к мимикрии, перевоплощениям; свои эгоистические действия, антинациональные устремления пытается маскировать псевдопатриотическими лозунгами, национальными интересами, ценностями. Рост национализма происходит в мире, где, казалось бы, глобальные средства коммуникации должны сближать народы по мере того, как все овладевают общей культурой, и где многие готовы пожертвовать частью национального суверенитета ради приобщения к крупным региональным экономическим и торговым группам.

Очень часто национализм принимает крайне радикальные формы, что приводит к появлению опасных для общества движений, таких как фашизм (неофашизм, неонацизм, национал-либерализм), профашистское движение скинхедов, различные так называемые национальные союзы и единства. В условиях низкого уровня сформированности гражданско-патриотических, толерантных качеств личности, общего идеологического и морального кризиса молодежь при доминировании индивидуалистических ценностей легко становится добычей таких организаций.

Однако национализм и национальная нетерпимость не есть что-то поверхностное. По мнению У. Эко, нетерпимость основана на эмоциональных импульсах и возникает в сфере восприятия, а именно непереносимости тех, кто отличается от нас зачастую по поверхностным признакам. Толерантность остается вечной лакуной образования, как детей, так и взрослых, потому что в повседневной жизни люди всегда травмируются инакостью. Опасность нетерпимости, рожденной как результат элементарных импульсов в отсутствие, какой бы то ни было, доктрины, заключается в том, что она не может ни критиковаться, ни сдерживаться рациональными аргументами [3].

Культура, образование должно учить противостоянию националистической и другим формам нетерпимости. Признание роли других народов, необходимость уважать их потребности – результат многовекового духовного развития, духовного накопления.

В Большой советской энциклопедии *экстремизм* трактуют как «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)». В итогах

Шанхайской конференции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которые были закреплены в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [2], экстремизм классифицируется так: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях вооруженных формирований или участие в них». В данном документе впервые было закреплено раскрытие сущности экстремизма на международном уровне, но оно, к сожалению, не раскрыло полного смысла и значения, которое вкладывается в это сложное понятие. По сути, данный документ характеризует лишь политический экстремизм.

Однако нельзя отождествлять экстремизм исключительно с его религиозными или политическими проявлениями, существует множество других форм экстремального сознания и поведения, которые редко ассоциируются с таковым. К примеру, это такие явления как молодежные субкультуры, криминальный и маргинальный миры, художественный авангардизм, радикальные философские идеи.

Терроризм (лат. terror – страх, ужас) включает в себя теорию и практику насильственных, противоправных, общественно опасных действий, основанных на философии насилия, политике устрашения, идеологии деструкции с целью создания атмосферы страха, подавления противников, конкурентов, навязывания им определенной линии поведения, осуществления диктата. Основными формами деструктивных действий терроризма являются: преследования, убийства, взрывы, захват заложников, различных видов транспортных средств, государственных учреждений и т. д.

По своей сути терроризм являет собой систематическое, социально, политически, экономически или религиозно мотивированное, идеологически обоснованное применение актов насилия или угроз применения, посредством которых осуществляется управление поведением лиц, на которых направлена террористическая акция, достижение преследуемых террористами целей. Экстремизм и терроризм являются звеньями одной цепи, где экстремизм выступает скорее теорией, а терроризм воплощает эту теорию на практике.

В связи с вышеназванными угрозами национальной безопасности страны воспитанию толерантности как нравственного качества личности необходимо уделять пристальное внимание с первых дней обучения. Необходимо сформировать у личности чувство и сознание ответственности за настоящее и будущее страны, в которой они живут, помочь избавиться от предрассудков по отношению к иным культурам (и тем более к собственной).

Воспитание толерантности способствует становлению у личности навыков независимого мышления и критического осмысления, выработке воззрений, основанных на духовно-нравственных ценностях. Результатом планомерного воспитания будет формирование ответственных граждан, открытых восприятию других культур, ценящих свободу и права других людей, уважающих человеческое достоинство и индивидуальность.

Литература и источники

1. Декларация принципов терпимости, утвержденная конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/declarat/toleranc.htm>. – Дата доступа: 04.05.2014.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15 июня 2001 года). – Режим доступа: // <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=01817&ogl=all>. – Дата доступа: 23.02.2012.
3. Эко, У. Миграция, терпимость и нестерпимое // Пять эссе на темы этики. – Санкт-Петербург, 2000.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ВОСПИТАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Т. В. Уколова

Интерпретация – одно из ключевых понятий герменевтики – науки об искусстве истолкования текстов. Сама герменевтическая проблема сложилась в рамках экзегезы и первоначально служила для трактовки древних и сакральных текстов. Интерпретация тесно связана с пониманием – основой любого взаимодействия, в том числе и педагогического процесса. Многие теоретики понимают герменевтику как методологическую основу всего гуманитарного знания.

С помощью техник интерпретации мы интерпретируем и исследуем тексты, факты, явления мира культуры и одновременно самих себя. Именно культурологическая интерпретация, отражая личность интерпретатора и основываясь на его культурологическом тезаурусе, не только раскрывает скрытый смысл текстов, фактов, явлений, но и служит важным элементом познания, является репрезентантом картины мира и жизненной позиции личности, опирается на ценностный и нравственный элементы структуры познавательной деятельности, выступает способом становления и самоидентификации личности.

Одной из целей обучения гуманитарным предметам является выработка культурологических умений у учащихся. «Культурологические умения – это интеллектуальные умения, посредством которых осуществляется ориентация в социокультурной сфере, происходит осмысление культурных явлений, вырабатываются представления о различных аспектах культуры и культурно-творческой деятельности, устанавливаются принципы и законы развития культуры, анализируются, сопоставляются и обобщаются социокультурные факты» [1, с. 31].

Мы выделяем основные культурологические характеристики, присущие процессу образования при изучении гуманитарных предметов и, соответственно, для культурологической интерпретации: эстетическая, нравственная, мировоззренческая, аксиологическая (ценностная), рефлексивная, социоцентрическая, дидактическая, личностная (субъективная), диалогичная, антропоцентричная. Очевидно, что этот список неполный и может быть дополнен.

Применительно к культурологической интерпретации можно предположить, что толкователь вначале осуществляет личностную оценку прочитанного (услышанного), а затем обогащает осознанное в зависимости от уровня своей

культурологической компетентности.

Важной особенностью как интерпретационных процессов, так и любых явлений культуры является их тесная связь с нравственными, ценностными явлениями, присутствующими во всех гуманитарных явлениях.

Итогом же всего процесса культурологической интерпретации является *понимание*, а вычленение *смысла* – ее ключевым продуктом. Использование набора структурных компонентов следует учитывать при составлении методических разработок анализа художественных и исторических текстов, фактов, явлений при изучении в школе.

В процессе интерпретации художественного текста задействуется и имеет принципиальное значение весь творческий, интеллектуальный потенциал личности интерпретатора, его культурно-эстетическая компетенция. А самое главное значение приобретает индивидуальное восприятие читателя, напрямую связанное с проблемой рефлексии, являющейся базовым элементом процесса интерпретации.

В современной школе пока не совсем отчетливо наблюдаются единые культурологические ориентиры в области интерпретации художественного текста. Безусловно, проблема интерпретации отчасти обусловлена глубокой индивидуальностью процесса интерпретации, например, закономерны вопросы о том, как проверить качество интерпретации, и могут ли быть верными разные интерпретации текста.

В 9–11 классах у школьников возникает потребность рассмотреть исторические и эстетические соотношения искусства и жизни, взаимодействие всех элементов художественного произведения. В.Г. Маранцман [2] называет этот период «*эпохой связей*», когда у школьников усиливается интерес не только к нравственному, но и к философскому, социальному аспекту этих проблем. А главное в воображении учеников отражается обилие *литературных ассоциаций*, возникающих при чтении. Это и есть предпосылки цельной культурологической интерпретации.

Вот почему наиболее целесообразно диагностировать умения культурологической интерпретации у учащихся 10–11 классов, когда у них уже развиты некоторые навыки культурологических ассоциаций, реминисценций, аллюзий, имеется общий культурно-эстетический диапазон, основанный на знаниях различных гуманитарных дисциплин.

Интерпретация культурологического содержания гуманитарных предметов расширяет количество смыслов текста, события, явления, дает возможность усилить межпредметную интеграцию гуманитарных предметов, помогает учащемуся правильно понимать и оценивать свое поведение в социуме, поступки свои и других людей; способствует самовыражению учащихся, выработке индивидуального мнения, развитию образного мышления, культурологических ассоциаций, расширению культурологического контекста.

Методика работы с культурологической интерпретацией на гуманитарных предметах в школе подразумевает работу с индивидуальной концептосферой, расширением ее культурного и нравственного диапазонов, которые, по нашему мнению, неразрывно связаны между собой.

На уроках внеклассного чтения в старших классах учащимся предлагается проинтерпретировать небольшие тексты. Притчи «Легенда» Х.-Л. Борхеса,

«Казнь» Г. Гессе, «Четвертый волхв» П. Коэльо в разной степени объединены библейским контекстом. Основные библейские сюжеты, лежащие в их основе, учащиеся «накладывают» на собственную концептосферу, то есть эстетические, нравственные, моральные, этические и другие представления. Путем связывания первичных и основных восприятий текста воедино совершается конечное понимание всего текста; происходит его конечная оценка и культурологическое обобщение.

Так, при интерпретации «Легенды» Х.-Л. Борхеса через систему вопросов, подготовленную учителем, в сознании учащихся архи-концепт «Предательство» и близкие ему в данном контексте концепты «Убийство» («Братоубийство») и «Преступление» заменяются в процессе постижения текста концептом «Прощение».

Учащиеся проводят параллели между притчей Х.-Л. Борхеса и ветхозаветным сюжетом, находят смысловое сходство и различие между ними, пытаются понять и объяснить, почему автор выбирает этот древнейший библейский сюжет. Через сопоставление, пусть и не до конца осознанное, ключевых концептов ученики приходят к смыслу, заложенному в этой притче, осознают что прощение и понимание – базовые человеческие и культурные ценности, на которых строится вся жизнь человека. И именно концепт «Прощение» является ключевым и остается в сознании после работы с данным текстом.

В притче «Казнь» Г. Гессе учащиеся также так же встретят библейские мотивы, на это указывает и слово «Учитель», написанное с заглавной буквы. Ученики вспоминают похожие сюжеты не только из Библии, но и, к примеру, из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В процессе сопоставления в качестве интерпретационных приемов имплицитно выступают такие концепты, как «Вера», «Правда», «Истина», «Свобода», «Жестокость», «Страх».

В притче «Четвертый волхв» Паоло Коэльо концепты «Милосердие» и «Сострадание» транслируются через концепты «Любовь» и «Вера». Учащиеся легко осознают это также сопоставляя исконный библейский сюжет и его современную интерпретацию. И в итоге понимают, что четвертый волхв всегда был рядом с Иисусом, хотя и был далеко от него. Ведь можно находиться близко, но не рядом с человеком, но далеко и вместе с ним.

Все выделенные в процессе культурологической интерпретации концепты находятся в аксиологичной системе координат и позволяют учащимся объективно оценивать поступки и действия в рамках исторического и культурного опыта.

Таким образом, культурологическая интерпретация при обучении старшеклассников гуманитарным предметам позволяет раскрывать смысл изучаемого материала через образы и факты культуры, актуализацию культурологического кругозора субъекта. При этом важным компонентом процесса интерпретации становится выработка личностного отношения к явлениям и образам культуры и особенно нравственного и этического компонентов как базовых составляющих культуры.

Литература и источники

1. Володина, Н. Н. Интерпретация художественного текста как средство совершенствования иноязычной речи на старших курсах языкового вуза: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Горно-Алтайск, 2002.
2. Маранцман, В. Г. Классификация проблемных ситуаций и периоды развития читателя-школьника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mlis.ru/metodika/theory/metodol/marantsman/04/?template=23>. – Дата доступа: 12.03.2014.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПО П. Ф. КАПТЕРЕВУ

М. Ф. Пухальская

Актуализация христианских ценностей в системе образования имеет свои корни в глубокой древности с момента укоренения христианской религии и исходит из позиции об отношении христианства к язычеству. Первая позиция базировалась на идеях Тертуллиана (III в.) и Иеронима (ум. 420 г.): «отвергло всякую связь христианства с язычеством и поэтому всякую возможность воспользоваться истинному христианину чем-либо из языческой культуры» [1, с. 15–16]. *Первая позиция* базировала все воспитание и содержание всего образования только на вере в Бога и Евангельских истинах, обучении религиозным догмам, отвергая культуру других народов. По П. Ф. Каптереву, под влиянием представителей первого (западного) направления сформировалось богословское направление в педагогике, которое пропагандировало: «христианство есть религии и религиозное воспитание, самое наилучшее» [1, с. 15–16]. Данная позиция получила распространение в монастырских, церковно-приходских школах, в среднем образовании и пр. П. Ф. Каптерев утверждает, что свое активное распространение данное направление получило на Руси в период Средневековья, называя в истории педагогики этот период церковной педагогикой (на осн. ист. [2]), исходя их степени влияния церкви на систему образования.

Вторая позиция исходила из идеи Климента Александрийского и Оригена (II и III в.) о том, «что Бог подготавливая род человеческий ко пришествию искупителя двояким путем: божественного откровения и естественного развития разума» [1, с. 17]. Первый путь присущ евреям, а второй присущ всем, «поэтому языческая философия и наука не представляют чего-либо противоположного христианству, а подготавливают к нему» [1, с. 17]. Взгляды второго направления (восточного) стали преобладающими над учениями отцов западной церкви и получили широкое распространение в педагогике и системе образования, во взглядах русских религиозных философов П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина и др.

Далее П. Ф. Каптерев говорит о том, что вся педагогика, начиная с эпохи Средневековья, является *христианской педагогикой* [2], проникнута педагогическими христианскими идеями, которые под воздействием местной культуры, преломляясь в практике, искажались [1]. Мы полагаем, данный тезис П. Ф. Каптерева обоснован приоритетом христианского мировоззрения в теории педагогики европейских стран, начиная с эпохи Средневековья.

В основе христианской педагогики П. Ф. Каптерев выделяет несколько

теорий. «Основные элементы христианских теорий о первоначальном воспитании детей были одни и те же у всех христианских народов. Таких элементов было собственно три: христианское учение, учение древних классических педагогов и жизненная практика, выработанная тем или другим народом и более или менее воспринятая, согласно взглядам автора в теорию. Последний элемент вносил различие в теорию» [1, с. 18]. Ученый утверждает, что «крупнейшими христианскими теоретиками в этой области мы признаем двух: итальянца, деятеля эпохи Возрождения Матвея Вергиуса (1406–1458 гг.) и славянина Яна Амоса Коменского (1592–1671 гг.)» [1, с. 18].

Первая позиция (Тертуллиана и Иеронима) «развития христианских идей», по мнению П. Ф. Каптерева, легла в основу *богословского направления* христианской педагогики, к которому он частично причисляет М. Вергиуса и Я. Коменского за их приверженность религиозному воспитанию и ограниченность общекультурного характера образования. Далее богословское направление педагогики получило свое распространение: «Что же касается христианского учения, как основы воспитания детей, то и до ныне есть защитники строго богословского направления в педагогике, как за границей, так и у нас, которые полагают, что все существенное по части воспитания детей дано в Св. Писании, таинствах, церковном богослужении и т.п. и которые стараются как можно меньше дать места науке, общественности, культурным стремлениям и другим таким же элементам» [1, с. 31].

Далее в своих научных размышлениях П. Ф. Каптерев пытается обосновать *второе направление христианской педагогики*, «основанное на науке и мышлении, общечеловеческого характера ...на основе христианской религии» [3, с. 14]. В своей работе «Новая русская педагогика, ее главные идеи, направления и деятели», частично к представителям второго направления относит К. Д. Ушинского, однако критикует его за узость взглядов на связь идеи народности с определенной конфессией [3]. В мировом значении это тот же Я. А. Коменский, представители немецкой классической педагогики.

На наш взгляд, на обоснование второго направления христианской педагогики на П. Ф. Каптерева повлияли реформационные процессы, которые происходили в конце XIX – начале XX вв. в теории и практике педагогики и образования Европы, получившие название реформационной или реформаторской педагогики.

Одновременно П. Ф. Каптерев в своей работе «Значение христианства в постановке первоначального воспитания и христианские теории» [1] называет общие «христианские педагогические идеи». Впоследствии «христианские педагогические идеи» (христианские принципы развития личности), на наш взгляд, укоренились в теории педагогики как основания гуманистической педагогики. Мы их называем: равноценность человеческой личности; ценность жизни ребенка; право ребенка на обеспечение и заботу взрослых; возвышение и бережное отношение к женщине; значимость отношений в семье; нежность, преданность и искренность человеческих отношений; признание достоинств женщины, в том числе и в воспитании ребенка; гуманное отношение к детям, их нуждам и страданиям и пр.

Литература и источники

1. Каптерев, П. Ф. Значение христианства в постановке первоначального воспитания и христианские теории. – СПб, 1905.
2. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики. – СПб., 1915.
3. Каптерев, П. Ф. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / изд. 2-ое, дополн. – СПб., 1914.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДЖОНА ДЬЮИ И ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Т. В. Нестер

Демократизация общества требует проведения образовательной политики с учетом нового содержания социализации личности, сочетания социального и индивидуально-личностного аспектов, укрепления связи образовательных учреждений с жизнью и социально ценностной трудовой деятельностью [5, с. 3]. В условиях глобализации, поликультурной и многонациональной среды необходимо формировать умение сотрудничать, вести диалог, быть готовым к переменам и адекватно к ним относиться. Американский философ и педагог-реформатор Джон Дьюи (1859–1952) выдвинул предположение о создании программы, облегчающей вхождение молодого поколения в многообразное общество. Система педагогических идей Дьюи сложилась около ста лет назад, но звучит актуально и в настоящее время. Она представлена такими произведениями, как «Мое педагогическое кредо», «Демократия и образование», «Психология и педагогика мышления», «Школа и общество», «Введение в философию воспитания», «Школы будущего» и др.

Один из ведущих представителей прагматизма, он стал активным деятелем реформирования американской образовательной системы на рубеже XIX–XX вв. в соответствии с потребностями индустриального общества той эпохи. Дьюи критиковал американскую традиционную школьную систему за абстрактность обучения, оторванность от жизни, реальной практики и предложил новую концепцию образования, в основе которой лежит идея непрерывной перестройки практического опыта учащихся. Он обосновал принципы школьного обучения и воспитания, определяемые социальными потребностями и особенностями индивидуального развития ребенка [5, с. 4]. В США до сих пор система школьного образования основана на реализации положений его социально-педагогической концепции.

В СССР его педагогические взгляды стали широко известны в 20-е – нач. 30-х гг. XX века, когда молодое советское государство искало модель образования, соответствующее его новой идеологии, и пригласило Дьюи с целью обмена педагогическим опытом. К этому времени он уже посетил с лекциями Японию, Китай, Мексику, царскую Россию. Основная педагогическая идея Дьюи – позиция гуманистической педагогики – основана на развитии природных способностей ребенка через игровые и трудовые виды деятельности. При этом формируется мышление и социально значимые качества личности: умение исследовать и решать проблемные ситуации (производственная ситуация, межличностный конфликт), умение вести диалог, самостоятельность и др. Формирование индивидуализма, а

также ряд других факторов (идеологический и др.) в конце 30-х гг. привели к запрету распространения идей Дьюи.

Основополагающие категории его системы, как педагогической, так и философской, – «личность», «опыт» и «мышление». Функция мышления – установление эффективных отношений с объектами окружающего мира (инструментализм как обновленный прагматизм). Мышление должно стать методом накопления социального опыта, обнаружения конфликтов, истоки которых находятся в школе. Опыт – это повседневный, обыденный опыт людей, мир чувств, переживаний и активности человека, преобразования мира, облагораживания межличностных отношений. Так как опыт прерывист, представляет серию неожиданных ситуаций, требующих от нас быстрых решений, надо обратиться к регулятору нашего поведения – мышлению. Дьюи выделяет пять логических ступеней разрешения проблемы: ощущение трудности, определение проблемы, обоснование возможного решения путем рассуждения, наблюдение и эксперимент, ведущие к принятию выдвинутой гипотезы или отказу от нее. Такова сущность подлинно научного метода исследования и психологическая основа метода «проблемных ситуаций» в педагогике, позволяющих формировать активность в процессе деятельности и развивать мышление человека [5, с. 13–14]. По ходу исследования объективная реальность не открывается, но понятия, идеи, теории превращаются в инструменты и планы действия. Истинность инструментов определяется их успешностью [4, с. 10–11].

Демократия для Дьюи – больше, чем форма правления, это форма совместной жизни, обобщаемого и передаваемого опыта. При демократии растет количество людей, готовых согласовывать свои действия с действиями других и учитывать чужие интересы, определяя цель и направление собственных. Дьюи отмечает следующие особенности общества: большое количество интересов граждан, что является управляющим фактором в обществе; необходимость для социальных групп свободно взаимодействовать, для чего необходимо приводить привычные модели поведения представителей различных групп в соответствие с реальным миром посредством знакомства с новыми ситуациями. А если образование учит перестройке опыта, то и демократическое правительство заинтересовано в образовании [2, с. 85].

Дьюи выделяет две цели образования: естественное развитие личности и социальная эффективность. Последнюю он определяет, как «социализацию сознания, озабоченного тем, чтобы сделать человеческий опыт пригодным к передаче и разрушить барьеры социальной стратификации, делающих других людей невосприимчивыми к интересам друг друга», а также «развитие способности участвовать в общей деятельности» [2, с. 116; 118]. Система образования должна развивать сочувствие как желательное социальное качество, которое более значимо по сравнению с сопереживанием, представляет собой развитую чувствительность ко всему, что объединяет людей. Дьюи видел нравственный смысл демократии в требовании от каждого социальной отдачи и в представлении всем равных возможностей для развития.

Другая ценность демократии – свобода. По Дьюи, мы свободны, если участвуем в жизни общества и при этом чувствуем себя независимо. А главное условие развития и личности, и общества – способность активно создавать собственное понимание мира и одновременно конструктивно откликаться на идеи,

выдвигаемые другими людьми; принимать чужую точку зрения как иную и требующую понимания, а не чуждую. Современные последователи Дьюи пытаются создать обстановку постоянного размышления, где учащийся обдумывает собственные проблемы. И это создает непрерывность демократической атмосферы, серьезное отношение друг к другу и к демократии.

Дьюи надеялся, что демократизация школьного обучения позволит ускорить продвижение общества к демократическому идеалу. Школа сводит вместе молодых людей, принадлежащих к разным расам, религиям, имеющих непохожие обычаи, создавая для них новую среду. Общее содержание образования приучает членов всех групп к единому взгляду. Наиболее фундаментальными средствами управления являются не прямые личные указания со стороны других людей, а влияние на разум, проявляющееся в привычках понимания, которое складывается в процессе согласованного с другими людьми использования разнообразных средств, что происходит посредством сотрудничества или соперничества. Естественные побуждения молодых людей поначалу не согласуются с обычаями группы, в которой они родились. Но с помощью управления можно достигать общей цели. Главным управляющим фактором здесь выступает ситуация. Выше словесно-иллюстративной группы методов (анализ литературы, беседа) Дьюи ставит совместную деятельность, в которой учащиеся могли бы понять социальный смысл собственных потребностей, а также возможностей используемых средств.

Дьюи выделил новые принципы школьного образования: больше внимания уделять индивидуальным потребностям учащихся; использовать экспрессивную деятельность; развивать умение сотрудничать. Первоочередная задача развития личности – развитие рефлексивного мышления, т. е. ответственного за свои суждения человека [4, с. 12]. Данные идеи лежат в основе современных педагогических технологий и соответствуют интересам общества и личности.

Литература и источники

1. Демократия / Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М., 2001.
2. Дьюи, Д. Демократия и образование: Сборник: пер. с англ. / Д. Дьюи – М., 2000.
3. Дьюи, Д. От ребенка – к миру, от мира – к ребенку / Д. Дьюи. – М., 2009.
4. Коробова, А.Э. Педагогические идеи Джона Дьюи и их интерпретация в отечественной педагогической теории и практике 20–30-х годов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А.Э. Коробова. – Саратов, 2000.
5. Родионова, Ю.В. Соотношение процессов обучения и воспитания в социально-педагогической концепции Дж. Дьюи: автореф. дис... канд. пед. наук / Ю.В. Родионова. – Нижний Новгород, 2006.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗАВИСИМОГО МЫШЛЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА ПЬЯНСТВА)

С. А. Мякчило

Вызовом для устойчивого развития современного общества по параметрам правового, морально-нравственного, социоэкологического и демографического

благополучия является рост девиантного поведения и, в частности, такой его формы как зависимое (аддиктивное) поведение. Наряду с ранее известными и описанными в научной литературе зависимостями (алкогольно-наркотической, табачной, гемблинговой и др.) получают распространение новые, связанные с уровнем технологического развития современного социума: сетекommunikационная, игровая (в отличие от гемблинга – зависимости от азартных игр – здесь речь идет о пристрастии к интерактивным виртуальным играм на платформе Интернета), медийная и др.

Более того, психологи говорят, что именно в условиях потребительского общества нарастает феномен универсально аддиктивного поведения – «зависимости как таковой», которая интенционально нацелена на различные предметы и может принимать разные формы в зависимости от среды, в которую попадает ее носитель. Отмечается циклический характер зависимого поведения, его взаимосвязь с конфликтными действиями и поведением в цепочке «конфликт – катализатор зависимости – проявление зависимости – новый конфликт» [1, с. 110–112]. Экспансия субкультур, нетрадиционных форм религиозности, радикалистских настроений и движений демонстрирует, что аддиктивность как «потребность в зависимости» является одним из важнейших рисков социально-морального развития социума (см., в частности, комплексное исследование аддиктивности и механизмов самоконтроля в новом оксфордском издании [2]).

В 2013–2014 гг. в Институте философии НАН Беларуси выполнялся научно-практический проект «Культура личности как основа предупреждения и преодоления пьянства: разработка образовательно-воспитательной стратегии». В своей предметной заданности этот проект связан с отдельной взятой формой зависимого поведения – пьянством, – но в то же время в своей методологической проработке выходит на уровень концептуализации зависимости как патологии социально-морального развития в целом.

Пьянство в данном ракурсе предстает как триада взаимообусловленных составляющих. Во-первых, это особый тип девиантного поведения, который имеет длительную историю, вписан в различные социальные контексты и фактически приобрел качество стереотипа. Во-вторых, это искаженная мировоззренческая установка (группа установок), которые и подкрепляют связанное с ними поведение, выступая как его мотив, и одновременно поддерживаются им (по механизму морального самооправдания пьющего человека). В-третьих, это особая практика межличностных отношений и социальных контактов, своего рода «традиция», сконцентрированная вокруг употребления спиртных напитков как ритуала и в ряде случаев выполняющая роль опознавательного механизма «свой – чужой», «близкий человек – посторонний».

Представление о единстве трех компонентов зависимости: поведенческого, ценностно-мотивационного и социально-коммуникативного – дополняет используемую в обосновании методик социальной работы биопсихосоциальную модель, которая прослеживает возникновение аддикции из сочетания трех групп факторов: биологических (дисфункции нервной системы и церебральной деятельности), психологических (нарушения психической регуляции и самоконтроля) и социальных (половозрастные характеристики, особенности семейного и внесемейного окружения и др.) [3]. Несмотря на то, что наше представление не затрагивает медико-физиологических аспектов, его нельзя

считать умозрительным. С точки зрения онтологии индивида и личности оно является одновременно интегративным и ограничительным.

Прежде всего, любая форма зависимого мышления и поведения (далее для краткости будем называть ее «аддикция»), хотя на первый взгляд кажется логичным рассматривать ее как конкретный социальный или медицинский феномен, нуждается в междисциплинарном исследовании. «Узкий», дисциплинарный взгляд на аддикцию как чисто медицинскую, медико-психологическую, либо, наоборот, только социально-правовую, духовно-мировоззренческую проблему огрубляет, редуцирует ее понимание. А следовательно, решения, которые могут быть предложены в оптике такого взгляда, с высокой долей вероятности окажутся ситуативными, неполными или даже контрпродуктивными.

В то же время, компонентная модель аддикции позволяет отграничить ее как предмет междисциплинарного исследования от других предметов, фиксируемых в схожей системе категорий и способных интерферировать в случае недостаточной методологической проработки исследования. Характерный пример – «путаница» с понятиями «пьянство» и «алкоголизм», поскольку и то, и другое можно рассматривать как психологическую зависимость. Пьянство как социально-моральная патология нуждается в безусловном осуждении, однако этический дискурс проблем *пьянства* постоянно сталкивается с возражениями, что *алкоголизм* суть научно признанная болезнь, и страдающие ею нуждаются, прежде всего, в сочувствии и поддержке. И однако в оптике компонентной модели аддикции пьянство предстает прежде всего как предпосылка и источник алкоголизма, иными словами, как характеристика социально-культурной среды, которая способствует росту и распространению алкоголизма. Пьянство – это не только (и даже не столько) черта личности человека, употребляющего спиртное, но и характеристика социума, который допускает, одобряет, а в определенных случаях едва ли не ожидает от личности проявления такой черты. В этой связи правомернее говорить не о человеке, который «пьет» (то есть «практикует» пьянство), а о личности, которая «вовлечена» в пьянство как в определенную систему отношений, в некий *социальный синдром*. Алкоголизм, в свою очередь, можно тогда понимать как медицинский синдром, представляющий собой терминальную стадию социального синдрома пьянства.

Именно такое разграничение обосновывает необходимость подойти к решению проблемы аддикции (и в частности распространения пьянства в современном белорусском обществе) через профилактику пьянства как дисфункции поведенческой, ценностно-мотивационной и коммуникативной сферы.

Социокультурный уровень анализа проблемы позволяет взглянуть на пьянство как на развертку девиантных тенденций в процессе социализации личности – условно говоря, «стратегию аддикции», или «А-стратегию». В нашем случае это цепочка «социальная и биогенетическая предрасположенность к пьянству (аддиктивность) – социальное безразличие (одобрение) поведения, вовлекающего в пьянство – интериоризация пьянства как модели поведения – самооправдание пьянства – деградация социальных связей и отношений – самозамыкание в алкогольной зависимости». А-стратегия широко воспроизводится в контексте социального синдрома, составляющими которого, в

случае пьянства, являются традиция употребления спиртного в ходе всевозможных праздников и торжеств; употребление спиртного взрослыми в присутствии детей; восприятие спиртного как атрибута взросления, статуса, подростковой и юношеской доблести; использование алкоголя как доступного антидепрессанта, средства проявить себя в компании, раскрыть свои способности; эстетизация пьянства в массовой культуре и его героизация в «городской мифологии» и фольклоре современного человека. В совокупности эти составляющие можно рассматривать как *средовые факторы* аддикции (см. анализ круговорота социальных и социально-психологических причин и последствий алкоголя в [4]).

Принципиально важно, чтобы в противовес А-стратегии была сконструирована и предложена другая – позитивная – стратегия онтогенеза личности, обесценивающая и нивелирующая разрушительные средовые факторы аддикции. Условно обозначим ее как «*стратегию безопасности*» – *Б-стратегию*. Возможность реализации Б-стратегии напрямую зависит от того, насколько она отвечает следующим критериям:

1) концептуальная проработка (четкое видение состояния проблемы, путей ее решения и ожидаемого результата);

2) фундаментальность (в частности, предупреждение алкоголизма через профилактику пьянства, профилактика пьянства – через контроль зависимого мышления и поведения, управление социокультурной средой);

3) системность (привлечение медицинской, социологической, юридической, психологической аналитики, скоординированное осуществление административных, образовательно-воспитательных, правоохранительных мер);

4) контекстность (в нашем примере – понимание того, каким образом пьянство как определенная модель поведения, традиция и своего рода микрокультура «вписано» в общекультурный контекст, как оно коррелирует с актуальными тенденциями потребительского общества, другими социальными девиациями);

5) способность предложить контрадиктивную («вытесняющую») модель образа жизни (жизненные ориентации и действия, отвлекающие от пьянства и/или задающие такую более значимую цель, которая несовместима с пьянством и «вытесняет» его);

6) акцент на ценности здорового образа жизни (и в физиологическом, и социально-моральном плане).

Требование, чтобы Б-стратегия соответствовала всем шести названным критериям, предполагает выработку единого основания (общей стратегемы), в качестве которого выступает *культура личности* – система мировоззренческо-ценностных установок, нравственных предписаний, которые формируют своего рода культурный иммунитет против аддиктивного поведения. К чертам, входящим в систему культуры личности, можно отнести такие, как самодисциплина (включая сдержанность в желаниях и потребностях, эмоциональную устойчивость) и самокритика, рефлексивная прозрачность (способность выражать и фиксировать свои побуждения во внутреннем монологе и общении), устойчивое сбалансированное соотношение материальных и нематериальных потребностей, готовность к взаимодействию с другими людьми, принятие ответственности за свои поступки, оптимизм, познавательные интересы. Данные черты лишь в малой

степени детерминированы психосоматическим статусом и базовым когнитивным потенциалом личности, но в максимальной мере являются формируемыми, воспитуемыми.

Результаты выполнения проекта «Культура личности...» позволяют сформулировать основы образовательно-воспитательной стратегии предупреждения и преодоления зависимого мышления и поведения, реализуемой на объективном (общественном) и субъективном (личностном) уровне. В первом случае она предстает как стратегия деятельности органов власти и управления, институтов гражданского общества, религиозных конфессий, направленной на купирование или устратение средовых факторов пьянства: форм поведения и отношений, традиций и ритуалов, поддерживающих этот социальный синдром. Во второй своей ипостаси она выступает как конструктивная Б-стратегия социализации и развития личности, реализующая идеи здравосозидания, экологические ценности, принципы рефлексивности, творческого самораскрытия и преодоления. Компоненты осуществления образовательно-воспитательной стратегии на объективном уровне включают в себя образовательную работу, мониторинговую и исследовательскую работу, организационно-управленческие мероприятия, деятельность в сфере общественных коммуникаций (public relations). Представляется, что системная реализация стратегии на объективном уровне способствует ее самоподдерживающемуся функционированию на субъективном. В фокусе мероприятий объективного уровня – функционирование семьи как социального института, которому отводится «значительная роль среди этиологических факторов, приводящих к формированию аддиктивного поведения у несовершеннолетних», поскольку, в частности, «влияние микросреды (ближайшего окружения индивида), куда, безусловно, включаются близкие родственники с индивидуально присущими социально-психологическими характеристиками, в ряде случаев является основным патогенным фактором в генезе наркологических заболеваний» [5].

Особое внимание должно быть уделено качеству и динамике самосознания личности, выступающему, в свою очередь, фундаментом личностной культуры. От организованности самосознания зависят возможности планомерной реализации конструктивной жизненной стратегии, как и личностный иммунитет против аддиктивности. Под последним мы понимаем возможность избежать синдрома зависимого поведения либо самостоятельно взять свою зависимость под контроль. Здесь особое внимание должно быть уделено феномену «срыва самосознания» – ситуации, когда личность, ранее допускавшая для себя пьянство как неисключаемую модель поведения, втягивается в соответствующий социальный синдром и далее начинает рассматривать свою социальную жизнь «сквозь призму» пьянства, соответственно переоценивая разные ее аспекты и находя оправдания для себя и/или подавляя самокритику. Аллегорией срыва самосознания может служить известный образ Пьяницы из «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери, который признается: «Пью... чтобы забыть... хочу забыть, что мне совестно... совестно пить!» [6] Предпосылки срыва самосознания складываются в культуре, которая признает аддикцию как приемлемую форму социальной коммуникации, средство морального протеста или инструмент социальной борьбы. Средством, предупреждающим такой срыв, является, прежде всего, рефлексия как высшая по степени организованности форма самосознания, способствующая «отражению

субъектом своего внутреннего мира и всего многообразия собственных индивидуальных особенностей, осознание и осмысление которых... позволяет человеку строить планы самосовершенствования... является основой эмоционального отношения субъекта к себе, определяющего в свою очередь самооценку, самопринятие, самоотношение и регуляцию поведения в значимых ситуациях» [7, с. 3].

Общая цель мероприятий по внедрению Б-стратегии может быть выражена через достижение с течением времени нескольких ожидаемых макрорезультатов. Это, во-первых, снижение уровня общественной толерантности к аддикциям; во-вторых, максимально возможное исключение воздействия средовых факторов аддикции на детей и подростков; в-третьих (наиболее общий результат), формирование нового поколения граждан как генерации, высоко иммунной к зависимому мышлению и поведению на когнитивном, психологическом и ценностно-мировоззренческом уровне (способной в повседневной жизни избегать или нивелировать средовые факторы аддикции). Последнее никак нельзя назвать легкодостижимым и близким результатом, однако он должен восприниматься как ориентир социальной и образовательно-воспитательной политики, нацеленной на устойчивое повышение качества жизни людей и общества в целом.

Литература и источники

1. Платонов, Ю. П. Психология конфликтного поведения. – М.: Речь, 2009.
2. Levy, N. Addiction and Self-Control: Perspectives from Philosophy, Psychology, and Neuroscience. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
3. Социальная терапия патологических зависимостей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edus.spbda.ru/grant/5_11.htm. – Дата доступа: 01.12.2014.
4. Грязнов, А. Н. Социально-психологические проблемы и последствия алкоголизма // Неврологический вестник. – 2004. – Т. XXXVI, вып. 3–4. – С. 49–57.
5. Социальные и психопатологические предпосылки формирования нарко- и токсикоманий у несовершеннолетних в современных условиях: пособие / Министерство здравоохранения РФ, НИИ наркологии; сост.: Надеждин А.В. [и др.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/cabinet/online/14.html>. – Дата доступа: 01.12.2014.
6. Сент-Экзюпери, А. де. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. – М.: Терра-Книжный клуб, Литература, 2002.
7. Двоглазова, М. Н. Структура личностной рефлексии студентов. Автореферат... канд. психол. н. / ГУ ВШЭ. – М., 2008.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ ЗДОРОВЬЮ

Л. М. Ботух

Современное общество характеризуется бурным развитием информационных технологий и, прежде всего, Интернета. Истоки возникновения Интернета лежат в разработке пакетной коммуникации и открытой сетевой архитектуры, что характеризует его как продукт техногенного развития. Однако, на сегодняшний день сам термин «Интернет» содержит в себе смыслы скорее не технической, а социальной направленности. Он проник практически во все сферы социальной жизни, причем сделал это намного быстрее, чем телевидение или

телефон.

В современных социальных науках все больше утверждается термин «сетевое общество». Термин, введенный американским социологом М. Кастельсом, указывает на то, что процессы коммуникации индивидов в сетевом обществе выстраиваются по моделям, задаваемым технологиями системной интеграции процессов обработки и передачи информации. Человеческая коммуникация все более плотно охватывается сетью технических стандартов, которые опосредуют все социальные взаимодействия. Люди, обслуживающие эти сети и подчиненные заданным технологическим нормам, стали воспроизводить эти нормы в собственном общении. Ярким примером тому является общение посредством sms-сообщений. Интересно, что, анализируя феномен сетевого общества, нобелевский лауреат Илья Пригожин обращает внимание на тот факт, что в этом обществе, скорее всего, возникнет большой разрыв в знании, или другими словами, в сумме информации, которой смогут обладать как отдельные индивиды, так и целые сообщества. Он цитирует О. Тоффлера: «неграмотный будущего это не тот, кто не умеет читать. Им станут те, кто не умеет учиться» [1, с. 27]. Тем самым он указывает на тот неоспоримый факт, что цели и приоритеты образования должны меняться в сторону непрерывного обучения и росту престижа образования.

Тем не менее, и не смотря на явные и широко рекламируемые преимущества новейших инновационных технологий, у многих исследователей возникает вопрос о безопасности и психологической экологичности всех этих новшеств. Задачей нашего исследования и явилась попытка разобраться в этом непростом вопросе.

Очевидно, что в основе создания всяких сетей лежит, прежде всего, потребность в коммуникации отдельных индивидов. Не является исключением и «сеть сетей» Интернет. Однако, практически неограниченные возможности общения со всем миром в режиме он-лайн, ведут к существенным психологическим и социальным перегрузкам в жизни наших современников. Обычный человек сегодня днем и ночью привязан к трубке мобильного телефона или к монитору ноутбука. При этом социальные связи жестко операционализируются, становятся все более безличными и мимолетными, а человек превращается в «генератора сообщений». На наш взгляд, крайне важен и тот факт, что из подобного рода коммуникации исчезают последние черты личностного присутствия человека, например, исчезает голос. Таким образом, становится невозможным идентифицировать самого субъекта коммуникативного акта. Фактически, при общении посредством Интернета, мы имеем дело только с текстом, созданным неким реально существующим или полностью сконструированным автором, что дает основания считать Интернет техническим воплощением культуры постмодерна, который, рассматривает мир, прежде всего, как текст. «Философский постмодернизм есть феномен опережающего отражения, своего рода культурно-идеологическое предвосхищение сети» [2, с. 78]. Поэтому нам представляется вполне логичным для дальнейшего анализа обратиться к представителям именно этой философской традиции, а именно к Жану Бодрийяру.

Бодрийяр всем своим творчеством пытался ответить на главный вопрос: «Каким образом, и до каких пределов мир виртуальной реальности способен трансформировать привычное для нас бытие?» [3]. Сам мыслитель не склонен слишком радоваться по поводу возникновения информационных технологий,

породивших небывалое количество обрушившихся на современного человека текстовых сообщений. Важно отметить, что интерес к текстам всегда был присущ христианской культуре. Она и возникла как культура Книги и Слова. «Тем не менее, традиционная культура всегда строго разделяла объективное содержание текста и объект как таковой» [3, с. 9]. В пространстве же Интернет реальность вполне легко и непринужденно может заменяться текстом об этой реальности. Или как отмечает Бодрийяр, происходит замена реальности Гиперреальностью (cyberspace).

Гиперреальность – это реальность сконструированная, т. е. построенная на программном отказе от определенности онтологии [3]. Гиперреальность всецело заключается в игре знаков, в симуляции, реальный процесс заменяется его операциональным двойником – машиной. Машина, естественно, не может производить органические, природные объекты. Она может производить только некие проекции, копии – симулякры. Из симулякров создана жизненная среда современного человека, в которой возник феномен «человека развлекающегося», для которого характерен нравственный релятивизм, легко переходящий в нигилизм. Современный же нигилизм (по Бодрийяру) характеризуется такой чертой как *за мороженность*. «Мы заморожены всеми формами исчезновения». Реальный человек имеет все шансы исчезнуть в виртуальной реальности, в киберпространстве. Многие сегодня настолько предпочитают жить в сети, что фактически отказываются от реальной жизни, требующей волевых усилий, умения нести ответственность и выдерживать напор критики и конкуренции.

Результатом возросшего количества времени, проведенного в сети, стало появление нового термина «Интернет-зависимость». Впервые введенный доктором А. Голдбергом в 1996 г. для описания непреодолимой тяги к использованию Всемирной паутины. Им же описаны и основные симптомы этого феномена, а именно: эйфория во время сеанса пользования Интернет; чрезмерное время, проводимое в сети; невозможность остановиться; пренебрежение семьей и друзьями; озлобленность при попытке оторвать от компьютера; увеличивающееся беспокойство при нахождении в реальном мире; ложь по поводу количества времени, проведенного в киберпространстве. Выявлены и физиологические симптомы, сопутствующие тяжелым формам зависимости: поражение нервных стволов руки, сухость в глазах, головные боли по типу мигрени, нерегулярное питание т. д.

Для прояснения ситуации и степени популярности Интернет, сложившейся в нашем обществе, нами была предпринята попытка опроса студентов 1-го и 2-го курсов гуманитарных факультетов БрГУ им. Пушкина. В опросе приняли участие 60 человек в возрасте от 17 до 20 лет. Опрос проходил анонимно. Студентам было предложено ответить на 7 вопросов анкеты. Результаты статистической обработки анкеты представлены в таблице:

Вопросы анкеты:	Максимальное количество ответов	Минимальное количество ответов
Как часто Вы пользуетесь Интернет?	40% – каждый день	8,3% – не используют
Основные причины, побуждающие выходить в	45% – поиск информации по учебе;	1,7% – онлайн игры

Сеть?	38,3% – общение	
Уровень тревоги при невозможности выйти в Сеть	55% – отсутствие тревоги	45% – сильный и средний уровень тревоги
Уровень влияния на отношения с окружающими	73,3% – не влияет никак	26,7% – сильная и средняя степень влияния
Случается ли вам лгать по поводу времени, проведенному в Сети?	58,3% – нет	31,7% – да
Случается ли Вам «висеть» в Интернете до утра. Забыв при этом пообедать?	61,7% – никогда	38,3% – да
Испытываете ли Вы сильное раздражение при необходимости отвлечься?	58,3% – нет	41,7% – да

Сделать выводы из полученных цифр достаточно просто: почти половина студентов младших курсов выходят в Интернет каждый день, забывая при этом про обед (38,3%), используя ложь для сокрытия реального времени пребывания онлайн (31,7%), испытывая при этом сильную тревогу (45%) и раздражение (41,7%) при невозможности выйти в киберпространство. Конечно, на основании полученных данных нельзя квалифицировать почти 40 % студентов как Интернет-зависимых, однако полученные данные внушают некоторую тревогу и указывают на необходимость дальнейшего исследования в данном направлении. На рубеже веков человек создал киберпространство. Сегодня оно создает нас. Таким образом, вопрос Ж. Бодрийера остается открытым.

Литература и источники

1. Пригожин, И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 24–27.
2. Кутарев, В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 66–79.
3. Можейко, М. А. Социокультурное пространство постмодерна: феномен семиотизации бытия // Вучонья запіскі Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А. С. Пушкіна. – 2008. – Т. 4, Ч. 1. – С. 8–16.

ГУМАНИТАРНО-НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Р. В. Слухенская

Здоровье имеет огромную ценность как экзистенциальная, сущностная характеристика человека. Социокультурные, научно-технические, экологические и другие изменения в мире отрицательно сказываются на индивидуальном и популяционном здоровье. Поэтому чрезвычайно важно раскрыть философские основания и методологические принципы анализа этого феномена.

Во все времена человечество не только относилось к здоровью как к важнейшей ценности, но и постоянно искало средства его сохранения. При этом речь шла о гармонии чувственно-телесного и духовного параметров, которые лежат в основании целостной, полноценной жизни. Проблема в том, что медицина в процессе своего исторического развития сконцентрировала свое внимание на отклонениях от существующих стандартов здоровья, врачую болезни, патологии, которые лавинообразно возрастают (прямо пропорционально усилиям, направленным на нейтрализацию действия естественного отбора). Этот путь ведет в тупик. Поэтому нужны принципиально иные подходы, способные трансформировать исходные мировоззренческие установки и повлиять на смену научной парадигмы, ускорить процесс, который уже практически начался и стал неизбежным. Главная тенденция этого процесса – так называемый «антропологический поворот», ориентированный на личность как телесно-духовный объект научного исследования.

Увлечшись практическим применением достижений научно-технического прогресса, современная цивилизация потеряла органическую связь с природой, что привело к возникновению глобальных экологических проблем, оказавшихся неразрешимыми, поскольку характер взаимосвязи человека с окружающей средой и используемые при этом средства остаются неизменными. Отдельные усилия, направленные на сохранение окружающей среды, нивелируются общей ситуацией прогрессирующего загрязнения биосферы. Каждая решенная проблема порождает новые. Преодоление проблем лишь приумножает их. Все мероприятия дают лишь кратковременный и незначительный эффект.

В медицине – такая же ситуация. Усовершенствование методов лечения хронически больных людей не дает желаемого результата, поскольку их количество не уменьшается. Становится понятным, что таким способом не удастся кардинально решить проблему выживания человечества и сохранения жизни. Должна измениться сама парадигма здоровья человека.

Научная парадигма здоровья прошла тот же эволюционный путь, что и вся наука в ее классической, неклассической и постнеклассической ипостасях, которые к тому же представляют основные этапы гуманитаризации естественнонаучного познания, становления интегративной, синтетической, целостной научной методологии – образца для любой научной теории, в том числе и концепции здоровья, что не исключает вместе с тем ее специфики, оригинальности, неповторимости.

Естественнонаучный подход в медицине трактует человека как объект среди других объектов, а это, как известно, не позволяет видеть человека в его духовно-телесной целостности. Дело в том, что телесные патологии в большинстве случаев обусловлены душевными «болезнями». Целостный взгляд на проблему человеческого здоровья предусматривает учет неразрывной взаимосвязи между телесными и душевно-духовными состояниями человека, что свидетельствует о неизбежности гуманизации и гуманитаризации медицинской науки, которая уже не может полагаться на классическую естественнонаучную методологию.

Если в классической парадигме здоровья человек считался биологическим видом, а медицина была сосредоточена преимущественно на «телесности», то постклассическая парадигма формируется на почве взаимосвязи телесного и духовного, что открыло возможности для конституирования таких специфических

дисциплин, как психиатрия и психотерапия, которые исходят из убеждения в существовании корреляций между психическими и соматическими изменениями в организме человека.

Новая парадигма здоровья сформировалась вопреки обычному противопоставлению материального и идеального, телесного и духовного. Дискредитация механицизма и редукционизма в медицине (сведение человека к биофизическим и биохимическим процессам) сделала возможным становление широкого и целостного взгляда на феномен человеческого здоровья, в котором телесное и душевно-духовное берутся в неразрывной взаимосвязи и взаимодействии.

До XX столетия в западной медицине (в отличие от восточной) господствовал так называемый «патоцентризм», поскольку она направляла свои усилия в основном на болезни и способы борьбы с ними (лечебный аспект), а не на здоровье и пути его сохранения (профилактический эффект). Перенесение в центр внимания именно здоровья открыло перспективу изменения господствующей парадигмы. Сформировалось новое понимание болезни и здоровья. В отличие от упрощенного определения болезни как состояния, обусловленного нарушениями структуры и функций организма и реакциями на эти нарушения, современная дефиниция этого понятия трактует его как целостное биосоциальное явление, неотделимое от своей противоположности – здоровья, в чем выразилась древняя мудрость, которая саму жизнь трактовала как умирание, откуда следовало, что здоровье – это не столько отсутствие болезней, сколько своеобразный жизненный (экзистенциальный) потенциал, который требует постоянного поддержания, культивирования, сохранения и приумножения.

Наиболее явно гуманизация и гуманитаризация медицинского знания реализовалась в такой специфической дисциплине, как валеология – науке постнеклассического типа, где ценностные измерения включают в том числе и сакрально-религиозный компонент.

Новейшая парадигма здоровья человека синтезирует в себе достижения науки медицины и других родственных ей сфер эмпирического и теоретического знания с метафизическими идеями современности, что позволяет преодолеть односторонности предыдущих парадигм и возродить утраченный синкретизм.

Философская рефлексия здоровья свидетельствует о том, что первоначально этот феномен осмысливался синкретично, в единстве его телесных и духовных параметров. В процессе становления науки Нового времени сформировалось сциентистское понимание здоровья, сосредоточенное исключительно на телесности. Постклассическая трансформация науки и ее методологии демонстрирует новый синтез, в котором здоровье становится гармонией души и тела, физических и духовных потенциалов человека. Доминирование естественнонаучного мышления не позволяло обнаруживать реальные зависимости между здоровьем тела и внутренним душевным состоянием человека, поэтому постепенно механистическая парадигма исчерпала свой эвристический потенциал, в результате чего сформировались предпосылки для изменения парадигмы и утверждения новой методологии. Со становлением оснований посклассической науки удельный вес гуманитарно-ценностного понимания феномена здоровья постоянно возрастал, в результате чего сформировались необходимые и достаточные предпосылки для изменения самой парадигмы, в чем

четко прослеживается общая тенденция к гуманизации и гуманитаризации науки, антропологизации общенаучной картины мира, включению в ее основания ценностных аспектов.

ЗДОРОВЬЕ В РЯДУ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

О. Г. Лукашова

В Беларуси в последней декаде XX – первой декаде XXI века изменился вектор процесса демографического воспроизводства: с 1993 г. статистика начинает фиксировать показатели естественной убыли населения страны взамен показателей естественного прироста. Если в 1970 г. ежегодный прирост населения составлял 8,6 чел. на 1 тыс. населения, в 1980 г. – 6,1 чел., в 1990 г. – 3,2 чел., в 1992 г. – 1,1 чел. на 1 тыс. населения, то в 1993 г. показатели смертности превысили показатели рождаемости, в результате чего убыль населения составила –1,1 чел. на 1 тыс. населения. Самые высокие показатели убыли населения Беларуси наблюдались в 2002 году (–5,9 чел. на 1 тыс. населения) и в 2005 г. (–5,3 чел. на 1 тыс. населения) [1, с. 73]. Таким образом, статистические показатели начали отражать влияние начавшихся в стране масштабных процессов политической, социальной, экономической, культурной трансформации, их влияния на медико-биологическую адаптацию человека к радикально изменившимся условиям жизни: снижению доходов, распространению бедности, безработице, утрате идеалов, отсутствию перспектив в обозримом будущем, росту социального неравенства, снижению социальной защищенности, бытовой неустроенности и прочее. То есть, ко всем тем изменениям, которые приводят к чрезмерным стрессам, в результате чего снижается сопротивляемость человеческого организма к различным заболеваниям.

Ситуация с естественной убылью населения в Беларуси начала терять остроту лишь в начале второго десятилетия текущего века. Так, в 2011 г. на 11,5 родившихся (на 1 тыс. населения) приходилось 14,3 умерших. Естественная убыль населения в стране составила – 2,8 чел. на 1 тыс. населения. При этом следует отметить огромную разницу в региональных показателях. Так, если в 2011 г. в Брестской области зафиксирован самый низкий показатель убыли населения (– 1,5 чел. на 1 тыс. населения), то показатель убыли населения по Витебской области был самым высоким в Беларуси: – 6,1 чел. на 1 тыс. населения. Наиболее благоприятная ситуация складывается в г. Минске, где с 2006 года наблюдается естественный прирост населения (0,5 чел. на 1 тыс. населения в 2006 г.), который в 2011 году составил 1,5 чел. на 1 тыс. населения [2, с. 212].

Как представляется, одним из основных направлений преодоления сложившейся негативной демографической ситуации в Беларуси является всемерное укрепление здоровья населения, снижение смертности и увеличение рождаемости, и вследствие этого – изменение вектора процесса демографического воспроизводства в направлении естественного прироста населения в целом по стране. Для достижения этой цели, в качестве главного приоритета социальной политики государства с социально-ориентированной рыночной экономикой,

должно выступать укрепление здоровья граждан во всех его аспектах.

По словам доктора экономических наук, члена-корреспондента РАН Н.М. Римашиевой, здоровье – это характеристика и человеческого потенциала и человеческого капитала, определяющего экономическую мощь страны. Это главный компонент качества жизни, вполне адекватно измеряемого продолжительностью предстоящей здоровой жизни в условиях свободного выбора; это целевая установка жизнедеятельности населения. Качество жизни корреляционно связано с масштабами, интенсивностью, уровнем заболеваемости и смертностью населения. Особая роль здоровья определяется тем, что оно становится активным источником динамического развития общества и придет на смену современным новейшим технологиям, как решающий фактор экономического роста [3, с. 8].

Материалы социологических исследований показывают, как воспринимают свое здоровье граждане страны, озабочены ли они состоянием своего здоровья. Прежде всего, отметим, что в числе безусловных аксиологических приоритетов населения Беларуси находятся такие жизненные ценности, как «здоровье», «семья» и «дети». В рейтинге ценностей они занимают первые места, на них указывают более 70 % участников социологических опросов населения. Ценность «здоровье» связана с ценностями «семья» и «дети» не случайно – в сознании граждан отражена сущностная сторона взаимоотношений этих феноменов. Существует прямая зависимость между ними: члены семьи, родители следят за здоровьем своих детей; семья дает и оберегает жизнь своих членов, сохраняя их здоровье. Эти взаимозависимые явления, отражаются в сознании белорусов как взаимосвязанные ценности.

Высокий рейтинг у таких ценностей, как «друзья», «любовь» (60–70 %), их значение особенно высоко для молодых людей.

Курс на рыночные преобразования в стране обусловил существенное возвышение значимости таких ценностей как материальное благополучие, обеспеченность, свобода (50–60 %). Ценность «интересная работа» занимает срединное положение в ценностном ряду, на нее ориентируются 40–50 % респондентов.

Все более распространенными чертами, присущими современной личности, становятся прагматизм и индивидуализм, ориентация на личный успех. Ценности «карьера», «уверенность в себе», «самореализация» отражают ценностные приоритеты примерно 30–40% респондентов.

Волнует ли белорусов состояние их здоровья? В соответствии с определением ВОЗ, здоровье это не просто отсутствие болезни, а состояние полного физического, душевного, и социального благополучия. Результаты социологических исследований, посвященных изучению общественного мнения белорусского общества, свидетельствуют о том, что тема здоровья не оставляет равнодушным большинство населения.

По данным социологического исследования сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси, проведенного в 2013 г. по вопросам развития социальной сферы, в рейтинге проблем, которые более всего волнуют население, проблемы индивидуального здоровья занимают вторую позицию. Озабоченность состоянием собственного здоровья выделяется в ряду таких проблем, отмеченных гражданами страны, как:

- Цены на продукты и товары первой необходимости – 61,9 %;
- Состояние собственного здоровья – 48,2 %;
- Уровень оплаты труда – 43,5 %;
- Инфляция – 40,1 %;
- Качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств – 39,4 %;
- Рост пьянства и алкоголизма среди населения – 36,6 %;
- Жилищные проблемы – 34,4 %;
- Тарифы на коммунальные услуги, электричество, газ – 34,3 %;
- Личная безопасность – 25,5;
- Экологическая ситуация – 24,6 %;
- Распространение в стране наркомании – 19,7 % и др.

В представленном блоке данных, отражающих рейтинг социальных проблем в общественном мнении белорусского населения, прослеживается взаимосвязь состояния здоровья людей от целого ряда факторов. Прежде всего, социально-экономических факторов, состояния системы здравоохранения, распространенности наркомании и алкоголизма, экологических, биологических факторов и пр. Такое распределение согласуется с материалами ВОЗ, согласно которым в совокупном влиянии на здоровье населения половина отводится образу жизни, по пятой части – среде обитания, равно как и наследственности, и одна десятая часть – качеству медико-санитарной помощи населению.

Озабоченность состоянием собственного здоровья присуща представителям всех возрастных групп белорусского населения и растет с увеличением возраста граждан. Показательным является то обстоятельство, что проблемы состояния индивидуального здоровья волнуют значительную часть белорусской молодежи. По данным исследования, на нее указали 24,1 % несовершеннолетних граждан в возрасте до 18 лет; 42,3 % в возрасте 18–24 лет и 36,1 % респондентов в возрасте 25–30 лет.

Распределение ответов респондентов других возрастных групп населения представлено следующим образом: проблемы собственного здоровья волнуют 40,2 % населения в возрастной группе 31–40 лет; 46,0 % населения в возрасте 41–50 лет; 54,3 % населения в возрасте 51–60 лет и 68,2 % населения в возрасте старше 60 лет.

Более высокую озабоченность состоянием своего здоровья выражают женщины страны (52,4 %). Мужчины отмечают проблемы со здоровьем несколько реже (43,2 %).

На современном этапе развития белорусского общества все более широко распространяются болезни социальной этиологии, такие как гепатит, ВИЧ-инфекция, наркомания, алкоголизм и др.

Данные статистики и социологических исследований показывают, что проблемы роста наркотизации и алкоголизации белорусского населения находятся в числе наиболее сложных проблем белорусского общества, оказывающих непосредственное влияние на состояние популяционного здоровья. Уровень потребления алкоголя в Беларуси в настоящее время составляет 13 л. абс. алк. на душу населения, что значительно превышает тот порог потребления, за которым начинается развитие процессов деградации нации. Алкоголь является одной из основных причин нездоровья населения, снижения рождаемости или рождения нездорового потомства у лиц, злоупотребляющих алкоголем. Алкоголь также

является причиной преждевременной смерти населения от заболеваний, связанных со злоупотреблением алкогольными напитками, от случайных отравлений алкоголем, от самоубийств и утоплений, произошедших в состоянии алкогольного опьянения и прочее. В 2011 году только от случайных отравлений алкоголем в Республике Беларусь умерло 2415 человек (25,5 человек на 100 тыс. населения) [1, с. 121, 122]. Как видно из представленных выше социологических данных, опасность, которую представляет собой злоупотребление алкоголем, осознает более трети населения страны. Тем не менее, в Беларуси наблюдается рост уровня потребления алкогольных напитков, распространение табакокурения, наркомании, что самым негативным образом отражается на состоянии как индивидуального, так и общественного здоровья.

Здоровье населения является важнейшим фактором, который определяет уровень социально-экономического развития общества, качество жизни отдельной личности и всего населения. Поэтому здоровье (физическое, духовное, социальное) должно рассматриваться как в качестве цели, к которой следует стремиться, так и того фактора, от которого в значительной степени зависит дальнейшее устойчивое развитие белорусского общества.

Литература и источники

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012.
3. Римашевская, Н.М. Радикальное измерение негативного тренда здоровья населения России / Здоровье населения: проблемы и пути решения. Материалы II международного научно-практического семинара (г. Минск, 19-21 мая 2011 г.). – Минск, 2011.

Место философского знания в перспективных научно-образовательных стратегиях

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Т. И. Адуло

Изучая проблемы религии в современном обществе, нельзя обойти вниманием проблемы философии. На протяжении человеческой истории взаимоотношения философии и религии не были однозначными, не всегда были гармоничными. Тем не менее, они наличествовали, т. е. обладали бытийностью.

Религия и философия по-разному видят свою миссию, но и первая, и вторая сориентированы на формирование души человека, хотя сама эта душа трактуется ими тоже по-разному. Все это надо учитывать в процессе исследования духовного развития нации и в процессе разработки образовательной стратегии. Философия обладает огромным образовательным потенциалом. На протяжении двух с половиной тысяч лет она создавала и постоянно совершенствовала инструмент

формирования интеллекта (разума) человека. В этом плане представляется важным выяснить, во-первых, *что* собою представляет философия в нашу историческую эпоху, и, во-вторых, оценить ее роль в интеллектуальных процессах эпохи, предложить конкретные пути повышения ее интеллектуального потенциала.

Означенный нами первый вопрос может показаться не заслуживающим внимания. Но это не так. Не уяснив его, мы не в состоянии двигаться дальше. А для его уяснения надо разобраться по существу с философским наследием советской эпохи. Полемика по этому вопросу, начавшаяся еще в 90-е годы прошлого века, продолжается и сейчас: философы не могут прийти к согласию в оценке своего прошлого, в оценке советской философии, творцами и носителями которой они сами же и являлись. Для подтверждения сказанного сошлюсь на публикации известных российских философов В. М. Межуева, В. А. Лекторского и Ю. И. Семенова.

В. М. Межуев не отрицает определенных позитивных результатов советских философов. Он отмечает: «Во времена сталинизма были академики, которые не дотягивали даже до уровня кандидатов наук и даже не были ими. Но то было идеологическое начальство и их было не так много. Но были философы и европейского уровня с дореволюционным образованием – В. Ф. Асмус, П. С. Попов, М. Ф. Овсянников, А. Ф. Лосев. Да и философы периода «оттепели» (так называемые шестидесятники) достаточно высоко держали планку философского знания [1, с. 38].

Такой же позитивной оценки советской философии придерживается В. А. Лекторский. На заседании «круглого стола» «Философия России второй половины XX века», организованного редколлегией журнала «Вопросы философии», он обратил внимание на то, что «в советское время было два периода, когда были сформулированы такие философские идеи и разработаны такие концепции, которые не только не остались в своем времени, но сегодня в ряде отношений более актуальны, чем ранее» [2, с. 4]. В данном случае он имел в виду 1920-е годы и вторую половину XX века.

Ю. И. Семенов же, наоборот, считает, что советская философия, как и *вся* западноевропейская философия XX века, не представляют чего-либо ценного. «Если первоначально самостоятельно мыслящие философы ставили своей задачей возродить и обновить диалектический материализм, то в последующем положение начало меняться. Определенная часть советских философов, прежде всего столичные, принимая набор фраз, в который выродилась в сталинское время философия марксизма, прониклась презрением и даже ненавистью к нему и обратилась к различного рода немарксистским и антимарксистским философским построениям» [3, с. 108].

Здесь, думается, представлены крайности, которых желательно избегать в оценке прошлого. Не следует принижать значимость советской философии. Она оказала не менее заметное влияние на развитие мировой философии и духовной культуры в целом, чем, скажем, экзистенциализм, герменевтика и другие западноевропейские философские течения. Попытки отдельных маститых советских философов радикально пересмотреть свои прежние взгляды в угоду новым политическим установкам являются научно несостоятельными и не дают новых результатов в области философского знания. Это убедительно доказал в своих исследованиях Ю. И. Семенов (см.: [3, с. 159–167]). Более того,

сложившаяся на постсоветском пространстве в 1990-е годы практика философствования, представляющая собой копирование западноевропейской мысли XX века, явилась одной из причин снижения престижа философии. Нельзя не согласиться с российским философом А. В. Черняевым, который называет 90-е гг. XX в. «продолжением ученичества у Запада после столетнего перерыва». «Подобно тому, – отмечает он, – как тогда у нас появились русский позитивизм, русский персонализм, русское неокантианство, русская феноменология, русский марксизм, так теперь – русский постмодернизм, герменевтика, психоанализ, экзистенциализм, философская антропология, гендерные исследования и т. д. ...Подготовительная работа для этого была проведена бывшими специалистами по «критике буржуазных концепций», некоторые из которых успешно освоили роли эксклюзивных представителей западных философских знаменитостей в России, да и сами в глазах молодежи приобрели статус культовых личностей, модных философских «гуру»» [4, с. 54].

Относительно места и роли современной философии в интеллектуальном развитии общества большинство исследователей пришли к выводу о том, что ее значимость и эвристический потенциал значительно снизились. «Эта планка, – считает В. М. Межуев, – начала снижаться в 70–80-е годы, в период «застоя», а что сейчас происходит, я вообще не понимаю» [1, с. 38].

Миссию философии – одной из древнейших форм теоретического сознания и духовной культуры – в различные исторические эпохи определяли по-разному. Чаще всего ее сводили к постижению сущности глубинных, не поддающихся непосредственному человеческому взору пластов бытия. В таком, сциентистском, ключе трактовали философию Аристотель, Декарт, Френсис Бэкон, Гоббс, Локк, Гегель и др. мыслители. Но сциентистский подход – лишь один из подходов к философии. Многие исследователи по-иному понимали ее сущность и место в жизни человека и общества. Во всяком случае, смотрели на нее не только как на мощное орудие познания окружающего мира. Наряду с этим, они видели в ней специфический инструмент воздействия на человека, а также надежное орудие его защиты от всякого рода неблагоприятных обстоятельств. Например, известный ученый Э. В. Ильенков трактовал философию как источник и орудие «духовного здоровья» индивида и общества [5, с. 21]. И с ним нельзя не согласиться. Как тут не напомнить об известных, ставших уже хрестоматийными, высказываниях Эпикура, Боэция, Монтеня и других мыслителей о пользе философии для человека любого возраста. Не иссяк аксиологический потенциал философии и в нашу динамичную эпоху. Он существует, как и много веков тому назад. Вопрос состоит в ином: *насколько он востребован нашим обществом и насколько продуктивно он используется.* В этом состоит суть проблемы. Помимо гносеологической, аксиологической, регулятивной, прогностической, философия выполняет и ряд других важных функций. Являясь ядром духовной культуры, философия связывает воедино ее различные сегменты, а следовательно, и различные гуманитарные науки. Можно, например, утверждать об органичной связи философии и истории, философии и литературы, философии и языкознания и т. д. Важно весь этот богатый арсенал философских орудий воздействия на сознание человека более активно использовать с целью интеллектуализации и гуманизации современных общественных процессов.

В этом плане нельзя не сказать о XXIII всемирном философском конгрессе,

состоявшемся в 2014 году в Афинах. Ведь столь масштабные научные форумы не только подводят итоги научной деятельности за последние пять лет, но и задают ориентиры будущих научных исследований. Надо отметить, что и программа, и атмосфера конгресса настраивала философов на более активную мыслительную работу в познании социального бытия и на столь же активную деятельность по его обустройству с позиции Разума. Уже сам девиз конгресса «Философия как познание и образ жизни» свидетельствует об этом. Президент конгресса Уильям Макбрайд отмечал: «В мире, где, как часто говорится, к сожалению, так не хватает вежливости и взаимоуважения, этот Всемирный философский конгресс в Афинах должен явить пример обратного. ...мы можем не только выиграть от философии как «утешения», как чего-то, направленного внутрь, но и ощутить ее внешнюю сторону, почувствовать, какую выгоду она может дать другим людям, тем, кому постоянно приходится под давлением могущественных сил, действующих в нашем современном мире, задумываться о жизни в ее наиболее мелких, поверхностных проявлениях. Пусть же это время в Афинах приведет, среди прочего, к воссозданию веры в то, что утверждает название одного старинного академического общества в моей стране, – веры в философию как «ἡ φιλοσοφία τοῦ βίου κυβερνήτης», философию как наставницу жизни» [6, p. 12]. В том же ключе высказался и Президент Греческого Организационного Комитета Константинос Будурис. «Тема 23-го Всемирного философского конгресса, – отметил он, – выразительно и точно передающая сущность проблемы, приглашает нас задуматься над сократовским вопросом – «Как же следует жить?» – посмотреть на различные способы и образы жизни всех народов Земли, подойти к философии как к искусству жизни, поразмышлять об ответственной роли и твердой позиции философа по отношению к нынешним и будущим проблемам сложных современных ситуаций, которые будут возникать в результате перераспределения экономических, социальных и других сил глобализованного гражданского общества» [6, p. 13].

Говоря о назревшей задаче обустройства мира на разумных основаниях, мы не можем не задать себе и вытекающий отсюда не менее важный вопрос о том, каким путем философия должна, и способна, воздействовать на этот мир, и какой должна быть сама философия, чтобы быть способной оказывать позитивное воздействие на него? По сути, мы воспроизводим кантовские вопросы, которые он ставил перед собой еще в начале своей творческой деятельности, а именно: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» и «Что такое человек?» [7, с. 332]

Для оценки современного состояния философии и философской культуры представляется нужным рассмотреть сложившуюся в Беларуси систему образования – среднюю и высшую школу, учреждения последипломного образования, институты подготовки кадров высшей квалификации и др. Остановимся на отдельных из них.

В средних школах еще с советских времен философская проблематика в какой-то мере включалась в учебную программу. Так, например, в 1960-е годы в школе изучался предмет под названием «Обществоведение», усвоение которого давало учащимся общее представление об основных философских школах и в первую очередь о классической немецкой философии как одном из теоретических источников марксизма. Позже в учебную программу средних школ был включен

предмет «Человек. Общество. Государство». Учащиеся должны были усвоить знание о природной и социальной действительности – научной картине мира, законах общественного развития, государстве как социальном институте, характере взаимодействия человека, общества и природы, культуре поведения и мышления.

В настоящее время в программу средних школ возвращен предмет «Обществоведение». Он разбит на три части: «Человек и общество», «Современное общество» и «Белорусское государство», которые изучаются соответственно в 9-м, 10-м и 11-м классах. Предметная учебная программа выделяет взаимосвязанные темы, которые позволяют учащимся уяснить сущность современного общества.

В высшей школе советской эпохи философии уделялось очень серьезное внимание. Это было связано с тем, что именно на философов ложилась задача формирования научного, или, как тогда его называли, диалектико-материалистического мировоззрения. На многих факультетах, в частности, на историческом и филологическом, читались достаточно объемные курсы по истории философии.

Современный вузовский курс по философии выглядит достаточно скромно. Его название – «Интегрированный модуль цикла социально-гуманитарных дисциплин (включая дисциплины «Философия» и «Основы психологии и педагогики»)). Философия в этом «интегрированном модуле» по своему объему составляет лишь 42 часа. Из этих 42-х отведенных на философию часов 2 часа уходят на «Введение в общую дисциплину» и на «Модуль-резюме», т.е. на рассмотрение общих вопросов, касающихся всего «интегрированного модуля». За оставшиеся 40 учебных часов программой предусмотрено изучение 8 тем, из которых 4 посвящены истории философии, включая историю философии в Беларуси, и 4 темы – основным проблемам современной философии. Таким образом, за 16 часов, отведенных на лекции и семинары, предполагается изучить проблематику современной философии. Причем, на теорию познания и философию науки отведено 4 часа (1 лекция и 1 семинар). Та же картина и по отношению к социальной философии – 4 часа. Диалектика и категории философии лишь вскользь упомянуты в одной из тем курса. В целом, предназначенный для чтения курс по философии можно назвать не иначе, как введением в философию. Это название, по крайней мере, точнее нынешнего его названия.

На наш взгляд, основная задача философии – привить вкус к логически правильному мышлению, к постижению сущности исследуемого объекта, к поиску объективной истины, к умению получить истину. Но не истину в готовом виде – «полную» и «окончательную». Философия необходима для того, чтобы помочь человеку уяснить логику самого мыслительного процесса. Важно понять, почему именно так, а не иначе, шел мыслительный процесс на уровне индивида, отдельных социальных институтов и общества в целом. И здесь нельзя не сказать о той интеллектуальной миссии, которую способна, и обязана, выполнять диалектика. Диалектика – ядро философии. Именно поэтому Э. В. Ильенков и его коллеги по философскому цеху – П. В. Копнин и др. – защищали диалектику, диалектический метод, диалектическое мышление. Формированию диалектического мышления более всего способствует философия, но не всякая, а лишь диалектическая. Но именно диалектики и не хватает современной

философии. В учебных программах по философии и учебниках, издающихся в странах СНГ, не нашлось места для диалектики. Более того, в них не рассматриваются важнейшие философские категории и их диалектическая взаимосвязь. Но как можно овладеть философией, а тем более диалектическим методом, как можно сформировать философскую культуру, если индивид не владеет тем инструментом, посредством которого-то и воспроизводится в идеальной форме реально существующий мир, функционирующий по диалектическим законам?

Поэтому ближайшей и важнейшей задачей, стоящей перед философским сообществом, является восстановление утраченного в последнее время статуса диалектики как метода мышления и объяснения окружающего мира.

Литература и источники

1. Беседа с В. М. Межуевым // Вопросы философии. – 2014. – № 2.
2. Философия России второй половины XX века (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2011. – № 4.
3. Семенов, Ю. И. Введение в науку философии. Кн. 6: Трудная судьба философии диалектического материализма (конец XIX – начало XXI в.). – М., 2013.
4. Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность: материалы международного круглого стола (Минск, 20 сент. 2013 г.). – Минск, 2013.
5. Ильенков, Э. В. Философия и культура. – М., 1991.
6. XXIII World Congress of Philosophy Philosophy as Inquiry and Way of Life. Programme. Athens 04–10 August 2013. – University of Athens, School of Philosophy University Campus – Zografos, 2013.
7. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // И. Кант. Трактаты и письма. – М., 1980.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Азер Мустафаев

Названная проблема в течение долгих лет беспокоила ученых, заставляла их задумываться. Ввиду того, что данная проблема, посвященная научному анализу весьма трудной и сложной проблемы, заставлявшей многих ученых оказываться перед дилеммой: надо ли было найти ответ на такой вопрос, приобретающий самое принципиальное значение для всех времен и цивилизаций, что же такой человек и каким он должен быть в жизни. С самого начала следует отметить, что в отличие от других тем, связанных с проблемой человека, представленная тема по постановке проблем и по способу подходов к ним имеет свои отличительные черты и особенности. В таком случае может случиться, что исследуемая тема возможно неоднозначно будет встречаться другими слушателями. А это естественно, так как в условиях существования плюрализма мысли, различных взглядов, мировоззрений, другими словами, демократических ценностей и институтов какая-то одна и та же идея не может вызвать для всех одну и ту же заинтересованность, не может быть принята в одной и той же мере. По нашему мнению если названная статья с содержательной и качественной стороны будет в

должной мере привлекать к себе внимание интеллектуальной аудитории в любом обществе, то это может рассматриваться как творческий успех автора. Именно по этой причине автор с самого начала выражает свою признательность всем специалистам, которые обмениваются с ним мыслями, даже хотят выступить с ценными предположениями и рекомендациями.

Выражение «Познай самого себя», высеченные на стенах мавзолея Аполлон в древнегреческом городе Дельфы, привлекает внимание всех тех, кто приходит сюда. Эти слова, звучащие как философская программа в отношении к человеку и поэтому выступающие как призыв, адресованный конкретно не одной личности, а всему человечеству, а независимо от пространства и времени, всем человеческим поколениям, напоминают каждому человеку, индивиду, обладающему здравым смыслом и самостоятельным миропониманием, разумом, о том, что главная его цель познать не только реальную действительность – природу и общество, но и свою уникальную, неповторимую специфическую природу, свою индивидуальную жизнь, свои потребности и интересы, связанные с особенностями развития человеческого поколения, внутренние и внешние условия самовыражения и самореализации. По выражению древнегреческого философа Хилона (VII в. до н. э), которому приписывают вышеназванные мудрые слова, для человека, считающего Земную культуру и центром разума Вселенной, нет более интересного объекта, чем он сам. Кто ты, человек? Каковы пройденные им путь и будущее в непрерывном потоке событий истории? Ради чего и как он должен жить и существовать? Ответить на эти вопросы, которые на первый взгляд кажутся простыми и обычными, не было легко. Эти вопросы были непосредственно связаны с разрешением весьма сложной и противоречивой проблемы человека.

Как нам известно, проблема человека, выдвигаясь на первые ряды в современной системе религиозных знаний, приобретая важнейшее познавательное, мировоззренческое и методологическое знание, является одной из актуальных проблем, направляющих развитие человеческой мысли [3, с. 153]. Уникальность человеческого феномена, характеризующегося, с одной стороны, единством законов природы и общества, с другой стороны, синтезом объективной реальности, требует относиться к нему как объекту познания, выделить ему особое место в системе религиозных исследований, относиться к нему конкретно и синкретично. Среди современных проблем религиозного познания, одним из важнейших факторов, благодаря которым проблема человека приобретают особый статус, растет ее духовно-нравственная точность, гносеологическая ценность, ее методологическое значение, эпистемологическая нагрузка, является то, что пересекаются интересы фундаментальных, естественных и религиозных ценностей в области антропологических исследований.

Аспекты изучения проблемы человека в системе нравственных и сверх естественных начал весьма обширны и разнообразны, так как в общественных науках человека исследуют как основной компонент социальных систем, как элементарный и универсальный носитель социальных отношений, как главную производительную силу общества, исторического процесса, как объект воспитания [2]. В связи с вопросами обучения и воспитания проблема человека находится в центре внимания и религиозных наук. И поэтому в истории философии было немало попыток давать философские определения, опирающиеся на физическую природу, биологические аспекты, духовные, этико-эстетические, моральные

ценности человека. Вообще, человек, смысл его природы, существа, перспективы его развития представляли собой фундаментальные проблемы, находившиеся в центре философской и естественно-научной мысли, и поэтому, начиная с глубин истории по сей день имеют особую актуальность. В самом деле, как показывает многовековая история развития философии, если есть какая-то центральная тема, вокруг которой сосредотачиваются все темы, проблемы философии, как это проблема человека. Древнегреческий философ Сократ свое отношение к этой проблеме выразил словами: «Человек для познания самого себя всегда был интересной темой и всегда останется такой же». [1, с. 45]. Далее, Сократ любил повторять мысль о том, что его интересуют не деревья в лесу, а люди в городах. По словам известного философа С. Л. Франкла, исследование вопроса «Кто такой человек и в чем его истинная миссия? есть конечная цель человеческой мысли» [5, с. 123].

Наряду с естественным интересом, направленным на познание самого себя, существуют и другие в частности религиозные факторы, благодаря которым эта тема превратилась в центральную проблему философии. Независимо от того, на что обратить внимание, независимо от типа отношений, входящих в круг взгляда, область исследования, взгляд философии всегда направлен на человека. С этой точки зрения слова древнегреческого философа Протагора «Человек мера всех вещей» по сей день звучат как философская истина. Следовательно, независимо от системы общественных отношений, временного промежутка и пространственного окружения никогда не покинет человека чувство жить и творить. Мы хотели подтвердить вышеназванные проблемы человека словами выдающегося писателя нашего времени, лауреата Нобелевской премии Габриэля Гарсиа Маркеса: «Меня всегда тяготееет вечность смерти, и верьте, смог бы вернуть обратно Нобелевскую премию, чтобы снова мне было пятьдесят лет. Дай бог, чтобы все начиналось бы снова» [4, с. 221].

История философской, естественно научной и религиозной мысли богата концепциями о сущности, природе, миссии человека.

Первые представления о человеке появились значительно раньше, до возникновения философии: наши древние предки, жившие в глубинах истории, в период каменного века и действовавшие по законам общинного строя, опираясь на религиозные и мифические формы самопознания, стремились в примитивной форме объяснить смысл, сущность, миссии человеческого бытия в легендах, сказках, былинах и мифах, являвшихся продуктом творческого воображения в соответствии с общественным сознанием того времени.

Первоначальные философские и религиозные представления о человеке принадлежат Востоку. В Месопотамии, Индии, Китае, считавшихся классическими государствами Востока, 6–7 веков до нашей эры, были высказаны рациональные, интересные, даже иногда опередившие свое время мысли.

После того, как прошло уже 25 веков, оценивая философскую антропологию Древнего Востока, можем сказать, что одной из важнейших особенностей ее составляли глубокое доверие и гуманистическое отношение человека к богу и обществу. Философия человека Древнего Востока, направленная на постоянное совершенствование внутреннего, духовного мира человека совершенствование социальной жизни, государственного управления человека объясняла не улучшением внутреннего мира, существующих природных условий, а изменением

самого индивидуума и его адаптацией к обществу.

В развитии религиозной философии наряду с философами Востока и мыслителями Западной Европы немалые заслуги имели русские мыслители. Можно выделить два направления в истории русской философской мысли в отношении к человеку: представители первого направления, считая более важной судьбу субъекта, индивидуума, личности, чем судьбу человечества, связывали свободу и независимость личности с социальными изменениями. Русские революционные демократы, которые высоко оценивали роль разума и деятельности в жизни человека и искали человеческую свободу в гармонии ума и деятельности, в отличие от Фейербаха, включая в учение о человеке социальные активы существования человека, решение проблемы человека связывали с идеей обновления общества на социальных основах.

А в фундаменте учения русской религиозной философии о человеке стоял вопрос, о природе и сущности человека. Представители религиозной философии путь решения проблемы человека видели в дуализме духа и тела, необходимости и свободы, добра и зла, богов и мирян. По мнению представителей этого направления, главная сила человека заключается в духовной, божественной субстанции. А истинный смысл человеческой жизни состоит в воссоединении человека с Богом. В русской религиозной философии вопрос о человеке сводился вопросу о божестве, а вопрос о Боге сводился вопросу о человеке.

Одно из важнейших аспектов проблемы человека - это религиозный вопрос о смысле и цели его жизни.

Эта фундаментальная философия различными направлениями освещается в разных призмах.

В вопросе о смысле и цели жизни внимание представителей материализма было направлено на объективную действительность, на реальную жизнедеятельность людей, а внимание идеалистического и религиозного направлений было нацелено на Бога, на ум, дух, идеи. Вопрос «В чем смысл жизни?» несмотря на то, что постоянно находится в центре внимания и на обилие точек зрения, имеющих в этой области, этот вопрос не был раскрыт однозначно и вообще надежды на его решение и в будущем.

Одним из важнейших вопросов, связанных с феноменом человека, является вопрос соотношения жизни и смерти в духовной практике человека. Этот, весьма ценный вопрос занимает одно из важнейших мест в истории человеческой культуры. Проблему смерти, несмотря на ее актуальность, нельзя рассматривать вне проблемы жизни. Смерть является необходимым имманентным моментом жизнедеятельности организма, его закономерным результатом. Однако даже перед неизбежной смертью человеческая жизнь никогда не теряет своего смысла. Мудрость человека определяется не его рассуждениями, мыслями перед смертью, а здоровыми рассуждениями о жизни.

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к заключению, что любой исследователь проблемы человека, которая была вечной и всегда актуальной в системе теоретических знаний, чтобы сказать веское слово по данной теме, должен обладать философским мышлением, а также богатым жизненным опытом. В противном случае показалось бы несерьезным думать, что исследователь мог бы при этом сказать что-нибудь толковое. Не случайно, что в связи с проблемой человека Ницше как один из ярких представителей немецкой классической

философии, писал: «Грандиозные темы требуют, чтобы о них или замолчали, или же о них говорили с пафосом?» [6, с. 78]. Словом, сегодня, когда переживаем самое трудное, противоречивое и сложное время современной мировой истории, в период, который люди называли «веком страха» (А. Камю), в результате процессов деформации и деградации мы становимся свидетелями того, что социальное, политическое, национальное самосознание человека во многих случаях увенчалось не прогрессом, а упадком (деградацией). Если исходить из учения Ницше о «смерти человека после Бога», то на почве борьбы и противостояния сатаны и феи, иначе говоря, добра и зла, гнусного и благородного, прекрасного и безобразного, идей гуманизма и жестокости, двуличия, фальсификаций интенсивно, непрестанно и сегодня увеличивается потребность в истинном, благородном и великом человеке, который наделен чувством социальной справедливости, здоровыми рассудком и мышлением, иными словами, носителем вечных и возвышенных идей. Потому, что люди хоть ни хоть подвержены быть человеческими и если в чаще весов морали и нравственности любого общества, а также в национальном самопознании господствуют и беспредельно усиливаются бесчинство, аморальность, безобразное, иными словами, сатанические действия, то это означает крах и конец рассматриваемого отрезка социального времени. Это одновременно представляет собой канун самого бесподобного безобразия и конец современной цивилизации.

Принимая за основу все сказанное, хотели бы снова припомнить целый клубок известных и неизвестных вопросов, над которыми задумывались во все периоды истории развития общества.

Кто такой человек? Он познаваем или нет? Он силен или слаб? Он прекрасен или безобразен? Он благороден или злостен? Он справедлив или деспот? Он свободен или находится в несвободе? В этих идеях, вечно порождающих вопросы за вопросами, на которые по сегодняшний день нет ответа, кроются глубокий смысл, великая истина. Ибо, несмотря на то, что человек находится в вечном акте познания, он в реальной, а также потусторонней жизни и в своих рассуждениях и размышлениях наталкивается с темным, неизвестным и сомнительным миром. Он живой мир, постоянно напоминающий сокровище тайн, по своей сущности замкнутое существо. Он вечно останется до конца неопознанным существом.

Литература и источники

1. Аляев, Г. Е. Метафизика прав человека в трактовке С. Л. Франка // Историко-философский ежегодник. – М., 2000.
2. Беляев, Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека // Вопросы философии. – 1981, – №3.
3. Джонов, О. И. О некоторых типических постановках проблемы смысла жизни в истории философии // Вопросы философии. – 1981. – №6.
4. Габриэль Гарсиа Маркес. Сто лет одиночества. – М., 1967.
5. Франкл, В. Человек в поисках смысла жизни. – М., 1990.
6. Фридрих Ницше. Сверхчеловек – бог умер. Так говорил Заратустра. – М., 1967.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИПОСТАСИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. Костенич

Современная культура утратила вкус к Слову, к его эсхатологическому дегустированию, а «философская речь» редуцировалась к вялым наставлениям и историко-философскому пересказу. Порою кажется, что в процессе преподавания философии на авансцену гротескно выдвигается прозаическая ретрансляция биографических дат и хрестоматийных цитат, составляющих в своей совокупности гремящую смесь латентного дезавуирования философских «голгоф смыслополагания». Мысль буксует в препонах «профанного слова», десакрализованного атеизмом равнодушия к человеческому духу, к его экзистенциальным запросам, нуждающимся в «профетической дидактике» раскрепощенного авторства, в оригинальных версиях конфигурирования философского пространства.

Сокращение аудиторных регламентов философского образования ставит гуманитарное сообщество перед вопросом о новых «методологиях» и «тематических ракурсах» изложения философско-мировоззренческих обобщений. Необходимо принципиально менять стратегии философского образования. Если мы не декларативно желаем преодолеть «экспериментальное единообразие» наших вузовских программ по философии; если мы не на словах, а на деле, стремимся быть аутентичными мировым тенденциям саморазвития философского дискурса, нам следует придать ему большую демократичность в выборе «современных» мировоззренческих аксиоматик и технологий изложения.

Философия должна, наконец, предстать как «энциклопедия философских наук», а не как «компендиум натурфилософских онтологий» и историческое приложение к «методологии научного познания». Этика, эстетика и религиоведение должны быть инкорпорированы в нынешний курс философии на правах его «креативных бифуркаций» Мысли. Следует перестать воспринимать философское образование в оптике «эkleктичной эрудиции», призванной «галопом по Европам» информировать студенческую аудиторию о максимально возможном «количестве» выдающихся философов и их мировоззренческих пристрастиях. Подобное преподавание изначально неэффективно и, более того, целенаправленно дискредитирует как саму философию, так и ее профессиональных адептов в лице профессорско-преподавательского корпуса.

Мировоззренческие замыкания философских и религиозных построений смысла имеют многовековую традицию. В наш секулярный (постмодернистский) век, фактически (обще)принято считать, что философское сознание представляет собой специализированное интеллектуальное усилие по рациональной ассимиляции и категориальной инсталляции религиозных сюжетов и проблем в тематическое поле экзистенциальных поисков смысложизненных констант.

В этой связи, например, контовская концептуальная схема исторических трансформаций человеческого Разума, диагностировавшая теологическую, метафизическую и позитивную стадии его духовных формаций, пытается, как и гегелевская генеалогия «абсолютного духа», с его эстетическими, религиозными и философскими самоактуализациями Мирового Разума, поместить мифорелигиозные конструкции в некую мировоззренческую область философских

и научных «междупрочий».

Религиозные матрицы миропонимания, за пределами собственно «религиозных эпох и направлений Мысли», рассматриваются, в лучшем случае, в качестве иллюстративного субстрата для тех или иных ораторских практик и тем самым предъявляются внимающему сознанию сугубо «риторично». Их драматический духовный пафос, глубинные смысловые экзальтации, нетривиальные треволнения мысли тлеют угасшим пламенем «случайных примеров» и иррациональных «ad hoc гипотез».

Между тем, сама религиозная фактура мыследеятельности, состоящая в сквозной интенции «трансцендирования» к Абсолютным основаниям Бытия и Смысла (одним из манифестаций которых выступает «Бог»), свидетельствует о том, что религиозное сознание «метафилософично» в своих исходных мировоззренческих масштабах и итоговых экспликациях векторов человеческого самоопределения. Библейское «Я есть Истина, Путь и Жизнь» представляет собой не только и не столько «историческую реплику Богочеловека», сколько фундаментальное мировоззренческое переформатирование прежней традиционной «философии Истины», обретшей размерность человеческого выбора своей Судьбы и Предназначения перед лицом Абсолютной Ответственности за собственную Правду в бытии.

Как это не покажется парадоксальным, но «трансцендирующее в запредельность» мировоззренческой догматики религиозно аранжированное сознание изначально и (по-философски)... еретично! Борясь с ересями конфессионального и сектантского инакомыслия, оно, тем не менее, антиномично их предполагает и даже, по-своему, культивирует! Ереси представляют собой «граничные» испытания религиозной Мысли; позволяют оттачивать «догматические верификации» базовых Смыслов; репрезентируют потребность человеческого Разума герменевтически самоопределяться в контексте интеллектуальных искушений Иного и «конфликтах интерпретаций».

Герменевтическая методология истолкования религиозных первосмыслов инструментально находится в плену у «Слова», которое имманентно «богоподобно», ибо Тот, Кто владеет «Словом о бытии», конгениален самому Творцу, творившему все сущее в хитросплетениях «порождающей грамматики» эзотерических «высказываний». Схоластический «культ Слова», избывший меркантилизм античной софистики казуистикой концептуальных упражнений с онтологическими ресурсами языковых отложений, при всех своих спекулятивных издержках, мировоззренчески возвысил «практики словопрения» до уровня философского священнодействия.

Философия обрела характер сакральной литургической коммуникации, в контексте которой прагматика «языковых игр», с их проповеднической ангажированностью идеологического миссионерства, вступила в оппозицию с исповедальностью человеческого духа, взыскующего «откровений» вселенского Смысла и, не имеющего избирательного притяжения к какой-либо (единственно возможной) интеллектуальной прописке. Как ни странно, но, говоря марксистским языком, не религиозное сознание, а скорее философская рефлексия оказывается сегодня «превращенной формой» артикуляции бюрократических ревизий процесса образования, загоняется в интеллектуальное гетто факультативных «версий Разума».

Безусловно, философское образование не может быть подчинено религиозным ценностям, вновь оказаться в роли «служанки богословия», конъюнктурно сменить одну идеологическую атрибуцию на другую. Однако и отказаться от «миссионерских порывов» экзистенциального (не путать с экзистенциализмом!) преображения человеческой духовности, от изложения «модельных парадигм», задающих смысложизненный репертуар человеческого присутствия в собственном существовании, она тоже не может и не должна.

В этой связи «фаворский свет благовестия» религиозных «житий Мысли» и драматических феноменов праведного религиозного подвижничества, задают философскому образованию (вечные) перспективы и артефакты «должного бытия» и выстраданных духовных прозрений. По нашему мнению, философия в качестве «события Мысли» возможна лишь при условии ее квазирелигиозной взволнованности в экспонировании смысложизненных проблем и их сакральной тревожности для обыденного сознания.

В частности, как нам представляется, религиозная драма «грехопадения» обладает инвариантным философским потенциалом по своей мировоззренческой фундаментальности и духовным импликациям. Дело в том, что (в религиозном менталитете) понятие «греха» тематизируется не только в сюжетных сценариях «первородного греха» и номенклатурного перечня диверсифицированных «злодеяний», но и в инстанции «промаха мимо цели». Этой вожделенной «целью» религиозного существования, выступает понимание человеческой участи и удела, как реализации человеком изначального «божьего замысла» о его персональном предназначении.

Верующий человек «знает» о себе, как о «замысле божьем». Но ему «не дано знать» (вплоть до Страшного суда) какова «философия» данного замысла, что «конкретно» он обязан свершать своим свободным существованием, во исполнение своей бытийной миссии. «Теодицея» транспонируется в «антроподицею»! Бердяевское «оправдание Творчеством» ошеломительно вторгается в пертурбации повседневного бытия, предполагая его философское сопровождение эстетическими параллелями и этическими подвигами ответственной самобытности.

Религиозное «Верую, чтобы понимать!» обретает философскую транскрипцию бытийного воззвания «Понимать, чтобы верить»! Верить в собственную сущностную не случайность и духовную глубину! «Иррациональное» оказывается всего лишь иллюзией «ленивого разума», а философская речь оказывается светской молитвой Абсолютным Смыслам!

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ОНТОЛОГИИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОМУ ПОЗНАНИЮ

Д. В. Малахов

В попытках ответить на животрепещущие вопросы современности обращение к философскому и научному познанию как квинтэссенции разумной человеческой способности имеет глубокие бытийные и этические корни. Проблемное поле современных интерпретаций рациональности представляет

собой арену, на которой разворачивается драма осмысления: может ли конкретная жизнь во всем богатстве и противоречивости стремлений выступить в качестве фундамента объективного характера научного знания? Статус процедуры рефлексии в современной эпистемологии делает возможным эксплицировать проблемы научной рациональности на уровне ценностных, ментальных и психических структур личности, осуществляющей рефлексивные акты. При этом существенным образом расширяется исследование мотивационной сферы – личной вовлеченности в процессы конституирования предметной и ценностной (социокультурной) реальности.

Обращение от легитимации к мотивации познавательной деятельности предполагает определение и рассмотрение структур единства повседневного (обыденного) и теоретического способов существования. При этом когнитивные практики и конструкции, зачастую оторванные от реального пребывания субъекта научного познания в сфере социокультурной коммуникации, образуют, по выражению В. Н. Поруса, специфический внутренний конфликт между заданностью идеалов, норм, тем исследований и приоритетностью концептуальных структур, с одной стороны, и стремлением к свободной критике оснований собственного мышления и идентификации личностного положения в универсуме культуры – с другой. В этом конфликте В. Н. Порус усматривает причины экспансии иррационального начала в отношении рациональных форм познания [1, с. 178].

Стремление преодолеть разрыв между повседневным (практическим) и логико-когнитивным (теоретическим) способами существования эксплицируется в концепции «экзистенциального генезиса науки» Д. Гинева. Опираясь на классическую феноменологию, Д. Гинев ставит целью выявление динамической экзистенциальной структуры, продуцирующей как формы перехода от обыденно-заинтересованного способа элементарной эпистемической тематизации, так и теоретические совокупности эпистемических типов или горизонтов научных миров. Существо экзистенциального генезиса представляет собой трехчастную рефлексивно-динамическую структуру конституирования: качественно новой исследовательской повседневности, продуцирующей новые смыслы с помощью идентификации дисфункциональностей в привычных вещных и контекстуально-функциональных совокупностях); теоретических объектов, выделенных из целостной совокупности смыслов; эпистемических типов как междисциплинарных горизонтных возможностей научного познания [2, с. 98].

Обращение Д. Гинева к герменевтико-феноменологической проблематике является глубоко обоснованным также с точки зрения особого внимания этой философской стратегии к философско-методологическому единству исторической личности и эпистемологического субъекта. Так, в теории познания Э. Гуссерля внутренняя динамика единого потока конститутивного генезиса, в котором формируется субъект познания, соотносится с пониманием предпосылочности как мотивации, реализуемой в конкретных формах обретения единства Я: «Универсум переживаний, составляющих реальное бытийное содержание трансцендентального ego, вмещает эти переживания лишь в универсальной форме единого потока, которому как вливающиеся в него подчинены все отдельные переживания. ... Эта форма, наиболее всеобщая для всех особых конкретных переживаний и конституированных в их потоке образований, есть форма всесвященной и

управляющей каждым отдельным переживанием мотивации, которую мы тоже может рассматривать как формальную закономерность универсального генезиса, благодаря которой в определенной ноэзо-ноэматической формальной структуре текущих способов данности прошлое, настоящее и будущее снова и снова конституируются в своем единстве. Внутри этой формы жизнь протекает как мотивированный ход особых конститутивных свершений, имеющих многочисленные особые мотивации и системы мотиваций-свершений, которые ... образуют единство универсального генезиса Ego» [3, с. 161]. Переживание, научно-методологическая и философская рефлексии получают, таким образом, единство в актах непосредственного схватывания и в то же время конституирования реальности.

Схватывание реальности, предшествующее ее концептуализации, способно формировать личностный опыт как опыт соучастия, причастности и приверженности. Характер внутреннего опыта, доставляемый науками о живой субстанции, позволяет выдвинуть предположение о возможном ренессансе метафизики в контексте научной рациональности. При этом метафизическая система не редуцируется к философским основаниям науки, сохраняя собственные онтологические, телеологические и антропологические константы. Проблема интерпретации реальности, традиционно выступавшая разделительным барьером между метафизикой и наукой, в современных условиях может выступить как объединяющее начало.

Так, М. Вартофский, отмечая, что метафизические системы задают различные типы реальностей, в то время, как наука основывается на убеждении, что существует только одна реальность, предлагает в качестве формы синтеза поиск и установление первичного онтологического принципа, на основе которого возможно любое объяснение и любая рациональная интерпретация. Это означает, что «существует одна объективная истина, один логос, относительно которого наши объяснения и теории являются адекватными или неадекватными, истинными или ложными ... этот принцип формирует условия объективности в науке ... в форме «убеждения», или в виде эвристического принципа, критическая проверка и уточнение которого являлись традиционным делом метафизики» [4, с. 98].

Рефлексия об онтологическом принципе является философской и конституирующей личностное начало изнутри, поскольку утверждение первичного принципа, наподобие гераклитовского логоса становления, вводит в опыт сущего действенное начало. Метафизика действия, в отличие от созерцательной метафизики абсолютного, продуцируется не чистым умозрением, а реальным поступком, деянием, на свой страх и риск конституирующим субъективную и интерсубъективную реальность. Эти действия не обусловлены преданными универсальными нормами и скорее интуитивны, нежели формальны или аффективны – в основаниях жизнотворчества лежат достоверность поступков и очевидность результатов, складывающихся в то, что М. Вартофский именует «внутренней убежденностью» – основу и метафизики, и науки.

Вырастая из человеческого опыта становления-собой, метафизическая система задает личности первичные структуры понимания, которые транслируются в научную рациональность в виде концептуальных моделей. При этом разрыв между концептуальной структурой и первичными структурами понимания создает своего рода срыв рациональности и превращает ее из живого

события духа в то, что А. Уайтхед называл «застывшей рациональностью». Согласно М. Вартофскому, разрыв ведет к утрате научной рациональностью статуса понимающей, поскольку «понимание достигается в результате того, что любая концептуальная модель в качестве некоторой формы гармонизируется с первичным опытом самого понимания» [4, с. 107]. Эвристический потенциал метафизики для науки концептуализируется в понятии «метафизический базис науки», выводящий на приоритетное место проблему конституирования гетерономных структур опыта, определяющего способность к динамическим трансформациям.

В двадцатом веке предпринималось несколько попыток построения метафизических систем, основывающихся на онтологическом принципе, среди которых следует выделить теорию творческой эволюции А. Бергсона, космологию А. Уайтхеда («метафизика процесса»), фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, концепцию чувствующего интеллекта Х. Сублири («феноменология реальности»), теорию онтопозиса А.-Т. Тыменецка («феноменология жизни»).

А.-Т. Тыменецка, следуя классической феноменологической традиции, интерпретирует феномен жизни в двух планах: онтическом и онтологическом. При этом онтический план («автопозис») рассматривается как естественное самоупорядочивание стихии жизни без образования уникальных форм. Онтологический план («онтопозис») представляет собой смысл порядка жизни или внутреннюю природу самоупорядочивания и саморазвития жизни в дифференциации типов и индивидов. Онтопозис выступает основной формой бытия, репрезентирующей первичный онтологический принцип самоиндивидуализации, который А.-Т. Тыменецка именуется также «Логосом жизни». Логос жизни коррелируется с гуссерлевским понятием трансцендентального Я, обретение которого обусловлено преодолением эмпирическим субъектом естественной установки сознания. Так, в автопозисе жизни, или стихийном не индивидуализирующем упорядочивании, Логос не актуализован и присутствует в качестве горизонта возможностей. Логоцентричность, наподобие трансцендентальной сферы, возникает в первичных актах следования индивидуализации и формирования конкретного существования. Таким образом, в концепции А.-Т. Тыменецка логоцентричность представляет собой процесс актуализации уникальных потенций стихии жизненных сил. Феноменология жизни призвана способствовать прояснению характера взаимодействия стихийных сил, обуславливающих автопозис, и логоических сил, определяющих путь морфологического и экзистенциального становления индивида в контексте целостного феномена жизни [5, с. 150]. Логоические силы выступают в качестве системообразующего начала, гармонизирующего первичный импульс (*impetus*) стихийных жизненных сил – в понимании, свойственном традиции русской религиозной философии – свободы.

Тематизация онтологии, формирующей единство двухпланового существования, выходит за рамки исключительно методологического рассмотрения постулированных в классической феноменологии единств: естественной и трансцендентальной установок, онтического и онтологического модусов существования. Собственно, рассмотрение эвристического потенциала онтологизации / деформализации единства двух планов, открывает весьма необычную перспективу сближения считающейся далекой феноменологической

проблематики с традиционно личностной тематикой русской философии – проблемой Логоса, историко-философский и парадигмально-культурный контекст которого восходит к эпохе патристики и византийской философии в целом. Онтология и эпистемология при этом осмысливается по образцу халкидонского синтеза: «неслитно», «нераздельно», «неразлучно», «неизменно». Интенции относительно рассмотрения научно-философского потенциала этой идеи крайне редки и узнаваемы в основном в исследованиях, посвященных этике и социальной философии М. Шелера. Так, Ю. Н. Давыдов выделяет у М. Шелера двухипостасное, а, следовательно, персонифицированное единство всякого знания, располагающегося одновременно на различных теоретических уровнях, как, например, единство метафизики и социологии, истоком которого полагается теологическая формула халкидонского синтеза, выразившаяся в интерпретации М. Шелером гуссерлевской феноменологии [6, с. 255]. Однако рассмотрение в этом ключе феноменологической философии в целом не предпринималось. Между тем, такой подход позволил бы по-новому взглянуть на близость феноменологии русской философской традиции, особенно таким ее представителям, как П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, Я. С. Друскин.

Литература и источники

1. Порус, В. Н. Парадоксы научной рациональности и этики // Научные и вненаучные формы мышления: сб. ст. / под. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. – М., 1996.
2. Гинев, Д. Философская идентичность науки в постметафизической перспективе / Вопр. философии – 2002 – №3.
3. Гуссерль, Э. Картезианские размышления. – СПб, 2006.
4. Вартофский, М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (из Бостонских чтений по философии науки): под. ред. Б. С. Грязнов, В. Н. Садовский. – М., 1978.
5. Тыменецка, А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера / Вопр. философии. – 2005. – №11.
6. Давыдов, Ю. Н. Макс Шелер как социолог науки // Концепции науки в буржуазной философии и социологии (вторая половина XIX–XX в.): сб. ст. / отв. ред. Н. И. Родный, П. П. Гайденко, Б. С. Грязнов. – М., 1973.

ФИЛОСОФИЯ: СТУДЕНТ И ТВОРЧЕСТВО

Н. Ф. Свобода, О. В. Фадеева

Круг проблем, вписывающихся в тему «Студент и творчество», объемлен. Это и свобода выбора организационных форм, источников творчества, программное обеспечение. Это и свобода от косности и неоправданных новаций, сохранение традиций. Каждый из этих элементов заслуживает отдельного и обстоятельного разговора, для которого в рамках этой статьи возможности нет. Одно ясно и без подробного анализа: лишь освоение пространства творчества сможет по-настоящему сделать обучение адекватным самому себе.

Само по себе и ученичество в определенном смысле – тоже творчество, но здесь возможна и другая крайность: учеба перейдет в беспомощность, и это действительно может случиться в том случае, если эта учеба не будет

сопутствовать творчеству – вернее творческому процессу, не как следование образцу, не синхронно, не параллельно, а нераздельно. Одновременно учеба и творчество, то есть, когда учась, созидаете и, созидая, творя – учитесь. Что здесь может сделать философия?

Философия открывает мир проблем и учит жить в противоречиях. Значимость этого явления трудно переоценить, и желание поразмышлять на эту тему более чем естественно. Правда, наши размышления ограничатся только проблемой творческого восприятия студентом обучения. И студент нас будет интересовать как субъект, определенным образом познающий определенную сферу: философский способ видения в непрофильном вузе.

Но что такое творчество? В самом общем виде – это поиск ответов на вопросы и проблемы, для решения которых у каждого из нас лично нет готовых способов, методов, приемов. Подчеркнем: лично у каждого из нас. Поэтому в роли творца может выступать любой человек, а тем более преподаватель и студент. Только студент (в отличие от преподавателя, например) будет искать свои способы для решения уже решенных задач, заново открывать открытое. Это – сверхзадача, которую надо понимать и ставить как сверхзадачу, решая задачи конкретные, осязаемые и, подчас, просто невыполнимые.

Сколь бы прагматичными ни были программы негуманитарных направлений, где практически уже идет формирование будущих «узких» специалистов, преподавание философии остается и там «способом воздействия», который ставит студента в ситуацию выбора, заставляет «додумывать мировоззренческие вопросы до конца», требует ответственного самоопределения.

Творчество – не столько поиск новых смыслов, сколько столкновение смыслов как таковых. Именно эти столкновения и расширяют пространство нашего понимания или непонимания – что, в сущности, единое целое – мира. Однако примет ли студент, в конце концов, какое-либо мнение за свое, или, несмотря ни на что, сумеет определиться с собственным?

В философии, как и в жизни, выбор варианта, представляющегося наилучшим, совершается благодаря способности человека осознать, прочувствовать, предусмотреть сложную систему взаимосвязей, взаимодействий. В общественной и индивидуальной жизни многослойны и запутаны причинно-следственные связи, многообразны представления о добре и зле, где, наконец, «нет» подчас столь же продвигает человеческое сознание в развитии, как и «да». Осознать ошибочный путь – значит определить свое действие не только в одной конкретной ситуации, но и во множестве аналогичных, смежных и даже далеко отстающих.

Вот почему философия не исключает из своего рассмотрения неправильный путь, а прослеживает его, благодаря многообразным возможностям выразить авторскую позицию. Многообразие возможностей – это и методы познания, системы отсчета, варианты суждений (неизменные при переходе от одной системы к другой). И чем в большей степени объяснение фактов исходит из самых широких и общих принципов, тем больше это объяснение подводит человека к необходимой оценке (всесторонней, универсальной) выбора пути, подкладывая лично пережитое в мысли и прочувствованное под эту схему выбора, тем самым делая ее эмоционально и интеллектуально значимой.

Полагаем, есть три обстоятельства, которые обуславливают собою и

сделают понятным для студента философский способ познания мира, отличие этого способа от религиозного при размышлении о жизнесмысловых вопросах.

Во-первых, ориентация на идею творчески мыслительного пространства. Важно научиться воспринимать творчество как прямую и непосредственную, но логически структурно-обоснованную данность.

Учиться мыслить широко. Эта, на первый взгляд, банальность – необходимое условие творчества. Обычно в само понятие творчества вкладывают оттенок чего-то желательного, но почти недостижимого. Мифологизированные представления отражают как нынешнее отношение студентов к обучению, так и уровень знаний о творчестве для значительного числа тех, кто начинает образование. Поэтому проблема творчества студента при освоении философии превращается, выходя за пределы этой специальной области, в общую проблему всей системы познания. Простая мысль – обязательность значительных собственных усилий обучаемого в формировании профессиональных качеств – может не приниматься как очевидная. Как следствие – ориентация на однозначное описание и объяснение. И как дополнение к этому – игнорирование творчества в самом процессе обучения. Даже если оставить без внимания примеры равнодушного и скучающего школярства. Сферу творчества не обозначить точнее, кроме как указав на то, что это сфера индивидуальных реакций на мир и на других людей, сфера ценностей и оценок, область отношений, область идей. Она независима от способа применения, но становится не возможной, когда ее извлекают из сопутствующих ей обстоятельств.

И есть только один путь решения проблемы превращения общественной энергии духовной культуры в энергию собственной духовной культуры: не противопоставлять обучение творчеству, усвоение чужих знаний – самостоятельной работе мысли (якобы, сначала одно, потом другое). Ведь обучение без самостоятельного, индивидуального творчества – усвоение готового знания (воспроизводство – необходимое, но, не единственно необходимое начало творчества). В свою очередь, творчество без постоянного, систематического обучения – не более чем иллюзия.

Во-вторых, в подготовке студентов важна не только учебная дисциплина, но и то, «кто» и «как» учит. Какие отношения можно рассматривать как своего рода ориентир в проблеме связей между преподавателем и студентом? Традиционно в этом ориентире подчеркивается важная роль непосредственного воздействия личности преподавателя (а не только передачи им знаний, умений, навыков) на становление индивидуальности студента. Познание и общение нераздельны. Ибо только в общении раскрывается и содержание учебного предмета, и непосредственно выражаемое личностно-причастное отношение к нему. Вряд ли какое-либо новаторство в этом аспекте отменит личностную совместимость как необходимое условие обучения. От преподавателя требуется убежденность, что в пространстве образования все искатели истины равноправны. Здесь никакого значения не имеет статус, возраст и место. Значение имеет обостренное внимание к каждой неясности, в чьей бы голове она не возникла.

В-третьих, обучение философии все-таки начинается с литературы. Нужна ясная и продуманная программа приобщения студентов к философскому наследию. Главный критерий отбора первоисточников – ориентация авторов на утверждение духовного самостояния человека.

Кроме того, чистота философского языка – это не только возможность наслаждения словом (а без наслаждения словом как увлечься?!), но и возможность культивирования собственного ума. Материал, над которым студенту предстоит трудиться, должен давать стимул для поиска, открывать возможность творчества. А иначе нет смысла в работе с ним. Студент должен чувствовать себя современником автора и одновременно действующим вместе с последним здесь и сейчас. В чем секрет вовлеченности в мастерскую философа? Есть чисто интеллектуальное удовольствие от перенесения в этот мир, от сочетания возникающих в сознании образов, мыслеобразов и в то же время точного языка. Самый акт отдачи своего сознания – чьему-то другому сознанию – есть во всем этом сильное воздействие: творческий акт философа, который становится собственным творческим актом. Сознание личного понимания и его передача другим есть творчество. Конечно, на учебном занятии обеспечить эту вовлеченность чрезвычайно трудно. Малейший шум рвет внимание, делает невозможным сосредоточенность.

Тема «Студент и творчество» имеет историю. И, тем не менее, вопрос о том, почему необходимы исследования этой области, не только возникает снова и снова, но и на него все еще приходится отвечать.

С философской стороны смысловой контекст представлений о творчестве студента может быть сформулирован в виде принципа гносеологического оптимизма. Он утверждает осмысленность его деятельности, возможность достижения цели, способность студента к самопознанию. Уверенность в том, что усилия преподавателя не бесцельны, а цели – принципиально реализуемы, позволяет рационализировать учебную деятельность.

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

---

*Светские и религиозные компоненты образования, их роль
в формировании мировоззрения современного человека*

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И. В. Котляров

Огромную роль в решении многочисленных современных проблем играет церковь. Религиозный фактор на протяжении всей истории человечества влиял на социокультурное развитие общества, на государственные, межнациональные отношения, политику, экономику, семью через деятельность верующих индивидов, групп, организаций. Определенные религиозные ценности и целевые установки способствовали развитию или упадку общественных отношений. В жизни современного белорусского общества церковь является значимым морально-этическим центром и важным источником общечеловеческих ценностей. В различных социальных слоях и группах белорусского общества растет глубинная потребность в духовных ценностях, в их постоянном постижении и осмыслении. Ответы на это стремление помогает получить Церковь. Заботясь о развитии личности, она никогда не забывает о главном, что выделяет человека из окружающего мира – его духовной и нравственной составляющей. Именно душа человека, его возможность свободно выбирать между добром и злом являются его отличительными свойствами среди прочего Божественного творения. Церковь ведет большую, целенаправленную работу по воспитанию морально-нравственных ценностей людей, помогает обрести внутреннюю целостность личности, крепость семьи и общественных отношений. Белорусское государство и церковь, не подменяя друг друга, многое делают для духовного совершенствования белорусского общества и народа. Соединение усилий церкви и общественности помогают сохранять и приумножать великое наследие наших предков.

Белорусская Православная Церковь как исторически традиционная конфессия играет важнейшую роль в духовном совершенствовании белорусского народа. В настоящее время Белорусская православная церковь, используя свой богатый многовековой опыт духовного служения, формирует у людей высокие гражданские и нравственные качества, являясь основой конфессионального мира и стабильности. Белорусское государство особо ценит общепризнанный авторитет православия в обществе, высокое доверие православных иерархов, к слову которых прислушиваются миллионы соотечественников. Их патриотическая и нравственная позиция поддерживается подавляющим большинством граждан Беларуси. По данным социологического мониторинга, проводимого Институтом

социологии НАН Беларуси с 1990 года, православная церковь стабильно занимает второе место в рейтинге доверия основных социальных институтов страны после Президента страны.

Президент Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко неоднократно подчеркивал, что в том, что на белорусской земле не упала ни одна капля крови в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, огромная заслуга православия. Он отмечал, что основой духовно-нравственного развития белорусского общества являются православные ценности. Как результат, в Беларуси процессы сотрудничества православия и государства идут прогрессирующими темпами. Десять лет назад было подписано Соглашение о сотрудничестве между правительством Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью. Данное Соглашение отражает конституционные нормы взаимоотношений государства и церкви, соответствует гражданскому законодательству Республики Беларусь. Оно полностью отвечает интересам белорусского народа и не ущемляет ни одну из конфессий, а также граждан республики на свободу совести и свободу вероисповедания.

Благодаря православным ценностям через семью, образование, культуру, средства массовой информации у людей формируется комплекс морально-нравственных норм и принципов, связанных с нравственным поведением и своеобразием в общественном сознании и поведении. Среди них такие морально-нравственные качества, как патриотизм, любовь к Отечеству, героизм, нравственная целостность, сила духа, верность, долг, ответственность, трудолюбие, творчество, преданность, честь, достоинство, солидарность, доверчивость, самопожертвование, уважительность и т. д.

Республика Беларусь как светское демократическое государство признает церковь как один из важнейших социальных институтов, сохраняющий духовные и культурные ценности белорусского народа. Церкви гарантируется свобода внутренней организации, исполнения культовых обрядов и иных видов деятельности, а также право церковной юрисдикции на своей канонической территории в рамках законодательства Республики Беларусь. С другой стороны, церковь признается роль белорусского государства как гаранта сохранения духовных и культурных традиций народа, в том числе, исторически сформировавшихся под влиянием церкви. Отношение церкви к государству базируется на принципе уважения к нему как социальному институту, призванному обеспечивать общественный порядок, защищать национальные интересы и нравственность, охранять духовные и культурные ценности белорусского народа.

Мониторинговые социологические исследования показывают, что среди верующих с православием отождествляют себя 80,0 процентов, с католицизмом – 8,5 процентов, с протестантизмом – 0,6 процента. Православие, как утверждают многие респонденты, представляется одной из главных форм мировоззрения белорусского народа, вплетенных в его духовную и материальную жизнь. Православное мировоззрение сыграло огромную роль в возникновении и развитии белорусской государственности.

Половина респондентов считает, что выжить им в сложнейших ситуациях помогает именно вера в Бога. Чуть менее четверти опрошенных убеждены, что она помогает во всех ситуациях, шестая часть – в большинстве случаев, пятая часть –

только в некоторых ситуациях.

Почему воздействие религии на общество сегодня так велико? Потому что в современном обществе отсутствуют понятные и принятые им светские выходы из затяжного морального и социального кризиса. Выступление православия в защиту прав и достоинства простых людей, активная борьба против бездуховности и цинизма, наркомании и половой распущенности, сиротства при живых родителях детерминируют рост доверия и авторитета религии.

Социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, в очередной раз подтвердили, что Церковь, особенно Православная, многое делает для своего народа. Первые десятилетия драматического XXI столетия показали, насколько хрупок земной мир. Жизнь показала, что без духовно-нравственной составляющей общественной жизни разрушается государство, останавливается экономика, гибнет культура, вырождается наука. Без духовности прекращается прогресс, становятся бесполезными самые глубокие научные знания, самые новейшие технологии. Современный человек, погруженный в омут греха, становится рабом страстей и страхов, денег и вещей. Многие люди утратили чувство ответственности и долга, взаимного уважения и доверия, сострадания и решимости постоять за правду и справедливость; подходят к жизни с позицией «выгодно или невыгодно». Возрождается фашизм в идеологическом, политическом, физическом, ментальном и духовном смысле. В последнее время потеряна значимость нравственного, духовного, эстетического воспитания через изучение истории белорусского государства, его основных государственно образующих религий. Поэтому система образования и воспитания во многих странах должна строиться на религиозных ценностях и богословии, вероучениях и православной морали. Это правильно, так как образование не сможет выполнить свою основную функцию, если его не наполнить высшими духовными ценностями. В наше непростое время это может сделать, прежде всего, православное воспитание и образование в системе всей идеологической деятельности страны.

В современной образовательной системе, особенно в школе, православное обучение может иметь особую значимость. На занятиях могут быть всесторонне изучены и обсуждены Библия, апостольские тексты, религиозные памятники и православные традиции страны как составляющие национального менталитета, в целом все православное наследие. Православное образование помогает приоткрыть завесу вечности, приблизиться к нескончаемому, постичь глубину милосердия Божия. Оно помогает ученику, слушателю, студенту глубже понять православную веру как составляющую смысла и цели жизни и основу определяющих, системообразующих ценностей и приоритетов. Важно сделать все, чтобы православное образование органически вписывалось в образовательную систему каждой страны, чтобы все проблемы успешно решались.

Социологические исследования показывают, что образование и воспитание должны идти рядом, рука об руку. Необходимо развивать в детях и подростках, школьниках и студентах нравственное чувство, приверженность исконным духовным ценностям, любовь к Родине, его истории, культуре и языку. Следует постоянно показывать подрастающему поколению разрушительность и пагубность пороков, преступлений, морального нигилизма, вражды и розни, гражданской безответственности. От воспитания новых поколений зависит будущее страны,

причем не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени, чем от политики или экономики. Человек, не воспитанный на основе нравственных, духовных традиций, не может быть истинным патриотом своего Отечества. Вот почему формирование православной системы воспитания должно стать не только государственной, но и общенародной заботой.

В последнее время на научных конференциях неоднократно поднимается вопрос о соотношении дефиниций: «светское государство» и «религиозное образование». Под «светским государством» необходимо понимать то государство, где оно не вправе вмешиваться в деятельность церкви, если та, в свою очередь, не нарушает действующее законодательство. При этом никакая религия не может быть установлена в качестве государственной. Правда, некоторые политики и исследователи утверждают, что в светском государстве ни одна из религий не может иметь статуса предпочтительной, и конечно, не может даже идти речь о религиозном образовании в учебных заведениях.

А вот это, мягко говоря, не совсем верно. Конституции сорока трех стран закрепляют привилегированное положение одной из религий в обществе. Конституция Греции провозглашает господствующей православную церковь, но это не означает ущемления прав других верующих. Все религии делятся на «признаваемые» и нежелательные. Право на определение статуса религии сохраняют за собой светские учреждения.

Конституция Федеративной Республики Германии объявляет «свободу вероисповедания, свободу провозглашения религиозных и общественных взглядов нерушимыми» (ст. 4). Однако две религиозные организации (католическая и лютеранская церковь) получают значительные преимущества по отношению к другим. В Основном законе страны подчеркнуто: «Религиозное обучение является в государственных школах, за исключением не конфессиональных, обязательным предметом. Без ущерба для права надзора государства религиозное обучение проводится в соответствии с основными принципами религиозных общин».

Пункт 3 ст. 16.1 Конституции Испании гласит: «Никакое верование не может иметь характера государственной религии. Публичные власти должны принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать вытекающие из этого отношения сотрудничества с католической церковью и другими конфессиями».

Конституция Итальянской Республики провозглашает отделение церкви от государства, равенство всех граждан вне зависимости от вероисповедания. Однако в стране определена особая роль католицизма, послужившая причиной заключения Конкордата (соглашения между правительством Италии и Ватиканом). Конституция Италии не содержит норм, напрямую регламентирующих вопрос о религиозном образовании. В статье 7 Конституции Италии указывается, что государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере, а их отношения регулируются Латеранскими соглашениями. Являющийся неотъемлемой частью Латеранских соглашений новый Конкордат 1984 года предусматривает, что «Итальянская республика, признавая ценность религиозной культуры и учитывая, что принципы католицизма являются историческим наследием итальянского народа, в общих целях образования будет продолжать преподавание католической религии в государственных учебных заведениях, кроме университетских».

Конечно, есть и другие примеры. В США действует система полного отделения религиозных организаций от государства. Здесь категорически запрещено преподавание любой религии в государственных школах. Хотите преподавать религию, организуйте католическую или православную школу за свой счет. Во Франции религия полностью отделена от государства. Там категорически запрещено ученикам ходить в школы в хеджабах. В Америке и Франции даже запретили носить христианские символы – кресты поверх одежды.

Учитывая вышеизложенное, в Беларуси важно закрепить в качестве главенствующей, традиционной, основополагающей, системообразующей одну из религий, внесшей наибольший вклад в развитие их государств. В православных странах такой религией может стать православие. Основы этой религии должны обязательно преподаваться в этих странах в учебных заведениях.

Определенные сдвиги в этом направлении намечались и в белорусском законодательстве. В то время, когда я возглавлял комиссию по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва, депутаты белорусского парламента, правда, с огромным трудом, внесли изменения в Закон Республики Беларусь «Об образовании». В ч. 3 ст. 1 сказано: «Учреждения образования в вопросах воспитательной деятельности на основании письменных заявлений законных представителей детей (самых совершеннолетних обучающихся) могут взаимодействовать с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». При помощи этой статьи нам удалось приоткрыть дверь в школу, но Кодекс об образовании Республики Беларусь ее захлопнул.

Сегодня важно открыть дорогу верующим людям в школы, университеты, культурные учреждения. Необходимо ввести в национальное законодательство дефиницию «традиционная» религия со всеми вытекающими отсюда последствиями, добиться законодательного запрещения деструктивных сект и преподавания религиозного предмета. Современный религиозный предмет (точно не определяя его название) может решать четыре важнейшие проблемы.

Во-первых, будет помогать современным школьникам и студентам более глубоко понимать православную веру в контексте смысла жизни в целом и в качестве формирования основных общечеловеческих ценностей и приоритетов. В общем, религия предстанет в качестве главного ответа на центральные проблемы существования и бытия человека, разыскивающего свои ориентиры, что является особо важным сегодня, в эпоху уничтожения важнейших ценностей и расширения «пустого» бытия.

Во-вторых, будет возрастать роль православия в формировании культуры наших государств, в сохранении особенной идентичности православных народов. Молодежь обязана осознать общественную важность православной морали, значение общества, основанного на уважении личности, культуры общества как противовес современной эгоистичной человекоцентричности.

В-третьих, принимая во внимание, что европейская культура носит неизгладимую печать христианства, религиозный предмет должен стать уроком европейского самосознания. Дети должны понимать значение христианского наследия в деле дальнейшего развития современной Европы, европейский аспект

православия и его роль в дальнейшем развитии современного человечества.

В-четвертых, в эпоху, когда многим кажется, что религии формируют людей, пронизанных фундаментализмом, раскольническими идеями и фанатизмом, что ведет к «столкновению культур», школьное религиозное образование должно быть направлено на мир и межкультурную толерантность, а также на уважение иной точки зрения, воспитание духа диалога и сотрудничества. В этом смысле, религиозный предмет является уроком «экуменической» идентичности или «культуры человечества» и предоставит новому поколению достоверную информацию и о других религиях, подчеркивая важность межрелигиозного подхода и диалога.

Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время вся православная Европа, да и не только, делает ориентир на развитие православных воспитания и образования, считает необходимым преподавание православного религиозного предмета во всех учебных заведениях. Европа прекрасно понимает, что история живописи, архитектуры, литературы на протяжении многих столетий тесно связана с религиозными мотивами. Не зная их, невозможно понять искусство. Знание основ мировых религий, а в Беларуси – прежде всего, православия – это такой же элемент общечеловеческой культуры, как литература, музыка, живопись, театр. В Европе хорошо знают, что Пушкин и Достоевский были воспитаны православной культурой. Православное воспитание – это иммунитет от пошлости. Восприятие информации через призму национальной православной культуры позволяет через душевную радость жить по принципу созидания, а не разрушения. К сожалению, это не всегда понимают в одном из самых православных государств мира – Республике Беларусь.

Конечно, в вопросах преподавания православного религиозного предмета есть достаточно проблем. Явно не хватает высококвалифицированных преподавателей для его преподавания. Для того чтобы в школах, колледжах, вузах от имени православия не проповедовались примитивные вещи, необходим двойной контроль. С одной стороны, церковь должна нести полную ответственность за преподавателей, насколько они компетентны, чтобы на высочайшем уровне представлять православные ценности, идеалы и традицию, учить их. С другой стороны, государство должно помогать таким учителям, взять над ними постоянное шефство.

В данном случае выбор очень прост: либо мы оставляем мирян – взрослых и маленьких, детей и учителей – один на один со стихией религиозной иррациональности в мире бескультурья, примитивнейших религиозных и магических действий, которые проповедуются на каждом шагу. Либо мы даем им возможность прикоснуться к сокровищам человеческой религиозной мысли. А это может делать и богословие, и религиозная философия.

Явно не хватает в республике качественной православной литературы. И это в то время, когда у нас в Минске на высоком профессиональном уровне работает издательство Белорусского экзархата. Однако его литература не доходит до потребителей.

Есть и другие проблемы. Следует особо подчеркнуть, что это все ставит новые задачи перед национальной элитой, так как именно она диктует, как будет развиваться дальше белорусское общество.

Социологические исследования показывают, что сегодня многие понимают,

что будущее Беларуси возможно только в контексте следования традициям православной культуры, что, конечно, не исключает возможности использования общемирового опыта, однако при условии его адаптации к белорусским социокультурным реалиям. Необходимо идти своим путем, предназначенным Богом. Только через Православную веру можно установить незримую связь между умом и сердцем, земным и небесным.

Что же касается духа и атмосферы нашего высокого форума, то мне хотелось бы выразить наши общие намерения словами святого апостола Павла, именуемого в Церкви «апостолом народов»: «Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем; но, отвергнув скрытные постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом» (2 Кор 4: 1–2).

Устами святого апостола Павла Господь призывает нас жить в любви (Еф.5, 2), а не в ненависти (Гал.5, 21), в скорби быть терпеливыми (Рим. 12. 12), делать людям как можно больше добра (2 Кор. 13, 7), утешаться надеждой (Рим. 12, 12) и в вере быть непоколебимыми (Кор.1, 23).

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВКЛЮЧЕНИЯ КУРСА
О РЕЛИГИИ / РЕЛИГИЯХ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ В БЕЛАРУСИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
2011–2013 гг., Г. МИНСК)***

С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова

В последние годы в Беларуси нередко звучит мнение о том, что одним из условий оптимизации воспитательного процесса в школе может стать сотрудничество светских и конфессиональных институтов в образовательной сфере. Вопрос о включении курсов на тему религии в школьную программу еще не обсуждался широко ни в публичной сфере, ни в образовательных структурах. Однако он уже получает практическое решение – в стихийной форме. Под давлением неявной, но устойчивой общественной потребности в знаниях о религии соответствующие курсы уже стали в Беларуси частью школьного обучения: пусть эпизодически, пусть в авторском исполнении, – но они уже ведутся во многих школах страны. Как правило, это курсы про-православного или православного содержания, что обусловлено не только исторической ролью этой христианской конфессии в Беларуси, но и наличием соглашения о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь (МО РБ) и Белорусской Православной Церковью (БПЦ), подписанного в очередной раз 8 апреля 2011 г. (предыдущие соглашения действовали в 2004–2006 гг. и 2007–2010 гг.). В отдельных школах курсы на тему религии разрабатываются заинтересованными в них православно-ориентированными педагогами и имеют авторский (а по сути – случайный) характер. Очевидно, что такие курсы не могут служить основой для разработки общенациональной модели. Общегосударственный курс должен стать

---

* Результаты научно-исследовательской работы получены при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований

результатом долгих совещательных усилий целой группы специалистов разного профиля. Однако уже сейчас случается, что инициаторы авторских программ обращаются в государственные образовательные структуры, предлагая свои наработки в качестве стандарта для всей системы школьного образования. Это создает риск принятия преждевременного решения. Причем не только в содержательном плане, когда чье-то отдельное видение предмета может быть взято за общую модель, но также и в плане конфессиональном. Нельзя упускать из виду право на присутствие в школьном курсе о религиях не только православной, но и других традиционных для Беларуси религий и конфессий, которые еще не имеют формально закрепленного опыта сотрудничества с Министерством образования.

Чтобы создать фильтр на пути продвижения случайных авторских программ в качестве моделей общенационального курса на тему религии, а также с целью изучения действительных настроений в обществе относительно перспектив введения такого курса, центр религиоведческих исследований (ЦРИ) факультета философии и социальных наук (ФФСН) Белорусского государственного университета (БГУ) открыл в 2011 г. перспективное направление социологических исследований по данному вопросу.

Истоки проблемы. После выхода Беларуси в 1991 г. из состава СССР реформирование ее социальной сферы затронуло и систему образования. Образовательная реформа проходила в условиях радикальных мировоззренческих трансформаций и возрождения конфессиональной сферы белорусского общества. Острая потребность в новых идейных и ценностных ориентирах обусловила массовый возврат населения страны к религиозным смыслам. Эта переориентация оказалась особенно ощутимой для системы среднего образования – важнейшего (после семьи) агента социализации, во многом формирующего личность. Первоначально, в 1990–2000-е гг., интеграция религиозных идей и ценностей в школьное образование носила обширный, спонтанный, поисково-экспериментальный характер. По мере стабилизации конфессиональной структуры белорусского общества и развития законодательства взаимодействие религиозных и государственных институтов в образовательной сфере стало приобретать организованный характер.

Конституция Республики Беларусь в редакции 2004 г. (разд. I, ст.ст. 4, 5, 12, 14, 16, разд. II, ст.ст. 31, 33), закон «О свободе совести и религиозных организациях» в редакции 2002 г. (ст. 9), Кодекс об образовании в редакции 2010 г. (ст. 2, пп. 1.10, 3, 4) – заложили основу для эффективного правового регулирования механизмов сотрудничества государства и религиозных организаций в сфере образования. Эти документы закрепили правовые принципы:

1) светскости белорусского государства (в части равенства всех религий и вероисповеданий перед законом);

2) светскости государственной системы образования,

3) поликонфессиональности белорусского общества.

Для системы общего среднего образования это означает, что в ее содержание могут быть интегрированы только такие сведения о религии / религиях, которые:

– имеют светское (религиоведческое) содержание;

– равноправно (правда, не равнозначно) представляют традиционно

действующие на территории страны религии.

Принципиально новым фактором государственно-конфессиональных отношений стало подписание в 2003 г. программы сотрудничества между МО РБ и БПЦ – в рамках соглашения между государством и церковью от 12.06.2003 г.

Легализуя сотрудничество светского государства и религиозной организации, эта программа правомерно выводила их взаимодействие за рамки государственных учреждений образования в социально-культурную сферу. Акцент ставился на *воспитательный* эффект сотрудничества, но не на *образовательный*. Это специально регулировалось положением «О порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24.06.2011 г. В развитие этого положения письмом Министерства образования Республики Беларусь № 12-02-136661/дс от 20.12.2011 г. были утверждены методические рекомендации по организации сотрудничества учреждений образования с БПЦ в рамках действующего законодательства и Программы сотрудничества между государством и церковью на 2011–2014 гг. Акцент в документе еще раз был сделан на *воспитательные* формы сотрудничества.

Таким образом, даже в условиях действия соглашения о сотрудничестве между Министерством образования и православной церковью вопрос о введении *учебных* курсов о религии, в частности о православии, в школьную программу – на государственном уровне не ставился и не ставится, в соответствии с законодательно закрепленным светским характером государственного образования.

Однако изучение общественного мнения, а также анализ практики школьных инициатив по включению знаний о религии в учебный процесс показывает, что *вопрос о разработке и введении* подобного курса в школьную программу в настоящее время *актуален*.

Такое включение возможно без нарушения конституционного принципа светскости государственной системы образования – через разработку именно *светского* курса о религии / религиях. Для этого необходимо строгое теоретическое и юридическое различие *религиозного (вероучительного)* и *светского (религиоведческого)* подходов к преподаванию знаний о религии. Устойчивая культура такого различения еще не сформировалась в белорусском обществе, причем не только на уровне массового сознания, но и в среде специалистов-гуманитариев, а также в среде государственных служащих системы образования. В частности по этой причине сложилась некоторая напряженность между правомерной, но жесткой государственной установкой на исключение знаний о религии из школьной программы (в силу их понимания как только религиозных) и общественной потребностью в таких знаниях. Между тем, осознание и разъяснение различия между религиозным и светским подходами к преподаванию знаний о религии могло бы создать условия для рассмотрения вопроса о законном включении общественно необходимых сведений о религии в школьное обучение.

Различие между религиозным и светским подходами к знаниям о религии основано на понимании специфики двух основных типов мировоззрения и образа жизни – *религиозного* и *светского*. Их радикальное отличие определяется

отношением к идее трансцендентного начала.

Религия утверждает безусловное доверие и служение трансцендентному идеалу (Богу или др.) как гаранту подлинной (вечной) жизни.

Светскость исключает трансцендентное начало из картины мира и опирается на *гуманистический* принцип безусловной ценности разума и свободной (способной к добру) воли человека.

Внутри каждой из этих сфер – религиозной и светской – формируется свой способ трансляции знаний о религии, а именно: *религиозное образование* и *образование в вопросах религии*.

Религиозное образование представляет собой *форму религиозной деятельности*, состоящую в передаче истин традиции детям последователей или вновь обращенным людям. Это – *вероучительное* образование (обучение основам веры, приобщение к религиозному смыслу и образу жизни данной религии), которое осуществляется внутри традиции старшими поколениями последователей в отношении младших и / или религиозными специалистами (священнослужителями, религиозными просветителями, др.) в отношении всех последователей и внешнего мира.

Светское образование на тему религии представляет собой сферу социальной деятельности государства по образованию (обучению и воспитанию) граждан путем сообщения им объективной – научно достоверной и мировоззренчески нейтральной – информации о религии в целом как сфере жизни человека и общества или о конкретной религиозной традиции (традициях) в частности. Под мировоззренческой нейтральностью понимается такое изложение сведений о религии, которое не требует безусловного признания реальности трансцендентного начала (предмета веры). Это – *религиоведческое* образование, основанное на *научном* изучении религии / религий; оно формирует осведомленность в вопросах религии без формирования религиозной позиции.

Понимание различия этих двух базовых принципов жизни – религиозного и светского (гуманистического) – позволяет определить мировоззренческий характер той или иной конкретной учебной программы на тему религии. Независимо от декларируемого ее создателями принципа составления, ее действительное содержание проявится в стиле изложения, который автоматически отражает жизненные установки авторов. Если в программе, характеризующей религиозную традицию, используются лексика, речевые обороты и аргументы самой традиции, то, скорее всего, программа носит религиозный (вероучительный) характер. Если рассказ о религии строится с помощью общеупотребительной светской лексики, как отстраненное повествование, то программа отвечает требованиям светскости образования.

С целью изучения мнения основных участников образовательного процесса о перспективах введения курса о религии / религиях в школьную программу, а также определения оптимального формата курса ЦРИ ФФСН БГУ организовал проведение двух этапов социологического исследования.

На первом этапе, в апреле-мае 2011 г., был проведен анкетный опрос старших школьников – учащихся 9–11-х классов средних школ г. Минска (объем выборочной совокупности 483 человека), а также родителей учащихся минских школ (объем выборочной совокупности 436 человек).

На втором этапе исследования в 2013 г. было организовано три интервью с

педагогами минских школ методом фокус групп (две группы – педагоги-предметники, одна группа – руководители общеобразовательных учреждений) и проведен анкетный опрос педагогов города (объем выборочной совокупности 500 человек).

Отбор респондентов осуществлялся *пропорционально числу учреждений образования в административных районах* г. Минска с учетом вида учреждений образования.

Важным элементом исследования стал выбор термина для обозначения учебного курса на тему религии. Термин «учебный курс о религии / религиях» был признан оптимальным. Он заменяет привычные постсоветские клише «основы православной культуры», «православная культура», «религиозная культура», «духовная культура», «духовно-нравственная культура» и т.п. Эти термины скорее камуфлируют религиозное содержание школьного курса, чем уходят от него. Нельзя говорить о религиозной культуре, не раскрывая суть религиозного учения, что все равно приводит к сообщению в курсе сведений о религии. Под духовностью же понимается либо воля человека к рациональному выбору добра, и тогда речь идет о светской этике, либо воля человека к служению трансцендентному идеалу, и тогда речь идет о принципах религиозной жизни, т.е. о вероучительных истинах.

Термин «курс о религии / религиях» прямо, без обиняков указывает на предмет изучения – религию, как универсальный социально-культурный феномен и / или как конкретную традицию. Однако грамматическая структура термина подчеркивает, что речь идет о религии как историко-культурном феномене, а не о ее истинах. В то же время, термин отличается высокой общностью. В условиях, когда в обществе еще не сформирована культура различения религиозных (вероучительных) и светских (религиоведческих) знаний, он не заостряет это различие. С одной стороны, он противоположен термину «религиозный курс», с другой, он шире данного термина, может быть понят также и в религиозном ключе. Таким образом, термин «курс о религии / религиях», с одной стороны, отличается предметной и мировоззренческой определенностью, с другой, допускает широкое мировоззренческое толкование. Это позволяет респондентам отвечать на вопросы исследования в ключе любого привычного им понимания курса.

Ключевые блоки данных исследования характеризуют отношение респондентов к возможному введению знаний о религии в школу следующим образом.

Старшеклассники, родители школьников и педагоги школ г. Минска дают в целом высокую оценку *роли религии* в жизни общества и человека (см. Таблицу 1). Причем для всех групп респондентов характерна (хотя и слабо выраженная) тенденция оценивать положительное влияние религии на жизнь абстрактного человека выше, чем на свою собственную.

Таблица 1. Оценка респондентами влияния религии на жизнь общества, человека и их собственную

Отметили «положительное» и «скорее положительное»	...общества, в %	...человека, в %	...собственную, в %
---	---------------------	---------------------	------------------------

влияние религии на жизнь...			
Старшеклассники	81,6	85,4	66,6
Родители	91,6	84,7	84,4
Педагоги	91,7	94,1	91,6

Все группы респондентов демонстрируют определенную степень *осведомленности* относительно существующих религий и конфессий. Однако осведомленность оказывается поверхностной, случайной, не соответствующей действительной конфессиональной ситуации в Беларуси (см. Таблицы 2, 3). Далеко не самая значительная часть опрошенных старшеклассников и родителей упомянули в первую очередь православие и католицизм, которые являются наиболее давними, значимыми и многочисленными конфессиями в Беларуси, многообразно представленными к тому же в ее социально-культурной жизни (достаточно напомнить, что один из основных праздников православия и католицизма – Рождество – дважды, в соответствии с разными стилями летоисчисления, включен в государственный календарь).

Таблица 2. Осведомленность групп респондентов о религиях: старшеклассники, родители*

Известные респондентам религии** (открытый вопрос)	В % от числа ответов	
	Старшеклассники	Родители
Христианство	15,6	24,4
Православие	13,2	8,0
Католицизм	15,7	17,6
Протестантизм	6,0	0,3
Ислам	16,8	19,9
Буддизм	20,8	17,5
Гностицизм	0,1	–
[Традиционные этнические религии]***	10,2	8,0
[Нетрадиционные религиозные движения]****	1,5	1,6
Всего	100,0 %	100,0 %

* 94 % учеников старших классов и 90,8% родителей назвали хотя бы одну известную им религию, конфессию

** Вопрос был открытым, так что список религий составлен из тех наименований, которые были предложены респондентами. Обозначения религий также сохранены в редакции респондентов.

*** В эту группу при обработке данных были объединены следующие религии (по причине многообразия и единичности их упоминаний): из анкет старшеклассников: иудаизм (124 ответа), конфуцианство (59), индуизм (38), синтоизм (26); из анкет родителей: иудаизм (87 ответов), индуизм (15), синтоизм (6).

**** В эту группу были объединены новые для Беларуси конфессии: из анкет старшеклассников: иеговисты (9 ответов), сатанизм (8), саентология (6), растафарианство (3), пятидесятничество (1), «евангелизм» (1), вуду (1), христиане

веры евангельской (1), харизматы (1), эзотерики (1); из анкет родителей: иеговисты (6 ответов), адвентисты (3), кришнаиты (3), евангелисты (2), пятидесятники (2), вуду (1).

Аналогичной оказалась ситуация в педагогической среде, когда характеризуя известные им религии, педагоги сделали акцент либо на те конфессии, которые сегодня активно представлены в средствах массовой информации, либо на традиционные для Беларуси.

Таблица 3. Осведомленность педагогических работников о религиях

Известные респондентам религии (открытый вопрос)	В % от числа ответов
Христианство	14,9
Православие	8,9
Католицизм	10,2
Протестантизм	3,9
Иудаизм	12,5
Ислам	20,6
Буддизм	18,3
Язычество*	0,5
Зороастризм*	0,4
Индуизм*	3,6
Конфуцианство*	2,7
Даосизм*	1,5
Синтоизм*	1,9
Не знаю	0,0
Всего	100,0 %

* Отмеченные традиции составляют группу этнических политеистических (или иначе: языческих) систем; в сумме их общий показатель составляет 10,6 %.

Полученные данные могут свидетельствовать либо о неотрефлексированности у респондентов собственного религиозно-культурного контекста (когда нечто далекое экзотическое распознается, а нечто свое, близкое, служащее тканью повседневной жизни, не замечается), либо о несовпадении информационных пространств и стилей коммуникации христианских конфессий и групп респондентов, представляющих светское население.

Предпочтительной формой введения курса большинство опрошенных называет *факультативную* (см. Таблицы 4, 5).

Таблица 4. Мнение об учебном статусе курса о религии / религиях: старшекласники, родители

Как должны изучаться сведения о религиях в школе?	Количество, в %	
	Старшекласники	Родители
Обязательно	5,6	16,6
По выбору	79,9	79,0

Вообще не должны изучаться	14,5	4,4
Всего	100,0	100,0

Старшеклассников и родителей школьников поддерживают и педагоги минских школ, среди которых 77,8 % высказывается за факультативный характер курса, при этом около половины опрошенных педагогов считают необходимым право выбора по изучению курса предоставлять родителям учащихся.

Таблица 5. Мнение педагогических работников об учебном статусе курса о религии / религиях

Как должны изучаться сведения о религиях в школе?	Количество, в %
Обязательно	14,2
По выбору учеников	26,8
По выбору родителей учеников	51,0
Вообще не должен преподаваться	6,8
Нет ответа	1,2
Всего	100,0

В отношении содержания курса все группы опрошенных (старшеклассники, родители, педагоги) высказываются за представленность в нем идей и истории различных религий (см. Таблицы 6, 7, 8). При этом школьники отдают предпочтение развлекательной и информативной составляющей курса.

Таблица 6. Предпочтения учащихся относительно содержания курса о религии / религиях

Что именно Вы бы хотели узнать о религиях?	В % от числа ответов
Я бы заинтересовался (-лась) необычными фактами из истории религий	26,7
Мне интересно изучить влияние религий на образ жизни людей	19
Мне интересно изучить суть различных религий в их сравнении друг с другом	16,7
Я хотел (-а) бы изучить историю различных религий	15,6
Я хотел (-а) бы изучить суть одной конкретной религии	12,7
Я интересуюсь историей одной конкретной религии	5,2
Мне вообще не интересно	3,9
Для этого следует идти в церковь	0,1
Затрудняюсь ответить	0,1
Всего	100,0 %

Родители школьников в большей степени ориентируются на изучение в рамках школьного курса содержательных аспектов – истории, сущности

различных религий, их влияния на образ жизни людей.

Таблица 7. Предпочтения родителей относительно содержания курса о религии / религиях

Что должен сообщать факультативный курс о религии (религиях)?	В % от числа ответов
Сведения об истории различных религий	24,6
Суть различных религий в их сравнении друг с другом	24,4
Как влияют религии на образ жизни людей	21,0
Необычные факты из истории религий	16,6
Суть одной конкретной религии	9,0
Историю одной конкретной религии	3,7
Затрудняюсь ответить	0,8
Всего	100,0 %

Родителей поддерживают и педагогические работники, которые главным содержательным моментом курса считают необходимость представления в нем объективных сведений и религиозного многообразия.

Таблица 8. Предпочтения педагогов относительно содержания курса о религии / религиях

Что должен сообщать факультативный курс о религии / религиях в случае, если он будет введен в школьную программу?	В % от числа ответов
Вероучение и принципы жизни разных религий	28,0
Объективные сведения о содержании, истории и социальной роли разных религий	27,7
Сведения о том, как влияет религия на образ жизни человека	17,3
Необычные факты из истории разных религий	15,2
Вероучение и принципы жизни одной конкретной религии	5,1
Объективные сведения о содержании, истории и социальной роли одной конкретной религии	3,9
Необычные факты из истории одной конкретной религии	2,9
Всего	100,0 %

Педагоги говорят о целесообразности введения «занятий по православию, по католицизму, иудаизму... среди белорусов есть представители и мусульманской религии... их не должны дискриминировать. Может быть, скоро появится пятьсот тысяч китайцев – тогда, наверное, и даосизм будем вводить»; «у нас не только православные, и католиков много, много мусульман, поэтому если вводить один курс, то это будет не совсем правильно; не будет ли это разжигать какую-то межнациональную рознь?...»; «не надо говорить [о разных религиях] плохо или хорошо... [просто говорить:] есть вот это, вот это и это...».

Преобладание мнений в пользу широкой сравнительно-исторической тематики говорит о дефиците сведений о религии / религиях в белорусском

обществе и о потребности населения получать такие сведения в форме, которая позволит самостоятельно сориентироваться в многообразии вероучений, осмысленно сформировать религиозные предпочтения или религиозную позицию. И если даже большинство предпочтений будет формироваться по традиционному для Беларуси сценарию – в пользу православия и католичества, – важным является то, что население демонстрирует потребность в осознанном отношении к религии. Правда, при этом оно не торопится с религиозным самоопределением, о чем свидетельствуют следующие данные.

Мотивация к регулярному посещению курса у школьников (в случае, если он будет введен) неустойчива, зависит от привлекательности учебного материала и методик его преподавания. В этом отношении настроения школьников совпадают с позицией родителей (см. Таблицу 9).

Таблица 9. Поведенческие установки родителей и учеников в отношении введения курса о религии / религиях в школьную программу

В случае введения курса по изучению основ религиозной культуры в школе, Вы –	Старше-классники (количество, в %)	В случае введения курса по изучению основ религиозной культуры в школе, где учится Ваш ребенок, Вы -	Родители (количество, в %)
Буду с интересом посещать все занятия	7,9	Запишу ребенка на факультатив и буду постоянно поощрять его	19,4
Схожу на несколько уроков, а после решу, нужно ли мне это	59,3	Запишу ребенка на факультатив, но не буду настаивать на его посещении	66,5
Лучше займусь в это время чем-нибудь более интересным	32,8	Не буду записывать ребенка на факультатив	14,1
Всего	100,0 %	Всего	100,0 %

Представленные реакции можно обобщенно охарактеризовать как выжидательное любопытство, но все же не как созревшую, осознанную потребность в важных знаниях. Эти реакции говорят о том, что предлагаемый предмет – сведения о религиях – не знаком респондентам, и только поэтому интересен им. При таком отношении более вероятно, что школьники (поощряемые родителями), удовлетворив любопытство, отложат изучение курса на неопределенную перспективу: вряд ли любопытство послужит достаточным стимулом для продолжительного и систематического усвоения нового материала.

Мнение педагогов о *реакции* учащихся на возможное введение курса (см. Таблицу 10) отчасти подтверждает приведенные установки учащихся и родителей.

Таблица 10. Мнение педагогов о возможных реакциях учащихся на введение курса о религии / религиях

Заинтересует ли курс о религии / религиях учеников?	Количество, %
Да, заинтересует	11,8
Скорее заинтересует	43,4
Затрудняюсь ответить	29,4
Скорее не заинтересует	14,4
Точно не заинтересует	1,0
Всего	100,0 %

По оценкам педагогов, в настоящее время *система образования не испытывает острой потребности во введении в школьную программу курса о религии / религиях*. В то же время определенные ожидания в отношении образовательной и особенно воспитательной пользы этого курса в педагогической среде присутствуют (см. Таблицу 11).

Таблица 11. Оценка педагогами нужности знаний о религии

Нужны ли знания о религии...	...обществу, в %	...человеку, в %
Очень нужны	30,6	35,0
Скорее нужны	60,6	57,8
Затрудняюсь ответить	4,6	3,6
Скорее не нужны	2,0	1,6
Совершенно не нужны	0,6	0,4
Нет ответа	1,6	1,6
Всего	100,0 %	100,0 %

Правда, как показывают данные фокусированных интервью, эти ожидания очень противоречивы и колеблются в пределах следующих крайних позиций: *«...если школе для формирования нравственности нужно привлекать религию, то чего стоит такая школа?..»* – *«...если есть возможность спасти человека от роковой ошибки... совершить суицид или еще что-то... если через [такой курс] мы спасем душу ребенка, то это целесообразно...»*. Однако педагоги сами сомневаются в оправданности своих ожиданий, – по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, они понимают, что нравственный эффект курса основан на очень сложном механизме взаимодействия материала, педагога и учащегося. Также они хорошо осознают специфику знаний о религии, которые адресованы глубинным структурам человека. Даже отстраненный разговор о религии, о ее смысле может вызвать у детей сильный отклик (как иногда произведения, изучаемые на уроках литературы). И этот отклик может оказаться как заинтересованным (в случае сочувствия педагога содержанию предмета), так и отторгающим (в случае формального отношения педагога). Во-вторых, педагоги отмечают, что их ожидания от курса вызваны ослаблением воспитательных

механизмов в обществе. Они с сожалением указывают, что нынешняя педагогическая ситуация характеризуется перекладыванием ответственности: семья перекладывает долг воспитания на школу, школа – пытается переложить его на религию. Так что сами педагоги характеризуют свои ожидания как компенсаторно-идеалистические.

Неопределенность в оценках педагогами перспектив курса сказывается также в отсутствии у них четкого представления о том, кто мог бы сегодня его преподавать. Они отмечают, что далеки от адекватного понимания специфики религии и сути религиозных учений: «...если бы обратились ко мне как специалисту,.. я не смогу поднять такой пласт...»; «я лично занимаюсь историей, религией... и чем больше занимаюсь, тем больше я не знаю всего этого... Очень много надо думать, прежде чем говорить с детьми об этом [о религии]». Ошибочно интерпретируя курс о религии как исключительно вероучительный, они признают уместность священнослужителя в его преподавании (см. Таблицу 12). Однако педагоги понимают, что священнослужитель, во-первых, не может, по закону, работать в государственном учебном заведении, во-вторых, не является профессиональным педагогом, в-третьих, своей религиозной вовлеченностью и личным свидетельством может оказывать невольное давление на учащихся, ограничивая свободу их самоопределения. В качестве выхода из положения педагоги предлагают организацию специализированной (в сфере знаний о религии) подготовки кадров из их среды.

Таблица 12. Мнения педагогов о перспективах преподавания курса о религии / религиях

Кто сегодня смог бы вести курсы о религии / религиях в общеобразовательной школе?	Количество, в %
Любой педагог	1,0
Педагог с гуманитарной подготовкой	11,6
Педагог с теологическим образованием	30,2
Священнослужитель с педагогической подготовкой	50,0
Священнослужитель без педагогической подготовки	3,8
Такие специалисты не нужны	1,0
Квалифицированный специалист	0,2
Нет ответа	2,2
Всего	100,0 %

Следует отметить, что в собранных данных отражается отсутствие, несформированность в обществе светского видения знаний о религии / религиях. По инерции, сохранившейся с до-атеистических времен и укрепившейся в период постсоветского религиозного возрождения, преподавание знаний о религии связывается с обучением основам веры и религиозного образа жизни.

Интересно мнение некоторых педагогов о том, что при определенных условиях подобный курс все же мог бы иметь хороший образовательный эффект (и попутно – нравственное влияние на учащихся). Они считают, смещение акцента в организации курса с воспитательного на образовательный, а также продуманная

его концепция и полное методическое обеспечение могли бы сформировать мировоззренчески полезный учебный предмет, который стоит преподавать последовательно на всех уровнях средней школы (см. Таблицу 13).

Таблица 13. Мнения педагогов о порядке включения курса о религии / религиях в школьную программу

С какого класса лучше начать изучение курса?	Количество, в %
Начальная школа (1–4)	46,8
Базовая школа (5–9)	41,8
Средняя школа (10–11)	4,4
Нет ответа	7,0
Всего	100,0 %

Однако общая оценка педагогами готовности системы образования к введению курса о религии / религиях тяготеет к отрицательной (см. Таблицу 14).

Таблица 14. Мнение педагогов о готовности системы образования к включению курса о религии / религиях в школьную программу

Как Вы думаете, в какой степени белорусская система общего среднего образования готова к включению в школьную программу курса о религии (религиях)?	Количество, в %
Полностью готова	0,6
Скорее готова	19,2
Затрудняюсь ответить	25,8
Скорее не готова	45,2
Абсолютно не готова	8,6
Нет ответа	0,6
Всего	100,0 %

Стоит отметить, что результаты представленного исследования характеризуют мнение учащихся, родителей и педагогов г. Минска. Для изучения отношения участников образовательного процесса к перспективам введения курса в школьную программу в Республике Беларусь в целом целесообразно проведение исследования республиканского масштаба.

Тем не менее, анализ результатов проведенных исследований позволил сформировать ряд *предложений и рекомендаций* относительно перспектив, оптимального формата и условий возможного включения курса о религии / религиях в школьную программу.

Учебный статус курса о религии / религиях должен определяться *добровольностью* его изучения, но, возможно, в сочетании с *продуманной системой учебных поощрений*.

Не исключается постановка вопроса об *обязательном* введении курса в школьную программу, но при строгом соблюдении его *светского* характера (педагоги отмечают, что такой статус курса надежнее обеспечит его устойчивый

образовательный и, возможно, сопутствующий воспитательный эффект).

В любом случае – как при факультативном, так и при обязательном включении курса в школьную программу – целесообразно следующее.

Концепция курса должна быть *разработана и принята на государственном уровне* через привлечение к разработке концепции *коллектива специалистов разного профиля: педагогов, психологов, историков, социологов, религиоведов, философов, теологов.*

Содержание курса должно носить *светский* (т. е. *религиоведческий*, – но не *религиозный*, т. е. *не вероучительный*) характер и раскрывать в мировоззренчески нейтральном ключе содержание, историю и социально-культурную роль одной или нескольких значимых в стране или в мире религий, с привлечением сведений о *влиянии религий на жизнь их последователей*, а также *необыкновенных фактов* из религиозной истории.

Тематика курса предпочтительно (хотя и не обязательно) должна включать сведения о *разных* религиях (что обусловлено дефицитом сведений о религии в обществе и потребностью учащихся в свободном определении своих мировоззренческих и конфессиональных позиций).

Методическое обеспечение курса необходимо разработать в максимальном объеме, т.е. в составе *учебника, методических рекомендаций* для педагогов и *учебных материалов* (печатных, электронных, видео) для учащихся.

Преподавание курса должно осуществляться только *специально подготовленными педагогами*, желательно прошедшими обучение основам религиоведения в течение нескольких месяцев с отрывом от работы.

Функции курса – *обучающая* и *воспитательная* – не могут и не должны быть равнозначными в рамках государственной (*светской*) системы образования. Основной функцией курса должна быть *обучающая* – повышение уровня *образованности*. Воспитательный эффект (формирование нравственных ценностей) должен достигаться лишь косвенно, под воздействием образов и примеров из составляющих курс сведений по религиозной истории (подобно тому, как это происходит на уроках литературы, истории, обществоведения). Непосредственный воспитательный эффект от изучения сведений о религии возможен лишь в условиях религиозного (вероучительного) образования, предполагающего глубокую личную вовлеченность в религию как педагогов, так и учащихся, – что достигается в семье, в религиозных группах, в рамках внеклассных культурно-воспитательных мероприятий, но недопустимо в рамках светской системы государственного образования.

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МИФОВ

Прот. Александр Шимбалёв

В первой половине XX века в науке появилось желание осуществить «принципиальную установку», т. е. отделиться от других форм постижения мира – мифа, религии и философии. При этом предполагалось, что каждая из перечисленных форм будет объяснять все интересующие ее процессы только с

помощью тех средств ее постижения, которые являются для нее специфическими. Это значит, например, что наука не должна прибегать в объяснении природных явлений к свидетельству религии или философии.

Насколько это осуществимо в реальности, вопрос открытый и очень сложный. Ученый все равно остается человеком и находится под влиянием свойственного ему мировоззрения, т. е. обладает определенными знаниями в области философии, религии и мифологии. В процессе познания и осмысления никогда нельзя точно сказать, что натолкнуло исследователя на верную мысль – изучение научного факта или аллегория из символического текста.

Многолетнее господство в Советском Союзе коммунистической идеологии привело к созданию специальной атеистической литературы, посвященной критике религии. Многие работы писались по заказу с единственной целью – показать противоречия между наукой и религией. За десятилетия творческой деятельности создатели «научного атеизма» придумали много примеров и историй, которые должны были бы иллюстрировать антагонизм прогрессивно-научного развития человечества и реакционно-религиозного ему противодействия. Многие вымышленные примеры вошли в учебные программы для школ и ВУЗов. Крушение коммунистической идеологии и стремление общества к объективной оценке истории своего развития ставит задачу по выявлению заведомо ложных концепций и вычленению их из образовательного процесса.

Ложные идеологические штампы и примеры встречаются в астрономии, физике, биологии, истории и др. дисциплинах. Например, до сих пор в литературе по астрономии встречается утверждение, что Католическая церковь сожгла Джордано Бруно за научные представления о множественности миров. В то время как изучение печатного наследия Бруно показывает, что он занимался почти исключительно магией и даже научные открытия Николая Коперника воспринимал с религиозной точки зрения. Гелиоцентрическая система импонировала его магическому мировоззрению и подтверждала египетскую религию поклонения Солнцу, которую он старался возродить. В диспутах с оксфордскими докторами Бруно прямо увязывал систему Коперника с магией «Стяжания жизни с небес» Фичино. В чертеже системы мира Коперника он видел иероглиф божества и считал, что «божественное» Солнце должно занять подобающее его статусу место – в центре планетной системы. Движение Земли он доказывал с помощью герметических аргументов о повсеместности магической жизни в природе. А глобальной целью Бруно являлось не научное познание структуры Вселенной, а «достижение герметического гнозиса, отражения космоса в душе с помощью магических средств, включающих запечатление в памяти магических образов светил, и стать великим магом, чудотворцем, религиозным вождем» [2, с. 399].

Изучение документов инквизиции показывает, что Бруно был арестован за святотатство. Он обвинялся, прежде всего, в том, что выступил против авторитета Церкви, считал Иисуса Христа и апостолов магами, говорил, что и сам мог совершать такие же чудеса и др. Вопросы о множественности миров стояли в протоколах допросов лишь, начиная с 83-го номера. При этом, инквизицию интересовала не сама идея множественности миров, а ее богословский контекст. Бруно утверждал, что Бог не может существовать без мира, поэтому должен постоянно творить новые миры для самоутверждения [1, с. 373]. Идея же многих

миров в чистом виде была известна Церкви и не вызывала осуждения. Она выдвигалась за 200 лет до Д. Бруно кардиналом Николаем Орезмским (ок. 1323–1382) и за 150 лет кардиналом Николаем Кузанским (1401–1464).

Так, Николай Кузанский утверждал, что у Вселенной нет центра и края. В сочинении «Об ученом незнании» он писал, что Вселенная неограниченна, потому что в противном случае необходимо было бы допустить нечто, существующее за ее пределами, что в свою очередь противоречило бы определению Вселенной, как включающей все сущее. Из этого утверждения вытекало, что ни Земля, ни Солнце не могут быть в центре Вселенной. Николай Кузанский считал, что центр Вселенной «везде», а граница – «нигде». Он признавал, что Земля не покоится, а движется в пространстве [3, с. 131], писал также и о населенности Космоса. По выражению Николая Кузанского «в отношении других звездных областей мы равным образом подозреваем, что ни одна из них не лишена обитателей» [3, с. 138].

Процесс над Джордано Бруно – не иллюстрация антагонизма религии и науки, а пример наказания еретика внутри Церкви, так как Бруно был католическим монахом ордена доминиканцев. В популярной литературе по астрономии и истории науки до сих пор описана его ложная трактовка.

Перед работниками науки и образования сегодня стоит важная задача – убрать из учебных программ идеологические штампы прошлого, дать объективную оценку многим фактам и привести образование к современному научному уровню.

Следует заметить, что мифотворчество продолжается и в современном образовательном процессе. Оно связано как с традиционными формами, так и с новыми проявлениями массового сознания. Здесь обнаруживаются концепции, возникающие на стыке мифологического и мистического сознания, – это европейский оккультизм, магия и все формы мистических и оккультно-мистических проявлений. Мифологическое мышление получает импульс и от рациональных форм сознания, от науки, или, точнее выражаясь, наукоподобия. С одной стороны, это результат высокого статуса науки в современном мире. С другой, следствие того, что современная наука перестала быть доступна обыденному мышлению. Сочетание двух этих мотивов способствуют тому, что наука в современном массовом сознании воспринимается как несомненная ценность, но ценность, принявшая эзотерический характер. В результате наука массовым сознанием часто превращается в сакральный предмет. Указанные особенности приводят к тому, что в обществе появляются учения, имитирующие науку, но включающие в себя также элементы мифологии, магии и религии. Они столь же сложны и непонятны для обыденного сознания, как и многие научные теории, но часто стараются дать полное объяснение строения мира и всего, в нем происходящего, а также носят черты мифологии, религии, магической или гадательной практики. Примерами такой деятельности могут быть попытки включить элементы астрологии, нумерологии и др. мистических учений в учебные издания, рекомендованные для школ и ВУЗов республики Беларусь.

Литература и источники

1. Джордано Бруно перед судом инквизиции. (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы истории религии и атеизма. – М., 1958. – Т.6.

2. Йейтс, Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / Ф. Йейтс – М., 2000.
3. Кузанский, Н. Об ученом незнании / Н. Кузанский: соч. в 2-х т. – М., 1979. – Т.1.

НАУКА И РЕЛИГИЯ: СОВМЕСТНЫЙ ПОИСК ИСТИНЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Ф. С. Приходько

В постнеклассической рациональности миф, религия перестают уже восприниматься лишь как источники заблуждений, не имеющих логической структуры и опытного подтверждения. Во второй половине XX века исследователи обнаружили, что фундаментальные законы не имеют абсолютной силы, сфера их действия ограничена. Выяснилось, что невозможно полностью формализовать язык науки. Обнаружилась ограниченность научного познания как нахождения все новых и новых, дополняющих друг друга истин. Уходят в прошлое вера в полное познание мира и возможность объективного описания и объяснения его посредством раз и навсегда установленных универсальных законов, понимание истины как объективного, завершенного и не зависящего от условий познания феномена.

С появлением эволюционной концепции Фридмана теория во многих случаях стала восприниматься как «чистая» конструкция, не опосредованная опытом, ибо, например, экспериментирование со Вселенной в целом в принципе невозможно. Было признано, что научное знание может иметь метафизические черты, т. е. становиться знанием, получаемым только с помощью человеческого интеллекта и творческого воображения. Еще более сотни лет назад А. Эйнштейн предвидел усиление тенденции теоретического конструирования вне наблюдаемых явлений. Все большее признание получает идея, что другие виды знания столь же необходимы для адекватных мировосприятия и мироориентации человека, что и научное. В. С. Стёпин, характеризуя науку, отмечает, что она «...взаимодействует с другими видами познавательной деятельности: обыденным, художественным, религиозным, мифологическим, философским...дает лишь один из срезов многообразия человеческого мира. Поэтому она не исчерпывает собой всей культуры, а составляет лишь одну из сфер, которая взаимодействует с другими сферами культурного творчества – моралью, религией, философией, искусством и т. д.» [1, с. 219].

Все это создает философско-методологические предпосылки для диалога между наукой и религией, совместного поиска истины, общей основы научного и религиозного знания. Он опирается на ряд фундаментальных оснований. Так, вера – это не только сущностная характеристика религии, но и важнейшая предпосылка научной деятельности, значимый компонент человеческого разума. Проблема отношения веры к знанию всегда была для философии одной из центральных. Практически с момента своего возникновения западная философия решительно противопоставила себя всякого рода верованиям как мифологическим, религиозным, так и обыденным.

Однако сегодня понимание взаимоотношения веры и знания серьезно изменяется. Оказывается, что наука принципиально не может обойтись без веры.

Отношения между верой и знанием переплетаются и предполагают друг друга. Так, исследовательская деятельность предполагает принятие на веру ряда фундаментальных методологических норм и принципов научного исследования, веру в парадигму, научную программу, ту или иную теорию, доверие к экспериментальным результатам коллег. Сегодня научная деятельность осуществляется большими коллективами. Значительную часть знаний конкретный исследователь получает не лично, а от других. Эти знания обычно не перепроверяются – ученый доверяет другим исследователям. Иными словами, можно утверждать, что в этом случае знание производно от веры. Кроме того, религия, как и наука, имеет свои постулаты, особые методы познания, свои критерии отличия истины от заблуждения и в соответствии с этим создает свою картину мира.

Научное знание в своей значительной части является «научной верой». Следует указать прежде всего на принимаемые без достаточных исчерпывающих оснований научные гипотезы и теории, принципиально не подтверждаемые опытом. Нельзя говорить о противоположности веры и знания в гносеологическом плане. Вера, в том числе религиозная, является «вероятностным знанием», представлением субъекта о потенциально возможном как соответствующим объективной действительности. Строгого критерия демаркации, однозначно отделяющего «более обоснованное» научное знание от «менее обоснованного» религиозного, а последнее от беспочвенных фантазий, не существует (см.: [2, с. 70]). Более того, очевидна эффективность и простота концепций, общественная польза многих эмпирически непроверяемых представлений о бытии, посюстороннем и потустороннем мире, содержащихся в религиозном знании. Так, вера в загробное воздаяние стимулирует многих людей вести праведный нравственный образ жизни гораздо проще и убедительнее, чем это делает нерелигиозная этика. По мысли А. Тойнби, без традиционной религии дом западного человека, в конце концов, оказался пуст. «Из него все вымел рационализм, – констатирует мыслитель, – не оставив ни пылинки. Дом аккуратно и тщательно прибрала наука, но наука не сделала его уютным для обитания человека, ибо оставила его без религии. А когда предлагают науку в качестве заменителя религии, то это все равно, что предложить вместо хлеба камень» [3, с. 384].

Однако, несмотря на все усилия релятивистов, история науки и техники все же убедительно доказывает, что научное знание о мире соответствует действительности. Без него невозможна была бы осознанная целенаправленная деятельность с прогнозируемыми результатами (что бы ни утверждалось о «вероятности» и «недостаточной обоснованности» часто не подтверждаемого опытом научного знания, нередко опирающегося на принятые на веру исходные аксиомы и т. д.). Тяжелыми последствиями чревато разрушение границы между научным знанием и так называемой паранаукой, квазинаукой, равно как и религиозным знанием. Трудно не согласиться с М. О. Шаховым в том, что «...задача состоит не в стирании линии демаркации, а в том, чтобы показать, вопреки атеистической традиции трактовки религиозного знания как «мифологизированного восприятия реальности», что религиозное знание есть знание, информация о мире, невозможность научной проверки которой ничего не говорит о его истинности или ложности (бытие Бога, загробное воздаяние и т. д.)» [2, с. 75–76].

В Республике Беларусь выстроен эффективный механизм партнерства

духовной и светской сферы. В рамках реализации Программы сотрудничества Национальной академии наук и Белорусской православной церкви проводятся совместные мероприятия, конференции, участие в которых наряду со светскими учеными принимают ученые-богословы. Состоявшиеся в последние годы Кирилло-Мефодиевские, Свято-Михайловские, Евфросиниевские чтения, Международные научно-практические конференции «Беларусь: государство, религия, общество», «Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей» ставят своей целью усиление консолидации белорусского народа, воспитание патриотизма, гражданской ответственности, сохранение духовной преемственности поколений. Еще в бытность Председателем Президиума Национальной академии наук Беларуси, М. В. Мясникович (ныне Премьер-министр Правительства Республики Беларусь) констатировал: «Как и в других сферах общественной жизни, в научной сфере мы ушли от антагонизма «наука – религия» [4, с. 3].

Диалог между наукой и религией, признание ряда общих компонентов в структуре и методологии религиозного и научного знания являются важнейшими предпосылками формирования современной образовательной парадигмы. Объединение усилий Церкви, научной и педагогической общественности в сфере образования будет способствовать распространению здорового образа жизни, активизации человеческого потенциала, формированию таких личностных качеств, как патриотизм, гражданская активность и ответственность, толерантность, сострадание.

Литература и источники

1. Стёпин, В.С. Наука // Социологическая энциклопедия / под ред. А. Н. Данилова. – Минск, 2003.
2. Шахов, М. О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. – 2008. – №10.
3. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. – М. – СПб., 1996.
4. Мясникович, М. В. Научный и духовно-культурный потенциал нации – основа устойчивого развития Республики Беларусь. Приветственное слово и доклад Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси М.В. Мясниковича // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Жировичи, 27 мая 2010 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, Белорус. Экзархат Моск. Патриархата Рус. Правосл. Церкви; науч. ред. совет: М. В. Мясникович, Высокопреосвящ. Филарет [и др.]. – Минск, 2010.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ

А. В. Кузнецов

В современных исследованиях по проблемам философии образования и теоретическим основам педагогики нет недостатка в призывах к формированию новой парадигмы образования адекватной условиям общественного развития в начале XXI в. (см.: [1, с. 48] [2, с. 29] [3, с. 26] [4, с. 253] и др.). К сожалению, эти

призывы на практике сводятся к отдельным изменениям в организации учебного процесса и содержания образования. На наш взгляд, общим недостатком всех предлагаемых новых парадигм образования является отсутствие комплексного подхода к системе образования. Этот недостаток вытекает из того обстоятельства, что часто педагоги и философы рассматривают концепцию образования как автономную по отношению к системе социальных отношений техногенного общества.

При всех достаточно принципиальных разногласиях по важнейшим проблемам философии и социального познания, подавляющее большинство современных философов и обществоведов-теоретиков сходятся в том, что техногенное общество переживает серьезнейший кризис. Его симптомы проявляются в так называемых глобальных проблемах современности. К ним большинство современных исследователей относят: экологический кризис, демографический взрыв, растущее социально-экономическое неравенство между так называемыми «развитыми» и «развивающимися» странами, распространение ядерного оружия и сохраняющуюся вследствие этого угрозу широкомасштабной ядерной войны, наконец, кризис культуры техногенного общества.

Тесная взаимосвязь этих глобальных проблем современности, невозможность решения любой из них без решения всех остальных приводит нас к выводу о том, что все эти проблемы являются симптомом кризиса современного техногенного общества. Сущностные характеристики этого кризиса лежат глубже, в самой основе функционирования и развития данного типа общества. Они выражаются в фундаментальных противоречиях техногенной цивилизации.

Во-первых, с одной стороны, современное человечество действительно превратилось, как это предсказывал еще в начале XX в. В. И. Вернадский, в космическую силу природы. Человек поставил себе на службу, социализировал, превратил в силы самого общества колоссальные силы природы. С другой стороны, человечество остается разделенным как сто, двести и т. д. лет назад на Запад и Восток, Север и Юг, развитых и развивающихся, богатых и бедных, угнетающих и угнетенных, взаимно ненавидящих и страшящихся друг друга. Таким образом, чем интенсивнее человечество превращается в космическую силу природы, чем больших успехов достигает научно-технический прогресс при сохраняющихся социальных отношениях, тем ужаснее становятся опасности, грозящие его собственному существованию.

Во-вторых, с одной стороны, процесс экономической глобализации превратил фактически весь земной шар в общую сферу хозяйственной деятельности людей. Процесс обобществления труда фактически достиг глобальных масштабов. С другой стороны, плодами этого глобального обобществления труда монопольно распоряжается и пользуется все более сокращающаяся часть населения земного шара. Тем самым углубляется социальное неравенство, а, следовательно, и разделенность человечества, о которых говорилось выше.

В-третьих, с одной стороны, процесс глобализации ведет к превращению человечества в единое сообщество. Точно так же, как в период формирования традиционно-аграрного общества из разрозненных первобытных общин, формирующихся на основе кровного родства, создавались первые народности, а в период формирования техногенного общества – первые нации, объединяющие

разные народы, так и в наше время процесс превращения человечества в космическую силу природы ведет к формированию единого сообщества. Однако, с другой стороны, существующее социально-экономическое неравенство между различными регионами земного шара, нациями и классами внутри самих наций, приводит к все более кровавым конфликтам между различными конфессиями, культурами, нациями. В итоге формируется такой миропорядок, когда за счет периферии благоденствует лишь центр современной капиталистической мир-экономики.

В-четвертых, превращение все более мощных космических сил природы в социальные силы человечества, с одной стороны, ведет к необходимости установления демократии в межгосударственных отношениях, соблюдения экономических, социальных и личных прав человека для каждого члена мирового сообщества. Это необходимо, поскольку только в условиях такой демократизации общественной жизни можно решить глобальные проблемы, встающие перед человечеством, если оно хочет стать разумной космической силой природы, а не слепой и хаотически развивающейся, что может привести к внезапной и полномасштабной катастрофе. С другой стороны, наблюдается стремление современного Запада к установлению своего мирового господства под эгидой военно-политического могущества США.

Следствием кризиса техногенного общества является кризис и той системы образования, которая господствует в этом обществе. Основные черты этого кризиса, вытекающие из глобальных проблем техногенной цивилизации, заключаются в следующих противоречиях:

1) Противоречие между ускоряющимся процессом изменения ценностей культуры (и прежде всего, знания) в динамически развивающемся современном обществе и традиционной ориентацией образования на трансляцию уже существующих ценностей.

2) Противоречие между ускоренным формированием способов социализации, обучения и воспитания молодежи (от постоянно совершенствующихся информационных технологий до появления новых социальных движений) и традиционной ориентацией образования на автономизацию по отношению к другим сферам социальной жизни и способам социализации и воспитания личности.

3) Противоречие между требованием доступности качественного среднего и высшего образования для всех членов общества как необходимого условия формирования креативных личности и общества и постепенным включением образования в рыночную экономику, превращением образования в продажу «образовательных услуг», отсекающего от качественного образования большинство членов общества (в особенности стран периферии современной капиталистической мир-экономической системы).

4) Противоречие между необходимостью воспитания и обучения всесторонне и гармонично развитой личности ноосферного типа, способной принимать ответственные решения по глобальным проблемам современности и осуществлять их практически, и ориентацией современного образования на подготовку узкого профессионала, отчужденного от других форм культуры («макдональдизация» и «тейлоризация» образовательного процесса).

5) Противоречие между гуманистическим принципом ориентации

педагогического образования на воспитание личности педагога, умеющего работать на личностном уровне с учениками и создавать оригинальные образовательные проекты, деятельность которого могла бы быть образцом для жизнедеятельности учащихся (мимезис как основа педагогики), и тенденцией стандартизации и технологизации современного педагогического образования.

б) Противоречие между возрастающей ролью педагогического образования в условиях обострения глобальных проблем современности и реальным падением социального престижа педагогических профессий в современном обществе.

Как отмечает известный теоретик в области воспитания и образования К. Вульф, в духовной жизни современного человечества (и, прежде всего, современного Запада) нарастает сомнение «в целесообразности дальнейшего развития человечества и вопрос о будущем подрастающего поколения перекликается с исполненным страхом вопросом о будущем человечества в целом» [5, с. 51].

Поэтому перед современной философией стоит задача: на основе критического анализа универсалий культуры техногенного общества выработать новую парадигму образования XXI века.

Литература и источники

1. Калина, И.И. Педагогическая реальность как локальная картина мира // Мир образования – образование в мире. – 2011. – № 3.
2. Научные основы развития образования в XXI веке: 105 выступлений членов Российской академии образования в СПбГУП. – СПб., 2011.
3. Лобок, А. М. Школа нового поколения: опыт концептуального наброска // Качество образования: позиция педагога. – 2011. – №. 1.
4. Урсул, А. Д. Становление глобального образования // Философские основы инновационного развития образования и воспитания. – Минск, 2010.
5. Вульф, К. Антропология воспитания. – М., 2012.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ СИСТЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Л. С. Яковлев, В. В. Черникова

С формальной точки зрения религиозная и светская модели образования в последние полвека максимально разошлись. Присутствие кафедр, призванных знакомить студентов с основами конкретных вероучений (в РФ, как правило, это православие), лишь подчеркивает разобщенность, изолированность религиозного и светского подходов к образованию. Согласно Статье 48, части 3 закона «Об образовании в Российской Федерации», запрещается использовать образовательную деятельность для политической агитации, принуждения обучающихся к принятию политических, религиозных или иных убеждений либо отказу от них. В этих условиях религиозное просвещение носит не доктринальный, а ознакомительный характер.

С точки зрения определенной части аналитиков, идут процессы дехристианизации европейских обществ. Если Раймонд де Суза полагает, что, при этом возникающий духовный вакуум заполняется ценностями аналогичного ряда в

результате исламизации[1], то другие авторы артикулируют перспективу атеизации, секуляризации общества и мировоззрения индивидов [2]. В ряде исследований выявляется положительная корреляция между уровнем образования и атеистическими убеждениями[3]. В то же время, как отмечает тот же Р. де Суза, права человека родились из христианства; именно христианство поставило сильный акцент на индивидуальную ценность личности[4]. Но, если гуманизм не должен отрекаться от христианства, как от своих корней, то и христианство нет оснований противопоставлять гуманизму. А основаниями реформирования системы образования являются именно гуманистические ценности.

Смысл осуществляемой в последние десятилетия во всем мире реформы образования состоит в радикальной смене эпистемы, лежащей в основе его философии. Система образования, существовавшая на протяжении предшествующего периода, занявшего около полутора столетий, была ориентирована на жесткое приспособление индивидуальности к заданной модели; трудно не согласиться с М. Фуко, проводившим параллель между школой, тюрьмой и фабрикой[5]. Принципиально важно, что эта система предполагала уверенность в наличии стабильных, устойчивых профиограмм. По сути, модель конвейерного производства переносилась не только на процесс образования, но и на его результат, предлагая четкое описание не только технологического процесса, но и конечного продукта. Переносились и принципы фабричного производства, обеспечивавшие ему преимущества над ремесленным за счет эффекта мультипликации: унификация, стандартизация, разделение труда. Достаточно очевидной является необходимость замены этой системы, в силу ее неадекватности новым условиям: она соответствовала эпохе крайней ограниченности потребления, когда простая возможность элементарного удовлетворения базовых потребностей уже служила достаточной мотивацией интенсивного труда. С кастомизацией производства и ускорением технологического развития, утрачивается обоснованность претензий разработчиков образовательных программ на достоверное знание параметров модели специалиста, который будет востребован через десять – пятнадцать лет. Как следствие, обучаемый из пассивного объекта научения превращается в субъекта, осваивающего необходимые ему для успешной адаптации и карьерного роста компетенции.

Однако эти изменения уже не могут быть реализованы в формате «школы-фабрики». Личность, способную к саморазвитию, нельзя сформировать в условиях дисциплинарного надзора.

Противоречия, возникающие в ходе слома старой модели, наглядно продемонстрированы в обсуждении обществом сериала «Школа». Уже год спустя после выхода сериала появляются аналитические статьи, выводы которых не сводятся к примитивной констатации сходства показанного на экране с реальностью. Как абсолютно справедливо отмечает Ольга Бытко, В. Гай-Германика снимает фестивальное кино, которое на школьников никакого влияния не оказывает потому, что они его не смотрят. А «взрослых возмутил собственный вид – они взглянули на себя со стороны... быстро находится выход – обвинить авторов в предвзятости, и уговорить себя, что «ничего этого нет». Фильм Германики показал глубину падения нашей школы; жизнь наша стала такой – жестокой, циничной, продажной, пошлой, скверной [6].

Продуктивный подход демонстрирует Владимир Лунин, обращающий внимание на социокультурный смысл «любительского» стиля съемки сериала. Он замечает, что «многое становится понятно, если вспомнить, кто были «создателями» тысяч роликов про современную школу, которые без труда можно найти в Сети» [7]. Эти снятые на мобильный телефон эпизоды создают фон, на котором сериал приобретает смысл гипертекстового документа. В зрительском восприятии происходит перенос стилистических особенностей на содержательные характеристики, и фильм воспринимается, в определенной мере, как документ.

Попытку суммировать итоги дискуссии делает Дмитрий Бойченко. Он отмечает: «Все соглашаются в том, что фильм вполне правдив, но, тем не менее, критики разделяются на два фланга: по мнению первых, правдивость не служит разрешением для показа, по мнению других, «Школа» является терапией для общества (первых, конечно, гораздо больше)» [8]. В отличие от О. Бытко, он не считает, что школьники сериал не смотрят. Просто для них он является не фестивальным кино, а своего рода «мыльной оперой». Дело не в балансировке учебных программ или совершенствовании управления школами. Конфликт поколений представлен здесь в плоскости, где организационные воздействия не могут дать быстрого эффекта. В то же время только полноценная реформа образования может решить проблему в долговременной перспективе. Школа должна обеспечивать детям возможность самоидентификации, личностного становления. Нужен пересмотр моделей социализации, предполагающих, как и столетие назад, во многом, механическое усвоение «взрослой» культуры и переход к режиму диалога с молодым поколением. Речь идет, таким образом, о смене философии образования.

Разумеется, более явно такая смена представлена в системе высшего образования. Индивидуальный выбор траектории, реализуемый через возможности, предоставляемые правом смены локализации обучения, многоступенчатой системой, гибкостью программ, является основой подлинной гуманизации образования. Обучающийся выступает здесь в роли субъекта, а не пассивного участника процесса, порой низводимого до роли материала.

Однако, трудно ожидать действительной эффективности от реформы высшего образования, если прежней останется школа. Общественная полемика вокруг ее преобразования показывает, насколько значим для общества происходящий поворот от «фабричной» модели к гуманистической, адекватной не букве, а глубинной сути христианской культуры.

Литература и источники

1. Уайт, Х. Депопуляция и дехристианизация Европы провоцируют величайший в истории джихад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/684579.html>. – Дата доступа: 02.03.2014.
2. Андреева, Л. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XXI веке // Русский православный атеист. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sadsvt.narod.ru/andreeva1.html>. – Дата доступа: 23.03.2014.
3. Sherkat, D. E. Religion and Higher Education: The Good, the Bad, and the Ugly // Social Science Research Council: 2006. 6 Feb; Bell P. Would you believe it? // Mensa Magazine, UK Edition, Feb. 2002. Argyle M. Religious Behaviour. London: Routledge and Kegan Paul.
4. Федосеев, А. Европа в агонии: дехристианизация – прямой путь к депопуляции // Созидатель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozidatel.org/vera-i->

czerkov/3988-evropa-v-agonii-dehristianizatsiya-pryamoy-put-k-depopulyatsii.html. – Дата доступа: 23.03.2014.

5. Фуко, М. Рождение клиники. – М., 2010; Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М., 1999; Михель, Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». – Саратов, 1999; Сокулер, З. А. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // Сокулер, З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб., 2001; Дисциплинарное общество в кризисе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_16.php. – Дата доступа: 23.03.2014.

6. Бытко, О. Рецензия на сериал «Школа» // Суть времени. 24.11.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eot.su/smi/art-kritika/retsenziya-na-serial-shkola>. – Дата доступа: 23.03.2014.

7. Лунин, В. Сериал «Школа»: через призму мобильного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mobiset.ru/articles/text/?id=4215>. – Дата доступа: 23.03.2014.

8. Бойченко, Д. Сериал «Школа»: балаган для взрослых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://n-europe.eu/article/2010/02/12/serial_«shkola»_balagan_dlya_vzroslykh. – Дата доступа: 23.03.2014.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

Н. С. Щёкин

Говоря о воспитательной силе христианства, можно сказать, что она появилась значительно раньше, нежели сформировалось в целом само христианское учение.

Очевидно, что образовательный процесс в современном обществе - это часть более общего вопроса о человеке и цели его жизни. Совсем не одно и то же воспитывать с мыслью о главенстве общественной пользы или пользы «для себя», представлять человеческую природу доброй и мудрой или усматривать в ней негативные тенденции.

Нельзя отрицать того, что развитие самого мировоззрения вплоть до новейшего времени протекало в религиозном русле, а значит, и ответ на вопрос, каково место и какая роль религии должна быть в современном обществе, напрашивается сам собою. Ведь образовательный процесс, да и само воспитание человека всегда отражали общие религиозные и философские идеи. Педагогика христианства в своей философской и организационной частях оказалась как бы на перекрестке двух воспитательных систем и традиций: античной и иудейской. Диалог между иудейской и эллинистической моделями продолжился в новозаветную эпоху внутри Церкви, послужив отправной точкой для многих базовых принципов педагогики христианства.

Немало ценного опыта и практических приемов было позаимствовано от педагогического наследия дохристианского времени. Общественное образование – от Эллады, семейное воспитание – от Израиля. Более того, с одной стороны, церковное учение часто заимствовало примеры и образы Ветхого Завета, с другой стороны, большинство учителей церкви получали образование по лучшим образцам античности.

С появлением христианства родилась новая нравственность в контексте новой культуры и искусства.

Однако современный мир живет в принципиально иной системе координат. Никому еще не удавалось избавиться от неудобств, которые связаны с тем, что мы принадлежим миру изменяющемуся. Сегодня нередко можно услышать, что мы неотвратно идем к «концу нашего времени», что являемся свидетелями «заката Европы», стоим перед «судом цивилизации» и так далее. Эксперты говорят об обреченности нашей эпохи, о том, что цивилизации, в которой мы живем, уготована та же участь, что и всем предыдущим.

Стало общепринятым заявлять, что мы живем в постиндустриальном, постхристианском мире, который уже ничего, якобы, не имеет общего с религиозными, культурными традициями.

С возрастанием роли религии в жизни белорусского общества усилилось значение религиозного фактора в разных сферах. Осознание значимости религии в современном мире вообще и в белорусском обществе, в частности, означает понимание того, как религия влияет на данное общество и как данное общество воздействует на религиозную ситуацию. Еще более важно понимание того, как общество и государство формируют фон для переосмысления религии, которая всегда связана с коллективной памятью, а значит, не может быть вырвана из исторического контекста. С другой стороны, поскольку религия – комплексный феномен и имеет разные измерения, историческое наследие и современное состояние общества влияют на то, какое именно измерение или какой аспект будут ключевыми при формировании новой религиозной ситуации.

Переосмысление религия как цивилизационного феномена и ее включение в социальные процессы – не только отечественная черта. Это происходит во всем мире.

На наш взгляд, сложившуюся религиозную ситуацию можно определить как совокупность изменяющихся структурных элементов религии; отношением к ней общества, групп и индивидуумов; уровнем их религиозного сознания, силой и слабостью влияния религии на общество; характером межконфессиональных отношений; особенностями (моделями) конфессиональных отношений.

В настоящее время идет процесс реинституализация Православной церкви как социального института белорусского общества. Он проявляется в двух аспектах: социокультурном и институционально-структурном. С одной стороны, происходит религиозное возрождение и соответственно трансформируется социокультурная среда, меняется отношение населения к церкви, восстанавливается и формируется у нового поколения осознание ее стержневой духовной роли в истории страны. С другой стороны, идет поиск новых диалоговых, институционально-правовых форм складывающегося и пока в правовом отношении не оформившегося сотрудничества государства, гражданского общества и религиозных институтов, в первую очередь Белорусской православной церкви.

Новые социально-политические условия жизни, модернизационные процессы в обществе побудили Православную церковь сформулировать свою официальную позицию на вызов времени. Естественно, без внимания не могла остаться образовательная деятельность. Ведь мы говорим о возвращении нового поколения в совершенно непредсказуемых условиях социальной трансформации.

Традиционно-историческое участие церкви в жизни государства приняло инновационные формы диалога государства и общества, основанные на принципах невмешательства в сферы исключительной компетенции «партнера». Роль церкви в этом случае определяется не только признанием со стороны государства, но и высокой степенью самостоятельности в своей деятельности. Необходимо отметить, что в своей деятельности Белорусская православная церковь руководствуется основными положениями современного социального учения Русской православной церкви, изложенными в «Основах социальной концепции русской православной церкви».

Наиболее полно общественно-политические взгляды православной церкви нашли свое отражение в «Основах социальной концепции русской православной церкви» (ОСК РПЦ) [1], принятой на юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 г., которые стали базисным программным документом современной социально-политической доктрины церкви.

Отношение православной церкви к обществу и государству в документе представлено в четырех блоках:

1. Общество, понимание его природы, основ общественного устройства.
2. Церковь, понимание ее природы и институционального назначения, ее социального статуса и отношения к государству.
3. Личность, понимание ее природы, ее связь с обществом таких важных концептов, как ее существование, свобода, права, ответственность перед обществом.
4. Духовные константы современного общества (мораль, культура, наука).

Очевидно, что религия, в частности, христианство, Церковь не стремится поставить себя вне времени и истории, обособиться от видимой реальности. Образование, воспитание всегда конкретно, они складываются с учетом времени, обстоятельств и социокультурных особенностей.

Говоря об образовании в современном контексте, нам следует на самом деле иметь ввиду по крайней мере два образования: христианский и светский. Обе стратегии ставят в один ряд в качестве действительно высочайшей ценности человеческое естество и те проявления несовершенства и зла, с которым мы все сталкиваемся в реальной жизни. Только во взаимодействии религиозного и светского начал во всех сферах жизнедеятельности и тем более в такой чувствительной сфере, как образование, воспитание, можно выстоять перед онтологическими вызовами трансформирующегося общества.

Подлинное величие человека, его гуманное начало проявляется именно в контексте диалога религиозного мировоззрения, христианского опыта и социальных ценностей, научных достижений, диалектики общественного развития.

Литература и источники

1. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2000.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА МЕДИАЦИИ РЕЛИГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. А. Тимощук

1917 г. является поворотным не только в истории многих стран, но и в религиоведении, т.к. в этот год получила известность книга лютеранского теолога Рудольфа Отто «Das Heilig», где религия интерпретируется в кантианско-феноменологическом русле как устойчивое отношение живого существа и бытия, которое не может быть объяснено, ибо является тайной. Именно поэтому Р. Отто использовал латинский термин «numen» – невидимое, скрытое божество, которое, обнаруживает себя за вещами и процессами, являясь как непосредственное переживание Другого [1]. Сущностная феноменология исходит из сокрытости опыта священного и из необходимости его уважительного наблюдения, свободного от покрытия концепциями, стереотипами, догмами, установками. Каждая религия содержит набор базовых элементов, символических заместителей, позволяющих входить в особые состояния сознания, осуществлять сакральную коммуникацию. При этом священное является в виде субъективных (чувство зависимости, неудовлетворенность земным, ощущение присутствия Другого, вера, благодать, трепет, транс, пророчество, экстаз, одержимость, харизма), интересубъективных (святость, грех, искупление) и объективированных сущностей (ритуал, жертвоприношение, молитва). Сущностная феноменология религии, таким образом, это осторожное, тщательное наблюдение динамического проявления в человеческом сообществе этих элементов религии, из которых фундаментальным, согласно Р. Отто, является «чувство божества» (*sensus numinis*), которое имеет диапазон от ужаса и преклонения до любви и экстаза. В связи с этим возникает вопрос о природе методологии феноменологии религии Отто, поскольку последняя исходит из того, что сущность религии не может быть познана историческими, социологическими и иными эмпирическими методами гуманитарных наук.

Интуитивно-эссенциалистская трактовка феноменологии религии сделала задел в тематизации рекуррентных форм и сущностных структур различных религий. Абстрагируясь от эмпирического содержания, феноменология здесь сосредоточена на раскрытии универсальной сущности религии, понимаемой как *das Heilig, tremendum*, нуминозное (Р. Отто) и сакральное (М. Элиаде); дар (харизма), тайна (мистерион), очищение (катарсис), тишина (исихия), антиномии: чистое / нечистое, сакральное / профанное, близкое / далекое, трансцендентное / имманентное (А. А. Полуэктов) [2, с. 57, 60.]. Этот универсализм интуитивно-эссенциалистской феноменологии позволяет ее рассматривать как инструмент диалога культур и религий в современных условиях глобализации.

В середине XX в. интерес к интуитивно-эссенциалистской религиозной феноменологии пошел на спад из-за кризиса субстантивности и репрезентативности: она не обращала внимания на материальные факты, а искала сущности религии, которые казались непостижимыми. Потеря эмпирического предмета религии чужда религиоведению, которое является дисциплиной, основанной на вещественных доказательствах. Вдобавок, это еще и потеря тезиса Э. Гуссерля «*Zu den Sachen selbst!*». Неизбежный агностический и абстрактный

мотив эссенциальной феноменологии Р. Отто и Г. Ван дер Леува не мог удовлетворить всех религиоведов, поэтому с середины XX в. выделяются и иные феноменологические направления:

1) интерпретативная феноменология религии, сравнительное религиоведение (К. Ю. Блеекер, О. Хульткрантц);

2) дескриптивная феноменология религии как приложение к истории религии, критика антиисторизма (Г. Виденгрэн продолжает дело таких ветеранов, как Шантепи де ла Соссе и У. Б. Кристенсен);

3) неофеноменология религии, обращающаяся к интенциям индивида, субъективным границам религиозного и нерелигиозного, критикующая концепции религии (Ж. Ваарденбург) [3];

4) интенциональная феноменология религии (П. Бергер, Т. Лукман; отчасти Р. Ингардена и А. Шюц, в той части их исследовательской работы, которая включала религиозные социокультурные объекты;

5) эстетическая феноменология религии (интенциональная, и перформативная составляющие религиозных практик у Б. Вальденфельса).

По мнению современного исследователя из Эрлангена В. Жданова, именно *эстетическое направление феноменологии религии* следует считать особенно значимым и перспективным. На конференции во Владимире 2013 г. «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении» он осветил творчество мюнхенской рабочей группы «Эстетика религии», которая с 2007 г. своей критической и инновационной работой в этом направлении, обратила внимание на недооцененные моменты существования культуры. Феноменология здесь выступает неgociатором чувственного и сознаниевого аспектов «я», причем оба греческих термина, αἴσθησις (ощущение, восприятие) и φαίνω (показывать, являть) отражают одну сферу, находящуюся на пересечении разума и ценностно-смыслового восприятия.

Феноменологии религии следует предоставить еще один шанс, и она через транскультуральность и интеркультуральность, эстетику и медийность может войти в методологию гуманитарных наук на других основаниях, преодолев свой кризис репрезентации и субстантивности. К тому же сама феноменология исходит из того, что сущности и процессы, методы и результаты лишены герметизма.

Как ясно указывает П. Рикёр, феноменология преследует своей целью не объяснение, а описание [4, с. 395]. Если первая стратегия, связанная, безусловно, с классической установкой на полную познаваемость мира, исходит из возможности экспликации причинно-следственных зависимостей и их дальнейшее использование в управлении, вторая стратегия опирается на идею множественности интенциональностей и, соответственно, причинно-следственных зависимостей, что неизбежно приводит к концепции сетевой синергетической реальности. Описание – это неустанная работа по различению многообразия факторов и тенденций, а это как раз то, что не отсутствует порой в знании о религии – объективность и уважение к Другому.

Следует расширить понимание феноменологии религии, от сфер священного, до инструмента познания религиозного авторитета в публичном пространстве, а также роли сакральной эстетики в конституировании социальных идеалов. Феноменология является когерентной методологией изучения гетерогенных объектов социокультурной религиозной динамики, будь то:

теоретические и прикладные аспекты изучения религии, ценности и мотивации религиоведов, новые религии, семантика религиозного искусства, мифология и этнические идентичности, государственно-церковные отношения, религия и образование.

Феноменология религии – это ценный подход для государственной политики в области религиозного образования в светских обществах, т. к. она: 1) опирается на весь опыт духовного поиска человечества, 2) подходит к проблемам с позиции эпохи, 3) имеет перспективы в регулировании конфликтов в поликультурном и многоконфессиональном мире, 4) рассматривает актуальные проблемы образования и воспитания в контексте интересубъективного взаимодействия светского и религиозного, регионального и глобального, технологического и ценностно-смыслового.

Методологический подход феноменологии к формированию перспективных стратегий и технологий образования и воспитания заключается в интегративной имплементации религиозных и научных компонентов в образования. При этом наука сохраняет свою технологическую сущность, а религиозно-духовный компонент образования формирует основы эстетического и этического мировоззрения человека. В качестве наполнителя религиозно-духовного компонента могут выступать как различные религиозные организации, так и художественные, спортивные, этнические и т. п., чтобы обеспечить максимальную духовную свободу и заинтересованность. Проводниками религиозно-духовного компонента должны выступать квалифицированные толерантные педагоги-медиаторы, хорошо владеющие социальными контактами в региональной среде. В качестве наиболее эффективных практик духовно-религиозного образования и воспитания себя зарекомендовали различные культпоходы: ежегодный ретрит на озере Светлояр (Нижегородская область), пробежки «Трезвый город» (Владимир, Самара), совместный просмотр вдохновляющих фильмов («Легенда № 17», «Кон-Тики»), посещение этнофестивалей и клубов исторической реконструкции, концертов органной музыки. Качественная медиация разнообразных религиозно-духовных проектов подразумевает защиту несовершеннолетних от нацизма, фашизма, радикализма, фанатизма, нетрадиционной сексуальной ориентации, религиозной конверсии. Таким образом, аксиосфера светского общества расширяется, к семейному воспитанию добавляется религиозно-духовное, однако сохраняется общий секулярный фон толерантности к здоровым проявлениям духа.

Литература и источники

1. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб, 2008.
2. Полуэктов, А. А. Феноменологическая (теологическая) трактовка религиозности // Религиозность: феномен и его измерения. – Владимир, 2012.
3. Красников А. Н. Методология западного религиоведения второй половины XIX–XX веков. Автореф. дис...д. филос. н. – М., 2007.
4. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М., 1995.

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Р. С. Лаво, С. А. Морозов

В связи с расширением роли религии в жизни современных обществ проблема места и роли религии в высшем образовании, в особенности в сфере культуры и искусств, приобретает особое значение. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, тем, что религиозная традиция является частью культурной традиции и культурного наследия каждого народа; во-вторых, тем, что религиозные системы выступают важнейшим регулятивным фактором жизни современных обществ как в области морали и нравственности, так и в области современной культурной политики и культурной жизни; в-третьих, религиозные институты являются системообразующими в поддержании цивилизационной, этнокультурной и государственной идентичности; в-четвертых, религиозные традиции составляют неотъемлемый элемент повседневной духовной жизни значимых сегментов современных сообществ.

В современном образовательном процессе, в том числе и в высшем образовании в сфере культуры и искусств, существует целый ряд противоречий, связанных как с процессом глобализации и попыткой преодоления локализма различных цивилизаций и локальных культур различных этнокультурных сообществ, так и с попыткой переработки и трансформации накопленного различными народами духовного, в том числе и религиозного опыта, с помощью разнообразных форм глобальной массовой культуры.

К числу таких противоречивый можно отнести: во-первых, устремленность глобальной массовой культуры на материальное жизнеустройство в конечном, ограниченном во времени жизненного бытия конкретного человека – «здесь и сейчас» и соотнесенность этой «суетности материальной мирской конечной жизни, в которой память человека и о человеке и его жизни ограничены несколькими поколениями противоречат религиозным представлениям о вечности духовной сущности человека и важности духовной жизни, включая и этап земного бытия, и стремлению к идеалу земной жизни верующего человека, закреплённому морально-нравственными принципами религиозного вероучения, обращенному к добровольному саморегулированию своего социального поведения человеком; во-вторых, противоречие между многообразием индивидуальных и коллективных практик свободы поиска самовыражения в рамках самореализации личности в глобальной массовой культуре, где всякое отступление от сложившихся исторических норм провозглашается креативной деятельностью и средством прогрессивной дифференциации и сегментации общества, в то время как религиозные традиции предполагают преемственность в социальных практиках на основе исторически сложившихся и прошедших отбор исторической практикой морально-нравственных принципов; в-третьих, противоречие между всеобщей технологизацией современной жизни как примате развития общества в рационально обоснованных и логически сформулированных целях парадигмы социального конструирования желательного будущего и пересмотра с этих позиций прошлого исторического опыта, и традиционного для различных религиозных систем примата духовного вектора развития общества, основанного

на исторической преемственности и уважении и сохранении исторических традиций и многообразии религиозных духовных практик различных человеческих сообществ, в которых сохраняется признание права на поиск истинного пути именно в рамках духовных практик и духовного опыта, а не агрессивного навязывания своих представлений об образе жизни, социальных практиках и их оценке с точки зрения иноцивилизационной логики.

Непрерывно продолжающиеся уже на протяжении многих десятилетий реформы системы российского образования постоянно меняют вектор маятника от технологизации к гуманитаризации высшего образования и обратно. Всякий раз попытки технологизации современного общества превращают его в кризисный социум, в котором меняется антропоморфная природа человека и место человека духовного, всесторонне развитой и глубокой личности занимают люди-функции, обрекающие свои государства на глубокий кризис и нравственный распад.

Между тем глубокое понимание религиозных ценностей, усвоение исторического религиозного опыта, духовного видения развития социальных процессов, социализации человека, в особенности в сфере культуры и искусства, которые неразрывно связаны с духовным освоением окружающего мира и преодолением несовершенства природы человека, пробуждение в душах людей высших проявлений человеческого духа, привитие художественного вкуса невозможны без всестороннего духовного воспитания, освоения религиозного культурного наследия, осмысления предназначения творений человеческого духа. Только на основании осмысления всего духовного опыта человечества, включая и религиозный опыт, и религиозное наследие возможно преодоление девиантных форм искусства, девиантных культурных практик, глубокое эмоциональное осознание величия национального и мирового культурного наследия, развития новых форм творческой деятельности, новых форм искусства, новых социально-культурных практик, повышающих качество жизни [1]. Глубокое проникновение в смысл созданных в предшествующие эпохи религиозных культовых предметов, предназначенных для совершения религиозных ритуалов, художественных и музыкальных произведений на религиозные темы, возможно только в случае понимания всей сути того или иного религиозного вероучения, погружения в атмосферу духовной религиозной жизни изучаемого времени. Однако было бы глубочайшей ошибкой отказывать современным художникам и музыкантам в праве на выражение своих религиозных чувств и своего и предшествующего религиозного опыта, своей семьи в современном религиозном творчестве. Освоение духовных оснований религиозного творчества является, как представляется, важным направлением подготовки современных специалистов в сфере культуры и искусства – будь то традиционное народное творчество, или современные социально-культурные практики и ивент-мероприятия, связанные с религиозной жизнью современных религиозных конфессий. Профессиональная подготовка в участии представителей различных поколений и социальных слоев местных сообществ в религиозной жизни, в проведении религиозных праздников и ритуалов способствуют формированию и развитию социальной и этнокультурной и религиозной идентичности верующей части населения, преодоления отчуждения между верующими и атеистами в области сохранения и преумножения исторически сложившихся традиций, укреплению духовно-нравственного единства и локального и общенационального патриотизма отдельных локальных

сообществ, в которых, собственно, и протекает духовная жизнь современных людей.

И подготовка музыкантов, и подготовка художников, и подготовка специалистов в области организации социально-культурной деятельности нуждается в глубоком и всестороннем освоении основ религиозных учений и религиозных духовных практик как части современного высшего гуманитарного образования в сфере культуры и искусства.

Литература и источники

1. Клепиков, В. Н. Три кита современного воспитания // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2012. – № 5.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ХРИСТИАНСТВО

С. А. Юшкевич

Экологическое образование подразумевает непрерывный процесс обучения, направленный на усвоение систематизированных знаний об окружающей среде, умений, навыков природопознавательной, природоохранной деятельности, формирование основ экологической культуры. Современные авторы возлагают надежды на экологическое образование и экологизацию системы образования с целью формирования нового экологического мировоззрения человека [1, с. 208]. Новое мировоззрение не возможно без новой системы экологических ценностей. Здесь происходит пересечение интересов экологического образования (и образования в целом как процесса формирования культуры, изменения ценностей или изменения сознания) и религии. Речь о ценностном мире человека всегда предполагает обращение к так называемому вертикальному срезу становления человеческого бытия и его ценностей. По вертикали происходит не только осмысление психолого-физиологических основ сущности человека и его ценностей, но и вневременное становление смысла, раскрываемого во времени. Это процесс, когда все содержание эмпирического бытия человека, все законы, задающие его описание, вся последовательность событий определяется уже заданным отношением человека к миру. На вертикальный аспект человеческого бытия (на становление смысла) особым образом влияет религия.

Специфика религиозного, в нашем случае христианского, влияния на человека заключена в бытийной установке сознания. Концентрация внимания человека в своей деятельности только на создание моделей, определяющих цели, к которым следует стремиться, и на разработке средств, обеспечивающих изменение наличного положения дел в желаемом направлении, приводит его к остановке на сфере, где осуществляется переход из прошлого в будущее. Настоящее как таковое ускользает от человека. Бытие, чувство бытия, закрыто от человека, по справедливому выражению П. П. Гайденко, «какой-то непроницаемой пеленой» [2, с. 54]. Возможно, эта пелена состоит из привязанности к благам мира сего и из заботы о самом себе. Лишь выход за пределы малого я, отречение от собственной воли дает возможность непосредственно переживать бытие, соприкоснуться с бытием как особым измерением реальности - вечно длящимся настоящим.

«Отсутствие данного опыта, считает П. П. Гайдено, превращает человека в раба собственной активности, а окружающую его природу – в материал преобразовательной деятельности» [2, с. 54]. Причастность миру бытия напротив «открывает человеку возможность, находясь в обычном мире – мире взаимодействий, корректировать свое поведение в соответствии с «бытийной» шкалой ценностей, налагая жесткие ограничения на характер и масштаб своих действий.

Христианство в вопросе экологического образования выполняет, по крайней мере, две функции: воспитательную и ценностную. Во-первых, происходит обращение к личностным составляющим человеческой индивидуальности, а, во-вторых, формируется определенная система духовных ценностей, которая, как предполагается, сможет решить проблему экологического кризиса [3, с. 21]. Важно пояснить, что эффективность влияния христианства на экологическое образование заключается:

- в оправдании интереса человека не только к вечному, но и к настоящему, преходящему;

- в призывании человека к изменению, развитию к креативности, а не к статичности;

- в утверждении нового качества человека, когда внешняя свобода определяется свободой внутренней [4, с. 61]. Здесь помимо экзистенциальной функции христианская «обращенность к личности» несет в себе так же функцию проекции содержания внутреннего мира на окружающую действительность.

Экологическое образование сквозь призму христианского учения может основываться на экологическом императиве, который понимается не просто как нравственный императив (Н. Н. Моисеев) или система запретов, а как естественное проявление действенной ответной любви ко всему сотворенному («любовь как дело» [5, с. 88]), и как экологическая совесть. Любовь в данном случае понимается не как эмоциональное состояние, но как основа человеческого бытия. Она имеет метафизическую природу, выражающую онтологический смысл человека, позволяющий ему выйти за пределы самого себя и включить бытие другого, в том числе и окружающую природу, в себя. Самое главное, что воля здесь направляется любовью и «приводит тело к жизни, а человека к поступкам. «Любовь и действие суть одно» [6, с. 90]. Э. Фромм также развивал идею любви к природе, как деятельности и активности, предполагающей проявление интереса, уважения и заботы о природе [7, с. 48]. Активность здесь не обязательно в том смысле, когда имеются в виду активные действия (например, охрана природы), которые вносят изменения в существующую социоприродную ситуацию. Активный характер любви к природе выражается в способности давать, а не брать.

Говоря «экологическая совесть» мы подразумеваем, что объектом совести будь то личности или общества выступает не только человек, но и природа во всем своем многообразии. На это ясно указывал еще родоначальник экологической этики О. Леопольд в «Календаре песчаного графства» [8, с. 205]. Для нашей темы значима одна из особенностей экологической совести (и совести вообще) – ее сверхразумность [9, с. 185]. Экологическая совесть предполагает определенную автономность. Во-первых, от внешних авторитетов (самих себя, общества) и, во-вторых, от разумных и кажущихся на первый взгляд справедливых доводов. Примером первого вида автономности экологической совести могут выступать

ситуации, когда речь идет о выборе между личным или общественным благополучием и благополучием биосферы, как совокупности всего живого, как идеала исполнения совершенства в области экологической этики. В данном положении имеется в виду автономность и независимость от эгоистических мотивов и желаний, которые обнаруживаются у каждого человека; и независимость от общественных норм и регулятивов, которые могли утвердиться на основании все тех же эгоистических и утилитарных мотивов.

Второй вид автономности экологической совести подразумевает решение эколого-этических проблем не на уровне рассудочной логики и вне разумного обоснования, а интуитивно, путем внутреннего видения ситуации в целом. То, что выдается обществом за экологическую справедливость, порой, несет на себе нравственную злокачественность и нуждается в экологической совести. Разум может легко принять такие критерии справедливости, при которых благополучие общества создается за счет страдания окружающей природной среды. В этом заключается внеразумность или сверхразумность совести в целом и экологической совести в частности.

Таким образом, христианство привносит в экологическое образование важный момент онтологичности. Экологический императив, раскрывающийся через «любовь как дело» по отношению к окружающему миру и через экологическую совесть, придает процессу экологического образования новый уровень. На этом уровне не только и не столько знание мотивирует человека к действию, к активности, сколько его внутреннее, личностное, ценностное отношение к природе. Знание для человека приобретает онтологический характер и неотъемлемо от осмысленного действия.

Литература и источники

1. Онуприенко, С. П. Стратегия экологической безопасности 21 века: теоретико методологический и методический анализ экологических проблем населения Беларуси. – Минск, 2009.
2. Гайденко, В. П. Природа в религиозном мировосприятии // Вопросы философии. – 1995. – №3.
3. Круглова, Г. А. Христианская глобалистика. – Минск, 2008.
4. Можейко, П. П. Христианская аксиология как фактор формирования базовых ценностей белорусского социума // Вышэйшая школа. – 2010. – № 3.
5. Бальтазар, Х. У. фон. Достояна веры лишь любовь. – М., 1997.
6. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины. – М., 1990.
7. Фромм Э. Искусство любви. – Минск, 1991.
8. Леопольд, О. Календарь песчаного графства. – М., 1983.
9. Шрейдер, Ю. А. Этика. – М., 1998.

«ДУХОВНОСТЬ – ОПК – СВЕТСКОСТЬ» КАК ТРЕНД РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

С. М. Алейникова

Кризис идентичности и проблемы легитимизации политической власти, с одной стороны, и неоднозначное восприятие в обыденном постсоветском сознании любой официальной идеологии, с другой стороны, обусловили необходимость поиска и разработки новых идеологических трендов, моделей и схем. Одним из ведущих российских идеологических трендов становится схема «Духовность – ОПК (Основы православной культуры) – Светскость», активно внедряемая в массовое сознание и призванная поддержать широко пропагандируемую декларацию религиозно-политического единомыслия российского общества. В то же время концепты духовности и светскости не лишены внутренних противоречий, а введение ОПК в российские школы сопровождалось острыми дискуссиями, способствовавшими не столько консолидации, сколько скрытой конфронтации общества.

Духовность. Именно концепт «духовности» на сегодняшний день можно обозначить как один из самых популярных в политической и конфессиональной риторике, и в то же время наиболее «размытых» в семантическом плане. Духовность традиционно противопоставляется процессам вестернизации и релятивизации аксиологических систем, выступая в качестве образа безусловного «друга» и одного из главных ориентиров разработки национальной идеи, способствующего межпоколенной трансляции традиционных ценностей и сохранению социокультурной идентичности.

Стереотипное понимание духовности, наиболее распространенное в обыденном сознании, соответствует достаточно узкой религиозной трактовке, связывается исключительно с верой в трансцендентное и, как правило, ставится в один ряд с религиозностью. Соответственно, единственным легитимным носителем «духовности» и инструментом ее «возрождения» априори подразумеваются Русская православная церковь (РПЦ) и православие, берущие на себя роль безусловного «друга».

Указанное стереотипное понимание духовности изначально строится на ряде противопоставлений:

1) *противопоставление нематериального материальному* (духовности – прагматизму, идеологии потребления).

2) *противопоставление общего личному* (общих, соборных, коллективных ценностей – индивидуализму).

3) *противопоставление прошлого настоящему и будущему* (традиционных ценностей – вестернизации и глобализации), т. е. конструирование модели идеального прошлого. Такое противопоставление ставит под сомнение целесообразность в принципе какого-либо развития, поскольку ориентировано не на развитие и устремление вперед, а возврат и статичное пребывание в состоянии «идеального прошлого».

Изначально выступая в качестве противопоставления, концепт духовности трансформируется главным образом в инструмент формирования образа «врага» и в большей степени может быть охарактеризован как форма современного

политического мифотворчества, чем общего социокультурного и ценностного ориентира.

Основы православной культуры (ОПК). Если разработка и внедрение концепта духовности в качестве идеологического конструкта носит преимущественно дискуссионный характер, то введение в российских школах ОПК в качестве одного из модулей обязательного предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» вызвал не только острую дискуссию, но и некоторую конфронтацию в российском обществе.

В 2009 г. Патриарх Кирилл назвал «мифологемой» заявление о том, что Церковь в обязательном порядке пытается навязать изучение ОПК. Однако следует принимать во внимание, что церковь изначально предполагала и последовательно отстаивала именно *обязательность* введения и преподавания в школах ОПК. И только в результате многочисленных дискуссий был выработан компромиссный вариант, предоставляющий ученику возможность выбора одного из модулей. Это, скорее, вынужденный компромисс, который удовлетворил, однако, обе стороны. Отдельно следует отметить то, что в итоге почти десятилетняя борьба РПЦ за введение ОПК, а также жесткое лоббирование своих интересов в образовательной сфере являлась, по заявлению Предстоятеля РПЦ, всего лишь реализацией церковью «инициативы Президента Российской Федерации, поддержанной всеми традиционными религиозными общинами». Подобное смещение акцентов и перераспределение ролей позволило РПЦ устраниться от роли инициатора введения ОПК, переложив ответственность за реализацию и соответственно финансирование своих интересов в рамках данного курса, на государство.

Созданный в СМИ позитивный информационный фон, сопровождавший кампанию по введению ОПК, послужил основанием для широкой пропаганды обоснованности и острой необходимости данной дисциплины как необходимого условия «возрождения духовности», ожидаемости ее большей частью населения. Однако второй этап – включение в образовательную сетку российских средних школ и непосредственно выбор родителями и учащимися того или иного модуля – выявил значительный разрыв между декларацией и фактом: реальной готовностью и желанием изучения ОПК, а также основ других религий.

Результаты выбора, фактическая готовность и реальное желание изучать ОПК обусловили со стороны РПЦ необходимость поиска условий и оправдание причин данного выбора, а также направления и способы его корректировки. Следует оговориться, что сам факт осознанного, но нежелательного, с точки зрения РПЦ, выбора одного из модулей, в принципе не рассматривается. Причины сложившейся ситуации следует искать не в волеизъявлении родителей и учащихся, а в негативном внешнем воздействии. Упоминание в риторике РПЦ приоритетного выбора «Светской этики» коррелирует исключительно с такими оценками, как «давление», «запрещение», «принуждение», «игнорирование» и т. п. Патриарх Кирилл, объективно не отказывая родителям и учащимся в признании их волеизъявления, главной причиной фактического провала введения ОПК считает следствие «неверной трактовки... понятия светскости государства».

Светскость. В понимании Патриарха «светское» и «нерелигиозное» равнозначно «атеистическому», а атеистическая мораль однозначно трактуется Патриархом негативно в русле общей тенденции российского политико-

идеологического пространства по демонизации советского прошлого: «А что такое светская этика? В этом курсе предложат нечто иное – будет преподаваться атеистическая мораль, как та, что мы с вами изучали в советское время».

Анализируя выступления представителей РПЦ, в которых присутствует обращение к категории светскости, следует отметить преимущественно негативную оценку данного конституционного принципа, который как «неверная», «ложно понятая» и «неправильно понимаемая» трактовка, которая «односторонне перетолковывается» и тем самым обуславливает «утрированное», «жесткое, буквалистское», «своеобразное» понимание светскости.

«Правильное» понимание светскости, по-видимому, предполагает одностороннее отделение – государства от религии, и ограничивается принципом невмешательства государства в дела церкви. Церковь же, однако, предусматривает за собой аналогичное право по отношению к государству, вплоть до неподчинения действующему законодательству, обозначенному как возможность мирного гражданского неповиновения. Логическим завершением дискурса о содержании светского стало заявление В. В. Путина о необходимости ухода от «вульгарного примитивного понимания светскости», что дает основание говорить о последовательном формировании в идеологическом пространстве вариативной модели интерпретаций светскости.

Общим же итогом кампании по введению в российских школах ОПК явилось, во-первых, формирование перечня обязательных требований к преподавателям ОПК, противоречащего нормам трудового и гражданского права (верующие, крещеные, воцерковленные, с обязательной церковной аттестацией), и учебникам по ОПК, которые должны пройти конфессиональную экспертизу. Во-вторых, формирование в лице «Основ светской этики» негативного образа как внутреннего, так и внешнего «врага».

В целом же попытка внедрения и легитимизации тренда «Духовность – ОПК – Светскость», призванного сплотить общество вокруг идеи «духовного возрождения», пока достигло обратного результата, вскрыв характерную для современного российского общества проблему: несоответствие между декларацией уровня религиозно-политического единomyслия российского общества и фактической ролью РПЦ как значимого фактора его мотивации. В то же время раскрутка данного тренда позволила легитимировать значительные бюджетные средства, вкладываемые ведущими политическими силами в РПЦ и позволившие возложить на нее роль одного из ведущих инструментов обеспечения государственной идеологии и пиар-поддержки российской политической элиты.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. М. Богатова

Кардинальные изменения, происходящие во всех областях общественной жизни российского общества, актуализируют роль высшей школы в решении воспитательных задач, которые в современной социокультурной ситуации приобретают глубокий социальный контекст. В условиях демократизации, когда

утверждается идеологический плюрализм, и укрепляются тенденции мировоззренческой толерантности, а также активно разворачиваются процессы религиозного ренессанса, перед российской системой высшего образования актуализируется решение ряда важнейших задач, связанных прежде всего с формированием личности в качестве основного субъекта гражданского общества, обладающего высокой нравственной культурой и глубоко продуманным мировоззрением.

Являясь одним из ведущих социальных институтов, имеющих непосредственное отношение к укреплению позиций демократии и духовно-нравственному оздоровлению российского общества, система высшего образования призвана максимально эффективно выполнить свои функции по формированию мировоззренческой культуры личности.

В этом отношении одним из важнейших направлений деятельности российской высшей школы является толерантное отношение к тенденциям *десекуляризации*, которые наметились в практике организации учебно-образовательной и воспитательной работы в вузе. Начиная с 90-х годов, на гребне демократического обновления, российское общество вошло в период духовного возрождения, значительную лепту, в который вносят и религиозные институты. Демократизация и гуманизация общественных отношений, утверждение принципов веротерпимости и толерантности, коснулись всех сфер общественной жизни, не оставив в стороне и систему высшего образования. В настоящее время ширится поток научных публикаций, в которых проводится мысль о необходимости сочетания достижений научной мысли и ценностей религиозной культуры, гармонизации отношений между знаниями и верой. Все дальше отходя от позиций просветительского атеизма, который в советский период принял крайне ортодоксальную форму, общественное мнение постепенно приближается к осознанию необходимости интеграции достижений научно-технического прогресса с традиционными духовно-нравственными и социальными ценностями, концентрированно выраженных в религиозном сознании.

Обращение к высокой духовности ныне не только важнейшая социальная необходимость, но сложнейшая педагогическая задача. Нельзя забывать, что в нашей стране в течение многих лет образование и религия оставались на разных, диаметрально противоположных позициях в деле формирования личности. Сегодня система высшего образования проводит огромную воспитательную работу, чтобы сохранить и преумножить духовных опыт и нравственные ценности, накопленные как светской, так и религиозной культурой, донести и передать их студенческой молодежи. Бурное развитие информационных технологий, колоссальное наращивание интеллектуального образовательного потенциала, актуализируют обращение к духовным религиозным ценностям, которые занимают особое место в нравственном и мировоззренческом формировании личности. Элементы религиозной культуры объективно присутствуют в содержании многих гуманитарных дисциплин, а именно таких как история, культурология, этика, философия, антропология, психология, социология и многих других. В рамках факультативных занятий и спецкурсов имеет смысл преподавать такие курсы, как «Религоведение», «История мировых религий», «Эзотерические учения и культы» и др. Знакомство с историей различных мировых и национальных религий, с содержательными аспектами религиозных

представлений, изучение нормативно-ценностных ориентаций, которые лежат в основании религиозной веры, может способствовать не только значительному расширению кругозора и обогащению интеллектуального и мировоззренческого потенциала личности, но и привить способность уважительного отношения к правам и свободам представителей других религиозных традиций, научить толерантности, веротерпимости, состраданию и милосердию, сформирует неприятие к религиозному фанатизму и экстремизму.

Правда, при этом не следует забывать, что необходимо выдерживать очень тонкую грань между внесением элементов религиозного знания в учебно-образовательный процесс и светским характером среднего и высшего образования. Основным документом, регламентирующим взаимодействие государства и религии, является Конституция РФ, принятая в декабре 1993 года, в которой четко прописано, что Россия – светское государство, и что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (Ст. 14). Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, отношения к религии (Ст. 19). Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать религию индивидуально или совместно с другими людьми или не исповедовать никакой. Помимо Конституции на сегодняшний день разработана определенная нормативно-правовая база использования религиозной культуры в государственной системе образования – Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. № 1, 2, 3, 4, 5), инструктивные письма Министерства образования РФ и региональных ведомств.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что эффективность морально-этического воспитания в вузе во многом определяется дидактически грамотным использованием духовно-нравственного потенциала религиозной культуры, что ни в коей мере не должно быть сопряжено с игнорированием принципа светскости государственной системы высшего образования. Реализация воспитательных задач в высшей школе с позиций десекуляризации – насущная потребность нашего времени. Укрепление демократии и ценностей гражданского общества невозможно на фоне мировоззренческой тирании и идейной однополярности. Российская высшая школа, гибко реагируя на происходящие изменения, предпринимает активные усилия, чтобы в полной мере использовать воспитательно-педагогический потенциал религиозной культуры и не растратить общечеловеческое, гуманистическое содержание религиозных ценностей, имеющих колоссальное значение для духовного становления личности.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Г. Н. Петровский

Место религиозной культуры в контексте светского образования является сегодня одной из самых обсуждаемых проблем. Причин тому несколько.

Во-первых, после почти векового господства в государстве и, следовательно, в системе образования тотального атеизма и Россия (в большей

степени), и Беларусь (в меньшей степени) открыли доступ религиозной культуре в систему образования, и сразу же выяснилась наша далеко не полная готовность воспользоваться представившимися возможностями.

Во-вторых, традиционная для наших стран трактовка принципа светского характера образования очень часто воспринимается как принцип атеистического характера образования, что низводит место религиозной культуры до знакомства учащихся с некоторым набором произведений искусства, основанных на религиозных сюжетах.

В-третьих, весьма многозначен сам термин «культура», а, следовательно, и производный от него термин «религиозная культура». Это означает, что прежде, чем говорить о месте религиозной культуры в контексте светского образования необходимо определить, какой же смысл мы вкладываем в используемый термин.

На эти причины накладывается также общее требование: общеобразовательная школа, чтобы не провоцировать конфликтов и противостояния учащихся по религиозным признакам, не должна формировать выраженного отношения учащихся к той или иной религии, в том числе, и к атеизму. Это требование, конечно же, не распространяется на деструктивные, асоциальные и экстремистские религиозные секты и объединение. По отношению к ним у учащихся необходимо вырабатывать выраженное активное неприятие.

Понятие «культура» относится к философским категориям, что делает неразрешимой проблему его формального определения. Поэтому, не пытаясь дать еще одно сколько-нибудь содержательное определение, укажем только те элементы, которые, несомненно, принадлежат объему понятия «культура». Ими являются:

– результаты духовной, интеллектуальной и материальной деятельности человека, направленной на познание и преобразование природного и социального миров;

– результаты духовной и интеллектуальной деятельности человека, направленной на самопознание, осмысление целей и смысла своей жизни, места человека в материальном и духовном мире, а также норм и правил существования человека в них;

– духовный опыт человечества.

Такой подход близок к подходу Ю. Лотмана, который определял культуру «как совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека».

Религиозная культура является частью культуры, понимаемой в указанном выше смысле, частью, одним из основополагающих элементов которой является религиозное мировоззрение. Но то, что данный культурный феномен является элементом религиозной культуры, не делает его приемлемым автоматически, поскольку разные религиозные учения имеют различную степень истинности. Поэтому, когда мы говорим о необходимости включения элементов религиозной культуры в контекст светского образования, то, конечно же, необходим тщательный отбор этих элементов. Этот отбор предполагает в качестве одного из основных критериев ответ на вопрос: какова цель введения данного элемента религиозной культуры в контекст светского образования?

Все дальнейшие рассуждения данной статьи будут ориентированы на систему общего среднего образования.

Обсуждению вопроса о том, какие элементы религиозной культуры следует включать в содержание общего среднего образования, когда и в каких формах это следует делать, должно предшествовать обсуждение вопросов: какие цели мы хотели бы достичь этим действием и в условиях каких ограничений нам придется действовать?

Первое, что следует иметь в виду, – это то, что элементы религиозной культуры могут, вообще говоря, включаться как в обязательную, так и в факультативную часть контента общего среднего образования. Более того, насколько мы в курсе дела, в Российской Федерации пошли на введение уроков обязательного выбора, т. е. обязательных уроков, содержание которых определяется выбором учащихся. Думается, что этот опыт является оптимальным в условиях поликонфессионального общества.

Таким образом, возникают три компонента, в которые могут включаться элементы религиозной культуры:

- обязательный для всех учащихся компонент содержания общего среднего образования;

- содержание образования уроков обязательного выбора;

- содержание образования факультативных курсов.

Такая дифференциация определяет и три различных варианта условий, в которых будут изучаться элементы религиозной культуры:

- это содержание образования изучается всеми учащимися;

- это содержание образования изучается учащимися, сделавшими свой конфессиональный выбор, но не обязательно имеющими глубокий интерес к изучению соответствующего религиозного учения;

- это содержание образования изучается учащимися, проявившими выраженный интерес к изучению религиозной культуры или даже более того, к изучению религиозного учения.

Естественно, что выбор содержания образования должен быть разным для этих трех ситуаций.

Наиболее сложной является первая из ситуаций, относящаяся к образовательному контенту, обязательному для всех учащихся. Основная проблема отбора элементов религиозной культуры в этом случае состоит в естественном противоречии, состоящем в том, что в абсолютном большинстве своих проявлений религиозная культура конфессионально ориентирована, а с другой стороны, невозможно, не задевая религиозных чувств учащихся, четко артикулировать эту конфессиональную принадлежность. Поэтому элементы религиозной культуры, как нам кажется, могут присутствовать в содержании образования только в целях просвещения и воспитания.

Какие же задачи должно решать введение элементов религиозной культуры в контент общего среднего образования?

Первая, на наш взгляд, – это формирование объективного отношения к религиозному и атеистическому мировоззрениям.

Как известно, с момента своего возникновения как философской системы атеизм спекулирует на своей якобы научной обоснованности. Но самое интересное состоит в том, что никакого обоснования тезиса о своей научной обоснованности атеизм привести не может, т. е. нам просто предлагается поверить в это утверждение. Но было бы гораздо честнее атеистам сказать, что также как и все

религии, атеизм основан на вере. Только это вера не в существование Бога, а в Его отсутствие. В каком смысле и почему вера в отсутствие Бога лучше веры в Его существование – вопрос, не имеющий ответа. Думается, что утверждение о том, что атеизм тоже основан на вере, одно из тех, которые обязательно должны быть донесены до учащихся.

Вторая задача – сформировать правильное понимание того, что мы называем «жизнь по Богу».

Очень часто тезис «жизнь по Богу» молодежью воспринимается как обязательная аскеза, отказ от земных радостей, а мы обязаны донести до учащихся тезис о том, что христианство – это полнота жизни. Да, конечно же, мы с глубочайшим уважением относимся к людям, возложившим на себя тяжесть аскетического подвига, но это никак не означает, что все верующие христиане должны отказаться от радостей обычной человеческой жизни. Вопрос состоит в том, чему мы хотим радоваться? Тому, что нам удалось помочь человеку пережить жизненные невзгоды или тому, что нам удалось обокрасть его и на этом ворованном богатстве предаваться удовольствиям плоти? Тому, что мы, живя по христианским заповедям, смогли самореализоваться или тому, что провели жизнь в духовном и телесном блуде?

Давайте расскажем детям о Н. П. Бехтеревой, глубоко верующем человеке, жене, матери, докторе психологических и докторе медицинских наук, академике Российской академии наук и Российской академии медицинских наук, и спросим их о том, была ли ее жизнь успешной? Помешала ли вера в Бога полноте ее жизни и самореализации? И это далеко не единственный аналогичный пример. Конечно же, каждый верующий человек живет в системе ограничений, но это не ограничение на полноту самореализации, а ограничение на аморальное и противоправное поведение.

Эта проблематика должна подвести учащихся к вопросу о духовно-нравственных ценностях религиозных вероучений. И это третья задача, которую должно решить введение элементов религиозной культуры в содержание общего среднего образования.

Для подросткового возраста естественно скептическое отношение к нравственным ценностям предыдущих поколений и лозунг «старики устарели, а молодежь должна жить по-новому и современно» очень часто находит положительный отклик в молодежной среде. Отрицание части духовного опыта предыдущих поколений и наработка новыми поколениями своего духовного опыта – естественный процесс. В противном случае отсутствовал бы всякий нравственный прогресс человечества. Но нужен доскональный анализ этого духовного опыта и определение того, что должно быть отринуту, а что сохранено. Такой анализ требует обоснования каждой нравственной ценности, и только религиозная культура может дать такое достаточно убедительное обоснование. Попытка апеллирования к духовному опыту человечества (общечеловеческие ценности) без учета влияния религиозной культуры на их формирование и обоснование – это попытка рубить дрова деревянным топором. Ведь очень часто в жизни внешнего материального успеха добиваются как раз весьма аморальные люди. Лозунг «Не пойман – не вор» – это тоже духовный опыт человечества, только тот опыт, который абсолютно противостоит христианской заповеди «Не укради».

Четвертая задача введения элементов религиозной культуры в содержание общего среднего образования – разъяснение учащимся исторического контекста взаимоотношений религии и науки. Конечно же, эти отношения имели периоды противостояния. Но это было не противостояние религиозного и научного мировоззрений, а противостояние отдельных ученых и отдельных церковных деятелей. И, кстати, разве не атеизм разгромил самую передовую в 30–40 годы 20 столетия русскую школу генетики?

В современном понимании взаимоотношения науки и религии, последняя совершенно не претендует на какое-либо объяснение и обоснование строения и законов функционирования материального мира. Религию интересует человек и его взаимоотношения с Абсолютом, другими людьми и этим же материальным миром. Ее интересует, как человек определяет цель, смысл и содержание своей жизни – проблемы, в которых естественные науки не могут дать никакого ответа, а гуманитарные, не учитывающие религиозных представлений, – весьма относительный. Скольким уже поколениям внушалась мысль, что они должны положить свои жизни на построение счастливой жизни будущих поколений. Жизни полагались, а счастье все время переносилось на будущие поколения. Религиозная культура предлагает и счастье здесь и сейчас, и радость за пределами земной жизни.

Конечно же, это далеко не полный перечень задач, которые должны решаться за счет введения в контент общего среднего образования элементов религиозной культуры, но нам кажется, что их необходимо отнести к разряду первоочередных.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (Г. МИНСКА) И БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОПРОСАХ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Г. Я. Янушкевич

Современный этап истории белорусской государственности начинается с 90-ых годов 20-го века и является этапом формирования идеологии белорусского государства. Начало этого этапа имеет точную дату – 27 июля 1990 года. В этот день Верховный Совет БССР принял Декларацию о государственном суверенитете. Стратегия развития государства, его идеологические константы представлены в Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. В ней всесторонне обоснована мысль о том, что ядром идеологии современного белорусского государства должна стать система ценностей, традиционно сложившаяся в рамках исторического опыта белорусского народа, а одной из важнейших сфер национальных интересов в современную эпоху глобализации становится защита духовной безопасности нации.

Отсюда необходимость формирования воспитательного пространства и построения воспитательной системы, основанных на историко-культурном и духовном наследии народа, т. к. духовные, художественные, документальные

ценности Беларуси создают необходимые базисные условия для интеллектуального, духовного и экономического развития белорусского общества.

Для любого народа сохранение культурного наследия важно по трем причинам:

1) историко-культурное наследие существенно воздействует на сознание и самосознание людей, позволяя им ощутить свою причастность к культурной традиции многих поколений;

2) историко-культурное наследие является самым объективным свидетельством прошлого;

3) историко-культурное наследие это часть материальной и духовной культуры, созданная, сохраненная и переданная современникам как нечто почитаемое и уникальное, как вечная ценность.

Ценности ориентируют человека в жизни, направляют его повседневную деятельность. Исходя из ценностей, человек определяет для себя приоритеты собственной жизненной стратегии. Представления же о ценностях формируются на основе определенных социальных и духовных традиций и, конечно же, знаний. Знание и причастность к культурному наследию обогащает человека, расширяет его возможности и переводит его взаимодействие с миром на качественно новый уровень. В соответствии со ст.1 Закона «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» под историко-культурными ценностями понимаются «наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства в порядке, определенном данным законом» [1].

Еще раз подчеркнем, что без грамотно построенного воспитательного пространства субъекты образовательного процесса не смогут в должной мере обеспечить нравственное развитие и воспитание обучающихся. Для решения этой задачи целесообразно вовлечь в воспитательное сообщество наибольшее количество субъектов социализации: семью, позитивно настроенные общественные организации, представителей науки, религиозных объединений, учреждения дополнительного образования, культуры, спорта, СМИ. Данный список ограничений не имеет.

В последние годы одним из надежных партнеров в вопросах нравственного воспитания молодежи становятся религиозные конфессии. Наиболее последовательным представляется взаимодействие системы образования, в частности системы образования г. Минска, и Белорусской Православной церкви.

И здесь, на мой взгляд, не перекладывание ответственности с системы образования на Церковь и наоборот, как вчера утверждали некоторые коллеги, а пришло время общей ответственности за будущее. Сегодня каждый субъект хозяйствования, каждая организация, управленческая структура, Церковный приход, рокерский клуб – все, кто в той или иной мере соприкасается с воспитанием детей, должен принять и отчетливо понимать уровень ответственности за каждое сказанное слово и начинаемое дело, Понимание того, что сегодня в одиночку не справиться с вопросами наркотического наката, игровой зависимости, философии потребительства, агрессивности молодых людей, подталкивает нас к друг другу, а далее ведет к педагогизации общества, инициаторами которой, естественно, должно быть педагогическое сообщество и

представители религиозных течений, как носители норм духовности и нравственности.

Православное воспитание в учреждениях образования не противоречит общим задачам воспитания, установленным государственным стандартам. Оно обогащает и дополняет педагогический процесс уникальными традициями белорусской народной и православной педагогики и вносит в жизнь учреждения особую одухотворенность. Как уже не раз отмечалось, в настоящее время реализуется Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2011–2014 годы, которая нацелена на ознакомление молодых людей с исторической ролью Православия, формирование нравственных устоев личности, сохранение исторической и нравственной памяти народа. Стороны договорились реализовывать Программу в соответствии с принципами:

взаимного уважения и невмешательства в дела, относящиеся к компетенции Сторон;

светского характера образования;

толерантности, означающей в данном контексте, что сотрудничество органов и учреждений образования с Белорусской Православной Церковью не имеет целью ущемление прав других конфессий или граждан и не препятствует им развивать в рамках действующего законодательства сотрудничество с системой образования;

уважения прав учащихся на формирование собственной позиции в отношении религии и прав родителей или лиц, их заменяющих, на воспитание детей в соответствии с собственным отношением к религии. И что немаловажно, обе стороны на паритетных началах несут общую ответственность за исполнение Программы [2].

Целенаправленность и системность процесса взаимодействия нормативно обеспечивает Положение о порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.06.2011 № 838. На основании данного документа разработаны «Методические рекомендации по организации сотрудничества учреждений образования с Белорусской Православной Церковью», в соответствии с которыми планируется воспитательная работа учреждений образования в данном направлении.

Сложилась определенная система взаимодействия учреждений образования с Белорусской Православной Церковью и в г Минске. Эта система имеет два вектора движения: горизонтальный, предусматривающий сотрудничество учреждений образования между собой и своими социальными партнерами, в том числе, с приходами Белорусской Православной Церкви, и вертикальный, демонстрирующий сотрудничество с Белорусской Православной Церковью на разных ступенях образования: начиная с дошкольного и завершая учреждениями высшего и дополнительного образования.

Практика сотрудничества уже обозначила приоритетные направления деятельности.

1. Прежде всего, это *образовательно-просветительская* практика работы (ознакомление с традиционными ценностями и приобщение к ним, постижение

начал духовно-нравственной культуры, изучение основ Православия и т. д.).

Учащимся учреждений общего среднего образования предоставлена возможность посещать факультативные занятия соответствующей направленности: «Христианские ценности и художественная культура (православная традиция)»; «История вероисповеданий и религиозных движений Беларуси»; «Библейские и евангельские сюжеты в белорусском изобразительном искусстве»; «Культура и религия»; «Основы религиоведения»; «Основы этнографії Беларусі»; «Гісторыя Беларусі у сярэднія вякі і да канца 18 стагоддзя»; «История вероисповеданий и религиозных движений Беларуси». Например, в программе факультативного курса для 11 класса «Основы культурологии» рассматриваются такие проблемы как «Религия в системе духовной культуры», «Религия и искусство», «Религия и мораль», «Влияние процесса христианизации на развитие культуры Беларуси». Программы указанных факультативов утверждены Министерством образования Республики Беларусь.

Приказом Министерства образования Республики Беларусь от 09.07.2012 №546 «О порядке осуществления экспериментальной и инновационной деятельности в 2012/2013 учебном году утвержден инновационный проект «Внедрение модели формирования духовно-нравственных и патриотических чувств учащихся учреждений образования посредством реализации Программы сотрудничества между Министерством образования и Белорусской Православной Церковью. Участниками названного проекта являются ГУО «Гимназия № 11 г. Минска» и ГУО «Средняя школа № 70 г. Минска» [3, с. 15–16].

Чтобы хранить и развивать начала, на которых традиционно зиждется семья и общество в целом в гимназии № 11 осуществляет свою деятельность духовно-образовательный проект «ЛОГОС», авторами и вдохновителями которого являются православный священник Святослав Рогальский и администрация гимназии. Отметим, что с сентября 2012 года на базе гимназии был создан городской ресурсный центр по духовно-нравственному воспитанию, методическое сопровождение которого осуществляет Минский городской институт развития образования.

Следует отметить, что центрами просветительской работы в учреждениях образования являются библиотеки, многие из которых являются медиацентрами. В библиотеках учреждений образования организуются выставки для учащихся и их родителей «Главные христианские праздники и их отражение в культурной традиции белорусского народа», «Главные святые Белорусской земли». «Христианство в Беларуси», проводятся тематические выставки обзоры методической литературы «Духовное возрождение: воспитание и образование», «Школа и Церковь: путь сотрудничества» и т. д. Следует пояснить также, что фонды школьных библиотек постоянно и планомерно пополняются книгами издательства Белорусского Экзархата в рамках закупки социально-значимой литературы. Например, в библиотеке средней школы №123 г. Минска около 400 книг по обозначенной тематике. Методическое сопровождение работы библиотекарей г. Минска осуществляется через педагогическое сообщество – клуб «Буквица» при Минском городском институте развития образования.

В столичном регионе стало традицией приглашение представителей Белорусской Православной Церкви на мероприятия, проводимые в рамках повышения квалификации педагогов на базе Минского городского института

развития образования, проведение совместных передвижных выставок по типу «Человеческий потенциал Беларуси», организация научных конференций («Этикет и культура», «Педагогическая культура: проблемы становления и развития», «Нравственность. Духовность. Традиции.»), проведение фестиваля современной хоровой культуры «Благовест» (ГУО «Средняя школа №212 г. Минска», ГУО «Средняя школа №66 г. Минска», ГУО «Средняя школа №3 г. Минска» ГУО «Средняя школа №4 г. Минска»), участие в Свято-Евфросиниевских педагогических чтениях (ГУО «Гимназия №1 г. Минска»).

Планируется открытие на базе Минского городского института развития образования информационно-просветительского центра «Слово» по оказанию информационной и методической помощи педагогам учреждений образования при организации работы с религиозными объединениями и использовании религиозной литературы.

2. Нарботана в рамках сотрудничества и определенная *социальная практика*, предусматривающая объединение возможностей и интересов различных групп «заинтересованных воспитателей», реализацию милосердных дел, акций по оказанию помощи тем, кто в ней нуждается, развитие добровольческого движения, привитие навыков здоровьесберегающего и энергосберегающего поведения.

Принцип социальной востребованности предполагает, что воспитание, чтобы стать эффективным, должно быть востребованным в жизни ребенка, его семьи, других людей, общества. Социализация и своевременное социальное созревание ребенка происходят посредством его добровольного и посильного включения в решение проблем более взрослого сообщества. Полноценное духовно-нравственное развитие человека происходит, если воспитание не ограничивается информированием о тех или иных ценностях, но открывает перед ним возможности для нравственного поступка [4, с. 37].

В учреждениях образования организована работа отрядов «Милосердие», «Забота», «Ладощка в ладошку», развивается волонтерское движение с целью оказания помощи одиноким гражданам, инвалидам, ветеранам войны и труда, шефства над учреждениями интернатного типа, социально-педагогическими учреждениями, проводятся акции по уходу за воинскими захоронениями. Обучением волонтерских групп в рамках международного проекта «Беларусь и мир, внедрение инноваций во внешкольное образование молодежи» занимался Минский городской институт развития образования. Результатом совместной деятельности средней школы №83 г. Минска и Минской духовной семинарии стала организация оздоровительно-трудового лагеря для учащихся школы и воспитанников детских домов. Основными задачами лагеря было формирование таких жизненных установок, как человечность, любовь, сострадание, ответственность, уважение, моральный закон, долг. Общение учащихся учреждений образования и семинаристов приучало уважать другого человека, отстаивать свое мнение, принимать общепринятые нормы поведения.

3. Как известно, формирование сознания и самосознания человека, определение собственного места в мире, связь с предшествующими поколениями начинаются с усвоения знаний о своем духовном наследии, которое воспринимается сначала на уровне семьи, малой родины, а впоследствии, на уровне национальной и мировой культуры [5].

В связи с этим, хочется выделить еще один аспект сотрудничества, его *эколого-туристическую направленность*, предполагающую знакомство со святынями Беларуси, воспитание бережного отношения к историческим памятникам и культурному наследию страны, реализацию принципов «педагогике дела». Ориентация на ценности, в том числе, региональные, означает гуманизацию и гуманитаризацию образовательного окружения. Несомненно, наши обучающиеся путешествуют много и часто, но, на мой взгляд, несколько хаотично, без установки на системное познание и личностный рост. Полагаю, есть необходимость создания совместными усилиями нечто вроде «культурной дорожной карты» для каждой возрастной группы учащихся с тем, чтобы познание мира начиналось с изучения улицы, на которой живешь, посещения ближайшего храма, познания родного города, региона, страны.

Интересно предложение В. М. Лизинского, кандидата педагогических наук, профессора АПКиПРО, главного редактора журнала «Научно-методический журнал заместителя директора школы по воспитательной работе» (г. Москва) о том, как стимулировать и приобщать к культуре семейное окружение обучающегося посредством Культурной семейной карты. Карта выдается классным руководителем каждой желающей семье. Родители совместно с детьми заносят в карту то, что планируют, и то, что получилось.

Культурная Семейная карта							
Концерты, спектакли, выставки, музеи	Библиотеки, число прочитанных книг каждым членом семьи	Познавательные поездки, экскурсии	Посещение спортивных мероприятий, занятия спортом	Любимые музыкальные произведения	Формы общения с природой	Журналы и газеты, которые читают члены семьи	Любимые телевизионные передачи

Заполненные Культурные карты ненавязчиво представляются родительскому сообществу класса. Понятно, что количество карт может быть очень маленьким и число родителей, согласившихся принять участие в таком эксперименте, окажется в пределах 1–3 семей, но это не суть важно. Главное – показать, что есть и такая форма семейной жизни, кроме обычного мещанского безразличия ко всему происходящему вокруг.

4. Особое внимание в рамках сотрудничества уделяется развитию творческого начала воспитанников. Так, используя потенциал православных традиций и музыкально-художественной направленности средней школы №207 г. Минска удалось создать социально-культурный центр микрорайона и предоставить возможность детям получать дополнительное образование общеэстетической направленности. Уже несколько лет осуществляется взаимодействие педагогов школы и представителей прихода храма преподобного Серафима Саровского в Минске. Особое внимание уделяется администрацией школы и педагогами воскресной школы организации ежегодных праздников

Рождества Христова. Гостями таких праздников становятся дети-инвалиды и их родители, дети-сироты, воспитывающиеся в ГУО «Школа-интернат №11 г. Минска», ГУО «Детская деревня «Истоки» многодетные семьи, жители микрорайона «Малиновка». Опыт работы по развитию творческих способностей посредством театральной направленности может поделиться средняя школа №136 г. Минска. К слову сказать, указанные учреждения образования также являются ресурсными центрами по воспитательной работе, а их методическое сопровождение осуществляется нашим Институтом.

Значительное внимание в рамках сотрудничества уделяется работе с семьей, как самым главным социальным институтом воспитания. Используются следующие формы работы: выпуск информационных материалов для родителей; проведение консультаций, круглых столов с привлечением священнослужителей, которые помогают избежать ошибок в налаживании православного воспитания в семье; проведение семейных праздников церковного календаря.

Формы и методы работы с детьми педагог выбирает соответственно с их возрастными и индивидуальными особенностями, опираясь на взгляды и пожелания законных представителей воспитанников. Например, ГУО «Средняя школа № 123 г. Минска» сотрудничает с Белорусской Православной Церковью с 2004 года. В рамках реализации государственной Программы ГУО «Средняя школа № 123 г. Минска» подписан Договор с приходом храма св. апостола Андрея Первозванного. Сотрудничество реализуется через объединение по интересам «Чистые истоки», в рамках которого регулярно проводятся беседы и классные часы на темы: «Основной закон нравственности», «Как мы почитаем своих родителей», «Что в имени тебе моем?», «Компьютерные игры: за и против», «Добро и зло». Живой интерес вызывают поездки по святым местам Беларуси, организация выставок декоративно-прикладного искусства, проведение образовательных вечеров и праздников, посвященных православным праздникам. Опыт своей работы педагоги школы позиционируют на научно-практических конференциях, городских и республиканских педагогических чтениях. На базе школы ГУО «Академия последипломного образования» и ГУО «Минский институт развития образования» проводили целевое повышение квалификации педагогов по духовно-нравственному воспитанию, там же проходят практику студенты Института теологии им. свв. равноап. Мефодия и Кирилла БГУ.

5. Несомненно, важнейшей составляющей нашей совместной работы является профилактика вредных привычек, суицидов, нравственного падения, игровой зависимости, приобщение к здоровьесберегающему поведению. Здесь особую значимость приобретает индивидуальная работа с подростком, основанная на доверии и расположении. СППС учреждений образования очень «подвижная» структура в плане сменяемости кадров, требующая постоянной, системной учебы. Совместно с фондом «Семья. Единение Отечество» в текущем учебном году были организованы практико-ориентированные курсы для педагогов психологов «Профилактика кризисных состояний». Помимо этого, для педагогов проводятся семинары, встречи, разработан электронный ресурс. Вместе с тем, мы реально понимаем, что достучаться удастся далеко не каждого оступившегося или уже стоящего над пропастью. И вот здесь самая большая и острая проблема современного воспитания: «всем миром, всем народом» уделить внимание одному конкретному ребенку, найти к нему дорогу. И не принципиально, кто в этом будет

помогать семье и учреждению образования: атеисты или верующие, православные или католики. Важно, что это свершается во имя конкретного маленького человека тем взрослым, кому он доверяет, на чью помощь рассчитывает.

В заключение хочу привести девиз одного из классов СШ №137, где организованы факультативы «Основы православной культуры». Дети назвали себя «Зернышки», а девизом своей жизни избрали «Будем вместе с солнышком каждый день с утра всюду сеять зернышки мира и добра» Сила Православия заключается в приоритете духовных ценностей над материальными благами. Духовность понимается как ценностное измерение высших начал: добра, любви, истины, правды, красоты, жизни, человечности, сочувствия, как приоритет таких ценностей как Родина, семья, долг, подвиг. Они должны стать нормой нашей жизни и жизни наших детей, на достижение этой цели направлено сотрудничество учреждений образования и представителей Белорусской Православной Церкви.

Литература и источники

1. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 98-З «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006г., № 9, 2/1195).
2. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2011–2014 гг.
3. Емельянчик, Л.В. О реализации Программы сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь и Белорусской православной Церкви / Л. В. Емельянчик // Духовность, нравственность, традиции: сборник материалов республиканской научно-практической конференции, а.г. Жировичи, 30–31 мая 2013 г. – Минск, 2014.
4. Захожая, Н. Н. Организация духовно-нравственного развития и воспитания учащихся в условиях столичного региона / Н. Н. Захожая // Духовность, нравственность, традиции: сборник материалов республиканской научно-практической конференции, а.г. Жировичи, 30–31 мая 2013 г. – Минск, 2014.
5. Катович, Н. К. Опыт реализации воспитательного потенциала Программы сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью в инновационной деятельности учреждений образования / Н. К. Катович, Р. Н. Клесова // Духовность, нравственность, традиции: сборник материалов республиканской научно-практической конференции, а.г. Жировичи, 30–31 мая 2013 г. – Минск, 2014.

РОЛЬ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

М. А. Ковалёв

Несмотря на растущий в обществе секуляризм, у определенного контингента общества, в особенности у молодежи, наблюдается растущий интерес к религиозным учениям, причем не только на фоне поднятия общего уровня эрудированности, но и в рамках образования.

В последнее десятилетие религия все больше выходит в СМИ и социум: общие аудиенции папы Франциска можно смотреть на youtube в режиме онлайн [12], Радханатх Свами выступает в парламенте Великобритании [10], Далай Лама пишет в твиттере [11], трансляции важнейших культовых служб, например Песах,

Пасхи, Курбан Байрама, можно увидеть по кабельному телевидению. На каналах культуры появляются тематические программы (Символ веры), издаются газеты (Царква) [13], радиопередачи (Слово к верующим). Всего этого не было бы, если бы не интерес общества.

Религиозное гуманитарное образование играет важную роль в жизни общества. Если не брать в пример духовные семинарии, папские институты, духовные школы при монастырях, доступ куда разрешен преимущественно только для клира, на примере Республики Беларусь я могу выделить несколько учреждений, которые занимаются изучением религии и религиозного образования: 1. Институт теологии БГУ (До 2004 факультет теологии ЕГУ) [15] 2. Минский катехизический колледж 3. Предмет «Религиоведение» на факультетах философии и социальных наук, а так же «Сравнительное религиоведение» на исторических факультетах 4. В рамках курса «Общей теории права» и «Истории государства и права» на юридических и факультетах рассматриваются теократические государства и их концепция, каноническое право [3] 5. Курсы катехизации при приходах 6. Две еврейские среднеобразовательные школы в Минске и одна в Могилеве. 7. Селезианский центр св. Боско.

Если брать в пример рост интереса к религиозному образованию в СНГ и странах постсоветского пространства, то в Санкт-Петербургском государственном университете планируется открытие факультета теологии [17], в Вильнюсском государственном университете существует центр религиоведения, в Польше действует университет имени кардинала Стефана Вышинского [16]. Во многих университетах и институтах мира, в том числе, таких как Гарвард, Оксфорд, занимаются изучением религии, создаются факультеты теологии, которые выпускают как священников, так и мирян с богословским образованием. Известный всем митрополит Иларион (Алфеев) обучался в Оксфорде и в Кембридже [8]. В мире действует большое количество католических университетов, в таких городах как Варшава, Лиль, Париж, Милан [9], которые готовят специалистов не только в области религиоведения, но так же в области права, психологии, политологии, экономики, сельского хозяйства, иностранных языков. Многие известные богословы заканчивали Папские университеты и институты. Подобные учебные заведения заканчивают православные деятели.

Можно выделить инициативы, как, например, встреча религиозных деятелей (монахов, священников, нунциев) с мирянами. В католицизме существуют монашеские ордена доминиканцев, селезианцев, иезуитов, целью которых являются образование населения. Если углубиться в историю, то на территории Великого княжества Литовского основную массу образованного населения выпускали школы при церковных приходах, высшее образование получали и в Полоцком иезуитском коллегиуме (1580). Даже на территории нынешней РФ первым высшим учебным заведением была славяно-греко-латинская академия (1687), которая позже стала Московской духовной академией (1814) [14].

Даже не углубляясь в корень вопроса, мы видим, что религия и связанные с ней науки и понятия достаточно глубоко связаны с преподаванием гуманитарных наук в целом, начиная от курса истории и влияния церкви в течении исторического процесса развития общества и заканчивая современными политическими системами государств как теократических, так и светских (клерикальных и секулярных) [2].

Однако, в чем же важность преподавания религиозных наук в целом? Первым делом, это подготовка высококвалифицированных специалистов в области богословия и религиоведения, которые активно работают в райисполкомах, отделах милиции по миграции населения, СМИ, что очень важно для стран с многонациональным и многокультурным укладом, с целью предупреждения правонарушений и исключения межкультурных конфликтов. Во-вторых, это культурное обогащение населения. В современном обществе уже считается нормальным, что буквально в одном доме живут христиане и мусульмане, буддисты и кришнаиты, а ведь в каждой конфессии есть свои ответвления, например католики и православные, лютеране и кальвинисты, сунниты и шииты... И во всем этом любой современный человек должен хотя бы немного разбираться, чтобы банально не оскорбить чувств верующих. В-третьих, это подготовка профессиональных педагогических кадров, которые смогут системно донести знания до людей. В-четвертых, ни для кого не является секретом, что наблюдается активный рост сект (Свидетели Иеговы, Церковь Сайентологии), в том числе и деструктивных (Белое братство, Аум Синрике) [4]. Нужны специалисты, которые способны дать адекватную оценку деятельности той или иной религиозной общины. Ну и самое, на мой взгляд, важное, это религиозное самоопределение человека. Большинство опрошенных мной людей называют себя верующими, если брать мировую статистику, то около 65% людей приписывают себя к какой-либо конфессии. Но разве достаточно знать символ веры и ходить в церковь на Пасху или на Шабат в синагогу? Каждый уважающий себя человек, который считает себя принадлежащим к какой-либо конфессии, должен знать основные положения своих священных книг (Библия, Тора, Веды, Коран...), знать и понимать, что есть грех, для чего нужны и что означают те или иные обряды (Конфирмация, Барница), и главное – достойно представить свою религию человеку, принадлежащему к другому религиозному миру.

Цель моей работы – всестороннее изучение вопроса преподавания религии в учреждениях образования Беларуси, но не только на письменных источниках и статьях в СМИ – а на личном общении и опросе учеников, студентов, слушателей данных курсов, мнение непосредственно преподавателей данных дисциплин, людей как светских, так и духовных. А так же подвести главный итог: нужно ли подобное образование вообще, насколько востребованы специалисты в области религиоведения в современном мире, также особенности преподавания данных дисциплин, а так же проблемы реализации религиозного образования на законодательном уровне.

Литература и источники

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. – М., 1981. – Т. 1.
2. Аринин, Е. И. Психология религии: учеб. пособие для студентов специальности «Религиоведение» / Е. И. Аринин, И. Д. Нефедова. – Владимир, 2005.
3. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учебное пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск, 2010.
4. Макарова, Н. Тайные общества и секты. – Москва, 1997.
5. Миронов, А. В. Основы религиоведения: рабочая книга преподавателя и студента / А. В. Миронов, Ю. А. Бабинов. – М., 1998.
6. Понкин, И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М., 2003.

7. Понкин, И. В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование. – М., 2005.
8. Биография митрополита Илариона [Электронный ресурс] Митрополит Иларион (Алфеев). – Режим доступа: <http://hilarion.ru/about>. – Дата доступа: 28.04.2014.
9. Список католических университетов мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/256665.html>. – Дата доступа: 27.04.2014.
10. Свами в парламенте Великобритании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=7TA2jYTDT5M>. – Дата доступа: 29.04.2014
11. Твиттер Далай Ламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com/DalaiLama>. – Дата доступа: 27.04.2014.
12. Канал общих аудиенций Папы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=DHPU2WiHk3E>. – Дата доступа: 27.04.2014.
13. «Царква» – Беларуская грэка-каталіцкая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://carkva-gazeta.by>. – Дата доступа: 28.04.2014.
14. История Московской духовной академии [Электронный ресурс]. – <http://www.mpda.ru/info/>. – Дата доступа: 28.04.2014.
15. Институт теологии БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inst.bsu.by>. – Дата доступа: 26.04.2014.
16. Университет Стефана Вышинского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uksw.edu.pl/>. – Дата доступа: 26.04.2014.
17. Открытие факультета теологии СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spbu.ru/6264>. – Дата доступа: 26.04.2014.

Семья и семейное воспитание: религиозные и светские ценности

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ АКСИОСФЕРЫ В ОБРАЗОВАНИИ И СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

Н. К. Эйнгорн

Нарастающая тенденция либерализации общественной и личной жизни сопровождается плюрализацией и релятивизацией аксиосферы. Ситуация множественности и относительности ценностей существенно усложняет проблему их выбора. Помощь в этом должны оказывать, прежде всего, семья и система образования. Насколько готовы они к этому? Все более актуальной становится мудрость: «Прежде, чем воспитывать, воспитатель сам должен быть воспитан» и обучен.

Первым учителем жизни является семья, «живая лаборатория человеческих судеб» (И. А. Ильин). Родители, по сути, экспериментируют судьбой своих детей, чаще всего, методом проб и ошибок. Первые в жизни ребенка педагоги – родители. Родительская, семейная педагогика действительно судьбоносна для ребенка. Но родители – не профессионалы, так как в подавляющем большинстве не учились в школах или университетах родительской и семейной педагогики. Надежда на дошкольные и школьные образовательные учреждения, на их дополняющую и корректирующую роль есть, но она не всегда оправдывается.

Работники всех уровней образования получают теоретическую профессиональную подготовку, а практически обучать и воспитывать им

приходится в не всегда и им понятном, противоречивом смешении ценностей, псевдоценностей и антиценностей. Их личная аксиосфера есть избирательное отражение аксиосферы общества, в котором они живут и работают. Она не может не влиять на обучение и воспитание. Поэтому необходима культура морального выбора приоритетных для образования ценностей и, в целом, моральная культура педагога, профессионально призванного воспитывая, обучать.

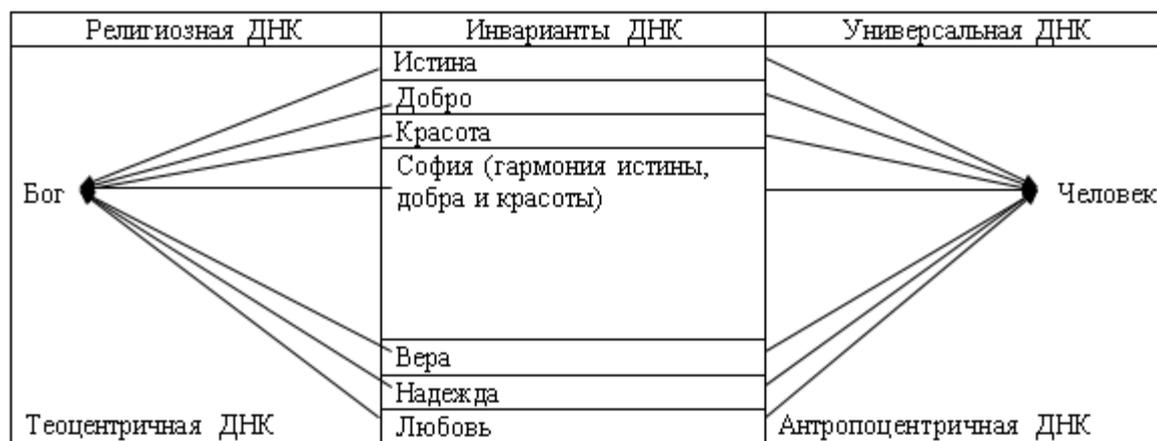
В современных условиях активного возвращения религиозного мировоззрения, религиозной культуры, религиозных практик в жизнь общества и личности на постсоветском пространстве перед системой образования и ее работниками возникла новая сложная задача оптимального компромисса между законным светским характером государственной системы образования и необходимостью религиозного просвещения. Жизнь требует от образованного человека знаний истории мировых религий, специфики религиозных духовно-нравственных ценностей, культур, чтобы сознательно делать свой нравственный выбор, уважая право другого человека на иные ценностные предпочтения.

В Российской Федерации несколько лет одним из вариантов такого компромисса является преподавание в 4–5 классах новой учебной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Стандарт этой дисциплины корректируется, ее преподавание планируется продолжать в средних и старших классах. Новая учебная дисциплина содержит шесть модулей, один из которых выбирают, естественно, родители, ведь ребенку сложно в таком возрасте сделать сознательный выбор. Этими модулями являются: православие, ислам, иудаизм, буддизм, обобщенная история мировых религий, светская этика. Выбор осуществляется по принципу «или»: или православие, или буддизм, или светская этика и т. д. А живет ребенок в светском государстве, воспитывается как гражданин светского государства, но в реальной ситуации распространения религиозных верований, практик, культур.

Светское образование по закону «Об образовании в РФ» имеет научный характер, призвано, воспитывая, обучать научным знаниям. Религиозное образование должно осуществляться религиозными образовательными учреждениями: духовными училищами, духовными семинариями, духовными академиями. Преподаватель математики общеобразовательной государственной школы, например, не имеет законного права учить Закону Божьему на своих уроках, даже, если он верующий, воцерковленный человек. А такие случаи известны. Новая учебная дисциплина ОРКСЭ призвана давать научные культурологические знания о мировых религиях, их объективной исторической социокультурной роли, которая состояла и состоит в аккумулировании, сохранении и трансляции от поколения к поколению высших, вечных, духовно-нравственных ценностей.

Современная духовно-нравственная культура (своеобразная «ДНК человеческого» в Человеке) состоит из двух исторически сформировавшихся в разное историческое время типов: «религиозной ДНК» и нерелигиозной, условно, «универсальной ДНК». Аксиосфера этих культур имеет общий инвариант (неизменное в изменчивом), позволяющий исследовать их единство и различия.

Рисунок 1. Сравнительная характеристика религиозной и универсальной ДНК

Универсальная, антропоцентричная духовно-нравственная культура укоренена в античной философии и культуре (Протагоровское «Человек есть мера всех вещей...»). Эпоха Возрождения провозглашает, оправдывает ценность человека (антроподицея) и его земной жизни. Со времени этой эпохи можно числить становление и развитие универсальной духовно-нравственной культуры, которая основана на высших духовных ценностях и призывает утверждать Истину, Добро, Красоту Человека.

Современное школьное обучение и воспитание правомерно осуществлять в аксиосфере универсальной духовно-нравственной культуры, которая способна пробуждать потребность учащегося в понимании, чувственно-эмоциональном переживании и практическом воплощении того, что есть Человек истинный, добрый, прекрасный, гармонично совершенный. Но для этого педагогу необходимо верить в своих учеников и любить их, надеяться на их совершенствование, быть для них Учителем, а не преподавателем учебных дисциплин. А Учитель – это Звание духовно-нравственное, только Учитель способен вдохновлять своих учеников на творчество, совершенство, гармонию. Пафосно, возвышенно, нереально? Но чем больше реальность удаляется от мира духовных ценностей, тем более спасительными они становятся. А сегодня воспитывать и значит спасать.

Светской составляющей в обучении и воспитании является воспитание духовного чувства любви к своей Родине. С 2000 года в России осуществляется государственная «Программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации». Слово «патриотизм» нередко вызывает скептические и нигилистические реакции. Это объясняется имевшими и имеющими порой место идеологическими и политическими спекуляциями термином и проблемой патриотизма. Но в духовно-нравственной аксиосфере любовь к Родине «дана духом и для духа» и «нельзя не любить родину, какой бы она не была» (И. А. Ильин). В воспитании этой духовной любви возможно взаимное дополнение религиозной и нерелигиозной духовно-нравственных культур в возвышении Человека.

УВАЖЕНИЕ ЗАКОНА БОЖЬЕГО СПАСАЕТ ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ

Антун Лисец

Начну с серьезных вопросов: «На каких принципах школы, университеты и все другие учебные заведения воспитывают народ? Что хорошо? Что плохо? Как надо, а как нельзя поступать?»

С одной стороны – Десять Божьих заповедей, которые Господь Бог дал не только Моисею и евреям, а каждому человеку. Мы, христиане, с этим согласились. Никто не может быть умнее Господа Бога и сделать что-то хорошее и полезное для жизни, здоровья, семьи, экономики, культуры, экологии, нарушая заповеди. Неблагополучная ситуация в разных сферах человеческой жизни свидетельствует о том, что многие нарушали Божий Закон.

С другой стороны: этический релятивизм, неоязычество, которое возвело грехи в ранг ложных божеств, или секулярное мировоззрение, как это называет Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

Теперь познакомлю всех с Десятью Божьими Заповедями [1]: 1. Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов, кроме Меня! 2. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно! 3. Помни святить день Господень! 4. Почитай отца своего и мать свою! 5. Не убивай! 6. Не прелюбодействуй! 7. Не кради! 8. Не свидетельствуй ложно против ближнего твоего! 9. Не пожелай жены ближнего твоего! 10. Не пожелай имущества ближнего твоего!

В этой статье я объясню немного некоторые из них.

О Первой Божьей заповеди. Для того что бы человек отказался от неправильного образа жизни, главной мотивацией является вера в Господа Бога, забота о спасении собственной души, что будет с душой после смерти. Это значит, что нельзя участвовать в грехе. Многие жертвы атеистической пропаганды и борьбы против Первой Божьей заповеди, к сожалению, потеряли чувство стыда и страха перед грехом. Это стало источником неправильного образа жизни во многих сферах. Последствия отражаются не только на духовном уровне, а гораздо шире, проявляются даже в отдаленном будущем.

О Заповеди Божией: Не убивай! Определенно понятно, что нельзя убивать человека. Это значит, что нельзя участвовать в убийстве посредством активной или пассивной эвтаназии, что надо избегать нанесения вреда здоровью табакокурением, алкоголем, наркотиками, что надо осторожно ездить на транспортных средствах, чтобы избегать аварий на дорогах. Нельзя наносить людям психическую травму, из-за которой тоже может пострадать здоровье. Нельзя убивать и детей, которые еще не родились! Надо уважать жизнь и тех детей, которые еще не имплантировались в матку. Во время зачатия тело ребенка от 0,1 до 0,15 миллиметра, а вес его приблизительно 0,004 миллиграмма. Самая частая причина смертности человека сегодня в некоторых странах – это убийство детей до их имплантации в матку. Во время использования всех видов спиралей, всех видов так называемых противозачаточных таблеток и других гормонов против детей (гормональных пластырей, посткоитальных гормонов, уколов и имплантатов), зачатие все же часто происходит, а эти средства автоматически убивают ребенка, чаще всего до имплантации в матку. Задержки

менструации вообще не происходит и женщина даже не подозревает, что была беременна. Когда появляется задержка, беременность составляет приблизительно 2 недели после зачатия. И эти средства убивают ребенка уже именно в этом периоде. Таких детей убивать нельзя! Иисус сказал: *«Истинно говорю вам: так – как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»* (Мф 25, 40).

Известно, что массовые убийства детей до имплантации происходят и при оплодотворении в пробирке, так называемом «экстракорпоральном оплодотворении» (ЭКО). Даже те, кто совершают такого рода греховные действия, даже они в своих статьях пишут, что при таком зачатии рождается менее 5% детей. А где же остальные? Мы слышим, что некоторых бросают в канализацию, над некоторыми проводят смертельные эксперименты, некоторых помещают в холодильные камеры, некоторых убивают через «доимплантационную диагностику» или разными другими методами. Но даже большинство тех, которых пробуют имплантировать в матку, погибают из-за неестественных условий.

О Заповедях Божьих: Не прелюбодействуй! Не пожелай жены ближнего твоего! Это значит, что нельзя совершать то, что могло бы представлять сексуальное возбуждение до или вне такого брака, который благословлен Богом и неразрывен до смерти одного из супругов. Также это значит, что нельзя разделять связь, которую Господь Бог имеет в виду, между специфическим супружеским актом и зачатием. Поэтому тяжкими грехами являются контрацепция и стерилизация, где хотят иметь брачные отношения без зачатия, а также и искусственное оплодотворение, где хотят зачатия без супружеского акта. В случае оправданных причин избегать зачатия разрешается воздерживаться в плодные (фертильные) дни. Сегодня плодные и неплодные периоды можно очень просто и точно определить, даже при неправильных или нерегулярных циклах с помощью естественных методов: Биллингс или симптотермического.

Об аргументах против искусственного оплодотворения можно прочесть в документах Конгрегации по делам доктрины и веры Католической Церкви «*Donum Vitae*» [2] и «*Dignitas Personae*» [3]. Об аргументированных причинах против грехов контрацепции, стерилизации и убийства написано особенно в Папских Энцикликах «*Casti Conubii*» [4] и «*Humanae Vitae*» [5].

Мы видим, что силы зла с одной стороны борются с плодностью людей, а с другой – когда плодность потеряна – делают все, чтобы заработать на грехе искусственного оплодотворения, проводя параллельно массовые убийства.

Силы зла посредством рекламы и распространения контрацептивных, abortивных средств и аморального поведения, порнографии, вместе с аморальным «воспитанием», которое в некоторых странах проводилось и через систему образования, поддержали грех добрачной и внебрачной сексуальной жизни. Это развило отрицательное отношение к Божьему дару плодovitости, детям, браку, привело к многочисленным разводам и детям, оказавшимся в приютах или на улицах, инфицированию венерологическими заболеваниями в таком проценте, какой раньше никогда не был в истории человечества. Как результат инфицирования человеческим папиллома вирусом, очень распространился рак шейки матки, а разные инфекции привели к бесплодию как у женщин, так и у мужчин. Надо подчеркнуть, что все эти инфекции передаются и через греховное латексное средство презерватив. Нет ни одной страны в мире, где рекламой

презервативов остановили или уменьшили процент населения, зараженного СПИДом или другими заболеваниями. Существует даже медицинский факт, что большинство инфекционных, даже смертельных заболеваний, передается уже через некоторые поцелуи. Никто не хотел бы в ресторане пить из грязного стакана или пользоваться чужой, грязной зубочисткой. А через некоторые поцелуи передается больше бактерий и вирусов, чем через грязный стакан или зубочистку.

Папский консилиум о семье в документе «Истина и значение человеческой сексуальности» говорит: «Родители тоже должны отказаться от пропаганды так называемого «safe sex» (безопасного секса) или «safer sex» (более безопасного секса), опасной и аморальной политики, основанной на ложной теории, что презерватив может обеспечить надежную защиту против СПИДа».[6]

Когда люди проводили атеистическую пропаганду, Господу Богу они не смогли навредить, а пострадал человек. Пострадало его здоровье, семья, экономика, культура и экология.

Родители с доверием отправляют детей в школу. Школа не является хозяином детей и не имеет права проводить образование против Божьих заповедей. Несмотря на то что агрессивная атеистическая пропаганда долго проводилась в Восточной Европе, я думаю, что именно здесь теперь сложилась такая ситуация, что появилось больше, чем в некоторых других странах, свободы для проповедования Закона Единого Бога, Который нас сотворил.

Литература и источники

1. Десять заповедей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://catholic.tomsk.ru/catechism/0321.htm>. – Дата доступа: 02.01.2014.
2. «Donum vitae» (February 1987), Instruction on respect for human life in its origin and on the dignity of procreation, Congregation for the Doctrine of the Faith [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_19870222_respect-for-human-life_en.html. – Date of access: 15.03.2014.
3. «Dignitas Personae» Instruction on certain bioethical questions“, (20 June 2008) Congregation for the Doctrine of the Faith [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20081208_dignitas-personae_en.html. – Date of access: 18.03.2014.
4. «Casti connubii», Encyclical of Pope Pius XI on Christian Marriage (December 31, 1930) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://65.108.168.229/CASTI-CONUBII.html>. – Date of access: 15.03.2014.
5. «Humanae Vitae», Encyclical of Pope Paul VI on the Regulation of Birth (July 25, 1968) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.vatican.va/holy_father/paul_vi/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_25071968_humanae-vitae_en.html. – Date of access: 15.03.2014.
6. «The Truth and Meaning of Human Sexuality» (1995), Pontifical Council for the Family [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/family/documents/rc_pc_family_doc_08121995_human-sexuality_en.html. – Date of access: 15.03.2014.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

С. В. Куртис

В современном обществе семейные ценности являются предметом жарких дискуссий и подвержены критической оценке, вплоть до формулирования моделей развития общества, которое «обошлось» бы без традиционного семейного уклада. Девальвация родительского авторитета, которая наблюдается сегодня в различных сообществах, привела к явлению, которое квалифицировать как кризис семьи.

Такая разновидность кризиса, как «кризис родительства», обусловлена многими причинами, в том числе и тем, что поведение большинства мужчин и женщин в семье и обществе не соответствует требованиям, предъявляемым окружающими людьми и современными социальными институтами. Сложившееся положение дел требует постоянного внимания к институту родительства и его систематического изучения в современном социокультурном контексте.

В основе сложившегося кризиса родительства лежат, прежде всего, духовные причины (или причины из духовной сферы как сферы наивысшего приоритета). Главную причину можно сформулировать так: потеря нравственных ориентиров родителей в отношении своего истинного призвания – быть прежде всего родителями, а лишь затем – специалистами (профессионалами), которые интегрированы в общество.

Преодоление кризиса отцовства видится, прежде всего, в восстановлении духовных приоритетов в жизни семьи, которые вырабатываются в каждодневном труде взаимоотношений с детьми. Общество, которое перестало «распознавать» уникальность роли родителей, забыло об их истинном предназначении, сталкивается с большими социальными, психологическими и экономическими потерями.

Отцовство формирует в человеке здоровое, правильное представление о себе через чувство принадлежности, взаимной любви и заботы. Условием успешного отцовства является согласование всех видов активности (духовной, душевной, телесной) с подлинным назначением родительства как принципом, существующим и воспринимаемым на идейном и ценностном уровне. Незнание этого принципа не может оправдать наших жизненных промахов и ошибок. Расплачиваться за него приходится неудачами, разочарованиями, неиспользованными жизненными возможностями.

Ниже приведена примерная концепция семинара для тех, у кого имеется потребность понимания отцовства. Одна из его целей – собрать вместе мужей и отцов, кто желает стать соавтором в грандиозном Божьем проекте, в деле более глубокого осмысления Божьего замысла о роли мужа и отца, о назначении отцовства в семье и обществе. Подобный семинар, который может быть организован в различных форматах, послужил бы делу переосмысления проблемы отцовства в семье и обществе и помог бы целевой аудитории в расстановке жизненных приоритетов.

Задачи проблемного семинара можно сформулировать следующим образом: а) помочь обучающимся преодолеть ошибочные установки в понимании и проявлении отцовства, б) предоставить возможность изучения подлинных моделей поведения отцов в семьях, в) помочь отыскать ориентиры в духовно-нравственном

измерении отцовства; г) способствовать осознанию назначения отца в семье, вне семьи, в обществе и принятию отцами ответственности за свои семьи в условиях современной жизни, а также д) предоставить возможность узнать об отцовстве больше через интерактивное обсуждение проблемных семейных вопросов с привлечением личного опыта участников.

В программе занятий семинара для мужчин и отцов могли бы «звучать» следующие проблемные вопросы: а) отцовство как наиважнейшее занятие для мужчин; б) ключевые качества отцов; в) проявление любви к матери ребенка (детей); г) культивирование ответственности отцовства; д) авторитет отца в семье и обществе; е) исполнение отцами своих обязательств; ж) отцовская любовь как служение своей семье и др.

Мужьям и отцам есть, что обсудить со своими «коллегами» по отцовству. Следует исходить из того, что отцовство – это не просто «любезность» со стороны биологической природы, не только социальный долг перед обществом, но Божье установление, которое является универсальным законом, не имеющим срока действия или каких-либо исключений.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

А. С. Палибина

Одной из главных целей брака православная религия считает деторождение. Не случайно, народная мудрость называет детей «благодатью Божьей». Существуют различные народные пословицы и поговорки, отмечающие ценность детей: «Первый сын – Богу, второй – царю, третий – себе на пропитание»; «Кто красен дочерьми да сынами в почете – тот в благодати», «Счастлив отец в сыновьях, мать – в дочерях» и т. п.

Однако нужно не только родить ребенка, но еще его и воспитать. В процессе воспитания должны принимать все члены семьи вне зависимости от того, далеко они живут или нет. Молодые родители привносят в воспитание детей опыт своей родительской семьи. Семья, являясь наследницей духовно-нравственных традиций народа, больше всего воспитывает детей своим укладом жизни. Поэтому важно участие в воспитании старших членов семьи.

В истории нашей страны семьи, как правило, были многопоколенными. У крестьян православного вероисповедания главной формой семейной организации была малая семья. Но их детство и юность, как правило, проходили в рамках составной отцовской семьи, включавшей два-три прямых нисходящих поколения, т. е. деда или отца с сыновьями, женами и детьми. Главой этой семьи являлся прадед, дед или отец, которому принадлежало главенствующее положение в семье. Он осуществлял в своей семье патриархальное управление и традиционное господство, основанное на вере в законность и священность отцовской власти. Он распоряжался трудом членов семьи, распределял работу, руководил ею и наблюдал за ней, разбирал внутрисемейные споры, наказывал провинившихся, следил за нравственностью, делал покупки, являлся главой семейного культа и ответственным перед обществом и администрацией за поведение членов семьи. В основе внутрисемейных отношений лежал иерархизм [1, с. 236–237].

Например, при опросе респондентов 35,2% опрошиваемых в городе отметили участие родителей в воспитании детей, но в незначительном объеме. В сельской местности этот процент ниже – 25,9%. При этом многие респонденты отметили важную роль старших членов семьи в воспитании собственных детей.

В процесс воспитания входит также и подготовка к воцерковлению детей. Этот процесс, как правило, очень долгод и труден, но чтобы дети выросли православными, нужно осуществлять их подготовку с раннего детства. Однако с этим мнением православной религии некоторые респонденты не согласны, считая, что дети должны самостоятельно принимать решения об участии в церковной жизни (таблица 1).

Таблица 1. Участие детей в церковной жизни.

Участие детей в церковной жизни	Верующие (%)	Неверующие (%)	Затруднившиеся ответить (%)
да, полностью	6,1	–	0,8
да, но лишь в некоторых обрядах (крещение, причастие)	37,3	2,8	3,6
нет, но хотел(-а) бы	8,2	2,8	2,9
нет, считаю, что дети самостоятельно должны принимать решение об участии в церковной жизни	11,7	14,3	4,7
нет, я против	–	2,4	0,2
другое (мнение респондентов: не знаю)	–	1	1

Из данной таблицы видно, что большинство верующих родителей отличаются достаточно демократичными взглядами и не навязывают своего мнения детям, отмечая, что «мы стараемся привить православную культуру и ее основные ценности детям, но принимать или нет участие в православной жизни, дети должны решать самостоятельно. Это их выбор».

У весьма религиозных верующих средние показатели идеального числа детей, а также желаемого числа детей заметно выше, чем у их менее религиозных единоверцев и вовсе не религиозных людей. Среднее идеальное число детей в семье у всех респондентов в целом равно 2. Однако идеальное число детей не имеет прямого отношения к теории воспроизводства населения и замещения поколений. Гораздо лучшим индикатором потребности в детях является желаемое число детей в семье. Таковым числом выступает значение равное 2, как среди верующей группы, так и неверующих респондентов.

Желаемое число детей считается наиболее точным индикатором потребности в детях. Судя по этому показателю, данная потребность (при условии ее полной реализации) у нерелигиозных людей и у не слишком религиозных христиан должна обеспечить уровень замещения поколений, близкий к простому.

Чтобы получить представления об уровне реализации этой потребности, надо, как минимум, сопоставить желаемое число детей с ожидаемым. Ожидаемое число детей определяется по ответам на вопрос: «Сколько всего детей вы собираетесь иметь сейчас?». В отличие от желаемого числа детей ожидаемое их число является индикатором репродуктивных намерений респондентов не в оптимальных (по их мнению), а в реально существующих условиях. В целом по всей совокупности среднее ожидаемое число детей равно 1,93. Это значительно ниже черты простого воспроизводства населения. Ожидаемое число детей характеризует реальные (хотя и не всегда осуществляемые на практике) намерения респондентов, а не их теоретические предпочтения. Даже если большинство россиян вернуться к религиозной жизни, сомнительно, что у всех них репродуктивные намерения будут полностью реализованы. Следовательно, уровень рождаемости в стране остается слишком низким даже для обеспечения простого замещения поколений. При этом надо учесть, что репродуктивные ориентации подростков ниже установок детности родителей, и эта тенденция проявляется, в том числе и в религиозных семьях [2, с. 168–170].

Православная церковь всегда относилась к личности как к наивысшей ценности. Выделяя православные ценности в семейном воспитании важно отметить высокую воспитательную роль православной исповеди. Исповедуясь с раннего возраста, ребенок учится самостоятельно анализировать свое поведение, поступки, отношения с окружающими людьми, самостоятельно дает оценку добру и злу. Исповедь позволяет выявить, обозначить наиболее характерные пороки подростков (конечно, не нарушая при этом тайны исповеди), определить, на что стоит обратить внимание родителей, где нужно повисить бдительность.

Еще одним воспитательным инструментом православной церкви является молитва. Во время молитвы у ребенка исчезает эмоциональное напряжение, тревожность он утешается в горе и укрепляет свой дух в сложных жизненных ситуациях. В молитве высок уровень субъективности, в ней он открыт и искренен. Через молитву ребенок учится самовыражаться, формируются и укрепляются нравственные начала его характера.

Не менее важным в воспитании подрастающего поколения является изучение православной литературы. Знакомство с православными книгами, в первую очередь, с Библией, с рассказами о жизни святых и мучеников помогает подростку ясно представить, что есть добро, зло, строить поведение в соответствии с моральными требованиями общества.

Подрастающее поколение формируется в условиях того общества, в котором живет. От воспитания молодого поколения зависит будущее человеческой цивилизации не меньше, чем от экономических, политических реформ. Роль православной религии, ее основных ценностей в воспитании молодого поколения велика. Она формирует основные понятия о добре и зле, закладывает в человеке основы нравственности и добродетели. Особенно важно если эти ценности реализуются в семье.

Литература и источники

1. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX вв.): в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 1.

2. Синельников, А. Б. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования) / А. Б. Синельников, В. М. Медков, А. И. Антонов. – М., 2009.

ПРАВОСЛАВНОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В СЕМЬЕ С ДЕТЬМИ

Е. В. Мурюкина

Медиаобразовательные занятия в домашних условиях с детьми должны сохранять определенную структуру, чтобы обладать наибольшим педагогическим эффектом. Поэтому мы разработали программу для родителей, в которой подобраны кино/мультфильмы, содержащие нравственно-моральный потенциал, на воспитании которого строится православная вера.

Перед тем, как приступить к нашим домашним медиаобразовательным занятиям, перечислим особенности развития дошкольников и младших школьников. В этих возрастных рамках осваивается учебная деятельность, возникают рефлексия, самоконтроль, а действия начинают соотноситься с внутренним планом. Такие достижения психологи связывают с изменениями в потребностно-мотивационной сфере, развитием психических процессов (особенно в интеллектуально-познавательной сфере), обусловленным учебной деятельностью, особенностями социальной ситуации развития и т. д.

Состояние психики здорового ребенка, достигшего школьного возраста, характеризуется спокойствием, безмятежностью и устойчивостью. Естественной умственной потребностью, заложенной в ребенке самой природой, продолжает оставаться стремление к самостоятельному, лишенному давления извне, изучению и освоению окружающего мира.

Психологами выявлено активное развитие восприятия и памяти в дошкольном и младшем школьном возрасте. Память приобретает ярко выраженный познавательный характер, идет интенсивное формирование приемов запоминания. В области восприятия происходит переход от непроизвольного восприятия ребенка-дошкольника к целенаправленному произвольному наблюдению за объектом. Необходимо учить детей рассматривать объект, руководить восприятием. В этом возрасте формируется способность сосредотачивать внимание на малоинтересных вещах. Эмоциональные переживания приобретают более обобщенный характер. Мышление становится абстрактным и обобщенным. Воспринимая различные предметы в пространстве, сравнивая их, ребенок учится обобщать, анализировать, сосредоточивать свое внимание и запоминать.

Представленные нами возрастные особенности детей дошкольного и младшего школьного возраста позволяют опираться на них при подборе и организации семейного медиаобразования, направленного на формирование православной веры. Такие семейные медиаобразовательные занятия (с использованием отечественных кино/мультфильмов) помогут нашим детям понять и приобщиться к духовным основам, традициям русского народа. Для этого нам нужно выбирать лучшие медиапроизведения, созданные российскими кинематографистами и мультипликаторами.

Содержание семейных медиаобразовательных занятий, направленных на

приобщение к православию, представлены несколькими разделами (в соответствии с психолого-педагогическими особенностями детей дошкольного и младшего школьного возраста, нашими целями):

1. Нравственно-патриотический потенциал сказок А. Роу.
2. Детские фильмы, снятые по мотивам литературных произведений (сказок, рассказов, повестей).
3. Детский отечественный кинематограф как средство нравственного воспитания, развития православной веры у детей дошкольного и младшего школьного возраста.
4. Нравственный потенциал отечественной мультипликации.
5. Развитие чувства сопричастности к истории родного народа, культурным, православным традициям.

ТРАДИЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ БЕЛАРУСИ

А. С. Цмыг

Неоспорима и важна роль старообрядчества в поддержании чистоты догматического, обрядового, нравственного, литургического, языкового наследия православной церкви. Старообрядчество отличает трепетное отношение к творениям православных отцов-подвижников.

Традиционная культура старообрядцев в немалой степени была основана на концепции богоугодного труда и почитания грамотности и старой книги как источника преемственной передачи основ веры и морали человека. О книжности в среде старообрядцев писали многие исследователи, выявляя ее роль в воспитании, отстаивании веры, религиозных обрядах, формировании мировоззрения. Книга служила обязательным, неприкасаемым и чаще всего единственным авторитетом в любом вопросе традиционной веры и жизни. Чтение книг для старообрядцев означало вхождение в живую духовную традицию [1]. Поэтому староверие создало не только свою, хорошо всем известную, предпринимательскую этику, но и свою образовательную систему, как необходимую и обязательную часть старообрядческого быта.

Система обучения грамоте среди старообрядцев на протяжении веков копировала традиционную древнерусскую систему, сочетавшую домашнее образование с обучением грамоте. Формировалась группа учеников смешанного состава – мальчики и девочки вместе. В программу обычно включались разделы: изучение азбуки, Часовника, Псалтыря, библейской истории. В процессе обучения «мастер» или «мастерица» разъясняли трудные для понимания места в текстах, преподавали догматы и положения веры Христовой. Сильной стороной такой школы является индивидуальный подход к каждому учащемуся.

Основной упор в обучении старообрядцев делался на овладение умением читать и писать по-церковнославянски, толковать религиозные книги. Что же касается светского образования, то старообрядцы в прошлом, как правило, были его противниками. Считалось, что воспитание и развитие подрастающего поколения в духе веры отцов – наиважнейшая задача. Объяснялось это в основном

внутренними потребностями общин. Поскольку в беспоповских общинах богослужение может совершать любой «мирянин», постольку он должен уметь читать церковнославянские тексты. Эта чисто религиозная потребность определяла стремление обучать церковной грамоте детей, создавать свои школы [2, с. 48–49]. Однако, решая лишь религиозные задачи, старообрядцы приобщали детей к церковной морали и этике, к традициям предков.

В нынешних условиях отказаться от светского образования невозможно, хотя религиозная старообрядческая образовательная система, не претерпев принципиальных изменений, действует в воскресных приходских школах, существующих при старообрядческих храмах. На сегодняшний день приоритетными направлениями в обучении являются: изучение церковнославянского языка, церковного знаменного пения, основ литургии, истории Церкви и книг Святого Писания.

Современность ставит перед старообрядчеством новые задачи и вопросы, решить которые зачастую непросто. Процесс передачи традиционного конфессионального жизненного уклада молодому поколению, как со стороны актива общин, так и родителей даже в условиях сельской местности теряет свою изначальную активность. Молодые жители деревень, выходцы из старообрядческих семей, переезжая в другую местность, в большинстве случаев в городскую, теряют связь со старообрядческими семейными традициями и укладом жизни. Динамизм современного общественного развития породил проблемы домашней школы религиозного воспитания, обучения церковнославянской грамоте. Сейчас религиозное воспитание постепенно возрождается. Но большая часть родителей из среды старообрядцев предпочитают не вмешиваться в личную жизнь детей, предоставляют им возможность учиться и жить по своему усмотрению.

Литература и источники

1. Кривошеина, Е. И. Специфика образования в старообрядческой культуре в Вятском регионе в период социализма // Религиозное образование и катехизация в Удмуртской Митрополии [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izhoroi.k.ortox.ru /users/98/1100698/editor_files/file/%D0.pdf. – Дата доступа: 02.02.2014.
2. Короткая, Т. П., Прокошина, Е. С., Чудникова, А. А. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова. – Минск, 1992.

КРЫЗІС ХРЫСЦІЯНСТВА ЯК ФАКТАР КРУШЭННЯ ТРАДЫЦЫЙНЫХ СЯМЕЙНЫХ КАШТОЎНАСЦЯЎ

Т. У. Зайкоўская

Сучасны свет імкліва губляе рэлігійную традыцыю, апору на шматвяковы рэлігійны вопыт папярэдніх пакаленняў, у тым ліку і ў галіне шлюбу і сям'і. З лексічнага побыту паступова знікаюць такія словы, як цнатлівасць, муж і жонка, шлюбная любоў. Іх месца займаюць медыцынскія тэрміны: гендэрная прыналежнасць, палавое партнерства, сэксуальная арыентацыя. Рэаліяй сучаснасці з'яўляецца назойлівая і нават агрэсіўная прапаганда «нармальнасці» гомасэксуальных сувязяў і саюзаў. Праз адмаўленне ад традыцыі ў рэлігійнай,

сямейнай і маральнай сферы адбываецца страта цэльнасці чалавечага жыцця, яго сэнсу, разумення шляхоў развіцця чалавечай супольнасці, разрыў з вопытам папярэдніх пакаленняў.

Варта звярнуць увагу на тое, што сямейны крызіс ахапіў не ўсе чалавецтва, а толькі дзяржавы, якія падтрымліваюць хрысціянскую дактрыну, таму, відавочна, што і прычыну трэба шукаць ці ў хрысціянскім веравучэнні, ці ў метамарфозах яго прыхільнікаў. Тут проста напрашваецца рэмарка: маўляў, усе гэтыя беды народжаны пратэстантызмам заходняга узору, з яго гуманізмам, лібералізмам і імкненнем да асабістага поспеху. Цяжка не пагадзіцца, але думаецца, не варта забываць, што пратэстантызм – толькі натуральная эвалюцыя рэлігійнасці, абумоўленая аб'ектыўнымі прычынамі.

Спачатку ў пратэстанцкім веравучэнні поспех разглядаўся як «плод веры» – праява Божаскай ласкі да тых, хто паверыў у яе, прычым разглядаўся аргументавана, з апорай на тэксты Бібліі. Сёння мала што змянілася: пратэстанцкія прапаведнікі, больш раскавана паводзяць сябе, але кажуць тое самае, што і раней. Перамены адбыліся не ў вучэнні, а ў светапоглядзе людзей. Іх ужо нельга лічыць вернікамі – яны больш не спадзяваюцца на Божаскую ласку, а поспех разлічваюць мець таму, што «вартыя» яго па праву самага свайго існавання.

Тым часам сацыяльныя хваробы ўсё нарастаюць, што адлюстроўваецца, на жаль, толькі ў сацыялагічных справаздачах, а не ў свядомасці шырокіх мас. Многія замежныя і айчыныя даследчыкі-гуманітарыі са смуткам адзначаюць, што паслабленне сям'і – самая значная і небяспечная з'ява нашага часу. Разбурэнне сям'і стала бедствам і для грамадства ў цэлым, і для асобных людзей, якіх яно непасрэдна закранула. Аднак крызіс сям'і не пачаўся знямаць – паўплывалі эканамічныя, сацыяльныя і ідэалагічныя фактары, але галоўная прычына – гэта крызіс тэалогіі.

Задача прагрэсіўнай грамадскасці не чакаць, калі грамадства ў цэлым прыме пад увагу хрысціянскае разуменне крызісу сям'і, а накіраваць намаганні на падтрыманне царквы, якая і заклікана паказаць свету, што Бог запланаванай для выгоды чалавека. Багаслоўскі крызіс – гэта сфера адказнасці царквы, прычым не толькі багасловаў, але ўсіх нас, хто называе сябе хрысціянамі.

ПОДГОТОВКА К СОВЕРШЕННОЛЕТИЮ: ОПЫТ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

И. Б. Бельская

Холокост уничтожил большое количество еврейских общин в Восточной Европе, где родились известные раввины, мудрецы, поэты и художники. В течение семидесяти лет «строительства коммунизма» людей заставляли забывать о своих корнях и быть частью «единой общности – советского народа». Но сегодня нашим детям снова нужны корни, чтобы они осознавали связь со своей семьей и народом, уверенно двигались в будущее к своей цели.

Именно этому посвящено учебное пособие «Шма: Врата Заповеди и Общины» (Минск, 2012), подготавливающее еврейских юношей и девушек к Бар-или Бат-мицве. Что такое Бар-или Бат-мицва? Согласно еврейскому закону,

возрастом религиозного совершеннолетия является 13 лет для мальчиков и 12 лет для девочек. С этого момента мальчик называется «Бар-Мицва» («сын заповеди»), а девочка – «Бат-Мицва» («дочь заповеди»), и это звание символизирует их новый статус. Достигшие этого возраста уже не считаются детьми с точки зрения еврейской традиции. Они сами начинают нести ответственность за соблюдение заповедей, освобождая родителей от контроля за этим.

В позднее средневековье, когда зародилась церемония Бар-Мицва, раввины видели в ней процесс перехода юноши из детства в мир взрослых. Отец произносил на церемонии благословение: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка вселенной, который освободил меня от наказания за него». Это лишний раз подчеркивало ответственность молодого человека за свои поступки перед Богом и перед общиной, утверждало, что с этого дня он ответственен за свои проступки, а также провозглашало присоединение юноши к общине как равного.

Обязательными элементами церемонии являются вызов к Торе (алия ла-Тора) и обращение Бар и Бат-Мицвы с речью к общине. Как правило, церемония проходит в синагоге и является большим семейным торжеством. Три элемента являются неотъемлемыми – благословение, произносимое родителями, вызов к Торе и праздничное обращение к общине. В различных течениях иудаизма церемония может иметь свои особенности, но эти элементы присутствуют всегда. Сегодня мы не ожидаем от столь юных девушек и юношей полного перехода во взрослый мир, поскольку на следующий день после церемонии Бат/Бар-Мицва никто из них не пойдет на работу, не уйдет из дома жить отдельно, не выйдет замуж и не женится. Но это не значит, что церемония Бат/Бар-Мицва со временем потеряла значение.

Задача учебного пособия – дать будущим Бар/Бат-Мицвам общие знания об их корнях, о значении и смысле заповедей, о моральной ответственности каждого перед своим народом и обществом в целом. Еще одной целью пособия является подготовка ученика к его первому торжественному шагу – чтению и комментированию Торы перед общиной. Церемония Бар/Бат-Мицвы более тесно свяжет его со всеми евреями, усилит заинтересованность активно участвовать в общинной жизни и сделает его более ответственным за «Тикун Олам», или «улучшение мира». Иными словами, книга «Шма: Врата заповеди и молитвы» поможет юношам и девушкам узнать о ценностях, которые сохраняли еврейский народ на протяжении веков, об ответственности каждого за сохранение и развитии диалога и взаимопонимания между людьми, поддержание мира в обществе, в котором мы живем

Книга была создана с учетом деятельности общин прогрессивного (современного) иудаизма в России, Украине и Беларуси. Она отражает двадцатилетний опыт создания эффективной системы еврейского образования для людей разных возрастов. Пособие адресовано, главным образом, детям и молодежи. С недавних пор стало популярным проводить такие церемонии и для взрослых, у которых по известным причинам не было возможности стать Бар/Бат-Мицвой в юном возрасте.

Учебное пособие «Шма: Врата заповеди и молитвы» – это первая попытка Движения прогрессивного иудаизма собрать и адаптировать к русскоязычной постсоветской еврейской культуре статьи и практические занятия, помогающие подготовиться к церемонии религиозного совершеннолетия. Материалы,

включенные в пособие, написаны раввинами и преподавателями из разных стран мира (Израиля, США, России, Украины, Беларуси и Австралии), чтобы представить наиболее широкий спектр взглядов на церемонию Бат/Бар-Мицва, помочь лучше понять ее смысл, прочувствовать ее значение для подростка и его / ее семьи.

Книгу могут использовать координаторы образовательной программы «Бар/Бат-Мицва», учителя для подготовки занятий в еврейских школах. Также это пособие будет полезно на семинарах и занятиях в еврейских лагерях.

СЕМЬЯ, ШКОЛА И ЦЕРКОВЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОЗИЦИЯ ЦЕРКВИ ХРИСТИАН-АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ

О. Ю. Гончаров

Одним из важнейших факторов процесса социализации человеческой личности является образование. Образование личности происходит в течение всей его жизни посредством различных институтов человеческого общества. Основными институтами в образовательном процессе являются семья, религия и система светского образования. В нашем докладе мы постараемся рассмотреть вопрос о том, каким образом возможно взаимодействие этих институтов в процессе образования.

Воспитание как аспект образования. В российском законодательстве «Об образовании» воспитательный аспект образования поставлен на первое место. Приоритет воспитания над обучением является необходимым принципом системы светского образования. Построенное на этом принципе образование выполняет функцию важнейшего инструмента в деле становления человеческой личности. Данный принцип особенно важен в современных условиях, когда общество переживает ценностно-нравственный кризис.

На наш взгляд основная проблема системы образования заключается в том, что на практике в современном образовательном процессе акцент все еще делается на профессионализацию и интеллектуализацию в ущерб воспитанию и формированию личностных качеств в человеке. Существует и противоположная крайность, о которой в последнее время много говорится в российских СМИ. Это недостаток профессионализма в системе образования. Образовательные учреждения предоставляют низкий уровень образования. В 2013 году была поднята проблема фиктивных дипломов и диссертаций. Такую опасность нельзя не учитывать, но все же проблемы, которые существуют у современной молодежи, указывают на то, что реален не кризис профессионализма, но кризис нравственности. И здесь как раз становится очевидна роль в образовании таких институтов как семья и Церковь.

В Священном Писании сказано: «*Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится*» (Притч. 22:6). Именно семья является тем первым миром, в который вступает человек. Здесь он учится любить, доверять, строить взаимоотношения с другими людьми. Нравственные и культурные ценности, культивируемые в семье, становятся основой мировоззренческой картины, формируемой в его сознании. По-прежнему актуальным остается призыв,

звучающий со страниц Библии: *«Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твое, обяжи ими шею твою. Когда ты пойдешь, они будут руководить тебя; когда ляжешь спать, будут охранять тебя; когда пробудишься, будут беседовать с тобою: ибо заповедь есть светильник, и наставление – свет, и назидательные поучения – путь к жизни» (Притч. 6:20–23).*

Образование, получаемое ребенком, а затем молодым человеком в учебных заведениях разного уровня, не должно подменять собой семейным воспитанием. Авторитет преподавателя не должен быть выше родительского. Церковь полагает, что следует вести поиск таких образовательных технологий, которые позволяли бы максимально задействовать потенциал семьи как важнейшей воспитательной среды, содействовали бы укреплению связи между родителями и детьми, прививали уважение к институту семьи и брака, а также помогали бы юношам и девушкам понять их собственную роль, обязанности и ответственность как будущих родителей и воспитателей.

В семье формируются ценностные ориентиры человека. И именно институт семьи сегодня находится под угрозой. Понятие семьи сегодня размывается под давлением современного либерального общества. Трансформация семейных ценностей приводит к трансформации всего общества. Определение семьи как не как союза между мужчиной и женщиной, а как союза двух партнеров любого пола может привести к самым серьезным последствиям для самой человеческой жизни, являясь прямой угрозой для ее воспроизводства. Адвентисты Седьмого Дня наряду с представителями других традиционных христианских конфессий отстаивают традиционный, библейский взгляд на институт семьи и принципы воспитания в его рамках. Современная «либеральная» ювенальная юстиция, движимая казалось бы благородным лозунгом защиты прав детей является серьезной угрозой для воспитания молодого поколения. Действительно, человек уникален и неповторим, и эту уникальность необходимо всячески оберегать. Однако Церковь не может согласиться с позицией представителей постмодернистской педагогики, призывающих к отказу от воспитания в какой бы то ни было форме, к культивированию «спонтанной автономии ребенка». Такая позиция неизбежно приведет к релятивности этических принципов, к размыванию жизненных ориентиров. Традиционная семья в ее библейском определении как союз любящих друг друга мужчины и женщины – единственная почва, на которой могут быть возвращены добродетель, благородство и порядочность.

Семья выполняет основную роль в деле религиозного воспитания. Никакая образовательная система – как государственная, так и не государственная – не может подменить семью в процессе образования. Даже Церковь не может претендовать на первенство в этом вопросе.

Произошедшие в последнее время фундаментальные изменения в жизни российского общества требуют переосмысления содержания и качества образования. Образование должно не просто готовить людей к профессиональной деятельности, но и к тому, чтобы эта деятельность приносила им душевное удовлетворение, чтобы они с интересом относились к выполняемому делу, чувствовали собственную полезность.

Формирование человеческой личности имеет два направления. С одной стороны, человек развивается под влиянием наставников – в семье, школе, вузе, на

производстве. С другой – чтобы быть воспринятым и усвоенным, всякое внешнее влияние должно быть самостоятельно пережито, должно пройти через внутреннее «я». Особую ценность имеют те образовательные технологии, которые ориентированы на привитие учащимся живого интереса к предмету изучения, пробуждение у них стремления к пониманию глубинной сущности того или иного процесса или явления.

Поэтому качество педагогической деятельности должно оцениваться не только по уровню теоретической подготовки преподавателя, но и по его умению раскрыть творческий потенциал учеников, по способности поощрять их инициативу в учебном процессе, пробуждать интерес, жажду познания неизведанного, содействуя тем самым формированию их духовного мира, этических ценностей и представлений. Государственная система образования должна создать именно такую образовательную среду. Только такое образование – через самораскрытие – поможет человеку найти свое место в социуме.

Первостепенное значение воспитания в образовательной деятельности требует также переосмысления роли педагога в учебном процессе. Ушинский отмечал, что в сознании учеников навсегда сохраняется «величественный образ их энергичного и добродетельного воспитателя, который учил их более собственным примером, всегдашним воодушевлением, всегдашней готовностью на самопожертвование для их блага, нежели словами» [1, с. 178]. Квалифицированный педагог – это прежде всего высоконравственная личность, своей жизнью являющая пример высочайшей добродетели, самопожертвования и моральной чистоты. Это личность, искренне озабоченная судьбами учеников, их нуждами и переживаниями, а также горящая энтузиазмом и энергией в стремлении им помочь. В недостатке таких педагогических кадров нам видится еще одна основная проблема системы образования.

Особое место в целостном процессе образования занимает духовное просвещение и воспитание личности. Как писала Елена Уайт, «в высочайшем смысле слова дело воспитания и дело искупления – суть одно... Великие принципы воспитания неизменны, *«тверды навеки и веки» (Пс. 110:8)*, ибо это принципы Божьего характера. Помочь учащемуся понять эти принципы, помочь ему возобновить связь со Христом, которая станет для него руководящей силой в жизни, – вот к чему должен постоянно стремиться учитель» [2, с. 26]. Н. А. Бердяев говорил: «Личность нельзя мыслить ни биологически, ни психологически, ни социологически. Личность духовна и предполагает существование духовного мира» [3, с. 62]. Основанное на христианских принципах, воспитание способно сформировать в человеке богатый духовный мир, заложить потенциал для преодоления духовно-эмоциональных кризисов, для обретения уверенности в условиях нестабильности и кризиса.

Ценность осуществляемого Церковью духовного просвещения состоит в том, что оно направлено на удовлетворение духовных запросов личности и ее потребности в религиозном опыте. Подлинное счастье, в соответствии с учением Церкви, невозможно без установления духовной связи с Божеством. Содействие в установлении этой связи и есть задача духовного просвещения и воспитания.

Осознавая себя носителем высоких этических норм и ценностей, Церковь активно участвует в деле духовно-нравственного просвещения общества, осуществляет программы религиозного обучения и воспитания детей и молодежи.

Церковь организует субботние и воскресные школы, учреждения начального, среднего, среднеспециального и высшего образования. Стремясь формировать здоровый духовно-нравственный мир у современного человека, Церковь осуществляет программы по профилактике вредных привычек, избавлению от алкогольной, наркотической и никотиновой зависимости.

Адвентистская Церковь придерживается позиции разделения религиозного и светского образования. Разделение светской и религиозной образовательных систем, являющееся одним из элементов отделения церкви от государства, позволит сохранить и межконфессиональное согласие в такой многоконфессиональной и многонациональной стране, как Россия.

Выражая свою поддержку этому принципу, Церковь не считает правильным внедрение христианской или какой-либо другой мировоззренческой модели в качестве основообразующей для духовной жизни всего общества. Государственная система образования должна оставаться светской, независимой от влияния какой-либо одной или нескольких религиозных традиций или групп. Государственные органы управления образованием должны способствовать реализации права граждан на свободу выбора характера образования как элемента свободы совести и вероисповедания. В государственных образовательных учреждениях недопустимы насаждение религиозных воззрений, в том числе вероучения какой-либо одной конфессии.

Церковь с удовлетворением восприняла разработку государственного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Теология». Вместе с тем Церковь считает, что, поскольку всякая теология является узкоконфессиональной, всякая попытка сделать теологию над- или межконфессиональной в действительности ведет к завуалированной форме теологии отдельного религиозного направления. В силу этого Церковь выступает, во-первых, за то, чтобы теология преподавалась исключительно в учебных заведениях, учрежденных религиозными объединениями, и, во-вторых, чтобы Министерством образования и науки РФ был выработан механизм лицензирования религиозных образовательных учреждений, где теология преподается в соответствии с государственным стандартом, с последующей государственной аккредитацией.

Церковь высоко ценит возможность осуществления религиозного просвещения детей и молодежи, обучающихся в государственных или муниципальных общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях вне их обязательных программ, однако *предостерегает от опасности теологизации образования*, причем, конфессионально односторонней, насаждающей единую веру, единое миропонимание, единую «истину». В условиях поликонфессионального общества подобное «единообразие» может вызвать рост религиозного экстремизма либо, по меньшей мере, углубление раскола между последователями различных конфессий. Кроме того, в школе может возникнуть ситуация, когда ребенок, исповедующий религию меньшинства, будет испытывать недоброжелательное к себе отношение только потому, что он не принадлежит к большинству. Нельзя также исключить попытки манипулирования доверчивыми умами детей с целью формирования у них «правильных» религиозных воззрений. Изучение мировых религий в государственных образовательных учреждениях если и может иметь место, но исключительно в рамках религиоведения или иных

религиоведческих дисциплин.

Действующий Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» позволяет преподавать в государственных и муниципальных школах религиоведческие дисциплины в качестве факультативных (дополнительных), изучаемых вне рамок обязательной учебной программы. Однако требуется четкий механизм реализации этого положения закона. Такой механизм необходим не только в силу многоконфессиональности нашего общества, но еще и потому, что значительную его часть составляют люди, придерживающиеся нехристианских или нетеистических воззрений, чьи права и свободы также нельзя игнорировать. Церковь считает, что религиозное просвещение в образовательных учреждениях любого уровня должно осуществляться исключительно на добровольной основе, а учащиеся и их родители должны иметь право выбора конфессионального содержания религиозного обучения.

Церковь также выступает за уравнивание в правах и возможностях преподавания религии всех законно действующих на территории РФ конфессий и предостерегает от опасности проникновения в светскую школу оккультных, неоязыческих, деструктивных обществ, использующих методы неосознаваемого воздействия на психику.

Религиозное образование детей является, как правило, частью учебных программ в школах и гимназиях, учрежденных религиозными организациями. Формируемая на принципах религиозной этики среда в таких учебных заведениях весьма благотворно влияет на развитие в детском характере благородства, волевых качеств, эстетического вкуса. Здесь легче прививаются высокие принципы морали и духовности, эффективнее действует система профилактики вредных привычек, выше степень доверительных отношений между педагогом и учеником. Поэтому Церковь призывает государственные органы управления образованием всячески содействовать получению ими государственной аккредитации и решению их насущных проблем. Преподавание в учебных заведениях созданных религиозными организациями дисциплин, входящих в государственный образовательный стандарт, должно, в соответствии с законом, финансироваться из бюджетных средств, поскольку родители обучающихся в них детей являются такими же налогоплательщиками, как и остальные граждане государства. Дисциплины же религиозного цикла должны финансироваться за счет средств учредителей или родителей.

Взаимодействие светской и религиозной образовательных систем. Светская и религиозная образовательные системы могут и должны взаимодействовать, обогащая друг друга посредством обмена опытом, информацией, образовательными методиками и технологиями. Учебным заведениям, учрежденным религиозными организациями, следует стремиться к оптимизации содержания образовательных программ, к повышению качества методического обеспечения учебного процесса. Светские же учебные заведения могли бы ознакомиться с воспитательными технологиями, используемыми в религиозных образовательных учреждениях, а также методиками профилактики и борьбы с разрушающими физическое и психическое здоровье детей привычками. Взаимодействие религиозных и светских образовательных учреждений способствовало бы повышению эффективности их усилий в приобщении молодежи к здоровому образу жизни и высоким морально-этическим ценностям, в

формировании здоровых привычек, в привитии вкуса к эстетическим ценностям и культурным традициям нации.

Литература и источники

1. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. – М., 1988. – Т.1.
2. Уайт, Е. Воспитание; пер. с англ. – Заокский, 1995.
3. Бердяев, Н. Н. О назначении человека. – М., 1993.

ГЕНДЕРНАЯ АКСИОЛОГИЯ: НОВАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ

Е. В. Перепелица

Важнейшим принципом созидания семьи как того социального института, в котором возможно единение мужчины и женщины, а также полноценное развитие и воспитание детей, является иерархия. В традиционном понимании иерархия семьи выстраивается в следующем порядке: отцовство, материнство, детство. Муж и жена, родители и дети занимают в семье свое, Богом предназначенное место, и должны нести вытекающую из него меру обязанностей и степень ответственности. В такой иерархии нет ничего унижительного, она означает не превосходство мужчин и угнетение женщин, но – нетождественность их роли и призвания в семье.

Мужчина и женщина равны в смысле единства человеческой природы. Способности, дарованные им от Господа, в том числе, присущие только их естеству, в полной мере раскрываются именно в семье. В ней мужчина призван к исполнению роли супруга и отца, а женщина – супруги и матери. Но семья – это еще и школа со-бытия нескольких поколений, выстраивания отношений между родителями, родителями и детьми. В семье человек приобретает опыт взаимной любви, поддержки, заботы о младших и о старших. Этот опыт незаменим и невосполним никаким иным. Не случайно те дети, которые воспитываются в приютах и детских домах, в подавляющем большинстве случаев не могут адаптироваться к социальной жизни и не приспособлены к семейной жизни.

В по-новому сооружаемом мире это богоустановленная иерархия упраздняется. Наиболее успешно с этой целью справляется гендерная аксиология. Данным термином я обозначаю различные теории, каждая из которых по-своему интерпретирует понятие *gender*, но в ценностном отношении все они в равной степени постулируют традиционное устройство семьи как доминирование мужчин и подавление женщин. Согласно гендерной аксиологии, существуют различия между *sex* и *gender*: «пол-*sex* используется для телесной характеристики пола или для характеристики природных предпосылок, пол-*gender* означает то, что зависит от культуры. Так, рождение детей зависит от характеристики пол-*sex*. А то, что женщина якобы ответственна за воспитание детей и домашнее хозяйство, является культурной характеристикой и описывается с помощью термина пол-*gender*» [1, с. 96]. Для гендерной аксиологии материнство – это всего лишь термин с гендерной нагрузкой, биологическая способность вынашивания детей, на основании которой женщина подвергается дискриминации. Отцовство имеет социальную привилегию, и цель гендерной аксиологии состоит в том, чтобы избавиться от привилегий и власти мужчин. В обществе полного гендерного

равенства половая дифференциация, очевидно, будет сведена к минимуму или упразднена.

В странах, где такая аксиология торжествует, происходит сознательный и последовательный демонтаж традиционной иерархии семейных отношений. Для обеспечения гендерного равенства государства обязуются «принимать все необходимые меры, особенно в области образования, в целях изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин и искоренения предрассудков, обычаев и другой практики, основанных на идеях неполноценности или превосходства одного из полов или на стереотипных представлениях о роли мужчин и женщин» [2]. Государства-участники Совета Европы должны предпринимать надлежащие меры для борьбы с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и половой самоидентификации. Гендерно просвещенное младшее поколение сбрасывает с себя бремя заботы о старших.

В Беларуси гендерная аксиология внедряется уже в течение 18 лет. Республикой Беларусь ратифицирован и подписан ряд международных документов в сфере обеспечения гендерного равенства. В целях выполнения соответствующих международных обязательств Беларусь должна определить гендерное равенство одним из своих основных приоритетов и сформировать эффективную национальную гендерную политику. В настоящее время реализуется четвертый по счету Национальный план по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2011–2015 годы [3]. Однако цели, поставленные в Национальных планах действий по достижению гендерного равенства, не достигнуты в полном объеме. Поэтому существующая гендерная политика часто вызывает нарекания со стороны гендерных экспертов. Это свидетельствует о сохранении традиционной системы ценностей в нашем обществе. Пока еще «система образования продолжает, используя понятие “гендерное воспитание”, воспроизводить традиционный полоролевой подход» [4]. В национальной правовой системе превалирует традиционное понимание брака и семьи и вытекающие из этого особенности правового статуса мужчин, женщин и детей. В основе гражданского и семейного законодательства заложена традиционная модель семьи и общественного устройства.

Барьером всего безбожного, бездуховного и значимого с чисто светской точки зрения служат религиозные ценности. Банально говорить о различиях религиозных и светских ценностей. Но драма нашей эпохи в том, что то, что должно служить иммунитетом и противоядием всего антирелигиозного, порой само пропитано ядом. С гендерным неравенством активно борются феминистские организации и социальные группы. Партнером этих организаций оказываются традиционные религиозные конфессии. Под эгидой союза сестричеств милосердия Белорусской православной церкви реализуется проект Фонда ООН в области народонаселения «Развитие национального потенциала Республики Беларусь в целях противодействия домашнему насилию в условиях достижения гендерного равенства». Парадоксально то, что необходимость борьбы с гендерным неравенством подкрепляется цитатами из Священного Писания: «Гендерное неравенство явилось результатом грехопадения, – человек задуман как совершенное творение, как образ и подобие Божие, и когда мы этот образ и подобие теряем, вот тогда и появляется гендерное неравенство. Если мы исправляем свою греховную составляющую, которая у нас есть, и этот образ

восстанавливаем, тогда проявляется гендерное равенство. Таким образом, стремление к равенству – это дело Божественное» [5].

Институт, сконструированный на принципах эгалитарного партнерства и искусственного уравнивания мужчины и женщины, вряд ли будет представлять собой семью. Скорее это некая модель сосуществования феминного мужчины и маскулинной женщины. Может ли такой союз быть крепким и просуществовать в течение длительного времени? могут ли остаться нормальными дети, получающие гендерное воспитание? возможна ли преемственность поколений, озабоченных своей гендерной идентичностью? Трудно говорить о том, что институт семьи сохранится, если те вековые устои, на которых он зиждется, будут разрушены.

Литература и источники

1. Кутцер, М. Мужчина / женщина // Богословская антропология. Русско-православный римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках / под науч. ред. прот. А. Лоргуса, Б. Штубенрауха. – М., 2013.
2. Декларации об искоренении насилия в отношении женщин. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН по докладу Третьего комитета (A/48/629) 48/104 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.owl.ru/win/docum/un/viol_dec.htm. – Дата доступа: 01.04.2014.
3. Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 авг. 2011 г., № 1101 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 5/34317.
4. Щурко, Т. Гендерный подход и воспитание: от теории к практике в Республике Беларусь // Сайт экспертного сообщества Беларуси «Наше мнение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nmnby.eu/news/analytics/3836.html>. – Дата доступа: 11.04.2014.
5. Шульгин, О. Гендерное неравенство – это результат грехопадения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cerkov.by/page/protoierej-oleg-shulgin-gendernoe-neravenstvo-eto-rezultat-grehopadenija>. – Дата доступа: 15.04.2014.

СЕМЕЙНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ БРАЧНЫХ ПАРТНЕРОВ

Н. Ф. Гребень

Традиционно семья определяется как социальный институт, как ячейка общества, как малая группа совместно проживающих и ведущих общее хозяйство родственников. В рамках психологического подхода семья рассматривается как пространство совместной жизнедеятельности, внутри которого удовлетворяются специфические потребности людей, связанных кровными и родственными связями.

Сегодня в Беларуси, как и во многих других странах, семья как социокультурный институт переживает изменения, которые проявляются в определенном обесценивании статуса семьи, снижении числа браков, росте числа разводов, увеличении количества семей с отдельно живущими супругами, снижении рождаемости, увеличении численности детей, воспитываемых одним из родителей, как правило, матерью и пр.

При рассмотрении семьи как малой группы следует заметить, что здесь изменения, прежде всего, отразились на ролевой структуре семьи и связанных с ней семейных функциях. Сложности во взаимоотношениях молодой семьи обусловлены тем, что в современной семье гендерные образцы поведения мужа и жены становятся все менее жесткими. Наблюдается отход от регламентированных форм ролевого взаимодействия: отношения в семье и способности организации зачастую определяются ситуацией и зависят от склонностей, возможностей и способностей каждого члена этой общности. По сути дела, общество постепенно уходит от традиционной формы семейных отношений с четко выстроенной иерархией и семейными ролями.

По итогам социологических опросов российских ученых в семьях с эгалитарным распределением ролей удовлетворенность отношениями у женщин выше, чем в семьях с традиционными отношениями. Удовлетворенных браком респондентов больше в случае, если оба супруга несут одинаковую нагрузку в выполнении домашних обязанностей; немногим меньше – в браках, где муж помогает жене; наименьшее число удовлетворенных браком респондентов выявлено в браках, в которых домашние обязанности в основном выполняет женщина. Чем больше становится разрыв в нагрузке между мужем и женой, тем меньше супруги удовлетворены браком [1].

Анализ литературы по семейной психологии показывает, что на степень удовлетворенности браком супругов оказывают влияние профессиональные и материальные обстоятельства жизни; индивидуальные характеристики супругов, сексуальная сфера брака, эмоциональный климат семьи и т. д., среди которых, по мнению ученых, особое место занимает ролевая структура семьи. Она отражает, какие обязанности в семье выполняет каждый из супругов, насколько жестко они связаны с полом, в какой степени они определяются волей и желанием супругов, а в какой – традициями и другими внешними факторами [2] [3].

Отталкиваясь от данной логики размышлений, мы решили выяснить, связано ли семейное благополучие с гендерными установками брачных партнеров среди белорусских молодых семей, которые, на наш взгляд, наиболее чувствительны к тем изменениям, которым подвержена сегодня семья. Для оценки семейного благополучия применялась методика «Опросник удовлетворенности браком» (В. В. Столин, Г. П. Бутенко, Т. Л. Романова), а для исследования гендерных установок брачных партнеров – методика «Пословицы» (И. С. Клецина).

В нашем исследовании приняли участие 30 молодых супружеских пар, проживающих как в зарегистрированном браке, так и неофициальном. Возрастные особенности супругов находятся в диапазоне от 22 до 36 лет, а стаж совместного проживания – от 1 до 9 лет.

В результате проведенного исследования нами были получены следующие данные:

1. 63,3% опрошенных нами супругов удовлетворены своими брачными отношениями и оценивают их как благополучные, 8,3% – как переходные и 28,3% – как скорее неблагополучные. При этом жены продемонстрировали большую удовлетворенность браком, нежели их мужья, что в процентном отношении соотносится как 69,9% к 46,6%;

2. у 83,3% опрошенных нами брачных партнеров наблюдается

неопределенность гендерных установок, касающихся распределения ролей в семье. У 11,67% испытуемых зафиксированы эгалитарные гендерные установки, и только у 5% выборки – традиционные. Женам традиционные установки вообще не присущи, а среди мужей они наблюдаются у 5% опрошенных;

3. с помощью коэффициента корреляции Спирмена была выявлена значимая связь между уровнем удовлетворенности браком и гендерными установками супругов, касающимися распределения ролей в семье ($r_s = -0,287$; $p = 0,026$), которая говорит о том, что удовлетворенность браком супругов будет увеличиваться по мере снижения традиционных гендерных установок и наоборот.

Таким образом, современные условия жизни диктуют равноправное распределение обязанностей между партнерами. Однако далеко не всегда брачные партнеры оказываются к этому готовы. Проведенное исследование показало, что удовлетворенность браком в современной белорусской молодой семье, а во многом и семейное благополучие взаимосвязаны с гендерными установками супругов.

Литература и источники

1. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – Санкт-Петербург, 2004.
2. Андреева, Т. В. Семейная психология: учеб. пособие. – СПб., 2004.
3. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология: учеб. пособие для вузов. – Изд. 3-е. – М.; Екатеринбург, 2007.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСЛАМСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРЫ КАК КОМПОНЕНТ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ф. И. Храмцова

В условиях глобализации, усиления внешних угроз, информационно-сетевых войн сокрушены правящие режимы государств «огненной арабской дуги» – Египта, Туниса, Ливии, Сирии, Йемена и других. Наряду с этим усиливается деструктивное влияние со стороны западных ультра-гендерных идеологий по девальвации института семьи, брака, материнства, отцовства на фоне легитимизации однополых браков в более чем тридцати странах мира, возможности усыновления (удочерения). На этом фоне трансформируются прежде ортодоксальные основы взаимоотношений полов в исламском обществе. Под воздействием глобализации преобразуются статусы женщины, гендерные роли. Формируется новый тип исламской женщины, осваивающей такие сферы деятельности, как предпринимательство, малый и средний бизнес, политика, управление.

Это требует взвешенного научного анализа трансформаций гендерных отношений в этнокультуре исламского общества. В качестве методологических оснований для такого анализа возможны положения концепций дуальности и социальности прав женщины в исламе Х. Абдалати; «идеологической матрицы» этнокультуры в трактовке М. Херцфельда; теории этнокультурных трансформаций А. И. Пригожина; концепции духовного роста женщины в этнокультуре ислама Р. Фрейджера.

Следует уточнить историографические аспекты положения женщины в исламе, который, вопреки бытующему мнению, отводит и регламентирует достойное положение женщины в семье и обществе. Пророк Мухаммад сказал: «Здесь мир – это преходящее благо, лучшее благо этого мира – праведная женщина». Согласно Корану, мужчина не имеет преимуществ перед женщиной: они одинаково равны перед Аллахом. При этом мусульманка не имеет право быть главой государства. Такое ограничение не имеет ничего общего с нарушением ее достоинства. Это связано со спецификой государственного строя. В Исламе глава государства – не символический статус, как, например, статус английской королевы. Женщина в современном исламе имеет право участия в политике, занимать государственные посты, должности в сфере управления. Женщина имеет право иметь источник дохода, использовать деньги по усмотрению. Пророк Мухаммад утверждал: «Поиск знаний – это обязанность мусульманина и мусульманки». Мусульманка имеет право на получение образования. Ислам регламентирует права женщины, которые сегодня необходимо поддерживать на уровне государства по улучшению положения, развитию социального потенциала, интеграции в процессы модернизации в контексте установлений ислама. Исходя из этого, этнокультура исламского общества понимается как сингулярное средство идентификации половых групп в сфере повседневной и духовной жизнедеятельности, основной регулятор гендерных отношений.

Ключевой посыл основного тезиса состоит в детерминациях имплицитности этнокультуры мусульманского общества и доисторического периода генезиса становления и развития ислама, географии поселения этноса, менталитета, способов хозяйственной, культурной, общественно-политической деятельности. Это обусловило влияние ислама на все сферы жизни общества как идеологического инструмента. Исламская религия в этнокультуре – это мировоззренческий стержень, духовная сфера отражения коллективного бессознательного общества и групп. Структура этнокультуры включает такие компоненты, как, во-первых, идеологическая матрица, основа идентичности женщины, архетипы ролей; опыт женщин; ценности религии, искусства, фольклора; во-вторых, периферийные элементы, локализованные по месту поселения: природа, ландшафт, материальные объекты, инфраструктура, одежда, пища, предметы быта; в-третьих, структурные отношения, связанные с распределением сфер влияния мужчин и женщин.

Гендерное пространство исламского общества традиционно сохраняет маркеры доминирующего статуса мужчины и второстепенной роли женщины, что выражается в следующем: 1) манера поведения, взаимодействия; регламенты стилей, атрибутов одежды для женщин и мужчин в публичной сфере; 2) аттитюды, правила поведения для женщин и мужчин в семейной сфере, конвенционально установленные на канонах исламского шариата как два незримых водораздела пространства женщины и мужчины; 3) свадебные обряды как традиции общинно-родового уклада жизни с элементами мусульманского шариата; 4) сохранение ограничений для женщины трудиться вне домашней сферы, доступа к образованию; 5) ограничение женщины принимать решения по вопросам личной, общественной жизни без регламентации мужа, родителей; 6) выбор досуга: свободные сферы для мужчин, ограничительные для женщин.

Однако механизмы функционирования гендерного пространства

этнокультуры мусульманского общества включают взаимовлияние двух факторов – традиционного и гендерных новаций. Традиционный фактор содержит моногамные и полигамные отношения полов в брачной сфере; религиозные ценности шариата уважения и почитания женщины; законы чести, гостеприимства, мужской отваги, верности и долга, кровной мести; ценности нравственности, целомудрия, материнства, супружества, почитания родителей, сородичей. Гендерные новации этнокультуры в исламе отражают тенденции трансформации гендерных ролей женщин в семье (добрачные сексуальные отношения, гражданские браки), а также выход женщин в политику, экономику, государственное управление, средства массовой информации, предпринимательство, женские организации, самоуправление.

Являясь синергетическим образованием, гендерное пространство современных исламских обществ протекает противоречиво. Это следствие экзогенных процессов трансформации, вызовов глобализации и эндогенных факторов традиций, политики, религии, идеологии. Регламентированные равные права женщин требуют поддержки со стороны государства и общества на принципах эргономичности равноправия нормам ислама.

В этой связи особого внимания заслуживает опыт политики исламского государства Иран в улучшении положения женщин на принципах эргономичности равноправия полов нормам этики, культуры, религии. Общественно-политический деятель Исламской Республики Иран С. А. Хоссейни раскрывает опыт сочетания в законотворческой процедуре демократических традиций Западной Европы и норм ислама: «все законы составлены в соответствии с исламской религией (в их шиитском толковании) и ни одна законодательная норма не должна противоречить Исламу. <...> процедура разработки законов в Иране максимально близка к законотворческой процедуре во Франции. Собрание Исламского Совета, который является законотворческим органом страны, имеет равное по значению место с высшими органами судебной и исполнительной власти Исламской Республики Иран» [1, с. 5]. Конституция Исламской Республики Иран в отношении прав женщины в статье 20 гласит: «Все граждане независимо от пола равны с точки зрения закона и обладают всей полнотой человеческих, политических, экономических, социальных и культурных прав с соблюдением ислама» [2, с. 11]. Гражданский кодекс Республики Иран в отношении прав женщин, в частности, статьи 1106, 1107, содержат следующие нормы: «В постоянном брачном союзе муж принимает все расходы по содержанию жены: жилье, одежду, пищу, обстановку жилья и расходы на лечение, средства гигиены и прислугу в случае привычки или по причине болезни или физических недостатков» [2, с. 51]. Все виды законодательства Республики Иран опираются на международные нормы прав женщин и нормы исламской религии с обстоятельным изложением процедуры правоприменения.

Инновационные направления по повышению статуса женщины в трансформирующемся мусульманском обществе требуют актуализации на уровне содержания светского образования в целом и курса религиоведения в частности. Постулат К. Маркса о религии, культуре как способах духовного воспроизводства и освоения действительности не утрачивает актуальности в новейшее время. Решение проблем равноправия полов в исламском обществе в XXI веке невозможно без диалога науки, культуры, религии, политики как инструмента

предотвращения гендерной и социальной дискриминации.

Литература и источники

1. Хоссейни, С.А. Приветственные слова Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в Республике Беларусь // Семья и женщина в современном мире: социальные и культурные аспекты: мат. межд. науч. конф., г. Минск, 2 февраля 2012 года: науч. ред. совет: А. А. Лазаревич, Хасанзаде Седиге [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, Пос-во Исламской Респ. Иран в Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Сборник законов о женщине и семье в Исламской Республики Иран / сост. Х. З. Седиге; пер. Ф. Дехнави, С. А. Кушнерова, Р. Сепехр; предисл. Н. А. Ермакова. – Минск, 2012.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. И. Огородник, И. С. Огородник

Воспитание человека есть не что иное, как процесс его социализации, который продолжается с большей или меньшей интенсивностью, с более или менее заметным результатом всю жизнь. Вместе с тем, не вызывает сомнения, что наибольшей интенсивностью и результативностью этот процесс обладает в детском возрасте. Именно семейное воспитание есть начальное и определяющее звено в воспитании и социализации человека.

В современном мире воспитание вообще и семейное в частности, так или иначе, базируется на религиозных ценностях и принципах. Ведь воспитание само по себе есть не что иное как освоение человеком, «впитывание» в себя духовных ценностей общества. А духовные ценности общества, даже современного, основываются на фундаменте религиозных ценностей. Они или в обязательном порядке и полностью без изменений составляют систему духовных ценностей общества (мусульманские страны), или в большей или меньшей степени видоизменены и приспособлены к современным реалиям (Китай, Индия, Израиль), или полностью приняли светскую, секулярную форму с формальным отделением церкви и религии от государства и общества (страны современного Запада).

Предмет нашего анализа – роль и значение религиозных ценностей в системе семейного воспитания современных западных стран (Западная Европа, США, Канада, Австралия), т. н. «цивилизованных» стран, или, как часто они себя именуют, «стран с развитым гражданским обществом». Гражданское общество, в свою очередь, порождает такие социальные явления как «толерантность», «мультикультурность», «гендерное равенство» и, в том числе, «ювенальная юстиция».

Призванная стоять на страже интересов ребенка, по уверениям своих сторонников, ювенальная юстиция в корне противоречит религиозным ценностям воспитания. Более того, ювенальная юстиция призвана разрушить эти самые религиозные ценности семейного воспитания. Базовый принцип ювенальной юстиции – приоритет прав ребенка над правами родителей – в корне противоречит

базовому принципу религиозного воспитания (почитай родителей своих). Принцип почитания и послушания родителей – краеугольный камень семейного воспитания. Разумеется, он включает в себя и ограничение прав и свобод ребенка и даже наказания.

Именно против этого выступают сторонники ювенальной юстиции, мотивируя свою позицию правом ребенка на свободное развитие личности и священное право свободного выбора. Но о какой личности ребенка можно в данном случае говорить? Личность – это как минимум конечный результат воспитания. Второе, на что упирают сторонники ювенальной юстиции, – это защита ребенка от психического и физического насилия, в первую очередь, в семье. Это справедливое требование. Однако анализ законов, защищающих права ребенка, показывает, что и существующих более чем достаточно, чтобы эффективно защищать его права, следует всего лишь исполнять их неукоснительно.

На наш взгляд, введение особой – ювенальной – юстиции преследует совершенно иную цель. Цель эта состоит в постепенном разрушении семьи как последнего убежища, последнего бастиона защиты традиционных семейных, по сути, религиозных ценностей. Это и есть главная задача ювенальной юстиции в «гражданском обществе». А что такое «гражданское общество» блестяще показал С. Кара-Мурза в своей работе «Гражданское общество: истинный смысл» [1]. Прежде всего, понадобилась переделка человека, превращение его в индивида (атом), с максимальным разрывом его традиционных связей с общиной (обществом), а эти связи выстроены на фундаменте религиозных ценностей и закладываются именно в процессе семейного воспитания. Разрабатывая понятие человека-атома и его взаимоотношений с обществом, английские философы Гоббс и Локк дали представление о частной собственности, которая стала осью гражданского общества. Те, кто признает частную собственность, но не имеют ничего, кроме своего тела и потомства (пролетарии), живут в состоянии, близком к природному (нецивилизованному); те, кто имеет капитал и арендует по контракту рабочую силу, объединяется в гражданское общество, которое Локк называл «Республика собственников»: «Главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, – сохранение их собственности» (слово «республика», т.е. «общее дело» изначально применялось к любому государству, в том числе и монархии) [1]. С. Кара-Мурза приводит фрагмент из учебника западной политологии: «В фундаментальной “Истории идеологии”, по которой учатся в западных университетах, читаем: “Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата – собственности и капиталу. Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право — собственностью... Таким образом, эта демократия есть ни что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством”» [1]. Таким образом, гражданское общество основано на конфронтации и постоянной борьбе имущих с неимущими.

Чтобы победить в этой войне, имущим или, говоря иначе, капиталу, необходимо не только превратить человека в индивида (атом), но и в обязательном

порядке лишить его всех традиционных ценностных ориентиров и принципов. Только при этом условии человеком можно эффективно манипулировать. Именно с этой целью так настойчиво пропагандируются такие «ценности», как «толерантность», «гендерное равенство», «права сексуальных меньшинств» и т. п. Их задача – разрушить традиционные, по сути религиозные, ценности общества, лишить человека традиционной «точки опоры». Однако роль ювенальной юстиции в этом процессе совершенно особая.

Адепты «свободного мира» и «гражданского общества» прекрасно понимают, что семья – это не только последнее прибежище традиционных семейных и религиозных ценностей, но и начало воспитания человека. И вот этого влияния на процесс воспитания и надо лишить семью, заставить под страхом наказания воспитывать в нужном русле, прививать с детства «правильные» ценности. И наказание заслушивание, за защиту традиционных религиозных ценностей воспитания скорое и жестокое. Так, органы ювенальной юстиции имеют право изымать насильственно детей из семьи под самым различным предлогом. Причем делается это без постановления и разрешения суда. Оспорить же в суде решение органов ювенальной юстиции практически невозможно. А более эффективного влияния на родителей, чем страх потери своего ребенка, не существует.

Так стоит ли нам копировать западную систему воспитания и образования и пытаться, во что бы то ни стало, построить у себя «гражданское общество» по западному образцу? Стоит ли нам спешить заменить наше общество, основанное на традиционных семейных и религиозных ценностях, на «гражданское общество» западного образца? Стоит ли нам поставить наше традиционное семейное воспитание при всех его, безусловно, недостатках под контроль ювенальной юстиции? Мы глубоко убеждены, что делать этого нельзя ни в коем случае. Надо развивать лучшие достижения нашей национальной системы воспитания и образования, учитывая и усваивая лучшее из мирового опыта в целях воспитания подлинного Гражданина (именно так, с большой буквы) общества.

Литература и источники

1. Кара-Мурза, С. Гражданское общество: истинный смысл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruska-pravda.com/ideologiya/47-st-ideologiya/22028-gragdanskoe.html>. – Дата доступа: 20.04.2014.

Философия религии и религиоведение в системе образования: статус и перспективы

РЕЛИГИЯ В СВЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕЛИГИОВЕДЧЕСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В. В. Старостенко

В последние годы заметно активизировалась общественная дискуссия о месте и роли религиозных ценностей в системе образования. Несомненно, что

знания о религии являются неотъемлемым компонентом общей и профессиональной культуры специалиста, образованности современного человека. Но существуют они в разных формах – светской, религиозной, атеистической. Наиболее актуален вопрос о форме преподавания знаний о религии в учреждениях государственной системы образования. Взаимоотношения образования и религии в Республике Беларусь имеют правовую основу, представленную прежде всего законами «О свободе совести и религиозных организациях» (далее – Закон 2002 г.) и «О правах ребенка», Кодексом «Об образовании» и Положением 2011 г. Совета Министров Республики Беларусь «О порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся».

Реализуя конституционный принцип свободы совести о праве каждого «самостоятельно определять свое отношение к религии» (ст. 31), законодательство Республики Беларусь закрепляет светскость государственного образования. Статья 9 Закона «О свободе совести и религиозных организациях» устанавливает, что «национальная система образования в Республике Беларусь носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии». При этом в учреждениях образования не допускаются создание религиозных организаций, их анонимная или иная противоречащая законодательству деятельность. Идея «светского характера образования» заложена также в Кодексе «Об образовании».

Каким должно быть образование, чтобы соответствовать принципу светскости? Само понятие «светский» определяется в современном языкознании как «не церковный, мирской, гражданский» и противопоставляется «относящемуся к религии, к церкви» или «церковному, относящемуся к духовенству» (толковые словари С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова). К терминологическому ряду понятия «светское образование» нами относятся такие определения, как «изучение религии», «религиоведческое образование» и т. п., к формам выражения не светского образования – «обучение религии», «религиозное образование», «теологическое (богословское) образование», «атеистическое образование» и т. п.

Чтобы удовлетворять требованиям национального законодательства о государственном образовании как светском, оно, на наш взгляд, должно соответствовать определенным критериям:

- процесс обучения и воспитания носит в отношении религии мировоззренчески нейтральный и безоценочный характер, не отдает предпочтение какой-либо атеистической или религиозной идеологии;

- государственные учреждения образования не осуществляют обучения учащихся и студентов религии;

- образовательный процесс не ориентирован на приобщение молодежи к какому-либо религиозному вероучению или атеистической идеологии, вовлечение ее в религиозные или атеистические организации;

- религиозные объединения, их органы, учреждения или представители не руководят и не вмешиваются в деятельность государственных образовательных учреждений и органов управления образованием, в содержание и организацию учебного процесса, не осуществляют цензуры программ, учебной и учебно-методической литературы;

- в учебных заведениях не осуществляется религиозная или атеистическая

пропаганда, не размещаются религиозная символика и предметы культа, не проводятся мероприятия религиозного и миссионерского характера, богослужения, религиозные обряды, ритуалы и церемонии;

– образовательная деятельность не направлена на профессиональную подготовку священнослужителей, теологов и церковного персонала.

Светское образование не должно иметь ни атеистического, ни религиозного идейного содержания. Вместе с тем светский характер государственного образования не исключает возможности и даже необходимости ознакомления учащихся и студентов с многообразием феноменов религии и свободомыслия, их ролью в истории и культуре человечества. Несомненное значение имеет знание религиозных традиций как части социокультурного опыта своего народа, прав и свобод граждан применительно к области религиозной жизни.

Адекватной светской формой преподавания знаний о религии в государственных высших учебных заведениях является религиоведение, предусматривающее приобретение студентами научных, не ангажированных религиозным либо атеистическим мировоззрением, объективных и беспристрастных знаний по теории и истории религии, свободомыслия и свободы совести. Религиоведческие курсы с учетом возрастных особенностей обучаемых могут преподаваться и в учреждениях других уровней национальной системы образования – в форме «Основ религиоведения», «Истории религии» и т. п. В средней школе оптимальными видятся факультативные курсы по данным предметам.

Объективные религиоведческие знания имеют не только познавательное и общекультурное, но и практическое социальное значение, поскольку способствуют межкультурному диалогу и упрочению толерантности, препятствуют развитию религиозного фанатизма и обскурантизма.

Светскость государственного образования не исключает сотрудничества с религиозными организациями. В частности, их органы или представители могут привлекаться в качестве консультантов при разработке программ, учебной и учебно-методической литературы. Законодательство Беларуси допускает возможность взаимодействия учреждений образования с зарегистрированными религиозными организациями «в вопросах воспитательной деятельности» и «во внеучебное время». Основанием для этого служат письменные заявления родителей или лиц, их заменяющих (самых совершеннолетних обучающихся) (ст. 9 Закона 2002 г.), что обусловлено определяющим правом родителей в воспитании своих детей (ст. 5 Закона 2002 г., ст. 10 Закона «О правах ребенка»).

Положение Совета Министров Республики Беларусь «О порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся» определяет широкий спектр его основных направлений. Это гражданское, нравственное и патриотическое воспитание, ознакомление с историко-культурным и духовным наследием, работа с неблагополучными семьями, организация досуга и оздоровления детей и подростков и др. Совместная деятельность учреждения образования и религиозной организации осуществляется в форме бесед, экскурсий, подготовки и проведения праздников, иных формах воспитательной работы. При этом вводится и ряд ограничений. В частности, в рамках взаимодействия учреждения образования с религиозной организацией не допускается анонимная деятельность религиозных

организаций, деятельность представителей иностранных религиозных организаций, миссионерская деятельность религиозных организаций, взимание платы с обучающихся или их родителей, сбор пожертвований на нужды религиозных организаций, распространение религиозной литературы и других материалов религиозного содержания, проведение богослужений, религиозных обрядов, ритуалов и церемоний, размещение в учреждениях образования религиозных символов и культового имущества.

Одновременно с утверждением светского характера государственного образования законодательство Республики Беларусь определяет широкие возможности получения религиозного образования в конфессиональных учреждениях. Религиозные организации вправе создавать учебные группы и воскресные школы, «духовные» учебные заведения для профессиональной подготовки священнослужителей, теологов и церковного персонала (ст. 9, ст. 28 Закона 2002 г.).

Религиозное образование можно определить как образование на основе определенного религиозного вероучения с целью обучения какой-либо религии и культовой практики, направленное на привлечение обучаемых в религиозные организации, подготовку служителей культа и богословских кадров, осуществляемое под управлением или контролем религиозных организаций, допускающее совершение богослужений, религиозных обрядов, ритуалов и церемоний. Создание учреждений религиозного образования и непосредственное управление ими, определение содержания образовательных программ, методик и технологий преподавания находится в юрисдикции соответствующих религиозных объединений.

Таким образом, реализация правовых норм, устанавливающих светский характер государственной системы образования в Республике Беларусь, подразумевает разведение понятий и практики религиоведческого и религиозного (теологического) образования. Первое подразумевает преподавание в светских (государственных) учреждениях образования мировоззренчески нейтральных знаний о религии, второе ориентировано на обучение религии и соответствующую социализацию. Естественным условием соблюдения конституционного принципа свободы совести выступает взаимное невмешательство государства и религиозных организаций в компетенции сторон, в т. ч. сферы светского и теологического образования.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В ВУЗЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Т. П. Короткая

Ученые-гуманитарии стран постсоветского пространства активно обсуждают сегодня дисциплинарный статус религиоведения, его проблемное поле, соотношение эмпирического и теоретического уровней в религиоведении. Важной составляющей этих дискуссий является проблема структуры религиоведения. Религиоведение является комплексной дисциплиной. В качестве основных структурных элементов этой дисциплины выделяют, как правило, следующие:

история религии, философия религии, феноменология религии, социология религии, психология религии. Практически все ученые-религиоведы в качестве базового раздела курса «Религиоведение» выделяют историю религий. Религиоведение как предмет преподавания в ВУЗе представляет собой по существу преподавание истории религий. Подавляющее большинство учебников по религиоведению представляют собой учебник по истории религий. Как правило, в них дается краткая глава, посвященная изложению темы «Религия как социокультурный феномен», а далее излагаются исторические формы верований – от ранних религиозных представлений, изучения национально-государственных религий до изложения сути и значения основных мировых религий – буддизма, христианства, ислама. Подобная позиция вовсе не является необоснованной; ряд ученых–религиоведов как в странах постсоветского пространства так и за рубежом считают само понятие религиоведение синонимичным понятию история религий. В учебных пособиях по религиоведению, изданных в Республике Беларусь, как правило, история религий излагается в историко-культурном ключе. Она трактуется как последовательная смена более ранних форм верований позднейшими, т. е. фактически методологическим принципом анализа является принцип эволюционизма. В рамках этого подхода предполагается, что история человечества есть единый процесс последовательного развития, история же религии понимается как смена одной формы религиозных представлений другой; история религии в таком случае есть последовательность рядоположенных независимых образований. Однако развитие гуманитарных наук на рубеже 19–20 веков выявило картину более сложного взаимодействия культурных феноменов и иную схему исторического развития. На смену плоско понятого эволюционизма приходит ряд новых идей, прежде всего, идей диффузионизма, в его различных модификациях. Ряд ученых, исповедующих позицию диффузионизма, приходят к выводу о том, что существует «перенос» определенных культурных достижений и представлений из одной культуры в другую, в том числе и религиозных идей и представлений. Одной из наиболее известных разновидностей диффузионизма является теория культурных кругов. Речь в данном случае идет о переносе определенного культурного комплекса – культурного круга – на другую культурную среду. Эта идея по своей сути послужила основой для того, чтобы рассматривать культуры и религии не как изолированные исторические образования, а как сложную систему культурных заимствований и новаций. Все это ставит на повестку дня проблему сравнительного метода анализа. В практике преподавания религиоведения и в учебных пособиях по данному предмету следует больше внимания уделять сравнительному анализу религий. Трактовка истории религий в учебных курсах должна быть сопряжена более широко с принципами сравнительно-исторического метода, с выявлением общего и особенного в том или ином комплексе религиозных идей, выявлением влияния разных религий друг на друга.

В определенной мере этот аспект рассматривает феноменология религии. Ряд исследователей считает, что религиоведение, будучи по своей сути историей религии, должно сочетать в себе историю и феноменологию религии. Феноменология религии исследует схожие явления в разных религиях, выявляет их структуру. Феноменология религии раскрывает суть религии не извне, с позиций как бы стороннего наблюдателя: мериллом феноменологического анализа

выступает религиозный индивид и в основе анализа лежит описание религиозного опыта. Феноменология религии сопоставляет, группирует и описывает феномены религии на разных уровнях. Основное значение здесь имела работа Р. Отто «Священное». (1917 г.). В ней автор анализирует различные формы религиозного опыта, опыта переживания священного. Эта книга и идеи, выраженные в ней, фактически совершили качественный переворот в религиоведении. Этот переворот связан с тем, что Р. Отто определил, что священное – это основная категория религиозного опыта, которую нельзя, тем не менее, выразить рационально, понятийно. В своих установках Р. Отто опирался во многом на взгляды Ф. Шлейермахера, заложившего фундамент либеральной теологии в своем классическом труде, посвященном анализу сущности религии – «Речи о религии к образованным людям, ее презирующим» (1799 г.) Шлейермахер определяет специфику религии как особое переживание, «чувство и вкус к бесконечности». Шлейермахер подчеркивал, что сущность религии – не мысль и действие, ее сущность – чувство. Однако, это чувство не следует понимать психологически, оно может быть понято как экзистенциальное чувство сопричастности человека универсуму. В этом опыте раскрывается состояние зависимости человека, его связь с вечным и бесконечным. Ф. Шлейермахер наметил путь религиоведения как путь исследования опыта. Развивая идеи Ф. Шлейермахера, Р. Отто приходит к выводу о том, что сущность священного можно выразить через нуминозное – проявление священного. Священное в понимании Р. Отто – страшная тайна (*mysterium tremendum*), оно подавляет своим могуществом, вызывает у человека чувство ужаса. Но, с другой стороны, оно вызывает не только ужас, но и благоговение, оно не только пугает и отталкивает человека, но и притягивает человека, вызывая тем самым у него благоговение. Священное определяется как нечто иное, отличное от естественной реальности, мирского. Феноменология исходит из того, что опыт священного, зафиксированный в разных религиях, можно представить как особую традицию и выразить особым языком. Священное открывает себя в любых предметах, оно проявляется через эти предметы, но не сводится к ним. Один из зачинателей феноменологии религии М. Элиаде в этой связи ввел понятие иерофании – проявление священного. Священное открывается в любых предметах, оно проявляется в них, но его нельзя к ним сводить. Предметом исследования феноменологии религии выступают в частности такие манифестации священного в разных религиях как священное пространство, священное время и т. п. Исследуя мифы и сказания разных религий, феноменология описывает опыт восприятия пространства, опыт восприятия времени, присущий разным народам. Исследуя ключевые символы религий (символ неба, символ горы, водную символику и т. п.), они проясняют экзистенциальную ситуацию человека, его опыт бытия в мире, связанный с такими важнейшими вехами его бытия как рождение и смерть, любовь, вера и надежда.

Однако, несмотря на несомненную глубину и значимость феноменологии религии как специфической методологии исследования религиозных феноменов, нельзя все религиоведение сводить только к феноменологическому описанию, его надо дополнять историческим анализом. По-другому говоря, религиоведение должно быть комплексной дисциплиной, изучающей как ту или иную социокультурную ситуацию, факты, внешнее составляющее религии (историю религии), так и их внутреннее, глубинное содержание, имеющее

экзистенциальный смысл (феноменология религии). Объединяющим началом целостного подхода в религиоведении должно стать, по нашему мнению, исследование человека.

В этой связи является оправданным и плодотворным подход, который в последнее время выявился в российском религиоведении. Ряд ведущих религиоведов России (И. Н. Яблоков, М. М. Шахнович и др.) включают в базовые программы по религиоведению и учебные пособия по дисциплине раздел «антропология религии». Это плодотворный подход и хочется верить, что в скором времени он будет востребован и в нашей стране. Религиоведение должно не просто излагать факты истории той или иной религии, оно должно раскрыть определенную концепцию мира, присущую той или иной религии. Но эта концепция может быть понята и объяснена через целостное описание образа человека, присущий данной религии – его места и роли в социальном и космическом универсумах. Религиоведение должно изучать особый опыт понимания человеком реальности, опыт целостной органической включенности человека в мир природы и истории; понимание им мира как духовно-материальной целостности и, в свою очередь, осознание себя как целостной материально-духовной «единицы» этой целостности. Надо помнить, что религия по своей сути есть целостный взгляд на мир. Она дает не только описание ситуации человека в мире, но и оперирует способами осознания человеком своей органической причастности миру в целом и его духовной основе – Богу. Она не только излагает определенные события, но и раскрывает, как эти события переживаются человеком. Религия содержит в себе не только знание, но она формирует определенные образцы поведения, основанные на вере в Бога. Это дает возможность воссоздать, реконструировать и осмыслить характерные особенности мировидения человека, которые определяются его связью с трансцендентным.

В этой связи религиоведение как раз должно углублять представления о человеке и мире, раскрывая на примере разных религий глубину и многомерность духовного мира человека, в котором наряду со стремлением к познанию мира присутствует и стремление к трансцендентному, образующее религиозную веру. Религия в процессе своего развития разрабатывала различные модели поиска человеком трансцендентного начала, т. е. поиск Бога. Как известно, наличие веры является специфически человеческим признаком. Становление человека как человека, как существа социального, стало возможным благодаря пониманию того, что нравственные императивы и предписания, исходящие из высшего начала, предписывают определенные социальные правила, соблюдение которых и делает человека человеком. Они формируют образцы человеческого нравственного отношения в социуме и по существу формируют культуру. Культура является результатом оценки человеком мира как целого и своего места в нем. Эти установки и ценности у верующего человека имеют духовное божественное основание. Религиозная вера определяет собой ценности, в целом особый горизонт, в котором разворачивается бытие человека. Именно поэтому исследование религии и религиозной веры являются мощнейшим источником познания человека.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ВУЗЕ

М. А. Можейко

Проблемы преподавания религиоведения в современном светском ВУЗе включают в себя проблемы трех уровней, которые условно можно обозначить как проблемы студенческие, проблемы преподавателя и проблемы административные.

1. Проблемы студента. Современное студенчество отличается, среди прочих своих особенностей, очевидной тягой к ценностям духовного порядка: его интересует не только информационный поиск и овладение знаниями, но и вопросы смысложизненного характера.

Однако навыка поиска ответов на подобные вопросы у выпускника современной средней школы практически нет. При остром интересе к проблеме трансцендентных ценностей, молодой человек, как правило, не только не относит себя к какой бы то ни было конфессии, но даже имеет далеко не исчерпывающие (и не всегда корректные) представления о сущности и специфике религиозной традиции.

В этом контексте возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что подобная аксиологическая установка, являющаяся, казалось бы, благодатной почвой для формирования в сознании молодежи истинных духовных ценностей, оказывается чреватой некоторыми небезопасными тенденциями. Остро ощущая своего рода духовный голод, молодой человек в ряде случаев оказывается готовым заполнить пустоту в своей душе практически чем угодно, – вплоть до того, что подобная некритичность сознания делает его беззащитным перед агрессивной пропагандой нетрадиционных религиозных движений и деятельностью тоталитарных сект.

Наверное, каждому, кто преподавал религиоведение в современном ВУЗе, знакомо то чувство, которое потрясло меня при первом опыте чтения курса «Религиоведение» на отделении философии факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета: начинаешь излагать историю религии и видишь, как все студенты на потоке последовательно становятся, вслед за твоим рассказом, вишнуитами, шиваитами, потом – буддистами (и вновь – с последовательной сменой от приверженцев хинаяны – к приверженцам махаяны и ваджраяны), затем – по ходу разворачивания исторической реконструкции лекционного курса – сторонниками зороастризма, позднее – при переходе к анализу теистических традиций – интерес студентов смещается в сторону религий Откровения.

При учете этого момента представляется особенно важным правильно направлять интерес студента, дать ему подлинную духовную пищу, научить отличать богатую религиозно-философскую традицию от суррогатов нетрадиционной религиозности.

В свете этой задачи представляется целесообразным расширение и углубление той части программы по курсу «Религиоведение», которая посвящена анализу теологической традиции (в то время как в данный момент акцент делается на таких вопросах, как истории религии, специфика культовой практики той или иной традиции т. п.).

2. Проблемы преподавателя. Из сказанного следует, что применительно к

курсу «Религиоведение» роль преподавателя акцентированно возрастает, причем не только в образовательном, но и, в первую очередь, – в воспитательном отношении. Между тем, применительно к преподавательскому корпусу, также можно говорить о проблемном его состоянии. Проблемность эта является очевидной и связана с тем, что, в силу причин исторического характера, на сегодняшний день корпус преподавателей религиоведения на три четверти состоит из тех, кто если не вчера, то позавчера еще читал курс под названием «Основы научного атеизма». И потому наряду с подрастающим поколением новых религиоведов, читающих методологически корректный и аксиологически взвешенный академический курс религиоведения, существует целая армия представителей старой школы.

И если решить эту проблему – в силу моральных причин – отнюдь не просто, то следует, по меньшей мере, учитывать ее наличие в современном преподавании данного курса. Возможно, введение в учебную программу более обширного материала по истории теологии, который потребует от преподавателей своего рода самосовершенствования и профессионального роста, будет небесполезным и в этом отношении.

3. Проблемы административного характера. Все обозначенные выше проблемы имеет смысл обсуждать, лишь при том условии, что сам курс «Религиоведение» имеется в учебном плане. Однако именно в этом вопросе все обстоит далеко не благополучно. Разумеется, переход к двухступенчатой системе образования, сокращающий срок обучения бакалавров с пяти до четырех лет, предполагает разумное сокращение числа читаемых студентам курсов. Однако, вопрос о том, что именно сокращать, иногда решается без учета специфики современной обстановки в молодежной культурной среде, равно как и без учета специфики той или иной специальности будущего выпускника ВУЗа.

Так, переход на двухуровневую систему обучения в высшей школе, привел к необходимости сокращения учебных часов, в силу чего многие дисциплины социально-гуманитарного цикла оказались за пределами обязательных для чтения курсов, попав в разряд так называемых «дисциплин по выбору» (это касается не только религиоведения, но в той же мере и этики, и культурологии, и эстетики, и т. д.).

Пресловутый «выбор» (или, как правило, не-выбор) названных курсов осуществляет, как правило, декан, озабоченный сохранением нагрузки преподавателей своего факультета, в силу чего дисциплины социально-гуманитарного цикла оказываются за бортом. Подчас возникают абсурдные ситуации, когда, например, юристы и психологи не получают абсолютно никакой религиоведческой подготовки, а журналистам не преподается этика. Как, спрашивается, работник правоохранительных органов, получивший подобное урезанное образование, сможет определить, как ему оценить деятельность той или иной организации с точки зрения ее легитимности? Как может работать журналист, не имеющий глубокой нравственной подготовки – как в смысле образования, так и в смысле воспитания?

Как видим, проблемы преподавания религиоведения в современном светском ВУЗе достаточно разнородны и весьма непросты, но только комплексное из решение позволит подготовить специалиста, способного адекватно ориентироваться в современной мировоззренческой ситуации и отличающегося

глубокой внутренней культурой и высоким духовным потенциалом.

К СВЕТСКОМУ ОСНОВАНИЮ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

П. Ф. Дик

Понятия «светское» и «религиозное» сосуществуют диалектически как стороны противоречия, как обозначение и выявление конкретной ситуации социально-культурного бытия. «Народ, имеющий плохое понятие о боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы» [2, с. 400].

Лидеры структур духовно-конфессиональной культуры сумели обеспечить преемственность. Сегодня нуждающийся человек имеет возможность по своему усмотрению посещать учреждения религиозно-конфессиональной традиции и получать веру-знание из первых рук. Проблемы, недоступные разрешению традиционными способами, реальными возможностями и правами конфессий, уполномоченные лица объединений умеют выявить, сформулировать и донести до сведения сообщества. Остается на деле позволить всем конфессиям заниматься *своим*, исконным способом воздействия на личность и сообщество, не понуждать религиозный комплекс пользоваться другими методами и тем самым превращаться в структуру текущей политики и идеологии. Не мешать и не вмешивать – конструктивный принцип конфессиональной политики светского государства в обеспечении интересов *всего* сообщества.

В *неконфессиональной* сфере, то есть в собственно *светской* части исторической социально-культурной реальности ситуация сложнее. «Каждый индивидуум, поскольку он связан с духом своего народа, обретает с момента рождения веру своих отцов без своей вины и без своей заслуги, и вера отцов является для индивидуума святыней и авторитетом. Это и составляет основание веры, данное в историческом развитии» [2, с. 381]. Умозаключение Гегеля актуально напоминанием о *верной* преемственности целостной духовности, включающей и веру-религию. В чем же заключается вера поколения отцов, совмещающих опыт советской и постсоветской духовности, и вера детей? Большинству людей свойственно придерживаться одобряемой в обществе основе идентификации личности и группы. В групповом мнении религиозное – часть органичной этноконфессиональной, этнокультурной традиции. Проблему не разрешить исследованиями этнокультурной сферы, поскольку выявление достоверных фактов опирается на определенную методологию, диктующую теоретическое осмысление полученных результатов, а также характер практических рекомендаций.

Очевидная реальность пограничных областей поликонфессионального и внеконфессионального настоятельно обязывает конкретизировать смыслы слов «религиозное», «светское». Религиозное просвещение населения страны, – проблема национальной безопасности, – для сферы образования должна стать адекватно преобразованной теорией, как минимум, в двух версиях: для светской школы и конфессиональной школы. Прямолинейная реализация жесткого требования времени может привести к результату, противоположному ожиданиям – росту действительного отчуждения людей. Почему? Под религиозное

просвещение в школе могут подвести цитирование авторитетов с разъяснением, актуализирующим деление людей на группы по «своей вере». В худшем случае, религиоведческий дилетантизм в поликультурной школе усугубляется косвенной подготовкой растущего человека к зависимости от манипулятора обособленностью для объединения одних против других.

У духовно-религиозной культуры как части культуры единого человечества огромное неоднозначное наследие. Есть солидная, в том числе отечественная традиция исследования природы, форм духовности, включая религиозную и нравственную, путей воспитания твердости духа народа. Просветить народ не разлагая его нравственной сущности – таким видится С. Н. Булгакову призвание русской интеллигенции. Содержанием курсов этики, эстетики, атеизма, опирающихся на классическое наследие, в вузе осуществлялся философский подход к осмыслению духовности как единой конструктивной реальности в обществе массового атеизма. Этот опыт можно и нужно использовать во благо. Например, принятие термина «религия» для обозначения высшей ценности не освобождает, а *обязывает* выявлять ее в субординации многих с одним названием. Это преодоление религии эгоизма, развитие к *истинной* религии, для которой вечность настает не за гробом, а «посреди ее современности» [4, с. 92]. *Истинная* нравственность как образующая ценность и есть то «высшее устремление», которое можно обозначить словом «религия» по Фихте.

Светское религиоведение в учебной версии можно осуществить как в курсе философии, так и философской дисциплиной. «Сделать содержательное доступным для понимания, охватить его определенными мыслями, понять и уберечь тем самым от печальных заблуждений должно быть делом философии» [1, с. 424]. Принципиально важно осознать, что религия – наименование общего, поэтому в образовании и воспитании его можно «схватить» лишь в понятии. Конкретика веры отцов постигается общением в семье и объединении вероисповедания. Единство философского светского знания о религии с усвоением вероисповедной традиции в комплексе семейного воспитания наиболее продуктивно для духовно-конструктивного становления личности.

Итак, соотносимость светского с религиозным, понятая в широком смысле, жизненно необходима для конструктивного бытия. Равная удаленность светского от конфессионального и внеконфессионального позволяет исходные ценности утверждать в приемлемой для всех групп форме. Консолидирующей ценностью может быть конструктивно осмысленное *со-бытие* как, по В. С. Соловьёву, подлинное противодействие всеобщей угрозе. «Вот общая опасность, которая должна соединить и верующих и неверующих. И тем и другим пора признать и осуществить свою солидарность с матерью-землёю, спасти ее от омертвения, чтобы и себя спасти от смерти» [3, с. 393].

Полагаем, назрела необходимость в принятии единой концепции духовности, включающей понятие религии как сущности, мировоззрения и культуры. Святыни остаются высшими и всеобщими ценностями до тех пор, пока они приняты всеми в качестве святыни. Воинственность в области духа уместна только в одном преломлении – направленности на конструктивное совершенствование самого себя. За одним конфессиональным наименованием необходимо различать, минимум, две реальности: организацию жизни людей вокруг действующего *культа* и исторически сложившееся единство в

многообразии групп человечества в *этнокультурном ареале*. Взаимосвязь религии как выявляемой сущности определенного порядка и религии как ставшего исторического типа мировоззрения может стать органической частью подлинно философского – мировоззренческого и методологического, – основания единства жизнеспособного государства, гражданского общества, личности. Единство в теории позволит осуществить конструктивную консолидацию всех групп сообщества, в том числе посредством органичности теории в гуманистически-соборном образовании.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2-х т.; сост., общая ред. и вступ. статья А. В. Гулыги. – М., 1970. – Т.1.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х т.; отв. ред. А. В. Гулыга, пер. с нем. М. И. Левиной. – М., 1975. – Т.1.
3. Соловьёв, В. С. Сочинения. В 10 т. Изд. 2-е. – СПб., 1911. – Т.6.
4. Фихте, И. Г. Речи к немецкой нации; пер. А. А. Иваненко. – СПб., 2009.

АБ ВЫКЛАДАННІ РЭЛІГІЯЗНАЎСТВА ЯК ФІЛАСОФСКОЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ

В. А. Адзіночанка

На наш погляд, надзвычай важна выходзіць менавіта з той рэчаіснасці, якая складася з выкладаннем рэлігіязнаўства ў ВНУ Беларусі. Бо толькі такім чынам любяць разважанні набываюць сэнс і могуць паспрыяць вырашэнню існуючых у гэтай галіне праблем. Мы выходзім з таго, што выкладанне рэлігіязнаўства як філасофскай дысцыпліны зараз патрабуе разгляду шэрагу фундаментальных пытанняў.

Неабходна асэнсаваць, што такое філасофія. Бо калі гэта “навука аб найбольш агульных законах развіцця прыроды, грамадства і чалавечага мыслення”, то такое азначэнне адразу ж задае пэўную інтэрпрэтацыю рэлігіі. У якасці ўзору навукі, як правіла, прапаноўваецца прыродазнаўства, і гэта прадугледжвае прыняцце пэўных метадалагічных прынцыпаў. Па-першае, прыродазнаўства прэтэндуе на аб’ектыўнасць сваіх палажэнняў, сітуацыя, калі адной і той жа з’яве даюцца розныя інтэрпрэтацыі не разглядаецца у якасці канчатковай – адна з трактовак павінна быць адкінута як памылковая, альбо знойдзена больш агульнае тлумачэнне. Таму ў прыродазнаўстве ёсць дакладнае адрозненне ісціны і заблуджэння. Па-другое, метадалогія прыродазнаўства прадугледжвае выяўленне заканамернасцей, якая знаходзяцца за з’явамі і тлумачаць іх. Таму абвясчэнне таго ці іншага філасофскага кірунку як навуковага мае сваім вынікам яго прэтэнзію на выключную праўдзівасць сваіх палажэнняў і тлумачэнне іншых поглядаў у межах сваёй уласнай інтэрпрэтацыі рэчаіснасці. У дачыненні да рэлігіі гэта прыводзіць, па-першае, да супрацьпастаўлення рэлігійнай і навуковай карціны свету і, па-другое, да тлумачэння рэлігійных феноменаў па-за рэлігійнымі фактарамі.

Калі мы разумеем філасофію як спосаб вывучэння і асэнсавання найбольш агульных і фундаментальных асноў рэчаіснасці і спосабаў яе развіцця, а таксама

сістэму ведаў, якая ўзнікла на гэтым грунце, гэта прадугледжвае пліуралізм думак і дыялог паміж імі. Але ў той жа час не знікае пытанне аб ісціннасці палажэнняў таго ці іншага філасофскага вучэння і іх суаднясення з палажэннямі іншых філасофскіх вучэнняў а таксама іншых светапоглядаў. Безумоўна, тады паўстае пытанне аб тым, як разумеецца ісціна ў філасофіі, навуцы, рэлігіі, мастацтве і г. д.

Пры выкладанні рэлігіязнаўства мы можам выходзіць з таго, што філасофія, навука, рэлігія, мастацтва – гэта віды чалавечай жыццядзейнасці і маюць пэўны экзістэнцыяльны сэнс. Згодна з этымалогіяй, філасофія – гэта любоў да мудрасці (грэч. *phileo* – любоў і *sophia* – мудрасць). Тут трэба ўзгадаць і звярнуць увагу студэнтаў на тое, што ўпершыню тэрмін *філасофія* ўжыў Піфагор, а яго разгорнутае тлумачэнне даў Платон. Ён пісаў, што мудрымі з’яўляюцца багі, а людзі могуць толькі імкнуцца да мудрасці. Людзей, якія гэтым займаюцца, Платон называў “філосафамі”, а іх занятак – “філасофіяй”. З гэтага можна зрабіць метадалагічную выснову, што ні адно з філасофскіх вучэнняў не можа прэтэндаваць на канчатковае тлумачэнне рэчаіснасці, і любая праблема павінна абмяркоўвацца.

Такім чынам, мы можам выходзіць з таго, што рэлігія з’яўляецца адным з відаў светапогляду і атрымлівае права на існаванне менавіта ў гэтай якасці. Гэтым дасягаецца пэўная светапоглядная нейтральнасць пры выкладанні рэлігіязнаўства: студэнтам распавядаецца, што такое рэлігія, якая яе структура, функцыі ў грамадстве, якія бываюць рэлігіі, якое месца тая ці іншая рэлігія займала ў гісторыі. Безумоўна, гэтая нейтральнасць не можа быць абсалютнай, бо выкладчыкі маюць свае светапоглядныя пазіцыі, і вельмі важна, каб яны ў іх былі. Галоўнае, каб выкладаўся вучэбны матэрыял, а не адбывалася прапаганда тых ці іншых поглядаў на рэлігію.

Трэба адзначыць, што пры выкладанні рэлігіязнаўства даецца даволі схематычны аналіз рэлігіі. Яно з’яўляецца менавіта вучэбнай дысцыплінай, мэта якой – даць студэнтам самыя агульныя звесткі аб рэлігіі і яе месцы ў культуры. Таму не прадугледжваецца выкарыстанне складаных філасофскіх пабудоў.

На наш погляд, дастаткова прыймальным пры выкладанні з’яўляецца распаўсюджанае азначэнне рэлігіі як тыпу светаўспрымання і светаадчування, а таксама адпаведных паводзін і спецыфічных дзеянняў, якія грунтуюцца на веры ў звышнатуральнае.

Паняцце “звышнатуральнае” можна выкарыстоўваць для абазначэння спецыфікі рэлігійнага светаўспрымання. Яго недахопам з’яўляецца тое, што яно прадугледжвае дакладнае адрозненне натуральнага ад звышнатуральнага. Таму яно можа быць ужыта для аналізу палажэнняў толькі некаторых рэлігій. Але, напрыклад, у беларускім язычніцтве звышнатуральнае з’яўляецца часткай навакольнага асяроддзя. Таксама і ў некаторых нетрадыцыйных рэлігіях звышнатуральнае разумеецца як адно з вымярэнняў рэчаіснасці. З гэтым звязана праблема іх ідэнтыфікацыі. Самі яны імкнуцца пазначыць сябе не як “рэлігіі” а як “духоўныя вучэнні”. Але, калі яны будуць свае разважанні аб Сусвеце, выходзячы з наяўнасці нечага, што знаходзіцца за межамі прыродных заканамернасцяў, то павінны быць ідэнтыфікаваны як рэлігіі.

Пры выкладанні рэлігіязнаўства трэба ўлічваць магчымасць трох падыходаў да аналізу рэлігіі: тэалагічнага, філасофскага і навуковага. Пры тэалагічным падыходзе рэлігія разглядаецца з пункту погляду палажэнняў таго ці іншага

веравучэння. Пры гэтым ісцінасць апошніх не ставіцца пад сумненне, яны з'яўляюцца перадумовай аналізу. Таму такі падыход зводзіцца, як правіла, да апалагетыкі палажэнняў сваёй рэлігіі і крытыкі іншых. Апошняя можа быць як вельмі стрыманай, калі проста паказваюцца адрозненні сваіх поглядаў ад іншых, так і даволі агрэсіўнай, калі ўсе іншыя рэлігіі тлумачацца як праява зла. У сувязі з тым, што зараз у нашым грамадстве існуе праблема метадаў узаемадзеяння паміж устаноўмі адукацыі і рэлігійнымі арганізацыямі, трэба дакладна разумець спецыфіку тэалагічнага падыходу і не блытаць яго з іншымі.

Філасофскія падыходы да аналізу рэлігіі могуць быць самымі рознымі, што тлумачыцца разнастайнасцю поглядаў мысліцеляў. Пры гэтым вылучаюцца дзве крайнія пазіцыі: рэлігійная і атэістычная. Падыход рэлігійнай філасофіі вельмі блізкі да тэалагічнага, адрозненне выяўляецца ў тым, што тэалагі разглядаюць палажэнні сваёй рэлігіі як дадзенасць, рэлігійныя ж філосафы выводзяць іх з агульнай карціны свету, чалавека, яго існавання і г. д. З пазіцыі атэістычнай філасофіі адбываецца паслядоўнае адмаўленне рэлігіі. Трэба падкрэсліць непазбежны суб'ектывізм філасофскага падыходу – як правіла, тут мы маем справу не з апісаннем вераванняў і абрадаў, а з іх інтэрпрэтацыяй тым ці іншым мысліцелем.

Пры навуковым падыходзе даследчыкі імкнуцца да аб'ектыўнай характарыстыкі рэлігіі і іх выказванні грунтуюцца на папярэднім вывучэнні эмпірычнага матэрыялу, таму магчыма і патрэбна параўноўваць трактоўкі рэлігіі розных даследчыкаў з пункту погляду іх адпаведнасці рэальнаму стану рэчаў. Пры навуковым падыходзе трэба дакладна пазначыць, з пункту погляду якой навукі ідзе аналіз рэлігіі і які бок апошняй разглядаецца. Трактоўка рэлігіі з пункту погляду псіхалогіі будзе іншай, чым з пункту погляду этнаграфіі ці сацыялогіі. Таксама трэба ўлічваць, што навуковыя даследаванні рэлігіі заўсёды выходзяць з разумення яе сутнасці, якое мае філасофскі характар.

Сам тэрмін “рэлігія” даследчыкі звычайна выводзяць ад лацінскага дзеяслова “religare” – “звязваць, яднаць”. Ад яго паходзіць назоўнік “religio” – “святыня, набожнасць”. Старажытныя рымляне абазначалі гэтым словам усё тое, што было звязана з шанаваннем багоў. Найбольш распаўсюджанае ў хрысціянстве тлумачэнне этымалогіі слова “рэлігія” даў вядомы багаслоў IV–V стст. Аўрэлій Аўгусцін. Ён разглядаў яе як “узнаўленне страчанай сувязі”. Трэба падкрэсліць спецыфічна хрысціянскі характар гэтага тлумачэння. Бо, напрыклад, у будызме такога паняцця страчанай сувязі няма. Таму студэнтам трэба дадаткова тлумачыць характар вераванняў і культурных паводзін у будызме, канфуцыянстве, даасізме, сінтаізме і г. д.

Трэба ўлічваць таксама і той факт, што зараз адбываецца скарачэнне колькасці вучэбных гадзін, адведзеных на вывучэнне філасофіі. Яшчэ ў 2010 годзе яна рэальна складала 90 гадзін, потым 68, а зараз зведзена да 42 (22 гадзіны лекцый і 20 семінараў). Безумоўна, што за такі час немагчыма якасна расказаць, нават у самых агульных рысах, пра асноўныя філасофскія праблемы. Скарачаецца таксама і рэлігіязнаўства. У той жа час цікавасць студэнтаў да прадмета застаецца пастаянна высокай, аб чым сведчаць іх выказванні і пытанні. Таму зараз усё больш актуальнай робіцца праблема як, улічваючы філасофскую неадукаванасць студэнтаў, больш-менш змястоўна распавесці ім аб праблемах рэлігіязнаўства.

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

С. К. Носов

Современное религиоведение переживает далеко не лучший период своего развития. Несмотря на традиционный интерес к предмету и тематике религиоведческих исследований со стороны студенческой молодежи, оно крайне мало представлено в аудитории высшей школы. В этих условиях главной задачей преподавателей религиоведения становится популяризация религиоведческого знания и предмета в целом.

Как любую другую гуманитарную науку, религиоведение можно рассматривать в трех взаимосвязанных аспектах: научно-исследовательском, образовательном и воспитательном. В контексте нашей темы мы намеренно упустим первый аспект, чтобы подчеркнуть особое социальное значение двух других.

Современная реальность российского образовательного пространства констатирует неутешительный факт, с каждым новым учебным годом, религиоведческие курсы покидают аудиторию высшей школы, сокращается преподавание религиоведческих тем и в других гуманитарных предметах.

Причина данного феномена, на наш взгляд, кроется в излишней политизации и явной эмоциональности в отношении к предмету со стороны религиозной и светской общественности. Все сходится во мнении, что знания о религии необходимы человеку и обществу, что отношение к религии является важнейшим компонентом духовной культуры человека. При этом все выражают свое заинтересованное видение предмета.

Представители религиозных организаций опасаются влияния на своих адептов «светской идеологии» и иных вероучений.

Представители светски ориентированной части общества опасаются роста религиозного влияния и последующей «клерикализации» общества.

Борьба этих двух позиций продолжается уже более двадцати лет. Она обостряется попытками религиозных организаций закрепиться в аудитории высшей школы. Так, например, в некоторых вузах, вместо религиоведческих курсов был введен предмет «теология».

Здесь уместно отметить, что, во-первых, теологические знания необходимы лишь части общества – специалистам-профессионалам, а не обществу в целом. Во-вторых, теологические знания, спроецированные на широкую аудиторию непрофессионалов способны стимулировать сектантские настроения в самой религиозной организации.

Религиоведение же обращено к широкой аудитории имеющей различные философские и религиозно-мировоззренческие ориентации. Оно призвано, при неукоснительном соблюдении права слушателей на свободу совести и вероисповедания, представить объективную информацию о религии.

Немаловажное значение имеет воспитательная функция религиоведческих курсов.

Сегодня студенческая аудитория представляет собой многоконфессиональное собрание, где преобладают люди с не оформившимся

научным или религиозным мировоззрением. Часть из них ориентирована на традиционные религии «своих предков», другая пытается найти «что-то свое». Поэтому в студенческой аудитории можно встретить широкий спектр религиозных взглядов и представлений, от традиционных религий: христианства, ислама, буддизма и иудаизма – до неоязычества и различных демонических культов.

Некоторая часть студентов интегрирована в религиозные организации, другая, как правило, находит своих единомышленников через социальные связи в сети Интернета.

Особую тревогу вызывают лица, увлеченные демоническими культами. И хотя в аудитории вуза, в отличие от других учебных заведений, приверженцев таких культов не так уж и много, в целом их количество неуклонно растет.

Нередко их появление взбадривает культурная среда учебных заведений, где стало модным проведение «Хэллуина», «парадов зомби» и т.д. Воспитательная логика таких мероприятий проста – приобщить учащихся к традициям народов мира, побороть всевозможные фобии связанные с верой в сверхъестественное. Однако «праздники» заканчиваются, а «шоу» продолжается. Молодые люди продолжают играть роль демонических образов.

На наш взгляд, можно выделить следующие причины привлекательности демонических культов:

- наличие в обществе примеров безнравственного поведения;
- желание получить острые ощущения;
- культ грубой силы, ассоциирующийся со стихией разрушения;
- потребность постоять за себя в условиях коллектива склонного к девиантному поведению;
- желание выделиться из числа сверстников ориентированных на нравственное поведение.
- желание принадлежности к модной или «особой» субкультуре сверстников.

Большие возможности для формирования религиозной культуры предоставляют современные технические средства коммуникации. Возможность ежеминутного контакта со своими единомышленниками в социальных сетях Интернета и посредством мобильной связи способствует интеграции человека в пространство определенной религиозной субкультуры, что, в свою очередь формирует его религиозное сознание и образ жизни.

В этих условиях темпы развития современного религиоведения и его присутствие в аудитории учебных заведений призваны соответствовать темпам культурно-религиозных изменений и присутствию религии в обществе.

Таким образом, актуальность религиоведческого знания в современной высшей школе обусловлена рядом факторов. Во-первых, потребностью в научной информации о религии в процессе мировоззренческого становления и духовного самосовершенствования личности студента. Во-вторых, необходимостью формирования общегражданской религиозной культуры. В-третьих, потребностью, в методически организованной, научной площадке для межконфессионального диалога.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

С. Г. Масько, П. С. Крючек

Формирование культуры педагога в современном быстро и непрерывно меняющемся мире представляет собой сложнейшую, и даже кажущуюся невозможной, задачу. Потенциальная невозможность ее однозначного и окончательного решения базируется на релятивизме и относительности тех систем взглядов на мир в его онтологической бытийности, которые определяют множественность современных аксиологических подходов.

Современный педагог белорусского социума в своем подавляющем большинстве имеет материалистический философский взгляд на мир. Это ограничивает множественность его восприятия действительности. С этой точки зрения система знаний философии религии представляется необходимой для преподавателя как условие выхода за пределы традиционного объема имеющихся знаний. С другой стороны, это может послужить основанием для формирования иного, отличного от материалистического мировоззрения. Представляется, что идеалистический (теологический) взгляд на мир может сосуществовать с традиционно материалистическим в сознании преподавателя, как минимум, на уровне теоретического мышления. Обыденное восприятие действительности, определяющее повседневное мышление, а значит и поведение, может, при этом, оставаться традиционным для белорусского этноса. Представляется, что формирование философско-религиозной системы знания у педагогов в настоящее время целесообразно начинать в системе повышения квалификации педагогических кадров.

Это объясняется тем, что дополнительное образование взрослых ориентировано на педагогических работников, которые уже сформировались и закрепились в учреждениях образования, имеют опыт общения в системе «учитель-ученик», т. е. вертикальных связей и «учитель-учитель», т. е. горизонтальных связей в институтах образования. Это обеспечивает наличие у них как обыденного, жизненного опыта, так и научно-теоретического в силу их профессиональной деятельности. Кроме того, у них уже имеются определенные знания и навыки философского мышления, базирующиеся на вузовском курсе философии.

Думается, что формировать философско-религиозный (теологический) взгляд на мир необходимо на традиционно материалистической картине бытия, которая привычна преподавателям и включает в себя уровни (системы) неживой, живой и духовно-нравственный (социальный). Для слушателей повышения квалификации становится неожиданностью тот факт, что в рамках системного подхода можно дать определение смысла жизни как «единственного и необходимого условия, без которого невозможно существование духовно-нравственных норм и социальных установок и правил».

Подобное определение часто вызывает дискуссии, что подтверждает интерес к подобному методологическому осмыслению действительности. Еще больший интерес вызывает попытка таким образом ответить на вопрос о смысле жизни человека, т. к. традиционно его искали в системе материалистического

мировоззрения. Философско-религиозное (теологическое) осмысление данной проблемы выводит слушателя за пределы традиционной картины мира и с логической неизбежностью обосновывает существование четвертого – «надсознательного» уровня. При этом обосновывается невозможность его рационального объяснения. Важным является объяснение того факта, что существующие в обществе морально-нравственные ценности, невыводимы из самого социума. Они могут быть заданы только извне, и должны восприниматься нами именно как догма (аксиома). Любая попытка подвергнуть их философской критике приводит к их разрушению, что в рамках философской методологии естественно, но на практике ведет к потере духовных ориентиров у индивида и общества и, как следствие, к хаосу.

Тем самым, у педагога формируется новое философско-религиозное восприятие действительности, что усложняет его картину мира. Складывается понимание существования множественности систем ценностей, их логическое непротиворечие друг другу в рамках их существования и сосуществования.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В. В. Кудрявцев

В настоящее время в процессе подготовки педагогических работников отмечаются настораживающие тенденции. Основные смыслоформирующие мировоззрения учителя и его культуру предметы (этика, эстетика, логика, религиоведение, философия) либо исключены из учебных программ, либо объем их преподавания предельно уменьшен. Так, анализ учебной нагрузки в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка обнаруживает непонимание сути религиоведения и его места в системе гуманитарного знания, поскольку в 2013–2014 учебном году курс «Религиоведение» читается на дневном отделении в объеме 140 аудиторных часов (на весь университет, на все 10 факультетов). Для сравнения, курс систематического религиоведения в Институте теологии им. свв. Мефодия и Кирилла БГУ рассчитан на 108 аудиторных часов (76 – лекционных, 32 – семинарских) на одном факультете.

Обращает на себя внимание, что религиоведение рассматривается как факультативная дисциплина (по выбору), а не обязательная для подготовки педагогических работников, формирования их мировоззрения и культуры.

В качестве учебной дисциплины религиоведение выполняет, прежде всего, общекультурную функцию, поскольку вооружает студента знаниями о становлении, развитии и функционировании религии, ее взаимосвязи с культурой в целом и ее отдельными элементами.

Курс религиоведения дает возможность студентам активно усваивать категориально-понятийный аппарат, методы исследовательского анализа и основные теоретические модели в рамках данной дисциплины. Он позволяет будущему специалисту-гуманитарию получить знания и навыки, необходимые для анализа современной религиозной ситуации, включая проблематику межрелигиозного диалога, религиозных конфликтов и формирования

толерантности в обществе. Этот курс способствует выработке у студентов навыков исследовательской работы, служит подготовке творческих и критически мыслящих специалистов в области образования, умеющих анализировать и прогнозировать сложные процессы в сфере религии и имеющих научное представление о методах религиоведческих исследований. Но главное, он содействует формированию научного мировоззрения у молодежи (а тем самым содействует конструктивному диалогу религий и культур в белорусском обществе), инициирует развитие духовно-нравственной позиции студента.

Религиоведческое знание в сочетании с философским составляют едва ли не центральное звено духовной деятельности человека. Более того, религиоведение является фундаментом всего процесса изучения религии, позволяющее раскрыть сущностные, смысловые характеристики религии, которая во многом определила и определяет облик культуры.

Важно еще раз отметить, что религиоведение является самостоятельной дисциплиной, позволяющей выявлять сущностные и смысловые характеристики религии и ее отдельных феноменов и является методологией для других областей гуманитарного знания, в которых рассматриваются проблемы религии и ее взаимосвязь с культурой. А это требует обязательного включения в систему подготовки будущих педагогов также и истории философии, этики, эстетики, философии культуры – обязательного философско-гуманитарного цикла, который позволит создать необходимый фундамент для формирования мировоззрения молодежи, расширить культурные горизонты учителей.

Религиоведение позволяет раскрыть этизацию религиозных программ и ценностей в жизнедеятельности верующего, закрепление их в форме религиозных предписаний, запретов, табу, общечеловеческих норм и ценностей. Это, в свою очередь, придает устойчивость функционированию религиозных программ и ценностей в потоке общественного бытия, помогает «восполнять», «компенсировать» разрывы, возникающие в моменты напряженности социального развития, утраты четких социальных ориентиров.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Г. Ж. Джуманова

Казахстан является светским, многонациональным и многоконфессиональным государством, где официально действуют 17 различных конфессий. Конфессиональный облик республики составляют: ислам, православие, католицизм, буддизм, а также новые нетрадиционные религиозные движения, ранее не представленные в нашей стране. Кроме того, имеются псевдорелигиозные образования, способствующие проникновению в Казахстан религиозного экстремизма. Исходя из этого, в Стратегии развития страны «Казахстан–2050» особое внимание уделяется необходимости сохранения светскости государства. Главными ценностями провозглашаются гражданский мир, межнациональное и межконфессиональное согласие, которые особо актуальны в условиях активного распространения идей и практики религиозного радикализма, экстремизма и

терроризма.

Сегодня к религии активный интерес проявляет молодежь. Уровень ее религиозности выше, чем у старшего поколения, воспитанного в условиях советского атеизма. Большинство молодых людей считают себя приверженцами традиционных для Казахстана конфессий – ислама и православия. Это обусловлено тем, что в условиях общего возрождения культуры возрастает их интерес к национальным корням, традиционным ценностям. Вместе с тем часть молодежи ищет себя в нетрадиционных религиях. Тревогу вызывает то, что экстремистские идеи находят поддержку в первую очередь среди молодежи, мировоззрение, социальная зрелость которой еще находятся на стадии становления и развития.

Особое беспокойство в обществе вызывает участие молодежи в радикальных организациях. Так в рядах экстремистских и террористических организаций, запрещенных в Казахстане, как «Хизб-ут-Тахрир», «Джамагат моджахедов Центральной Азии», «Джунд аль-Халифат», «Таблиги джамагат», различных радикальных течений салафизма в основном состоит молодежь. По данным Генеральной Прокуратуры РК, «60% осужденных террористов – это лица возраста до 29 лет. Минимальный зафиксированный возраст террориста – 17 лет. В октябре 2012 года в Казахстане впервые в судебном порядке был подтвержден случай совершения террористических действий несовершеннолетним. При этом статистические данные показывают, что в первом полугодии 2012 года задержанные по террористическим статьям относятся к следующим возрастным категориям: 16–17 лет – один человек, 18–20 – шесть, 21–29 – 55, 30–39 – 14, 40–49 – пять человек. Таким образом, из 81 человека – 62 относятся к молодежи, это 77%. Кроме того, 55 человек находятся в возрасте, предполагающем активную социализацию, когда образовательный цикл завершается и начинается трудовая деятельность» [1].

Экстремистские и террористические организации умело ведут идеологическую борьбу за умы, сознание молодежи. В своей религиозной пропаганде они учитывают и эффективно используют такие особенности молодых людей, как восприимчивость к новым идеям, максимализм, категоричность, мировоззренческую, духовную незрелость, религиозную безграмотность. Каковы мировоззрение, идеалы, ценности молодежи, куда, в каком направлении, за кем пойдет наше молодое поколение, кто и что влияет на него - все эти вопросы имеют непосредственное отношение к безопасности страны, ее настоящему и будущему. Воздействуя на сознание и поведение молодежи с помощью религиозных идей, критикуя существующую светскую власть, обещая молодым людям искоренение социального зла и несправедливости, переустройство общества, материальное процветание, «спасение», «светлое будущее», «любовь», «царство божье», «халифат» и т. д., деструктивные силы стремятся разбудить протестный потенциал молодых людей, использовать его в своих политических целях, достижениях власти.

Причины распространения религиозного экстремизма в молодежной среде являются самые разные, в том числе, социально-экономические, психологические, идеологические, правовые и другие. Однако среди главных факторов распространения этого социального зла являются невежество, общая и религиозная безграмотность, неумение отличить истинную религию от ее

искажений и извращений, связанное с этим некритическое мышление молодежи.

Интеллектуальная ограниченность, невежество и заблуждения, слепое подчинение букве религии, а не ее духу – это благоприятная почва для нетерпимости и ксенофобии, конфликтов и вражды, фанатизма и экстремизма, это причина многих трагедий. Известный современный турецкий мыслитель, теолог, лауреат «Премии за вклад в диалог и терпимость» ЮНЕСКО Фетхуллах Гюлен особо подчеркивает, что «три злейшими врагами людей являются невежество, нищета и раздоры» [2]. Казахский мыслитель, просветитель и поэт Абай Кунанбаев также предостерегал, что существуют три вещи, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать, это: невежество, леность, злодеяние. Невежество – отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом [3, с. 64].

Уровень знаний молодых граждан о религии, ее истории, догматах, культовой практике, направлениях и т.д. очень низок. Еще меньше юноши и девушки знают о новых нетрадиционных религиозных течениях, в том числе деструктивного толка. Об этом свидетельствуют и результаты социологического исследования. В частности, от 18,1% до 23,7% молодых людей затруднились ответить на вопрос о своей информированности о тех или иных новых религиозных организациях. От 60% до 75% опрошенных никогда не слышали о новых религиозных организациях харизматического направления. При этом основными источниками информации о религиозных объединениях для юношей и девушек являются: литература данной организации, мнения знакомых – адептов той или иной религиозной организации, СМИ, в особенности Интернет [4, с. 66].

Сегодня основным каналом информированности юношей и девушек о религии, различных ее формах и проявлениях является Интернет, в том числе сайты экстремистского содержания, в немалой степени способствующие формированию у подростков и молодежи ксенофобии, нетерпимости, фанатизма, радикализма. Кроме того, информацию о той или иной религии они черпают из проповедей зарубежных миссионеров, которые тенденциозно и однобоко раскрывают суть и особенности конфессий. В целом деятельность таких проповедников способствует экстремизации сознания и поведения молодежи, вовлечению ее в ряды деструктивных религиозных организаций.

Обострению и усугублению проблемы распространения религиозного радикализма в РК, экстремизации сознания и поведения молодежи в немалой степени способствовали идеологический вакуум, отсутствие собственных духовных образовательных учреждений, соответственно, дефицит образованных теологов, священнослужителей. Ситуация еще более осложнилась из-за выезда молодых казахстанцев на учебу в зарубежные теологические (исламские) центры в 90-ые годы прошлого века. По окончании зарубежного обучения они возвращались уже адептами фундаменталистского религиозного направления, нетрадиционного для Казахстана, противоречащего национальной культуре, традициям, образу жизни.

В этом контексте, безусловно, были востребованы не только отечественное теологическое религиозное, но и отечественное светское религиоведческое образование. Главная миссия религиоведческого образования как светского государственного образования – преподавание знаний истории мировых религий, просвещение, информирование подрастающего поколения в вопросах религии,

формирование у него устойчивого духовного иммунитета в отношении чуждых деструктивных религиозных идей, умение различать религию и псевдорелигию, ее искажения. При этом религиоведение такую деликатную сферу как религия, ее сущность, различные аспекты, должно раскрывать объективно, взвешено, корректно, руководствуясь принципами свободы совести и веротерпимости, постулатом, что религия – неотъемлемый компонент духовности народа. Без знания религиозных ценностей, имеющих нравственное и культурное значение, знание народа будет неполным, ущербным.

Вместе с тем, с точки зрения религиоведения, религия имеет двойственный характер. Она может играть в обществе, жизни отдельного человека как положительную, так и отрицательную роль, выполнять как интегративную, так и дезинтегративную функцию, порождать как добро, так и зло. «Безусловно, нельзя игнорировать темную сторону религии и насилия, но необходимо помнить, религиозные общины играют потенциально важную роль в предотвращении конфликтов, в их разрешении, в налаживании мира после конфликта и в целом в стабилизации общества. Религия несет ответственность за то, что она имеет отношение к столкновениям и напряженности, ведущим к войне, однако ее фундаментальное послание основано на мире... В целом религия играет ключевую роль в воспитании навыков честности, прилежания, верности и многих других качеств, без которых общества трудом могли бы существовать. Возрождение религии по всему миру отражает на фундаментальном уровне привлекательность именно этих позитивных сторон религии» [5, с. 16–17].

Религиоведческое образование призвано формировать в обществе мировоззренческую и конфессиональную толерантность, способствовать реализации свободы совести. Формируя понятие свободы совести, давая информацию о правовых нормах по этому вопросу, религиоведение содействует становлению гражданских качеств личности. Освоение и усвоение религиоведческих знаний способствует приобретению навыков ведения мировоззренческого диалога, недопущению конфронтации при общении людей с различным образом мыслей. В конечном итоге, это содействует гражданскому согласию и гармонизации межличностных отношений, установлению терпимости между представителями различных конфессиональных течений, а также между представителями религиозных и нерелигиозных мировоззрений.

Религиоведческое знание, просвещение формируют и укрепляют духовную безопасность молодежи, вырабатывают иммунитет против нетерпимости, фанатизма, ксенофобии, национализма, экстремизма, являются заслоном сектантскому, культовому влиянию на нее. Духовно-мировоззренческая толерантность, формируемая в школе, способствует воспитанию учащейся молодежи в духе открытости, демократичности, независимости, гражданственности, патриотизма. В демократическом обществе, благодаря религиозной толерантности, обеспечивается религиозная свобода, гарантируются права человека. Веротерпимость – это необходимое условие, предпосылка к развитию демократической правовой и политической культуры молодежи. В то же время в школе, в вузе должна быть четко выраженная нетерпимость к безграмотности, невежеству, предрассудкам, безнравственности, агрессивности учащихся и студентов. Именно эти отрицательные качества являются питательной средой, источниками религиозного фанатизма и экстремизма.

О роли образовательных программ, в том числе религиоведения, как важного инструмента по продвижению позитивных подходов к религиям и культурам говорится и в итоговой Декларации Первого Съезда лидеров мировых и традиционных религий, проходившего в Астане. Многообразие религиозных убеждений и исповеданий должно вести не к взаимному подозрению, дискриминации унижению, а к взаимовосприятию и гармонии, демонстрирующей уникальность каждой религии и культуры. Религии должны стремиться к большему сотрудничеству, признавая толерантность и взаимовосприятие как существенные элементы мирного сосуществования всех народов [6, с. 7].

Религиоведение, знание мировых религий показывает общность нравственных устремлений, духовных исканий, культурных норм многих народов, населяющих наше государство. Введение религиоведения в числе предметов социогуманитарной направленности в организации образования призван выполнять функции общекультурной ориентации, стать эффективным фактором формирования толерантного молодого поколения, устойчивого к идеологии и практике радикализма. Религиозная грамотность, привитая личности посредством религиоведения, способствует ей быть свободной в своих мыслях и действиях, направленных на поиск истины и ответов на многообразные жизненные вопросы.

В настоящее время в казахстанских школах в 9-х классах преподается дисциплина «Основы религиоведение» как факультативный предмет объемом 34 часа. В типовой учебной программе этой дисциплины предусмотрено изучение следующих тем: история вероучений, религиозное культурное наследие, межконфессиональное согласие в Казахстане, толерантность, профилактика религиозного экстремизма, деятельность религиозных центров ислама и православного христианства, политика Президента РК Н.Назарбаева по укреплению мира и межконфессионального согласия в Казахстане и международном сообществе и другие. Сегодня современная религиозная ситуация, новые вызовы и угрозы побуждают поднять статус этой учебной дисциплины до уровня обязательной, расширить объем ее преподавания, а также ввести курс Религиоведение в вузы.

В Казахстане принята «Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013–2017 годы». В реализации этой программы важная роль отводится религиоведческому образованию, которое должно дать учащимся вместе с обширными и глубокими знаниями в области религии, также воспитание в духе единства, толерантности, уважения прав человека, гуманистических ценностей, гражданственности, казахстанского патриотизма, помочь ему избавиться от стереотипов и предрассудков. Необходимо, чтобы полученные религиозные знания служили только во благо общества. Кроме того, религиоведческое образование должно способствовать «формированию религиозного сознания, соответствующего традициям и культурным нормам страны, с имплементацией лучших моделей поведения, выработанных человечеством, укреплению и развитию своей национальной самобытности, формула которой: «Одна страна – один народ – одна судьба!» [7].

Таким образом, решение указанных задач, повышение качества религиозного образования, несомненно, будет способствовать эффективной профилактике религиозного экстремизма и терроризма, укреплению духовной безопасности молодежи, общества и государства.

Литература и источники

1. Грибанов, А. Куда идешь, молодежь? // Вечерний Алматы. – 2013. – 5 янв.
2. Байтенова, Н. Тюркская идея. Самый влиятельный интеллигент мира. // Литер. – 2009. – 5 марта.
3. Абай. Книга слов. – Алматы, 1993.
4. Нурманбетова, Ж. Н., Толгамбаева, Д. Т. и др. Научно-исследовательский отчет «Молодежь и нетрадиционные конфессии в Казахстане». – Астана, 2009.
5. Свобода религии и убеждений: принципы (философия, законодательство, защита свободы совести). – М., 2010.
6. Первый Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Астана, 23–24 сентября 2003 г. // Сборник материалов, выступлений и приветственных посланий. – Астана, 2003.
7. Послание Президента РК народу Казахстана «Стратегия «Казахстан–2050» – новый политический курс состоявшегося государства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/rus/article/2436492>. – Дата доступа: 15.03.2014.

СВЕТСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ

А. А. Круглов

К понятию «религиоведение» я добавляю слово «светское», т. е. не религиозное, а научное. Дело в том, что Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла при Белгосуниверситете на своем официальном сайте заявил о себе как о «единственной в Беларуси образовательной структуре, готовящей профессиональных теологов и религиоведов в сфере светского образования». А с каких позиций его выпускники будут преподавать религиоведение в государственных учебных заведениях? Понятно, что не с научных. Их цель вовлечь студентов в свою церковь, сделать их истинно верующими.

Светское же религиоведение ставит чисто просветительскую цель: с научных позиций раскрыть сущность религии и атеизма как две стороны процесса формирования культуры и их места в жизни общества. Да, сегодня без представителей церкви не обходятся важные мероприятия государства. А государственные деятели во главе с Президентом постоянно присутствуют на важнейших богослужениях. Правительство награждает священнослужителей «За духовное возрождение нации», читай, религии, а РПЦ – власть имущих и предпринимателей. За что? Понятно, не за их веру.

В результате усиленного насаждения религии не только клерикалы, но и отдельные ученые поспешили сделать вывод, что атеизм в нашей стране умер. И вопреки народной традиции (о мертвых плохо не говорят) начали его всячески чернить. Но если атеизм умер, тогда почему же его уже свыше 20 лет не перестают ругать и чернить? И даже если, как утверждает современный православный богослов А. Кураев, «сегодня атеист – крайне редко встречающееся существо, занесенное в Красную книгу», то, казалось бы, его надо беречь, чтобы не исчез совсем. Но и сегодня не прекращается борьба против атеистов. А почему? Да потому, что они мешают оглуплять народ.

Вот и профессор Московской духовной академии М. Дунаев недавно ополчился на лауреата Нобелевской премии, академика РАН В. Гинзбурга за то,

что тот не верит в бога и непорочное зачатие и потребовал, чтобы академик-атеист доказал, причем «экспериментально (выделено мною – А. К.), что Бога нет, нет души...», а если он даже неопровержимо докажет, то все равно профессор-богослов не поверит. Атеистов и атеизм чернят все, кому не лень. Это понятие стало даже ругательным. И вот уже в белорусском православном еженедельнике «Царкоўнае слова» (1. 06. 2012) появляется статья протоиерея Алексия Уминского «Как не вырастить ребенка атеистом?». Атеистам приписывают аморальность и бездуховность. Даже в «Законе Божьем» подчеркивается, что убежденные безбожники «являются редкими исключениями, болезненными отступлениями от норм».

И в то же время не только церковные деятели, но нередко и известные в республике писатели, художники и другие работники сферы культуры усиленно призывают ввести Закон божий в качестве учебного предмета в школах. Ведь даже ученый в трудах своих, как утверждал патриарх Алексий II, «должен пребывать в должном смирении и благоговении перед Богом». А протоиерей Александр Шаргунов прямо заявил: «Мы подошли к последней черте: человек без Бога становится людоедом». И подобное очернение атеистов и атеизма не прекращается до сегодняшнего дня.

Митрополит Филарет для борьбы с атеизмом настаивал даже на участии в проведении «экспертизы учебных программ, учебников и учебных пособий по предметам социально-гуманитарного цикла». Тут уже пахнет церковной цензурой. Вот и получается, что время науки и истины прошло, а наступило время торжества религии. Вместо научного атеизма насаждается религия, а также мистика, оккультизм и псевдоучения, которые ставят своей целью довести сознание людей до уровня первой сигнальной системы. При этом религиям, особенно православию, предоставлены все условия: выпускать журналы, издавать массовыми тиражами богословскую литературу, использовать для пропаганды своего учения радио и телевидение.

Атеисты же ничего этого не имеют. Они лишены возможности издавать свои книги и печатать статьи. У них нет даже своего журнала. Поэтому неудивительно, что в условиях такого усиленного насаждения религии и очернения атеизма многие родители и школьники отдают приоритет религии, а не атеизму. И одной из основных причин этому является религиозная безграмотность нашего населения, в том числе и студентов. Практика показывает, что даже студент, называющий себя православным, не знает основ своей религии. Кстати, и патриарх Кирилл, выступает за ликвидацию религиозной безграмотности верующих, но с целью повышения лишь религиозности. И пытается он этого достичь путем введения «Закона божьего» и «Основ православной этики» в школах и открытия в светских высших учебных заведениях богословских факультетов и кафедр, а также институтов теологии. И все это делается при молчаливом согласии и поддержке органов высшей власти и ряда ученых, меняющих свои взгляды в зависимости от смены правительства. Если об этом светское религиоведение и ученые будут молчать, а правительство в своей политике и дальше будет опираться на христианскую идеологию, то образование в наших школах и вузах вернется в эпоху средневековья. И это в то время, когда даже в США, где о свободе совести и говорить не приходится, деятельность религиозных объединений в государственных школах запрещена. А во Франции в

государственных школах запрещается даже внешнее выражение своей религии.

Светские религиоведы, знакомя студентов с истинной сущностью религии и ее историей, обязаны показать, что знания атеистов, их научный и практический опыт позволяют видеть опасность в «религиозном буме» и предостеречь своих сограждан от последствий, в которые те могут попасть в результате разгула религий, особенно неокультов. Важно помнить, что истинные атеисты, отвергая веру в бога, во все сверхъестественное, всякие псевдоучения и мистику, выступают не против верующих, а за верующих, за освобождение их сознания от ложных представлений, за утверждение истинного бытия человека, за его всестороннее развитие. Настоящий атеист не позволит себе оскорблять религиозные чувства верующих. Он не станет уподобляться протоиерею Шаргунову и ему подобных и лить грязь на христианство и его приверженцев. Настоящий атеист никогда не согласится и с Ф. Ницше, который в «Антихристианине» (1888) писал, что «недурно надевать перчатки, когда читаешь Новый завет», христианскую церковь называл «позорным пятном на теле человечества», «бестолковщиной всех видов большого разума», а приверженцев христианства – «миром умалишенных», «лживыми уродами». Свои аргументы против религии настоящий атеист ищет не в ругательствах и оскорблениях чувств верующих, а в научно обоснованных фактах.

Атеизм, вопреки богословским утверждениям, не ересь, а величайшее достижение человеческого разума, способное сделать человечество счастливым. Именно об этом всегда должен помнить преподаватель светского религиоведения и с научных позиций раскрывать студентам истинную сущность религии и атеизма. И не следует от этого отказываться и бояться, что нас не поймут. Поймут, ведь устами атеистов глаголит истина, потому что они опираются на научные знания.

В сложившихся условиях светское религиоведение является важнейшим средством ликвидации религиозной безграмотности у студентов в смысле получения ими знания религий и их истинной сущности, а также формирования у них научного мировоззрения. Отсюда этот курс во всех вузах должен быть обязательным предметом, а не по выбору деканатов.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМ В ПРЕПОДАВАНИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

И. Б. Остащук

В процессе преподавания религиоведческих дисциплин важной целью является формирование у студентов целостного, систематического и объективного представления о религии как об одном из важнейших факторов духовно-культурного и общественно-исторического развития человечества.

Изучение религиоведения направлено на расширение общекультурного и ценностно-нравственного ядра мировоззрения студентов, характеристики которого в значительной степени определяют не только глубину личностного развития, но и эффективность будущей профессиональной деятельности.

Важной составляющей природы языка религии как коммуникационно-

семиотической категории является религиозный символизм. Символический уровень языка религии выступает как образно-условным маркером метафизики присутствия трансцендентного, так и единицей анализа культурно-религиозных текстов, прагматический аспект которых обладает многоплановым смысловым потенциалом развертывания в процессе богопознания верующего человека и научно-академического исследования феномена религиозного.

В религиозном символизме отображается окружающая действительность и перцептивный опыт человека, обобщаются результаты квалификативно-аксиологических сфер познания сверхъестественного. Религиозный символ не только представляет объективированную действительность, но и стимулирует мировоззренчески-когнитивную деятельность человека, способствует накоплению концептуальных знаний.

Символическое значение присутствует во всех сферах человеческого бытия: в природных объектах (камни, растения, животные, горы, вода, огонь, ветер и т. д.), творениях человеческих рук (здания, памятники, корабли...), абстрактных формах (числа, геометрические фигуры и т. д.). Религиозная составляющая сфер символического одна из доминирующих, особенно в древних семиотических текстах.

Артефакты мирового искусства, произведения художественной литературы невозможно адекватно интерпретировать без глубокого знания семантики эксплицитно и имплицитно выраженной религиозной символики, которая подчеркивает концепты конкретных художников или культурно-философские парадигмы определенных исторических эпох.

Во время преподавания религиозоведческих дисциплин важно раскрывать студентам семантику главных символов той или иной религиозной традиции, особенно это касается студентов специальностей «Религиоведение», «Философия», «Культурология».

Для системного изучения религиозной символики оптимальным вариантом будет отдельный спецкурс. К примеру, для студентов специальности «Религиоведение» Прикарпатского национального университета имени В. Стефаника преподается учебная дисциплина «Религиозная символика». Основная цель учебного курса «Религиозная символика» – способствовать углублению профессиональных знаний студентов-религиоведов, совершенствовать профессиональную формацию и адаптацию в социо-культурном пространстве, ознакомить с основами семиотики как науки о символах и знаках, овладеть конкретной научной терминологией, расширить общекультурный кругозор.

Соответственно, ставятся следующие задачи:

- усвоить основные сведения о происхождении, историческом развитии, сущности, логике и доминирующей семантике отдельных религиозных символов;
- осознать функции религиозной символики в языке религиозной коммуникации;
- выделить роль сакральных символов в религиозном культе и искусстве;
- использовать изученный материал в практическом применении в сочетании с требованиями общечеловеческих ценностей и культуры;
- овладеть религиозоведческо-философским инструментарием для дешифровки религиозной символики;

- распознавать первичное значение имплицитного выражения религиозных символов в современной массовой культуре;
- овладеть навыками межэтнического диалога на основании толерантного и адекватного восприятия семантики символов.

Для реализации цели и заданий учебной дисциплины предлагаются следующие темы и вопросы для лекционных и семинарских занятий:

1. Понятие символа. Общая характеристика символического мышления (сущность и логика символа; символ и миф; проблема интерпретации многоуровневой символической структуры, символический синтаксис).

2. Системные связи символов (акватическая символика; символика пространства; символика света; растительная символика).

3. Символика национальных религий (индейские символы; древнеегипетский зооморфный символизм, пирамиды, священные символы; символы зороастризма; символика синтоизма).

4. Символика индийских национальных религий (символические атрибуты Тримурти и других богов; янтра – полисемантическая символика; символическая семантика чакр; сикхистская символика).

5. Символика буддизма (символы буддийского культа; мандала; символизм буддийского искусства).

6. Символика китайских национальных религий (основные символы древнекитайской мифологии; декоративность как основа религиозного искусства; даосская символика).

7. Иудейская символика (главные иудейские символы; символическое значение заповедей кошерности; символика месяца тишрей; символизм обрядов праздника Песах).

8. Общая характеристика христианской символики (A и Ω (Альфа и Омега); христологические символы (Агнец Божий, двери (врата), лев, колонна и др.); символы Святого Духа; символика христианского сакрального искусства).

9. Символика креста (история семантики креста; знаки и формы креста; крест в литургической и паралитургической практике).

10. Мусульманская символика (исламские флаги – символическая семантика; символика мусульманского искусства; суфийская символика).

Представление символических текстов передачи религиозной информации возможно и в курсе «Религиоведения», который в украинской системе высшего образования принадлежит к элективным дисциплинам. Особенный интерес у студентов вызывает мультимедийная презентация конкретных символов и символических систем той или иной религии: движения в индийских храмовых танцах, ритуальные ювелирные украшения; канонические статуи Будды, шри-янтры; маген Давид, менора, блюда пасхального седера; церковные таинства, библейские образы; православные иконы, одежды православных священников, архитектурные храмовые и монастырские ансамбли; католическая геральдика, готическая архитектура и барокковое сакральное искусство; мусульманское искусство (архитектура, резьба, каллиграфия) и др. Ознакомление с системами религиозной символики свидетельствует о том, что религиозный символизм выступает одним из важнейших факторов прагматически-функциональных референций и эксплицитной природы религии. Несомненна его роль в конструировании целостного содержания, познании онтологической природы и

раскрытии семантической полифоничности религиозных феноменов.

Сакральный символизм занимает важное место в религиозных коммуникативных процессах, как в диахронном, так и в синхронном измерениях, являясь одним из средств передачи духовно-культурной информации, способов богопознания и самоосознания. Изучение религиозного символизма в системе философско-религиоведческого образования является важным аспектом интегрального познания феномена религии и отдельных семиотических мегатекстов культурно-национальных традиций.

ОПЫТ УКРАИНЫ В СФЕРЕ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Л. А. Филипович

Украина накопила интересный опыт в сфере религиозного и религиоведческого образования. Долгое время развитие этих двух форм образования шло параллельными путями. В зависимости от уровня понимания сущности и содержания религиозного и религиоведческого образования, от осознания общего и специфического в них зависел и успех этих образовательных сфер. Понятно, что это хоть и близкие, но все таки различные формы образовательной деятельности. Мы остановимся на анализе религиоведческого образования.

Религиоведение как светская нормативная и обязательная дисциплина в структуре гуманитарного знания преподавалось в вузах Украины с 1993 по 2008 г. За это время количество вузов увеличилось с 150 до 350 III и IV уровня аккредитации, где религиоведение вошло в учебные планы как обязательная дисциплина. Фактически им был заменен курс «научного атеизма», изучение которого обеспечивали кафедры философии или гуманитарных наук. Только в отдельных мощных вузах существовали самостоятельные кафедры научного атеизма, изменившие в процессе мировоззренческих и политических ориентаций свое название на историю религий и свободомыслия или религиоведение. Понятно, что от изменения названия кафедр ничего не менялось некоторое время. В первые годы и планы с программами остались прежними, и те же преподаватели излагали курс по старым учебникам. Однако группа энтузиастов из Института философии НАН Украины, Киевского национального университета и Киевского национального педагогического университета инициировала включение курса «Религиоведение» в список обязательных учебных дисциплин, разработала новые планы, религиоведческие курсы, что способствовало открытию новых кафедр, организации религиоведческого образования в стране. Тогда удалось пересмотреть общую концепцию образовательного процесса по религиоведению. Новые подходы впервые были озвучены в «Релігієзнавчому словнику» (1996), в авторських и коллективных учениках, апробированы в учебных курсах, которые читались сотрудниками Отделения религиоведения в Киево-Могилянській академії, Киевском университете и других вузах, концептуально и содержательно изложены в учебном пособии «Академічне релігієзнавство» (2000). Этим же коллективом совместно с практиками-преподавателями вузов Украины была

предложена дисциплинарная структура религиоведения, т.е. перечень дисциплин академического религиоведения, который принят как базовый на всех специализациях по религиоведению в украинских вузах. Дважды издавалось учебное пособие «Дисциплінарне релігієзнавство». С 2008 года религиоведение как обязательная дисциплина было изъято из учебных программ, оно преподается лишь на специализации или там, где руководство вуза посчитало необходимым сохранить этот курс как один из блоков гуманитарных предметов.

В школах проблема преподавания религиоведения не решена до сих пор. Академические ученые предлагали читать школьникам курс «История религий» или «Основы религиоведения», что привело к дискуссии в церковной среде. Лидеры религиозных организаций, в основном православных, решили, что под вывеской этого курса в школы придет атеизм. Курс «Христианская этика» или «Основы православной культуры» вызывали в светской части общества, в т. ч. и среди учителей, опасения, что нарушится межконфессиональный баланс и религиозный плюрализм в обществе. По инициативе родителей и при согласии руководителей школ эти курсы читаются, хотя это является прямым нарушением законодательства Украины, регулирующего образование. Правовым основанием для такой деятельности являются решения местных органов власти о введении таких предметов в школьное образование. Неоднократные попытки внести изменения в законодательство Украины, чтобы снять правовые коллизии в сфере преподавания морально-ориентированных дисциплин, в т. ч. и «Христианской этики», пока не увенчались успехом. Учителя на свой страх и риск преподают такие дисциплины. Кое-где в областях работают Институты повышения квалификации учителей, в т. ч. и по «Христианской этике». Для регуляции этих процессов при Министерстве образования и науки Украины, в частности на базе Института инновационных технологий и содержания образования, создан экспертно-консультативный совет, который рассматривает предложенные программы и учебники, дает рекомендации на их публикацию.

В сфере религиоведческого образования в Украине удалось достичь некоторых результатов:

1. Знания про религию, которые представлены в школе¹, утратили свои обличительные черты, религия в целом подается и воспринимается как форма духовной культуры человечества. Родители, как правило, не протестуют против предметов морально-духовного цикла, которые имеют воспитательные цели. Наиболее расположены к внедрению знаний о религии в школы образовательные учреждения запада и центра Украины, предпочтительно в конфессиональной форме. Восток и юг выступают за жесткое отделение школы от церкви, не допускают священников к учебному процессу. Хотя в последние годы ситуация стала меняться – вводятся ОПК и ОИК в Крыму. Но система среднего религиоведческого образования в Украине отсутствует.

2. Система высшего религиоведческого образования в целом сложилась, о

---

¹ В 2011/12 году в украинских школах обучалось 4 млн 293 тыс. учеников (4 млн 299 в 2010/11 учебном году) и работало 509 тыс. учителей (516 тыс. в 2010/11 учебном году). В последующие годы отечественная система среднего образования начала испытывать кризис. Количество общеобразовательных учебных заведений сократилось до 19 тыс. 900. Об этом свидетельствуют статистические данные Государственного комитета статистики. Наиболее активным периодом для украинских школ стал 1995/96 учебный год, когда контингент учеников составлял 7 млн 143 тыс., учителей почти 600 тыс., а количество школ было самым большим за последние два десятилетия – 22 тысячи 300 учреждений.

чем свидетельствует:

– наличие специальности «Религиоведение» как направления подготовки бакалавров в сфере гуманитарного, философского образования. Готовятся также специалисты и магистры религиоведы²;

– в перечне научных специальностей, утвержденном Министерством образования и науки Украины в 2011 г. есть специальность «религиоведение 09.00.11»;

– имеются планы подготовки специалистов по данному предмету, утвержденные Министерством;

– рекомендован Министерством образования и науки Украины и издан сборник рабочих учебных программ по религиоведческим дисциплинам;

– постоянно печатаются базовые и инновационные учебники по религиоведению, по отдельным дисциплинам;

– обобщается практика преподавания религиоведения в вузах Украины, отдельных спецкурсов;

– вводятся новаторские, экспериментальные курсы, например «Практическое религиоведение», «Новые религиозные движения» и др.

– в структуре Малой академии наук три года назад открыта секция «Теология. История религий. Религиоведение» с предложением изменить ее название на «Науки про релігію»;

– печатаются специализированные журналы «Українське релігієзнавство», «Релігія і Соціум», «Релігієзнавчі студії», «Релігієзнавчі нариси», «Софія» (прекратили свое существование довольно популярные украинские журналы «Людина і світ», «Питання атеїзму», «История. Философия. Религиоведение»);

– издается религиоведческая литература, которая пользуется спросом, но пока только в профессиональной аудитории;

– существуют религиоведческие сайты;

– пользуются популярностью мастер-классы преподавателей-религиоведов;

– проводится Всеукраинская студенческая олимпиада по специальности «Философия. Религиоведение» и пр.

3. Организована подготовка специалистов высшей категории в аспирантуре и докторантуре, постоянно происходит защита диссертаций, действуют специализированные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности 09.00.11 – религиоведение.

4. Религиоведы активно задействованы в экспертной и просветительской работе, сотрудничают с масс-медиа, государственными органами власти, межконфессиональными организациями, отдельными церквями и общинами.

5. Благодаря усилиям религиоведов появилась новая и востребованная форма экскурсионно-туристической деятельности – религиозный и религиоведческий туризм.

Вместе с тем в религиоведческом образовании имеются недостатки, которые

---

² См.: Перечень специальностей, по которым ведется подготовка специалистов. Постановление от 27 августа 2010 г. № 787 «Про затвердження переліку спеціальностей, за якими здійснюється підготовка фахівців у вищих навчальних закладах за освітньо-кваліфікаційними рівнями спеціаліста (7.02030102 – релігієзнавство) і магістра (8.02030102 – релігієзнавство)

активно обсуждаются в профессиональной среде:

1. неудовлетворительное качество религиоведческого образования, что проявляется в:

– сужении содержания «Религиоведения» до «Истории религии» или «Конфессиологии»;

– растущей пропасти между религиоведением как учебной дисциплины и религиоведением как науки;

– отрыве религиоведения как учебной дисциплины от практики религиозной жизни, боязнь общения с носителями религиозности;

– неумении работать с религиозными источниками;

– в низком качестве учебников;

– в непрофессионализме преподавателей, отсутствии системы их переподготовки, незаинтересованности в профессиональной литературе, периодических изданиях и т. д.

2. отсутствие мотивации у обучающихся и у обучающихся;

3. игнорирование достижений мировой науки о религии;

4. проблемы в книгопечатании профессиональной литературы;

5. ограниченность профессионального общения преподавателей религиоведческих дисциплин;

6. подготовка специалистов демонстрирует их тематическую ограниченность, невысокий теоретический уровень, отсутствие современных методов исследования религии и ее институций, а также функциональности;

7. дистанцирование богословов и религиоведов, взаимное недоверие, взаимообвинения;

8. слабое присутствие украинских религиоведов в международном религиоведческом поле;

9. избегание анализа свободомыслия;

10. заангажированность на христианстве, что приводит к одностороннему анализу феномена религии, неучитывание особенностей восточных, нехристианских религий;

11. частенько религиоведение понимается как наука-в самой- себе и для себя; вместо знакомства с реальными религиозными процессами, религиоведы комментируют чужие комментарии и тексты на эти процессы. А. Колодный, критикуя таких исследователей, назвал их «релігієзнавчою маніловщиною»;

12. проблема широкой компиляции и плагиата, использование материалов из интернета, перевод зарубежных религиоведческих книг без всяких ссылок и пр.;

13. приход в религиоведение неспециалистов, не-религиоведов, что проявляется в отсутствии базовых знаний и умений в исследовании религии академическими методами. Это свидетельствует о том, что религиоведение не воспринимается как серьезная наука. Частично такая проблема решается открытием специальности второго высшего образования (опыт Киевского педуниверситета);

14. нет системы переподготовки религиоведческих кадров, которые когда-то существовали в форме Институтов или факультетов повышения квалификации. Попытки воссоздать традицию усилиями Института философии, при котором действует Высшая школа философии как форма повышения квалификации преподавателей философских дисциплин пока не в состоянии решить эту

проблему;

15. неоднозначность внедрения Болонской системы образования при подготовки гуманитариев, в т. ч. и религиоведов;

16. системная невостребованность обществом, а особенно государством, специалистов – религиоведов;

17. отсутствие достаточной информации про коллег-религиоведов в Украине, в других странах. Не поощряются институциональные научные связи, хотя и заключаются Договоры о сотрудничестве между различными организациями, учреждениями;

18. слабая координация научной и преподавательской деятельности в сфере религиоведения.

Несмотря на проблемы и трудности, с которыми встречаются сегодня религиоведы, благодаря их сознательной позиции в сфере гуманизации и гуманитаризации системы образования в Украине, религиоведение как наука и как учебная дисциплина будет искать новые формы для своего утверждения в обществе.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В СВЕТСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ

Е. М. Смагулов

С 2009 г. в средних школах Казахстана введен факультативный курс «Основы религиоведения». В ряду вузов началось изучение религиоведения (истории религии). Ставится вопрос о том, чтобы сделать религиоведческие дисциплины обязательными для изучения в высших учебных заведениях. Эти шаги свидетельствуют о том, что изучение религии воспринимается как важный шаг к расширению гуманитарной составляющей в системе образования.

Введение религиоведческого образования требует уточнения целого ряда моментов, касающихся содержания учебного курса, форм и методов преподавания, необходимости учета идеологических, психологических, ментальных особенностей. И здесь в полной мере необходимо определить рамки светскости и мировоззренческие основы преподавания религиоведения в средней школе.

Законодательство Казахстана по вопросам религии и образования в целом соответствует мировым стандартам в данной сфере, в первую очередь оно реализует целый ряд международных правовых конвенций, участником которой является наша страна. Среди основополагающих документов в этой сфере можно назвать Всеобщую декларацию прав человека, принятую ООН 10 декабря 1948 года, а также Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 25 ноября 1981 г.

Нормы, касающиеся взаимодействия государства, органов образования и религиозных объединений, получили свое закрепление в национальном законодательстве. Конституция провозглашает Республику Казахстан «демократическим, светским, правовым и демократическим государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы»

(Статья 1). Право на свободу совести закреплено в Статье 22 основного закона.

В Статье 3 Закона Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 года в числе основных принципов государственной политики в области образования названы:

– светский, гуманистический и развивающий характер образования, приоритет гражданских ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности;

– уважение прав и свобод человека.

Отдельные положения данного Закона, на наш взгляд, нуждаются в конкретизации и уточнении. Так, пункт 2 Статьи 3 Закона «Об образовании» сформулирован следующим образом: «Запрещается создание и деятельность организационных структур политических партий и религиозных организаций (объединений) в организациях образования». На наш взгляд, было бы уместным внести в данный пункт уточнение, что запрет на деятельность организационных структур религиозных организаций (объединений) в организациях образования не распространяется на духовные (религиозные) организации образования, которые в силу своей природы тесно связаны с соответствующими конфессиональными объединениями.

Думается, настало время более детально законодательно проработать формы взаимоотношений государственных учебных заведений с религиозными объединениями, а также решить вопросы преподавания религиоведческих дисциплин в средней и высшей школе.

Подчеркнем, что светскость образования не означает его атеистичности, но предполагает его независимость от давления религиозных структур или идеологии, и, тем более, от прямого подчинения образовательной деятельности религиозным общинам. На наш взгляд, светский характер государственной системы образования предполагает соответствие следующим критериям:

– недопустимость установления какой-либо религии или идеологии (в том числе и атеистической) в качестве обязательной в государственных учебных заведениях;

– невмешательство религиозных объединений в управление государственными учебными заведениями;

– обеспечение прав учащихся и преподавателей на свободу совести;

– недопустимость принуждения при обучении религии.

Изучение религии в школах и вузах требует взвешенного подхода. Думается, что в государственных учебных заведениях возможно только религиоведческое, но не теологическое образование, которое донесет до молодежи знания об истории мировых религий, их догматах, традициях и сегодняшней жизни церкви с научных и объективных позиций.

На наш взгляд, изучение религии в государственных учебных заведениях должно включать следующие моменты:

– преподавание должно основываться на современных научно-методологических подходах;

– предоставление знаний о мировых и традиционных для нашей страны религиях должно помочь ученикам в понимании мира, его культуры и духовной стороне жизни человека;

– знание основ традиционных религий играет важную роль в формировании,

поддержке и сохранении национальной идентичности, профилактике идеологии экстремизма и нетерпимости;

– важный аспект религиозного образования – поддержка гуманистического мировоззрения и нравственного развития учащихся.

Проблема противодействия проявлениям экстремизма и терроризма является комплексной задачей, решение которой выходит за пределы одного курса религиоведения. В соответствии с новыми стандартами среднего образования, утвержденными Департаментом дошкольного и среднего образования Министерства образования и науки Казахстана в августе 2012 года, разрабатываются и новые типовые учебные планы. Обучать школьников противодействию терроризму и экстремизму будут не только в рамках «Основ религиоведения», но и на занятиях по «Начальной военной подготовке», «Самопознанию», и интегрированному предмету «Человек. Общество. Право».

Безусловно, в условиях полиэтнического и многоконфессионального состава населения особые требования должны предъявляться не только к содержанию обучения, но и к методам преподавания, а также к квалификации и нравственным качествам преподавателей.

Развернувшаяся в последние годы полемика вокруг преподавания курса религиоведения в средних школах и вокруг предложенных учебников показала, что данный вопрос является весьма актуальным и может привлечь внимание не только религиозных общин, но и всего общества. Действительно, это как раз тот случай, когда невозможно отделить религию от общества. Поэтому Министерство образования и науки должно проявить взвешенный подход при выборе учебников и учебных пособий, а также при формировании методологических подходов к преподаванию данной дисциплины. Необходимо ориентировать школу на идеологически нейтральные подходы.

К сожалению, приходится констатировать дефицит отечественных учебников и учебных пособий, пригодных для различных уровней образования для преподавания курсов по религиоведению и истории религии. Такого рода учебники и учебные пособия должны:

– содержать научную информацию об истории возникновения и развития религий в контексте мировой истории и истории Казахстана;

– давать представление о влиянии религии на формирование культурных традиций, философии, науки, мировоззрения;

– с плюралистических позиций знакомить с многообразием форм мировоззрения и религиозного сознания;

– раскрывать гуманистический потенциал мировых и традиционных религий;

– грамотно освещать вопросы деятельности экстремистских, террористических и деструктивных организаций, показать их антигуманную сущность, искажение ими догматов и сути мировых религий.

При этом курсы религиозного цикла и соответствующие учебные издания не должны содержать материалы апологетического характера, а лекция не должна превращаться в проповедь. Приобщение к обрядово-культурной стороне церковной жизни, обучение молитвам, ритуалам и т. п. – задача самих религиозных объединений и их учебных центров, но не светской школы. Недопустима в светских учебных заведениях и миссионерская деятельность.

Таким образом, в Казахстане пока только формируется законодательная и нормативная база, которая позволила бы отрегулировать взаимоотношения системы образования и религии. Остается актуальной задача определения критериев религиозного образования. Все эти вопросы требуют серьезной научно-теоретической, правовой и методологической проработки.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КАЧЕСТВА УЧЕБНИКОВ «ОСНОВ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ» В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Е. У. Байдаров

Согласно Приказу Министерства образования и науки Республики Казахстан № 353 от 22 июля 2009 года в 2009–2010 учебном году в 9 классах общеобразовательных школ республики был введен факультативный курс «Основы религиоведения» с целью формирования у учащихся социокультурных знаний о религии. Объем курса составил 34 часа и был введен в образовательный процесс со второго полугодия учебного года, то есть с января 2010 г.

В связи с введением с систему образования данного учебного предмета были подготовлены два альтернативных учебника: «Основы религиоведения. Учебник для 9 класса общеобразовательных школ с русским языком обучения»; под ред. академика НАН РК Г. Есима. – Алматы: Білім, 2010. – 312 с. и «Религиоведение. Учебник для 9 класса общеобразовательных школ»; под ред. Д. Кенжетаетова. – Астана: «Арман ПВ», 2010. – 224 с.

Оба учебника были написаны на основе программы, утвержденной приказом Министра образования и науки Республики Казахстан от 3 ноября 2010 года №511.

Хотелось бы отметить, что эти учебники стали первыми в истории независимого Казахстана, подготовленными для сферы среднего образования. Введение этого курса имеет большое этическое и культурное значение для становления гражданского общества в Казахстане, многонационального и многоконфессионального казахстанского социума, где по состоянию на 1 января 2014 года зарегистрировано 3 434 религиозных объединений из 18 конфессий [1].

Автору, в 2013 г. по заданию Комитета науки Министерства образования и науки РК выпала честь дать предложения и рекомендации в отношении вышеназванных учебников. Так, в частности, анализ учебников выявил следующие недостатки:

– *не выдержаны методологические основы изложения материала.* Учебник, по определению, должен учить, а значит, не просто информировать, а показывать верные ориентиры. В данном случае – показать сущность религии как системы ценностно-смысловых ориентиров. Следовательно, необходимо последовательное, системное выведение материала по законам содержательной логики, от простого к сложному, от абстрактного к конкретному и т. д.;

– нарушена логика разделов;

– и в первом и во втором учебниках нет четкого определения понятия «*религия*». Это тем более серьезный недочет, поскольку сегодня насчитывается более 200 различных определений этого термина;

– в учебниках не раскрывается сущность религии, а без этого целостно представить себе многообразный мир религий невозможно;

– методическим и дидактическим недостатком учебников является отсутствие биографического и страноведческого материала, необходимого для раскрытия данного предмета;

– не выдерживает критики терминологический аппарат, приводимый в учебниках;

– главы того и другого учебника оказываются непропорциональными по отношению друг к другу;

– в учебнике под ред. Г. Есима слишком много информации о христианстве, исламе и очень мало – о буддизме, конфуцианстве, синтоизме, индуизме. Информация о них в учебнике сводится лишь к философии и мифологии, из чего нельзя получить целостного представления о данных религиозных системах, играющих довольно значительную роль в жизни и культуре государств Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.

– тексты учебников чрезмерно перегружены фактическим материалом в ущерб содержательному подходу к пониманию и усвоению преподносимых суждений;

– в учебниках встречаются противоречия. Например, в учебнике под ред. Г. Есима авторы, говоря о той роли, которую сыграл ислам в духовной жизни казахского народа, в то же время подчеркивают *неукорененность ислама у казахов*, что может вызвать вопросы и сомнения у учащихся;

– приводимая в том же учебнике информация о *пяти столпах ислама* не соответствует общепринятым исламским терминам. *Салат* (пятикратная молитва) и *саум* (пост) даются в персидской версии – *намаз* (молитва) и *ораза* (пост). Основные термины ислама должны даваться на арабском языке как языке именно этой религии, с последующей их трактовкой на местном уровне;

– этим же авторским коллективом приводится отрывок из Корана (17: 32–37) в поэтическом переводе В. Пороховой. Со стороны ученых-религиоведов этот перевод вызывает множество претензий к автору: к недостаточному владению арабским языком, к плохому знанию стилистики русского языка и косноязычию в передаче рифм, а также к смысловым ошибкам при составлении комментария к тексту Корана. В данном переводе отмечается сильная идеализация ислама путем применения образов и понятий, свойственных православной христианской культуре России, что приводит к христианизации ислама и размыванию его культурно-исторических особенностей. Ошибки и недочеты в переводе В. Пороховой признают и мусульмане. Лучшим переводом на сегодняшний день из всех имеющихся является академический перевод Корана, выполненный И. Ю. Крачковским;

– в учебнике под ред. Д. Кенжетоева неудачны вопросы, так как порой в учебнике нет того, о чем идет речь в вопросе, а также имеются нарушения в историческом изложении отдельных фактов;

– слабо представлена взаимосвязь религии и культуры, религии и науки.

По нашему мнению, в условиях, когда не определен научный контекст религии в Казахстане, учебник по предмету «Основы религиоведения» является преждевременным. Правильнее было бы на первое время ограничиться не учебником, а учебным пособием, так как любое учебное пособие носит главным

образом информативно-аналитический и справочный характер. В этом качестве оно может быть полезно любому, кто интересуется вопросами религии, нуждается в простой и сжатой информации о той или иной религии мира.

С принятием осенью 2011 года Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и завершением процесса регистрации религиозных объединений 25 октября 2012 г. настало время написания новых учебников по данному предмету для приведения их в соответствие с современными тенденциями развития религиозной ситуации в стране. Это нужно сделать и связи с тем, что современные тенденции развития религии свидетельствуют о том, что религия начинает играть довольно существенную роль в общественно-политической жизни человеческого социума.

Вместе с учебниками следует изменить и учебную программу предмета «Основы религиоведения», приведя их в соответствии с современными тенденциями развития религии.

В качестве методологического принципа разработки учебника «Основы религиоведения» должен быть выбран культурологический подход, способный сформировать у учащихся первоначальные представления об основах религиозных систем, учитывая при этом уже имеющийся круг знаний учащихся, а также межпредметное взаимодействие с другими гуманитарными предметами.

Обязательным условием для создания подобного рода учебников, должно быть участие опытного методиста со стажем работы в средней школе, так как именно методисту отводится основная роль по адаптации предлагаемого материала в школьный учебник.

Без лишней идеализации и политизации религии, без противопоставления различных религиозных идей, в учебнике должны быть показаны те высокие духовно-нравственные идеалы религии, направленные на социальную справедливость, на духовную и нравственную чистоту, на стремление духовного согласия с представителями различных религиозных конфессий.

Учебник по основам религиоведения должен стать книгой, благодаря которой учащиеся могли бы совершить путешествие в сложный и противоречивый мир религии. Чтобы они могли познакомиться с жизнью и учениями величайших пророков и основателей религий, узнать, как в различных религиях решаются извечные вопросы человечества о смысле жизни, происхождении мира и человека, о добре и зле и т. д. В учебнике (*в виде приложения*) должны быть выборочно указаны тексты из Священных Писаний, дающие представление о вероучении той или иной мировой или национальной религии. Например, фрагменты Корана; Христианский Символ веры; фрагменты Евангелий, а также священных текстов других религиозных учений. Такой учебник будет способствовать знакомству с историей и культурным наследием других конфессий, улучшению взаимопонимания между представителями различных национальностей и религиозных убеждений.

В учебнике основной акцент должен быть сделан на том факте, что есть разные религии, но Бог – один для всего человечества. Религия, будучи феноменом культуры, в определенной мере «снимает» этнический момент, ценностно ориентируя людей на единого Творца. Поэтому учебник «Основы религиоведения» должен стать учебником, который, прежде всего, воспитывал бы в людях уважение к другим религиозным взглядам, что соответствует концепции

развития нашего государства.

В учебнике обязательно должны быть показаны социальные функции религии, проявляемые через разные способы действия религии в обществе: интегративная, дезинтегративная, коммуникативная, компенсаторная, социокультурная и др.

Информация о новых религиозных движениях должна носить не агрессивный характер, а просветительский, которая бы могла бы позволить учащимся избежать негативного воздействия данных религиозных объединений. При этом следует не забывать, что большинство конфессий придерживаются в своей деятельности принципа мирного сосуществования. Необходимо создать диалоговую площадку, где бы можно было обсуждать имеющиеся проблемы, связанные с преподаванием и качеством учебной литературы, так или иначе имеющими отношение к религиоведению.

Преподавание религиоведения на современном этапе должно учитывать то, что сама религия – это самостоятельная и специфическая область человеческой культуры, «живая система», включенная в современный социокультурный контекст, тем более что в современных условиях продолжает возрастать интерес к религии как богатому культурному наследию человечества.

Таким образом, повышение знания казахстанской молодежи о религии, как и пропаганда религиозных ценностей, не должна вестись в духе их монополии на существование, а сосуществовать со светским атеистическим мировоззрением и идеологией. Не должно быть также противопоставления религии светскому мировоззрению, западной цивилизации и модернизму.

Литература и источники

1. Религиозные объединения в Республике Казахстан, прошедшие перерегистрацию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.din.gov.kz /rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&rid=1491](http://www.din.gov.kz/rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&rid=1491). – Дата доступа: 28.03.2014.

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ СПЕЦКУРСА «ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ» В ЛИЦЕЕ БГУ

Д. М. Зайцев

Мне бы хотелось поделиться личным опытом преподавания спецкурса «История религий» в ведущем учебном заведении среднего образования Республики Беларусь Лицее Белорусского государственного университета. Насколько мне известно, подобная дисциплина в таком объеме (72 часа аудиторных занятий) для слушателей средней школы ранее в нашей стране нигде не читалась. Рабочая программа была написана с учетом быстро меняющейся ситуации в духовной жизни людей, как в нашей стране, так и за рубежом, а также возраста лицеистов. Спецкурс проводился на протяжении десяти лет с 1996 по 2005 гг., ежегодно с сентября по май.

Неотъемлемой составляющей содержания лицейского образования является вариативный компонент, представленный системой факультативных занятий. В качестве основных сущностных характеристик факультативных занятий

выделяются: возможность их свободного выбора учащимися в соответствии с интересами, склонностями и способностями, нацеленность на удовлетворение индивидуальных познавательных запросов, ориентация на развитие способов деятельности и творческой самореализации учащихся [1, с. 20]. Дисциплина «История религий» проводилась в Лицее БГУ именно в рамках факультатива.

Как уже отмечалось, лицеист мог посещать занятия только исходя из своих желаний. И одна из главных задач учителя - сохранить интерес у лицеистов к предмету, иначе жизнь спецкурса коротка, следует отметить, что многие факультативы ввиду отсутствия учеников ликвидировались еще до наступления Нового года.

Очевидно, что современному человеку необходимы знания из области религиоведения, об этом говорят, как сторонники научно-объективных, так и конфессионально-теологических знаний о религии. Но в середине девяностых в преподавании религиоведческих знаний наблюдался кадровый «голод». Некоторые бывшие преподаватели истории КПСС, переквалифицировавшиеся в религиоведов, выглядели иногда довольно смешно, как, впрочем, и дилетанты, прослушавшие лекции в воскресной школе или на курсах повышения квалификации. В моем случае было получено уникальное, с точки зрения опыта и уровня мастерства преподавателей из России, США, Германии, Франции, Греции, Украины, Беларуси, свободе дискуссий, соединения светского и клерикального, образование на факультете теологии Европейского гуманитарного университета, что, несомненно, помогло мне донести до слушателей большой объем информации о религиях мира. В настоящее время моя alma mater известна как Институт теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета.

Важнейшей составляющей в преподавании спецкурса стало уделение особого внимания методологическим основам науки. По возможности соблюдались принципы, присущие в преподавании религиоведческих дисциплин в демократических странах мира. А именно, принципы компаративизма, эмпирической достоверности, теоретической обоснованности, объективности, толерантности, политической неангажированности и подлинной научности [2, с. 5]. Конечно, истина может быть суровой, жесткой, но это, по моему мнению, помогло моим ученикам сделать свои выводы в отношении того или иного события, произошедшего в рамках той или иной религии.

Очевидной проблемой на первоначальном этапе в преподавании курса было отсутствие учебников для данной дисциплины. Выходом из этой ситуации стало использование большого количества научной литературы, первоисточников, энциклопедий, зарубежных изданий, в первую очередь англо- и немецкоязычных.

Вопрос толерантности, по сути, был решен самими лицеистами, среди которых были не только белорусы и русские, но и евреи, татары, так как в интеллектуальной среде проявление дискриминации по национальному и религиозному признакам практически отсутствует, да и интерес к чужой культуре и религии находил тут же отклик у представителя определенной нации. Можно сказать, что морально-психологический климат в аудитории практически всегда способствовал мировоззренческой нейтральности, а плюрализм мировоззрений являлся условием для диалога между свободными личностями, и неважно, кем был

твой собеседник, верующим или атеистом. Преподавателю оставалось лишь излагать материал предельно объективно, делая упор на точный фактологический материал, отстраняясь от своих идеологических пристрастий, не задевая чувств верующих и неверующих учащихся. Например, ни в коем случае не делились религиозные традиции на «основные» и «не основные», «истинные» и «сектантские» или «лжеучения», так как это могло оскорбить чувства верующих лицейцев, среди которых были в том числе пятидесятники и кришнаиты. Тем ученикам, которые искали ответы на вопросы о пути к «вечному спасению», давался совет поговорить о внутренних переживаниях с конкретным действующим священником, либо посетить воскресную школу. Кого интересовали узконаправленные научные исследования, рекомендовалось прочитать наиболее актуальные на данный момент исследования, либо непосредственно связаться с учеными, которые имели контакты с факультетом теологии ЕГУ.

На лекциях некоторые вопросы, касающиеся познания Бога, освещались с двух позиций: философской и теологической. В рамках философского подхода не забывался и культурно-исторический принцип, позволявший проследить развитие религий в контексте истории, учитывая, в частности, тот факт, что христианство сложило культурный образ Европы, а ислам культурный образ арабских стран. Правовой принцип, лежащий в основе современных отношений между государством и религиями, позволял ученикам понять рычаги регулирования этих правовых отношений. И, естественно, при преподавании спецкурса «История религий» был полностью исключен прозелитизм. Преподаватель ни себе, ни ученикам не позволял восхвалять или унижать какую-либо религию, а также привлекать в ту или иную конфессию. Доминантой выступало право на свободу совести, равенство религий и религиозных культов, не нарушающих закон и свободу человека.

Учитывая, что двадцать лет назад аудитории, оборудованные мультимедийной доской, компьютером, иной аппаратурой, были редкостью, а в обществе все больше происходили серьезные сдвиги от вербального способа трансформации и наследования культуры к аудиовизуальным, использовались иные эффективные способы и методы обучения. Взаимосвязь образа, чувства и слова становилась важным средством передачи знания.

Нетрадиционные уроки и нестандартные формы организации деятельности лицейцев в значительной мере повлияли на интерес к спецкурсу. Так, в аудиторию приносились издания священных текстов разных религий, иконы, аналоги фетишей древних культов, элементы одежды священников и т. д. При рассмотрении определенных тем аудитория была наполнена запахом благовоний. По возможности было задействовано то, что человек способен воспринимать с помощью зрения, обоняния и слуха. Но и здесь следует отметить, делая упор в обучении на креативное, гуманистическое, личностно-ориентированное, проблемное, все равно в основе полагалось словесное общение учителя с учеником.

Обязательно проводились выездные занятия, посещались знаменитые храмы Минска: Свято-Духов Собор, Кафедральный костел Пречистой Девы Марии, Петропавловский Собор, Костел Святого Симеона и Святой Елены и др. По возможности служители храмов проводили экскурсии, ученикам предоставлялась возможность на практике закрепить уже полученные теоретические знания.

Особый интерес у лицеистов вызывал последний в учебном году урок, на котором определялся лучший ученик, ему торжественно вручалась книга, подписанная главой самой крупной конфессии нашей страны, а именно Белорусской Православной Церкви Митрополитом Филаретом.

В заключении хотелось бы сказать, что, на мой взгляд, происходило превращение лицеиста из объекта педагогического воздействия в активно действующего субъекта образовательного процесса, выстраивающего свое образование совместно с преподавателем. Работа ученика была направлена как на достижение учебных целей, так и на формирование самостоятельной жизненной позиции. В свою очередь, педагог также многое приобрел, помимо опыта преподавания, за что и благодарен своим ученикам.

Литература и источники

1. Пальчик, Г. В. Теоретические и организационно-педагогические основы лицейского образования в Республике Беларусь: автореф. дис. ... докт. педагог. наук: 13.00.01 / Пальчик Геннадий Владимирович; Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». – Минск, 2011.
2. Красников, А. Н. Тенденции современного религиоведения // Религиоведение. – №1. – 2001.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ X–XVI вв. НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. С. Хотеев

Как известно, трактовка исторических сюжетов во многом определяется изменениями в общественном сознании. За последние годы можно заметить позитивные сдвиги в освещении вопросов церковной истории на страницах учебной литературы в нашей стране. Например, не акцентируется больше утверждение советской историографии о Церкви как «безжалостном эксплуататоре народных масс» и т. п. [4, с. 20]. Вместе с тем, учебные пособия для средней и высшей школы содержат немалые «шероховатости», вызванные недостатками как концептуального, так и терминологического характера. Хотелось бы с церковной стороны обозначить наиболее существенные из них, руководствуясь известным библейским изречением «обличай премудра, и возлюбит тя, даждь премудрому вину, и премудрейший будет» (Притч. 9,8–9).

1. Замечания концептуального плана. Современная система образования секулярна, и религиозная жизнь отнесена к области *jus privatum*. Между тем, история свидетельствует о том, что религия веками занимала руководящее положение в сознании людей. Ее идеалы служили нравственными ориентирами для общества, ее истины отвечали на предельные вопросы человеческого бытия. Религиозность явно выделяет род *homo sapiens* из животного мира. Учебные пособия объясняют происхождение религии, как правило, страхом человека перед непознанными естественными законами и зависимостью от природы [1, с. 29] [3, с. 50]. Идея, что «страх создал богов», была известна и в античности, но особенно популярной она стала в эпоху Просвещения. Однако такой упрощенный подход не свойственен современному религиоведению. В происхождении и развитии

религий открывают действие самых разных факторов и социальных, и психологических. Думается, что упрощать такую интересную проблему для учащихся не нужно. Учебные пособия по истории должны содержать определенные ценностные и нравственные ориентиры, чтобы следовать известному изречению *historia est magistra vitae*.

Важно отметить также, что религиозная составляющая в значительной степени влияет на определение культурного типа той или иной цивилизации при всей дискуссионности этих понятий. Беларусь как Россия и Украина в своем историческом прошлом принадлежали одному православному славянскому культурному типу. Это зачастую упускается из виду при изложении истории Беларуси в цивилизационном контексте.

2. *Замечания по содержанию.* Понятно, что церковная история не является специальным предметом общеобразовательного курса истории Беларуси и лишь отдельные ее сюжеты трактуются преимущественно в блоке вопросов культуры. Учащемуся важно знать, когда на белорусские земли пришло православие, когда католичество, что такое уния, какой след оставило реформационное движение, какая судьба была уготована Церкви в XX в.

Не всегда авторам современных пособий удается придерживаться объективности, сохранять умеренность и придерживаться фактов. Например, в пособии для студентов ВУЗов под ред. Е. К. Новика в рассказе о введении христианства говорится, что «уничтожение сторонников старой веры, готовых защищать свои убеждения» было «формой государственной политики», что экспедиция Добрыни, направленная в Новгород, в первую очередь поплыла в Туров, где учинила резню [3, с. 50–51]. Тенденция описывать крещение Руси «огнем и мечом» просматривается здесь вопреки дальнейшим утверждениям авторов. Между тем, пример правителя играл при крещении едва ли не самую решающую роль. Князь знал, что его власть держится в обществе не на писаном законе или конституции, но на признании дружины и боярского совета, иначе его могут убить, предать, как это было с Игорем или Ярополком. Со своей стороны и общество ожидало от князя защиты своих интересов, доверяло ему. Летописные свидетельства не говорят, что крещение было насилием сверху, оно совершалось постепенно по доверию к князю и старейшинам.

Важно отметить также, что Русь приняла христианскую веру византийской традиции, т. е. православие. Уже в IX в. христианский мир осознал свое разделение, видели разницу между православием и католичеством славянские народы, оказавшиеся в это время на стыке христианских миссий с востока и запада. Окончательное разделение, зафиксированное в 1054 г., только закрепило имеющееся *status quo*.

В изложении церковной истории XIV–XVI вв. учебные пособия нередко акцентируют внимание на «религиозной терпимости» литовских князей-язычников и «уникальной веротерпимости» последних Ягеллонов [2, с. 46, 82]. Слово «толерантность», которое еще употребляется в этом контексте, означает, собственно, терпимость к иноверцам. Здесь нужно сделать важную оговорку: в те далекие времена не шла речь о «свободе совести» и свободе проповедовать и обращать в свою веру. Конечно, включение в состав ВКЛ обширных территорий бывшей Киевской Руси с православным населением обязывало правителей этого государства блюсти *juris vinculum* «старинны не рухаем, новины не вводим».

Приходилось им даже неоднократно вникать в иерархические отношения и заботиться об учреждении особой Литовской митрополии. Однако *jus scriptum* со времени Кревской унии 1386 г. вводил в ВКЛ правление католического государя, который должен был не только крестить языческую Литву, но и позаботиться об обращении «схизматиков». Городельские постановления 1413 г. ограничивали православных в политических правах (заседаниях в государевой Раде, занятии некоторых высших должностей). На белорусских землях постепенно обосновываются католические монашеские миссии, заводятся переговоры о заключении церковной унии, т.е. подчинении власти римского папы с сохранением обрядов Восточной Церкви, православных принуждают к принятию католического григорианского календаря (1582 г.), есть упоминания о существовании запрета на строительство православных храмов. Эти и другие факты обострения конфессиональных отношений особенно с сер. XVI в. (с появлением протестантов в ВКЛ) существенно корректируют представление о господстве здесь «религиозной толерантности».

3. *Замечания терминологического характера.* Путаница терминов и понятий, к сожалению, остается характерной чертой учебных пособий. Проблема осложняется тем, что некоторые иностранные заимствования имеют свои соответствия в русском языке, например, «религия» – «вера», «конфессия» – «исповедание», «культ» – «поклонение, почитание, богослужение», «ритуал» – «обряд» и т. д.

В учебных пособиях встречаются ошибки, связанные с наименованием святых. Нельзя, например, сокращенно писать К. Туровский [6, с. 43] вместо «Кирилл Туровский», вообще, лучше всегда указывать при этом сан: «Кирилл епископ Туровский», «игуменья Евфросиния Полоцкая». Также – «Матерь Божия», «Богородица с Младенцем Христом», а не просто «Мария с младенцем»; «Святая Троица», а не какая-нибудь «Триада». Принятые сокращения некоторых слов в церковной литературе могут вводить авторов учебников в заблуждение. Например, сокращение «св.» означает «святой», а «свящ.» – «священник». К сожалению, можно встретить объяснение названия «ариан» от «святого Ария» [3, с. 116], хотя еретика и священника Ария никто не канонизировал. Неверно называть св. Евфросинию Полоцкую «первой женщиной на Руси, которую Православная Церковь провозгласила святой» [1, с. 118]. Первенство здесь должно быть отдано равноап. Ольге, мощи которой были положены в Десятинной церкви уже при князе Владимире.

Краткость места не позволяет остановиться на замеченных ошибках и неточностях более подробно [5]. Однако хочется надеяться, что названные критические замечания будут услышаны, ведь, каждый новый учебник считается новым в ту меру, насколько в нем отражены изменения по сравнению с предыдущими.

Литература и источники

1. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да сярэдзіны XIII ст.: вуч. дапам. для 6-га класа / Г. В. Штыхаў, С. М. Цемушаў, В. У. Ракуць; пад рэд. Г. В. Штыхава, Ю. М. Бохана. – Мінск, 2009.

2. История Беларуси: вторая половина XIII – первая половина XVI в.: учеб. пособие для 7-го кл. / Г. В. Штыхов, Ю. Н. Бохан, М. А. Краснова; под ред. Ю. Н. Бохана. – Минск, 2009.
3. История Беларуси. С древнейших времен до 2008 г.: учебное пособие / Е. К. Новик, И. Л. Качалов, Н. Е. Новик; под ред. Е. К. Новика. – Минск, 2010.
4. История БССР. Учебник для учащихся средней школы: под ред. Л. С. Абецдарского. – Минск, 1978.
5. Хотеев, А. С. иерей. Церковная история в школьном курсе истории Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kronsh.prihod.ru/publikacii,_doklady,_vystuplenija/view/id/1119478. – Дата доступа: 22.05.2014.
6. Чигринов, П. Г. Очерки по истории Беларуси: учебное пособие / П. Г. Чигринов. – Минск, 2007.

РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ – ДА, РЕЛИГИЯ – НЕТ

Ю. И. Шпилькин

Директор одной из ставропольских сельских школ встретил непонимание некоторых учениц и их родителей о недопустимости ношения хиджабов в школе. Наверняка, с этой проблемой сталкиваются не только в России, или во Франции, но и особенно в тех странах, где ислам считается доминирующей религией. Общеизвестно, что духовное воспитание личности должно быть направлено, в первую очередь, на формирование системы духовных, нравственных, интеллектуальных ценностей, преобладающих над материальными. Естественно, возможны и другие направления духовного воспитания, задаваемые обществом. Философское представление о воспитательном процессе предполагает выделение трех уровней.

Первый уровень – принятие морали авторитета. Сократ утверждал, что человек должен понять: Что есть благо – для него и для общества. Поэтому первый уровень предполагает: принятие морали родителей и морали учителя, воспитателя. Второй уровень – принятия морали социума в соответствии с принципом: Жить в обществе и быть свободным нельзя. В противном случае, прекращается процесс социализации, а следовательно, перестает формироваться личность. А так как человек – биосоциальное существо, то если социальный компонент теряется, – его уже и человеком назвать нельзя. Поэтому второй уровень предполагает: принятие морали сверстников; принятие морали общества. Третий уровень – уровень автономной совести, в соответствии с категорическим императивом Канта – «моральный закон во мне». У человека всегда должно быть сомнение в предлагаемых нравственных ценностях и стремление к собственному выбору системы ценностной иерархии.

История свидетельствует, что преобладание духовных, интеллектуальных, нравственных, в том числе религиозных ценностей, над материальными имеет важнейшее значение в образовании и воспитании. При этом следует признать, что роль религиозного воспитания неуклонно уменьшается. Значение христианского начала падает уже с эпохи Возрождения (эпохи гуманизма) и в практике, и в теории, хотя у ряда педагогов оно и сохраняет важное место. В Новое время о христианском воспитании много писал Августин, а способ теоретизирования

Я. Коменского – это христианский теологический способ понимания воспитания.

Но особенно значение религиозного образования стремительно начинает уменьшаться в эпоху Просвещения. Здесь, в лучшем случае, его начинают относить к важной педагогической традиции (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, И. Герbart и др.), которую нужно сохранить. Но не более того, что дало повод Ф. Ницше заявить: «Бог умер, да здравствует новый бог – сверхчеловек, который наступит себе на голову, чтобы подняться выше». В реформаторской педагогике религиозному образованию практически не отводится какого-либо места, его объем с конца XIX века в школах еще более сократился. А в XX веке в некоторых странах оно и вовсе оказалось за порогом общеобразовательной школы (Франция и США). Однако повсеместное вытеснение религии не только из образования и педагогики, но еще больше из жизни, без предложения других нравственных критериев привело к тому, что сегодня Западная Европа, США, да и Россия столкнулись с такими, казалось бы, не имеющими к воспитательному процессу фактами, как носить или не носить в школу или вуз хиджаб. Оказывается, Хантингтон был не так далек от истины, утверждая, что возникнет столкновение цивилизаций по линии религий.

Одна из причин этого в том, что религиозное мышление противостоит материалистическому. И прежде всего в том, что аргументация материалистического мышления опирается на разум, на понимание, а значит – на сомнение, а религия – на веру, причем абсолютную, не требующую доказательства. Основным препятствием познанию мира в этом случае является недостаточное знание. Но это препятствие объективное и со временем преодолимое. Более того, познание мира делает человека сильнее, и если применительно к материалистическому мышлению можно говорить о вере, то это вера в человека, в его собственные силы и возможности. И именно против этого направлено мышление религиозное.

Первым делом вера в человека заменяется верой в высшие силы; все лучшие человеческие качества отнимаются у человека и приписываются богу, и уже в качестве особой милости они могут быть даны человеку. Естественная человеческая способность размышлять и сомневаться подавляется – ее место занимают вера и повиновение. Место знаний (а главное – желания знать) занимают мифы двух-, трех- и более тысячелетней давности, преподносимые в качестве абсолютной истины. А для ее восприятия в этом качестве нужна, прежде всего, способность верить – как общая установка, как доминирующее свойство личности.

Следовательно, есть все основания полагать, что такое качество, как вера, и будет, прежде всего, воспитываться на таких уроках как «Основы религиозной культуры» – нового «закона божия», предлагаемого в некоторых странах. Достаточно привести лишь одну фразу руководителя РПЦ: «Мы должны стандартизировать содержательный компонент образования и выстроить систему непрерывного православного образования – от детсада до вуза».

Например, Статья 1 Конституции Республики Казахстан провозглашает: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы». Одним из первых законов нового государства был закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» (1992 г.). Данный закон юридически закрепил отход государства от антирелигиозной политики

коммунистического прошлого, создал условия для реальной реализации гражданами конституционного права на свободу совести, но это не значит, что открыт повсеместный доступ религии.

Казахстан является поликонфессиональным государством – в нем присутствуют 46 конфессий. При этом необходимо отметить, что как в общественном мнении, так и в политике государственных органов проводятся различия по отношению к «традиционным» религиям (ислам, православие, католицизм, иудаизм, буддизм, лютеранство) и остальными «нетрадиционными» конфессиями. При этом по отношению к исламу и православию государство проводит патерналистскую политику, оказывает поддержку в строительстве культовых зданий, объявило Курбан-айт и православное Рождество выходными днями. По информации Агентства Республики Казахстан по делам религий, на сентябрь 2011 года в республике действовало 4551 религиозное объединение, из которых 2815 – исламские, 1283 – протестантские, 306 – православные, 118 – католические, 25 – иудейские, 4 – буддийские. В 1991 году их было всего 671.

Если в стране, согласно Конституции церковь отделена от государства, то речи о каком-то религиозном образовании ни в школе, ни в вузе быть не может. Тем не менее, светское образование предполагает изучение основ мировых религий как составной части мировой культуры в учебной дисциплине «Религиоведение». Студентам педагогического вуза необходимо преподавание и таких дисциплин, как «Этика», «Эстетика», «Логика», «Культурология», «История искусств», «Риторика».

Церковные вузы имеют право на существование. В них идут люди далеко не случайные и в сознательном возрасте. Но заведомое влияние религиозной веры на детей крайне недопустимо. Поэтому привлечение священнослужителей в школу или вуз в каких-либо формах (воскресная школа или уроки теологии) являются нарушением Конституции. Допустив священнослужителей в систему образования, общество через десять лет получит поколение людей, неспособных к критическому мышлению. Более того: люди, воспитанные священнослужителями на готовых шаблонах, окажутся неспособны и к осознанному нравственному выбору, неспособны увидеть альтернативы, вообще развиваться нравственно и интеллектуально.

Религиозное образование и его взаимодействие со светской школой

ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ

Н. А. Кутузова

Международный пакт о гражданских и политических правах формулирует правовой стандарт, важное место в котором (ст. 18) занимает право родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями. Данная формулировка имеется также в Международном пакте об экономических,

социальных и культурных правах (ст. 13).

Конвенция о правах ребенка содержит формулировку (ст. 29) о том, что образование ребенка должно быть направлено на: подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, *равноправия* мужчин и женщин и *дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами*.

Формулировки об обеспечении религиозного и морального воспитания детей в соответствии с убеждениями родителей, о воспитании терпимости, равноправия являются наиболее общими и дублируются в большинстве международных документов. Так в тексте статьи 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования говорится: образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и на большее уважение прав человека и основных свобод; оно должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами и всеми расовыми или религиозными группами.

Наиболее авторитетными в европейском регионе, имеющими значение также и для Беларуси, являются структурные подразделения ОБСЕ, в том числе Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). Среди основных направлений деятельности – содействие реализации прав граждан региона ОБСЕ на свободу совести и вероисповедания. Проблемы преподавания религии в учреждениях образования являются одними из наиболее сложных в вопросах обеспечения прав на свободу религии или вероисповедания.

Эксперты БДИПЧ самыми распространенными проблемами считают следующие [1, с. 15–17]:

1. *Реализация прав родителей на образование детей*. Религиозное образование рассматривается как элемент воспитательного процесса.

2. Государственное финансирование религиозного образования. Такая практика существует не во всех странах, но эксперты ОБСЕ настаивают на том, что *финансирование должно предоставляться без какой-либо дискриминации*.

3. Религиозное, этическое или гуманистическое образование в государственных школах. Государство должно продумать варианты *невмешательства во внутренний мир детей и родителей*, если образовательная деятельность слишком тесно переплетается с глубокими религиозными и идеологическими убеждениями. Эксперты ОБСЕ также считают, что государство вправе выступать *против радикальных идеологических направлений (фашизм и антисемитизм)*.

4. Государственная аккредитация деятельности частных религиозных и философских школ. Государство может устанавливать нейтральные критерии для преподавания общеобразовательных предметов, таких как математика, история, точные науки и языки. Допускается, чтобы государство могло регулировать сертификацию преподавательского состава при условии *недискриминации по религиозному признаку*.

5. Правила приема на работу и увольнения учителей и другого персонала школ на почве религии или вероисповедания. Эксперты ОБСЕ констатируют тот факт, что существуют разные подходы в странах региона, однако основополагающим остается *принцип недискриминации*.

6. Религиозные символы (и форма) в государственных школах. Существует

три наиболее важные проблемы в этой сфере: во-первых, запрет со стороны государств учителям и школьному персоналу носить религиозную одежду во время преподавания; во-вторых, практика регулирования месторасположения религиозных символов в классных комнатах; в-третьих, запрет со стороны государств на ношение религиозной одежды учениками (проблема ношения исламских платков). Четких ответов, разрешающих эти проблемы, в международных документах нет, но при рассмотрении данных вопросов необходимо принимать во внимание общие руководства по толерантности и недискриминации.

В 2007 г. были разработаны и предложены странам ОБСЕ «Руководящие принципы преподавания религий и верований в общественных школах» («Толедские принципы»). Толедские принципы подчинены недискриминации по религиозному признаку и полному соблюдению прав в области свободы совести и вероисповедания. Толедские принципы предусматривают: во-первых, соблюдение научного уровня преподавания, высокой педагогической компетентности, изучение прав человека; во-вторых, неукоснительное соблюдение свободы совести и вероисповедания в отношениях учитель – ученик и в среде обучающихся; в-третьих, обучение должно происходить с учетом влияния на ребенка семьи и религиозных организаций; в-четвертых, обучение должно происходить в полном соответствии с принятыми образовательными и профессиональными стандартами, по качественным учебным программам и планам, которые, в свою очередь, должны учитывать культурное и религиозное разнообразие в обществе, международный опыт в соблюдении прав человека в данной сфере [2].

В комментариях к «Толедским принципам» содержится требование толерантного отношения как к теистическим, так и нетеистическим, а также атеистическим верованиям. При этом авторы документа обращают внимание на то, что нельзя забывать о праве родителей, детей и педагогов на отсутствие веры или религии. Действительно, опыт стран Европы показывает, что права неверующей части населения (в особенности детей) защищены плохо, особенно в учреждениях образования.

Довольно сложными представляются проблемы преподавания религии в мультиконфессиональных учебных группах. Эксперты ОБСЕ предостерегают от возможных конфликтов из-за непонимания религиозных традиций. Данная проблема актуальна для Франции, Греции, Великобритании и других стран. В таких случаях особое внимание необходимо уделять качеству подготовки (и переподготовки) преподавательского состава, задача которого состоит не в том, чтобы избежать обсуждения с учениками спорных с точки зрения разных религий вопросов, а, напротив, – *научить учеников понимать иную точку зрения, побудить интерес к иной культуре и религиозной традиции, сформировать навыки толерантного поведения и правовую культуру учеников.*

Государства, регулирующие жизнь мультикультурных и поликонфессиональных сообществ, в случае конфронтации должны не устранять ее причину, которой чаще является плюрализм, а гарантировать обеспечение прав каждой из групп.

Вне зависимости от специфики государственно-конфессиональных отношений именно государства во всех регионах направляют развитие системы образования, при этом государственная власть должна осуществляться

нейтральным и беспристрастным образом, не оценивая правомерность или ошибочность каких-либо религиозных взглядов.

В статье 3 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования говорится: не допускать – в случаях, когда государственные органы представляют учебным заведениям те или иные виды помощи (*например, покупку религиозной литературы только определенной конфессии за счет бюджетных средств и др. виды помощи – Н.К.*) – никаких предпочтений или ограничений, основанных исключительно на принадлежности учащихся к какой-либо определенной группе.

В международных документах толерантность и недискриминация рассматриваются прежде всего как правовые категории, а не идеологические.

В «Руководящих принципах преподавания религий и верований в общественных школах» в разделах, которые касаются подготовки учебных планов, содержится требование беспристрастности и научности, недопустимости конфессиональных трактовок учебного материала. Учебные планы должны строиться на основе признанных профессиональных стандартов, учебная информация должна быть современной и не упрощать сложные проблемы. Рекомендуются также включать в список изучаемой литературы источники, которые относятся к разным религиозным традициям, формируют ценности толерантности и взаимного уважения у детей.

Среди образовательных стандартов региона ОБСЕ важное место занимает концепция «меж культурного образования» или «образования для демократического общества», в которой религиозное образование интегрировано в целостную систему изучения гуманитарного комплекса (истории, философии, музыки, искусства, литературы).

Идеи и рекомендации «Толедских принципов» аналогичны выводам «Белого доклада по межкультурному диалогу» Совета Европы (White Paper on Intercultural Dialog, Council of Europe 2008), рекомендациям европейского проекта REDCo (Религия в образовании: вклад в диалог или фактор конфликта в трансформирующихся сообществах европейских стран, 2006–2009).

Резолюция Совета по Правам Человека ООН (6/37) «Ликвидация всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» (14.12.2007) призвала государства разработать и осуществить стратегии поощрения системами образования принципов терпимости и уважения других людей и культурного многообразия и свободы религии или убеждений; обеспечить, чтобы все государственные должностные лица и гражданские служащие, в том числе работники системы образования, при исполнении своих служебных обязанностей уважали различные религии и убеждения и не допускали дискриминации на основе религии или убеждений и чтобы в связи с этим были организованы в полном объеме необходимые и соответствующие обучение и подготовка; поощрять и стимулировать посредством просвещения и других мер, включая региональные или международные культурные обмены, понимание, терпимость и уважение во всех вопросах, касающихся свободы религии или убеждений. Кроме того данная резолюция содержит формулировки относительно мандата Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, ему рекомендовано сотрудничать со странами ООН, предлагать им рекомендации для более полного выполнения ими международных обязательств.

Как видно из приведенных выше рекомендаций и принципов,

образовательные инициативы религиозных организаций (в том числе и в Беларуси) необходимо оценивать с точки зрения критериев защиты свободы совести и вероисповедания. В настоящее время обсуждаются вопросы учебных и факультативных планов, в рамках которых будет изучаться религия, разработки соответствующего учебно-методического обеспечения, данная инициатива принадлежала БПЦ. Однако в соответствии с законодательством Республики Беларусь, рекомендациями экспертов и Толедскими принципами ОБСЕ необходимо соблюсти критерии научного характера обучения, при этом предлагаемые учебные программы и пособия не должны носить узкоконфессионального характера, а должны ориентироваться на реализацию принципа свободы религии и свободы от религии.

Литература и источники

1. Рекомендации по анализу законодательства о религии или вероисповедании. Парл. ассамблея ОБСЕ. – Варшава, 2005.
2. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools [Electronic resource]. — Mode of access: www.osce.org/odihr. – Date of access: 10.11.2013.

СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. Л. Куши

В нашей стране существуют две разные образовательные системы: светская и духовная. Основываясь на разных принципах и подходах, они производят разный образовательный продукт, а выпускники, обладая разными знаниями, умениями и навыками, реализуют различные социальные функции. При этом, как правило, образовательные и профессиональные траектории обучающихся не пересекаются. Это создает проблему, которую можно назвать проблемой корреляции светского и духовного образований.

Приведем такой пример. Человек закончил духовное учреждение образования и желает продолжить научную или профессиональную карьеру в светской области. Каковы шансы признания его профессиональных квалификаций, возможности продолжения образования, предоставления адекватной занятости? Во многом это верно и для обратной ситуации. В обоих случаях необходимо начинать все сначала. Следует ли что-то делать в системе организации образования, для того чтобы между светским и духовным образованием были установлены некоторые связи, наведены мосты, осуществлялось взаимодействие? И если да, то как?

Эта проблема, касающаяся, в настоящее время, двух образовательных систем, будет со временем расширяться по мере диверсификации отечественного образования, появления в нем различных подходов и парадигм. Поэтому ее анализ, предложенные решения будут полезными не только для нынешней, но для будущей образовательных систем в нашей стране. Автор, предлагая данную проблему в качестве предмета для дискуссии научно-педагогическому сообществу, представителям системы управления образованием, не претендует на ее окончательное решение. Однако уже сама ее постановка является важным

этапом, как, впрочем, и доказательство того, что данной проблемы вообще-то не существует, то есть образовательные системы данного типа должны быть, в принципе, разделены и им вовсе не обязательно друг с другом взаимодействовать.

Светское образование основано на науке. Наука, как область человеческого знания, характеризуется конкретностью, доказательностью, точностью, в ее основе лежит научный факт, а ее результаты могут быть использованы в технической деятельности. Эти свойства науки позволяют ей не только давать человеку системное, подтвержденное теорией и практикой знание, но и использовать его для усиления своей власти над миром. Довольно соблазнительная перспектива, чтобы ей не воспользоваться! Благодаря своей эффективности, наука в настоящее время занимает доминирующее место среди остальных типов человеческого знания. Она выступает в качестве системы знаний, производительной силы общества и его социального института. Соответственно этим трем направлениям своей деятельности наука выполняет свои функции. Научные знания и технологии их использования являются в настоящее время тем основным капиталом, которые передается следующему поколению посредством образовательного процесса.

Религиозное образование основано на религии, сущность которой и функции в обществе иные. Прежде всего, религия основывается на вере в сверхъестественное, основой ее знаний являются священные тексты, имеющие своим источником это сверхъестественное. Поэтому религия – тоже система знаний, но знания эти строятся на фундаменте веры. Одна из главных ее функций, – это регулирование поведения людей, обеспечение их упорядоченного функционирования в рамках некоторого социума. В связи с этим, религия непосредственно связана с ценностями, с моралью, в то время как наука лишь опосредованно.

Эти представления являются одними из тех краеугольных камней, на которых строятся образовательные процессы в светских и духовных учреждениях образования. Светское образование формирует человека материалистически ориентированного, творческого, направленного на преобразование действительности, в основном, в собственных целях. В то время как религия, формирует человека, живущего определенными ценностями, главная задача которого им в полной мере следовать, достигая установленного догматами веры идеала, как в личностном, так и в социальном отношении.

И светская, и духовная образовательные системы имеют собственные образовательные стандарты, подходы и технологии обучения. В результате этих образовательных процедур мы получаем человека с набором компетенций для выполнения профессиональных, личностных и социальных функций. Разница между ними заключается в наборе этих функций и расстановке приоритетов в их реализации. Эти функции и приоритеты определяется системой целей и задач, стоящих перед каждой из образовательных систем. Если в светской образовательной системе акцент падает на выполнение человеком его профессиональных и определенных социальных функций, то в духовном образовании этот акцент смещается в сторону функций личностных и социальных.

Как видим разные цели и, во многом, разные задачи и методы их решения. Как результат мы получаем разные образовательные модели на входе образовательной системы и разные образовательные продукты на выходе. Возможно ли их совмещение впоследствии? Могут ли эти образовательные

траектории пересекаться, коррелировать, сливаться в одну, например, для некоторой, отдельно взятой личности?

Для корреляции образовательных систем необходимо наличие общей образовательной базы в виде общих элементов содержания образования, используемых педагогических технологий и методик. Как бы там ни было, хотя мы и получаем разных специалистов, но и те и другие должны быть в полной мере интегрированы в социум, это означает, что они должны получить необходимые знания об обществе и личности. То есть социально-гуманитарный блок должен иметь для тех и других специальностей общие содержательно-методологические элементы с выходом в социально-личностную практику. Это, прежде всего, знания в области философии, культурологии, социологии, политологии, этики и эстетики, права, основ экономики, здорового образа жизни, психологии и педагогики, экологии. Выпускник духовного учреждения образования должен обладать основами научных знаний и научной методологии для необходимого уровня интеграции в современное общество, а это означает, что он должен также получить основы знаний по общеобразовательным дисциплинам (в частности, по естественнонаучным). Понятно, что эти дисциплины ему будут преподаваться в религиозном ракурсе, однако это проблемы не составляет.

Такой подход облегчает продолжение образования представителя духовного учебного заведения в светских учреждениях образования, а представителей светских – в духовных. Это случается нечасто, но такая проблема существует. Следует, в связи с этим, при переводе предусмотреть возможность поступления на второй (или даже для некоторых специальностей) на третий курс, поскольку, как правило, первые курсы бывают посвящены, в значительной степени, общеобразовательной и гуманитарной тематике. В этом случае проводится собеседование, досдаются необходимые предметы, при необходимости, проводится курс адаптации и студент может продолжать обучение в учебном учреждении иного профиля.

Проблема обостряется, когда дело касается последиplomного образования. Здесь, по-видимому, следует опираться на диплом о высшем образовании для продолжения выпускником духовного учебного заведения образования в светской магистратуре и аспирантуре, и на диплом об окончании духовного учреждения образования для продолжения образования в духовной академии. То есть, в принципе, смена светской карьеры на духовную и наоборот, может беспрепятственно осуществляться лишь на уровне высшего образования, но потом, при переходе на следующий образовательный уровень, в иной тип учреждения образования, необходимо прежде получить высшее образование по соответствующему профилю в рамках данного типа образования.

Существует и проблема признания Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь ученых степеней, полученных в духовных учреждениях образования. Это еще более сложная проблема. Казалось бы, ВАК настроен на оценку работ лишь в научной сфере. Однако проводит же он экспертизу работ междисциплинарного характера, где присутствует, кроме научного и элементы иных типов знания, скажем философии, искусства. Почему же работы в области теологии, которые соответствуют методологическим требованиям, имеют ясные цели и задач, обоснованные результаты, практическую применимость, обладающие другими качествами, отвечающие требованиям ВАКа, не должны

быть им положительно аттестованы?

Вопрос это очень непростой, прежде всего по причине того, что есть среди выпускников духовных академий работы научно-религиозной направленности, которые могут подпадать под компетенцию ВАКа, а есть работы чисто богословские, например, основанные на религиозной догматике, которые ВАК вряд ли согласится принимать к рассмотрению, в то время как с точки зрения теологии они могут представлять немалую ценность. Определенную роль играют здесь и организационные моменты, так как в рамках ВАКа придется создавать еще одно подразделение, которое будет профилироваться на рецензировании именно таких работ, причем здесь придется учитывать и многоконфессиональный аспект рассмотрения таких диссертаций. Однако, по большому счету, задача ВАКа признать валидность той или иной диссертационной работы, ее соответствие определенным исследовательским канонам.

Мы поставили проблему взаимодействия духовного и светского образований и коснулись некоторых аспектов взаимодействия двух образовательных парадигм и образовательных систем, которые существенно отличны и, в некоторых областях, несопоставимы. Речь не может идти об их унификации или даже соответствии друг другу, но речь должна идти о повышении их эффективности в выполнении своих функций, определении их места и роли в жизни общества, об их корреляции и плодотворном взаимодействии в процессе решения стоящих перед ними задач. Решение поставленных здесь проблем сможет продвинуть вперед этот процесс.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Н. Г. Севостьянова

Мировоззренческая подготовка студентов высших учебных заведений, особая ответственность за которую возложена на дисциплины социогуманитарного цикла, с необходимостью предполагает изучение религиозно-нравственной проблематики. Сама предметность названных дисциплин включает в себя рассмотрение темы взаимосвязи науки, религии и морали как в исторических введениях, так и в разделах и модулях, посвященных проблемам человека, общества, культуры. Социальная философия, в частности, знание физическое и метафизическое, в различных стилях эпистемного и софийного философствования предлагает интерпретацию взаимодополнительности науки, религии, морали как форм духовной культуры. Религиозная мораль определяется здесь как самоценная (и/ни религия, и/ни мораль) репрезентация религиозной духовности. Христианская нравственность рассматривается как жизнеучение о духовном спасении. Православная мораль в культуре восточных славян представляет собой самобытную – поливалентную, оязыченную, конверсивную – репрезентацию христианской нравственности.

Важно, что в современных условиях «пост-всего» именно религиозно-нравственная составляющая мировоззрения удерживает морально должное,

личностно-ответственное, хранит традиционные ценности, в том числе семейные, и, если ориентирует на критику в ситуации тотального критического рационализма, то на критику конструктивную. Обратим внимание на религиозно-нравственные компоненты некоторых разделов социально-гуманитарных дисциплин в условиях высшего образования.

1. Изучение типов философского мышления (восточного, западного, восточнославянского), рассмотрение темы национального самосознания в контексте культурных и философских традиций предполагает изложение основных вопросов русскоязычной философии (русской, российской, белорусской). Отечественное любознательство всегда отличалось уникальными синтезами религиозного, научного, этического знания; согласованием различных эталонов осмысления религиозного и светского духовного опыта, сочетанием гуманистики и апологетики, полидискурсивностью. В особенности это касается русской религиозной философии, которая сращена с православием и представляет собой богословскую экзегезу и антроподицею, имея главным предметом смыслоискание (А. Ф. Замалеев).

«Верующий разум» «выявляет направленность русской мысли в сторону завершения, доведения до конечного результата всех возвышенных устремлений всечеловеческого духа». «Русские философы ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» (В. В. Зеньковский), что в контекстах религиозной мысли наиболее рельефно показано в метафизике всеединства В. С. Соловьёва и в трудах его последователей. «Духовный ренессанс» Серебряного века завершил переход русской философии от дилетантизма к профессионализму, и она обрела свою национальную форму, которая связана с многовековой традицией религиозного, прежде всего христианского морального наследия и вхождением в западноевропейскую философскую культуру.

2. Статус современных трансформаций предмета этики как системы знаний о морали (нравственности), в том числе религиозной морали, определяется процессами интеграции и глобализации в экономической, социальной, политической, духовной сферах бытия. Об этом сообщают наиболее влиятельные концепции общества: открытого (К. Поппер), информационного (М. Кастельс), индивидуализированного (З. Бауман); риска (У. Бек), «конца истории» (Ф. Фукуяма), столкновения цивилизаций (С. Хантингтон), а также теории: мир-системная (И. Валлерстайн), «глобализации» (Р. Робертсон), коммуникативного действия (Ю. Хабермас). Мировоззренческие вопросы рассматриваются здесь предельно проблематизированно, а зачастую и вовсе лишаются смысла в условиях культуры постмодерна, финализации науки и философии. Современные интеграционные процессы несут в себе не только преимущества единой мировой истории, но и разного рода экспансию, отказ от системы традиционных ценностей, кризис семьи и человека как такового. Потребительское общество навязывает свои стандарты, втягивая в сферу морально допустимого ранее осуждавшееся.

Возникают новые образы этики, в том числе и такие, в которых просвечивает традиционная парадигма религии в контекстах науки, «утратившей истину». В русскоязычной философии актуализируются «нравственная философия» и теоандрическая этика В. С. Соловьёва, построенная на идеале живого и цельного знания; теономная этика С. Л. Франка в форме «христианского

реализма»; «конкретная метафизика» П. А. Флоренского; теонормная этика и «православный универсализм» С. Н. Булгакова; православная этическая апологетика И. А. Ильина; эсхатологическая этика Н. А. Бердяева, «теонормная нормативная этика» Н. О. Лосского. Все больше осознается призыв к нравственному бытию и постулируется ответственность как условие такого бытия, как современный категорический императив.

3. Философия как рационально-теоретическое мировоззрение стоит на пороге методологической революции, которая требует изменений в самом подходе к осмыслению бытия, предполагает замену линейного стиля мышления нелинейным, разработку постнеклассической рациональности. Она определяется как стиль мышления и деятельности, базирующийся на постулатах разумности (здорового смысла), целесообразности, логики (доказательности), науки. Рациональность ограничена вследствие этого онтологическими, гносеологическими, антропологическими рамками приемлемости. В отечественной философии и методологии науки разработана историко-генетическая концепция научной рациональности (В. С. Стёпин, В. С. Швырев, П. П. Гайденко, В. Н. Порус), которая выявляет три ее исторических типа. Классическая рациональность ориентирует на предметное познание и предполагает концептуально-дискурсивное понимание мира. Неклассическая рациональность указывает на связь знания об объекте и знания о средствах изучения этого объекта. Постнеклассическая рациональность раскрывает ценностно-целевые структуры познания. В ней доминируют не безличные логико-методологические процедуры установления истинности, а личностные структуры сознания, общения и деятельности как практическое основание социальной консолидации и коммуникативного действия.

В разноголосице научных языков все более важную роль играет вера в науку или вера в антинауку. «Взаимоисключающее соединяется: наука утрачивает свой нимб и становится непреложной. Это симптомы общества риска, которое зависимо от науки и критикует науку» (У. Бек). Критика рисков – это не нормативная критика ценностей. «Именно там, где традиции и ценности пришли в упадок, как раз и возникают риски. Основой критики являются не столько традиции прошлого, сколько угрозы будущего» (У. Бек).

Научный поиск новых мировоззренческих стратегий высшего образования предполагает корректную интерпретацию взаимосвязи науки, религии, морали в системе духовной культуры и в контексте различных типов рациональности. В переосмыслении религиозно-нравственных компонентов мировоззренческой подготовки студентов высших учебных заведений философия заявляет о себе как конструктивная сила, участвующая в формировании новых тенденций социокультурного бытия.

ВЫСШЕЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С. С. Поднюк

Без богословского образования нельзя говорить о развитии христианского мировоззрения и распространении подлинных христианских ценностей. Кроме того, богословское образование должно сыграть определяющую роль для усиления позиций христианства в современном секулярном обществе, для глубокого знакомства со своим собственным вероучением, а также для развития диалога с другими религиозными традициями. Один существенный момент часто упускается из виду, когда обсуждается церковная жизнь в современной обществе – это то, что Церковь, к сожалению, по настоящему находится на периферии жизни общества, которое по всем параметрам является секулярным. Всплеск интереса к христианству был несколько лет назад, когда потеря четкой социальной ориентации в совсем еще недавнем историческом прошлом привела в церкви много новых людей, но большинство из них, особенно пришедших в православные храмы, по настоящему не стали воцерковленными людьми. Люди часто черпали необходимую информацию о Боге и Церкви из самых неожиданных источников, которые часто затруднительно назвать христианскими. Стоит ли удивляться тому, что в нашем обществе имеет место смесь христианства, суеверий, восточных религий и язычества.

Служители церкви должны помочь людям иметь правильный взгляд на Бога и Библию. Следовательно, даже на этом, так сказать просветительском, уровне качественное богословское образование необходимо. Даже для людей, только начавших христианскую жизнь, необходимо духовное образование. Самый прямой и естественный путь для этого – развивать систему воскресных школ для детей и библейских школ для взрослых и т. д. А для этого необходимы хорошие преподаватели, которые смогут качественно ответить на вопросы и помочь в изучении христианства. И здесь необходимо наличие средних и высших богословских учебных заведений – колледжей, семинарий и институтов. Сразу оговорюсь, что здесь идет речь не об аморфном религиозоведении. Я убежден, что невозможно построить серьезную систему богословского образования без хорошей конфессиональной основы.

Традиционное богословское образование (теологические институты, семинарии и академии) обеспечивает подготовку священнослужителей и церковнослужителей, готовит новые кадры преподавателей богословских дисциплин и способствует появлению ученых-богословов. Такое образование имеет огромное значение в жизни Церкви и в развитии христианского богословия.

К трудностям в данной сфере относится явная нехватка современной богословской литературы, особенно качественных учебников, а также небольшое количество преподавателей, имеющих ученые степени в богословии. Эти факторы более чем существенны, но со временем они будут решаться. Еще одна трудность, присущая во многом нашему народу в целом – это боязнь нововведений. Мы привыкаем к традициям, укоренившимся среди нас, не замечая, что мир вокруг меняется, и мы должны быть готовы отстаивать христианские ценности в современном обществе, отвечая на вызов времени. Мы боимся ставить «трудные»

вопросы современности и открыто их обсуждать. В то время как в образовании вообще и в религиозном образовании в частности важно столкновение с проблемой, которое приводит к размышлению, а иногда и к серьезному кризису. Но без этого немислимо духовное развитие. Столкновение различных традиций, подходов, ценностей, а так же некоторые расхождения во взглядах сами по себе неопасны, но, напротив, приводят к зрелой критической оценке тех или иных явлений. Ведь каждый по опыту знает, что жизнь намного сложнее и запутаннее, чем логика четких разграничений и абстрактных понятий.

Ничего не меняя, мы ничего не добьемся. Церковь должна изменяться, чтобы выполнить план Бога, но при этом не менять вечные моральные ценности, данные человечеству Богом с самого начала сотворения мира. Перед нами четко сформулированная образовательная задача: «Идите, научите все народы» (Мф. 28:19).

Современное богословское образование должно, не теряя вечных христианских ценностей и традиций, отвечать на проблемы, которые ставят перед современным человеком секулярное общество, светская культура и наука. Для этого необходимо тесное взаимодействие богословского и общегуманитарного знания. Острые проблемы социологии, антропологии, современной культуры, философии должны занять важное место в учебном процессе. Без критического осмысления всех реалий современного мира нельзя говорить о полноценном образовании. Быстрое развитие науки и связанные с этим успехи технологии вызывают у многих людей впечатление, что только точное научное знание может служить основой постижения действительности, а научные открытия обеспечат материальный и социальный прогресс человечества. Соответственно, вопросы взаимоотношений религиозного и научного мировоззрений приобретают особую остроту. Без выработки открытого христианского взгляда на самые трудные проблемы истории и современности нельзя говорить о полноценном богословском мышлении, творческом развитии христианского богословия.

Существенное место в учебных программах должна занимать история и теория культуры. Здесь преподавание не должно сводиться к истории церковного искусства и христианской культуры (хотя это очень важно). Речь должна идти, скорее, о христианской истории культуры, о выработке целостного христианского взгляда на все ее проблемы, включая современную культуру и постмодернизм.

Преподавание библеистики должно быть центром учебного процесса. В современной библеистике накоплен огромный потенциал для более глубокого постижения Священного Писания. Необходимо показать роль Библии в жизни современного человека. Конечно, изучение библеистики немислимо без глубокого изучения древних языков. Но важно также и взаимоотношение религиозного и научного мировоззрений в современном мире. Для формирования цельного взгляда на мир очень важно, чтобы студенты богословских учебных заведений знали современные концепции естествознания. Введение в учебные планы курсов по взаимоотношению религии и науки поможет понять роль веры жизни современного общества.

Важную роль в современном мире играет диалог. Диалог между различными культурными и религиозными традициями, межконфессиональный диалог. Необходимо умение и желание слушать и понимать другого, даже если мы отличаемся во взглядах на религию и культуру. Это не означает уклон в сторону

синкретизма, но внимание к другой традиции, стремление ее понять и желание воспользоваться плодами многообразия конфессий.

Теперь я перейду к проблеме светского богословского образования или к вопросам введения преподавания общего богословия в светских ВУЗах. В этом термине уже присутствует противоречие. Слова «светское богословское образование» или «независимое богословское образование» звучат непривычно и сразу указывают на проблему. В недавнем нашем прошлом эту тему вообще нельзя было обсуждать, но и на Западе отход богословского образования от четко выраженной конфессиональной принадлежности стал заметен относительно недавно и эта проблема сейчас активно обсуждается. Допустимы ли вообще светские богословские школы? Такая постановка вопроса как бы провоцирует отрицательный ответ. Гораздо привычней и спокойней видеть духовные, теологические или библейские (в зависимости от конфессии) семинарии под вниманием епископов Церкви, которые тем самым заботятся о воспитании новых кадров священнослужителей. Это совершенно естественно и правильно. Но попробуем сформулировать наш вопрос немного по-другому: можно ли обойтись без независимых богословских школ в современном секулярном обществе.

Кажется, все согласны с необходимостью введения общих курсов религиоведения или истории и теории религии в светских учебных заведениях, а вот вопрос о преподавании конфессионального богословия вызывает много споров. Выше я уже отметил, что на аморфном религиоведении нельзя построить серьезную систему богословского образования, для этого должна быть конфессиональная основа. Конечно, студенты должны иметь право выбора, но, видимо, здесь надо идти по пути создания конфессиональных отделений, а не сидеть между двух стульев. Между тем, стиль преподавания богословия в светских учебных заведениях существенно отличается от традиционных семинарий и теологических институтов. Ведь независимые богословские школы призваны дать качественное гуманитарно-богословское образование светским специалистам, а не готовить священнослужителей. Преподавание здесь должно концентрироваться на академических богословских дисциплинах в тесной взаимосвязи с общегуманитарными и естественнонаучными предметами.

Цель светского богословского образования – подготовка квалифицированных специалистов, работающих в области религии: преподавателей, исследователей, журналистов, социологов, историков. Высокий уровень образования и кругозор таких специалистов может способствовать правильному отношению общества к Церкви и христианским ценностям. В такой среде сам собой снимается вопрос о тесной вовлеченности богословия в проблемы современного мира.

На мой взгляд необходимо тесное сотрудничество между церковными учебными заведениями и богословскими отделениями в светских ВУЗах. Конечно, такая работа сопряжена с большими трудностями. Значит, необходимо так сформулировать цели и задачи религиозного и богословского образования и его важность для светского общества, чтобы они были понятны и убедительны чиновникам от образования, законодателям, родителям, от которых во многом зависит образование детей. При этом необходимо избегать как идеологизации религии, так и общего религиоведческого подхода. И то, и другое весьма опасно. Идеологизация оттолкнет серьезных вдумчивых людей (я уже не говорю о том, что

она несовместима с толерантностью, уважением к другим традициям), а общее религиозное образование не может быть основой серьезного богословского образования, зато способно породить безразличие к ценностям той или иной конфессии.

Еще раз подчеркнем, что задачи эти сложные и здесь не обойтись без тесного взаимовыгодного сотрудничества между светскими религиозными факультетами учебных заведений и традиционными конфессиональными духовными учебными заведениями. По сути, перед нами сейчас стоит двойная задача. Во-первых, помочь церковным людям преодолеть негативное отношение к светской культуре, науке, обществу. Во-вторых, помочь «светским» людям (то есть большинству населения!) открыть для себя ценности христианства и богатство церковной традиции. Активный верующий человек сегодня нередко оказывается в весьма затруднительной ситуации, стараясь сделать выбор между духовным и светским, богословием и культурой, церковью и обществом, вселенским и национальным, преданием и современностью. Делая выбор в пользу одного, он приходит к отрицанию второго, тогда как призвание человека – одухотворять мир, в том числе науку, культуру, общественную жизнь. Необходимо учитывать менталитет современного человека, понять его проблемы. Говорить с ним надо на его языке, не оскорбляя назойливыми обличениями в бездуховности и неблагочестии. Сама церковная миссия и проповедь Евангелия должны быть адекватны условиям, в которых живет современный верующий.

Для того, чтобы религиозное и богословское образование выполняло свою задачу, оно должно быть рассчитано на самый широкий круг людей, то есть необходимо создать систему богословского образования на разных уровнях и в разных формах. Эта система должна включать в себя и конфессиональные, и светские учебные заведения. Для качественного образования нужна качественная литература. Подготовка и издание современной христианской литературы широкого спектра должны стать приоритетом на ближайшее время. Конечно, необходимы книги общего характера, просветительского уровня, но особое внимание следует уделять изданию учебников, хрестоматий, соответствующей периодики и специальной научной литературы, которая поможет заложить серьезный фундамент для дальнейшего развития.

Трудной проблемой в Беларуси является приобретение и издание богословской литературы. У нас ее практически не печатают. У нас почти нет отечественных богословов, которые бы писали книги и учебники. В виду узконаправленного применения тиражи таких книг будут небольшими, следовательно затраты на издание – достаточно затратными. Проблемы есть и с тем, что привоз книг на русском языке даже с России и официальное использование ее в библиотеках богословских учебных заведений требует определенного времени на проведение религиозных экспертиз государственными органами.

Для богословских учебных заведений есть определенные сложности с организацией учебного процесса для студентов. На основании Закона «О свободе совести и религиозных организациях» (статья 28) студенты духовных учебных заведений пользуются правами и льготами, установленными для государственных учебных заведений. Но механизм этот полностью не отрегулирован. В итоге возникают проблемы с вызовом на учебную сессию студентов-заочников, а так же с отсрочкой призыва на воинскую службу студентов дневного отделения.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСШИХ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

А. Зноско

Существование и деятельность католических высших духовных семинарий в Республике Беларусь на первый взгляд является подтверждением того, что религиозное образование в нашем государстве возможно. Однако так ли это на самом деле?

На сегодняшний день в Республике Беларусь имеются две действующие католические семинарии: Межепархиальная в Пинске, выпускники которой служат в Минско-Могилевской архиепархии, а также в Витебской и Пинской епархиях, и Гродненская епархиальная семинария. Основание данных учебных заведений стало возможным на актуальном этапе новейшей истории Беларуси, когда демократические веяния второй половины 80-х гг. минувшего столетия воплотились, в том числе, в новых возможностях реализации права на свободу совести. До 1991 г. Римско-католическая Церковь в Советском Союзе располагала всего двумя высшими учебными заведениями. Это были: Рижская семинария, в которую могли обучаться воспитанники из всех советских республик (впрочем, в малом количестве, ограниченном лимитами) и Каунасская, для нужд католиков из Литовской ССР.

Позволяя себе экскурс в историю вопроса, следует отметить, что долгое время, вплоть до XVI века, деятельность духовных семинарий не была условием *sine qua non* существования Церкви. Духовенство формировалось либо из монашества, проходившего обучение в монастырских школах, либо из лиц, признанных местным епископом годными к рукоположению и обучавшимся в тех же монастырских школах, кафедральных школах и, гораздо реже, в университетах на богословских факультетах. Такое положение дел являлось причиной значительной диспропорции в уровне подготовки священнослужителей, в ряде случаев откровенно недостаточном.

Особенно явно недостатки образования духовенства, находящегося за сферой влияния крупных монастырей или кафедральных научных центров стали проявляться с наступлением Реформации, на фоне растущего уровня интеллектуализации населения, связанной с большей доступностью печатных книг, в том числе и прежде всего религиозных. Увеличивалось количество лиц, не состоящих в духовном звании, но владеющих грамотой и даже получивших университетское образование. В 1563 г. на Тридентском соборе было принято решение учреждать в каждой епархии духовные семинарии, в которых кандидаты к священнослужению в Церкви могли бы в условиях совместного проживания получать должное образование и сопутствующее духовно-нравственное воспитание личности. Сочетание указанных элементов: совместного проживания, обеспечения возможности интеллектуального, духовного и личностного роста стало характерной чертой дальнейшего развития высших духовных семинарий в качестве главных кузниц кадров духовенства Римско-католической Церкви.

Сложно не согласиться с тем, что кадровое обеспечение религиозных организаций священнослужителями выходит за рамки обычной деятельности по

подбору работников на вакантные места в штате. Представим себе на мгновение объявление в разделе вакансий районной малотиражки: католическому приходу в городе Н. срочно требуется священник... Декрет Второго Ватиканского Собора о подготовке и жизни священнослужителей «*Presbyterorum ordinis*» содержит следующее положение: «священники Нового Завета в силу своего призвания и рукоположения неким образом избираются из среды Народа Божьего с тем, чтобы всецело посвятить себя делу, к которому их призвал Господь». В приведенном фрагменте Собор выделяет две составляющие в становлении священнослужителя: во-первых, призвание и, во-вторых, рукоположение. Призвание понимается нами как сложное явление на стыке религиозной веры и психологии, инициированная воздействием Бога стойкая убежденность человека в своем предназначении быть священником. Вторая составляющая, рукоположение, может рассматриваться двояко. В узком смысле рукоположение означает совершаемый по определенной процедуре религиозный обряд ординации, которым опосредуется таинственное деяние Бога, в результате которого мирянин обретает священнический сан. Рукоположение может рассматриваться и в широком значении, как делящаяся во времени сложная деятельность Церкви, включающая в себя подготовку кандидатов к священству в духовных учебных заведениях, одобрение их со стороны уполномоченных лиц Церкви и непосредственно завершающий религиозный обряд ординации.

Кодекс канонического права 1983 г. в кан. 232 содержит следующую декларативную норму: «Обязанностью, а также собственным и исключительным правом Церкви, является подготовка тех, кто предназначается ко священнослужению». Именно высшие духовные семинарии являются теми религиозными институтами, в которых осуществляется неотъемлемое право Церкви на подготовку новых священнослужителей. Кан. 237 постановляет: «В каждой епархии должна быть высшая семинария, если это возможно и целесообразно; в противном случае воспитанников, готовящихся ко священнослужению, следует доверить семинарии другой епархии или учредить межепархиальную семинарию».

В нашем государстве правовое положение духовных семинарий характеризуется нормативным дуализмом. Общественные отношения с их участием регулируются как каноническим законодательством Римско-католической Церкви, так и действующим законодательством Республики Беларусь. В ряде случаев такое билатеральное регулирование приводит к правовым коллизиям и затрудняет нормальное функционирование учебных заведений.

Со стороны канонического законодательства, правовую основу деятельности высших духовных семинарий составляет прежде всего Кодекс канонического права 1983 г., в котором в титуле III части I книги II целая глава I посвящена подготовке священнослужителей в семинариях. Существуют также иные акты канонического законодательства, регулирующие деятельность семинарий в конкретных аспектах. Особо следует отметить так называемый «*Ratio studiorum* (план подготовки священников)», вырабатываемый Конференцией епископов в каждом государстве при соблюдении норм, изданных высшей церковной властью, и утверждаемый Святым Престолом. В этом «*Ratio studiorum*» определяются важнейшие принципы и общие нормы образования в семинариях,

согласованные с пастырскими потребностями отдельных регионов.

С другой стороны, создаваемые декретами церковной иерархии духовные семинарии нуждаются в государственной регистрации. После ее осуществления духовные учебные заведения приобретают признаваемую государством правосубъектность и становятся юридическими лицами – резидентами Республики Беларусь. Правовое положение юридического лица определяется собственными уставными документами, в которых учредители устанавливают цели и задачи деятельности, руководящие органы, порядок управления, пределы распоряжения собственностью, порядок реорганизации и ликвидации организации и т. п. Безусловно, воля учредителей ограничена правовым статутом юридического лица, то есть той совокупностью потенциальных прав и обязанностей, возможностей их реализации, которую действующее законодательство предоставляет конкретному виду юридических лиц в зависимости от организационно-правовой формы. Виды юридических лиц, создаваемых в нашем государстве, предусмотрены в главе 4 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Каждый из 16 видов юридических лиц имеет свои особенности правового статуса и сколь бы ни были привлекательны возможные права другого вида юридических лиц или тяжелы обязанности, сопряженные с пребыванием в определенной организационно-правовой форме, они закреплены легально и представляют собой «комплекс как есть», принимаемый в полном объеме без изъятий.

По своей организационно-правовой форме высшие духовные семинарии являются религиозными организациями. Правовой статус данного вида юридических лиц определяется довольно немногочисленным массивом соподчиненных нормативно-правовых актов, разных по своей юридической силе. Среди них следует отметить Конституцию Республики Беларусь, международные договоры, участником которых является наше государство, как то: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., другие нормативные акты международного права. Основным законодательным актом, регулирующим общественные отношения с участием религиозных организаций, является Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. «О свободе совести и религиозных организациях», который претерпел значительные изменения в 2002 г. и действует в редакции 2011 г.

Указанный Закон позволяет однозначно отнести высшие духовные семинарии к такому виду юридических лиц, как религиозные организации. В ст. 13 Закона содержится исчерпывающий перечень организаций, относящихся к религиозным. Это религиозные общины, религиозные объединения, монастыри и монашеские общины, религиозные братства и сестричества, религиозные миссии и, наконец, духовные учебные заведения. Закон не раскрывает содержания понятия «духовные учебные заведения». Анализ ч. 5 ст. 9 Закона позволяет сделать вывод, что к духовным учебным заведениям не относятся учебные группы и воскресные религиозные школы для религиозного просвещения детей и взрослых, создаваемые зарегистрированными в установленном законодательством порядке религиозными организациями. Такие группы и воскресные школы следует считать структурными функциональными подразделениями религиозных организаций, прежде всего религиозных общин.

Статья 28 Закона посвящена непосредственно духовным учебным заведениям. Она также не содержит хотя бы примерного перечня таких заведений.

В то же время, ч. 1 указанной статьи определяет функциональное назначение духовных учебных заведений: «Религиозные объединения в соответствии со своими уставами имеют право создавать духовные учебные заведения для профессиональной подготовки священнослужителей, теологов и церковного персонала». Сопоставляя приведенную норму и положения кан. 235 Кодекса канонического права 1983 г.: «юношам, намеревающимся принять сан священника, следует получить соответствующее духовное воспитание и подготовиться к исполнению своих обязанностей, пройдя подготовку в высшей семинарии», представляется возможным с полным основанием отнести высшие духовные семинарии к духовным учебным заведениям, являющимся по своей организационно-правовой форме религиозными организациями.

В связи с вышеизложенным вызывают удивление нередкие в правоприменительной практике случаи неверного отнесения высших духовных семинарий к иным видам юридических лиц, нежели религиозные организации, и, как следствие, применение к ним требований, которые были бы обоснованы в отношении юридических лиц иной организационно-правовой формы.

Юридический хаос возникает в том случае, когда правоприменитель безосновательно полагает, что высшие духовные семинарии являются учреждениями образования, которые осуществляют образовательную деятельность в религиозной сфере. Действительно, закрепленное в п. 1.7 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании легальное определение образовательной деятельности, как деятельности по обучению и воспитанию, осуществляемой учреждением образования, иной организацией, которой в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, вполне подходит к той деятельности, которую осуществляют духовные семинарии. Однако, в ч. 10 ст. 3 Закона о свободе совести и религиозных организациях содержится более специальная норма, относящая образовательную по своей сути деятельность духовных семинарий по обучению священнослужителей к самостоятельному виду деятельности, а именно религиозной.

Высшие духовные семинарии не являются частью системы образования Республики Беларусь. Они не создаются в организационно-правовой форме учреждений и не являются организациями, которым законодательство предоставляет право заниматься образовательной деятельностью. На духовные семинарии не распространяются требования по государственной аккредитации учреждений образования. В этой связи представляется юридически непоследовательным требование, содержащееся в ч. 3 ст. 19 Закона о свободе совести и религиозных организациях, о том, чтобы при регистрации духовных учебных заведений религиозные объединения предоставляли справку о наличии необходимых учебных помещений, а также об обеспеченности преподавательскими кадрами, имеющими соответствующее образование. При этом отсутствуют легальные критерии, какие нормы обеспеченности помещениями и преподавателями следует считать удовлетворительными.

Периодически в среде военных правоприменителей возникает мнение о том, что лица, проходящие обучение в высших духовных семинариях, являются студентами учреждений образования, не прошедших государственную аккредитацию в порядке, предусмотренном законодательством об образовании, и

подлежат призыву на воинскую службу на общих основаниях без предоставления отсрочки. Как видно, неверная предпосылка приводит к формулированию неверного вывода. Деятельность высших духовных семинарий не входит в сферу регулирования законодательства об образовании и применение аналогии закона в данном, в полной мере урегулированном правовом поле недопустимо. Лица, проходящие обучение в духовных учебных заведениях не являются студентами, однако, в соответствии с ч. 2 ст. 28 Закона о свободе совести и религиозных организациях пользуются правами и льготами, установленными для студентов государственных учебных заведений, в том числе правом на отсрочку призыва на срочную воинскую службу.

Высшие духовные семинарии осуществляют обучение кандидатов к священнослужению в соответствии с упоминавшимся выше утверждаемым Апостольской Столицей и не являющимся нормативным актом Республики Беларусь «Планом подготовки священников», который по своему значению и содержанию обладает чертами, схожими как с образовательным стандартом, так и с образовательной программой, в значении данных понятий, закрепленном в пп. 1.8 и 1.10 ст. 1 Кодекса об образовании. Представляется, что, если допустить значительное упрощение, можно сказать, что в высших духовных семинариях ведется обучение по специальности «католический священник». Такая специальность отсутствует в Общегосударственном классификаторе Республики Беларусь «Специальности и квалификации». Даже принимая во внимание одну только учебную составляющую образовательного процесса в духовных семинариях, приходится признать, что она в значительной степени отличается от привычных образовательных программ.

Приведем весьма характерную выдержку из Кодекса канонического права 1983 г., кан. 249–252: «в «Ratio studiorum» должно быть предусмотрено, чтобы воспитанники не только тщательно изучали родной язык, но также прочно усвоили латинский язык и обладали надлежащими познаниями в иностранных языках, которые могут оказаться необходимыми или полезными для осуществления пастырского служения. Философские и богословские дисциплины, изучаемые в семинарии, могут преподаваться как последовательно, так и одновременно; занятия ими должны охватывать по меньшей мере шесть лет, чтобы изучению философских дисциплин было отведено полных два года, а богословских – полных четыре года. Философское образование, которое должно опираться на непреходящее философское наследие, а также принимать во внимание современные философские исследования, следует поставить таким образом, чтобы оно содействовало полноценному человеческому развитию воспитанников, развивало остроту ума и готовило их к изучению богословских дисциплин. Богословское образование, озаряемое светом веры и ведомое Учителем Церкви, должно быть поставлено так, чтобы воспитанники постигали целостное католическое вероучение, опирающееся на Божественное Откровение, находили в нем пищу для своей духовной жизни и, исполняя свое служение, умели должным образом проповедовать и блюсти его. С особым тщанием воспитанников следует наставлять в Священном Писании, чтобы они получили представление обо всем Священном Писании в целом. Должны читаться лекции по догматическому богословию, всегда опирающемуся на писаное слово Божие и священное Предание, благодаря которым воспитанники научаются, в первую очередь следуя

учению св. Фомы Аквинского, глубже проникать в тайну спасения. Должны проводиться также лекции по нравственному и пастырскому богословию, каноническому праву, литургике, церковной истории, а также по другим дисциплинам, вспомогательным и специальным».

В правоприменительной практике возникает вопрос: специалистом какого уровня образования считать католического священника, окончившего духовную семинарию? Что писать в трудовой книжке при приеме на работу? Дает ли обучение в высшей духовной семинарии право на дальнейшее образование на следующей ступени? Автор на собственном опыте убедился, что на сегодняшний день эти вопросы не имеют однозначных, бесспорных ответов.

Священнослужитель, успешно окончивший Гродненскую высшую духовную семинарию, был направлен епископом Гродненским на юридический факультет Белгосуниверситета для получения образования по специальности «правоведение». Предполагалось, что обучение будет проходить на отделении второго высшего образования. Однако, когда в приемную комиссию поступил диплом негосударственного образца об окончании семинарии, потребовалось заключение Республиканского института высшей школы. В изданном ненормативном документе было указано следующее: «Принимая во внимание положения Лиссабонской конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе 1997 г. РИВШ считает возможным признать данный документ об образовании на территории Республики Беларусь». При этом потребовалось установить соответствие полученного в семинарии образования государственному стандарту Республики Беларусь «теология», путем проведения экспертизы на базе государственного Учреждения образования Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла. Ожидаемо, оказалось, что по циклу гуманитарных и социальных дисциплин соответствие составило 18%, по циклу общенаучных и общепрофессиональных дисциплин 31% и по циклу специальных дисциплин 48%. Иными словами, единственным способом признания, что католический священник является специалистом с высшим уровнем образования, является применение международной конвенции, вдобавок, теологом он является на 48%, то есть немного меньше, чем на половину. Допуская иные мнения, считаем, что это классический *argumentum ad absurdum*.

Представляется, что настоящее, не претендующее на полноту, представление проблемных мест правового положения высших духовных семинарий Римско-католической Церкви позволяет сделать определенные выводы и предложения. Убеждены, что действующий государственный образовательный стандарт «теология» рассчитан на узкое, конфессионально детерминированное применение, не принимающее во внимание плюрализм теологических парадигм, существующих в одном только христианстве. Несомненно, преодолению такого рода ограничений может послужить вовлечение в научно-методическую работу по выработке и усовершенствованию образовательных стандартов в сфере религиозного образования представителей всех зарегистрированных в Республике Беларусь религиозных деноминаций, возможно, под эгидой экспертного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей, или в иных видах сотрудничества. Считаем, что наиболее перспективным и отражающим многообразие действующих в нашем государстве христианских конфессий станет трансформация образовательного стандарта «теология» в «христианскую

теологию» с последующим делением на стандарты «теологии православной», «теологии католической» и т. д.

Надеемся также, что проблема безусловного признания качества образования, предоставляемого высшими духовными семинариями Римско-католической Церкви на уровне высшего образования первой ступени выйдет из сферы международного регулирования и получит четкое, однозначное, рассчитанное на прямое правоприменение закрепление в национальном законодательстве Республики Беларусь.

ВЫСШЕЕ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Д. В. Брилев

Обращаясь к вопросу высшего исламского образования в Украине, следует отметить высокую актуальность данной проблемы для современной украинской уммы и украинского государства. Это связано прежде всего с плюрализмом в исламском сообществе Украины, многообразием интерпретаций ислама, присутствующих во внутриукраинском мусульманском дискурсе. При этом некоторые из существующих в украинском пространстве интерпретаций не допускают сосуществования с альтернативными версиями, что приводит к возникновению конфликтных ситуаций между различными группами мусульман в Украине. А ведь именно система образования формирует и воспроизводит в новых поколениях мусульман те или иные интерпретации ислама, рассматриваемые в определенной локальной группе мусульман как собственно «настоящий» ислам. Будучи направленной на формирование представлений о «правильном» или «правоверном» исламе, система образования в исламе неизбежно оказывается тесно связанной с политическим или шире – социально-политическим контекстом. История развития исламского образования показывает, что с самого начала его институализации ключевой оказывается позиция государства, нуждающегося в интерпретации ислама, совместимой с существующим общественно-политическим строем.

Кроме того, в условиях глобализации информационного пространства и усиления миграционных потоков, приводящих к учащающимся столкновениям между носителями различных интерпретаций ислама (в первую очередь местных, «традиционных» для данной культуры и «импортированных», «нетрадиционных», в том числе – и радикальных, джихадистских), немаловажным оказывается вопрос о взаимоотношениях мусульманского сообщества с немусульманским окружением. Для государств с преобладающим неисламским населением определенный контроль за сферой исламского образования, в первую очередь – за образованием имамов, как проповедников, представляющих ту или иную интерпретацию ислама, – оказывается важной частью государственной религиозной политики.

Ситуация с исламским образованием в Украине (в том числе и высшим) характеризуется децентрализованностью и несогласованностью как образовательных подходов, так и учебных программ медресе, относящихся к

разным духовным центрам, что является отражением общей фрагментации украинской уммы. Так, согласно данным Департамента по делам религий и национальностей Министерства культуры Украины, состоянием на 1 января 2013 г. количество мусульманских организаций составляет 1233 единицы. Основная часть мусульманских организаций действует в Юго-Восточном регионе, в частности в Автономной республике Крым (1007 общин), Херсонской (60) и Донецкой (37) областях, а также в г. Киев (25). Согласно данным Департамента, на начало 2013 г. официально зарегистрированы 6 духовных мусульманских центров: Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК, зарег. в 1992 г.), Духовное управление мусульман Украины (ДУМУ, зарег. в 1993 г.), Независимый духовный центр мусульман Украины (НДЦМУ, зарег. в 1995 г.), Управление независимых мусульманских общин Украины «Киевский муфтият» (зарег. в 2007 г.), Духовное управление мусульман Украины «Умма» (зарег. в 2008 г.) и Духовный центр мусульман Крыма (зарег. в 2010 г.).

Что касается религиозных учебных заведений, то, по данным Департамента, ДУМК зарегистрировано 5 духовных учебных заведений (237 слушателей) и 74 воскресных школы, ДУМУ – 1 духовное учебное заведение (82 слушателя) и 39 воскресных школ, НДЦМУ – 1 духовное учебное заведение (слушатели отсутствуют, так как данное учебное заведение не функционирует) и 13 воскресных школ. Кроме того, как отмечается в информационном отчете Департамента, независимые религиозные организации мусульман, в т. ч. те, что входят в Управление независимых мусульманских общин Украины «Киевский муфтият», Духовное управление мусульман Украины «Умма», Духовный центр мусульман Крыма, а также другие независимые мусульманские религиозные организации, не имеющие духовных центров, зарегистрировали 1 духовное учебное заведение (27 слушателей) и 9 воскресных школ.

Большинство из указанных духовных учебных заведений, по сути, представляют собой скорее коранические школы (мактабы), нежели медресе, и относятся к системе начального и среднего исламского образования.

Что касается ситуации с высшим исламским образованием, то, несмотря на большое количество духовных центров мусульман в Украине, единственным функционирующим исламским университетом является Исламский университет Духовного управления мусульман Украины (ИУ), основанный в 1994 году, президентом которого является председатель ДУМУ шейх Ахмед Тамим.

Университет комбинирует программу среднего учебного заведения, соответствующего второму и третьему (последнему) уровням арабской средней школы для взрослых, и четырехлетний курс, соответствующий уровню бакалавра. В университете действует один факультет – Шари‘ата и основ религии (*Куллиййа аш-шари‘а ва-усуль ад-дин*), на котором готовят специалистов по 5 специальностям: специалист по шари‘ату, специалист по тафсиру и кораническим наукам, специалист по хадису и хадисоведению, специалист по ‘акиды (основам вероучения), специалист по исламскому призыву (да‘авату). Кроме того, существует факультет педагогики и восточной лингвистики, который, однако, в настоящее время не действует.

Программа обучения на факультете Шари‘ата и основ религии рассчитана на четыре года и включает изучение языков (арабского и английского), целого комплекса исламских наук (фикх, тафсир, таджвид, ‘ақыда, таухид, тасаввуф,

ахляк, улюм ал-хадис, улюм ал-Куран и др.) и общеобразовательных дисциплин (философия, психология, религиоведение, социология, основы научно-исследовательской работы, риторика и др.).

Особое внимание уделяется процессу поступления в университет. Абитуриент должен представить рекомендации местных мусульманских деятелей (имам-хатыбов или авторитетных членов мусульманской общины), после чего студент проходит месячный подготовительный курс и сдает вступительные экзамены, по результатам которых он зачисляется на соответствующий уровень обучения. Тем, кто не сдал экзамены, предлагают послужить помощником местного имама, пока они не станут более подготовленными к обучению. Самого высокого уровня обучения смогли достичь единицы, а второй уровень образования для взрослых закончили около 100 студентов. Некоторые студенты сочетают обучение в университете ДУМУ с учебой в светских вузах.

При этом акцент делается на создании системы исламского образования, адаптированного к местным условиям и менталитету, и на воспроизводство кадров для нужд Украины.

Другим высшим исламским учебным заведением, ныне не действующим, был Украинский Исламский Университет (УИУ) в г. Донецке, зарегистрированный 28 июля 1998 г. Государственным комитетом Украины по делам религии, учредителями которого выступили Духовный центр мусульман Украины (НДЦМУ) и Межобластная ассоциация общественных организаций (МАОО) «Арраид». При этом, академический уровень этого учебного заведения соответствовал скорее колледжу. В 2002 г., в результате разногласий, возникших между учредителями университета – Духовным центром мусульман Украины и ассоциацией «Арраид», последняя финансовую поддержку университету прекратила, что и послужило одной из причин его закрытия. По другой версии, причиной закрытия стали финансовые махинации вокруг университета и конфликт между преподавательским составом университета и Донецким отделением Партии мусульман Украины. Как бы то ни было, в 2002 г. МИД Украины отказал большинству иностранных преподавателей УИУ в продлении виз.

Также, по словам председателя Президиума РУНМОУ «Киевский муфтият» К. Хуснутдинова и согласно информации, размещенной на официальном сайте организации, в 2009 г. при РУНМОУ «Киевский муфтият» был зарегистрирован Киевский исламский университет (КИУ). Однако кроме регулярных анонсов открытия данного университета, больше никаких данных о его функционировании нет.

Нельзя не отметить актуальность вопроса о высшем исламском образовании для Крыма. Первостепенная важность открытия исламского университета в Крыму отмечалась еще в 2008 г. в пресс-релизе Духовного управления мусульман Крыма. Спустя год, в мае 2009 г., в ходе Всемирного Конгресса крымских татар заместителем председателя Меджлиса крымско-татарского народа Рефатом Чубаровым была озвучена идея создания исламского университета на базе медресе Зинджирли в Бахчисарае. При этом за основу рассматривается модель турецких высших учебных заведений – факультетов богословия (*илахиййат*).

В начале 1990-х гг. проблему отсутствия высшего исламского образования в Крыму крымские татары решали при помощи зарубежных исламских вузов. Они выезжали для учебы в Турцию, Египет, Саудовскую Аравию, Ливан и другие

страны исламского мира. Наиболее значительными были группы, отправившиеся на учебу в университеты Турции. При этом внешний канал получения исламского образования крымскими татарами был признан руководством ДУМК неэффективным – как на турецком, так и на арабском направлениях, в том числе и по причине боязни того, что молодые люди, получая образование в арабских университетах, могли попасть под влияние различных «радикальных» идей.

Учитывая остроту проблемы, было предпринято несколько попыток создать свое высшее исламское учебное заведение. Первой попыткой стал так и нереализованный проект Исламского института в Симферополе, профинансированный в феврале 2002 г. Исламским Банком Развития. Неудачей закончилась и попытка создать религиозный факультет в Крымском инженерно-педагогическом университете. Таким образом, вплоть до настоящего момента ДУМК не имеет своего университета.

В 2013 г. Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альраид» (бывшая МАОО «Арраид») предприняла попытку вновь вернуться в сферу исламского образования. Нехватку кадров для создания собственного университета «Альраид» компенсировал тем, что пошел по пути открытия представительства (экзаменационного центра) уже действующего с 2010 г. Исламского Онлайн Университета (IOU), где бесплатно можно получить степень Bachelor of Arts in Islamic Studies на английском языке. С начала марта 2013 г. ВАОО «Альраид» является официальным экзаменационным центром этого учебного заведения. При этом проблематичным для украинской уммы может оказаться то, что программа обучения в IOU не учитывает особенностей украинского общества – с одной стороны, а с другой – может служить каналом трансляции специфических форм интерпретации ислама, поскольку основатель данного учебного заведения шейх Биляль Филлипс известен своими тесными контактами с представителями радикальных интерпретаций ислама, в результате чего ему был запрещен въезд в Германию и Австралию.

Подводя краткий итог, хочу отметить, что наиболее жизнеспособной и инкорпорированной в украинские реалии пока что остается модель, представленная Исламским университетом Духовного управления мусульман Украины, имеющим 20-летний опыт работы. При этом конструктивной представляется позиция руководства университета, активно налаживающего связи как со светскими университетами Украины, так и с исламскими университетами в других странах – начиная с тесных контактов с университетом ал-Азхар и исламскими университетами постсоветского пространства.

Можно выделить два основных пути развития высшего исламского образования в Украине: 1) создание самостоятельного учебного заведения (университета) и 2) открытие факультета при светском университете. В настоящее время реализован только первый вариант (Исламский университет ДУМУ), но, несмотря на предыдущие неудачи продолжают попытки воплотить в жизнь и второй вариант. К примеру, по неофициальной информации, в настоящее время активно разрабатывается вариант открытия факультета исламской теологии при Таврическом Национальном университете им. В.И. Вернадского (Симферополь, АР Крым).

Открытым остается вопрос о характере возможных реформ в системе исламского образования в Украине. Не вызывает сомнений, что требования к

современным имамам несколько отличаются от существовавших ранее. Например, уже понятно, что популярность разного рода социальных сетей предполагает для имамов умение работать в них, что требует введения в учебную программу соответствующих предметов. Также не остается без внимания со стороны исламских организаций Украины и такое направление реформирования системы исламского образования, как введение дистанционной формы обучения, которое, однако, требует пристального изучения, особенно в контексте инкорпорации в среду украинских мусульман специфических интерпретаций ислама.

Очевидно, что сфера исламского образования в Украине представляет активно развивающуюся область, в которой происходит столкновение различных образовательных моделей, и, что более важно – различных интерпретаций ислама.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ И ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСТАНА В ДАННОЙ СФЕРЕ

А. Г. Косиченко

Религиозное просвещение и образование является существенным аспектом функционирования религии. Посредством религиозного образования религии воспроизводят свою паству, воспитывают верующих в нравственном отношении, прививают им ценности особого – религиозного свойства. Тем самым религиозное просвещение и образование – необходимый элемент религиозной жизни. Наряду с этим объективным значением религиозного образования для религии, имеет место недооценка его роли даже и самими религиями, тем более светским обществом. Эта недооценка связана с неявным противопоставлением знания, просвещения, познания вообще, с одной стороны, и веры в Бога, с другой. Разрыв веры и знания в истории человечества формировался постепенно и достиг своего апогея в эпоху Просвещения, когда религия стала восприниматься как предрассудок, как рудимент истории, как заблуждение, которое в полной мере будет преодолено поступательным развитием науки и образования. Образование стали связывать целиком и полностью с наукой, а религия ассоциировалась с невежеством, которое исчезнет при расширении образования как такового.

Религия в этом просвещенческом ее понимании была низведена до ее обрядовой стороны, до выполнения не вполне осознанных верующими неких ритуальных действий. Возврат к осознанному религиозному просвещению и образованию был осуществлен относительно недавно – в XIX веке, когда перед теряющей религиозность Европой встала задача (вполне светская, кстати сказать) – наряду с атеистическими мировоззрениями знакомить человека с основами религиозных знаний.

Надо признать, что проблематика религиозного просвещения и образования в светских обществах – одна из самых запутанных тем в религиоведении. То, что религия способна оказать позитивное влияние на общество: повысить нравственность и духовность общества, сделать религиозную толерантность реальным фактором консолидации обществ, понизить уровень вызовов и угроз современности – не подлежит сомнению. Отсюда следует, что преподавать основы религиозных знаний крайне желательно. Но преподавание основ религии в

светских государствах сопряжено со многими проблемами. Сам характер светского государства налагает пределы сфере и формам преподавания основ религии. С одной стороны, светское государство отделяет свое образовательное пространство от религии. С другой стороны, достаточно очевидно, что в какой-то форме основы религии в светских государствах преподавать необходимо – для реализации прав человека в области свободы вероисповедания и для решения задач в сфере национальной безопасности (противостояние радикальным религиозным течениям, религиозно мотивированному экстремизму и терроризму). Даже секулярная Европа ввела (причем, зачастую, в качестве обязательного предмета) преподавание основ религий в школах. В вузах этот курс еще расширен и углублен, что рекомендовано руководящими органами Европейского союза (см., например, ряд рекомендаций, резолюций и постановлений Парламентской Ассамблеи Совета Европы). В Европе совершенно оправданно считают, что знание молодежью основ различных религий воспитывает толерантность в обществе и позволяет формировать атмосферу неприятия терроризма с «религиозным лицом».

На концептуальном уровне вопрос о религиозном образовании в светских государствах решается в контексте светскости как таковой. Светский тип государства предполагает, что государство не вмешивается во внутренние дела религиозных объединений, а религиозные объединения не вмешиваются в дела государства. Однако религия обладает таким статусом и таким содержанием, что вывести ее за скобки общественной, а нередко и государственной жизни практически невозможно. Это можно сделать, только вытеснив религию на периферию и общества и государства, превратив ее в абсолютно частное дело верующего человека, изгнав ее из системы ценностей современного человека и общества.

Можно видеть, что как раз это и происходит сегодня в подавляющем большинстве европейских стран. Современные европейские государства теперь уже даже и не светские, они, скорее, атеистические. Секуляризм и абсолютное господство либеральных ценностей – как данность современной Европы – породили новую форму атеизма, основанную на антихристианских ценностях, сотворили из этих антирелигиозных установок новую идеологию, можно сказать, новую «религию», более жесткую по формам неприятия всего иного, чем все предыдущие религиозные системы. Такова сегодня светскость Европы. Совсем иным статусом обладает религия в постсоветских государствах, в которых в той или иной степени имеет место религиозный ренессанс, и отношение обществ к религии в большей мере соответствует ее сущности. Именно в этом контексте и следует рассматривать проблемы религиозного образования в наших государствах.

Для Республики Казахстан вопрос о преподавании основ религии остается открытым. И преподавать эту дисциплину надо, ибо аргументы Евросоюза верны и для нас, но, вместе с тем, преподавание этого предмета порождает проблемы. Преподавать основы религии надо уже хотя бы потому, что религиозные знания все равно молодежи «привьют»: не государство, так экстремисты и террористы (средства для этого у них имеются). Преподавание же основ религии представляет некоторый вызов уже тем, что чем более обширными становятся религиозные познания, тем больше вопросов возникает у молодежи, и зачастую не получая должных ответов, молодежь нередко идет за ответами к лидерам и проповедникам нетрадиционных течений. Вопрос преподавания основ, например, ислама

упирается в проблему квалификации имамов – получается, что прежде, чем учить молодежь, надо повысить уровень образования имамов, причем образовать их до такого уровня, чтобы они могли побеждать в дискуссиях с теми же салафитами.

Другая проблема – не менее сложная в решении – как совместить светский характер Казахстана с достаточно широким преподаванием основ религий (например, в школах)? Ведь статья 3, пункт 4 Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» гласит: «Система образования и воспитания в Республике Казахстан, за исключением духовных (религиозных) организаций образования, отделена от религии и религиозных объединений и носит светский характер». Данный вопрос нуждается в глубокой проработке.

Еще одна проблема преподавания основ религиозных знаний – педагоги. Кто должен преподавать это курс? Светские педагоги? Но их нет. Педагогов, способных читать такой курс, можно пересчитать, как говорят, на пальцах одной руки. Как готовить таких педагогов? Попытки подготовить учителей курса «Религиоведение» (этот предмет преподается в средних школах Казахстана) из историков, литераторов и т. п. не дали желаемых результатов: для подготовки тренеров для педагогов, а затем и собственно педагогов нет времени, нет светских специалистов, да и предмет религии далеко не прост.

Но, могут сказать, надо, чтобы основы религиозных знаний преподавали представители той или иной религии, ее священнослужители. И вновь возникает двусмысленная ситуация: в светском государстве в государственных учебных заведениях основы религий преподают священнослужители. Какое же это светское государство? Да и потом, школ в Казахстане на несколько порядков больше, чем священнослужителей.

Не решают задачи и имеющиеся в Казахстане конфессиональные высшие учебные заведения, училища, церковные школы, медресе при мечетях и т. д. Безусловно, определенное религиозное воспитание и образование эти учреждения дают. Но дают его довольно узкому кругу людей – молодежи, в основном будущим служителям культа (в Казахстане ряд конфессий, имеют высшие и средние учебные заведения, например, Республиканский исламский институт повышения квалификации имамов, Казахско-египетский исламский университет «Нур», Алматинская духовная семинария, медресе, училища и т. д.) Для того же, чтобы достичь средствами религиозного образования целей толерантности и противостояния экстремизму на уровне всего общества, это образование должно быть достаточно широким.

А кто преподает основы религиозных знаний в Европе? Специально обученные педагоги (учат их несколько лет). И каков результат? Молодежь не знает основ религии: и своей и чужой. Толерантности особой тоже нет – как мы видим, благодаря репортажам с мест столкновений по религиозному признаку. Европа все же не до конца последовательна в преподавании основ религии: при всех хороших правовых условиях в Европе (в угоду секуляризму и ложно понятой толерантности) религия считается элементом гражданского общества, что достаточно абсурдно, и строго говоря, не позволяет вести адекватное преподавание основ религий.

Весь этот спектр проблем следует иметь в виду, обсуждая вопрос о преподавании основ религиозных знаний в странах постсоветского пространства.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТСКИХ ШКОЛАХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Т. И. Баталко, Т. Я. Виноградова

К сожалению, религия как феномен индивидуальной и общественной жизни, область духовной и материальной культуры в течение многих десятилетий была исключена из содержания общего образования.

Ныне в общественном сознании произошла переоценка роли религии в истории страны, культуре, духовно-нравственном развитии человека и общества. Пережитый нашим народом опыт XX века показал, что насильственное изъятие религиозно-культурного наследия нарушает функционирование духовной сферы жизни общества, ведет к ее застою и обеднению.

Представление о необходимости включения знаний о религии в содержание обучения и воспитания светской школы разделяют многие ученые, работники образования, как в нашей стране, так и у соседей – россиян. К сожалению, который раз учителя-практики оказываются без серьезной поддержки педагогической науки, позволяющей в ежедневной учебной и воспитательной работе восстанавливать единство и преемственность национальной культуры – сначала в своем педагогическом сознании, затем и в сознании учащихся. В этой связи большой интерес представляет зарубежный опыт изучения религии светской школе. Беларусь ныне активно интегрируется в мировое сообщество, расширяются как официальные политические и культурные связи нашей страны с другими государствами, так и частные контакты граждан.

В настоящее время, особенно с усилившимся демографическим давлением выходцев из стран третьего мира, требующих реализации права на учет их религиозных (мусульманских) традиций, активизируются усилия европейской общественности ученых и государственных чиновников на то, чтобы усилить культуросообразность национального образования. В том числе путем расширения возможностей для изучения в средней школе христианства как традиционной религии для европейского общества.

В Австрии, Швеции и ряде других западноевропейских стран в государственной школе предусмотрена обязанность государства обучать школьников религии, к которой ребенок или его семья принадлежит или выражают предпочтительное отношение. Это предполагает тесную связь задач воспитания гражданина соответствующего государства и формирования личности ребенка в контексте традиционной в данном обществе религиозной культуры.

В Великобритании родители существенно влияют на процессы воспитания детей в школе, что является выражением давно укоренившихся традиций представительной демократии, признаком развитого гражданского общества. Поэтому, если родители учащихся не согласны с такой ролью религии в школьном воспитании, они пользуются правом путем определенной процедуры освободить своих детей от участия в религиозных занятиях. В Великобритании существуют около 4500 государственных школ, в которых общее светское образование дается на религиозной мировоззренческой основе в соответствии с социальным заказом общества. Большинство этих школ контролируют католики или протестанты, такого же статуса ныне добиваются мусульмане. Предусмотрено, что каждая

школа должна пересматривать свой учебный план по религиозному образованию каждые 5 лет, что связано с учетом мнений родителей. Урок религии в общественных школах Германии является обязательным, равноценным другим школьным предметам. Необходимо отметить, что именно германскую модель государственно-религиозных отношений в области образования считают наиболее уравновешенной в отношении различных мировоззрений, религий.

В конституции Германии оговорено, что основными целями учебно-воспитательной школьной деятельности должно быть воспитание в духе послушания Богу, уважения к достоинству человека, выработана готовность к социальной деятельности. Поэтому во всех школах обществоведение является обязательным учебным предметом, а гражданское воспитание – обязательной задачей учителей и администрации. Особое внимание немецкая школа обращает на защиту многообразия мнений, охрану инакомыслия. Уроки религии проводятся отдельно для представителей различных конфессий.

В школах, стоящих вне религии, преподавание религиозного мировоззрения не ведется; они решают стоящие перед ними задачи по воспитанию и обучению на основе учебных курсов по нерелигиозной этике и общему гражданскому воспитанию.

Особое внимание уделяется в Законе школьным учителям религии. В религиозных школах учитель должен быть представителем соответствующей религиозной конфессии. Если же в школе есть более чем 12 учеников, исповедующих иную, чем большинство религию, Закон обязывает принять на работу учителя, который бы исповедовал религию этого ученического меньшинства. Закон требует наличие у преподавателя соответствующего светского педагогического образования, дающего ему право работать в школе.

В США роль государства в процессе религиозного образования и воспитания строго ограничена. Сравнительно недавно было решено, что религиозное обучение на начальном и среднем уровнях в государственных школах нецелесообразно. В соответствии со статьей 5 «Декларации Соединенных Штатов» по ликвидации всех форм дискриминации, основанных на религии или верованиях в государственных школах, запрещается уделять какой-либо религии больше внимания по сравнению с другими. Существенная часть американского общества (около 70% населения США являются граждане англо-саксонского происхождения, являясь преимущественно протестантами разных деноминаций или римо-католиками) не согласна с такой «уравниловкой». Это несогласие стимулирует развитие сети частных школ и отток в них учеников из состоятельной и просто дееспособной части общества, что способствует кризису государственной школы (снижению общего уровня грамотности, качества подготовки педагогических кадров, криминализации государственных школ и др.).

В Израиле существует сеть религиозных школ – как государственных, так и частных, в которых обучаются примерно треть всех учащихся. Существуют учебные заведения (религиозные хедеры), которые отказываются от контроля и поддержки государства. Государственные школы делятся на 2 ветви: общую и религиозную, имеющие отдельные программы, учебные планы, учебные пособия, контингент учителей. В государственных школах введены обязательные учебные предметы: иврит, Тора и Талмуд, в процессе преподавания, которых, учащиеся приобщаются к религиозной традиции талмудического иудаизма. В Израиле, как в

светском государстве, за каждым национально-религиозным меньшинством признается право на создание школ с национальными кадрами учителей, включение в учебный план специальных предметов по истории и культуре данной религиозно-этнической группы.

Таким образом, на приведенных примерах видно, что изучение религии в светской школе может быть сегодня полезно и для белорусской системы обучения и воспитания, конфессионально ориентированных на основе традиционных, значимых в нашем народе, обществе, его истории и культуре знаний.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Б. М. Лепешко

1. Внимание к религиозному компоненту университетского образования традиционно растет в тех случаях, когда ощущается мировоззренческий дискомфорт в обществе, когда привычные (как правило, рационалистические) модели развития не дают того эффекта, который мог бы иметь место. Почему именно к религиозному, а не к какому-либо иному? Да, очевидно, потому, что религия – это все же не сфера «сиюминутного», при всех возможных критических инвективах существует понимание основательности, фундаментальности тех ценностей, которыми оперирует, в частности, христианство. Если, к примеру, мы обратимся к классическим трудам выдающихся деятелей предреволюционной (начала XX века) России, то легко заметим одну закономерность. И Константин Победоносцев, и Константин Леонтьев, и Михаил Катков (охранители, хотя это и очень спорная дефиниция) в качестве первоочередных мер спасения страны обращали свои взоры в первую очередь к сфере образования, к университетам. Да и либералы не оставались в стороне. Владимир Соловьёв, его соратники по «Вестнику Европы» столь же активно твердили о важности расширения религиозного компонента в вузах, школах, правда, относительно содержания этого компонента мнения существенно отличались. Далеко не случайно и в белорусском современном обществе тема, обозначенная для участников конференции, актуальна. Эта актуальность связана не только с обращением «к традиции», ростом влияния христианских ценностей в обществе. Гораздо важнее иное. Все попытки последних 20 лет предложить обществу идею национального масштаба не увенчались успехом и это надо признать без теоретических экивоков. Сложно сказать, в каких формах и с каким содержанием могут быть востребованы в этой связи аксиологические достижения христианского мышления. Но то, что о теме и проблемах говорить надо, сомнений не вызывает.

2. Проблема заключается и в том, что ощущается дефицит кадров, которые могут «потянуть» заявленную проблематику. У нас ведь как: вчера преподавали историю КПСС, сегодня столь же успешно читаем историю Беларуси – какая, в принципе, разница? Разве что в том, что преподаватель знает ровно на одну лекцию больше, чем студент. Боюсь, что если завтра поступит некий «заказ» на чтение курсов, в которых будет превалирующим религиозный компонент, то многие столь же успешно перекавалифицируются в теологов. Столь недопустимая теоретическая всеядность, отчасти, вынужденная, нисколько не решает проблему.

Причём надо признать откровенно: это вопрос не только к вузовским обществоведам. Нуждается в существенном качественном росте и квалификация тех представителей ученого цеха церкви, которые приходят (пока эпизодически) в университетские аудитории. Конечно, когда после известных событий конца прошлого века многое приходилось начинать с нуля, кадры готовились для того, чтобы заполнить вакансии во вновь открывающихся храмах, многое можно было понять и простить. Но, если мы сегодня намерены ставить вопрос о приходе в вузы теологов, священников, то мы четко должно понимать уровень их конкурентоспособности. Для того, чтобы восполнить духовную потребность, студент придет в церковь. Но для курса лекций нужен масштаб, высокая качественная подготовка преподавателей. В качестве высоких образцов такого рода подготовки можно назвать и профессора Вл. Соловьёва (правда, закончившего карьеру после известного выступления в марте 1881 года), и отца Павла Флоренского, выдающегося теоретика («Столп и утверждение истины»), отца Сергия Булгакова, Николая Лосского и многих иных авторов, профессоров. Скажут: так ведь это пик, вершина, апогей. Безусловно, но равняться все же надо на них, а не на бубнящих прописные истины дилетантов. Просто, если такая сверхзадача не будет поставлена, все разговоры о религиозном образовании в университетах останутся досужими разговорами.

3. Но что может быть востребовано в первую очередь в вузах? Эта проблема особенно важна в рамках того навязывания кадрам преподавателей «креативности и прагматизма», о которых не раз приходилось говорить. Скажем, какое «теоретическое богословие» (условно говоря), если стоит задача любыми способами зарабатывать деньги? Какая «апологетика духовного опыта», если кафедра философии обязана заработать «миллион» внебюджетных средств? То есть, надо бы откорректировать акценты. При всей важности пресловутого прагматизма духовный опыт – это нечто иное. Отсюда важность как понимания задач, так и необходимость внесения изменений в курсы преподавания дисциплин, прежде всего, общественных. Если защищаются (и утверждаются) диссертации на соискание степени доктора юридических наук на тему «Христианские основы права» (Р. Папаян), то почему это не может быть предметом разговора на спецсеминарах на юридических факультетах? Курс преподавания философии можно и нужно обогатить не просто обращением (более конкретным и содержательным) к классикам, в том числе христианским. Трудно понять, почему выдающаяся плеяда христианских мыслителей конца 19–начала 20 века так поверхностно преподается в наших вузах? Почему не читаются (насколько известно) спецкурсы по философским взглядам Василия Розанова (пусть ересиарха, но насколько глубокого и талантливого ересиарха)? Почему фактически забыт Дмитрий Мережковский и его труды? Давно ждет вдумчивого читателя и слушателя информация о заседаниях Религиозно-философского общества в России предреволюционной поры, одна из немногих попыток связать воедино как христианскую философскую традицию, так и традицию светскую. Этот список, к сожалению, бесконечен. У нас больше проявляется тяга к постмодернистским изыскам, которые можно и нужно изучать, что тут спорить. Но гораздо важнее изучать свое, выстраданное, рожденное «из нас» и для нас. Кто «ближе» современному студенту – Жиль Делёз с его «Логикой смысла» или Владимир Соловьёв с его «Чтениями о Богочеловечестве»? Скажут: надуманная постановка

проблемы, всех надо изучать. Но на деле получается, что не изучают никого, а, хуже всего, отечественные классики остаются на периферии внимания.

4. Особый разговор – о преподавании исторических курсов, в том числе и курса методологии истории. Надо признать: христианская методология истории вообще за пределами внимания преподавателей. В лучшем случае констатируется, что Августин Блаженный предложил новое понимание истории, исторического процесса и поговорят о важности идей Фомы Аквинского. Но опять же – существует целая отечественная школа выдающихся философов истории, методологов, которые обращались к данной проблематике. Возьмите в этом контексте труды Николая Бердяева, Льва Карсавина, там же кладешь идей, востребованных и сегодня. На мой взгляд, начинать надо именно с методологии истории, существенно расширяя ее мировоззренческий, философско-исторический контекст. Споры продолжают относительно таких «вечных» вопросов, как «история наука или нет», существуют объективные законы движения и развития социума или их нет вовсе, что такое категория «судьба» в истории, как быть с фатумом и т. д. Но все это – вопросы христианской методологии истории, христианской философии истории. Ведь не секрет: возможности «чистой» рациональности во многом исчерпаны, выход ищут, как правило, в постмодернистских эмпириях, не имеющих ничего общего ни с истиной, ни с историографической практикой. Но, может, имеет смысл обратить внимание на то, что «под ногами» и о чем достаточно содержательно говорили классики православной мысли? И вот тогда, когда «ляжет» несколько иное, чем привычное, понимание методологических констант, тогда можно говорить о принципах построения исторического знания не только на основе «факта», не только на базе исключительно эмпирических данных, но и привлечь иной материал, связанный с аксиологией христианства.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И В НАУКЕ

О. В. Шубаро

Интерес к религии наблюдался на всем протяжении человеческой истории, но в качестве научной дисциплины «Религиоведение» сформировалось в середине XIX столетия. Главным критерием обособления религиоведческого знания от иных гуманитарных дисциплин, в рамках которых религия выступала лишь отдельным фрагментом их предметных областей, стал тот факт, что именно религиоведение комплексно, системно и целостно, теоретически и методологически обоснованно исследует религиозный феномен.

После отказа от политики государственного атеизма в 90-х годах XX столетия в Беларуси, как и в других странах постсоветского пространства, произошло кардинальное изменение отношения к религии. Это закономерным образом привело к изменениям в содержании образовательного процесса. Вместо «Основ научного атеизма» – дисциплины, подвергавшей религию критическому анализу и настаивавшей на исторической несостоятельности религии с материалистической точки зрения, в вузах появляется новая учебная дисциплина –

«Религиоведение», целью которой становится беспристрастное, объективное изучение религии как социокультурного феномена.

Таким образом, религиоведение конституировалось и в качестве научной, и в качестве учебной дисциплины. Интерес к религиоведению как к науке и учебной дисциплине свидетельствует о неудовлетворенности современного социума господствующей картиной мира. Действительно, современное мировоззрение, начиная с эпохи Нового времени, формировалось на основе рационализма, материализма. Как следствие, преобладание в современном мировоззрении потребительских интересов, равнодушие к духовному миру человека, к его судьбе, собственно человеческим потребностям. Обращение к изучению религии в рамках академического курса религиоведения свидетельствует об усилении тенденции движения от секуляризации к восстановлению полноценной духовной жизни; отражает стремление вернуть мировоззрению утраченную целостность и те вечные ценности, без которых полноценное бытие как отдельного человека, так общества, невозможно.

Однако в настоящее время религиоведение как дисциплина социально-гуманитарного цикла представлена лишь в небольшом количестве вузов Беларуси. Например, в Белорусском государственном университете – классическом учебном заведении – общий курс религиоведения и спецкурсы по этому предмету представлены всего на четырех факультетах. Перспективы чтения данного курса в вузе определяются недавним решением Министерства образования Республики Беларусь, разработавшего новые государственные образовательные стандарты, согласно которым большинство предметов социально-гуманитарного цикла были переведены в категорию «дисциплин по выбору». Среди этих дисциплин оказалось и религиоведение. Статус дисциплины по выбору постепенно привел к вытеснению религиоведения из учебных планов факультетов.

Общеизвестно, что сокращение дисциплин социально-гуманитарного блока снижает общий образовательный и культурный уровень выпускников вузов, будь они представителями естественнонаучного знания или гуманитариями. Порой приходится также сталкиваться с убеждением, что светский характер образования не совместим с изучением религии. При этом забывают, что светское государство – это государство, в котором не существует официальной, государственной религии. В то же время в светском государстве существуют сферы взаимного сотрудничества церковных и государственных организаций.

Принцип светскости государства нельзя понимать как радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, в том числе и из сферы образования. Светский характер государства означает наличие в правовой системе и реализуемого на практике принципа разделения полномочий и функций органов государственной власти и структур религиозных организаций. Светскость государства отнюдь не предполагает его антирелигиозную сущность.

Следует также различать религиоведческое и религиозное образование. Первое изучает религию как социокультурный феномен; как мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее им поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в сверхъестественное; набор символических форм и действий, которые соотносят человека с конечными условиями существования. Разработка содержания религиоведческого образования и его реализация не связаны с религиозными организациями. Религиозное образование,

напротив, осуществляется при участии определенной религиозной организации и на основе установок религиозного мировоззрения. В зависимости от цели и содержания религиозное образование может выступать в виде духовного (профессиональное религиозное образование), катехизического (обучение при храмах, в воскресных школах) и религиозно-культурологического (изучение определенной религиозной традиции в контексте понимания ее конкретной религиозной организацией). Таким образом, религиоведческое (и даже в определенной степени религиозно-культурологическое) образование не противоречит светскому характеру образования, а наоборот, повышает уровень общей гуманитарной подготовки студентов, способствует овладению навыками мировоззренческого диалога, межкультурного общения в полиэтническом обществе, содействует осмыслению понятий свободы совести, религиозной терпимости, свободы вероисповеданий.

С проблемой статуса религиоведения как учебной дисциплины тесно связана и проблема научного статуса религиоведческого знания. Среди ученого сообщества нет единого мнения относительно данной проблемы: кто-то считает религиоведение полноценной наукой, а кто-то отказывает этой дисциплине в таком статусе, придерживаясь мнения о том, что религиоведение – это междисциплинарная наука, не обладающая ни теоретической, ни методологической самостоятельностью. Провозглашая неопределенный статус религиоведения, объявляют, что научное познание религии бессмысленно либо ограничено рамками отдельных наук (истории, антропологии, психологии и др.), поставляющими ему эмпирический материал. В настоящее время эта проблема особенно актуальна, поскольку от ее решения зависит авторитет религиоведения и его статус в качестве автономной науки, а также значение религиоведческого образования в вузе.

Любая наука может считаться полноценной, если она имеет следующие признаки: предмет и объект исследования, установку на получение истинного знания об объекте, системную организацию знания, научную методологию познания, ценностные установки, на основе которых формируется система идеалов и норм научного исследования, наличие понятийно-категориального аппарата.

В этом смысле религиоведение является полноправной автономной наукой, изучающей одно из самых сложных явлений в жизни человека и общества. Религиоведению присущ объективно-предметный характер и наличие необходимого научного инструментария. Наука о религии исследует сущность и смысл религии, закономерности процесса ее возникновения, развития, особенностей функционирования и трансформации, влияния религии на формирование и развитие духовной и материальной культуры. Ограничение познавательных возможностей религиоведения рамками междисциплинарных наук превращает его в некую сумму знаний, не имеющую собственной основы и предмета. Не следует забывать, что одной из предпосылок развития науки о религии стало преодоление проблемы верификации – традиционного представления о принципиальной недоступности религии для рационального объяснения. Напротив, наука рассматривает религию как объективную реальность, доступную для эмпирического исследования и теоретического анализа. В этом смысле научный статус религиоведения подкрепляется основными признаками, которыми характеризуется всякая наука, а именно, предметностью,

объективностью, системной организацией знания, истинностью полученных знаний об объекте, обоснованностью и доказательностью знания, наличием специальной научной терминологии и др.

Таким образом, следует признать, что религиоведение является полноценной, самостоятельной наукой о религии. Это гуманитарная дисциплина, способная оказывать значительное влияние на духовно-нравственную жизнь общества, и в этом смысле наука о религии может и должна стать одной из ведущих гуманитарных дисциплин в системе социально-гуманитарного блока, важнейшим условием гуманизации, гуманитаризации и модернизации высшего образования в современном белорусском обществе. В перспективе религиоведение должно обрести не только статус равноправной гуманитарной науки, но и стать одной из обязательных гуманитарных наук в системе образования.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ИЛЛЮЗИЯМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. М. Дубравина

Задача формирования мировоззрения личности и общества чрезвычайно важна в наше время, которое иногда определяют как эпоху постмодерна. Для него характерно отрицание какой-либо идеологии и единой мировоззренческой позиции, что является благоприятным условием для распространения различного рода манипуляций (в том числе, технологий формирования социальных иллюзий).

Духовный вакуум, порождаемый постмодернизмом, заполняется продукцией СМИ (на сегодня главными продуцентами деструктивных социальных иллюзий). Телевидение и пресса создают образ некоего идеального мира – гламурного, без изъянов, в котором каждый час – праздник, наполненный удовольствиями, где даже катастрофы и гибель людей – разновидность аттракциона. Реклама также пытается заменить идеологию, создавая моду на определенный стиль жизни и поведения.

Все вышеперечисленное упрощает воздействие на массового человека со стороны заинтересованных субъектов, порождает благоприятные условия для манипуляции сознанием людей.

Манипуляция – одна из наиболее обсуждаемых проблем современности. Рост актуальности связанных с нею вопросов пропорционален тем разрушительным последствиям, которые производят манипулятивные технологии в обществе: деструкция принятых моральных норм, трансформация социальных ценностей и идеалов, распространение насилия, культивирование безмерного потребления и пр. Решением данных проблем занимаются специалисты различных областей знания: философии, этики, культурологии, политологии, социологии, психологии и т. д.

Говоря о манипуляции, многие отечественные и зарубежные исследователи понимают под ними «скрытое психологическое воздействие отправителя сообщения на получателя с целью изменения его поведения и намерений» [1, с. 4]. Поскольку получатель часто даже не догадывается о таком воздействии, его

поведение зачастую не совпадает с собственными желаниями.

Однако процесс манипулирования слишком сложен. Он не может быть оценен в рамках дихотомии «хорошо» – «плохо». С точки зрения психолога Р. Гарифуллина, «манипуляция – это искусственный процесс создания субъектом иллюзий об окружающей действительности (или о себе), воспринимаемых как другими субъектами, так и самим производителем иллюзий» [1, с. 4].

Отметим, что иллюзорная составляющая внутренне присуща массовому сознанию всегда. Она выполняет здесь определенные функции: компенсаторную, интеграционную, мобилизационную и другие. Однако позитивность выполняемых социальными иллюзиями функций – это только одно из проявлений данного феномена. Значительное место в нем занимают также негативные, отрицательные начала.

В целом философской наукой социальные иллюзии характеризуются как «система неадекватных представлений общества о себе самом, о своих гражданах, их взаимоотношениях друг с другом, о субъектах других обществ и культур, основанные на фантазиях и верованиях, на завышенных или заниженных оценках собственного статуса и роли в истории. В основе иллюзорных представлений лежит неполная или искаженная, смешанная с вымыслами и фальсификациями, вырванная из контекста информация об исторических фактах и событиях, о реальном современном социально-экономическом и политическом положении общества и тенденциях его развития» [2, с. 663].

Несмотря на то, что феномен манипуляции может быть рассмотрен как амбивалентное явление, особое внимание необходимо обратить на негативную сторону данного понятия. Это связано, в первую очередь, с тем, что в современном обществе, благодаря специализированным технологиям, позволившим максимально увеличить скорость передачи информации, а также расширить масштабы охвата целевой аудитории, коренным образом меняется статус и роль информации. Современный социум становится не только насыщенным информацией и проницаемым для нее, но и зависимым от нее. Поэтому проблема манипуляции в информационном обществе приобретает глобальный масштаб.

В среде интеллектуалов нравственная оценка применения манипулятивных технологий не однозначна. Часть исследователей считает, что манипуляции гуманнее открытого подавления властью инакомыслия, так как они заменяют насилие (Е. А. Доценко) [1, с. 5]. Но большинство авторов с этим мнением не соглашаются, указывая на коварство манипуляции, видя в ней скрытую форму принуждения.

Некоторые исследователи сравнивают манипуляцию общественным сознанием с войной при заведомо неравной расстановке сил «небольшой, хорошо организованной армии чужеземцев против огромного мирного населения, которое к этой войне не готово» [3, с. 53].

Скрытое воздействие на массовое сознание является той невидимой технологией управления общественной жизнью, которая пронизывает сегодня буквально все уровни социального взаимодействия, начиная от политико-правовых и заканчивая межличностными. По сути, человек современного общества формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, созданном масс-медиа.

Проблема манипулятивного воздействия на массовое сознание с целью

формирования определенных иллюзорных образов посредством СМИ является чрезвычайно серьезной еще и потому, что такое влияние может стать опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил. Как показывает практика, социальные иллюзии, целенаправленно созданные и внедряемые с помощью манипулятивных технологий в массовое сознание, сказываются самым пагубным образом на функционировании не только отдельных социальных институтов, систем, но и общества в целом.

В качестве механизма, защищающего от порабощающего влияния манипулятивных технологий, можно предложить метод формирования в массовом сознании своеобразного «иммунитета», позволяющего распознавать манипуляцию и, тем самым, препятствовать формированию нежелательных для общества социальных иллюзий. Основой данного метода может выступить распространение религиозно-этического просвещения, поскольку светское образование, основанное на секуляризованном взгляде на мир, не решает проблемы заполнения духовного вакуума и нравственной ориентации.

Проводить различия между добром и злом, между полезным и бесполезным для себя человеку может помочь лишь врожденное нравственное чувство и религиозная традиция.

Религия как форма общественного сознания оказывает существенное воздействие на отношения людей разных наций, рас и конфессий, на формирование у них национального и общечеловеческого самосознания. Несмотря на очевидные различия в нравственной кодификации отношений у христиан, мусульман и буддистов, в ней представлены некие универсалии, так как в основе культурных ценностей, проповедуемых мировыми религиями, лежат общечеловеческие морально-этические понятия любви, надежды, справедливости и уважения к человеку. Здесь соединяются национальные и наднациональные начала восточной и западной цивилизаций.

Без религиозных норм и ценностей невозможно сформировать полноценное мировоззрение, ответить на фундаментальные вопросы человеческого бытия. Именно религиозная культура способна уберечь человека от кризисов, связанных с принятием деструктивных социальных иллюзий, а затем разочарованием в них.

Религиозные традиции во все времена были важным носителем и генератором общечеловеческих ценностей. Прерывание этой традиции, отсутствие системы ее трансляции от поколения к поколению приводит к тому, что подрастающее поколение приобретает эклектичную систему ценностей. Подобная размытость ценностно-смысловой сферы препятствует выработке устойчивости к манипулятивным технологиям, основанной на распространении в обществе социальных иллюзий. Техногенная цивилизация ускоряет смену традиционных регуляторов. Возникает, по словам Э. Тоффлера, «футурошок» от несовпадения личностных притязаний и массовой культуры, что обусловлено стремительностью жизни» [4, с. 37].

В трудах Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона отмечается, что в постиндустриальный век, в век динамической трансформации аксиосферы роль морально-нравственных факторов существенно возрастает: «страны должны опираться не столько на закон, договор, экономическую целесообразность, сколько на взаимодействие, моральные обязательства, ответственность перед обществом и доверие» [4, с. 37]. Такое ценностно ангажированное отношение к

миру может быть сформировано лишь посредством религиозного образования. Таким образом, можно сделать вывод о том, что только обращение к духовности, осознание необходимости акцентирования внимания на религиозной компоненте образования может способствовать противодействию манипуляциям с помощью деструктивных социальных иллюзий в современном обществе и стать основой для устойчивого прогрессивного развития социума в долгосрочной перспективе.

Литература и источники

1. Сладкова, О. Б. Манипулирование общественным сознанием в информационном обществе // Обсерватория культуры. – 2006. – №6.
2. Багаев, К. Ю. Социальные иллюзии // Современный философский словарь; под общей ред. д. ф. н., профессора В. Е. Кемерова: 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
3. Кара-Мурза, С. Г. Манипулирование сознанием. – М., 2000.
4. Власова, Т. Духовно ориентированная парадигма воспитания в отечественной педагогике // Педагогика. – 2006. – №10.

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

А. А. Исаев

Несмотря на то, что речь пойдет о роли Православной церкви в воспитании подрастающего поколения, начать хотелось бы словами духовного лидера мусульман России Верховного муфтия Председателя ЦДУМ России Шейх-уль-Ислама Талгата Таджуддина, произнесенными им на пресс-конференции 2 октября 2013 года: «Все народы России сейчас переживают период духовно-нравственного возрождения, стремятся сохранить свои традиции, которые мы забыли за 70 лет насаждения государственного атеизма. Подавляющее большинство людей понимает, что без духовности, без нравственности никакой нормальной жизни не может быть. Человек – высшее творение Бога и не хлебом единым он сыт. Несомненно, нужна духовность и культура, а это не просто песни и танцы, это и вера, которая помогала нашим предкам, всем народам нашей единой Отчизны переживать горести и радости, создать за века нашу державу» [1, с. 11].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл глубоко отразил проблему, обозначенную в названии работы, в своих словах, сказанных на собрании духовенства Московской епархии 23 декабря 2009 года: «Мы живем в условиях жесткой конкуренции идей и стремительного распространения системы взглядов, противопоставляющих себя христианству. Наша обязанность – выдержать этот натиск и отстоять право нашего народа на истину... Все вместе мы должны понять, что нравственное воспитание молодежи, обучение жизни по совести – это приоритетное направление современной церковной жизни и нашего взаимодействия с обществом» [2, с. 3–4].

Как и всякое глобальное дело, эта деятельность Русской Православной Церкви должна быть структурирована и систематизирована. Иными словами в ней необходимо выделить наиболее важные направления.

Одним из таких направлений является сотрудничество Русской Православной Церкви с государственными органами в области воспитания и

образования детей и молодежи. Так, 29 декабря 2012 года в Министерстве образования Республики Башкортостан министром образования А. С. Гаязовым и управляющим Уфимской епархией митрополитом Уфимским и Стерлитамакским Никоном было подписано соглашение о сотрудничестве Министерства образования Республики Башкортостан и Местной православной религиозной организации «Уфимская Митрополия Русской Православной Церкви» (Московский Патриархат). Документ четко оговаривает: «Предметом соглашения является осуществление сотрудничества по воспитанию детей и молодежи в духе высоких моральных ценностей, обмену информацией, взаимодействию в учебно-методических вопросах, анализу и обобщению опыта совместной работы в области духовно-нравственного воспитания, подготовке изменений и поправок в нормы действующего законодательства» [3, с. 6]. В разделе 3 «Цели настоящего соглашения» оговариваются направления сотрудничества, одним из которых является: «Содействие совершенствованию подготовки и переподготовки педагогических кадров в области преподавания модуля "Основы православной культуры" комплексного учебного курса "Основы религиозных культур и светской этики"».

В этой связи необходимо сделать некоторые пояснения. Так, в своей статье «Взаимодействие органов государственной власти и Русской православной церкви в сфере духовно-нравственного воспитания школьников в современной России: правовые аспекты» авторы из Пермского национального исследовательского политехнического университета Д. М. Семенова, А. А. Норина постарались (как они пишут в аннотации статьи) выявить противоречия в существующем законодательстве и процессе введения предмета Основы религиозных культур и светской этики и разработать рекомендации по их устранению [4, с. 167].

Проанализируем эти противоречия. Авторы работы выделяют части 1, 3, 6, 12 ст. 87 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования» Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», реализация которых, по их мнению, может поставить школы в зависимость от религиозных организаций, что противоречит Конституции РФ. Для примера рассмотрим часть 12 данной статьи. В ней говорится, что образовательные организации, а также педагогические работники *могут получать* (выделено мной – *А. И.*) общественную аккредитацию в централизованных религиозных организациях в целях признания уровня деятельности образовательных организаций и педагогических работников отвечающим критериям и требованиям, утвержденным централизованными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями [5]. То есть, как мы видим, закон не обязывает, а рекомендует. Мы согласны с определением понятия «светское образование», которое авторы дают в завершающей, рекомендательной части своей работы [4, с. 171]. Но почему, исходя из данного определения, авторы предлагают исключить из учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» модуль «Основы православной культуры» и подобные ему с заменой их курсом по этике остается непонятным. Ведь данный модуль нельзя отнести к вероучительным предметам, иначе мы отождествим понятия образовательной и миссионерской деятельности, что по сути своей неверно. Поэтому очень важно, чтобы курс ОРКСЭ преподавали светские

учителя. И ничего опасного и противоречащего законодательству в том, что в подготовке и переподготовке данных педагогических кадров примут участие представители традиционных для России религиозных конфессий. В данном случае их нужно воспринимать как профессионалов своего дела, за советом к которым необходимо обращаться, чтобы избежать грубых ошибок в преподавании соответствующих модулей предмета.

Велика и неопределима роль православных организаций в распространении духовно-нравственных ценностей. Примером деятельности подобных организаций для подрастающего поколения явился новый педагогический проект, стартовавший в Уфимской епархии в октябре 2013 года. В некоторых из уфимских храмов появились приходские подростковые отряды, сформированные по системе Братства Православных следопытов. Каждый из них имеет свое название, символику и лидера из старших ребят. Священник Димитрий Медведев, директор воскресной школы при соборе Рождества Богородицы, рассказавший в статье «Дружба следопытов началась с настоящего приключения» о выезде ребят в Аскинскую пещеру, завершил свое повествование следующими словами, отражающими важность и необходимость данной работы: «Подобные мероприятия должны иметь систематический характер. Занятия в воскресной школе, конечно, нужны, но рассказанная библейская история о сотворении мира возле костра, посреди гор, думается, будет иметь больший эффект. В таких походах без взаимовыручки не обойтись, а что же еще воспитывает отзывчивых людей?» [1, с. 6]. Другим примером таких организаций являются Православные военно-патриотические клубы. При Свято-Пантелеимоновском храме г. Уфы с 2002 года действует клуб «Александр Невский», возглавляемый настоятелем храма протоиереем Виктором Ивановым. Сами организаторы этого объединения о его задаче говорят так: «Дать подросткам нравственные и духовные ориентиры на основе Православной веры; привить любовь и верность своему Отечеству, изучая его героическое прошлое и настоящее; воспитать готовность и умение защитить свою Родину и ее святыни, подготовить ребят к армии» [6, с. 13].

Завершая краткий обзор данной проблематики, отметим следующее. Деятельность по духовно-нравственному воспитанию молодого поколения современного российского общества – работа не тезисная, не мимолетная. Она кропотлива и многогранна. Но всегда будем помнить о цели – она благородна!

Литература и источники

1. Уфимские епархиальные ведомости. – 2013. – №10.
2. Уфимские епархиальные ведомости. – 2010. – №3–4.
3. Уфимские епархиальные ведомости. – 2013. – №1.
4. Семенова, Д. М., Норина А. А. Взаимодействие органов государственной власти и Русской православной церкви в сфере духовно-нравственного воспитания школьников в современной России: правовые аспекты // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр. – 2013. – № 11.5 (47) (Проблемы науки и образования). – С. 167–172.
5. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.02.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=158429>. – Дата доступа: 01.06.2014.
6. С днем рождения, школа! // Уфимские епархиальные ведомости. – 2012. – №13.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НА БАЗЕ ПРИХОДСКИХ ХРАМОВ

И. А. Шебанова

«Бытие определяет сознание», – утверждал всем известный классик марксизма. Можно не соглашаться с этим утверждением полностью, так как в нем нивелирована духовная составляющая, но нельзя не заметить, что с изменением бытийных, а в настоящее время технических условий, каждое предыдущее поколение отмечает новые черты нового поколения. Какие условия современного мира более доминируют, влияя на изменения в менталитете молодежи, трудно определить однозначно и полностью, но можно перечислить наиболее существенные воздействующие факторы: всесильная глобализация пространства, тотальная информатизация социальных сфер, постмодернизм культуры.

В результате формируется новый образ реальности, обусловленный научно-техническими достижениями и масс-медийными технологиями, который детерминирует постмодернистское мышление, все чаще призывающее к отказу от классического философского мышления с его традиционными категориями. Сформировалась новая виртуальная реальность, гиперреальность, которая сейчас реальнее самой реальности, поскольку мы живем и действуем в ней.

Студенты – это, безусловно, лучшие представители современного молодого поколения. Но это и продукт времени, когда все чаще пришедшие учиться, проявляют равнодушие к учебе и не выказывают особого интереса ни к математике, ни к естественным, ни к гуманитарным наукам. Личное мнение и потребительский интерес теперь гораздо сильнее влияют на формирование ценностной системы и практику повседневных решений, чем ценности традиционные, такие как наука и религия. И здесь явно прослеживается философия постмодерна, что «истина» для каждого своя, что личное мнение и предпочтение выше истины, а личный опыт – выше науки, авторитетов и разума.

Нынешняя молодежь – продукт мира, в котором нет четких ориентиров и фильтров для лавины информации. Потребительский мир с невообразимой ранее силой и возможностями пытается затянуть в свою воронку всех. Традиционным ценностям: науке, образованию и религии – трудно противопоставить ценность аскезы, умственного труда агрессии окруживших молодежь бигбордов, боевиков, игр в виртуальном мире, яркой рекламе и т. д.

Религиоведение в светском учебном заведении является философской дисциплиной, в рамках которой студенты знакомятся с традициями религиозного поведения людей в прошлом и в настоящем. Курс в технических вузах небольшой и предназначен, на первый взгляд, больше для ознакомительной функции, чем для воспитательной или миссионерской. Хотя слово, услышанное с преподавательской кафедры, имеет особый статус и может приобретать не только просветительскую миссию.

Нынешнее поколение студентов, как ему и положено в силу молодости и постмодернистских установок времени, имеет черты бунтарские, цели неопределенные, отношение к религии часто просто индифферентное или обывательско-суеверно-языческое. Очень многие из студентов несут отпечаток мировоззрения растерявших атеизм родителей, которые не смогли определить для

себя новые ориентиры и научить им детей.

Каждое поколение – это отдельная культурная единица. Советская власть даром не проходит, это тяжелый духовный опыт. В настоящее время мы имеем плоды этого периода нашей истории. Целое поколение взрослых людей только начинает пробовать идти в направлении знакомства, а не огульного отрицания религии, поэтому не состоянии научить или наставить своих детей, чувствуя некую безграмотность или беспомощность.

И все же в последнее время прослеживается довольно явная дифференциация студентов на людей, пришедших в вуз с определенным багажом религиозных знаний, которые были получены в приходских школах, общинах, от священников, пасторов или других «заморских» авторитетов, и тех, кто впервые слышит об основах религиозной дисциплины.

Но молодежь всегда направлена на будущее. Любознательность заложена в психике молодых людей. Поэтому автором была осуществлена идея проведения выездных занятий-экскурсий по теме «Православие» в рамках преподавания курса «Религиоведения» на базе местной епархии с участием приходских служителей клира.

Можно укоризненно восклицать, что сейчас в Интернете есть возможность найти ответы на любые вопросы, что храмы открыты для всех, но согласитесь – церковь – это особое место, особый мир. Эту особенность чувствуют даже невоцерковленные взрослые люди, а молодые не знают, как в этом мире себя вести и жить, а в силу своей якобы взрослости спросить боятся.

Согласно учебному расписанию был составлен график проведения занятий в храмах, о чем епархией были уведомлены приходы и назначены служители, ответственные за проведение бесед с ребятами.

В апреле 2013 года было проведено 11 занятий-экскурсий на 3-х факультетах. В октябре 2013 года в 4 группах экономического факультета (в мае 2014 запланированы 3 встречи). В результате проведенных встреч у автора сложилось твердое убеждение, что в православных приходах существует плеяда новых служителей культа, которые обладают не только огромным багажом знаний, но умением и желанием общаться с молодежью разного уровня религиозности.

Студенты – это пестрое сочетание несочетаемого. Здесь много тех, кто уже получил церковное образование в детских приходских школах; есть те, кто впитал церковную традицию поведения от бабушек и дедушек; есть те, кто самостоятельно ищет рациональные ответы на мировоззренческие вопросы. В том числе о справедливости Бога, о справедливости в жизни, о богатстве и нищете населения или священнослужителей и т. д. Ребята не всегда обращаются за ответами по конкретному адресу, а ищут их в Интернете на сомнительных, а чаще просто вредоносных сайтах.

Студенты на экскурсиях-встречах не всегда задавали вопросы, потому что многое для них было новым, необычным, а это требует осмысления. В дальнейшем ими было высказано, что хотелось бы во время встреч получить больше информации и больше организовывать такие встречи. Пойдут ли студенты дальше в храмы сами? Не уверена в масштабности такого поворота, но хочется надеяться на пользу для впервые пришедших хотя бы с зерно.

Каждый студент является представителем вуза. Любой служащий в православной церкви представляет христианство. Конечно, каждому

представителю этих социумов вполне комфортно в собственной нише. Функции системы образования заключаются в социализации молодежи, что включает в себя преемственность культуры, адаптацию, идентификацию личности и формирование актуальных компетенций. Подобные же функции несет и религия.

Точек соприкосновения, общих областей у перечисленных общественных институтов гораздо больше, чем отличий. Чего же не хватает для совместной деятельности? Возможно, диалога между наукой, образованием и церковью? Совместное действие, общение, думается, может дать большой эффект и расширит возможности сотворчества в формировании духовного мира человека.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ МУНИСТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. А. Круподеря

В сфере конфессиональных отношений на постсоветском пространстве одной из выразительных тенденций стало интенсивное распространение религиозных новаций, в том числе новых форм религиозности, известных как «новые религиозные движения», «нетрадиционная религиозность» или «неокульты».

В условиях идеологического кризиса и трансформационных процессов посткоммунистического периода истории стран СНГ, включая Республику Беларусь, разнообразные новые религиозные движения получили благоприятные возможности для развития, а востребованность представляемых ими религиозных идей и практик позволила составить серьезную религиозную альтернативу историческим формам религиозности. «Новые религии» активно включились в конфессиональный процесс, при этом спецификой их деятельности стало интенсивное использование различных форм внекультовой практики: миссионерство, издательская и социальная деятельность, а также попытки внедрения в государственные системы образования, здравоохранения, социальной защиты для оптимизации распространения своих идей и ценностей.

Особую активность в этой области проявили сторонники основанного корейским проповедником Сан Мен Муном религиозно-политического движения, известного с 1997 г. как «Движение Объединения». Оно представляет собой союз десятков миротворческих, культурных, благотворительных, коммерческих и религиозных организаций, являющихся дочерними структурами изначально созданной Муном в 1954 г. «Церкви Объединения». Религиозно-политическое учение Сан Мен Муна представляет собой эклектичное соединение идей христианства, буддизма, конфуцианства и корейского шаманизма, главная идея заключается в объединении народов мира в единое транснациональное сообщество, но под эгидой «Движения Объединения» и построенное на религиозно-догматических принципах семьи Мун.

Особое внимание во внекультовой деятельности «Движения Объединения» уделяется образовательным проектам, как эффективному способу прямого и косвенного распространения религиозно-политических идей и моральных ценностей мунизма. Мунисты с момента своего появления в странах СНГ стали

уделять пристальное внимание реализации воспитательных проектов, направленных на формирование у учащихся религиозного мировоззрения. Кроме того, в дальнейшем образовательные компоненты стали активно включаться в формат волонтерских, миротворческих и культурных программ, реализуемых различными структурами «Движения Объединения».

Первым шагом мунистских миссионеров и высокопоставленных деятелей «Церкви Объединения» стало установление контактов с социальной и политической элитой советских стран. В конце 1980-х–начале 1990-х гг., организовав участие в своих социальных и межконфессиональных программах представителей властных структур, влиятельных общественных организаций и СМИ, пользуясь отношениями, установившимися в ходе визитов высших государственных и даже религиозных деятелей на международные мунистские конференции, эмиссары «Церкви Объединения» обеспечили себе поддержку для деятельности в регионе. На этом фундаменте они приступили к реализации миссионерских проектов на постсоветском пространстве, работая в первую очередь в студенческой и профессорско-преподавательской среде.

Основным инициатором внедрения религиозного компонента в систему образования и координатором работы с педагогическим сообществом в постсоветских странах выступил учрежденный Сан Мен Муном в 1993 г. «Международный фонд образования». Его деятельность сфокусировалась на внедрении в систему общего среднего образования программ религиозно-нравственного воспитания учащихся с целью их религиозной социализации.

Ядром учебно-методических разработок в данном направлении стал курс религиозной этики «Мой мир и я». Этот курс представлял собой учебно-методический комплекс из трех пособий для учителей, учащихся и родителей. Во второй половине 1990-х гг. мунисты активно проводили его презентации учителям, психологам и администрации средних школ, при этом пособие получило положительный отзыв от Минского городского института усовершенствования учителей. По утверждениям членов «Церкви Объединения», они фокусировали свою деятельность «на таких вещах, как разработка курса, который бы учил о христианской нравственности и этике» [1, с. 314]. На деле же разработанные педагогами из мунистского «Международного Фонда Образования» учебные пособия курса «Мой мир и я» (особенно в первом издании) представляли христианство и другие религии в искаженной интерпретации и содержали адаптированные для подростков социально-этические идеи учения Сан Мен Муна. По заключению российского историка Т. Кузнецовой, автора монографии «Мунизм: вероучение, религиозная практика и образ жизни последователей Сан Мен Муна», таким образом подросткам внушались основы идеологии мунизма и симпатии к «Церкви Объединения» [1, с. 325].

Устанавливая контакты и сотрудничая с представителями системы образования, мунисты обеспечивали себе оптимальные возможности для работы с молодежной аудиторией – учащимися и студентами. Первой ее фазой стала организация программ студенческого обмена и участия в «Международных семинарах по лидерству», на деле представлявших собой программы ознакомления с учением Муна. Параллельно проводилась работа в школах по распространению этического курса «Мой мир и я».

Со 2-й половины 1990-х гг. получили развитие идеологическо-

воспитательные программы, пропагандирующие религиозно-нравственный и здоровый образ жизни. Они базировались на циклах лекций для школьников и студентов по тематике «Чистая любовь», «Психология любви», «противостояние наркомании, курению, алкоголизму», и проводились в разнообразных форматах мероприятий, включая молодежные фестивали, марши «Я выбираю жизнь», школьные клубы, беседы и семинары, распространение печатной продукции. В 2000-х гг. акцент в работе с молодежью переносится на волонтерские и миротворческие проекты, организуемые в основном при участии международных мунистских организаций «Федерации за всеобщий мир» (UPF) и «Федерации молодежи за мир во всем мире», и местных общественных объединений. Образовательные программы стали совмещаться с ними и проводиться в формате семинаров-тренингов, молодежных круглых столов и форумов, или в рамках практических волонтерских проектов и сборов молодежных лидеров.

Также мунисты принимали активное участие в региональных и международных конференциях и фестивалях, связанных со сферой образования, здравоохранения, идеологической, воспитательной и социальной работой. Например, три представителя мунистов выступили с докладами на республиканской научно-практической конференции «Социальные проблемы молодежи», проходившей в 1998 г. в Минске, где презентовали программы «Чистая Любовь» и «Психология Любви», получив немало приглашений от учителей минских школ на чтение этих лекций [2, с. 229].

В целом, воспитательные и образовательные проекты мунистов реализовывались по различным направлениям и в различных формах, часто при поддержке органами государственного управления и через прямое взаимодействие с государственной системой образования, что позволяло «Движению Объединения» Сан Мен Муна укрепить свои социальные позиции в странах СНГ. При этом следует обратить внимание, что мунисты стремились распространять свои идеи и ценности, прикрывая их религиозное содержание обществоведческой и этической проблематикой. Концентрируясь на актуальных социальных и духовных проблемах, они пытались привлечь внимание молодежи социально-пропагандистскими мероприятиями и обеспечить ее дальнейшее участие в своих проектах.

Таким образом, система образования, будучи важнейшей социальной сферой, представляет поле повышенного интереса для различных религиозных организаций, в том числе и «деструктивной» направленности, стремящихся к распространению среди молодежи своих идей и ценностей. Предлагаемые ими проекты могут быть маскируемыми под воспитательные программы социальной и этической проблематики, но преследовать целью формирование определенного религиозного мировоззрения. Пример активной деятельности в этой области мунистских организаций требует не забывать о профилактике попыток подобных воздействий.

Литература и источники

1. Кузнецова, Т. Н. Мунизм: Вероучение, религиозная практика и образ жизни последователей Сан Мен Муна. – М., 1999.
2. Мартинович, О. Л. Деятельность «Движения Объединения» в системе образования Республики Беларусь // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном

обществе: Материалы международной научной конференции; под ред. проф. У. Д. Розенфельда. – Гродно, 2003.

РЕЛИГИЯ КАК «МОЛЕКУЛЯРНАЯ» ИДЕОЛОГИЯ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. В. Гринь

Современная эпоха характеризуется чередой кризисов в ряде социальных сфер, что заставило многих исследователей ставить вопрос о кризисе модернистского проекта, «поминках по Просвещению». Обращает на себя внимание деформация идеологического пространства и некий антропологический тупик. И то, и другое актуализирует необходимость некоего религиозного ренессанса, о формах которого мы намерены здесь вести речь.

В плане первого следует отметить, прежде всего, очевидный кризис традиционных идеологий, каждая из которых представляла тот или иной социальный проект. Причем, по мнению современного исследователя идеологии Джона Шварцмантеля, подобный кризис имеет мало общего с концепцией деидеологизации, предложенной в 60-х гг. XX в. (Д. Белл) и получившей своеобразное «второе дыхание» с крушением СССР и контролируемой им социалистической системы (Ф. Фукуяма). Как считает Д.Шварцмантель, можно говорить о снижении авторитета идеологий, подразумевающих целостное видение общества и планы по его преобразованию или коррекции [3]. Такого рода идеологических социальных проектов обычно насчитывается три – либерализм, консерватизм, социализм (И. Валлерстайн, Д. Шварцмантель, Ю. Тамбиянц). Причинами падения авторитета традиционных идеологий, выступающих продуктом модерновской эпохи, указанный автор считает следующие моменты. С одной стороны, углубляющееся расхождение теории и практики – усиливающееся социальное многообразие делает общество все более фрагментарным, а формы общностей, на которые делали ставку те или иные традиционные идеологии (например, класс в социалистическом проекте) подвержены распаду. С другой стороны, в силу большей атомизированности общества приобретают значение «факторы самоопределения личности, начиная от вопросов религии и до широкого протеста против неадекватного оценивания уровня жизни» [3, с. 38].

И, тем не менее, для Д. Шварцмантеля все это отнюдь не свидетельствует об исчезновении идеологий. Наступает эпоха так называемых «молекулярных» идеологий, представляющих собой уже не целостную картину общества, но отдельный его фрагмент, который касается специфических проблем, интересующих данную идеологию [3, с. 19]. В качестве «молекулярных» идеологий указанный ученый называет экологизм, феминизм, антиглобализм.

Что касается антропологического кризиса, то здесь многими авторами отмечается доминирование в современном глобальном социуме «человека-потребителя», смакующего насилие и жестокость, находящем удовольствие в кошунстве над традиционными ценностями и в сознании которого попросту исчезают границы между красивым и уродливым. Корни подобного явления видятся как в экономике, так и в политике. Так, перенасыщенный товарами рынок требовал сбыта, для чего всячески стимулировалось потребительское поведение, в

итоге переросшее в настоящую и всячески подогреваемую потребительскую культуру. При этом, чтобы объект-потребитель вдруг не заскучал, ему предлагаются все более разнообразные удовольствия. «В культуре стало заметным нарастание садомазохизма. Как в книгах, так и в кино эротические сцены становятся все более откровенными и шокирующими, драки – все более реалистичными и жестокими. ...Мораль становится обузой для массового человека, ее место занимает потакание желанием вплоть до патологических» [1, с. 51]. Кроме этого, политическим элитам всегда выгоднее «кутежи» вместо «мятежей», а доминирующий ныне тип человека-потребителя подвержен не только экономической, но и политической манипуляции. Известно, что через рекламу зачастую передаются сообщения идеологического характера (В. Пугачев, В. Мельник).

К сожалению, образование не избежало воздействия названных процессов. По словам Н.Покровского: «Университеты, а равно и школы, уже не рассматриваются в качестве святилищ разума, а профессура и учителя – в качестве священнослужителей. И те, и другие скорее эволюционируют в направлении обслуживающего персонала, предлагающего эффективные продукты, готовые к употреблению» [2, с. 73]. Все это выглядит вполне закономерным, если иметь в виду деформацию социальной морали, что фактически сводит на нет воспитательную функцию образовательных учреждений.

Таким образом, описываемый обществоведами антропологический тупик имеет во многом духовные основания и требует участия институтов, функциями которых выступает производство и трансляция именно духовных ценностей. В этом плане жизненно необходимым представляется реабилитация воспитательной функции образовательных учреждений, прежде всего школ, колледжей, вузов. Это следует делать в рамках более общей цели – реанимации традиционных ценностей и возврате в той или иной форме к христианским принципам мироустройства, христианскому пониманию общества и человека, как настоятельно советуют российские ученые А. Остапенко и Т. Хагуров. Однако подобная задача «требует огромных усилий в области культурной политики, культурного и образовательного творчества. Такой выход из тупика не может быть осуществлен простым призывом «вернуться к истокам». Нужна новая проповедь, нужен новый ликбез, новая идеальная накаленность. Нужна еще политическая воля и жертвенность» [1, с. 52].

Как представляется, религия на данном историческом этапе вряд ли сможет выступить в том качестве, как это было в традиционном обществе. Процесс «расколдовывания мира» (М. Вебер) не повернуть вспять, что особенно справедливо для западного социума. Но религия может и должна сыграть роль своеобразной молекулярной идеологии в системе современных образовательных институтов. Содержащееся практически в любой религии «доброе, вечное» должно получить шанс вдохнуть новую жизнь в воспитательные функции образования и сделать молодое поколение менее восприимчивым к потребительской культуре, что в перспективе может стать разрешением антропологического кризиса.

Однако успешного внедрения религии в качестве «молекулярной» идеологии в сферу современного образования можно добиться при учете современных реалий. В связи с этим предлагаются следующие соображения.

Во-первых, целесообразно включить в образовательный процесс ряд дисциплин, знакомящих учащихся с основами христианской религии и христианской культуры. При этом с одной стороны, эти дисциплины не должны иметь жесткий навязывающий характер (как «Закон Божий» в дореволюционных школах), но, с другой стороны, необходим их регулярный характер (не менее 2–3 раз в неделю).

Во-вторых, в связи с логикой глобализации усиливаются миграционные процессы, что ведет к частым контактам с представителями других религиозных конфессий. В подобных условиях толерантность становится жизненной необходимостью. Для воспитания религиозной терпимости имеет смысл знакомить учащихся с основами других религий, для чего целесообразно ввести дисциплину соответствующего назначения. Например, «Религии народов мира».

В-третьих, возможно следует предпринять шаги по модернизации методов транслирования религиозных положений и принципов. В нынешней ситуации информационной перенасыщенности традиционной проповеди становится явно недостаточно, она попросту теряется в информационном шуме других многочисленных источников. В этом плане рекомендуется использовать (что частично Церковь уже делает) технические средства, имеющие массовое распространение – изготовление CD-дисков соответствующего содержания, формирование интернет-сайтов, снятие сериалов на соответствующую тематику.

Литература и источники

1. Остапенко, А. А., Хагуров, Т. А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Монография. – Краснодар, 2012.
2. Покровский, Н. Е. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин // Социологические исследования. – 2005. – №10.
3. Шварцмантель, Д. Идеология и политика – Харьков, 2009.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ МОДУЛЯ «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Т. А. Становская

Изучение православной культуры в современной российской школе стало возможным относительно недавно. Первые попытки были предприняты в 2006 году. Так, в некоторых регионах Российской Федерации изучение Основ православной культуры (ОПК) действовало в рамках регионального образовательного компонента. В декабре 2010 года Министерство образования и науки Российской Федерации утвердило предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в составе федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования [2], который вводился в обязательную программу школьного обучения постепенно: сначала в качестве эксперимента (в 19 регионах России), а после удачной его реализации в качестве обязательного предмета – с 1 сентября 2012 года. Позднее данный предмет был переименован в курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКиСЭ),

в рамках которого действует шесть учебных модулей по выбору, в том числе ОПК.

Однако, обратившись к историко-педагогическому аспекту изучения православной культуры в школе, мы увидим, что дисциплина эта весьма не новая. На протяжении многих веков, начиная со времен Крещения Руси, религиозно-православная культура была неразрывно связано с обучением, образованием и воспитанием. Более того, на некоторых этапах российской истории ее изучение являлось неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса в школе. На наш взгляд, наиболее ярко это было выражено в период дореволюционной России.

Именно поэтому задачей нашего исследования стало изучение историко-педагогического опыта дореволюционной России в преподавании вероучительных дисциплин с целью его анализа и осмысления.

Для изучения историко-педагогического наследия дореволюционной России нами были рассмотрены учебники и учебно-методические пособия по изучению и преподаванию Закона Божия в конце XIX–начале XX вв. Именно этим учебным предметом в дореволюционной школе было представлено изучение православной культуры.

Исходя из анализа данных пособий, нами были выделены некоторые критерии и особенности методик этих авторов, по которым в дальнейшем возможно было бы провести исторические параллели с целью выявления исторической преемственности изучения православной культуры в дореволюционной и современной школе:

1. Способы изложения учебного материала.
2. Методы, используемые в ходе преподавания.
3. Нравственно-ориентированная составляющая урока.

Рассмотрим каждый из указанных критериев подробнее.

Вопрос о способах изложения учебного материала среди законоучителей того времени был весьма обсуждаемым, поскольку от того, как построить учебный материал, зависело его усвоение. Традиционно выделялось три способа:

1). Поступательный способ подразумевал изложение программы курса Закона Божия в последовательном порядке, начиная с изучения Священной истории в естественной последовательности, с Ветхого Завета [1].

2). Совместный способ заключался в одновременном изучении всех разделов Закона Божия (4 раздела: Священная библейская история, катехизис, учение о богослужении, изучение молитв) сообразно их взаимной связи по содержанию. Другими словами, за основной предмет принималась священная история или катехизис, за одним из этих предметов и удерживался свойственный ему порядок изложения учебного материала, а остальные разделы изучались в тематической связи с основным предметом.

3). Концентрический способ состоял в том, что весь учебный материал разбивался на несколько центров или законченных отделов. В первый год обучения учащимся излагались темы первого концентрического отдела в самом кратком виде. В последующие годы обучения изучались те же разделы, но более подробно, с постепенным углублением и расширением изучаемого материала.

В настоящее время изучение учебного материала одним из этих способов не представляется возможным в силу того, что программа Закона Божия в дореволюционной начальной школе была рассчитана на три учебных года; в современной начальной школе на учебный модуль ОПК отводится лишь один

учебный год. Однако, в перспективе наиболее эффективно, на наш взгляд, было бы применение всех трех указанных способов в совокупности.

В качестве основных методов, используемых в процессе изучения Закона Божия применялись: акроаматический (повествовательный) и эротематический (вопросно-ответный) методы.

Акроаматический (повествовательный) метод обучения (от греч. «слушаю») состоял в том, что учитель сообщал учащимся учебный материал в повествовательной форме, последовательном рассказе, а учащиеся усваивали сообщаемое посредством восприятия и слушания. Этот метод считался и считается до сих пор традиционным и необходимым при сообщении таких сведений или знаний, которые не могут быть усвоены никакими наводящими вопросами.

Эротематический или вопросно-ответный метод обучения (от греч. «спрашиваю, исследую») предполагал изучение материала посредством задаваемых вопросов и ответов на поставленные вопросы. В свою очередь он имел несколько особых форм: катехизическую, эвристическую и диалогическую, в которых по своей сути оставался «интерактивный» метод.

Применительно к практике преподавания ОПК в современной школе, конечно, наиболее эффективно будет использование всех указанных методов. Однако, важно понимать, что для использования эротематических методов требуется больше педагогического опыта и мастерства, и кроме того, они более затратные по времени.

Нравственно-ориентированная составляющая урока в практике дореволюционной начальной школы предполагала наличие таковой, по возможности, на каждом уроке Закона Божия. Значение ее весьма велико, особенно в рамках преподавания дисциплин религиозной и культурологической направленности. Это в свое время отмечал священник и законоучитель Е. Ф. Сосунцов. По его мнению, уже начиная с самых первых уроков, законоучитель должен нравственно воздействовать на учеников, поскольку «догматические истины находятся в самой тесной связи с истинами нравственными» [3, с. 8]. В то же время Е. Ф. Сосунцов предостерегал, что «все нравственные выводы, откуда бы они ни делались, должны быть непременно кратки и делаться по возможности самими учащимися при помощи лишь наводящих вопросов со стороны законоучителя. Длинные сентенции, даваемые в готовой форме, скучны для детей, а скука служит вернейшим средством для безуспешности занятий» [3, с. 8].

На наш взгляд, опасения Е. Ф. Сосунцова были весьма оправданы, поскольку проблема организации уроков по православной культуре таким образом, чтобы они были интересными и не скучными, в то же время давали глубокие знания учащимся, стоит и по сей день. Поэтому, изучив дореволюционный опыт законоучителей и опыт современных учителей православной культуры, мы выделили некоторые способы решения проблемы нравственно-ориентированной составляющей урока:

– Частое обращение к опыту ребенка. Обращаясь к собственному опыту ребенка через истины христианской веры, которые близки сердцу, можно объяснить «жизненное их значение», тем самым подводя к нравственному заключению;

– Сами занятия, раскрывающие догматические истины о Боге и свойствах

Божьих способствуют тому, что нравственные выводы «делаются сами собой» и вполне доступны пониманию детей;

– При изучении учебного материала надо особо выделять места, которые имеют непосредственно нравственный смысл. В таком случае станет возможным применить духовные знания в реальной деятельности учеников. Это и станет лучшими нравственными выводами, которые могут сделать дети;

– Моделирование проблемных ситуаций, разрешение которых приведет учащихся к нравственному выводу;

– Интегрированные уроки и использование межпредметной интеграции.

Итак, мы рассмотрели особенности изучения православной культуры в дореволюционной России и постарались провести исторические параллели с изучением православной культуры в современной школе. В результате нашего исследования мы выяснили, что такая связь существует, и опыт дореволюционной России в изучении православной культуры может стать ресурсом в формировании и совершенствовании методической базы для уроков ОПК в современной школе.

Литература и источники

1. Высочайше утвержденные Положения о церковных школах ведомства православного исповедания и об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания. СПб., 1902.
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. N 1897.
3. Сосунцов, Е. Ф. Методические указания и конспекты уроков по Закону Божию: Курс младшего отделения начальной школы. – Казань, 1909.

ИНКОРПОРАЦИЯ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ В СИСТЕМУ СВЕТСКОЙ ШКОЛЫ: К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ

Е. В. Зайцев

Сегодня в обществе достаточно остро обсуждается возможность изучения религии в светской школе. Вопрос этот включает в себя также и обсуждение содержания и методов изучения религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Проблема инкорпорации знаний о религии в систему образования далеко не нова. Сколько существует общество вместе с организованной системой образования, столько существует и проблема взаимодействия образования и религии. Важно подчеркнуть, что религиозная культура, несмотря на процессы секуляризации, происходящие в современном обществе, продолжает занимать значительное место в жизни человека, сохраняя и передавая мощнейший позитивный опыт освоения человеком условий своего бытия.

Потребность в инкорпорации знаний о религии в светскую школу осознается сегодня многими. Школьные педагоги и воспитатели ищут пути использования знания о религии в процессе формирования духовной культуры учащихся, гражданского, экологического, эстетического и патриотического воспитания, выработки уважительного отношения к семье, здоровому образу жизни, культуре межличностного, межэтнического и межрелигиозного общения.

Не секрет, что современная социокультурная ситуация в России характеризуется размыванием традиционных семейных и общественных ценностей, проявлением деструктивных тенденций в подростковой и молодежной среде. Следует отметить и нарастающую напряженность в области межэтнических и межрелигиозных отношений. По данным социологических исследований, проявления религиозной нетерпимости у 16–20-летних россиян значительно выше, чем в старших возрастных группах.

Включение в учебно-воспитательный процесс изучения религии во многом могло бы способствовать развитию нравственных начал личности, этической культуры, воспитанию уважительного отношения к семье, выработке целомудренного и ответственного поведения в области отношений с противоположным полом, воспитанию веротерпимости, уважению прав и свобод соотечественников. Потребность в формировании компетентности учащихся в области знаний о религии налицо.

Как известно, в России на протяжении уже многих веков сосуществуют многие религии, отношения между которыми, хотя и носили в прошлом большей частью лояльный характер, не всегда складывались благополучно. В настоящее время, к сожалению, отмечаются попытки усилить межрелигиозную рознь в обществе, переводя национальные конфликты в религиозную сферу. Эти попытки чрезвычайно опасны, поскольку ведут не просто к угрозе межнациональному согласию, но и к разрушению целостности государства. Одна из основных задач школы заключается в том, чтобы традиции веротерпимости, уважительного отношения к религиозному многообразию закреплялись и воспроизводились в новых поколениях.

Обобщение опыта других стран в этой области позволяет увидеть различные модели изучения религии в светской школе: от модели, подчиненной целям атеистического воспитания, до модели конфессионально ориентированного воспитания на основе вероучения тех религиозных конфессий, которые государство выделяет как традиционные или имеющие историческую и культурную значимость. Где-то посередине между этими двумя моделями находится модель конфессионально нейтрального религиозоведческого информирования учащихся обо всех религиях.

В российском обществе продолжают обсуждаться различные подходы к изучению религии в деятельности светской школы. Безусловно, в этом процессе необходимо учитывать и обобщать опыт, накопленный в других странах, однако всем понятно, что опыт, приобретенный в этой области в той или иной стране, не может быть перенесен механически. Рассматривая те или иные подходы к изучению религии в государственной школе, следует искать такое решение, которое бы способствовало воспитанию толерантного сознания и укреплению гражданского мира и согласия, что возможно при условии учета исторических и культурных особенностей страны и тенденций ее современного развития. К сожалению, в условиях, когда не существует тщательной научной проработки обозначенной проблемы, поспешно принимаемые решения о введении в школьные учебные планы обязательного преподавания моно-конфессиональных дисциплин, на чем настаивают некоторые религиозные организации, чреваты получением негативного воспитательного результата вследствие разделения школьников по признаку отношения к религии в целом.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на те принципы, которыми следует руководствоваться при выработке оптимальной модели инкорпорации религии в систему школьного образования:

1. Принцип уважения мировоззренческого разнообразия в обществе и уважения права личности на мировоззренческое самоопределение. Моноконфессиональное образование вольно или невольно направлено на устранение мировоззренческого разнообразия в обществе, так как выражает социальную потребность в углубленном изучении в светской школе одной религиозной традиции.

2. Принцип добровольности. Никто из родителей или учащихся государственной или муниципальной школы не может принуждаться к изучению конкретной религии в форме отдельного учебного предмета. Учащимся, отказавшимся от его изучения, администрация школы должна предоставить возможность изучать в это время основные учебные дисциплины или дисциплины по выбору, а также заниматься самоподготовкой под контролем учителя.

3. Принцип конфессиональной нейтральности педагога. Это, пожалуй, наиболее трудно реализуемый принцип, тем не менее, преподаватель светской школы, независимо от собственной конфессиональной принадлежности или непринадлежности ни к какой религии, призван дать своим воспитанникам объективные знания в области той или иной религиозной традиции и явить пример подлинного уважительного отношения к иной мировоззренческой позиции.

4. В организации изучения религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях следует руководствоваться требованиями, содержащимися в действующем российском законодательстве, в частности в Конституции РФ, Законе РФ «Об образовании» (ст. 2), а также международных правовых документах, признанных нашим государством. В законодательных актах РФ обозначены следующие принципы государственной политики в области образования:

а) принцип светскости Российского государства и светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Светский характер образования означает, что изучение религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях не должно сопровождаться совершением религиозных обрядов или отправлением религиозного культа. Данный принцип не допускает смешения религиозно-культурологического образования с религиозно-катехизаторским, направленным на целенаправленное приобщение учащихся к определенной религиозной организации.

б) принцип единства федеральной и региональной образовательной политики. Данный принцип означает приведение в соответствие законов, принимаемых на уровне областных и краевых администраций, с действующим федеральным законодательством.

Анализ современной ситуации в сфере введения изучения религии в образовательный процесс современной светской школы свидетельствует о том, что вопрос этот остается еще далеко не проработанным. Требуется более тщательно исследовать теоретические проблемы, связанные с определением места знаний о религии в учебно-воспитательной деятельности светской школы, всесторонне изучить тенденции развития религиозного образования, проанализировать зарубежный опыт освоения знаний о религии в государственной

и муниципальной системах образования и т. д. На основе этого должны быть определены научно обоснованные подходы к интеграции знаний о религии с учебно-воспитательной деятельностью современной школы.

Грамотно организованное и методически обеспеченное изучение в государственной и муниципальной школе различных аспектов религиозной культуры будет способствовать не только расширению культурного кругозора учащихся и обогащению их духовными ценностями, значимыми в отечественной и мировой культуре, но и формированию толерантного отношения к представителям различных этнических и религиозных общностей, укреплению межнациональных и культурных связей. Моно-конфессиональное религиозное образование в условиях национального и религиозно-культурного многообразия общества не способно выполнить этой интегрирующей функции и обеспечить межнациональное согласие.

Симбиоз религиозного сознания и художественной практики в образовательно-воспитательном пространстве

РОЛЯ НАРОДНАГА МАСТАЦТВА І РЭЛІГІЙНАЙ КУЛЬТУРЫ Ў ВЫХАВАННІ МОЛАДЗІ

Э. С. Дубянецкі

Традыцыйная народная культура з’яўляецца асновай гісторыка-культурнай спадчыны кожнага народа і тым своеасаблівым фундаментам, без якога практычна немагчыма ўзвесці будынак высокаразвітага нацыянальнага мастацтва. Таму не будзе перабольшаннем сцвярджаць, што практычна ва ўсіх народаў свету і ва ўсе часы менавіта народная культура “з уласцівымі ёй непасрэднасцю, першароднай чысцінёй, глыбокай маральнасцю, рэгіянальна-варыятыўнай разнастайнасцю ажыўляе розныя віды прафесійнага мастацтва, надае ім непаўторны нацыянальны каларыт” [1, с. 5]. Вышэйназваныя адметныя рысы былі ўласцівы і беларускай народнай культуры, якая амаль заўжды адыгрывала надзвычай істотную ролю ў адукацыйным і выхаваўчым працэсе. Прычым яе адукацыйна-выхаваўчы патэнцыял быў асабліва высокім найперш у мінулыя стагоддзі, калі першасная сацыялізацыя і акультурацыя тагачаснай моладзі праходзіла практычна поўнасцю ў коле традыцыйнага народнага мастацтва. Фактычна тагачасная народная культура была адным з самых важных і найбольш дзейных механізмаў і адначасова сродкаў фарміравання духоўна і фізічна развітай, гарманічнай асобы.

Аднак у другой палове 20–пачатку 21 ст. ранейшыя спрыяльныя ўмовы для развіцця народнага мастацтва відавочныя змяніліся на карысць больш складаных і не надта спрыяльных. У сувязі з працэсамі хуткай урбанізацыі мясцовага насельніцтва, дынамічнага развіцця фабрычнай вытворчасці і пашырэння навукова-тэхнічнага прагрэсу, а таксама паступовым складваннем і распаўсюджаннем папулярнай культуры традыцыйнае народнае мастацтва пачало няўхільна выціскацца ў маргінальную сферу – г. зн. на перыферыю грамадскай свядомасці і штодзённых паводзінаў. У выніку ў сучасны перыяд айчыннае

народнае мастацтва відавочна ўжо не ў стане выконваць, як у мінулым, свае былыя функцыі адукацыі і выхавання падростаючага пакалення. Сёння сітуацыя з народнай культурай яшчэ больш пагаршаецца з-за таго, што практычна ва ўсім цывілізаваным свеце найноўшыя сродкі масавай інфармацыі і камунікацыі (найперш тэлебачанне і Інтэрнэт) галоўным чынам прапагандуюць артэфакты масавай культуры, якая ў значнай ступені страціла свае нацыянальна-адметныя рысы і ператварылася ва ўніфікаваны глабальны маскульт. У такіх умовах народная культура без значнай падтрымкі з боку дзяржавы проста не ў стане паспяхова канкурураваць з агрэсіўнай глабальнай масавай культурай, якая найчасцей шчодро фінансіруецца дзяржаўнымі і недзяржаўнымі ўстановамі розных краін свету, а таксама шматлікімі прадзюсерамі, спонсарамі і інш. Усё гэта зараз не можа не выклікаць занепакоенасці, паколькі “народная творчасць, як і прафесійнае мастацтва, не можа развівацца без апоры на культурную спадчыну, аддаленую ці блізкую” [2, с. 18].

Улічваючы вышэйсказанае, зараз становіцца вельмі актуальнай задача своеасаблівага вяртання народнага мастацтва ў т. зв. “культурны мейнстрым” – г. зн. у сферу павышанай грамадскай запатрабаванасці разнастайных артэфактаў культуры. На наш погляд, у сучасны перыяд найбольш важна было б адраджаць (хай і ў некалькі трансфармаваным) і ўсямерна падтрымліваць такія асноватворныя структурныя элементы народнай культуры, як традыцыйныя святы і абрады. Кожнае народнае свята ўяўляе сабой сінкрэтычны феномен, дзе ў арганічным адзінстве суіснуюць калектыўныя і асабістыя эмоцыі, пачуцці, перажыванні, дзе аб’ядноўваюцца старажытныя і сучасныя ўяўленні, погляды, забабоны і інш. Прычым амаль ва ўсіх найбольш вядомых беларускіх святах і абрадах (напр., Купалле, Каляды, Дзяды, Радаўніца) у той ці іншай ступені адлюстроўваюцца адметныя рысы як старажытнага язычніцкага, так і больш позняга хрысціянскага светаўспрымання. Практычна ўсе народныя святы маюць заўважны выхаваўчы патэнцыял для маладога пакалення, паколькі культывуюць гасціннасць, добразычлівасць, павагу да продкаў, нацэльваюць індывідаў на ўзаемадапамогу, гуманныя адносіны да прыроды і іншых людзей.

Як вядома, у мінулыя стагоддзі айчынная народная культура была досыць шчыльна звязана з рэлігійным жыццём тагачаснага насельніцтва. З тых часоў і аж да пачатку савецкага перыяду практычна ўсе жыхары беларускіх зямель лічылі сябе веруючымі людзьмі, што належалі пераважна да розных хрысціянскіх канфесій (праваслаўя, каталіцтва, пратэстантызму, уніяцтва) і ў меншай ступені да ісламскай, іудзейскай веры. На працягу большай часткі гісторыі рэлігія аказвала надзвычай істотны ўплыў на побыт, паўсядзённыя паводзіны, светаўспрыманне і міжіндывідуальныя адносіны нашых продкаў. Думкі пра надзвычай важную ролю рэлігіі ў жыцці грамадства прытрымліваўся ў свой час выдатны англа-польскі этнолаг Браніслаў Маліноўскі, калі слухна сцвярджаў, што “рэлігійная вера ўсталёўвае, фіксуе і развівае ўсе каштоўныя духоўныя ўстаноўкі, такія, як павага да традыцыі, гармонія з навакольным асяроддзем, смеласць і ўпэўненасць у барацьбе з цяжкасцямі і перад тварам смерці” [3, с. 378].

У гуманітарнай навуцы практычна ўсё, што звязана з веравызнаннем людзей і адпаведнымі яму ўяўленнямі, поглядамі, паўсядзённай дзейнасцю і мастацкай практыкай, прынята называць “рэлігійнай культурай”. У сэнсавым поле апошняй уваходзяць найперш уласцівыя той ці іншай канфесіі традыцыйныя і

новостворанья мастацкія артэфакты (прадметы культу, узоры рэлігійнага выяўленчага мастацтва, творы духоўнай літаратуры, культавай архітэктуры, музыкі і інш.). Менавіта рэлігійная культура больш-менш гарманічна аб'ядноўвае маральна-духоўныя ідэалы, каштоўнасці і з'яўляецца своеасаблівым мастком паміж рознымі ўласна рэлігійнымі і пераважна свецкімі па свайму характару нацыянальнымі культурнымі сістэмамі. І якраз у сэнсе адмысловага культывавання духоўных каштоўнасцей практычна ўсе рэлігійныя традыцыі “змыкаюцца” з найлепшымі ўзорамі народнага і прафесійнага мастацтва. Прычым адной з найбольш важных рыс, якая ўласціва ўсім вышэйназваным відам і ўзроўням культуры, з'яўляецца традыцыйнасць – г. зн. арыентацыя на захаванне і адраджэнне агульнавядомых свецкіх і рэлігійных традыцый. Невыпадкова замежныя даследчыкі-рэлігіязнаўцы падкрэсліваюць, што ў якасці адной са спецыфічных мадэляў паводзінаў і спосабу мыслення людзей рэлігія ўяўляе сабой “традыцыю, якая перадаецца з пакалення ў пакаленне, рухаючыся скрозь час, і адрозніваецца бесперапыннай саматоеснасцю, не губляючы пры гэтым здольнасці да самаабнаўлення і трансфармацыі” [4, с. 15].

На тэрыторыі Беларусі сувязі паміж народнай і рэлігійнай культурамі мелі месца са старадаўніх часоў і найчасцей вызначаліся своеасаблівай узаемнай “падпіткай”, тэндэнцыяй да паглыбленага ўзаемапранікнення. Улічваючы іх выключную важнасць у грамадскім жыцці, гэтыя дзве разнавіднасці культуры як паасобку, так і ва ўзаемадзеянні аказвалі істотнае ўздзеянне на стан і напрамак эвалюцыі ўсёй сістэмы нацыянальнай адукацыі. Прычым апошняя практычна ва ўсе гістарычныя эпохі таксама была ўласціва яўная традыцыйнасць, што ў сукупнасці з вышэйадзначаным традыцыяналізмам народнага і рэлігійнага мастацтваў амаль заўсёды дазваляла падтрымліваць сацыяльную стабільнасць, пэўную гармонію ў міжіндывидуальных і міжгрупавых адносінах, а таксама забяспечваць пераемнасць важнай для канкрэтнага індывіда і ўсяго соцыума інфармацыі. Таму зараз у нашай краіне набывае відавочную актуальнасць задача максімальнага выкарыстання патэнцыяльна вельмі значнага, але пакуль яшчэ далёка не да канца выкарыстанага адукацыйна-асветніцкага і выхаваўчага патэнцыялу як самабытнага народнага мастацтва, так і непаўторнай рэлігійнай культуры.

Літаратура

1. Народная культура Беларусі: Энцыкл. давед. / Пад агул. рэд. В. С. Цітова; Маст. І. І. Бокі, У. М. Жук. – Мінск, 2002.
2. Шаура, Р. Ф. Народнае мастацтва ў кантэксце сучаснага даследавання // Народнае мастацтва: мінулае і сучаснае: матэрыялы Рэспубліканскай навук.-творч. канф. (19–20 мая 1999 г.) / Рэдкал.: Р. Ф. Шаура (адк. рэд.) і інш. – Мінск, 2002.
3. Малиновский, Б. Магия, наука и религия // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М., 1998.
4. Религиозные традиции мира: в двух томах. / Пер. с англ. – М., 1996. – Т. 1.

МАСТАЦКІЯ ТВОРЫ АБ ХРЫСЦІЯНСКІХ СВЯТЫХ

З. У. Драздова

Сярод вялікага мноства праваслаўных кніг, якія прапануюцца сёння вернікам, па-ранейшаму асаблівай папулярнасцю карыстаюцца “Жыцця святых” Дзмітрыя Растоўскага. Як інекалькі стагоддзяў назад, жыццёвая літаратура прыкладам святых вучыць і сучаснага чалавека прыгажосці ў справе, у слове, у думках, заклікае прыблізіцца да ідэалу, які ўвасабляў сабой Гасподзь Ісус Хрыстос.

Новае, XXI стагоддзе, знамянальнае з’яўленнем мастацкіх твораў пра хрысціянскіх святых, у якіх аўтары імкнуцца разгарнуць сціплыя жыццёвыя звесткі ў шырокае эпічнае палатно, паказаць тое, “аб чым маўчыць “Жыццё...”, г. зн. раскрыць глыбіню і канцэнтраванасць духоўнай работы і барацьбы, якая адбывалася ў сэрцы святога, яго ўнутранае патаемнае жыццё. Сярод такіх твораў можна назваць у беларускай літаратуры раман-жыццё Валянціны Коўтун «Пакліканя» [1] аб прападобнай Еўфрасінні Полацкай, у рускай літаратуры – апавесць Аляксея Саланіцына «Земной ангел» [2] аб святой прападобнамучаніцы вялікай княгіне Елізавете Фёдараўне, у сербскай літаратуры – раман Ліляны Хаб’янавіч Джуравіч «Петкана» (Бялград, 2010), які набыў сваё жыццё ў беларускай літаратуры, дзякуючы перакладчыцкай працы Івана Чароты, выйшаў пад назвай «Параскева: крыж у пустыне» [3] у Мінску ў 2012 годзе. Апошні з названых твораў уяўляе сабой мастацкае жыццёапісанне сербскай святой–прападобнай Параскевы-Петкі. Кожны з гэтых трох твораў прадстаўляе ўзор жаночай святасці.

Знаёмства з мастацкімі творамі аб хрысціянскіх святых XIX і XX стагоддзяў наводзіць на роздум, што пісаць атэісту або чалавеку, далёкаму ад Бога, мусіць, не варта, бо ён не мае ў сабе таго, аб чым піша, г. зн. святасці, і таму не здолее годна выйсці з падобнай сітуацыі. Так, нават выдатны французскі пісьменнік Флабер, які любіў падкрэсліваць сваю здольнасць пераўвасабляцца ў сваіх герояў, і які прызнаваўся, што ў яго ёсць нешта ад манаха, што выгляд манаскай расы заўсёды будзіць у ім схаваны дзесь глыбока ў душы аскетызм, не змог у сваёй драме «Спакушэнне святога Антонія» (1849) раскрыць вобраз святога прападобнага Антонія Вялікага, які паклаў пачатак пустэльніцкага падзвіжніцтва (памяць яго ўшаноўваецца і праваслаўнай і каталіцкай царквою). Справядліва пісалі ў свой час крытыкі аб гэтым «творы ўсяго жыцця» Флабера, што яго думка заслонена эрудыцыяй, а рэальныя рысы асобыпустыннажыхара Антонія яму не ўдалося адлюстраваць. Між тым у апавесці «Легенда аб святым Юліане» (1876) Флаберу ўдалося раскрыць псіхалогію хрысціянскага аскета.

Многія творы беларускай літаратуры прысвечаны святой Еўфрасінні Полацкай (гістарычная апавесць В. Іпатавай «Прадслава» (1971), раманы Т. Бондар «Спакуса» (1989), Алеся Асіпенкі «Святых грэшнікі» і г. д.). Аднак у большасці сваёй гэта былі творы, у якіх прападобная Еўфрасіння малявалася ўсяго толькі як знакамітая асветніца. Святасць гераіні, яе гарачая адданасць Богу заставаліся па-за ўвагай аўтараў, заставаліся як бы ў ценю.

Хто яны такія, Святых Божыя? Гэта людзі адначасова звычайныя і незвычайныя, падобныя на нас, бо складаюцца “з плоці і крыві”, і адначасова шмат

чым адрозныя, бо знайшлі ў сабе рашучасць пакінуць усё і пайсці за Хрыстом. Гэта людзі, якія выконваюць волю Айца Нябеснага, знаходзяцца ў пастаяннай сувязі з Ім. Гэта людзі, якія пераадолелі грэх, людзі праведна-правільнага жыцця, малітвы якіх слухае Бог. “Многае можа ўзмоцненая малітва праведнага”, – сказана ў Саборным пасланні святога апостала Іакава (5:14). У гэтым жа пасланні чытаем пра вядомага прарока Божлага Іллю: “Ілля быў чалавек, падобны на нас, і малітваваў памаліўся, каб не было дажджу: і не было дажджу на зямлі тры гады і шэсць месяцаў; І зноў памаліўся: і неба дало дождж, і зямля вырастала плод свой” (5:17, 18). І яшчэ, што таксама важна, гэта людзі, якія маюць дар ацалення, выгнання дэманаў, дар празарлівасці, якія Божай сілай твораць многія цуды.

Названыя раманы і аповесць маюць вялікія мастацкія вартасці і могуць быць названы праваслаўнымі творамі. Аповесць А. Саланіцына “Земной ангел” сам аўтар называе “гісторыяй духоўнага ўзыходжання” святой прападобнамучаніцы вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны, характарызуе яе як твор строга дакументальны, без дапушчэння якіх-небудзь вольнасцей і адхіленняў ад гістарычнай праўды. Ён бачыць сваю задачу як пісьменніка ў разглядзе гістарычнага факту з пункту гледжання духоўнага, псіхалагічнага, у чым ён і знаходзіць адрозненне мастацкага твору ад жыццёвай літаратуры [2, с. 5].

А. Саланіцын разам са сваімі героямі шмат разважае аб загадцы чалавечага існавання, аб Божай задуме пра чалавека. Вялікая княгіня якраз і стала святой, – сцвярджае аўтар усім вобразным ладам аповесці, – што здзейсніла Божую задуму пра сябе. У творы шмат дыялогаў пра старажытных святых, пра лёс Расіі, пра цара Мікалая другога. Елізавета Фёдараўна з’яўляецца адной з нямногіх, хто разумее цара, яго паводзіны, усведамляючы, што ён кіруецца воляй Божай. А гэта многія або не разумеюць зусім або разумеюць няправільна.

Раман-жыццё беларускай пісьменніцы В. Коўтун “Пакліканыя” апавядае пра падарожжа Еўфрасініі да святога горада Іерусаліма з мэтай пакланіцца гробу Госпадаву і ўсім мясцінам святымі там скончыць жыццё сваё. У творы добра апісана духоўная сітуацыя на Беларусі ў пачатку XII ст. Новая вера ў распятага і ўваскрэслага Бога Ісуса Хрыста, якую апантана прыняла ў Полацку манашка-князьёўна Еўфрасінія, сустракае вялікае процістаянне прыхільнікаў старой веры. Гэта процістаянне асабліва абвастралася ў час чумнага мору ў Полацку, калі вялікая колькасць нябожчыкаў прымусіла нагадаць аб ужо амаль забытым зычніцкім капішчы Перуна.

Псіхалагічны аналіз у тым выглядзе і якасці, у якіх ён выступае ў класічных творах, немагчымы ў творах аб святых, у сэрцах якіх дзейнічае Бог. Зразумела, што і партрэт святога, гэта ўжо не партрэт зямнога чалавека, гэта партрэт, упрыгожаны дзеяннем у святым Святога Духа. Малюючы партрэт Еўфрасініі, Коўтун падкрэслівае асаблівасць выразу яе вачэй, у глыбіні якіх стоена адбываўся агонь такой моцы, што нямногія гэты позірк змаглі вытрымаць. Гэты выраз не раз прымусіць прысутных пераглянуцца.

Святая княгіня Елізавета Фёдараўна часта падаецца вачыма вельмі чуйнага да прыгажосці паэта князя Канстанціна, які прысвяціў ёй выдатны верш. Ён любіць будучай святой, яе незвычайным характам, якое не змог перадаць на палатне ні адзін з мастакоў, што браўся за напісанне партрэта. Яго асабліва ўраджаюць сумныя, глыбокія вочы, якія выпраменьваюць святло, ласкавае і чыстае.

Жанр рамана сербскай пісьменніцы Ліляны Хаб'янавіч Джуравіч перакладчык твора Іван Чарота вызначае як “белітрызаваная агіяграфія”. Агіяграфія – гэта апісанне святасці, менавіта на ёй ставіцца акцэнт у мастацкім “жыцці прападобнай Параскевы”, напісаным, як справядліва заўважае перакладчык “з улікам свядомасці людзей XXI стагоддзя [3, с. 169].

Аўтарка “Параскевы...” абірае нязвыкную для твораў пра святых “я” форму, даючы слова не толькі самой святой апякунцы Сербіі, якая жыла ў XI стагоддзі, але і іншым людзям, у тым ліку і вядомай усяму свету святой Марыі Егіпецкай (VI стагоддзе), бацькам і брату “дачкі пустыні”, якія сведчаць пра адрознасць Параскевы ад іншых, пра выключнасць яе паводзін, пра яе цнатлівасць, чысціню і адданасць Богу.

Раман “Параскева: крыж у пустыне”, на наш погляд, з’яўляецца ўзорам таго, як трэба пісаць пра святых.

Кожны з трох разглядваемых намі мастацкіх твораў аб праваслаўных святых жанчынах вучыць чытача культуры чалавечых зносін, аднаму з важнейшых аспектаў рэлігійнай маралі. Звяртае на сябе ўвагу навізна дыялога ў рамане Валянціны Коўтун “Пакліканья”. Манахія Еўфрасіння вельмі ашчадная ў карыстанні словам, не вядзе пустых размоў, з людзьмі мае толькі душавыратавальныя гаворкі, ніколі не асуджае іх, змірэнна папраўляе тых, хто парушае Божыя заповедзі, а калі гэта патрэбна і карысна – уладна павучае. Мудрасць адчуваецца і ва ўменні ігуменні маўчаць. Біблейскія словапаняцці, якія шырока ўвайшлі ў раман сербскай пісьменніцы, добра перадаюць дух XI стагоддзя, характарызуюць духоўную атмасферу, у якой жыла вялікая падзвіжніца Параскева-Петка, што правяла сорак гадоў пакутнага аскетычнага жыцця ў пустыні, святасць яе слоў, думак і памкненняў. І вялікая княгіня Елізавета падае чытачу прыклад дыялогу з рознымі людзьмі. Слова Божае ў яе вуснах – жывое. Яно павучае, суцяшае, лечыць.

Падсумоўваючы сказанае, адзначым, што сапраўдная духоўная літаратура, яшчэ не набыла шырокага распаўсюджвання. Мы маем пакуль што адзінкавыя мастацкія творы, якія не аддаляюць, а прыбліжаюць чытача да Бога, абуджаюць добрыя думкі, помыслы, святых жаданні, паказваюць драматычнае, напружанае духоўнае жыццё. Удача аўтара мастацкага твора пра святых чакае тады, калі сам ён мае вопыт пераадолення страсцей і блізкі па духу святым, пра якіх піша.

Літаратура і крыніцы

1. Коўтун, В. Пакліканья. – Мінск, 2007.
2. Солоницын, А. Земной ангел. – СПб., 2001.
3. Хаб'янавіч Джуравіч, Л. Параскева: крыж у пустыні. / пер. з серб. І. Чарота. – Мінск, 2012.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ФОРМ КАК ОСНОВА САМОБЫТНОСТИ САКРАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА БЕЛАРУСИ

Т. В. Габрусъ

Основным импульсом архитектурного творчества при сохранении самобытности этнической традиции является диалогичность художественных и знаковых форм европейского зодчества, имеющих различную социально-историческую динамику. На протяжении всей истории существования, вплоть до наших дней, оснополагающим фактором формирования самобытных черт белорусского монументального зодчества, являлось порубежное нахождение нашего края на стыке различных социально-политических и культурно-религиозных ареалов, обусловивших здесь постоянное взаимодействие разновекторных художественно-семантических форм, их творческий диалог, противостоящий различным формам социокультурной экспансии.

Расположение белорусских земель и этноса в географическом центре Европы обусловило столкновение здесь исторически выработанных западноевропейских и восточнославянских традиций материальной культуры в целом. Как следствие данного пограничного положения, диффузное взаимопроникновение семантических и эстетических канонов православия и католицизма определило самобытную специфику архитектурно-художественных форм отечественного храмоводательства и их творческих модификаций.

Начало монументального каменного строительства в Древней Руси в XI в., связанное с общегосударственным принятием восточного христианства, стало уникальным явлением в контексте мировой цивилизации, поскольку оно изначально отмечено возведением грандиозных сооружений с высокими техническими и художественными качествами, воплощавшими многовековой опыт архитектуры широкого византийского ареала. В крестово-купольной архитектонике соборов, композиции венчающих масс, количестве и форме куполов образно интерпретированы фундаментальные символы восточного христианства.

Схоластическая доктрина примата веры над разумом легла в основу мощного пласта средневековой культуры Западной и Центральной Европы и, прежде всего, сакральной архитектуры. Воплощая идеалистические догматы церкви, готическое искусство руководствовалось при этом жестким рационализмом и жизненной эмпирикой. Взаимосвязь и активный диалог между раннеготическим искусством, теологией и философией наблюдается на примере выдающихся личностей того времени: регента французского короля аббата Сугерия, апологета «небесного света» в свободном пространстве христианского храма, его идейного противника – цистерцианского святого аскета Бернара Клервосского, а также великого философа Пьера Абеляра, заложившего фундамент «собора идей» – университетов, которые возникли в то же время, что и готические соборы. В результате, главную мотивацию создания выдающейся конструктивной готической структуры собора немецкий искусствовед Э. Пановски определил в роли «божественного света», «метафизики света» ибо «Бог есть свет», что привело к созданию будто парящей в пространстве

«балдахинной системы» сводов и облегченных словно «прозрачных» стен.

Христианизация этнической Литвы в конце XIV в. и распространение католичества на белорусских землях значительно изменила и усложнила палитру архитектурных форм и символов. Волна европейской готики накатила здесь на духовное наследие византизма, что определило специфику художественной культуры и приемы архитектурного формообразования края. Готические формы и конструкции католических костелов оказали определяющее воздействие на эволюцию местного православного храмостроения, в результате чего возник выдающийся в европейском контексте культурный феномен – белорусская православная готика, примером которой являются архитектурные памятники мирового значения: церкви-крепости в деревнях Сынковичи (Зельвенского р-на), Мураванка (Щучинского р-на), Борисоглебская церковь в Новогрудке (все конца XV– начала XVI в.).

С началом Нового времени значительную в творческом архитектурном поиске и формировании самобытности национальной культуры белорусских земель в государственных рамках Великого княжества Литовского и Речи Посполитой снова сыграли реалии общеевропейской истории – мощные процессы реформации, контрреформации, эпоха религиозных войн, создание на линии противостояния православия и католичества униатской (греко-католической) церкви. Эпоха барокко в искусстве всего христианского света припадает конкретно на период формирования наций и национальных государств. В результате этого освоение традиционными национальными культурами многоплановой в философском смысле эстетической концепции стиля барокко привело к созданию целого ряда его разновидностей. Среди них и архитектурно-художественная система белорусского барокко, которая охватывает мощный пласт духовно-материального творчества нашего народа на протяжении двух столетий – с конца XVI по конец XVIII вв. Сакральное зодчество Беларуси этого времени характеризуется художественно-семантической самобытностью, что обусловлено сосуществованием здесь четырех христианских конфессий, чего не было ни в одной другой стране Европы. Взаимодействие их религиозных канонов и художественных традиций содействовало процессу самостоятельной творческой эволюции отечественного храмостроения.

Начало становления эстетики барокко в монументальной архитектуре Беларуси обусловлено реакцией католицизма на реформационное движение. Костел Божьего Тела ордена иезуитов в Несвиже, возведенный в конце XVI в., стал первым образцом стиля барокко на территории Речи Посполитой и первой крестово-купольной базиликой в истории белорусской архитектуры. Дальнейшее становление стиля в первой половине XVII в. характеризуется многовекторностью творческой эволюции. Продолжается возведение храмов готико-ренессансного типа с одной мощной многоярусной башней-вестверком. Встречаются храмы, в основном протестантские, имеющие стилевые черты северного ренессанса. В период раннего барокко постепенно сформировалась композиция барочного храма с двухбашенным фасадом. Во второй половине XVII в. в среде местной шляхты, одержимой духом рыцарства, оказался востребованным суровый стиль сарматского барокко, создавший тип храма с двумя массивными башнями на главном фасаде и пышным лепным оформлением интерьера в технике стукко. Черты барокко своеобразно трансформировались и в более традиционном

деревянном зодчестве. В середине XVIII в. произошли качественные изменения в стилистике сакральной архитектуры. Подчеркнутая суровость и аскетизм архитектурных форм сарматского барокко сменилась пластическим богатством, стремительным вертикализмом позднего белорусского барокко. Эстетика классицизма, в силу своей идейной ориентации на античность, привела к отказу в сакральной архитектуре от башенных доминант. Эпоха романтизма и порожденные ею исторические стили в своих архитектурных формах были обращены преимущественно не к отечественным историческим образцам, а к западноевропейскому культурному наследию.

В контексте текущих интеграционных процессов диалог культур и эпох становится источником современного тезауруса архитектурного формообразования. В современной архитектурной практике храмостроения широко наблюдаются такие проявления диалогичности, как полистилистика, стилизация, эклектика, контекстуальность. В силу уникальных исторических условий в генезисе архитектурных форм белорусского сакрального зодчества можно выявить самые различные художественно-семантические формы и традиции: античные, ветхозаветные, раннехристианские, византийские, древнерусские (различные в контексте российской и белорусской науки), западно- и центральноевропейские (эпох романики, готики, ренессанса, барокко, классицизма, романтизма, историзма, эклектики, модерна), народного деревянного зодчества, которые на современном этапе своеобразно преломляются, сочетаются, интерпретируются, формируя актуальный зодческий язык отечественного храмостроения.

Таким образом, геополитическое расположение Беларуси между Западом и Востоком Европы, на рубеже культурно-религиозных ареалов православия и католичества неоднократно становилось здесь причиной разрушительных войн, радикальных изменений форм государственности и конфессиональных приоритетов, что определенным образом сформировало национальное самосознание белорусов. Созидательное творчество белорусского народа – уникальное и самобытное явление в контексте общеевропейской культуры по причине продуктивного взаимодействия в ней противоположных культурно-художественных влияний и поликонфессиональности общества как его нормального духовного состояния. Сакральное искусство во всех его видах и жанрах, и в первую очередь в архитектуре, стало наиболее ярким выражением народного духа и, возможно, наиболее эффективным средством исторического выживания нации, сохранения ее генетических корней. Его задача – сохранить свою самобытность и в дальнейшем.

Современное понимание творчества как активной созидательной деятельности человека, имеющей сложную интеллектуально-ценностную природу и ориентированной на усовершенствование как внешней среды через открытия и изобретения, так и внутреннего мира, имеет свою историю, причины и перспективы. Именно античный философско-эстетический взгляд на устройство космоса как имманентно-креативный процесс космогенеза предопределил позднейшее переосмысление целей и возможностей человеческого познания и предвосхитил конструктивную природу всего дальнейшего естествознания, заключенную в моделировании механизмов природных явлений. За религиозной символикой и теологической проблематикой средневековья скрывалась упорная

рациональная работа мысли (П. Абеляр, Р. Бэкон, У. Оккам), по сути – утверждение конгениальности человека с Богом-Творцом через познание природы.

ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Е. А. Цымбалюк

Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень
Альберт Эйнштейн

Актуальность заявленной темы определяется духом и буквой массового музыкального воспитания, которое на современном этапе мыслится не как «воспитание музыканта, а прежде всего воспитание человека» (В. А. Сухомлинский). Это воплощается в широкой задаче «ввести учащихся в мир большого музыкального искусства, научить их любить и понимать музыку во всем богатстве ее форм и жанров, иначе говоря, воспитать в учащихся музыкальную культуру как часть всей их духовной культуры» [1, с. 3–4]. Собственно понятие «духовность» предполагает наличие нравственности как категории этической, а также высшей красоты и гармонии как категорий эстетических [2, с. 58]. Причем духовное творчество правомерно разбивается на три основных потока – религию, философию и искусство, которые имеют специфические формы своего воплощения в зависимости от различных сущностных сил человека, его способностей и индивидуального потенциала [3, с. 172].

Однако данная триада в условиях светского общества не равнозначна в своем воздействии на формирующуюся личность. Религиозное воспитание является частным делом конкретной семьи, философия требует развитого концептуального мышления и жизненного опыта. И только искусство и прежде всего музыка как наиболее доступный вид художественного творчества предоставляет безграничные возможности для духовного воспитания личности. Но и здесь уместна оговорка. В полной мере о духовном воспитании средствами музыкального искусства можно говорить лишь в случае использования духовной музыки, в которой «мир воплощается в высоких образах, приподнятых над бытом, и потому требует при восприятии сосредоточенности, умосозерцания, особой культуры восприятия» и если «религиозное искусство все духовно, то светское – нет, это зависит от содержания и от создателя произведения» [4, с. 7]. Примечательно в данном отношении исследование В. Н. Холоповой двух глобальных концепций музыки – мелодической и ритмической. Изначально мелос был характерен для европейской, в том числе славянской музыкальной культуры, ритмическим началом в музыкальном искусстве отличалась Африка и Латинская Америка. В двадцатом веке в ответ на активность и действенность жизни современного человека моторно-эмоциональный план музыки был привнесен и в европейскую музыкальную культуру [5, с. 41–43]. Но если в творчестве И. Стравинского, С. Прокофьева, А. Шнитке ритмическое начало было возведено в ранг высокого искусства, то в огромных пластах популярной музыки и рок-н-

ролла это наблюдается далеко не всегда. В современном социуме музыка воспринимается прежде всего как источник отдыха, физиологической разрядки, выплеска как позитивной, так и негативной энергии, как фон для внемusыкального времяпрепровождения. И в этом смысле общее музыкальное воспитание призвано показать школьникам не только прикладной характер музыкального творчества, но и его высшее, подлинно духовное предназначение.

Философия и методика музыкального искусства накопили богатый опыт подбора и экстраполирования в область педагогической практики музыкальных произведений разных стилей и жанров. Однако использование образцов духовной музыки требует особого внимания и ряда принципиальных установок применительно к школьной аудитории, о которых следует сказать подробнее.

Принцип эмпатийного начала. Эмпатия с позиции психологического знания суть «постижение эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживания другого человека» [6, с. 463], в нашем случае – глубинное постижение авторского замысла, слияние с «лирическим героем» (Б. В. Асафьев) произведения. Предметно реализация данного принципа означает практическое оперирование элементами музыкальной речи произведения – пропевание главной интонации, пластическое интонирование музыки, ее графическое изображение. Именно активное «содействование» духовной музыки может обеспечить ее полноценное восприятие-переживание.

Принцип полиэстетического начала. Данный принцип предполагает опору на разные виды искусства. Как отмечает Е. Г. Яковлев, в историческом плане каждая религия «выбирает» свою систему искусств, которая наиболее полно воспроизводит духовную атмосферу и культовую практику этой религии. В рамках конкретной религии искусство имеет собственные «имманентные законы развития», которые функционируют лишь на базе синтеза искусств [7, с. 4]. В этой связи обращение к отдельному музыкальному произведению духовного толка оправдано лишь тогда, когда понимается художественный контекст его использования в практике церковного богослужения. Единство слова, музыки, зрительного образа привносит в музыкальное занятие ощущение ауры религиозно-эстетической жизни, вне которой постижение музыкального образа не поднимется с утилитарного на эстетический уровень.

Принцип словесного начала, который особенно характерен для православной музыкальной традиции. Протоиерей Д. В. Аллемантов подчеркивал, что «отцы узаконили для церкви употребление только вокальной музыки, руководствуясь при этом возможностью соединения музыки с соответствующим текстом; инструментальную музыку, как имеющую слишком мирской характер и сообразно этому заключающую в себе удовольствие без пользы, строго запретили в богослужебной практике» [8, с. 16–17]. Соответственно знакомство с духовной православной музыкой в школьном воспитании предполагает отношение к ней как к «молитве в форме хорового пения» (Е. Г. Яковлев). Духовная музыка – одно из средств богослужения, богослужение же, как принято говорить, суть «словесная служба Богу». Желательно именно из этих позиций и исходить.

Принцип театрализованного начала. По мнению Е. Г. Яковлева, присутствие в богослужении на основе образной природы слова системы искусств, требует некоего «синтезирующего искусства», которое бы объединяло все другие. В качестве такового автор мыслит театрализованное действо [7, с. 18]. И это в

полной мере соответствует церковным канонам. Молитвословия и священнодействия составляют суть Богослужения. Изображая в лицах и действиях события Священной истории, они назидают верующих в истине христианского учения [9]. Подобную традицию не стоит утрачивать и на уроках музыки. Представляя духовную музыку в контексте богослужебного действия путем использования аудио- и видеофрагментов, рассказа самого учителя, виртуальных экскурсий в храм и т. п., педагог получает шанс сформировать у школьников благоговейное отношение к этому важнейшему пласту музыкальной культуры.

В научно-теоретической и методической литературе приводится достаточно подробный список произведений духовной музыки, рекомендуемых для школьников разных возрастов, делается попытка соотнести содержание данных произведений с тематикой, целями и задачами школьной программы по музыке. Тем не менее, вплетение духовной музыки в контекст светского музыкального воспитания требует усвоения ряда методологических посылок, коими и могут стать обозначенные выше принципы.

Литература и источники

1. Кабалецкий, Д. Б. Основные принципы и методы программы по музыке для общеобразовательной школы // Программа по музыке (с поурочной методической разработкой) для общеобразовательной школы. 1-3 классы. – М., 1980.
2. Турина, Т. Путь обретения духовных идеалов: религиозно-психологический аспект // Магистр. – 1996. – № 2.
3. Нижников, С. А. Духовное познание // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. / Глав. ред. и сост. С. Я. Левит. – СПб., 1998. – Том 1.
4. Кошмина, И. В. Русская духовная музыка: в двух книгах. Книга 1. История. Стили. Жанры. – М., 2001.
5. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства. – СПб., 2000.
6. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1990.
7. Яковлев, Е. Г. Искусство и мировые религии. – М., 1977.
8. Аллемантов, Д. В. Курс истории русского церковного пения: в 2 ч. – М.-Лейпциг, 1911. – Ч. 1.
9. Виды богослужения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.av575.ru/bogosluzhenie-2.html. – Дата доступа: 02.02.2014.

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Сорока-Скиба

*«Музыка, подобно дождю, капля за
каплей просачивается в сердце
и оживляет его»
Р. Роллан*

В первой национальной программе дошкольного образования «Пралеска» задан гуманистический вектор музыкального образования, воспитания и обучения детей [1]. Одними из основных задач гармоничного развития личности ребенка являются приобщение к общечеловеческим и национальным ценностям, развитие

творческого потенциала. На протяжении всего периода раннего детства восприятие – слушание музыки, пение выступают важными средствами развития ребенка. Использование в работе учреждения дошкольного образования произведений искусства, в том числе и музыкального, способствует развитию художественных способностей детей, восстанавливает положительный эмоционально-энергетический тонус, снимает нервно-психические нагрузки.

Дети дошкольного возраста особенно чувствительны к воздействиям окружающей среды. В процессе накопления малышами внешних впечатлений важное значение приобретают те образцы, которые им предоставляет культурная среда, и в этом смысле раннее эстетическое воспитание рассматривается как перспективное направление развития ребенка. Развивающие и терапевтические возможности музыки несомненны. В каком возрасте целесообразно приобщать малышей к серьезной классической музыке? Какие музыкальные произведения найдут отклик в душе ребенка? Какие способы и средства использовать родителям и педагогам для приобщения к духовной культуре? Однозначных ответов на данные вопросы не существует, за исключением одного правила: исходить следует из интересов ребенка, не навязывая культурные образцы, предоставлять малышам возможность выбора.

Трансляция ребенку через пение, чтение стихов, слушание музыки художественного настроения пробуждает сложные эстетические эмоции, которые, будучи запечатленными несознательно, могут в более позднем возрасте проявиться в виде сочинения собственного музыкального или литературного произведения, написания живописного полотна. Воспитатели и музыкальные руководители учреждений дошкольного образования играют первостепенную роль в решении задач формирования гармонично развитой личности ребенка, что актуализирует уровень общекультурной и профессиональной подготовки специалистов.

Музыкально-эстетическая культура педагога – залог формирования эмоционально-ценностного отношения к миру его воспитанников, именно поэтому в систему занятий музыкально-теоретической направленности с учащимися Волковысского педагогического колледжа мной включено знакомство со средневековыми музыкальными рукописями, фактами из истории музыкальной культуры Беларуси и этапами ее развития. Отдельным сегментом работы выделяется ознакомление с видами и жанрами песнопений: церковных, фольклорных, светских. Исторический и музыкальный кругозор будущих воспитателей расширяется благодаря знакомству с жанрами духовных песнопений – кондаком, стихирой, тропарем, антифоном, икосом, аллилуарием, ирмосом, – почерпнутых из белорусских рукописных памятников прошлого [3]. Занимаясь научным исследованием в области музыкальной медиэвистики, в частности, работая над рукописным певческим кодексом Ирмолом квадратной линейной нотации конца XVII века под шифром 11Rк 922к, я обнаружила широкий жанровый спектр песнопений, отражающий всю полноту норм христианской морали. Обладая огромным нравственным и эстетическим потенциалом, некоторые песнопения исследуемого отечественного певческого сборника я использую как дидактический ресурс в образовательном процессе, ведь духовная музыка не исчерпывается сопровождением сугубо церковного богослужения и не ограничивается пространством христианской культуры и ритуала [2].

Учитывая возрастные и психологические особенности детей дошкольного возраста, включение их в пространство духовной музыки предпочтительнее начинать со знакомства с таким явлением, как *монодия*. Монодийные (одноголосные) песнопения оказывают положительное воздействие на дыхание, сердечную деятельность, пищеварение. В ходе проведения в 2013 году мастер-класса «Пути формирования музыкально-эстетической культуры детей дошкольного возраста средствами древнейшей духовной музыки Беларуси» для воспитателей и музыкальных руководителей ДООУ города Волковыска было предложено оценить физическое и эмоционально-психическое состояние до и после прослушивания монодийного песнопения – ирмоса первого гласа первой песни «Столпом огненным и облаком Израиля...». Участниками было отмечено, что дыхание стало более экономным, среди испытываемых эмоций преобладали эмоции покоя, защищенности, элегичности и комфорта. Фрагменты монодийных песнопений можно включать в музыкальные занятия с детьми дошкольного возраста, а для пробуждения эмоций интереса целесообразно сочетать прослушивание музыки с чтением «Сказки про Монодию», которая является авторской разработкой. Воспитатели дошкольных учреждений и музыкальные руководители, таким образом, выступают в роли арттерапевтов, изменяющих при помощи музыкального искусства настроение и мироощущение своих воспитанников.

Большое внимание на музыкальных занятиях в детском саду уделяется развитию детских голосов. А. И. Попов, основатель системы оздоровительного физвокализа, обратил внимание на одну общую закономерность: обладатели сильного голоса, как правило, имеют крепкое здоровье [4]. Подтверждение этому я постоянно нахожу в практике работы с учащимися Волковысского педагогического колледжа. Значит, если голос «ослаб, потускнел и неприятен окружающим», необходимо укреплять, тренировать голосовые мышцы. А. И. Попов определил, что если мышечная координация не оптимизирована, то в голосе появляются «чужие» нотки, вредные для организма ребенка. Взяв на вооружение упражнения по «реабилитации» голосовых связок, улучшению состояния здоровья через произносимые и пропеваемые звуковые сочетания, я предлагаю учащимся комплекс упражнений, направленных на устранение бормотания, координацию дыхания с речью, улучшение артикуляции, устранение монотонности и безжизненности в голосе на основе слов и музыкальных интонаций, взятых из древнейших песнопений. В частности, из приведенного выше ирмоса мы используем первое слово «столпом», которое пропевается от разных ступеней интонационно разнообразно: с первоначальным секундовым ходом, терцовым, а также с речитацией на одном тоне. Это слово (особенно буква «о») позволяет «выстраивать» голосовой аппарат «куполоподобно». К числу полезных упражнений отнесем следующее: во время звучания монодии посредством пластического интонирования «вырастаем – раскрываемся – засыпаем» – движение тела «прослеживает» от начала до конца песнопение [Приложение 3].

Не станем преувеличивать роль подобных тренировок, но можно с полной уверенностью заявить: они стимулируют внутренний потенциал взрослеющих людей, настраивая на позитив. В дальнейшем, данные упражнения будущие воспитатели могут включать в практику работы с детьми, что явится действенным

средством улучшения дикции, снятия мышечного и нервно-психического напряжения, гармонизации личности ребенка.

Интеграция музыки с литературными и фольклорными произведениями реализует задачу развития речи, воображения, памяти и мышления ребенка. В ходе занятий с будущими воспитателями я сочетаю прослушивание музыки, в том числе и духовной, с чтением произведений, соответствующих теме занятия, настроению и музыкальной окрашенности произведения, историческому периоду его создания. Эмоциональный отклик находит поэма «Песнь о Полоцке», являющаяся авторским сочинением [Приложение 2]. Фрагменты данной поэмы в музыкальном сопровождении можно использовать в ходе занятий с детьми дошкольного возраста. Мои наблюдения позволяют укрепиться во мнении необходимости, важности личного вклада в образовательный процесс.

Таким образом, использование в практике деятельности воспитателей и музыкальных руководителей, а также в рамках профессиональной подготовки будущих специалистов высоких образцов духовной музыки содействует более качественному музыкально-эстетическому воспитанию детей дошкольного возраста. Накопленный в период раннего детства опыт общения с произведениями музыкального, изобразительного, литературного искусства становится фундаментом последующего гармоничного развития человека, избирательного отношения к культурным влияниям, формирования эмоционально-ценностного отношения к миру.

Литература и источники

1. Пралеска. Программа дошкольного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/doc56129533_128988942?hash=c5ec6a43bfd873d61d&dl=28aabb49a7217e1962. – Дата доступа: 04.03.14.
2. Ірмалой ноталінейны 11Рк922к.
3. Касцюкавец, Л. П. Беларускі рукапісны ірмалой // 3. Помнікі мастацкай культуры Беларусі. – Мінск, 1989. – № 7.
4. Попов, В. Физвокализ – голос здоровья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fismag.ru/pub/ivanov-10-11.php>. – Дата доступа: 06.03.14.

ВОСТОК КАК ВНЕШНИЙ ИМПУЛЬС СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ЕВРОПЕЙСКОЕ КОМПОЗИТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Т. Г. Мдивани

Устойчивый интерес европейцев к восточным мыслительным концептам, по-видимому, начал оформляться в XVIII веке. Так, у Г. Лейбница есть упоминание о естественной теологии китайцев, о Зороастре, а также сопоставление взглядов европейских и восточных мыслителей*. Примечательны работы «О языке

---

* Движение западной культуры к восточной получило философское осмысление у К. Ясперса. Он считал, что восточная ментальность содержит в себе «нечто такое, что непосредственно касается» нас самих и что «открывает перед нами возможности человека, которые мы не осуществили, и заставляет нас соприкоснуться с подлинными истоками иной человеческой сущности, которой мы не являемся – и все-таки

и мудрости индейцев» Ф. Шлегеля, «Философия религии» и «Философия духа» Г. Гегеля, рассуждения о восточной мифологии у Ф. Шеллинга, о мировоззрении древних индейцев А. Шопенгауэра, о сходстве манер философствования у Ф. Ницше, А. Швейцера, К. Юнга, М. Хайдеггера, а также внимание Ш. Монтескье к «Персидским письмам».

Музыка всегда находилась в тесной связи с мировоззрением и социальными процессами, воплощая и выражая мысли и чувства человека, исторические события, жизнь в целом средствами музыкального языка. Свидетельствами тесной и в определенном смысле непосредственной связи музыки с окружающим миром служат «Гармония мира» П. Хиндемита, «Жизнь за царя» М. Глинки, «Сириус» К. Штокхаузена. Разные по стилю и эстетическому содержанию, они имеют одну общую субстанцию – европейскую музыкальную традицию, основу которого составляет западный рационализм. Сложившись на землях Abendland, он определил главные принципы европейской музыки академической традиции – детерминизм, логицистский тип мышления (причинная связь), экстравертный характер творчества, строгая композиционная упорядоченность, динамическая направленность формы, имеющей начало и конец.

Сформировавшаяся в течение пяти столетий европейская композиторская практика, в современный период представляет собой уникальную художественную систему, главной чертой которой является универсализм: в любом уголке земного шара, где достигнут определенный уровень цивилизации, она оказывает вовлеченной в процесс развития музыкального искусства. Но так было не всегда: изначально академическая музыка европейской традиции развивалась автономно, изолированно, избегая расширения географических границ музыкального восприятия. В итоге в XVIII веке сформировалось композиторское творчество классического уровня, ставшее эталоном и критерием профессионализма. Однако музыкальный изоляционизм просуществовал недолго, и уже в конце XIX – начале XX вв. появляются первые примеры интенций европейских музыкантов к восточной культуре. Восток трактуется европейскими музыкантами как метафора, как обобщенный образ внеевропейского начала, простирающегося от берегов Испании до Японии и охватывающего арабский мир, и, наконец, как оригинальный, неведомый и новый для европейского уха интонационный пласт, привлекающий своей таинственностью. Главным творческим методом композиторов в его обращении к Востоку выступила *par excellence* интерпретация, проявляющая себя в отношении к литературному первоисточнику («Шехерезада» Н. Римского-Корсакова), инструментарию (имитация звучания магелана у К. Дебюсси), жанрам («Симфонический мугам» Ф. Амирова), выразительным средствам (лады с увеличенной секундой, изобретательный ритмический рисунок, и проч.). Характер освоения европейскими композиторами Востока приобретал различные формы, где есть место рецепции, ассимиляции и переосмыслению с определенной долей сохранения европейского начала (А. Субботняя-Де Рой).

потенциально являемся». Западный мир, по Ясперсу, не только ощущает свою полярность к Востоку, но и несет эту полярность в себе самом. Ее суть в рационалистически ориентированном познании, в направленности на реальный мир, что есть «осознанная внутренняя глубина бытия личности», включая вероисповедание, основанное на Библии и т. д. [2, с. 91].

В целом, процесс адаптации восточных традиций в европейском музыкальном искусстве шел *от* впечатлений и образов Востока (XIX в.) *через* преломление стилистических, композиционных и жанровых идиом (XX в.) *к* созданию новой концепции музыки – «востокоизированной» (термин В.Холоповой) музыкальной целостности, демонстрирующей амальгаму европейского и восточного начал, и соответственно – новый стиль музыкального мышления (П. Булез, Д. Кейдж, К. Штокхаузен, Л. Берио). Его характерной особенностью выступили «европеизация» медитативности, опосредованной созерцательным характером восточного мироощущения, и «интуитивного чувства порядка», коренящегося в искусстве восточной импровизации; апологетизация нелинейности, связанной с восточными представлениями о естественности природных рефлексий, колебаний и ритмов (базировались на восточной идее «саморегуляции»); наконец, формирование «новой философии звука» (Л. Кириллина), где художественной интерпретации подвергается сложившаяся в Европе интонационная система и связь элементов музыкальной материи. Центральным моментом, указывающим на новые, неевропейские черты музыкального мышления европейских композиторов, выступила нелинейность, которая символизировала выход индивидуального сознания в мир созерцания и надличностного знания. Тем самым, европейский рационализм, лежащий в основе академической музыки Европы, вошел в соприкосновение с рационализмом неевропейского типа.

На землях *Abendland* процесс «востокоизации» протекал по-разному. Например, Л. Ноно исходил из «новой философии звука», считая, что «тишина столь же музыкальна, сколь и звук, и порою между ними нет точной границы» [3, с. 50]. «Услышать неслышимое» у него означает высшую мудрость, средство приобщения к тайнам мироздания [3, с. 50]. Для Штокхаузена актуальной становится апелляция к «магическому, фантазмагорическому», служащих ему олицетворением восточной ритуальности и восточной концентрации на чем-то одном. Так, художественным смыслом композиции «*Stimmung*» является состояние духа – «настроение», одним из аспектов содержания – магические имена всех времен и народов, особенно восточных, произносимых молитвенно и страстно как заклинание. Музыкальный материал представлен однородной и безконтрастной, внутренне непротиворечивой звуковой средой, который структурируется одним аккордом. В основе формообразования лежит не европейский динамический принцип, направляющий процесс развития к кульминации, а восточный, адинамический, основанный на идее самодвижения и самоорганизации. В целом, сочинение явилось апробированием одного из путей высвобождения творческого разума от тотального европейского детерминизма (в форме серийности) и установления особых структурных взаимосвязей между различными сферами – сферами «акустических вибраций и вибраций космоса, солнечной системы и тоновой, тоновой и молекулярной, атомной систем» [8, с. 53]. В этом синтезе Штокхаузен видел проявление «нового сознания»**,

---

** Штокхаузен давал и такие указания исполнителям: «Вы начинаете осознавать и ощущать различные части черепа, которые вибрируют «при изучении скелета». И далее: «Если бы вы встретили моих певцов, вы бы увидели, насколько они изменились как

соединяющего разные ментальности, типы мышления и сознания в «одно», суммативное целое.

Попытка к созданию «целостной полноты» на основе раскрепощения «неизмеримых» зон сознания (психического) и их гармонизации с «измеримым», осуществлялась и в таком важнейшем звене формообразования, как каденция, «конец» сочинения. На основе пересмотра функции завершающего раздела музыкальной формы – исключительной прерогативы европейской музыки – появилась «открытая форма», или форма *et cetera*. В «безграничности» формы заключалась новая, неевропейская концепция формообразования, согласно которой открытая, нелинейная среда (форма) также содержит в себе определенные организационные послы – интенцию, тяготение, итерацию и самоорганизация. Последнее говорит о принципиальной родственности восточного типа мышления синергетическому, что позволяет рассматривать музыкальную композицию без заключительной каденции и тактовой черты, то есть «без окончания», как самоорганизующуюся, в «режиме бесконечного растекания от центра» [4, с. 103].

Таким образом, сочинения, одухотворенные идеями восточного мистицизма, «открытая форма» и интуитивные музыкальные проекты есть свидетельство тому, что западная музыкальная цивилизация постепенно стала утрачивать идентификационные качества, то есть дошла до своего края, за которым – неизвестность, непонятность. Такой переломный, неопределенный момент будущего развития европейской музыки академической традиции назван в синергетике точкой бифуркации, которая характеризуется принципиальной непредсказуемостью будущего и неопределенностью настоящего. Современный европейский композиторский опыт показывает, что интенции к Востоку пока не приобрели статуса новой музыкальной концепции, и западный рационализм не утратил своей актуальности.

Литература и источники:

1. Житомирский, Д., Леонтьева О., Мяло К. Западный музыкальный авангард после второй мировой войны. – М.: Музыка. 1989.
2. История современной зарубежной философии. – СПб.: Лань, 1997.
3. Кириллина, Л. Луиджи Ноно // XX век. Зарубежная музыка. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 11–57.
4. Князева, Е., Курдюмов С. Основания синергетики. – СПб., 2002.
5. Сороко, Э. Структурная гармония систем. – Минск, 1984.
6. Субботняя (Де Рой), А. Восточные традиции в европейском музыкальном искусстве второй половины XX – начала XXI века. – Витебск, 2011.
7. Холопова, В. Современная музыка Европы // Современная Европа. – 2005. – № 1 – С. 131–144; №2 – С. 126–138.
8. Штокхаузен, К. Из интервью // XX век. Зарубежная музыка. – М., 1995. – Вып. 1. – С. 47–55.

человеческие существа. Они сейчас полностью преобразовались, после того как спели эту вещь более ста раз на Всемирной выставке в Осаке» [1, с. 261].

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ИНИЦИАЦИЯ

А. В. Филиппович

Проблема взаимосвязи образования и обрядов инициации достаточно давно привлекает внимание исследователей. В работах крупнейшего представителя сравнительного религиоведения Мирчи Элиаде исследуются многообразные аспекты инициации, включая ее влияние на формы познания и образования. Элиаде убедительно показал, что малопонятные для современного человека архаичные религиозные ритуалы в действительности представляют собой центральное звено передачи знания в традиционных культурах: «Через инициацию человек познает истинную теофанию, миф о происхождении племени, свод моральных и социальных законов, одним словом, свое место в Космосе. Таким образом, инициация – это не просто ритуал перерождения, но также получение образования» [1, с. 65]. Помимо передачи знания, инициация представляет собой и радикальное изменение, психическую и интеллектуальную трансформацию человека: «Инициация одновременно обеспечивает перерождение инициированного и открывает ему тайны метафизического характера; она питает и жизнь, и силу, и знание» [1, с. 66]. Знание, получаемое в результате инициации, призвано вывести человека за пределы повседневного мира и открыть путь для высшего интеллектуального развития, которое символически рассматривается как богоуподобление, превращение в сверхчеловека и слияние с вечностью: «Инициация – это, собственно говоря, завоевание бессмертия и преображение из человеческого в божественное состояние» [1, с. 100–101]. В традиционных обществах теория и практика, наука и образование соединялись именно в посвящении, которое приобретало значение преобразования и освобождения человека. Подобная точка зрения на полноценную человеческую реализацию наиболее разработана в восточных доктринах – индуизме, буддизме и даосизме, однако она представлена и в западных религиозно-философских концепциях. Одним из центральных моментов древнегреческой культуры была часто отождествлявшаяся с философией идея Пайдеи – универсального воспитания и образования человека. В античном мире взаимосвязь философии, образования и посвящения носила отнюдь не случайный характер: «Таинства развили воображение, которое породило обширную философскую и духовную литературу, особенно в период поздней античности. Отождествление философии и посвящения стало лейтмотивом с начала возникновения пифагореизма и платонизма» [2, с. 289]. Ключевая роль пифагорейско-платоновского направления в античной философии – результат удачного синтеза религиозных, мифологических и рационалистических идей, отраженного не только в теоретических концепциях, но и в системе образования. Все, что известно о пифагорействе, указывает на существование инициатической организации: обет молчания, использование тайных знаков, закрытый от профанов характер учения и магические ритуалы. Структура пифагорейского союза включает учеников и посвященных, то есть

характерное для инициатических организаций разделение на различные степени посвящения в доктрину. В пифагорействе, таким образом, оказываются неразрывно связанными между собой философия, инициация и образование. В дальнейшем эта связь прослеживается в учениях Сократа, Платона, Аристотеля и неоплатоников, а также целого ряда других античных философов. Сократические беседы, ставившие образовательные цели, воспроизводят классическую структуру ритуала посвящения, включая в себя «смерть» и «воскресение» иницируемого. Первый этап беседы – сократическая ирония, скептицизм, который предполагает символическую «смерть» индивида для профанного мира, гибель мнений и предрассудков, составляющих обыденное «Я». Профанное, по определению Элиаде, – это незначительное, ничто, в противоположность сакральному, содержащему вечность, полноту жизни, подлинное бытие. Однако отказаться от профанного «Я» – значит осуществить резкий разрыв с повседневным миром, навсегда осознать его незначительность, ничтожность и иллюзорность. Именно поэтому беседы Сократа вызывали у некоторых столь болезненную реакцию, так как его собеседники испытывали своеобразный «экзистенциальный кризис», внезапно осозная, что все ценности и представления, определявшие их жизнь, оказывались ложными. Сократическая ирония не случайно напоминает разрушительный и очистительный огонь стадии *nigredo*, с которой начинается инициация в герметизме. Утрачивая ложные формы, восстанавливая изначальное состояние, душа тем самым приобретает готовность к тому, чтобы принять истину. Ирония Сократа воспроизводит структуру инициатических испытаний, пройти которые мог лишь тот, кто обладал способностями к переходу в новое состояние, к «разрыву уровня». Второй этап сократической беседы – майевтика, новое рождение или «воскресение» в духовном мире, предполагает поэтапное восхождение души к высшей истине. Подобное восхождение также является характерным для процедур посвящения: этапы, уровни, ступени, символы лестницы и подъема к небесному абсолюту присутствуют во всех посвящениях в тайные мужские союзы воинского, шаманского и жреческого типов. Майевтика представляет собой не просто рассуждение, а инициатическую процедуру, направленную на преобразование человека, его рождение в новом состоянии: «Даже обряды «маяя» (*maia* = мать, кормилица, повитуха), с помощью которых Сократ пытался «родить» нового человека, имели свой прототип в обрядах посвящения первобытных обществ: они тоже «рожали» неофита, то есть помогали ему родиться к духовной жизни. Мотив «родов» в посвящении сопровождался к концу античности темой духовного отцовства, уже засвидетельствованного в поздних брахманизме и буддизме» [2, с. 289–290]. Критическое отношение Сократа к письму как способу передачи знания является выражением характерных особенностей доктрин посвящения, для которых тексты имели всегда лишь вторичный и вспомогательный характер. В диалогах Платона в виде мифов излагаются основные темы, характерные для инициатических доктрин: сакральная география («Федон»), инициатические смерть и воскресение в мифе о пещере («Государство»); аналогия микрокосма (человека) и макрокосма (вселенной) («Тимей»). Кроме того, тема образования занимает у Платона столь значительное место, что Жан-Жак Руссо даже назвал «Государство» самым прекрасным трактатом о воспитании. Платоновская академия представляла собой важнейшую инициатическую и образовательную организацию античности. Это особенно

заметно в неоплатонизме, переместившем религиозные моменты на первый план: образование у Плотина и Прокла, наряду с философской подготовкой, стало практикой мистического экстаза, ступени которого демонстрируют характерную для инициации иерархию состояний сознания.

В европейской культуре античная метафизическая традиция сохранилась не только в рамках философских течений, но и в виде тайных инициатических обществ. Исследователь инициации Рене Генон выстраивает линию передачи от Пифагора к Вергилию, а затем к Данте Алигьери, члену тайного рыцарского ордена *Fidèle d'Amore*, послужившего связующим звеном между инициатическими организациями эпохи античности и Нового времени [3]. Современные «тайные» общества также объявляют себя наследниками древних инициаций и метафизических доктрин. Многоступенчатая структура таких посвященческих организаций стала прообразом ступеней образования в современных культурах. Университетские степени (бакалавр, магистр, доктор) воспроизводят стандартное деление некоторых инициатических организаций – ученик, подмастерье, мастер. Иерархия степеней посвящения отражает уровень возрастания интеллектуальных способностей, которые должны совершенствоваться и в системе образования. Современное массовое образование, однако, представляет собой лишь откровенное пародирование или даже «переворачивание» инициатической иерархии, при котором высшие способности зачастую не только не развиваются, а наоборот – уничтожаются. Эта тенденция является отражением общего упадка, «кризиса современного мира», о котором писал Рене Генон в связи с деградацией самих инициаций. Сегодняшнее забвение смысла образования, тем не менее, не способно скрыть его изначальную связь с инициацией, сохраняющуюся в различных формах от античности до Нового времени.

Литература и источники

1. Элиаде, М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М., 1999.
2. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – СПб., 1999.
3. Генон, Р. Эзотеризм Данте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269082101. – Дата доступа: 05.04.2014.

«ЦАРСКИ НАРАТЫЎ» І ДЫСКУРСІЎНЫЯ ПРАКТЫКІ ЛЕГІТЫМАЦЫІ ЎЛАДЫ Ў ТРАДЫЦЫЙНЫМ ГРАМАДСТВЕ

С. І. Санько

Пад дыскурсіўнымі практыкамі ў шырокім сэнсе будзем разумець любыя артыкуляваныя формы ўзаемадзеяння чальцоў камунікатыўнай супольнасці, заснаваныя на розных формах семіёзісу. З семіятычнага гледжання ўсе дыскурсіўныя практыкі ёсць спосабамі актуалізацыі фундаментальных іх сістэмных інтэрсуб'ектыўных утварэнняў: *lange* – у Сасюра, *эпістэма* – у М. Фуко. Такім чынам, дыскурсіўныя практыкі – гэта ўсе мовападобныя формы ўзаемадзеяння чальцоў камунікатыўнай супольнасці (грамады).

Гэтае вызначэнне досыць шырокае, каб быць дастасоўным не толькі для аналізу традыцыйнага грамадстваў, але і такіх сацыяльных утварэнняў, як сеткавыя супольнасці.

У традыцыйным грамадстве, дзе роля мадэляў, уласцівых пісьмовым культурам, мізэрна малая, усе дыскурсіўныя практыкі маюць «вернакулярны» («простамоўны») характар у тым сэнсе, што, падобна да гутарковай мовы, яны складваюцца спантанна цягам многіх пакаленняў, трансліуюцца праз непасрэдня кантакты прадстаўнікоў розных пакаленняў і, што асабліва істотна, па-за самой традыцыяй не маюць ніякіх іншых легітымізуючых інстанцый, нахштальт пісанага права, норм арфаграфіі і арфаэпіі, культавага канону, усяго таго, што ўваходзіць у кампетэнцыю рэгулявання і кантролю з боку дзяржавы. Пры гэтым традыцыйныя нормы не менш (калі не больш) спанявольныя для чальцоў супольнасці, чым тыя, што ўсталёўваюцца легітымізуючымі інстанцыямі. У адрозненне ад апошніх традыцыйныя нормы выступаюць *мерамі* варыятыўнасці, граніцамі, у межах якіх розныя дыскурсіўныя практыкі ўсё яшчэ могуць уважацца за «свае». Парадаксальна, але патэнцыйна традыцыйныя грамадствы, нягледзячы на відавочна кансерватыўную ўстаноўку «старыны не рушыць», больш адкрытыя да эвалюцыйных інавацый (гл., у прыватнасці, аналіз А. Дзярновіча сітуацыі ў ВКЛ у XVI ст. [2, с. 429–438]), чым утварэнні, заснаваныя на больш фармалізаваных дыскурсіўных практыках. У апошніх інавацыі часта патрабуюць для сваёй легітымізацыі гвалтоўных дзеянняў: дзяржаўных пераваротаў, сацыяльных рэвалюцый і да іх падобных.

У апошняе дзесяцігоддзе ў замежнай фалькларыстыцы звяртае на сябе ўвагу тэндэнцыя пашырыць дысцыплінарнае поле гэтай навукі на ўсе тыпы «вернакулярных» дыскурсіўных практык [5], г. зн. такіх, механізм якіх аналагічны механізму абыдзённай гутарковай камунікацыі. Так, напрыклад, комплекс сацыяльных практык, асацыяваных з вырабам і выкарыстаннем абыдзённых рэчаў, уваходзіць у прадметнае поле фалькларыстыкі, як толькі фальклор пачынае разумецца як выразная форма сацыяльных адносін чальцоў супольнасці з нагоды вырабу і выкарыстання такіх рэчаў. Гэта ў пэўным сэнсе вяртае фалькларыстыку да зыходнага пункта яе развіцця, калі *lore* у слове *folk-lore* разумелася літаральна як «усё, чаму навучаюцца», так бы мовіць, натуральным чынам, увесь комплекс народных ведаў, уяўленняў, уменняў і г. д.

У гэтым сэнсе «класічны» фальклор, разуметы найперш як вусная народная творчаць, заўсёды знаходзіцца ў пэўным шчыльным дачыненні з іншымі «вернакулярнымі» дыскурсіўнымі практыкамі: рытуалам, магіяй, этнанаукай і г. д.

Нас у тут найперш будзе цікавіць дачыненне паміж народнай паэзіяй і практыкамі легітымізацыі (сакралізацыі) вярхоўнай улады. У іншым месцы [8] ў агульных рысах былі апісаныя падставовыя складнікі т. зв. «царскага наратыву», як яны адлюстраваліся ў беларускай баладзе на сюжэт «Удава, яе дачка і сыны-карабельнікі». Тэксты гэтага кшталту ўяўляюць даволі арыгінальную распрацоўку старажытнага сюжэту пра «Героя, пакінутага на волю лёсу пры нараджэнні» [7], кантамінаванага з міфалагічнай тэмай «цудоўнага нараджэння блізнят» [9]. Абедзве тэмы, як было даведзена многімі даследнікамі [4] [6], маюць дачыненне да архаічных практык перадачы царскай улады, якія на ідэалагічным узроўні апелявалі да міфалагічнага прэцэдэнта, гарантуючы, гэтым самым, санкцыянаванасць улады з боку багоў. Для беларускага «царскага наратыву» ўзнаўляецца наступная сюжэтная лінія:

1. Незамужняя жанчына (як правіла, маладая ўдава або дзяўчына шлюбнага

ўзросту) цудоўным чынам нараджае сыноў-блізнятаў (як правіла, пару) і дачку.

2. Дзеля выпрабавання іх боскага паходжання жанчына выпраўляе сыноў у нейкай ёмістасці (скрыні або карабчыку) па рацэ на дакладна акрэслены і вядомы ёй тэрмін, неабходны для сталення немаўлятаў, даручаючы клопат аб іх выхаванні прыродным стыхіям або звышнатуральным істотам.

3. Лёсам пакінутых блізнятаў апекуюцца або сам Бог, або Месяц з Зарою.

4. Праз акрэслены тэрмін (найчасцей праз 7 або 12 год) юнакі вяртаюцца ў родны край і, непазнаныя, жэняцца: адзін да маці, а другі на сястры.

У. Я. Проп слушна растлумачыў гэты «царскі сюжэт» як адлюстраванне практыкі перадачы царскай улады праз спадкаванне сынам улады айца, а зыцям – улады цесця. Жаніцьба «старэйшага» з блізнятаў на маці зусім не абавязкова мела сэнс інцэстуальнага шлюбу, як гэта было драматызавана ў старагрэцкай літаратуры ў апаведзе пра трагічны лёс цара Эдыпа. Сімвалічны шлюб азначаў прыманне статусу сакральнага цара, цара-жраца, санкцыянаванае фактам і цудоўнага яго нараджэння, і цудоўнага ўратавання (першая функцыя паводле тэорыі Ж. Дзюмезіля). Лёс меншага з блізнятаў не нагэтулькі відавочны. У грамадствах з дыархічнай сістэмай кіравання яму адводзілася роля свецкага кіроўцы (другая функцыя паводле тэорыі Ж. Дзюмезіля). У больш ранніх версіях міфа, які апеляваў да касмаганічнага прэцэдэнта, малодшы з блізнятаў становіўся (праз інцэстуальны шлюб з сястрой) родапачынальнікам чалавецтва і першым памерлым.

Да яўных рэліктаў «царскага наратыву» ў беларускіх баладах можна аднесці тое, што цудоўнае нараджэнне блізнятаў здараецца на «царскім» або «каралеўскім» двары, а таксама царскія імёны, якія ўдава сама дае народжаным ёю сынам, – Іван і Васіль. У тэкст балады яны маглі трапіць у XIV–XVI стст., калі ў праваслаўнага насельніцтва Беларусі гэтыя імёны трывала яшчэ асацыяваліся як дынастычныя.

Прыклады са старажытнай літаратуры сведчаць, што апаведы падобнага кшталту сапраўды складалі частку «біяграфій» вялікіх цароў. Самы яскравы такі прыклад – апавед пра вавілонскага цара Саргона Акадскага. Як адзначыў У. Я. Проп: «Асабліва цікавы для нас цар Саргон. У клінапісным надпісу ён пералічвае ўсе свае подзвігі, усе пабудовы і паходы, але пачынае гісторыю свайго царавання з таго, як маці паклала яго ў кош з чароту, абклала яе глінай і спуціла яе на раку. Гэта – такі ж доказ яго велічы, як і яго пабудовы і паходы. Гэта даводзіць сапраўднасць і сакральную правадзейнасць яго царскай улады» [4, с. 274]. Аналагічны пасаж (выдаленне на раку Тыгр) знаходзім у апавяданні пра ўцараванне Кіра ў Персіі. Ад беларускай версіі блізкаўсходнія легенды адрознівае найперш адсутнасць матыву нараджэння і выдалення для выпрабавання іх царскай годнасці блізнятаў. Аднак акурат гэты матыў – ключавы ў старахецкім апавяданні пра дзійцей цырыцы Канэса, які папярэдняе апавяданню аб аб'яднанні паўднёвай і паўночнай частак краіны Хаці ў адно царства. Істотна, што гэта наогул самы старажытны з вядомых тэкстаў на індаеўрапейскай мове, уведзены ў навуковы ўжытак толькі ў пачатку 70-х гг. XX ст. Тым больш уражвае, што ўва ўсіх ключавых момантах (часта да дэталю) гэтая легенда ўразліва супадае з беларускім апаведам, адлюстраваным у баладзе пра ўдаву і яе сыноў-жаніхоў.

Аднак паўстае пытанне: ці маглі апавяданні такога кшталту службыць доказам «сапраўднасці і сакральнай правадзейнасці ... царскай улады» дзе-колечы на абшарах Усходняй Еўропы ў час афармлення баладных тэкстаў, г. зн., прыкладна,

у XIV–XVI стст.? Некалькі прыкладаў з гісторыі ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы дазваляюць станоўча адказаць на гэтае пытанне.

Першы прыклад – выкарыстанне матыву «героя-знайдзена» ў генеалагічнай легендзе роду Радзівілаў. Паводле падання, заснавальнікам аднаго з наймагутных родаў у ВКЛ быў Ліздзейка, знойдзены ў арліным гняздзе князем Гедымінам і ўзяты ім на выхаванне. Яго нараджэнне – вынік пазашлюбнай сувязі вярхоўнага жраца Крыве-Крывайціса і дзяўчыны (не выключана, што яна была вайдэлоткай). Пасталелы Ліздзейка сам становіцца Крыве-Крывайцісам (першая функцыя паводле Дзюмезіля). Будучы здольнікам «у навухах гвездарскіх» і ў тлумачэнні сноў, Ліздзейка аднойчы разгадвае сэнс сну Гедыміна, пасля чаго князь закладае Вільню – сталіцу будучай вялікай дзяржавы. Нагадаем, што гэты генеалагічны аповед адыграваў не апошнюю ролю ў прэтэнзіях Радзівілаў на карону ў Рэчы Паспалітай – канфедэрацыі Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага.

Фальклорная аснова гэтага апавядання вельмі імаверная. Прынамсі, падобныя сюжэты часта сустракаем у беларускіх казках і паданнях. Так, у беларускім паданні «Пра адзінаццатае дзіця беднага селяніна» [3, с. 145–146] апавядаецца: сына бедняка пакідаюць у дупле пры дарозе; яго плач расчуліў другога беднага мужыка і той забраў яго да сябе; хлопчык аказваецца адзінаццатым; «хлопчык аказаўся святым, і сам Бог ішоў насустрач гэтай сям’і». «Святасць» знайдзена тут цалкам адпавядае вярхоўнай жрэцкай годнасці Ліздзейкі.

Другі надзвычай цікавы прыклад датуецца 1607 г. Гэта «Аповед пра Пятра Мядзведка, Маскаля», знойдзены Бадзянскім у Познанскай публічнай бібліятэцы [1]. Даводзячы памежнай старошы ў Оршы, што ён сын цара Фёдара Іванавіча, нехта Пётр Мядзведка сцвярджаў, што, ратуючы яго ад Барыса Гадунова, маці яго Ірына сказала, што нарадзіла «полмедведка» і «полчоловека» і загадала бабцы пакласці дзіця пры дарозе; там яго знайшлі людзі і выхавалі. Пасля многіх блуканняў ён вырашыў перабегчы ў Літву і адкрыць сваё паходжанне. Праўда, сам Мядзведка на царства не прэтэндаваў, адно – на прызнанне яго царскім пляменнікам.

Гэтыя прыклады паказваюць, што, прынамсі, у XVI–XVII стст. выкарыстанне аповедаў пра «герояў-знайдзенаў» у абгрунтаванні прэтэнзій на ўладу было справай зусім не выключнай і што фальклор яшчэ вельмі шчыльна пераплятаўся з практыкамі сакралізацыі ўлады і яе легітымізацыі праз «царскі наратыў».

Літаратура і крыніцы

1. Бодянский, О. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке / О. Бодянский // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1846. – № 1.
2. Дзярновіч, А. І. «Старына»: публічны вобраз і сацыяльны канцэпт / А. І. Дзярновіч // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. Т. 2. Протарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск, 2010.
3. Народныя казкі-байкі, апавяданні і мудраслоўі / Сост. Н. С. Гілевіч. – Мінск, 1983.
4. Пропп, В. Я. Мотив чудесного рождения // Фольклор и действительность: Избранные статьи / В. Я. Пропп. – Москва, 1976.
5. A Companion to Folklore / Regina F. Bendix, Galit Hasan-Rokem (eds.). – Chichester, 2012.

6. Binder, Gerhard. Die Aussetzung des Königskindes, Kyros und Romulus / Gerhard Binder. – Meisenheim am Glan: A. Hain, 1964. – (Beiträge zur klassischen Philologie, Heft 10).
7. Huys, Marc. The Tale of the Hero who was Exposed at Birth in Euripidean Tragedy: A Study of Motifs / Marc Huys. – Leuven, 1995.
8. Sańko, Siarhiej. Podstawowe skłádniki białoruskiej narracji sakralnej w perspektywie porównawczej / Siarhiej Sańko // Politeja. – Kraków, 2012. – № 4.
9. Ward, Donald. The Divine Twins: An Indo-European Myth in Germanic Tradition / Donald Ward. – Berkeley; Los Angeles, 1968.

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ: ИСТОКИ ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ

Н. Н. Жоголь

Новый облик духовной культуры раннего средневековья на восточнославянских землях определялся важнейшим историческим фактом – крещением Руси, 1025-летие которого является знаменательным событием современности и предоставляет прекрасную возможность обратиться к анализу того, как под влиянием преемственности с византийским и южнославянским духовным опытом складывались самобытные формы восточнославянского культурного творчества.

Особый вклад в их становление внес талантливейший проповедник христианства, владеющий филигранным искусством толкования Слова, мастер торжественного красноречия, молитвослов епископ Туровский Кирилл [1130?–1182?], который был авторитетнейшей фигурой средневековой православной Церкви. Его вклад в культуру в целом задается той ролью, которую играло богословие не только в западной Европе, но и в Киевской, а затем и в Московской Руси, Великом Княжестве Литовском. Он пользовался заслуженным авторитетом не только как церковный деятель, но и как писатель, получивший статус второго Златоуста, который, по мнению первого неизвестного биографа святого Кириллы, «паче всех воссиял нам на Руси».

Следует отметить, что Туров – один из древнейших белорусских городов, первое упоминание о нем в летописях относят к 980 году, когда он был главным городом дреговичей. Находясь недалеко от места впадения реки Случь в реку Припять, он был местом, через который проходил некогда торговый путь от Балтийского моря к Черному. Примерно в 980 г. он попал в зависимость от Киева, через полтора столетия жителям Турова при содействии князя Юрия Ярославовича (внука Святополка II) удалось отстоять свою независимость и в результате киевские князья признали существование Туровского княжества.

Деятельность Кириллы как раз приходится на этот период: он стал епископом в 1169 г. в возрасте примерно сорока лет и был одним из наиболее образованных людей своего времени. Некоторые авторы, отдавая должное прекрасному знанию Библии нашего знаменитого земляка, относят его к числу наилучших знатоков Священного Писания среди всех ранних восточнославянских церковных писателей. В его творчестве чувствуется влияние таких греческих церковных мыслителей как Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Амфилах Иконский, Эпифан Кипрский, Прокл и др. [1, с. 3]. Жизнь и творчество Кириллы

Туровского приходится на период культурного расцвета нашей страны, о чем, в частности, свидетельствует то, что его современниками были св. Е. Полоцкая и К. Смолятич. Всех троих по праву относят к основателям философской, духовной культуры в Беларуси.

Особую роль в становлении духовности Кирилл отводил священнослужителям, обращаясь к ним: «Богаўрадлівыя дрэвы, ад якіх вернікі маюць духоўную і сардэчную асалоду!.. Вас выбраў Ісус Хрыстос і, як фінікі добраўрадлівыя, пасадзіў у сваіх храмах, дзеля ўпрыгожвання апостальскага прастола. Каб вы – сцвярджалі святую веру, адводзілі ад грахоў, уздымалі тых, хто трапіў у ерась, выратаўвалі тых, хто паграз у спакусах. Каб вы – умацоўвалі скептыкаў у веры, спрыялі змагарам за Хрыста, дралі сеткі Д’ябла, выводзілі людзей з стану злаблівасці, мірылі варагуючых, лячылі тых, хто патануў у пажаднасцях, ратавалі безразважлівых. Каб вы – давалі ежу згаладалым і адзенне неапанутым. Вы – добрыя творцы шматстайных богакарыслівых справаў, сведкам і натхняльнікам якіх з’яўляецца Госпад Бог» [2, с. 56–57].

Воодушевляясь духовным подвигом святых, примером духовных поводырей, все христиане призваны обустроить свой путь к Богу, предприняв и самостоятельные усилия, в числе которых – прилежное чтение святых книг. По мнению святителя, «добра і надзвычай карысна спасцігаць навуку Божага Пісання. Яна ўзгадоўвае цнатлівую душу і вядзе да стрыманасці. Божая навука робіць чалавека ўдзячным, узносіць душу на нябёсы, паабяцаныя Уладаром. Духоўнай працай умацоўваецца цела... Салодкі медвяны сот і дабро – цукар. Але салатзейшы за іх – кніжны розум. У кнігах – скарб вечнага жыцця!» [3, с. 57].

Достичь небесных вершин может каждый, предприняв значительные духовные усилия, считает Кирилл. В первую очередь, необходимо учесть, что многие пороки зависят не только от недостатка ума, но и от того, что разум развивается в отрыве от веры, поэтому сопряженность разума и веры является важнейшим условием духовно-нравственного становления. Устремленность мысли к Божьим заветам помогает правильно расставить акценты в системе моральных ценностей: несомненный приоритет принадлежит духовным трудам по сравнению с заботами о земной жизни, стремлением к богатству, славе. Ум, освященный духовным Светом, приобретает направленность к смирению, а сердце – к добродетелям.

Однако смирение предполагает умение различать добро и зло, последнее Бог допустил, чтобы испытать духовные силы каждого человека. Поэтому познающий разум должен обладать ещё одним важным качеством – уметь свободно выбирать пути, ведущие к добру. Самым важным барьером на пути к нему является такой порок, как гордыня, из-за которого слабеет душа, болеет тело. Из неё проистекает много других духовных недугов. Противостоят им помогут такие качества, как смирение, кротость, а на их основе – терпеливость, покладистость, рассудительность, доброжелательность.

Не меньше духовных сил требует от человека борьба и с другими пороками. Об этом Кирилл говорит во многих своих произведениях, в частности, таких, как «Слово о человеке и о небесных силах», «Слово на второе пришествие Христа», «Слово на Пятидесятницу», «Слово о премудрости». Он называет больше тридцати духовных недугов. Укажем на некоторые из них: зависть, пьянство, чревоугодие, прелюбодеяние, гневливость, клевета, воровство, разбой, колдовство,

заносчивость, хвастливость, вознесение в чинах, захват сана не по Божьи.

В этой борьбе человек может положиться, в первую очередь, на Бога, который воплотился в человеке – Иисусе Христе, для того, чтобы победить смерть, помочь людям избавиться от грехов, «чтобы телесную грязь очистив, освятить души людские», разрушить дорогу в ад и открыть путь в Вечность. На пути к идеалу необходимо покаяние в грехах, любовь к ближнему. К греховным поступкам человека побуждают, в первую очередь, помыслы, идущие от тела. Однако именно душа отвечает за них перед Богом. Таким образом, мы видим, что антропология Кириллы Туровского, его система ценностей имеет в качестве точки отсчета идею бессмертия души.

Чтобы добиться спасения души, необходим разум, стремящийся к бесконечности (Богу), благодаря чему мысль будет совершенной и ясной. Душевное смятение лишает человека смысла, радости, надежды, приводит его к нравственной деградации. Не меньшую роль играет искренняя вера в Бога, пост, покаяние, исповедальная молитва. Акцентируя внимание на активно-деятельной стороне проявления человека, мыслитель советует: «Будь славен не светлой одеждой, но добрыми поступками». Добродетельная жизнь, наряду с помощью другим в деле спасения, тоже являются важными составляющими духовно-нравственного самосовершенствования. Это связано, в частности, и с тем, что книжную мудрость Священного писания может открыть для себя нравственно чистый человек, так как «в злохитрую душу не войдет премудрость», которая «не может укорениться в сердце лукавом» [4, с. 5].

Молитве в мировоззрении Кириллы отводится очень важная роль. Он не только считал ее непременным средством спасения, но и сам мастерски владел искусством составления молитвы. В его творческом наследии имеются около тридцати молитв, которые представляют собой своеобразные поэтические сочинения для тех, кто жаждет непрестанно молиться за свои грехи. Они очень близки по стилю, художественному замыслу, эстетическим приемам к устному народному творчеству, что было важно для восприятия их прихожанами. Их можно назвать шедеврами старобелорусской духовной поэзии. Они притягательны глубиной и искренностью религиозных чувств и способны сокрушать сердца людей и направлять их мысли к Богу. Это обусловило тот факт, что, в силу их популярности, они неоднократно переиздавались в печати в XVI–XVII веках. Их достоинство определяется также и тем, что они ярко, глубоко и точно отражают духовный мир человека той эпохи, его надежды и сомнения, чаяния и помыслы.

В своих молитвах, поучениях, канонах, притчах Кирилл высказывался о пагубности невежества не только для отдельной личности, но и для государства в целом. Для этого нужно преодолевать предубеждение о привилегированности грамотности и образования, рассеивать сомнения простолюдинов в необходимости для них книжной мудрости. С другой стороны, важна и критичность мышления, которая поможет избежать порочных книг, в сети которых попадают люди с недостаточно зрелым разумом и верой. Заботясь о духовных основах общественной жизни, на первый план он выдвигает любовь и вытекающие из нее милосердие, сострадание, справедливость, порядочность, честность, доброту, оказание помощи тем, кто в этом нуждается.

Больше всего епископа Туровского беспокоила опасность раскола церкви, её подчинения политическим целям. Он считал, что существует чёткое размежевание

Божьего и человеческого. Несмотря на практическую ориентацию христианства, существует область священного, предопределенного самим Богом, вмешиваться в которую никакая власть не имеет права, а, наоборот, сама должна подчиняться этим нормам. В своём послании игумену Печерского монастыря Василию он писал, что князь призван выполнять Божьи заповеди, заботиться о духовном и материальном благосостоянии своих подданных, делать им добро. В противном случае люди могут восстать против него.

Кирилл Туровский не только учил стяжанию Духа Святого, но и сам был ярким примером для подражания. Он был сыном богатых родителей, «но обаче не любляше богатства, ни славы тленнаго мира сего, но паче всего прилежание божественных писаний...И паче всех Богови работаше, постом, бдением удручая тело свое, сътвори себе чисто приателище Святому Духу. И мнозем на ползу бысть, уча и поучая мнихы в покорении и в послушании...По сем блаженный на болшаа подвиги желая, в столп вшед затворися, и ту пребысть неколико время, постом и молитвою паче себя тружаяся. И многа Божественнаа писания изволи, славен бысть по всей стране той», – писал про него неизвестный автор XII в. [5, с. 8]. Он первым среди восточнославянских христиан применил практику столпничества, страстно желая еще больших духовных подвигов, более интенсивной духовной жизни и не менее насыщенной интеллектуальной, творческой деятельности.

В результате стремление к одиночеству обернулось широкой известностью: он обратил на себя внимание своим образом жизни, набожностью, ученостью. Это подвигло князя и весь народ просить митрополита назначить Кирилла епископом вместо недавно умершего Юрия. Возможно, его стали почитать как святого в Турове сразу после смерти, для всех восточных славян он стал известен в этом качестве в третьем, четвертом столетии. Православная церковь канонизировала Кирилла Туровского, по достоинству оценив его достижения в деле гуманизации просветительской, религиозной, политической жизни общества.

Об этом свидетельствует также решение еще царской России в 1913 г. в честь 300-летия дома Романовых поставить памятник царю Александру II и Кириллу епископу Туровскому. Правда, осуществить этот проект удалось значительно позже, в 1993 г., в день празднования Славянской письменности. Памятник Кириллу установлен на горе, где в Турове на протяжении восьми столетий находилась мощная крепость и княжеский замок. За плечами бронзовой фигуры святого древний могущественный крест как символ духовной силы христианства, в руках у него – Библия, олицетворяющая тот духовный свет, распространению которого посвятил свою жизнь и творчество основатель христианской православной культуры в Беларуси и в других восточнославянских странах Кирилл Туровский.

Литература и источники

1. Надсан, Аляксандр. Сьвяты Кірыла Тураўскі: Выданне другое, дапоўненае і папраўленае. – Лёндан, 2001.
2. Кірыл Тураўскі. Слова на сабор 318 святых айцоў / Кірыл Тураўскі // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мінск, 2007.

3. Кірыл Тураўскі. Прыпавесць пра чалавечую душу і цела, або пра Сляпога і Бязногага / Кірыл Тураўскі // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мінск, 2007.
4. Кирилл Туровский. Избранные произведения. Вып. 2 // Кирилл Туровский. – Гомель, 1999.
5. Кирилл Туровский. Избранные произведения. Вып. 1 / Кирилл Туровский. – Гомель, 1997.

СЕМЬЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПОСТРОЕНИЯХ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

И. И. Морозова

Имя К. Н. Леонтьева, достаточно противоречивого и неординарного представителя русской общественно-политической, литературной и философской мысли второй половины 19 столетия, уже четверть века активно фигурирует в исследовательской практике. Не ослабевает научный интерес и к его религиозной публицистике, эпистолярному наследию, отражающему основные принципы христианской ортодоксии мыслителя, о чем свидетельствуют публикации как журнального, так и монографического характера. К тому же, состоялся Оптинский форум «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции», посвященный памяти преподобного старца Амвросия Оптинского и К. Н. Леонтьева (монаха Климента). По благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета в 2010–2011 гг. в издательстве Белорусского Экзархата вышла книга «Храм и Церковь», в которой представлены наиболее значимые религиозные работы К. Н. Леонтьева, а в издательстве Свято-Елисаветинского монастыря было опубликовано произведение «Дитя души», в котором художественно трансформирована его христианская доктрина и т. д.

Прежде чем представить религиозные построения К. Н. Леонтьева о семье и браке, необходимо кратко указать на основные характеристики его религиозного мировоззрения, тем более, что религиозная доктрина К. Н. Леонтьева всегда воспринималась неоднозначно. Такая поляризованность оценок и суждений была связана с тем неоспоримым фактом, что К. Н. Леонтьев настойчиво отстаивал принципы сурового византийско-церковного, аскетико-монашеского христианства, в основе которого определял не мотив любви (традиционно представленный в богословских и религиозных трудах), а мотив страха: «Начало премудрости (т. е. настоящей веры) есть страх, а любовь – только плод» [1, с. 134]. «Страх животный унижает как будто нас. Тем лучше – унизимся перед Богом; через это мы нравственно станем выше» [2, с. 319]. В такой декларации религиозного пессимизма К. Н. Леонтьев конгениален, например, С. Кьеркегору, определявшему человека, никогда не испытывавшего страха, бездуховным и полагавшему, что «тот, кто научился страшиться надлежащим образом, научился высшему» [3, с. 242].

Оппоненты К. Н. Леонтьева неоднократно указывали на ветхозаветный характер леонтьевских построений, поскольку, действительно, «если в Ветхом завете главным принципом взаимодействия Бога с человеком был страх, то в Новом завете им стала любовь, не отменившая полностью «страх Божий», но

подчинившая его себе» [4, с. 71]. А у К. Н. Леонтьева же, как видим, любовь вторична, он отвергает слишком абстрактный мотив вселюбви, но это не означает, что категория любви вообще выпадает из системы ценностей К. Н. Леонтьева, она приобретает иную интенционную окраску, о чем свидетельствует следующее его утверждение: «Надеяться только на «любовь» в русской общине не надо, нужно проповедовать любовь, ибо ее очень мало, но не надо ее пророчить, чтобы без пользы не разочароваться горько» [2, с. 411].

Определяя доминирующим мотив страха, К. Н. Леонтьев исходил из личного опыта прихода к православной вере, связанного с драматической ситуацией в его судьбе, когда, страшась неминуемой смерти от внезапной тяжелой болезни, он обращается к Богородице сохранить ему жизнь, и дает клятву постричься в монахи. «Только личный духовный опыт как субъективное переживание некоего откровения способен служить основанием для выбора той или иной разновидности веры или неверия. Верующий соотносит свое внутреннее состояние с внешним поведением, поэтому его вера по-своему реальна» [5, с. 258]. Именно личный духовный опыт утверждает К. Н. Леонтьева в необходимости постулирования, в свете эсхатологических представлений, принципа «трансцендентного эгоизма» (религии личного спасения), его адресат – конкретный человек, а не абстрактное человечество: «День наш – век наш! И потому терпите и заботьтесь практически лишь о ближних людях; именно о ближних людях, а не о всем человечестве» [1, с. 1].

Следует отметить, само понятие веры К. Н. Леонтьев никогда не искажал, он основательно уяснил от афонских монахов и оптинских старцев, из богословской литературы, что вера имеет онтологическую природу, и никакие вольные интерпретации здесь не уместны. И бесконечно прав В. А. Одиноченко, настойчиво подчеркивающий мысль о том, что «веру не следует путать с убеждением. В отличие от последнего, которое является характеристикой субъективной установки человека, вера имеет онтологический характер. Христианское понимание веры дано апостолом Павлом: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11, 1)» [6, с. 438]. К. Н. Леонтьев определяет христианство учением «прежде всего мистико-материалистическим, а потом уже моральным» [2, с. 354], более того, уточняя свои рассуждения, утверждает: «идеал же христианства есть гармоничное сопряжение и того и другого... ясное понимание мистики христианства и сердечная ей преданность неизбежно повлечет за собой улучшение и морали» [7, с. 362]. С точки зрения К. Н. Леонтьева, наиболее мистически оформленным в русской православной среде является монашество, которое «есть высший цвет христианства», поэтому он особую значимость придает монастырям, старчеству, Оптиной пустыни, а также церковным ритуалам и обрядам. Авторитарность Церкви, ее догматы и каноны для К. Н. Леонтьева священны.

Исходя из этих установок, мыслитель предлагает религиозные постижения в осмыслении проблемы семьи и брака. Первое, что постулирует К. Н. Леонтьев – это религиозное оправдание семьи, которая в основе своей должна базироваться на вере, на христианских принципах, ибо чистый рассудок и отвлеченный долг – важные, но не вполне достаточные и слабые скрепы для ее функционирования. К. Н. Леонтьев говорит о религиозном типе семьи, его мысль обращена именно к верующим. Следуя за Вл. Соловьёвым и опережая теоретические построения

Н. Бердяева, К. Н. Леонтьев не ставит знака равенства между браком и любовью, брак, с его точки зрения, не является достижением идеальной любви, тем самым лишая ореола романтической и моральной идеализации семейно-брачные отношения: «брак есть духовное таинство, а не достижение сердечного идеала. Последний может легко обмануть, а таинство для верующего человека – все будет таинством» [7, с. 362].

К. Н. Леонтьев, как и Н. Бердяев, видит в браке прежде всего тяжкий труд и бремя, взаимные обязательства, жестко регламентированные устройством семьи: «брак есть иго, которое должно нести... брак есть разделение труда, тяжкий долг, святой и неизбежный...» [8, с. 51]. Обращаясь к семантике слова «супруг», К. Н. Леонтьев поясняет: «Зигос – по-гречески значит иго. Супруга, супруг – на том же языке называются сизигос. Супруг – в сущности и значит то же: сопряженный, вместе запряженный, как пара волов в ярмо, но мы привыкли употреблять это слово, не вдумываясь в его значение...» [8, с. 51]. Сравните у Н. Бердяева: «Семья есть несение тягот и школа жертвенности» [9, с. 346]. «В семье есть тяжесть благоустройства и безопасности, страх будущего, бремя...» [10, с. 220]. И К. Н. Леонтьев, и Н. Бердяев в этом отношении остаются суровыми реалистами христианского толка, развенчивая всякого рода иллюзии и aberrации по осмыслению данных вопросов.

Следуя принципам традиционного православия, К. Н. Леонтьев христианский брак рассматривает как «малую церковь» со строгой семейной дисциплиной, в котором доминирующая роль, безусловно, принадлежит мужу, обязанному нести ответственность за жену, семью, дом, а жене уготована миссия повиновения мужу и почитания его. Как известно, «Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви», «Жена да убоится своего мужа», «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен, и не будьте к ним суровы».

С точки зрения К. Н. Леонтьева, для нормального функционирования семьи необходимым элементом выступает православная мистика, поскольку «она смягчает горести несчастной семьи, она озаряет счастливую семью светом наивысшей поэзии» [7, с. 362]. Мистические традиции православия, по его мнению, необходимо укреплять в семейных отношениях, т. е. постоянно соблюдать посты и церковные праздники, творить молитвы и крестные знамения, укоренять «побольше мистико-аскетического духа», что, в свою очередь, станет залогом прочного духовного основания семьи. Кроме этого, К. Н. Леонтьев настойчиво рекомендует читать церковно-славянскую литературу, общаться с монашеством и духовниками, посещать Церковь и монастыри, уважать и чтить старчество, посещать Оптину пустынь, своеобразный духовный центр, «самое поэтическое и глубокомысленное место» (В. Розанов), в котором бывали лучшие представители русской философии и культуры, куда потоком шли люди за советом и духовным очищением. Проповедь аскетизма в семейных отношениях соприкасается у К. Н. Леонтьева с темой спасительного сострадания, с декларируемым принципом «трансцендентного эгоизма» (личного спасения), что качественно видоизменяет функциональность семьи.

Отстаивая традиционные православные ценности и нормы, К. Н. Леонтьев в тоже время не упоминает о необходимости вступления в брак только с единоверцами и не придерживается принципа нерасторжимости христианского

брака, допуская развод в семье, но с неожиданной рекомендацией «разойтись по обителям» [7, с. 362]. Предлагая монашескую стезю бывшим супругам, К. Н. Леонтьев стремится сохранить состояние живущих вне брака в религиозных границах, но уже с ярко выраженной аскетической доминантой.

Таким образом, выстраивая свои теоретические постижения в осмыслении семейно-брачных отношений, К. Н. Леонтьев, с одной стороны, опирается на традиционные христианские ценности, а с другой стороны, находится в плену субъективизма, обусловленного личным религиозным опытом, заключенным в границы внутреннего и внешнего аскетизма.

Литература и источники

1. Леонтьев, К. Н. Цветущая сложность: Избр. ст. – М., 1992.
2. Леонтьев, К. Н. Избранные письма (1854–1891). – СПб., 1993.
3. Кьеркегор, С. Страх и трепет. – М., 1993.
4. Философия любви: в 2 ч. – М., 1990. – Ч.1.
5. Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии. – М., 2010.
6. Довгирдовские чтения IV: Тенденции духовно-нравственного развития современного общества: материалы междунар. науч. конф. – Минск, 2013.
7. Леонтьев, К. Н. Храм и Церковь. – Минск, 2011.
8. Леонтьев, К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. – СПб., 2004. – Т.6(2).
9. Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики. – М.; Харьков, 2003.

ПОИСК СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ В ЭПОХУ ТЕХНОГЕНЕЗА: СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ФИЛОСОФИИ В. СОЛОВЬЁВА

Н. И. Мушинский

Наука и религия как социальные институты и основополагающие формы общественного сознания представляют собой диалектические противоположности, которые гармонично взаимодействуют как на личностном уровне, так и в истории человечества, дают импульс к развитию отдельного творческого субъекта и социокультурной системы в целом. В этом смысле они в разном историческом контексте так или иначе отражаются в *образовательных* структурах, поиск их *справедливого* соотношения в светских обществах эпохи техногенеза (соответственно, дальнейшая экспликация категории «справедливости» в ее этико-философском выражении) выступает как одна из важных *образовательных* стратегий современности. В условиях обострения техногенных проблем связующая роль религиозного мировоззрения постепенно вновь возрастает, все в большей степени ощущается необходимость диалектического синтеза *науки* и *религии*. Об этом еще в конце 19 в. говорили многие русские философы, в частности, В.Соловьёв в своей концепции «всеединства», «мистического рационализма» и «свободной теократии».

Как идеологический феномен *наука* есть совокупность *доказательных знаний* (по преимуществу эмпирических), позволяющих человеку постичь фундаментальные законы природы и на этой основе поступательно расширять промышленно-технологический базис цивилизации, повышать выживаемость

биологического вида, его количественные характеристики и уровень благосостояния. *Религия* же основана на *иррациональной вере*, она принимает свои догматические положения без доказательств, обращается к чувственно-эмоциональной сфере. Поэтому она способна вызывать сопереживание у разных людей в рамках социальной группы и тем самым выполнять *объединительную* функцию (для *науки* это затруднительно, поскольку сама процедура доказательства предполагает противостояние разных точек зрения и психологически порождает разобщенность, негативное отношение к оппоненту). На индивидуальном уровне критическая способность мышления заставляет человека сомневаться во всем, что ему говорят (чтобы его не обманули, или непреднамеренно не ввели в заблуждение), требовать *доказательств* через обращение к очевидности, либо через логическое выведение из ранее доказанных более общих положений. Но все доказать невозможно, познающий субъект нередко вынужден принимать *на веру* то, что ему предлагают заслуживающие доверия люди (специалисты в той или иной области, ученые, политики, священнослужители и т. п.). Уверенность в их правоте позволяет множеству людей, не вступая во взаимные дискуссии, двигаться в одном направлении; таким образом, *научный* и *религиозный* дискурс диалектически взаимодействуют в сознании индивида и в общественной системе.

Исторически они имеют общие корни в рамках первобытного синкретизма: чтобы заниматься охотой и собирательством, изготавливать палеолитические орудия труда, необходимы хотя бы самые примитивные *знания* по физике, биологии, минералогии и т. п.; однако недостаток техники, большая роль случайностей заставляют обращаться к миру невидимых духов (анимизм), оживотворять окружающую природу (гилосоизм); по выражению М. Хайдеггера, магия становится эквивалентом техники для древнего человека. *Вера* во всё это служит также соединительной силой внутри первобытного рода (тотемизм), в рамках шаманизма примитивная политеистическая *вера* и зачатки научных *знаний* переплетаются вместе. В ранних земледельческих обществах начинается их дифференциация; сословия жрецов, брахманов, писцов и т. п. исполняют религиозные обряды и, в то же время, занимаются накоплением научных знаний, необходимых для занятия ирригационным земледелием в деспотических государствах Древнего Востока (создают первые календари, иероглифические системы письменности). Древнегреческая эпоха полисных демократий приводит к окончательному разделению *науки* и политеистической *религиозной мифологии*, происходит движение от *мифа* к *логосу*, появляются самостоятельные системы *научного знания* (математика Пифагора, история Геродота и Фукидида, геометрия Эвклида и др.). Однако в эпоху Римской империи на первый план выходит принцип духовного единения; зарождающееся *христианство* выполняет эту функцию на основе последовательного *монотеизма*. Пройдя период гонений, новая *вера* после императора Константина становится официально признанной государственной идеологией, сохраняет эту роль на протяжении эпохи средневековья. С началом промышленного переворота Нового времени *наука* опять выходит на первый план, на основе ньютоновской механики, дарвиновской эволюционной теории и других аналогичных концепций приобретает современный вид, становится основой *образовательной системы в светских обществах*. Однако ее спонтанное бесконтрольное саморазвитие порождает техногенные проблемы:

загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, нравственную неготовность к равноправному сотрудничеству, рост агрессивности и конфронтации (мировые войны, ракетно-ядерное противостояние; последние примеры – появление практики международного терроризма, «арабская весна», события на Украине 2014 года). Человечество вновь ощутило необходимость в обретении связующего духовного начала. Роль *религии* в этих условиях возрастает, в том числе и в области *образовательной стратегии*.

Указанные процессы еще в конце 19 в. отразила и предвосхитила русская религиозная философия, в частности, оригинальная концепция всеединства, которую развивал *Владимир Соловьёв* (1853–1900). Связывая будущее человечества с обретением подлинной *справедливости*, он попытался преодолеть антитезу *науки* и *религии*, а также узкие межконфессиональные противоречия внутри самой *религии*: «Принцип справедливости есть междуцерковный... потому, что он заключается внутри различных христианских исповеданий и даже нехристианских религий – от него не могут отказаться ни православные, ни католики, ни протестанты, ни мусульмане... И чем выше какая-нибудь религия, тем необходимее присущ ей этот принцип» [1, с. 527]. Исторический процесс В. Соловьёв условно разделил на три периода: природных религий, Богочеловека, Богочеловечества. Первый из них включает Древний Восток и античность, когда люди политеистически обожествляли природные стихии, трактовали «волю богов» как главное условие *справедливости*. Период «Богочеловека» (от поздней античности до нашего времени) связан с личностью Иисуса Христа, призвавшего «возлюбить ближнего как самого себя»; иными словами, выразившего «единый, неизменный принцип справедливости: не делайте другим, чего себе не желаете» [1, с. 542]. Однако В. Соловьёв обращает внимание на то, что Христос как Богочеловек по сути остался в единственном числе; в технократическом обществе христианство принято только по форме, в основе же по-прежнему сохраняется языческая разобщенность. Сначала под лозунгами христианства вопреки принципу всеобщей любви творились всяческие жестокости (крестовые походы, инквизиция и т. п.), потом оно вообще утратило свои позиции, вытесненное *наукой*. Впрочем, науку нельзя просто отбросить, она дает материальные блага, способствует большей гуманности, толерантности, торжеству здравого смысла и разума над негативными эмоциями: «Нельзя же отрицать того факта, что социальный прогресс последних веков совершился в духе... справедливости» [2, с. 349]. Но техногенный кризис показал, что в дальнейшем человечество сможет выжить, только если *полностью* реализует христианский принцип *справедливости* как «любви к ближнему», наполнит науку духовным содержанием, станет подлинным Богочеловечеством. «Предстоит осуществить в человеческом обществе божественную истину, приложить эту истину к делу. Но в своем практическом выражении истина носит имя справедливости... Таким образом, познав вселенскую солидарность... как истину, осуществив ее на деле, как справедливость, возрожденное человечество будет в состоянии... насладиться ею в духе свободы и любви» [3, с. 240]. Чтобы знание наполнилось истиной, *науке* необходимо соединиться с *религией* (для реализации принципа «всеединства» и подлинной *справедливости*) в постижении высшего смысла, или «разумности» единичных вещей и наблюдаемых фактов. «В истинном познании должен нам открываться общий смысл или разум вещей (*ratio regum, o logos ton onton*), мы

должны познавать каждый предмет в его отношении ко всему, то есть... разуметь *все* как некоторое *единство*... Таким образом, истинное знание возможно только под формой разумности или *всеединства*» [4, с. 674–675]. Сказанное непосредственно связано с проблемой *образования*, как в педагогическом, так и в общем социокультурном смысле: «Мы получили... ответ... о цели человеческого существования: она определилась как образование... цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии» [1, с. 177]. Поиск подлинной *справедливости* относительно взаимодействия *науки* и *религии* предстает как важная *образовательная стратегия* в современном светском обществе.

Литература и источники

1. Соловьёв, В. С. Сочинения: в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
2. Соловьёв, В. С. Россия и вселенская церковь. – Минск, 1999.
3. Соловьёв, В. С. Сочинения: в 2 т. – М., 1989. – Т. 2.
4. Соловьёв, В. С. Сочинения: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1.

ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Н. О. Щупленков

«В ранние годы я находился под большим влиянием Вл. Соловьёва и Л. М. Лопатина, но постепенно мои взгляды стали меняться – и здесь решающими были для меня размышления над понятием "личности"... все отступило перед неизбежностью построения метафизики человека», – так описывал эволюцию своего мировоззрения В. В. Зеньковский» [1, с. 253].

О чем бы ни писал В. В. Зеньковский – об истории отечественной философии или о творчестве выбранного им мыслителя, о педагогических задачах времени или о развитии христианского богословия, апологетики – всегда центром его исследований являлся человек, личность, судьба. А понятие человека, по мнению этого известного отечественного мыслителя, возможно лишь представив человека во всей системе мироздания в целом. При этом главной чертой окружающей действительности является столкновение сил добра и зла. В этой-то борьбе и проявляется сила человеческой личности, ее свобода, но не свобода как хаос и распад, а как созидующее начало, соединяющее человека с Богом: «Если человек зависит от природы, от социальной среды, то все же бесспорным является в нем факт свободы. Но акты свободы, коренясь в метафизической глубине человека, получают свою творческую силу лишь при сочетании с благодатной помощью "свыше", – без этого они бессильны и почти всегда отдают человека во власть зла» [1].

Обращаясь к современному существованию человека и человечества, видя проблемы, а порой и тупики бытия личности, Зеньковский считал необходимым ясно и четко сформулировать «учение о человеке». Так он видел основные, узловые моменты этого учения: «Человек в метафизическом освещении являет с наибольшей силой действие первородного греха. Та цельная жизнь, которая сочетается в живое единство тело, душу и дух, нарушается, но не разрушается смертью. Воскресение людей в Царстве Божием восстанавливает утрачиваемую

при смерти живую цельность жизни. Путь человека на земле стоит под знаком "креста" (у каждого человека, по учению Господа, "свой" крест, что обеспечивает несравнимость и своеобразие каждой личности), т.е. внутреннего закона, по которому может быть восстановлена утраченная (хотя в основе и не разрушенная) цельность в человеке. Отсюда понятна центральность в человеке его моральной жизни. Освобождение от власти "душевных" движений, одухотворение всего состава человека есть вместе с тем наша подготовка к торжеству вечной жизни в человеке» [1].

Определив таким образом основные константы бытия человека, Зеньковский подчеркивал, что на педагогике лежит важнейшая задача. С одной стороны – педагогика должна воспитывать в человеке устремление к совершенству, к сближению с Творцом и тем самым формировать личность. Как писал по этому поводу Зеньковский, «все педагогические усилия, какие вообще осуществимы, должны быть направлены на то, чтобы юное существо могло "найти себя" и творчески преобразовать свой состав, какой оно в себе находит, как взаимодействие наследственности, социальных и духовных влияний» [1]. А с другой стороны, задача педагогики помочь человеку оправдать свое существование через преодоление зла в мироздании. Указанные задачи делают педагогику наукой особенно важной, что еще более усиливается тем, что педагогика работает с человеком в начале его жизненного пути – с ребенком. Таким образом, Зеньковский являет нам пример создания новой педагогики на основаниях христианской антропологии [2; 4].

В. В. Зеньковский полагает, что только религиозная педагогика дает человеку объяснение его высших сил и целей. Конечно, процессы секуляризации в педагогике нельзя оценивать только как негативные. В них был и положительный момент, который заключался «в вере в человека, в вере в его творческую силу, способность к прогрессу, в вере в историю как путь и силу прогресса. Сама по себе эта вера не только не противоположна христианству, но, взятая с известными дополнениями, образует центральное ядро христианства, основанная на факте Боговоплощения и спасения человека через смерть и воскресение Спасителя. Христианство не просто возвышает человека над природой, присваивая ему царственное значение, но в идеале обожения оно расширяет царство человека за пределы Космоса, ибо людям дана «власть быть чадами Божиими» (Иоанн. 1.12). Христианство есть не только спасение человечества, но и новое откровение о человеке, о его грядущей судьбе, о Церкви, которая есть тело Христово, но которая в то же время есть Богочеловеческий организм, то есть неслиянное и нераздельное сочетание Божественного и человеческого начал» [5]. Такова обширная доказательная преамбула христианской педагогики, покоящейся на мировоззренческих основаниях христианской антропологии, которую во всех последующих работах В. В. Зеньковский будет неизменно повторять. В этой же работе он формулирует цели христианского воспитания: «Цель воспитания в свете Православия есть помощь детям в освобождении их от власти греха через благодатное восполнение, находимое в Церкви, помощь в раскрытии Образа Божия... раскрытие пути вечной жизни, как приобщение к вечной жизни в жизни эмпирической» [5, с. 151]. Позже в лекциях по педагогике В. В. Зеньковский разъясняет это определение. Итак, цель и смысл воспитательного вмешательства в жизнь ребенка заключаются в помощи ему в раскрытии образа Божия и

устранении всего, что мешает этому раскрытию. Эта цель определяет две задачи христианской педагогики.

Подготовить ребенка к вечной жизни, в Боге и с Богом, чтобы его земные дни не пропали даром, а смерть не была катастрофой. Это означает, что человека нужно спасти в земной жизни от падений и развить в нем то, что не утерется в жизни вечной. Главный путь педагогической работы в этом смысле «воспитание внутреннего человека». И именно «воспитание внутреннего человека» есть путь к антроподицее.

Одновременно следует подготовить ребенка к жизни земной, которая может вывести его к жизни вечной, но может и привести к ее потере. Здесь важна свобода от мелочей жизни, от несущественного, важно «не угасить духа». В конечном итоге, «задача воспитания должна быть поставлена так, чтобы первенствующей в ней была устремленность к небу, а не к земле. Человек тем и отличен от других живых созданий, что он не только принадлежит земле, но и подымается над ней, живет иным миром» [3, с. 41]. Диалектическое единство этих двух задач и должно, по мнению русского педагога, составлять основу христианской педагогики.

Временное и вечное связаны друг с другом как жизнь и смерть. «Воспитание для участия в жизни вечной» определяет религиозную составляющую воспитания, т.е. ставит и решает вопрос о соотношении в человеке натурального и абсолютного. Поэтому на первое место в педагогике выходят проблема человека и динамика его развития, представленная наиболее адекватно в христианской антропологии. Опираясь на нее, Зеньковский исследует сущностные стороны христианской педагогики.

Обращаясь к бесценному наследию отечественного философа и педагога, мы можем подвести итог словами самого В. В. Зеньковского: «В воспитании мы ведем дитя, помогаем ему достичь такой силы личности, при которой оно достаточно овладевает тайной свободы в себе; воспитание плодотворно лишь в той мере, в какой оно обращено к духовной жизни, пронизано верой в силу Божию, в человеке светящую как образ Божий, способно зажечь детскую душу любовью к добру и правде. Смысл воспитания в том, чтобы уяснить путь спасения, связать детскую душу с Церковью и напитать ее дарами свыше, живущими в Церкви. Связать проблему воспитания с темой спасения значит уяснить себе смысл воспитания» [5, с. 147].

Таким образом, мы видим, что В. В. Зеньковский не просто ставит задачу антроподицеи человека через построение теории, но предлагает практическое решение. Этим практическим, реальным решением проблем человеческого существования в настоящем и будущем является педагогика, основанная на христианских ценностях.

Литература и источники

1. Зеньковский, В. В. История русской философии. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2. – Л., 1991.
2. Зеньковский, В. В. Основы христианской философии. – Париж, 1964.
3. Зеньковский, В. В. Педагогика / Фонд «Христианская жизнь». – Клиф, 2002.
4. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – Париж, 1934.
5. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1996.

Н. С. ТИМАШЕВ О РЕЛИГИИ И ВЛАСТИ

Э. Д. Хафизов

Среди многочисленных публикаций Н. С. Тимашева (1886–1970) выделяются работы в области социологии религии. В его исследованиях получили отражение как теоретические, так и прикладные аспекты взаимодействия власти и церкви, функционирования религиозных организаций и объединений. В социокультурной динамике общества Николай Сергеевич религиозному фактору придавал ведущее значение. Он считал, что православная вера составляла основу духовной жизни русского народа, в условиях острых социальных катаклизмов, содействуя консолидации русской нации, определяла направление развития страны как христианской империи. В его представлении христианское содержание русской культуры, представляло собой совокупность собственно религиозной и светской гуманитарной, просвещенческой традиций (см.: [1]).

В сохранении культурных традиций и ценностей христианского мира Николай Сергеевич выделил религиозную составляющую культурной жизни в качестве существенного фактора сопротивления идеологии марксизма и оппозиции институтам власти в большевистской России. Исследуя положение религии, он выявил следующую закономерность: проводимая политика усиления или ослабления антицерковной деятельности неразрывно была связана со складывающейся ситуацией в международном положении СССР и факторами социально-экономического и политического развития внутри страны. Основу культурной политики, проводимой с учетом тактических задач сохранения и упрочения власти, составляла антиклерикальная направленность.

В первое десятилетие советской власти воинствующий атеизм был неотъемлемой частью коммунистической идеологии. В ходе активной антирелигиозной деятельности подвергались преследованию верующие, закрывались церкви, изымались ценности. Священнослужители ограничивались в правах и облагались высоким налогом и т. д. Большевики, по мнению Н. С. Тимашева, стремились использовать все средства и ресурсы в сохранении своей власти и консолидации сил в упрочении существовавшего строя. Поэтому им с неизбежностью приходилось считаться с религиозными аспектами русской культуры. В работе «Религия в Советской России» Тимашев, подчеркивая неразрывное единство православия и русского народа, отметил, что русский крестьянин с древнейших времен называл себя «krestianin», то есть христианином [2, р. 1].

В своих исследованиях профессор Тимашев стремился показать, что в религиозной сфере, как и в социальной среде, проявляются циклы флуктуации. Согласно Николаю Сергеевичу, всплеск антирелигиозных кампаний наблюдался в 1922–1923 гг., 1929–1930 гг. и 1937–1938 гг. Позиция конфессионального индифферентизма сменялась политикой создания неприемлемых условий для отправления культа православными (см.: [3]). В практике большевиков, наряду с использованием ресурсов институтов власти в ослаблении позиции христианской церкви получило широкое применение, по словам Тимашева, «разрушительной системы», включавшей в себя на легализацию ряда сектантских общин, поддержку обновленчества, а также покровительство иных религиозных верований. После

каждого этапа взлета антирелигиозной пропаганды и давления на церковь и священнослужителей, в силу разных причин, советские официальные органы были вынуждены ослаблять тиски давления на религию. Так, в преддверии второй Мировой войны во взаимоотношениях советского атеистического государства и церкви чередовались периоды гонений и некоторых послаблений в отношении верующих. В частности, для 1934–36 гг. были характерны упразднение антирождественских и антипасхальных приемов осуществления антирелигиозной пропаганды, восстановление духовенства в политических правах, доступ детей священнослужителей к получению среднего и высшего образования и т. д. [4, с. 183]. Если в 1937–1938 гг., по словам Тимашева, «казалось, что правительство твердо решило искоренить религию от сердца и души русских людей», то с началом 1939 г. снизилась острота давления на церковь, перестали судить верующих за совершение религиозных культов, прекратили необоснованное закрытие церквей и т. д. [5, р. 153]. В антирелигиозной политике 1939–1945 гг. советское правительство, по его мнению, стало демонстрировать показной компромисс во взаимоотношениях с религиозными организациями. Жестокие репрессии были заменены на различные формы непрямого давления на верующих. Примером ослабления позиции власти, по мнению профессора Тимашева, стала неудачная антирелигиозная кампания 1954 г., завершившаяся принятием постановления ЦК КПСС о недопустимости применения насильственных действий по искоренению религии [6, с. 217–219]. Тем не менее, даже в 1960-е гг. государство продолжало антирелигиозную пропаганду. Случаи грубого вторжения местных органов власти в деятельность церкви, закрытия ряда действовавших монастырей, семинарий, проведения показательных процессов над сектантами, пятидесятниками, евангелистами и т. д. позволяли ему утверждать, что в стране по-прежнему проводится политика по искоренению религии как массового явления [7, с. 287–291].

Тимашев был убежден, что радикальные методы антицерковной пропаганды, сила властных структур и мощь тоталитарного режима не смогли ликвидировать незримые оппозиционные настроения, существовавшие в стране (см.: [8]). Верующие продолжали составлять внушительную силу среди населения. Религиозное сознание выступало серьезным оппонентом марксистской идеологии, продолжая сохранять фундаментальные ценности русской культуры. Так, анализируя различные источники, ученый выявил, что в предвоенные годы из числа жителей старше 16-ти лет треть городских и две трети сельских жителей являлись верующими. Помимо верующих, составлявших примерно четверть населения страны, по его мнению, следует различать «новоязычников», «индифферентных» и «смятенных душ», пребывающих между «двумя полюсами притяжения», образующих большинство общества, и незначительную часть приверженцев идеологии марксизма. Даже к концу 1950-х годов четвертую часть в общей массе населения страны составляли верующие (см.: [9]). В общей тенденции взаимоотношений светской власти и институтов религии для него было очевидно, что всякое ослабление антирелигиозной пропаганды, проявление конфессионального индифферентизма являлись «внутренним поражением, по своему значению не меньшим, нежели фактический отказ от принципов коммунизма в области хозяйства» (см.: [3]). Исследователь полагал, что с утверждением в стране права свободы совести, постепенно будут наполняться

реально содержанием другие либеральные ценности. «Исторический же опыт показывает, – подчеркивал он, – что религиозная свобода ставит на очередь и другие. Не в ближайшем будущем, но в несколько более отдаленной перспективе видится возрождение тяги к свободе слова и печати» [10, с. 183].

Таким образом, несмотря на всю сложность научного анализа динамики религиозной составляющей советского общества, Н. С. Тимашев отметил возможность выявления «духовного или религиозного цикла» в социальной практике. Флуктуационный характер взаимоотношений власти и церкви проявлялся на всем протяжении существования страны Советов. Устойчивая динамика обращения к религии и церкви лиц среднего возраста, ранее бывших неверующими, давала ему основание верить, что в «следующий период своей истории Россия войдет не до конца опустошенной духовно, не отдающейся полностью той вере, которую в России зовут марксизмом-ленинизмом» (см.: [9]). В его представлении развитие страны во многом определяется социокультурными процессами, способствующими восстановлению и утверждению религиозных идеалов и ценностей. Он верил, что процесс возрождения России неразрывно связан с фундаментальными ценностями христианской культуры.

Литература и источники

1. Адамович, М. Н. С. Тимашев: русская тема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120>. – Дата доступа: 01.06.2011.
2. Timasheff, N. S. Religion in Soviet Russia: 1917–1942. – N.-Y., 1942.
3. Тимашев, Н. С. Церковь и советское государство // Путь (Париж). – 1929. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.odinblago.ru. – Дата доступа: 18.01.2012.
4. Тимашев, Н. С. Война и религия в СССР // Новый журнал (Нью-Йорк). – 1943. – № 5.
5. Timasheff, N. S. Religion in Russia. 1941–1950 // The Soviet Union: background, ideology, reality. – Notre Dame, 1951.
6. Тимашев, Н. С. Две идеологии (мысли о современном положении России) // Новый журнал (Нью-Йорк). – 1952. – № 53.
7. Тимашев, Н. С. Новое в антирелигиозной политике // Новый журнал (Нью-Йорк). – 1963. – № 73.
8. Тимашев, Н. С. Возможна ли в России революция // Возрождение (Париж). – 1935. – 11 июля.
9. Тимашев, Н. С. Религиозность в Советской России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socialist.meno.ru/books>. – Дата доступа: 01.06.2011.
10. Тимашев, Н. С. Мысли о послевоенной России // Новый журнал (Нью-Йорк). – 1945. – № 10.

ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

И. Б. Михеева

В научном и образовательном пространстве современной Польши без преувеличения большое место занимает такое исследовательское направление, как востоковедение (*orientalistyka*), включающее в себя также исламоведение (*islamoznawstwo*, *islamistyka*), арабистику (*arabistyka*), тюркологию (*turkologia*), африканистику (*afrykanistyka*), иранистику (*iranistyka*). Авторитетными

востоковедческими и арабоведческими исследовательско-образовательными центрами европейского масштаба являются, прежде всего, кафедра арабских и исламских исследований факультета востоковедения Варшавского университета (Katedra Arabistyki i Islamistyki), кафедра арабистики Ягеллонского университета в Кракове (Katedra Arabistyki), кафедра Ближнего Востока и Северной Африки Университета в Лодзи (Katedra Bliskiego Wschodu i Północnej Afryki), Лаборатория арабского языка и культуры Университета Николая Коперника в Торуне (Pracownia Języka i Kultury Arabskiej). В мировом научном сообществе широко известны связанные с этими центрами ведущие польские востоковеды, среди которых следует назвать Юзефа Белавского (Józef Bielawski), Януша Данэцкого (Janusz Danecki), Марека Декана (Marek M. Dziekan), Ежи Хаужиньского (Jerzy Hauziński), Катажыну Пахняк (Katarzyna Pachniak), Кшыштофа Кошчельняка (Krzysztof Kościelniak).

Рассмотрим подробнее научно-образовательную деятельность выше обозначенных структур.

Крупнейшим и старейшим востоковедческим и исламоведческим центром Польши является *кафедра арабских и исламских исследований факультета востоковедения Варшавского университета*, здесь же работает и *кафедра европейского ислама*, занимающаяся мусульманами, живущими в немусульманских странах. На обеих кафедрах готовятся докторские диссертации по литературоведческим и лингвистическим исследованиям в области арабистики и исламоведения.

Основными направлениями исследований кафедры арабских и исламских исследований выступают литературоведение, история классической и современной литературы, переводческое дело; языкознание, арабская диалектология; исламистика, исламская философия, история мусульманской политической мысли; доисламская арабская культура, классическая арабо-мусульманская культура; этнология и культура повседневности арабского мира; история и политические проблемы арабского мира, этноистория; история арабистики и исламистики; популярная культура арабского мира; методика преподавания арабского языка. В 2011 году кафедрой принято решение о создании специальной издательской серии «Исследования по арабистике и исламистике – Библиотека» (Studia Arabistyczne i Islamistyczne – Biblioteka), в рамках которой планируется издание оригинальных работ арабоведческой и исламоведческой тематики.

В Ягеллонском университете арабский язык преподавался еще в 1818–1826 годах, а в 1919 году здесь появилась первая в независимой Польше кафедра восточной филологии, на базе которой позже возник Институт восточной филологии. Учитывая растущий интерес к вопросам, касающимся не только филологии, но и широко понимаемых культур Ближнего Востока, Азии и Северной Африки, а также увеличивающиеся возможности предоставления более разнообразных исследовательских и дидактических услуг, в марте 2011 года Институт восточной филологии был переименован в Институт востоковедения Ягеллонского университета.

В настоящее время коллектив *кафедры арабистики Института востоковедения Ягеллонского университета* продолжает богатые традиции арабских исследований, предоставляя студентам широкий спектр различных

образовательных предложений (специализаций), включая изучение современного арабского языка и его диалектов, филологическое образование в литературоведческом и лингвистическом аспектах, исследование актуальных вопросов, касающихся исламской цивилизации и ее столкновения с цивилизацией европейской, проблем исламской культуры и истории, современных социальных проблем, пронизывающих мусульманское общество.

Кафедра Ближнего Востока и Северной Африки Университета в Лодзи, основанная в 2005 году, занимается проведением комплексных исследований культуры Ближнего Востока и стран Северной Африки, включая Турцию и Иран. Библиотека кафедры располагает богатыми фондами из сотен книг, главным образом, на польском и арабском языках. Большая часть книжного фонда подарена кафедрой арабских и исламских исследований Варшавского университета, Центром неевропейских стран Польской академии наук, Национальной библиотекой в Алжире, посольствами Египта, Кувейта и Ливана. С 2008 года сотрудниками кафедры издается ежегодный журнал «Между Востоком и Западом. Лодзкие востоковедческие исследования» (*Między Wschodem a Zachodem. Łódzkie Studia Wschodoznawcze*). Этот издательский проект реализуется в сотрудничестве с Центром еврейских исследований Университета в Лодзи.

Ежегодно кафедра организует серию научных конференций и семинаров. Самый крупный из этих проектов – состоявшаяся в 2005 году VII Арабоведческая национальная конференция, в работе которой приняли участие более 60 докладчиков, в том числе иностранные гости. С 2004 года при кафедре Ближнего Востока и Северной Африки, а также при факультете международных и политологических исследований университета активно работает научный студенческий кружок по изучению Ближнего Востока «Аль-Машрик» (*Koło Naukowe Bliskiego Wschodu "Al-Maszrik"*). Кружок занимается организацией и проведением научных конференций, дискуссионных панелей, арабоведческих семинаров.

Наряду с университетскими кафедрами, предлагающими образовательные услуги в области востоковедения, в Польше представлены также экспериментальные площадки, занимающиеся той же тематикой, и среди них – *научно-исследовательская Лаборатория арабского языка и культуры при Университете Николая Коперника в Торунь*. Лаборатория как самостоятельная структурная единица является частью филологического факультета Университета с октября 2011 года и своей задачей ставит подготовку специалистов в области литературоведения и языкознания, а в связи с ростом интереса к культурам Ближнего Востока и Северной Африки, – также в смежных с филологической наукой сферах, а именно в области исследования мусульманской культуры, цивилизации, истории и политики, исламской философии и религии, арабского и мусульманского мира в целом.

Своими основными научно-исследовательскими направлениями Лаборатория называет такие, как классическая и современная арабская литература; культура и цивилизация арабского и мусульманского мира; языкознание; ислам; история Ближнего Востока и Северной Африки; современная социально-политическая ситуация в арабских и мусульманских странах; христианство Востока. Лаборатория является организатором международных конференций, посвященных вопросам межконфессионального диалога, особенно диалога между

христианством и исламом. Ее сотрудники выступают также организаторами и со-организаторами Дней арабской культуры и ежегодного Торуньского фестиваля наук и искусств.

Весьма перспективным и эффективным для комплексного изучения арабо-исламской проблематики в Лаборатории считают такую образовательную специализацию, как прикладная лингвистика, предполагающая одновременное изучение французского и арабского языков. Французский язык, как известно, является не только одним из языков дипломатии, издавна ценным в Европе, но и своего рода языком-проводником в североафриканских странах. В свою очередь, арабским языком владеют 250 миллионов арабов в 25 странах Юго-Западной Азии и Африки, а его основы знает более одного миллиарда мусульман по всему миру. Изучая французский язык на самом современном уровне и одновременно начиная изучение арабского языка, можно в итоге, полагают в Лаборатории, получить чрезвычайно востребованное сегодня образование филолога-романиста с дополнительными компетенциями в области арабистики. Знание истории двух языков, элементов культуры и литературы на французском и арабском языках, а также приобретенные языковые и переводческие навыки могут быть использованы выпускниками в работе в СМИ и в дипломатии, в современных политических, экономических и культурных контактах со странами французского и арабского языкового ареала. Учебная программа по этой специализации включает в себя в общей сложности 2310 учебных часов и разработана с учетом мобильности будущих студентов в рамках международных программ обмена с университетами-партнерами. В процессе обучения изучаются история мусульманских стран от доисламского периода до современности, история арабской литературы, основы религии и философии ислама, социально-политические проблемы мусульманских государств, текущая экономическая и политическая ситуация в арабских странах, арабо-мусульманская культура, источники информации о ситуации в арабских странах, культуре, географии, истории и религии.

Социальная миссия Церкви и межконфессиональные отношения в глобальном мире

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е. Е. Зенкевич

Благотворительная деятельность, вдохновляемая идеями милосердия и человечности, традиции помощи людям, оказавшимся в беде, являются неотъемлемой частью нравственной культуры любого общества.

С евангелических времен помощь страждущим была одним из основных направлений христианского служения ближним, ибо Иисус Христос примером своей земной жизни показал, что Он понимал проповедуемую им любовь к ближнему в самом буквальном и реальном смысле.

Милосердие выражает важнейшую идею христианства: Бог есть Любовь. Любовь и милосердие противопоставляются агрессивности и злу и возвышаются

над ними. Идеалом нравственной личности становится человек милостивый, чистый сердцем, миротворец, способный даже врагов своих любить и не противиться злему. Первые христиане придавали слову «милосердие» смысл прощения и деятельной любви, направленной к другому человеку, кто бы он ни был, из какого бы народа ни происходил и какую бы веру не исповедовал.

Христианство выдвинуло новый принцип всепрощающей, милосердной любви к ближнему, которая и делает человека равным Богу. Идея всеобъемлющего милосердия стала центральной в учении отцов и учителей христианской церкви на протяжении всей ее истории.

В современном православии интерес к социальному служению Церкви начинает возрождаться с 50-х годов прошлого столетия. Вопросы развития социальных инициатив начинают ставиться на поместных и архиерейских соборах, в выступлениях руководителей церкви. Идеи и практика религиозного милосердия получают освещение в работах православных богословов: разработка этой темы связывается не только с вопросами христианской нравственности и духовного опыта, но и с осмыслением проблемы человека в современном мире.

Концепция милосердия является одной из центральных в православии, представляя милосердие как активное вмешательство христиан в земные дела ради уничтожения самих причин страдания, как «вызов укладу жизни, закрепившему социальную, экономическую и расовую несправедливость, вызов нашим инстинктам, вызов основному закону биологической жизни, который предполагает выживание сильнейшего» [3, с. 63].

Православное учение о милосердии несет в себе и светский, и сакральный компоненты. Оно представляет собою общечеловеческую норму и ценность и является важнейшим моральным критерием для оценки решений и действий людей. Важнейший аспект милосердия – это не просто сострадание, это есть «высшая созидательная сила, призыв к действию, к человечности» [4, с. 50], которая наиболее полно проявилась в благотворительной деятельности христиан.

В течение многих десятилетий советской власти организованная благотворительная деятельность Церкви была под запретом. Но, следуя историческим традициям служения милосердия, с самого начала легализации церковной благотворительной деятельности в начале 90-х годов Православная Церковь активно включилась в работу по оказанию помощи страждущим соотечественникам.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится: «Целью Церкви является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира... Церковь призвана принимать участие в устроении человеческой жизни во всех областях, где это возможно» [5, с. 4].

Сфера социального служения приобретает все большее значение в современной жизни Православной Церкви. Основным объемом церковной социальной работы в Беларуси Церкви выполняют православные сестричества милосердия, осуществляющие патронаж над больными, немощными и одинокими людьми по месту жительства, больницах, в домах престарелых и инвалидов, опекающие детей-сирот в детских домах, помогающие малообеспеченным, многодетным и неблагополучным семьям, несущим милосердие и христианскую заботу туда, где проблема помощи ближнему стоит очень остро.

Социальное служение Православной Церкви до недавнего времени развивалось и строилось исключительно в благотворительных намерениях и волонтерских началах. Но количественное развитие церковных социальных инициатив и служб в регионах поставило вопрос эффективного функционирования этих служб и предоставления качественных услуг нуждающимся. Поэтому сотрудники этих организаций должны обладать определенными профессиональными навыками, уметь грамотно оперировать информацией и выполнять значительные объемы работ.

В 2011 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви принят документ «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви», который ознаменовал переход от стихийного развития деятельности по оказанию помощи нуждающимся к упорядочению и системной организации социального служения.

Тенденции, наблюдаемые сегодня в сфере социального служения Белорусской Православной Церкви, во многом заслуживают позитивной оценки. Возникают и планомерно развиваются социальные инициативы приходов, направленные на оказание помощи инвалидам, престарелым, многодетным семьям, ведется работа с заключенными, а также людьми, страдающими алкогольной и наркотической зависимостью. Развивается и координируется сеть сестричеств милосердия как на епархиальном уровне, так и на уровне республики. Структура и деятельность Союза сестричеств милосердия Белорусской Православной Церкви в настоящее время является наиболее системной и организованной и направлена на упорядочение отдельных инициатив сестричеств, а также на повышение качества и расширение объема социальной помощи, предоставляемой православными сестричествами милосердия. Заслуживают внимания и высокой оценки также и инициативы молодежных братств.

Участие в таких делах милосердия, как уход за тяжелобольными людьми, престарелыми и инвалидами требует не только «милующего сердца», но и профессиональных знаний и умений. Как отметил в докладе на юбилейном архиерейском соборе Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, «нам необходимы профессионалы в различных областях социальной работы и в сфере здравоохранения» [2, с. 13].

Профессиональная подготовка церковных социальных работников и сестер милосердия становится в современных условиях не только крайне желательным, но и обязательным формальным условием допуска к работе в медицинских и социальных учреждениях. Важной задачей деятельности церковных социальных структур является накопление, апробация и передача медико-социальных знаний приходам, приходским общинам сестер милосердия, патронажным службам и другим заинтересованным организациям.

Распространяемые знания и умения должны быть приведены в определенную систему, имеющую научное, методическое и организационное обоснование, и должны соответствовать современным формам получения профессионального образования разных ступеней или повышения профессионального образования в разной форме.

Профессионализм человека – это не только достижение им высоких производственных показателей, но и особенности его профессиональной

мотивации, система его устремлений, ценностных ориентаций, смысла труда для самого человека. Для верующего человека основой и мотивацией работы в церковных благотворительных организациях является аспект духовного совершенствования путем сострадания и активного милосердия.

Волонтерская деятельность как проявление милосердия и человеколюбия будет существовать до тех пор, пока сохраняется потребность людей в той или иной помощи и ограниченность возможностей государства удовлетворять потребности своих граждан в социальной поддержке. Поэтому основы добровольческой деятельности и подготовка к использованию волонтеров на практике должна стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки социальных работников.

Возрождение и развитие благотворительной деятельности в Беларуси во многом зависит от преодоления разобщенности государственных, общественных и церковных организаций, занятых социальным служением. Нужна целостная государственная программа поддержки благотворительной деятельности, включающая в себя комплекс законодательных, экономических, организационных и кадровых мер. Необходимо возродить традиции меценатства, привлечь внимание к делам милосердия и благотворительности предпринимательских кругов. Координация деятельности, налаживание сотрудничества, особенно в регионах, между государственными, религиозными и светскими общественными организациями, наряду с финансовой помощью и созданием правовой базы благотворительности, являются важнейшими условиями возрождения и развития милосердного служения в Беларуси.

Литература и источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Russian Orthodox Bible, United Bible Societies, 1991.
2. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на юбилейном архиерейском Соборе Русской Православной Церкви // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. – Нижний Новгород, 2001.
3. Кирилл, архиепископ Смоленский и Калининградский. Проповедь во время молитвы в связи с заседанием Исполкома ВСЦ // Журнал Московской патриархии. – М., 1987.
4. Мень, А. Мир Библии. – М., 1990.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2000.
6. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви. – Москва, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.diaconia.ru/articles/documents/o-printsipakh-organizatsii-sotsialnoj-raboty-v-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>. – Дата доступа: 01.09.2011.
7. Соловьёв, В. С. Избранные произведения. – М., 1991.

УМОВЫ ЁДЗЕЛУ БПЦ У ГРАМАДСКІМ ЖЫЦЦІ КРАІНЫ 1989–2010 ГГ.

В. В. Шумская

З канца 80-х гадоў XX ст. настаў новы перыяд у гісторыі царквы на Беларусі. Прававы статус яе яшчэ заставаўся былым, працягвала дзейнічаць пастанова ЦВК РСФСР «Аб рэлігійных аб'яднаннях» 1929 г., якая пазбавіла

царкву магчымасці нармальнага існавання [1]. Умовы дзейнасці пачалі мяняцца з красавіка 1988 г.

Сведчаннем гэтаму з'яўляецца сустрэча Генеральнага сакратара ЦК КПСС М. С. Гарбачова з Патрыярхам Маскоўскім і ўсяе Русі Піменам і пастаяннымі членамі свяшчэннага Сінода. Пасля сустрэчы намеціліся новыя падыходы да становішча вернікаў і іх арганізацый у грамадстве, узаемаадносін дзяржавы і царквы.

Праблема свабоды веравызнання знайшла адлюстраванне ў рабоце XIX Усесаюзнай партыйнай канферэнцыі, якая адбылася ў чэрвені–ліпені 1988 г., дзе была заяўлена ўстаноўка на дэмакратызацыю рэлігійнага жыцця, пазбаўленне ідэалагічнага ціску.

У Праваслаўнай царквы з'явілася магчымасць дзейнічаць незалежна, ёй пачалі вяртаць адабраную маёмасць і святыні, што знаходзіліся ў музеях. Новыя ўмовы развіцця рэлігійных арганізацый садзейнічалі таму, што многія вернікі перасталі захоўваць у тайне свае перакананні, уключыліся ў жыццё тых ці іншых рэлігійных арганізацый.

Аб змене палітыкі да рэлігійных арганізацый сведчыла і ўрачыста адсвяткаванае 1000-годдзе Хрышчэння Русі [2, с. 78]. У БССР, як і ў цэлым па краіне, упершыню за гады савецкай улады юбілей прайшоў без ідэалагічнага ўціску. Можна сказаць, што гэтыя ўрачыстасці ў гонар царкоўна-гістарычнага юбілею сталі лёсавызначальнымі для народаў вялікай краіны. Гэта дата стала не толькі пераломным пунктам у царкоўным жыцці, але і атрымала шырокі рэзананс за мяжой.

У 1989 г. некалькі святароў і епіскапаў былі абраны дэпутатамі з'езда народных дэпутатаў СССР [3, с. 16].

Этнасацыялагічныя даследаванні, праведзеныя ў БССР, паказалі, што за 1988–1989 гг. колькасць веруючых павялічылася амаль у 2 разы. Кожны чацвёрты апытаны беларус у 1989 г. заявіў аб сваім вераванні. [4, с. 317].

У кастрычніку 1989 г. архіерэйскі Сабор Рускай праваслаўнай царквы прыняў рашэнне пра ўтварэнне Беларускага Экзархата [3, с. 16]. Другім раўназначным афіцыйным найменнем Беларускага экзархата з'яўляецца Беларуская праваслаўная царква [5, с. 129]. Вышэйшая заканадаўчая і выканаўчая ўлада ў экзархаце належыць Сіноду. У яго ўваходзяць пяць епіскапаў беларускіх епархій [6, с. 39]. Узначальваў Сінод Мітрапаліт Мінскі і Слуцкі, Патрыяршы Экзарх усяе Беларусі Філарэт. Гэта стала важнай падзеяй для Беларусі.

Аднаўляліся епархіі. У кастрычніку 1989 г. былі адроджаны Полацкая, Магілёўская і Пінская епархіі, у студзені 1990 г. адноўлена Гомельская і заснавана Брэсцкая кафедры, у лютым 1992 г заснаваны Навагрудская і Гродзенская, а ў маі 1992 г. – Тураўская і Віцебская кафедры [7].

Яшчэ адным прыкладам таго, што савецкая ўлада адносілася да Царквы па-іншаму, адмовіўшыся ад афіцыйнага атэізму, з'явілася ўручэнне 30 мая 1991 г. Свяцейшаму Патрыярху пасведчання аб рэгістрацыі Грамадзянскага ўстава Рускай Праваслаўнай Царквы.

Актывізацыі рэлігійнага жыцця спрыялі сыход з палітычнай арэны КПСС – КПБ, абвяшчэнне палітычнай і эканамічнай незалежнасці новай дзяржавы – Рэспублікі Беларусь, якая канстытуцыйна гарантавала ўсім грамадзянам свабоду сумлення і веравызнання. Гэта стварыла шырокую прававую аснову для

дэідэалагізацыі і плюралізму духоўнага жыцця, светапогляду і жыццёвых устаноў кожнай асобы [4, с. 317].

Праблема Царквы, якая выражалася ў недахопе прыходаў, іх колькасць не адпавядала колькасці веруючых, стала паступова вырашацца. У канцы 80-х гг. у масавым парадку сталі адчыняцца прыходы, але гэта адбывалася ва ўмовах барацьбы з многімі партыйнымі і савецкімі работнікамі, якія па інерцыі бачылі ў праваслаўных абшчынах заклятага ворага. Саюзнікамі вернікаў выступілі Саветы па справах рэлігій у Мінску і Маскве, якія ішлі насуперак патрабаванням партыйных і савецкіх органаў не рэгістраваць тыя ці іншыя прыходы. У выніку гэтых падзей на пачатак 1991 г. налічвалася ўжо 609 праваслаўных прыходаў [8, с. 181].

Як бачна, пэўныя крокі з боку дзяржавы былі зроблены яшчэ ў канцы 1980-х. Набытая незалежнасць Рэспублікі Беларусь дазволіла распрацаваць і прыняць уласную нарматыўна-прававую базу ў адносінах да рэлігійных арганізацый.

За 90-я гг. XX ст. колькасць духоўных школ Праваслаўнай царквы значна ўзрасла. Пачаліся пазабагаслужэбныя катэхізатарскія заняткі з веруючымі, за якія свяшчэнства ўжо не праследавалася, з'явіліся першыя нядзельныя школы. Праваслаўныя святары пачалі выконваць тыя абрады, што раней забараняліся ўладамі: адпраўленне трэбаў, асвячэнне жылля, гаспадарчых пабудоў, калодзежаў, прыватных аўтамабіляў і г. д. [2, с. 86].

Царкоўныя дзеячы атрымалі доступ да сродкаў масавай інфармацыі – у друк, на радыё і тэлебачанне. Пачалі выдавацца вучэбныя дапаможнікі для семінарыяў і вучылішч. З'явіліся рэлігійныя радыёстанцыі і тэлепраграмы, напрыклад, «Месяцеслов» і «Канон».

Адметным стала і святкаванне ў 1992 г. яшчэ аднаго юбілея: 1000-годдзя заснавання самай старажытнай на Беларусі Полацкай епіскапскай кафедры. Звязаныя з гэтым урачыстасці прайшлі ў Мінску, Заслаўі і Полацку. Яны звярнулі на сябе ўвагу вялікай колькасці грамадзян і спрыялі абуджэнню іх цікавасці да царкоўнага жыцця [8, с. 181]. У 1992 г. у Заслаўі ўстаноўлены крыж у гонар святкавання 1000-годдзя праваслаўнай царквы ў Беларусі [3, с. 18].

Грунтуючыся на гістарычных нацыянальных традыцыях народа Беларусі, зыходзячы з прынцыпаў дэмакратызму, гуманізму, пераемнасці і святасці духоўнай культуры, 19 снежня 1991 г. Вярхоўны Савет Рэспублікі Беларусь прыняў закон «Аб святочных днях у Рэспубліцы Беларусь». Былі прызнаны нерабочымі (святочнымі) дні вялікіх рэлігійных свят па календары праваслаўнай і каталіцкай канфесій: Вялікдзень (Пасха) – дзень першы, Вялікдзень – дзень другі; па календары праваслаўнай канфесіі – Радаўніца; 2 лістапада – Дзень памяці; 25 снежня і 7 студзеня – Нараджэнне Хрыстова (каталіцкія і праваслаўныя каляды) [4, с. 318].

26 сакавіка 1998 г. указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка «Аб дзяржаўных святах і святочных днях у Рэспубліцы Беларусь» [9, с. 176] колькасць святочных дзён была паменшана: рабочымі днямі аб'яўлены другі дзень Вялікадня (па праваслаўным і каталіцкім календарам), Дзень памяці.

Новая палітыка беларускай дзяржавы ў стаўленні да веруючых знайшла адлюстраванне ў законе Рэспублікі Беларусь «Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях», які быў прыняты ў снежні 1992 г. [3, с. 17]. Гэта была

Такія ўмовы садзейнічалі далейшаму павышэнню рэлігійнасці насельніцтва і разбурэнню атэізму. У. І. Навіцкі, У. М. Завальнюк гэтыя падзеі параўноўваюць з паслярэвалюцыйным перыядам, калі адбываўся адыход насельніцтва «ад рэлігіі да атэізму». Назіраўся другі ўдар «духоўнага маятніка», які хіснуўся ў адваротны бок [4, с. 319].

Даследчыкі называюць 90-я гады для Беларусі, як і для ўсёй пастсавецкай прасторы, перыядам своеасаблівага «рэлігійнага рэнесансу» [2, с. 89], які характэрызаваўся абуджэннем масавай актыўнасці, не толькі палітычнай, але і ідэалагічнай. «Рэнесансу» садзейнічаў не толькі перагляд царкоўна-дзяржаўных адносін. У тых умовах для значнай часткі грамадства прываблівым фактарам з'яўлялася тое, што рэлігія ставіць ў цэнтр увагі маральны абсалют, агульначалавечыя каштоўнасці, а не класавую мараль «рэвалюцыйнай мэтазгоднасці» [4, с. 320]. Гэта падштурхнула людзей да пошуку сярод рэлігійных каштоўнасцяў апоры маральных паводзін, грамадскіх ідэалаў, культурных традыцый.

Палітычныя змены ў канцы 1980-х–пачатку 1990-х гг. выклікалі ў свядомасці людзей змены ідэалагічныя, што прывяло да павелічэння колькасці веруючых і стварэння рэлігійных абшчын розных канфесій. Новыя канфесіі, якія да гэтага ў Беларусі не існавалі, або іх адносілі да сектаў (дэструктыўных культураў) знайшлі сваіх прыхільнікаў [3, с. 17]. Інтэнсіўнасць росту была не аднолькавая для ўсіх канфесійных кірункаў. Традыцыйныя для Беларусі рэлігіі адраділіся хутчэй.

Дэмакратызацыя грамадскага жыцця садзейнічала росту і развіццю рэлігійных аб'яднанняў. Ужо на пачатак 1997 г. налічвалася 2120 абшчын розных рэлігійных кірункаў супраць 842 у 1988 г. Колькасць канфесій за гэты час вырасла з 8 да 26. Гэта прывяло да стварэння полікафесіянальнай структуры ў беларускім грамадстве, чаго не назіралася раней [4, с. 320].

Абранне А. Р. Лукашэнка Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь садзейнічала далейшым істотным зменам у накірунку палітыкі дзяржавы ў канфесійнай сферы, якая характэрызуецца ў лікам інтарэсаў царквы праз дыялог (а потым і супрацоўніцтва) з традыцыйнымі рэлігіямі

Актывізацыя рэлігійнай дзейнасці патрабавала падрыхтоўкі кадраў. З першага верасня 1989 г. на базе Жыровіцкага Свята-Успенскага мужчынскага манастыра аднавіла дзейнасць Мінская духоўная семінарыя.

У 1993 г. пры Еўрапейскім гуманітарным універсітэце ў Мінску быў адчынены багаслоўскі факультэт. Яго дэканам з'яўляўся мітрапаліт Мінскі і Слуцкі Філарэт. Дзякуючы намаганням супрацоўнікаў факультэта ў 1995 г. спецыяльнасць «Тэалогія» атрымала кваліфікацыю дзяржаўнай [11].

За перыяд з 1986 г. па 1996 г. дзяржава перадала праваслаўным абшчынам 334 кульгавыя будынкi. На пачатак 1997 г. дзейнічалі 804 праваслаўныя царквы, 60 знаходзіліся ў стадыі будаўніцтва [4, с. 322].

Новыя падыходы ў адносінах да рэлігійных арганізацый былі таксама замацаваны ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г. са змяненнямі і дапаўненнямі 1996 г. У артыкуле 16 абумоўлівалася равенства рэлігій і веравызнанняў перад законам, адзначалася, што узаемаадносіны дзяржавы і рэлігійных арганізацый рэгулююцца законам з улікам іх уплыву на фарміраванне духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый беларускага народа [12, с. 8].

Беларуская праваслаўная царква знаходзіцца пад патранажам дзяржавы,

Прэзідэнта А. Р. Лукашэнкі. Адносіны да БПЦ кіраўнік дзяржавы праілюстравалі ў выступленні на сустрэчы з Патрыярхам Маскоўскім і Усея Русі Алексіем II 22 ліпеня 1995 г. пад час яго прыезду ў краіну. «Зусім нядаўна дзяржавай аказана дапамога царкве ў памеры 1 млрд рублёў, – сказаў Прэзідэнт. – Хаця гэтага, канешне, яўна недастаткова, мы такую палітыку будзем працягваць» [4, с. 324].

Як бачна, постсавецкія гады абагацілі рэлігійнае жыццё ў Беларусі. Кожнаму грамадзяніну было прадастаўлена права спавядаць любую рэлігію альбо быць атэістам. Вырасла колькасць канфесій, рэлігійных абшчын, якія карыстаюцца вялікім аўтарытэтам у насельніцтва. Грамадства зацікаўлена ў дыялогу прадстаўнікоў розных канфесій, зацвярджэнні прынцыпаў талерантнасці і супрацоўніцтва. Паважлівыя узаемаадносіны з’яўляюцца гарантам сацыяльнага міру і спакою на беларускай зямлі.

Радаснай падзеяй ў жыцці веруючых Беларусі стаў шэраг кананізацый. Яны сведчаць аб жыццядзейнасці царквы, аб узростаючым асэнсаванні яе гістарычнага мінулага [8, с. 181]. У 2006 годзе пры Беларускам Экзархаце створана Камісія па кананізацыі святых, для падрыхтоўкі матэрыялаў, якія б маглі служыць падставай для ўслаўлення ў будучым новых «угодніков Божых» [8, с. 182].

Будаўніцтва новых культавых аб’ектаў у Беларусі – капліц-помнікаў, мемарыяльных комплексаў і цэркваў-помнікаў – вядзецца ў гонар падзей, якія адбыліся ў другой палове XX ст. У Траецкім прадмесці на Востраве мужнасці і смутку на р. Свіслач у 1995–1996 гг. узведзена капліца-помнік «Сынам Айчыны, што загінулі за яе межамі» [3, с. 18].

Працягваецца старажытная традыцыя паломніцтваў да праваслаўных святыняў – не толькі ў Жыровічы, Полацк, Вільню (найбольш пашыраныя цэнтры паломніцтваў), але і ў Іерусалім, Афон, Кіеў [2;98].

Умацаванне пазіцый праваслаўнай царквы ў Беларусі вялося пад кіраўніцтвам мітрапаліта Мінскага і Слуцкага (1989–2013 г. Патрыяршы экзарх усяе Беларусі) Філарэта. Па яго ініцыятыве створаны Беларускі экзархат, адроджаны многія манастыры і епіскапскія кафедры, створана Біблейская камісія, якая займалася перакладам на беларускую мову Новага Запавету. Перакладзены і выдадзены тры евангеллі – паводле Матфея, паводле Марка, паводле Лукі. Перакладзена евангелле паводле Іаана Багаслова. З 1996 г. штогод выдаюцца беларускія праваслаўныя календары. На беларускай мове надрукаваны тэксты літургіі. Выдадзена ў 1999 г. кніга І. А. Чароты «Беларуская мова і царква» [3, с. 19].

Па бласлаўленню Філарэта ў 1997 г. мастак эмальер Мікола Кузьміч стварыў аналаг Крыжа Прападобнай Ефрасінні Полацкай (прапаўшага ў 1941 г.). Гэта падзея стала адным з найбольш яркіх сімвалаў адраджальнага руху на Беларусі царкоўнага жыцця [8, с. 182].

Закон «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях» уступіў у дзеянне з 16 лістапада 2002 г. [13, с. 122]. Выкананне беларускага заканадаўства ў адносінах культураў кантраляваў Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь [3, с. 23].

Такім чынам, рэлігійныя арганізацыі атрымалі шырокія правы па ажыццяўленню сваёй дзейнасці. Безумоўна, прыняцце Закона Рэспублікі Беларусь «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях» адлюстроўвала змену адносін дзяржавы да рэлігіі і рэлігійных арганізацый, гэта паслужыла крокам да далейшага

дасканалення нарматыўна-прававой базы, прадаставіла вызначаным арганізацыям шырокія магчымасці для актыўнай рэлігійнай і сацыяльназначнай дзейнасці.

Рэлігійныя арганізацыі не выконваюць дзяржаўных функцый. Яны маюць права ўдзелу ў грамадскім жыцці, а таксама выкарыстоўваць нараўне з іншымі грамадскімі аб'яднаннямі сродкі масавай інфармацыі.

У прэамбуле да закона, разам з забяспечванем права кожнага чалавека на свабоду сумлення і свабоду веравызнання, на роўнасць перад законам незалежна ад адносін да рэлігіі, неабходнасці садзейнічання дасягненню ўзаемаразумення, цяпымасці і павагі да рэлігійных пачуццяў грамадзян была адзначана роля канфесій у гістарычным станаўленні беларускага народа, развіцці яго духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый. Падкрэслена вызначальная роля праваслаўнай царквы, духоўная і культурная роля каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі. Прэамбула не нясе юрыдычных наступстваў, тым не менш яна канстатуе пэўныя змены падыходаў дзяржавы да праблем рэлігіі і свабоды веравызнання.

У цяперашні час створаны і дзейнічаюць розныя органы дзяржаўнай улады на розных яе ўзроўнях. На рэспубліканскім узроўні гэта Упаўнаважаны па справах рэлігій і нацыянальнасцей, Упраўленне па справах сацыяльна-культурнага комплексу Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, адпаведныя камісіі Палаты Прадстаўнікоў і Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь [14, с. 44].

Перыядычна праводзіцца работа па ўдасканаленню заканадаўства, у тым ліку і падатковага (усе зарэгістраваныя рэлігійныя арганізацыі цяпер маюць істотныя ільготы). Як адзначае былы Старшыня Канстытуцыйнага Суда Р. А. Васілевіч, у Беларусі дзейнічае дастаткова сучаснае заканадаўства. 1 снежня 2005 г. Указам Кіраўніка дзяржавы рэлігійныя арганізацыі былі вызвалены ад зямельнага падатку і падатку на нерухомасць. Органы дзяржаўнага кіравання аказваюць неабходную падтрымку па пытаннях будаўніцтва культавых будынкаў [15, с. 23].

Развіццё ўзаемаадносін паміж дзяржаўнай уладай Рэспублікі Беларусь і Беларускай праваслаўнай царквой садзейнічала заключэнню 12 чэрвеня 2003 г. Пагаднення аб супрацоўніцтве паміж Рэспублікай Беларусь і Беларускай Праваслаўнай царквой [9, с. 7–10].

Штуршком да падрыхтоўкі праграмы супрацоўніцтва паслужыла прапанова Прэзідэнта, выказаная ім у снежні 2002 г. на сустрэчы са Святым Сінодам БПЦ. Развіццё супрацоўніцтва прадугледжвалася у сферы навукі, культуры, аховы навакольнага асяроддзя і бяспекі жыццядзейнасці, развіцці спорту і турызму, сацыяльнай абароны, дабрачыннасці, садзейнічання умацаванню сям'і, мацярынства і дзяцінства, прафілактыкі правапарушэнняў і клопат аб асобах, якія знаходзяцца ў месцах пазбаўлення свабоды і адбываючых пакаранне; сродкаў масавай інфармацыі, духоўна-маральнага і патрыятычнага выхавання ваеннаслужачых [16, с. 57]. У хуткім часе пасля гэтага былі прыняты адпаведныя пагадненні аб супрацоўніцтве паміж Беларускай праваслаўнай царквой і пагранвойскамі [9, с. 84]. Дзяржаўным камітэтам па авіяцыі Рэспублікі Беларусь, Камітэтам выканання пакаранняў Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь і Белдзяржтэлерадыёкампаніяй [16, с. 58]. Акрамя таго, былі прыняты Праграмы ўзаемадзеяння БПЦ з Міністэрствам аховы здароўя, Міністэрствам інфармацыі, Міністэрствам культуры, Міністэрствам абароны, Міністэрствам

адукацыі, Міністэрствам па надзвычайных сітуацыях, Міністэрствам прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя, Міністэрствам спорту і турызму, Міністэрствам працы і сацыяльнай абароны, з Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі, з Камітэтам па праблемах наступстваў катастрофы на Чарнобыльскай АЭС, Мінгарвыканкамам, Мінаблвыканкамам, а таксама з шэрагам абласных і раённых выканаўчых камітэтаў [9].

Сёння ў краіне актыўна развіваюцца самыя розныя формы супрацоўніцтва дзяржаўных устаноў і рэлігійных арганізацый. Значнай увагай надзяляецца арганізацыя сумеснага даследавання шэрагу праблем культурна-гістарычнага развіцця краіны і царквы, вывучэнню філасофскіх і рэлігійных асноў жыцця беларускага народа, а таксама навуковай распрацоўцы гісторыі духоўна-маральных праваслаўных традыцый. Правядзенне такіх мерапрыемстваў, як Кірыла-Мяфодзіеўскія, Свята-Міхайлаўскія, Ефрасіннеўскія, Свята-Панцелеймонаўскія чытанні, фестывалі праваслаўных спеваў, правядзенне сумесных навукова-практычных канферэнцый набываюць даўгатэрміновы характар [17, с. 216].

Вялікая увага БПЦ прысвячаецца ўстановам крымінальна-выканаўчай сістэмы Гродзенскай вобласці. У некаторых установах ёсць храмы або малельныя пакоі, ва ўсіх ёсць бібліятэкі духоўнай літаратуры. За кожнай папраўчай установай замацаваны свяшчэннаслужыцелі [18, с. 43].

У нашы дні намаганьнямі свецкіх улад і служыцеляў царквы развіваюцца партнёрскія адносіны і супрацоўніцтва дзяржавы і рэлігійных арганізацый, накіраванае на ўмацаванне чалавечага духу і здзяйсненне навуковых адкрыццяў на дабрабыт беларускага народа [17, с. 218].

Беларусь уваходзіць у МАП, задачы якой у актывізацыі міратворчых імкненняў праваслаўнага насельніцтва Еўропы для пераадолення міжканфесійных супярэчнасцей, вынаходжання гарманічных сродкаў культурнага і духоўнага супрацоўніцтва ўсіх народаў кантынента, пашырэння кантактаў паміж палітычнымі, парламенцкімі, царкоўнымі і навуковымі і духоўнымі дзеячамі і арганізацыямі ў рашэнні праблем правоў чалавека і мірнага суіснавання народаў [19, с. 10].

Калі прааналізаваць колькасны рост рэлігійных абшчын у 1988–2008 гг. трэба адзначыць, што найбольшая колькасць праваслаўных абшчын (539) утворана ў перыяд 1988–1995 гг., а на працягу далейшага часу адбываецца іх стрыманы, але упэўнены рост. Паўсюдна аднаўляюцца і будуюцца храмы, дзейнічаюць мужчынскія і жаночыя манастыры, пашыраюцца і набываюць усё новыя формы сацыяльнае служэнне, дабрачынная дзейнасць.

Сёння ў Беларусі каля 80% веруючых вызнаюць праваслаўе, 14% каталіцызм, 6 % – іншыя, такія ж працэнтныя суадносіны веруючых існуюць і ў Мінску. Праваслаўныя і католікі – пераважна жанчыны сярэдняга і пажылога узросту (старэйшыя за 45 гадоў) [3, с. 24].

На сустрэчы з членамі Сінода Беларускай Праваслаўнай Царквы ў лістападзе 2005 г. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь адзначыў, што за апошні час узаемаадносіны дзяржавы і Беларускай Праваслаўнай Царквы выйшлі на якасна новы ўзровень. Цяпер пашырэнне і ўмацаванне ўзаемадзеяння дзяржавы і царквы – “не дань моде. Это выражение искреннего стремления тысяч простых белорусов возвратиться к своим духовным истокам, обрести нравственную опору в

православной вере” [17, с. 216]. Сустрэчы Прэзідэнта з членамі Сінода набылі рэгулярны характар. Кіраўнік дзяржавы традыцыйна прымае ўдзел у Святочных набажэнствах Праваслаўнай царквы.

Дзякуючы Прэзідэнту А. Р. Лукашэнка, у Беларусі шырокае адабрэнне атрымала дзейнасць арганізацыі па адраджэнню хрысціянскіх каштоўнасцяў, умацаванню міру і згоды. Вялікая работа, праведзеная па адраджэнню святых каштоўнасцяў праваслаўя ў нашай краіне, якая садзейнічала захаванню традыцый, умацаванню духоўнага адзінства, міру і згоды паміж аднавернымі народамі, заслугоўвае самай шчырай павагі.

Адной з найбольш значных падзей 2008 года стала святкаванне 1020-годдзя Хрышчэння Русі з удзелам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, Свяцейшага Патрыярха Маскоўскага і ўсяе Русі Алексія II і шырокіх колаў грамадскасці. Рэзананс у грамадстве і цікавасць у навуковых колах вызвала работа Міжнароднага круглага стала «1020-летие Крещения Руси в судьбах народов России, Беларуси и Украины», які адбыўся 23 кастрычніка ў сценах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі [17, с. 218]. Дні ўрачыстасцяў з нагоды 1020-годдзя Хрышчэння Русі супалі яшчэ з адной знамянальнай датай – 30-годдзем служэння на беларускай зямлі Мітрапаліта Філарэта. Прэзідэнт Беларусі ўручыў Патрыярху Аляксію II і Мітрапаліту Філарэту высокія дзяржаўныя ўзнагароды – ордэны Пашаны [20].

Штогод у Беларусі прысуджаецца прэмія «За духоўнае адраджэнне» за выдатныя творы літаратуры і мастацтва, актыўную падзвіжніцкую дзейнасць у гуманітарнай галіне, накіраваную на развіццё прагрэсіўных мастацка-маральных традыцый, якія садзейнічаюць усталяванню духоўных каштоўнасцей, ідэй дружбы і братэрства паміж людзьмі розных нацыянальнасцей і веравызнанняў.

Свяшчэннаслужыцелі разам з журналістамі Беларускага радыё і тэлебачання рыхтуюць перадачы аб праваслаўі. Праваслаўныя праграмы і рэпартажы сталі рэгулярнымі на беларускім тэлебачанні і радыё. З’явіліся тэлеканал “Спас”, тэлеперадачы «Існасць» (БТ), «Благовест» (Лад), «Воскресная проповедь» (АНТ), радыёперадачы: «Свет души», «Духовное слово», проповедзі і г. д. Створана Інфармацыйнае агенства Беларускай Праваслаўнай царквы.

Такім чынам, у вызначаны перыяд адбыўся шэраг падзей, якія змянілі ўмовы ўздзелу царквы ў грамадскім жыцці і пашырылі уплыў ў розных яго сферах. Комплекснае і шматплановае супрацоўніцтва дзяржавы і БПЦ находзіць адлюстраванне ў шэрагу мерапрыемстваў. Праваслаўная царква займае важнейшае месца ў духоўным жыцці краіны.

Літаратура і крыніцы

1. Ярашэня, В. В. Канфесіянальная палітыка і праваслаўная царква ў Беларусі ў 20-я гады ХХ стагоддзя // Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі “Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя стварэння БССР)”, Мінск, 2009 г.
2. Верашчагіна, А. У., Гурко, А. В. Гісторыя канфесій у Беларусі: Мінулае і сучаснасць: дапам. для настаўнікаў. – Мінск, 2000.
3. Барыс, С. В. Адраджэнне рэлігійнага жыцця ў Беларусі ў 1988–2003 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. – №5 (58). – 2004.
4. Завальнюк, У. М., Навіцкі, У. І. Рэлігія ў сучасным беларускім грамадстве / У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)

- / В. В. Грыгор'ева, А. М. Філатава, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі. – Мінск, 1998.
5. Кулажанка, Л. Я. Праваслаўныя святыні на Беларусі. – Мінск, 2005.
6. Шэйкін, Г. М. Беларуская Праваслаўная Царква // Рэлігія і царква на Беларусі: Энцыкл. давед. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск, 2001.
7. Матэрыялы архіва Мінскага епархіальнага ўпраўлення. Ф.1.Адз.зах. “Отчетные данные по Белорусскому Экзархату за 1996 г.”
8. Кривонос Феодор. Возрождение церковной жизни в Белоруссии в конце XX–начале XXI столетий // Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии / священник Феодор Кривонос. – Минск, 2008.
9. Сотрудничество государства и белорусской Православной Церкви в Республике Беларусь. Сборник документов / Под общей редакцией А. В. Бройко. Сост. А. И. Алешко, А. С. Калинов, С. Г. Мовсесян, М. В. Цвилик. – Минск, 2004.
10. Цвилик, М. В. Исторические формы и опыт правового регулирования конфессиональной политики в Беларуси // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: Сборник документов и материалов / Авт.-сост. М. В. Цвилик; под ред. В. И. Новицкого. – Минск, 2005.
11. Официальный портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.church.by>. – Дата доступа: 25.03.2014.
12. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі) Прынята на рэспубліканскім рэферэндуме 24 лістапада 1996 года. Мінск, “Беларусь”, 1997 г.
13. Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: Сборник документов и материалов / Авт.-сост. М. В. Цвилик; под ред. В. И. Новицкого. – Минск, 2005.
14. Землякоў, Л. Я. Дзяржаўна-канфесійная палітыка Рэспублікі Беларусь: прыярытэты, асаблівасці, тэндэнцыі // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ.конф. (Минск – Жировичи, 7 июня 2007г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск духовн. акад. им. Святителя Кирилла Туровского; редкол.: протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск, 2008.
15. Василевич, Г. А. Конституционные основы участия Церкви в решении социальных проблем // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ.конф. (Минск – Жировичи, 7 июня 2007г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск духовн. акад. им. Святителя Кирилла Туровского; редкол.: протоиерей В. Антоник[и др.]. – Минск, 2008.
16. Свидерский, Е., иерей. Православная церковь в Белоруссии в период с 1978 по 2006 г. (Дипломная работа. – Жировичи. 2008).
17. Коваленя, А. А. Сотрудничество во имя укрепления духа и научных свершений «1020-летие Крещения Руси в судьбах народов России, Беларуси и Украины» // Проблемы управления №4 (29).
18. Попов, И. А. Церковь и общество // Ступени. – №1(29). – 2008.
19. Котляров, И. В. Наша задача – развитие православного образования и воспитания // Проблемы выхавання. – №2. – 2006.
20. Лукашэнка, А. Царква з’яўляецца надзейнай апорай дзяржавы ў захаванні духоўных каштоўнасцяў // Звязда. – № 203. – 2008. – 25 кастр.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д. И. Наумов, Т. Д. Шкуратова

Проблематика формирования аксиосферы постсоветского общества, характер и параметры взаимодействия в этом процессе светских и религиозных ценностей актуализирует обращение к деятельности Православной Церкви по морально-этическому воспитанию личности человека, поддержанию исторической преемственности и сохранению культурной самобытности общества. В постсоветских условиях Православная Церковь, как и государство, является одним из наиболее авторитетных и влиятельных социальных институтов, который эффективно обеспечивает социальный порядок, гражданский мир и общественную консолидацию.

В данном процессе особое значение имеет работа Православной Церкви с молодежью, представляющую собой особую социальную группу в структуре общества, отличающуюся специфическими характеристиками, интересами и потребностями. Это актуализирует обращение к содержанию, институциональным механизмам, возможностям и ограничениям конфессиональной общественной молодежной политики в деле формирования гражданской идентичности молодежи и молодежного сегмента гражданского общества. Как отмечает С. О. Елишев, конфессиональная общественная молодежная политика представляет собой одну из четырех моделей общественной молодежной политики, наряду с тремя традиционно выделяемыми ее моделями и проявлениями: общественной молодежной политикой политических партий, общественных объединений (организаций), крупных хозяйственных организаций (корпораций) [1, с. 117].

В нормативном аспекте молодежную политику можно трактовать как комплекс социоинженерных и управленческих инструментов, функционально предназначенных для создания благоприятных условий для свободного развития личности, раскрытия индивидуальных склонностей и способностей молодых членов общества, а также подготовки молодого поколения к выполнению общественно значимых социальных ролей. Специфика конфессиональной общественной молодежной политики Православной Церкви проявляется в религиозном векторе формирования идентичности молодого человека (при том не только этнокультурной, но и гражданской и политической), как необходимого условия для поддержания и дальнейшего роста уровня религиозности населения.

Определяющее значение религиозно-конфессионального компонента в данном процессе мотивируется аномийными процессами в молодежной среде постсоветского общества: деградацией духовной жизни современной молодежи, противоречивостью и неустойчивостью ее нравственных установок и ценностных ориентаций, снижением роли морально-этических регулятивов жизнедеятельности индивида, гедонистическими и утилитаристскими мотивами поведения и т. д. Такие процессы отрицают этнокультурные и исторические традиции народа, подрывают жизнеспособность общества и в качестве противодействия энтропии социокультурного пространства требуют ревитализации традиционалистского компонента общественной жизни. Именно об этом достаточно прямо и однозначно сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Есть вещи,

которые человек обязан знать. Основы религиозной культуры, связанной с национальным культурным базисом, – это то, что непременно нужно знать. Вот именно из этой базисной культуры произрастает система ценностей, национальных ценностей, которые формируют личность и общество. Если, владея этими ценностями, мы будем способны к тому, чтобы, накладывая эти ценности на информационный поток, отделять шумы от сигналов, мы будем очень сильными. Сильной будет личность, сильным будет общество и сильным будет государство. Мы не потеряемся тогда на этих развилках и перепутьях глобализации. Мы не будем Иванами, не помнящими родства. Мы будем носителями яркого и сильного духовного и культурного самосознания. Такой человек будет способен критически использовать подражание, подражая тому, что соответствует его основе, его становому хребту, и отвергая все, что ему не соответствует» [2, с. 100].

В нормативном аспекте церковную молодежную политику непосредственно регламентируют такие документы, как «Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви» (2000) [3] и «Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви» (2011) [4], в которых определены ее цели, задачи, принципы организации, механизмы осуществления, формы и методы работы с молодежью. Согласно их целевым установкам, стратегической целью всей церковной работы с молодежью является объединение всех частных молодежных инициатив в целостную многоуровневую систему православного духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. В структурном плане данная система функционирует на четырех уровнях: общецерковном, епархиальном, благочинническом и приходском, где на каждом из этих уровней, находящихся в иерархическом соподчинении, решаются соответствующие задачи по определенным направлениям деятельности. Так, основными направлениями деятельности Синодального отдела по делам молодежи РПЦ являются: организация миссионерской работы среди молодежи; привлечение молодежи к социальному служению Церкви; обобщение и распространение опыта православного молодежного движения на приходском, благочинническом, епархиальном и общецерковном уровне; поддержка православного семейного воспитания; организация различных форм общения православных молодых людей; создание информационного пространства для православной молодежи; организация воспитательной работы, досуга и дополнительного образования для детей и молодежи в церковном приходе; подготовка педагогов к деятельности по традиционному духовно-нравственному воспитанию детей и юношества; подготовка священнослужителей и мирян к педагогической деятельности; оказание помощи общественным и государственным организациям в проведении воспитательных программ, опирающихся на традиционное духовно-нравственное образование детей и молодежи.

Рассматривая молодежную политику Белорусской Православной Церкви в контексте формирования гражданской идентичности подрастающего поколения как процесса воспитания личности молодого человека, необходимо проанализировать некоторые исторически обусловленные аспекты данного процесса. В данном случае гражданская идентичность рассматривается как результат когнитивного, ценностного и эмоционального процесса осознания индивидом принадлежности к определенному государству и соответствующей политической нации, отождествления индивида с гражданами страны, ее

культурой и историей. Свое проявление он находит в поведенческой модели гражданина, которая актуализирует ценности активизма, патриотизма, солидарности и установки политического участия, основанные на принципах лояльности государству, уважения его правовой системы и ответственности за историческое развитие страны. Соответственно, в идеально-типическом ракурсе данная поведенческая модель является рациональным и секулярным феноменом.

Как представляется, молодежная политика БПЦ в процессе формирования гражданской идентичности подрастающего поколения вносит следующие коррективы: во-первых, в силу сложившихся исторических традиций в белорусском обществе данный феномен репрезентирует государственное а не гражданское самосознание, отличающееся при этом установкой на сакрализацию института государства и элиминированием рациональных критериев оценки политического участия; во-вторых, представление о гражданском сообществе формируется не как о политической нации, а как о конфессиональном сообществе, структуры которого способствуют вовлечению молодежи в социально значимую деятельность только в рамках религиозно мотивированного служения; в-третьих, конструируемая идентичность базируется на религиозных ценностях и принципах, слабо коррелирующих с нормативным базисом современных политических институтов и актуализирующих проблему клерикализации общественно-политической жизни. В то же время молодежная политика БПЦ наиболее органично обеспечивает придание сакрального смысла таким фундаментальным ценностям, как патриотизм и духовность, обуславливающих сознательное выполнение индивидом своих гражданских обязанностей и гражданского долга.

Таким образом, молодежная политика БПЦ выступает как многоаспектный процесс, который вносит свои коррективы в формирование гражданской идентичности подрастающего поколения, обеспечивает его морально-этическое воспитание, способствует поддержанию исторической преемственности и сохранению культурной самобытности белорусского общества.

Литература и источники

1. Елишев, С. О. Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации // *Пространство и время*. – 2013. – № 1 (11).
2. Патриарх и молодежь: разговор без дипломатии. – М., 2009.
3. Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sinodm.ru/upload/iblock/011/0118a0e158dfb3bda388617458957282.doc> – Дата доступа: 28.03.2014.
4. Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639899.html> – Дата доступа: 28.03.2014.

ЦЕРКОВЬ И АРМИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Кобзистая, Е. А. Ледовских

Связь между Армией и Церковью существует на протяжении многовековой истории Российского государства. Православное духовенство благословляло воинов на подвиг, вселяя в них мужество. Во время войн Церковь молилась о

даровании побед и Божьей помощи русскому воинству.

Военное духовенство, активно работая в армейской среде, делило с армией и флотом все тяготы военной службы. Во время войн полковые священники поддерживали дух войск на полях сражений, а в мирное время духовенство помогало нравственному воспитанию воинов, укреплению патриотизма, верности долгу.

В современном Российском обществе отмечается тенденция стабильного роста числа верующих граждан и уменьшения доли тех, кто считает себя атеистом. Усиливается связь между религией и властью: патриарх РПЦ имеет свою резиденцию в Кремле, первые лица государства все чаще присутствуют на богослужениях во время религиозных праздников. Эти тенденции в полной мере характерны и для Вооруженных сил нашего государства. На торжественных мероприятиях, в ходе выполнения воинских ритуалов все чаще присутствуют священнослужители, растет степень религиозности военнослужащих всех категорий [2].

И сегодня на основе религиозных традиций руководством Минобороны, командованием воинских частей и военно-учебных заведений создаются максимально комфортные условия для духовного воспитания военнослужащих.

На пути нашей страны к демократическим преобразованиям, изменения в мировоззрении российского народа не всегда носят положительный характер. Бездуховность, утрата нравственных ориентиров, социальные болезни, поразившие страну, в той или иной степени коснулись и Российской армии как части общества. Она живет сегодня в идеологическом и духовно-нравственном вакууме, без спланиваемой общенациональной идеи. Молодежь, которая приходит служить, по большей части либо духовно неразвита, либо холуйски преклоняется перед западными кумирами.

В таких условиях становится все труднее проводить воспитательную работу среди военнослужащих. И здесь на помощь, как всегда в тяжелые времена, приходит Русская Православная Церковь.

В воинских частях и военных вузах строятся храмы. Получает дальнейшее развитие институционализация военно-религиозного взаимодействия, уже готовы к работе в войсках православные священники. На торжественных мероприятиях, в ходе выполнения воинских ритуалов все чаще присутствуют священнослужители, растет степень религиозности военнослужащих всех категорий.

Несмотря на это, в практике военного управления потенциал религии используется с минимальной пользой для военного дела, хотя более половины экспертов признают его помощь в достижении управленческих целей. Главная причина – недостаточная компетентность командиров, офицеров-воспитателей в вопросах взаимодействия с религиозными организациями и использования религиозного фактора в процессе воинского воспитания.

Социологическим центром ВС РФ в последние годы проводятся мониторинговые исследования религиозности военнослужащих, религиозной ситуации в Вооруженных силах и вопросов военно-религиозного взаимодействия. Это позволяет своевременно выявлять проблемы во взаимоотношениях армии и религиозных организаций, принимать управленческие решения для их оптимизации.

Считают себя верующими (религиозными) в той или иной степени около

70% военнослужащих, при этом стараются соблюдать предписания своей религии 27,5% военнослужащих. При этом, в распределении верующих военнослужащих по религиозным конфессиям отмечается преобладание православного христианства: 85%. Более 2/3 военнослужащих допускают существование Бога в большей или меньшей степени, и только 1/3 военнослужащих (30%) или не определилась для себя с ответом на этот вопрос (не захотели отвечать), или не верит в существование Бога [3, с. 27].

Анализ войсковой практики управления показывает, что командиры и офицеры-воспитатели (эксперты) практически не используют потенциал религии для решения служебных задач. Каждый третий эксперт (33%) никак не учитывает и не анализирует религиозность подчиненных военнослужащих в своей повседневной деятельности. 86% опытных командиров и офицеров-воспитателей заявили, что не знают никаких руководящих документов о взаимодействии с религиозными организациями и о направлениях воспитания военнослужащих с использованием фактора религиозности [4].

При этом, кроме приведенных выше теоретических доказательств полезности (хотя и слабой) религиозного фактора для военной службы, сами командиры и начальники отмечают помощь религии в вопросах военного управления, которую они лично извлекали. По оценкам экспертов использование религиозного фактора в процессе управления подчиненными помогало в достижении тех целей, которые ставил перед собой командир, офицер-воспитатель [1, с. 129].

Таким образом, динамика последних лет показывает тенденцию роста числа религиозных военнослужащих и уменьшения доли неверующих. Это предполагает усиление взаимодействия Вооруженных сил и института религии в будущем. Постепенно приходит понимание того, что общество, Вооруженные Силы, военнослужащие и особенно командный состав армии нуждаются в дополнении системы обучения и воспитания личного состава традиционными для России православными ценностями, способствующими решению задач боевой подготовки в современных условиях.

Вера должна быть возрождена в российской армии как Православная традиция – основа нашей тысячелетней культуры, органично слившаяся с национальными славянскими качествами души.

Литература и источники

1. Дубоград, Е. В. Религия как фактор военно-социального управления (современный войсковой опыт) // Материалы круглого стола: «Общество и армия: развитие военно-гражданских отношений в интересах укрепления военной безопасности России». – М., 2008.
2. Константинов, Д. В. Записки военного священника. – СПб, 2004.
3. Мозговой, С. А. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военно-социологические исследования. – Сб. ст. – М., 2003. – № 4.
4. Мозговой, С. А. Взаимоотношения армии и церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pipss.org/document390.html> – Дата доступа: 02.03.2013.

THEORETICAL APPROACHES AND EFFECTIVE PRACTICES OF TRAINING OF SPECIALISTS FOR CHURCH SOCIAL WORK

L. E. Denisova

It is obvious that the participation of all subjects of Russian society is necessary to resolve the crisis of today and, in the future, to overcome its effects. Societal changes, first of all it means reorientation of social sector observed on local and international levels, are at the forefront of higher education inter-and transdisciplinary conversion of the most significant and relevant competencies of scientific knowledge, especially social sciences and humanity, theory of education, theory and practice of social management, economics, law, etc.

We should speak about the relevance of training of specialists not also able to realize successfully their professional activities, but ready to build new models of activities, change them. On the other hand, we should speak about the growing importance of Church as the institute of social ministry, as well as much need for competent specialists for services and institutions of modern Christian diakonia.

It is the opinion of Cyril, the Most Holy Patriarch of Moscow and All Russia, that the foreground task of higher education is today «*cultivation of human person*», the result of which His Holiness designates as good fruits, intellectual, aesthetic, moral and spiritual growth of the individual and society [1].

This statement is correlated with another of the Most Holy Patriarch about the need to take on the staff of the Orthodox parish, along with the priest, the deacon, the regent and other ministers of the clergy, such members as social workers and educational workers, catechists, recruiting not as volunteers, but as waged workers. And more His Holiness emphasized that it will be necessary to increase scale of training of such specialists in native universities [2].

In this context the training of specialists for Church social work should be provided to master not only fundamental socio-legal knowledge, methods of effective management, rational and value-based planning, media-pedagogic competencies, allowing to resolve social problems and to meet social needs of the client, but also to master the principles of developing micro-, meso- and macrosocial medium in different fields of social work, technologies of social management in organizations and institutions of all ownership forms, competence-based HR-management and support of volunteers, knowledge about measures of the Church's responsibility by resolving the present social problems.

An important place in the structure of undergraduate and graduate programs in these areas must take training courses of theological and diaconical profile, for example:

- practical theology and social theology;
- dogmatics/ethics, ethical problems of diakonia;
- diakonia and ethics of social work;
- religious and social pedagogic (educational activities at school and in community);
- organization of the Church social service;
- organization of volunteer activities;
- community social work with children and young people;
- management of social work in diaconal organizations and institutions.

Similar educational programs of theological and diaconal profile are realized by well-known scientific and educational centers of Europe, as: Universität Heidelberg, Evangelische Fachhochschule für Sozialarbeit und Sozialpädagogik Berlin, Fachhochschule der Diakonie Freiburg, Katholische Fachhochschule für Sozialarbeit, Sozialpädagogik, Praktische Theologie und Gesundheit & Pflege/University of Applied Sciences Mainz, FH Campus Wien, Fachhochschule St.Gallen, etc.

The students, training in Church social work, are called not just to study models and technologies of social work, which already exist in institutional, municipal or other forms of diaconical service of the Russian Orthodox Church and other Christian confessions, but, taking into account scale and rapid pace of societal changes of the present, to offer new innovative approaches to their ministry, including applied innovation research, scientific management and support of projects, scientific advice of founders and organizations, etc. [3].

They should be ready to manifest their social solidarity, spiritual and civil maturity, interethnic, interconfessional and interreligious harmony, actively participate in maintaining peace and harmony, peace and unity in our society and strengthening of social stability in our country [4].

References

1. Cyril, the Most Holy Patriarch of Moscow and All Russia: Statement at a meeting with Moscow student's youth in the Universal Sports – Entertainment Complex of the Russian State University of Physical Training, Sports, Youth and Tourism. The XIII World Russian National Cathedral. 23 May 2009 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html>. – Date of access: 01.02.2014.
2. Interview of Alexis II, the Most Holy Patriarch of Moscow and all Russia for the annual “PREDSTOYATEL’”: Church and the state: social partnership [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.pravoslavie.ru>. – Date of access: 08.03.2014.
3. Denisova, L. E. The Role of Diaconal Ministry of Church in Consolidation of Russian Society. In: Russian Sociology on the Move: Abstracts & Papers of Russian Sociologists for the 17th World Sociological Congress SOCIOLOGY ON THE MOVE in Gothenburg, Sweden, July 11–17, 2010 / Ed. by V. A. Mansurov. – Moscow – Gothenburg: RSS, 2010.
4. The Project of the document “About the Principles of the Organization of Social Work in the Russian Orthodox Church”. Inter-Council presence of the Russian Orthodox Church. Moscow 16 December 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1343180.html>. – Date of access: 10.03.2014.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МЕДИАСФЕРЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В. А. Сидоров

В концепциях либерального, демократического государства обычно ссылаются на так называемый «факт плюрализма». Это означает, что практически в любой стране люди придерживаются различных взглядов по фундаментальным проблемам человеческого существования. Коренная проблема, связанная с этим разнообразием, как пишет Г. Нагл-Дочекал, состоит в потенциальном конфликте: близкое соприкосновение отдельных лиц (или групп лиц), придерживающихся таких различных подходов к фундаментальным вопросам и ведущих свою жизнь в

соответствии с убеждениями, прежде всего, религиозного происхождения, а также связанным с различным пониманием роли церкви в общественной жизни, приводит к напряженности в публичной сфере. Заявленное Ю. Хабермасом понимание современного этапа истории общества как постсекулярного актуализировало анализ публичного разума и публичной сферы для изучения условий преодоления потенциально возможных политических конфликтов в демократическом обществе. Известно, что такие конфликты возникают и развиваются по присущим им законам.

Современная политическая практика свидетельствует, что горячей, наиболее опасной («уличной») фазе социального конфликта неизменно предшествует конфликт в медийной среде, который, как правило, носит ценностный характер. Его анализ – прерогатива аксиологии, и, прежде всего, той ее части, что обращена к исследованиям средств массовой информации. Чем и занимается аксиология журналистики. Эта новая научная дисциплина рассматривает медиасферу как основной объект своего анализа. Медиасферу следует представить как совокупность содержания социально значимых дискурсов и форм их организации, как медиареальность, которая образуется в процессе коммуникации, как определенную упорядоченность дискурсов в социуме и перманентного возбуждения поддерживаемых этими дискурсами социальных смыслов.

Методология ценностного анализа медиа нашла свое применение при анализе реакции российской медиасферы на эпатававший общественное мнение панк-молебен группы Pussy Riot в Московском храме Христа Спасителя (21.02.2012) – исследовалось ценностное содержание и формы обсуждения акции девушек в сетевых СМИ России. Результаты анализа акции Pussy Riot показали, что в обществе наметилась линия ценностного раскола. С одной стороны, выделились социальные группы, последовательно придерживающиеся религиозных ценностей и ориентированные на воссоздание фундаментальных ценностей православия и возвращение Русской православной церкви ее бывшего значения в государственной жизни, в том числе материальной базы и символов могущества. Для медийных заявлений представителей этих групп характерны непримиримость в отношении участниц акции, убежденность в кощунстве и святотатстве совершенного ими поступка. С другой стороны, социальные группы, которые в соблюдении принципов секуляризации и свободы совести видят наиболее надежный и достойный путь к обществу демократии и свободы личности. Представители этих групп придерживаются, прежде всего, светских ценностей, они порицают участниц Pussy Riot, но не считают необходимым наказывать их сурово, а в словах оппонентов «кощунство», «святотатство» усматривают наследие средневековья. Таким образом противостояние в медиасфере фиксируется различным пониманием смыслов «кощунства» и права личности на самовыражение; отношением к значимости для гражданского общества институтов государства и церкви, а также их лидеров.

В истории человечества религиозные и светские ценности сопровождали острейшие военно-политические, социальные и нравственные конфликтные коллизии. Но как ни парадоксально, их одновременное присутствие в коммуникациях социума формировало аксиосферу общества и даже сообщало динамику общественной жизни. После Великой французской революции, на какой-то период человеческой истории возобладала всеобщая уверенность в том, что

секуляризация общественной мысли и жизни в целом необратима, что аксиологическое значение религии и церкви вытеснено на обочину. Начало XXI века показало, насколько ошибочными были эти представления. И если даже гипотеза Хабермаса и его сторонников о постсекулярном обществе не найдет своего подтверждения, все равно в философской мысли и социальной практике останется заново обретенное понимание общественной значимости ценностей как имеющих в своей основе религиозное происхождение. Другой вопрос, что вхождение ценностей в сознание индивидов и общества в целом в наши дни принципиально иное, чем в прошлые столетия. Сегодня массмедиа, по всем известным причинам, произвольно взяли на себя львиную долю усилий по их распространению в социуме.

Как никогда ранее, ретрансляция ценностей в медиасфере сопряжена с ценностными противоречиями и конфликтами. Дело не в том, что ценности часто и активно сталкиваются со своими антиподами – добро со злом, красота с безобразием, истина с заблуждением. Философы в прошлом и вплоть до наших дней размышляют о соотношении значимости полярных ценностных начал: что такое добро без его оттеняющего зла, красота – без безобразия... Эти противостояния, хотя и не относятся к числу понятных и понятых, все же традиционны для философского анализа. Дело в ином: в наши дни не только функционирующие в медиа ценности и их антиподы создают неблагоприятную и даже агрессивную среду духовной жизни – в острейший конфликт вступают *одноименные ценности*. Именно это явление наиболее сложно для понимания, потому как давно известно, что противоречия между родственными явлениями всегда и всего менее поддаются сглаживанию.

Известно ведь, что западники и славянофилы – два крыла одного тела, еще А. И. Герцен усматривал в них родственное начало. Тем не менее, уже не одно столетие в российской периодике идет затрагивающая аксиосферу общественной жизни полемика западников и славянофилов. И сегодня она вновь вошла в свою острую фазу. Это видно из результатов исследования прессы в их реакции на панк-молебен Pussy Riot. Конечно, анализ медийной ситуации показал только небольшую вершину скрытого под водой айсберга, и если судить по ее состоянию, то по отдельным примиренческим нотам можно решить, что раскол по поводу ценностей внутри российского общества, а также между обществами России и Запада преодолим и со временем должен пройти. Но уже события вокруг так называемого «крымского кризиса» показали, что не стоит спешить с выводами, что религиозные и национальные ценности вновь обретают мощь их былого звучания, что настало время вдуматься в содержание одних и тех же для Запада и Востока ценностей, чтобы выявить их разную идейную и нормативную базу. Сегодня аналитики, если и придерживаются противоположных позиций, все равно согласны в главном – различия коренятся в несхожести духовной истории православной России и протестантской и католической Европы. Это говорит о том, что внутри страны по объективным причинам дискуссии западников и славянофилов конца не предвидится.

И это же значит, что в наши дни для выстраивания стратегии укрепления духовной целостности нации еще недостаточно увидеть частоту обращения важнейших ценностей в медиасфере. Нужен аксиологический анализ собственно ценностей – частотность употребления которых в Интернет-среде и СМИ наиболее

высока. Здесь, на тонком уровне анализа, могут открыться не видимые невооруженным глазом зерна и подробности содержательного наполнения одноименных ценностей в разных идейно-политических парадигмах. Что само по себе является ценной информацией и основой для инструментального обогащения многообразной деятельности по духовному подъему общества. Следует подчеркнуть, что эти открывающиеся возможности не сегодня образовались, они предопределены всей духовной историей народов России.

Таким образом, в новом веке ценностный анализ дискурсов медиасферы о церкви и религии может стать эффективным методом изучения их прототипов – реально функционирующей церкви, религиозного сознания человека, надежным инструментом для анализа места религии и церкви в постсекулярном демократическом обществе. Результаты анализа необходимы, в частности, для разрешения тех или иных конфликтных ситуаций в публичной сфере, а также в идеологической работе по укреплению ценностных основ общественной жизни.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМАТИКА, ПЕДАГОГИКА И ПОДХОДЫ К НАПИСАНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Ю. С. Лаврыш

Религиозная журналистика предлагает для журналиста нестандартно подходить к освещению тех или иных событий, кроме того, важно отметить, что не менее весомо обращаться к проблеме представления религиозной тематики в светских медиа, а также готовить специалистов в области религиозной журналистики. Сегодня имеем в Украине более 50 религиозных направлений. Согласно последним статистическим данным, неизменно остается высокий уровень доверия к двум институтам – Церкви и СМИ [7]. Потому важно освещать проблемы этого спектра вместе со стандартными информационными рубриками.

Во-первых, важно говорить о диалоге между конфессиями, религиозными деноминациями. Отслеживая украинскую историю, понимаем, что наше государство находилось на культурно-религиозных перекрестках; кроме того, сегодня имеем разнородную палитру национальных меньшинств. Религиозный журналист также должен знать о возникновении и специфике развития христианства в том государстве, о котором он пишет. Например, в Украине нельзя отделять Украинскую Греко-Католическую Церковь от православной традиции, поскольку УГКЦ и Украинская Православная Церковь вышли из одного источника – крещения князем Владимиром Великим у 988 году; только каждая из них переживала свою историю развития и отвечала на определенные вызовы. Поэтому первый фокус современной журналистики, прежде всего в Украине, – межконфессиональный диалог с целью построения, а не разрушения.

Во-вторых, современная религиозная журналистика должна направить все усилия на формирование живого образа Церкви. Прежде всего подразумеваем светские СМИ, в которых освещают религиозные темы. Однако необходимо вместе с негативом освещать позитив, кардинально меняя традиционные стереотипы в восприятии Церкви «как памятника архитектуры и закрытой бизнес - системы» на понимание Церкви как живого организма [5].

В-третьих, сегодня важно поднимать темы, касающиеся института семьи. Как известно здоровая семья – фундамент для эффективного функционирования любого общества. Кроме того, именно по проблематике этой социальной институции вытекает спектр ключевых тем для религиозного журналиста: тема создания живого супружества, тема материнства, отцовства, опеки детей, сиротства. А также сегмент биотических вопросов: аборт, искусственное оплодотворение, эвтаназия, самоубийство, трансплантация органов [3] [4].

Хотя религиозная журналистика по жанровой палитре и алгоритмам подготовки материалов в общем ничем не отличается от других журналистских проблем, однако здесь все же есть свои особенности, которые учитываются при подготовке специалистов в этой сфере. Во-первых, в религиозной журналистике, на наш взгляд, должны работать те специалисты, которые максимально приближены к тому или иному религиозному направлению; если речь идет о христианской журналистике – журналисты – христиане, которые являются активными в своей Церкви и одновременно равнодушными к другим конфессиям. Трудно представить себе в этой тематике журналиста-атеиста или журналиста-гностика. Ведь цель, например, сугубо специализированных ресурсов – достучаться до тех людей, которые потеряли любые духовно-нравственные ориентиры, надежду, чувствуют себя вне общества. Во-вторых, тот, кто хотел бы писать о религии должен быть открытым к другим конфессиям, готовым к диалогу. В-третьих, еще одно свойство профессионализма религиозного журналиста – нейтральность. Наконец, она вытекает из предыдущей характеристики – открытости и ориентации на диалог.

Важно обратить внимание на жанр интервью, поскольку именно здесь, на наш взгляд, допускается наибольшее количество ошибок, особенно журналистами общественно-политических СМИ. Рассмотрим конкретный пример – неудачное интервью с Блаженнейшим Святославом (Шевчуком), Главой и Отцом Украинской Греко-Католической Церкви для ресурса «Украинская правда» [6]. Профессиональный этикет предполагает правильное обращение к представителям духовенства. Стоит отметить, что именно правильное обращение является одним из ключей успеха разговора, журналист в своем обращении должен различать принадлежность духовного лица к той или иной традиции, обращение к епископам восточной и западной христианских традиций – разное. Необходимо также анализировать содержание и вопросы интервью. Журналист также должен быть осведомлен и вопросах законодательства (основные положения статьи 35 Конституции Украины, которая указывает на отделение Церквей и религиозных организаций от государства [2]). Необходимо понимать, что когда публикуем материал на интернет-ресурсах, ожидается интерактивное обсуждение аудитории в комментариях. Следует помнить о процессах рецепции читателем, слушателем или зрителем, в частности то, что журналистский настрой передается аудитории.

В противоположность этому интервью – беседа Ольги Бартыш – Коломак для украинского журнала «Страна» – «Женщина должна сочетать в себе две противоположности» [1]. Герой материала тот же – Блаженнейший Святослав (Шевчук), однако в этом материале прослеживается совершенно иной подход к освещению проблемы, новая форма самого материала. Примечательно, что в этом контексте журналист прибегает к принципам новой журналистики: читатель путешествует по патриаршей резиденции, общается с Блаженнейшим, имеет

возможность понять, духовные лица ничем не отличаются от обычных людей – также имеют свои предпочтения, вкусы, хобби. Кроме того, текст сопровождают фото, что также немаловажно. Иногда фото в религиозной журналистике может быть самобытным материалом, к которому не нужно текста.

Как видим религиозная журналистика и ее проблематика – это довольно интересное измерение, которое включает в себя знания целого спектра наук, она также содержит дидактическую функцию и предлагает аудитории другие альтернативы общественной жизни.

Литература и источники

1. Бартыш-Коломак, О. «Женщина должна сочетать в себе две противоположности» – глава УГКЦ Святослав Шевчук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_zinka-maye-poyednuvati-v-sobi-dvi-protilezhnosti-glava-ugkc-svyatoslav-sevchuk-/410959. – Дата доступа: 25.04.2014.
2. Конституция Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>. – Дата доступа: 25.04.2014.
3. Лаврыш, Ю. «Культура жизни» vs «культуры смерти» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/kultura-zhizni-vs-kultury-smerti>. – Дата доступа: 26.04.2014.
4. Лаврыш, Ю. Смерть «не страдает» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/smert-ne-stradaet>. – Дата доступа: 26.04.2014.
5. «Правокация». «Церковь как бизнес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zik.ua/tv/project/pravocacija/14.10.2013/>. – Дата доступа: 25.04.2014.
6. Святослав Шевчук: «Я – против революций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/07/8/6369441/?attempt=1>. – Дата доступа: 26.04.2014.
7. Украинцы больше всего доверяют Церкви, СМИ и вооруженным силам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://risu.org.ua/ua/index/all_news/community/religion_and_society/52539/. – Дата доступа: 26.04.2014.

О ПРОБЛЕМАХ ИСЛАМСКОЙ РЕФОРМАЦИИ И ПУТЯХ ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Айдын Ариф оглы Али-заде

Одной из главных проблем современного Ислама является религиозный радикализм, различные формы которого в той или иной форме проявляются как в повседневной жизни, так и в политических процессах. Причин бурного роста радикальных воззрений в Исламе на современном этапе истории много. Это комплексы постколониального периода, а также экономические и социальные факторы. Однако немалую долю ответственности за это несут и многие представители исламской богословской и схоластической мысли, которые различными интерпретациями Корана и хадисов открывают путь к радикальным течениям в современном Исламе.

Как известно, в Коране, как и в Библии, и в других религиозных книгах древности, содержатся повествования относительно ведения войны или наказания грешников, которые вызывают вопросы и могут быть интерпретированы сегодня

по-разному. Проблема в Исламе усугубляется тем, что в отличие от Христианства, здесь существует развитая правовая система (фикх), которая традиционно должна охватывать все стороны жизни как человека, так и общества. Правовые положения в Исламе разрабатывались на протяжении веков и в наше время они существуют в учениях традиционных исламских школ.

Но именно в этом и состоит главная проблема. Дело в том, что мышление, уклад жизни, социально-политическая и экономическая жизнь средневекового общества и современного человечества различаются. Поэтому некоторые положения исламского права, которые были приемлемы в средние века, представляются несовместимыми с реалиями сегодняшнего дня.

Однако большинство даже самых либеральных и склонных к реформам мусульманских богословов не идут на то, чтобы начать коренные реформы в системе исламского права и всего исламского мировоззрения. Все реформаторские устремления ограничиваются лишь косметическими и незначительными отклонениями от средневековых законоположений. На фундаментальные изменения сути положения исламского права практически никто не решается.

Главным препятствием на пути коренных реформ мусульманского мировоззрения является положение о вечности и неизменности божественных повелений, которые излагаются в исламских первоисточниках – Коране и хадисах [3, с. 103–107]. То есть, если по какому-то поводу существует прямое дословное повеление, то богословы придерживаются буквального его смысла, не принимая во внимание иные варианты трактовок. Это сознание также твердо укрепилось среди масс мусульман. Трактовка божественных повелений в ином ключе, помимо буквального понимания, воспринимается как проявление неверия и расценивается как богохульство. Любое повеление в буквальном понимании расценивается как нечто вечное, не имеющее временных или пространственных границ. Фактически в праве не ставится разница между средневековьем и современностью, между арабским обществом VII века и сегодняшним днем. Главный принцип исламского мировоззрения – это тезис о том, что божественные повеления неизменны до конца времен.

Это сознание масс было сформировано традиционной пропагандой на протяжении столетий. Однако глубокий кризис и упадок мусульманского мира, который перманентно продолжается на протяжении столетий показывает, что построение мировоззрения на таких принципах несовместимо с мировым прогрессом. Все претерпевает изменения во времени и пространстве. Следовательно, эта закономерность касается и тех повелений, которые изложены в исламских первоисточниках. Иначе мусульманское мировоззрение и образ жизни становятся несовместимыми с течением современной жизни. В итоге, от этого теряют сами мусульмане, в среде которых продолжают регрессивные процессы и распространяются радикальные воззрения. А на глобальном уровне мусульманский радикализм приводит к серьезным потрясениям во всем мире. Фактически Ислам в наше время по причине его консервативности и неспособности вписываться в течение современной жизни стал орудием для достижения политических целей со стороны различных мировых сил.

Особую актуальность в наши дни приобрела проблема применения повелений Корана и хадисов для наказания различных поступков, которые расцениваются в религии как греховные. Эти наказания называются «хадд».

Различные радикальные группы выступают за буквальное применение наказания для всех «хаддов», которые указаны в Коране и хадисах. Простому мусульманскому обывателю также внушается, что повеления Божьи неизменны и, несмотря на жестокость наказания, необходимо их применять. Даже склонные к компромиссам либеральные мусульманские богословы и философы не осмеливаются прямо ставить под сомнение применение таких наказаний. Они только ограничивают их действие какими-то субъективными факторами и стараются их смягчить.

Одним из таких «хаддов» является грех прелюбодеяния и блуд. За эти деяния предусмотрены жестокие наказания в виде побоев плетью (Коран, 24:2) и побивания камнями до смерти (согласно хадисам). Однако, несмотря на буквальные подтверждения этих наказаний в мусульманских первоисточниках, возникают вопросы и возражения. Дело в том, что аяты Корана были ниспосланы в патриархальный период, когда клановые и общинные отношения были единственно возможной формой жизни арабского общества. В те времена любое отклонение от традиционных взаимоотношений полов расценивалось как позор для всего рода. Поэтому и наказание за это было строжайшим - в виде ударов плетью или побивания камнями до смерти.

Но с того времени прошло уже много столетий. Мир перешел от рабовладения к феодализму, потом к капитализму и социализму, а теперь к либерализму. Изменились общественные отношения. В развитых обществах современности нет патриархата и клановых отношений, либо они выражены гораздо слабее, чем в период средневековья. Имеет место массовая урбанизация, открытость коммуникаций и свобода информации.

Теперь каждый человек имеет мобильные телефоны, едет куда хочет, живет в условиях постоянных встреч с противоположным полом, учится в школах и университетах. То есть все открыто. Поэтому и соблазнов масса. Если в древнеарабском обществе мужчины и женщины почти не встречались, то теперь это происходит повсеместно с учетом совершенно новых условий жизни.

Теперь в этих условиях как же требовать буквального исполнения «хадда»? Получается, что наказание становится несоразмерно преступлению. Поэтому в данном случае нельзя пытаться применять повеления Корана и хадисов о наказании прелюбодеев буквально. Эти повеления надо рассматривать только как требование к воздержанию от греха. То есть эти повеления в наше время должны носить назидательный и воспитательный характер, а не быть поводом для применения наказания за эти грехи.

Другим примером является отсечение рук ворам (Коран 5:38). Но отрубание руки за воровство неприемлемо в наше время. Помимо моральной стороны этого дела, это несправедливо потому, что воровство изменило свою сущность за эти 1400 лет после появления Ислама. Сейчас идут коррупционные махинации, списывание денег со счетов, фальшивые розыгрыши тендеров и др. Все это в широком смысле слова воровство. Но наказанием за это не предусматривается отрубание конечностей, так как в Коране нет ничего, к примеру, о банковских махинациях. Получается, что вору на базаре, укравшему килограмм изюма, рука должна быть отсечена, а банковскому махинатору нет.

Еще один пример – это повеление Корана о том, что для доказательства различных спорных дел (в том числе на судах) необходимо свидетельство

нескольких свидетелей (Коран 2:282). Но в наше время уже свидетели необязательны. Например, приговор можно вынести на основе видео- или аудиоматериала.

На этих примерах возникает проблема духа текста и его буквального исполнения. На современном этапе времени главное придерживаться духа закона, а не его буквы. Это выражается в том, что воровство порицаемо и наказуемо. А на суде должно быть свидетельство. Но все это со временем может менять свои формы и нельзя настаивать на буквальном исполнении этих повелений во все времена. Если в средние века буквальное исполнение наказаний было оправданным, то сегодня условия изменились.

Несмотря на очевидность всех этих доводов, тем не менее, даже в среде реформаторски настроенных мусульманских богословов мало таких, которые официально выступают против буквалистических толкований исламских первоисточников по вопросам божественных повелений.

Еще один пример – это проблема вероотступничества, которая карается в классическом мусульманском праве смертью [9, с. 462–463]. Но как можно это делать в современном мире? Если раньше не было свободного информационного обмена и открытых коммуникаций, то сейчас все это есть. Если раньше велись религиозные войны и мир Ислама был обособлен, то сегодня мир находится в фазе глобализации. Таким образом, каждый человек владеет информацией о различных верованиях и общается с их представителями, что способствует определенному оттоку некоторых людей из Ислама в другие верования.

С другой стороны, в наши дни развиты секулярные или агностические воззрения, что также является необходимостью нашего времени. Если вводить казнь за вероотступничество, то под этот приговор попадают и они.

Понимая это, некоторые богословы-реформаторы пытаются смягчить действие этого закона и утверждают, что изменение верования изначально каралось смертью в Исламе только во время военных действий. Поэтому вводить казнь за это можно только в этих условиях, так как вероотступничество в этом случае будет приравниваться к предательству [6].

Однако и это неубедительно, так как в наше время нет явных религиозных противостояний. Мусульмане служат в армиях стран, в которых Ислам не исповедует большинство населения. Точно также и в мусульманских странах в армии служат представители других верований. Поэтому в наше время изменивший свое вероисповедание человек вполне может оставаться преданным своему государству. Поэтому опять же применение смертной казни за вероотступничество ставится под сомнение. Однако мусульманские богословы снова не рискуют заявлять о том, что применение такого наказания в наше время является неприемлемым и должно быть полностью отменено.

Причиной же такой нерешительности мусульманских деятелей, которая, в конечном счете, приводит к росту радикальных настроений в мусульманском обществе, являются очень жесткие принципы традиционного исламского права относительно методологии правовых предписаний. Эти положения предусматривают незыблемость и вечность повелений в исламских первоисточниках независимо от времени и пространства. То есть любое кораническое повеление считается вечным по части повелений во все времена. Любое, даже малейшее сомнение в этом, расценивается в качестве

вероотступничества или восстание против воли Бога [4, с. 132]. Поэтому богословы-традиционалисты, которые понимают все эти проблемы, не рискуют открыто заявлять о толковании повелительных текстов в отличной от средневековой традиции форме. В противном случае на них может распространиться положение о неверии, так как в традиционном Исламе сомнения в обязательности повелений могут расцениваться как проявления неверия [4, с. 133].

Однако, несмотря на утверждения традиционалистов о вечности повелений Корана и хадисов, реальное положение вещей таково, что эти повеления изменяются либо отменяются на протяжении времени по причине прогресса человечества. Ведь многое из того, что было актуально в прошлом, сегодня больше таковым не является.

Примером этого является обязательность выплаты налога «джизья» (Коран 9:29) с немусульманского населения мусульманских стран. Это повеление есть в Коране и хадисах. Но сегодня никто, даже самые традиционалистские общества мусульманского мира этот налог не вводят.

Другой пример - это повеления относительно рабов (Коран, 4:92; 9:60 и др.), которые во множестве имеются в исламских первоисточниках. Но сегодня рабства больше нет. Следовательно, эти повеления больше не действуют.

Эти примеры показывают, что утверждения традиционалистов о вечности и неизменности всех повелений Корана необоснованны. С протяжением времени они могут изменяться, либо отменяться. Само время и изменившиеся условия приводят к этому.

Необходимость реформы мусульманского мировоззрения осознавалась многими мыслителями на Ближнем и Среднем Востоке еще в конце XIX века [8, с. 5]. Однако до сегодняшнего дня серьезных продвижений в этом направлении достигнуто не было. Изменения были лишь косметическими. Они не затрагивали основы мусульманской догматики, которые основываются на принципе буквального исполнения божественных повелений, альтернативный взгляд на которые в мусульманской традиции наложено табу.

Неудачи мусульманской реформаторской мысли на протяжении всего этого времени объясняются именно этим. Большинство реформаторов так и не стали подвергать альтернативному взгляду главные принципы мусульманского права. Лозунгом, который они выдвинули в своей деятельности, был возврат к порядкам времен пророка и изначальных ценностей Ислама [7, с. 379–380]. То есть они построили идеалистическую картину о том, что только через переосмысление традиционной мысли и очищению ее от поздних нововведений можно достигнуть прогресса.

Однако такой принцип изначально был обречен на неудачу, так как возврат в прошлое никогда не может привести к прогрессу. Буквальное применение повелений, озвученных в VII веке на Аравийском полуострове невозможно в полной мере применить в последующие века и в разных уголках мира. Поэтому принцип возвращения к истокам должен быть пересмотрен в современной реформаторской мусульманской мысли. Во главу угла должно быть поставлено не возвращение в идеалистическое прошлое, а движение вперед. Все положения исламского права должны быть выстроены на основе требований сегодняшнего дня и составлены на основании целесообразности, а не догматической

привязанности к букве первоисточников. Необходимо ввести теоретическую и методологическую основу для того, чтобы при необходимости интерпретировать повелительные тексты не в буквальном смысле, воспринимая от этих повелений дух, а не словесное выражение.

Однако теоретическая и методологическая база для этого до сегодняшнего дня в мусульманской реформационной мысли не разработаны в полной мере. Поэтому подавляющее большинство реформационно настроенных мыслителей не рискует затрагивать повелительные основы исламских первоисточников. Хотя без этого никакая реформа не может быть успешной, а будет носить лишь косметический характер. Что же касается меньшинства, то они пытаются что-то делать в этом направлении. Но в результате они превращаются в маргиналов. Многие из них подвергаются за это гонениям. Одной из причин этого опять же является отсутствие ясного метода для новых интерпретаций повелительных текстов.

К примеру, в Христианстве есть различие между периодом Ветхого и Нового Заветов. Эта двойственность дает возможность для маневров в деле приспособления христианского мировоззрения к современным процессам. Все, не соответствующее современной целесообразности, относится к ветхозаветным положениям, и они становятся не обязательны в практической жизни [1].

Однако Исламские первоисточники не разделяются на периоды и представляют собой единое целое. Также в Исламе, в отличие от Христианства, имеется развитое религиозное право, обязательное для всех мусульман. Поэтому здесь необходимы другие методы для обоснования новых толкований повелительных текстов. Только таким образом можно обосновать новые правовые положения.

Признаваемое некоторыми школами Ислама положение об отмене ранних повелений Корана более поздними аятами (насах и мансух) [5, с. 410–416] частично можно использовать для обоснования новых современных толкований. Однако этого недостаточно, так как такой принцип существует давно, но ни к каким серьезным результатам в деле исламского реформаторства не привел.

В обосновании современных реформ исламского мировоззрения представляется наиболее приемлемым использовать тезис о сотворенности Корана. Еще в IX веке разгорелся ожесточенный спор между традиционалистами и мутазилистами относительно природы Корана. Вкратце суть спора сводилась к вопросу о том, что из себя представляет Коран. Как к нему относиться? Традиционалисты настаивали, что Коран является вечным божественным словом и существует совечно с Богом в качестве одного из его атрибутов [2, с. 101].

Мутазилиды же отрицали утверждение о вечности Корана, не считая Слово божественным атрибутом [2, с. 55]. Согласно мутазилидам, Коран был сотворен во времени, как и все остальное в этом мире. По их мнению, вечен только Бог. Если же нечто совечно ему, то оно становится вторым богом [2, с. 56]. Таким образом, мутазилиды обвиняли традиционалистов в обожевлении Корана. Они также сравнивали их с христианами. Потому что в Христианстве совечным Богу также является его Слово (Логос), которое воплотилось в Иисусе Христе и явилось на землю.

Проблема вечности или сотворенности Корана не потеряла своей актуальности и сегодня. В этом споре окончательной победы никто не одержал, и

вопрос остался открытым, несмотря на утверждение в мусульманском мире позиций традиционалистов.

Однако в наше время фактически все основные ветви традиционного Ислама фактически рассматривают Коран как вечное и несотворенное божественное слово. Именно по этой причине и становится затруднительным проведение реформ в Исламе. Ведь если Коран как божественный атрибут совечен Богу, то его нельзя рассматривать во времени и пространстве. Ведь Бог неизменен и постоянен. А если Коран совечен Ему, то и он не может трансформироваться под объективные условия. Его положения становятся неизменными в буквальном выражении во все времена и на любой территории.

Однако если считать Коран сотворенным во времени и пойти мутазилитским путем отрицания его сущности как божественного атрибута, то тут открывается путь к реформам. Ведь, как и все сотворенное, Коран можно рассматривать во времени и пространстве и его повеления могут быть интерпретированы по разному в различные периоды истории и на различных территориях. К примеру, многие законы или повеления о запрещенности и разрешенности тех или иных вещей, либо телесные наказания, не сочетающиеся с принципами современности, вполне могут быть объявлены достоянием средневекового прошлого, либо порядками населения Аравийского полуострова VII века.

Таким образом, если считать Коран сотворенным, то открываются возможности новых нетрадиционных толкований. Становится возможным приспособление мусульман к современному течению жизни. Этим самым можно избавиться от нецелесообразных сегодня традиций прошлого. Это также может стать действенным идеологическим обоснованием, способным ослабить масштабы религиозного радикализма и фанатизма в современном мире.

Литература и источники

1. Игумен Георгий. Духовно-нравственное становление человека в Ветхозаветной и Новозаветной Церкви Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/38257.php>. – Дата доступа: 01.02.2014.
2. Шахрастани, М. Книга о религиях и сектах. – М., 1984.
3. Əl-Qəzali M. Qurana münasibətimiz necə olmalı? Bakı: İdrak, 2011.
4. Faruk Furkan. İslam Hukuku Açısından Tekfir Şartları ve Ahkamı. İstanbul: Meva yayınları, 2009.
5. Ibn-i Kesir. Hadislerle Kur'an-i Kerim tefsiri. C. 1. İstanbul, "Cagrı yayınları", 1989.
6. Karaman, H. İrtidad'ın (din deęişdirmenin) cezası ölüm müdür? <http://www.hayrettinkaraman.net/sc/00228.htm>.
7. Keddic. Sayyid Jamal ad-Din "al-Afghani". A Political biography. – Los Angeles, 1972.
8. Mücahid, H. T. Farabiden Abduha siyasi düşünce. – İstanbul, 1995.
9. Zuhayli, V. İslam Fıkhı Ansiklopedisi. – İstanbul, 1994.

ДЫЯЛАГІЧНАСЦЬ ІЎДАІЗМА І ХРЫСЦІЯНСТВА

М. В. Анцыповіч

Выхад рэлігіі ў публічную сферу непазбежна выкарыстоўвае катэгорыю сакральнага ў якасці асновы для параўнання рэлігій. А гэта, ў сваю чаргу, прыводзіць да ўзаемадзейння і змешвання рэлігійных і нерэлігійных значэнняў і сэнсаў, размыванню межаў семантычнай прасторы рэлігіі і атаясамліванню маральнага сэнса з рэлігійным. Асноўнымі ініцыятыўнікамі дыялога рэлігій выступаюць інстытуты свецкай улады, якія адчуваюць у гарманічных міжканфесійных адносінах неабходныя умовы палітычнай, сацыяльнай і эканамічнай стабільнасці. І зараз свецкасць дзяржавы тлумачыцца спрощана, а менавіта як патрабаванне забяспечыць «раўнаадаленасць усіх рэлігій ад дзяржавы». Паняцце «свецкая дзяржава» не тое паняцце «антырэлігійнай дзяржавы», і прыкмета свецкасці не абумоўлівае фармаванне дзяржаўнай ідэалогіі атэізма. Станоўчая роля такой мадэлі міжрэлігійных адносін не выклікае сумнення, але глыбокі і ўстойлівы ўплыў на сітуацыю можа зрабіць толькі дыялог на тэалагічным ўзроўні, які ўлічвае верапапавучальны змест рэлігій. Праўда, традыцыйная рэлігійная свядомасць адносіцца да дыялога з чужымі рэлігіямі з падазрэннем і схільна адмаўляць яго, так як бачыць у ім небяспеку адступніцтва ў дагматычнай сферы і ўнясення ў яе скажэнняў.

Іўдэйска-хрысціянскі дыялог распачынаецца непасрэдна пад час узнікнення хрысціянства, дзе некаторыя яўрэйскія мудрацы ўдзялялі ўвагу знаёмству з асобай Хрыста і яго вучэння (адзначаючы яго як станоўчы, так і істотны недахоп). Але сапраўднае азнаямленне хрысціянства яўрэямі пачалося ў шырокіх маштабах толькі ў XIX–XX ст. адначасова з аўтаэмансіпацыяй, сіянізмам і вяртаннем яўрэяў у краіну Ізраіля. Паралельна з гэтым (хоць і па іншых прычынах) у XX ст. хрысціянства, і перад усім католікі і пратэстанты, пачалі ісці ў накірунку прынцыповых адмоў ад спробаў місіянерства ў адносінах да яўрэяў, і пачынаюць прызнаваць яго «выратавальнай рэлігіяй», г. зн. прызнаваць неаддымнасць стартавасці яўрэйскага Завета з Богам [1, с. 19]. Равністычны іўдаізм і хрысціянства, як феномены культуры, ўзнікаюць у эпоху позняй антычнасці і фармуюцца ў кантэкстах паралельнага суіснавання. Да з'яўлення хрысціянства іўдэйства было адзіным носьбітам манатэізма ў атачэнні язычніцкага свету і для яўрэйскіх інтэлектуалаў элінізацыя іўдэйства было тое самае іўдэізацыі элінізма. Іўдаізм, болей чым любая іншая культура Блізкага Усходу, ўбіраў у сябе толькі тое, што дапасоўвалася да яго маральнай нормы і манатэізма.

Пытанне аб Богачалавеку – гэта тая праблема, якая найболей радыкальна раздзяляе іўдаізм і хрысціянства. Згодна іўдаізма Усявышні стварыў свет «незавершаным» для таго, каб чалавек мог выконваць сваё боскае прызначэнне: выправіць гэты свет і завяршыць Тварэнне, заслугоўваючы Выратаванне як узнагароду за гэтую працу [2, с. 57]. Для таго, каб яўрэі ўсвядомілі меру гэтай адказнасці, Тора заветуе ім звяртацца непасрэдна да творца Сусвету і толькі да яго ў сваіх мольбах і прашэннях, так як Бог добры, але неўсёдаравальны. У свядомасці хрысціянна Ісус, сын Божы, з'явіўся для таго, каб «замест слупа вогненнага Сонца праведнае зазгля; замест Маісея – Хрыстос, Збавіцель душ нашых» [3, с. 36]. Канцэпцыя «Богачалавека», якая даходзіць да ўяўлення аб

«пасярэдніцтву», псіхалагічна непрыёмальна для яўрэя, які звяртаецца да Бога напрамую і вядзе з ім прамы дыялог.

Іўдаізм вучыць чалавека выражаць сваю любоў да акаляючага свету іерархічна: ад любові да сябе і сваёй сям'і, пашыраючы яе да ўзроўню сваёй абшчыны, свайго народа, чалавецтва, жывых істотаў, светабудовы. Паводле іўдаізма спроба аднолькава любіць усё чалавецтва прыводзіць да жаданняў навязваць суседзям, іншым народам сваё разуменне жыцця. Зваротным бокам дэклараванай хрысціянамі «роўнай любові да ўсяго чалавецтва» непазбежным з'яўляецца на працягу вякоў агрэсіўнае місіянерства з рознай ступенню гвалту [1, с. 113]. Што тычыцца хрысціянскага закліка «любіць ворагаў сваіх», то ў рэальнасці любоў да ворага дэкларуецца тут толькі «тэарэтычна». Хрысціяніну прапаноўваецца здзяйсняць любоў не больш, чым да «побытавых ворагаў», у сэнсе зацятых спрэчак з акаляючымі, а зусім не да сапраўдных ворагаў, якія нясуць людзям смерць і знішчэнне.

У каталіцкай думцы, таксама як і ў праваслаўнай, сцвярджаецца неаддзельнасць пазнання Бога ад дыялагічнага кантактавання з Ім праз любоў. Але заходняе хрысціянства ставіць пазнанне першым, тады як ў праваслаўі вучэнне аб знаходжанні ў любові прысутнічае на першым месцы, з'яўляецца першай прадумовай пазнання; чалавек павінен спасцігнуць перад усім стан любові божай, затым богапазнання і толькі затым самапазнання. Хасідызм (з сяр. XVIII ст.) як рэлігійна-містычны рух іўдаізма, які ўключае ў сябе спецыфічную містыку Сфірот, заповітаў аб любові да бліжняга пашырае толькі на сваіх адзінаверцаў, што звязана з асобым разуменнем у іўдаізме адзінства Усявышняга, Торы і яўрэйскага народа. Напрыканцы XIX ст. у Наваградку была адкрыта іешыва, заснаваная равінам І. Саланцэрам – пачынальнікам этычнага руху «Мусар», дзе вивучэнне Торы дапаўнялася прапагандай думкі аб нікчэмнасці чалавека і недасканаласці ягоных учынкаў. Навучэнцы іешывы былі аб'якавы да свайго вонкавага выгляду, прыкрывалі свае целы абноскамі, так як, на іх думку, чалавек павінен прыніжаць сябе, каб спасцігнуць веліч Бога і цалкам аддавацца любові і слугаванню яму [4, с. 49].

Калі хрысціянства непазбежна ўключае ў сябе элементы іўдаізма і не ўяўляецца без іх, то для іўдаізма такое спалучэнне смяротна небяспечна і прынцыпова немагчыма. Іўдаізм не дапускае ў сябе наяўнасці якіх – небудзь запазычванняў з хрысціянскай традыцыі [5, с. 89]. Напрыклад, абмыванне рук перад уваходам у каталіцкі храм запазычана з абмывання рук перад трапезай, якое выконваюць яўрэі. Увогулле, для яўрэйскага культа недапушчальна якое – небудзь запазычванне з хрысціянскай традыцыі. Сваё выражэнне гэты падыход выяўляецца ў магчымасці ўдзельнічаць у кульце другога; г. зн. хрысціяне, напрыклад, могуць заходзіць у сінагогу, але Галаха, як нарматыўнасць Талмуда, забараняе яўрэю ўваходзіць у хрысціянскі храм. Таму, што спалучэнне з хрысціянствам унутры іўдаізма ўяўляе сабой хрысціянства.

Прызнанне І. Хрыста месіей, як «Бог, сам Адзінародны Сын Божы, дабраахвотна прыйшоў у наш пакутуючы ад шматлікіх грахоў і зла свет, дабраахвотна сышоў у бездань чалавечага болю і пакутаў, стаўшы праз гэта далучаным да людскога гора» [6, с. 73], але ўсё гэта супярэчыць самым базавым яўрэйскім біблейным прынцыпам. Яўрэі могуць прызнаваць Хрыста толькі «асветнікам народаў», так як праз яго народы свету прыйшлі да яўрэйскага

біблейнага манатэізма і да Бога, а гэта неабходны і нават канцовы элемент выратавання. На аснове гэтага іўдаізм і хрысціянства могуць быць усвядомлены як ніколі незлучальныя, але пры гэтым узаемадапаўняльныя часткі адзінага комплекса чалавечнасці. Першахрысціяне пэўны час былі ізаляванай групай унутры іўдаізма і не знаходзілі падтрымкі ў асяроддзі астатніх яўрэяў. Павел быў і іўдэем, і стваральнікам новай рэлігіі для не яўрэяў; г. зн. такой формы здумлення, якая несла б чалавецтву галоўныя яўрэйскія рэлігійныя ідэі: манатэізм, этыку, любоў Бога да чалавека і наадварот, але без абавязковасці абразання, святасці Суботы, кашэрнай ежы і г. д. Адзінства і кантрарнасць іўдаізма і хрысціянства ўвасабляецца ў постаці апостала Паўла (Саўла), як першапачаткова зацятага пераследчыка першахрысціян і адначасова, як аднаго з стваральнікаў хрысціянства. Будучы апостал Новага Запавету атрымаў як традыцыйнае яўрэйскае, так і элінскае выхаванне. Тое, што прапагандаваў Павел, раўназначна хрысціянству і зусім не адпавядае таму, што прапагандаваў Хрыстос. Ісус звяртаўся выключна да яўрэяў і прапагандаваў пакаянне, смірэнне і цуд строгага царства. Павел звяртаўся толькі да неяўрэяў і прапагандаваў ім толькі самога Хрыста. Дзякуючы гэтаму, хрысціянства і зрабілася «галінкай іўдаізма» для народаў свету, але толькі не для саміх яўрэяў [1, с. 44].

Пры Паўлу стварэнне хрысціянскай тэалогіі і тэкстаў толькі пачыналася (напрыклад, Евангелія ствараліся ўжо пасля Паўла). Паслядоўнікі і вучні Паўла ўсё больш аддаляліся ад традыцый іўдаізма, і ў той самы час яўрэі ўсё больш рабіліся «праблемным» народам для Рымскай імперыі. Імкненне хрысціянства адмежавацца ад свайго базавага (яўрэйскага) вучэння, на аснове якога яно ўзнікала і створана – гэта складаны і амбівалентны працэс, які і на сёння цяжка ацаніць адназначна. Дыялог паміж іўдаізмам і хрысціянствам пачынаецца з таго, што паралельна з упэўненасцю кожнага ў сваёй веры, прызнаюцца духоўныя годнасці другога боку. І мэты гэтага дыялога не ў тым, каб «навярнуць іншага ў сваю веру» – але ў тым, каб зразумець другога і за конт гэтага палепшыць самога сябе. Напрыклад, уяўленні аб тым, што Хрыстос – «месія народаў свету» і нясе ім боскае святло, але яўрэй знаходзіцца ў межах свайго Запавету з Богам, дзякуючы чаму можна дасягнуць выратавання і без хрысціянства і г. д. Найбольш выпукла гэтае палажэнне прысутнічае ў спадчыне Яна – Паўла II, які сцвярджаў, што калі Пяцікніжжа Маісеева гаворыць аб вечным Запавеце Бога з яўрэйскім народам, то гэты Заповіт не можа быць адменены. Гэта азначае, што яўрэй выратаўваецца праз свой, асобны Заповіт з богам, без прыняцця хрысціянства і без хрышчэння, ў той самы час як іншыя народы света маюць патрэбу ў хрысціянству [1, с. 52]. Адсюль вынікае, што яўрэі ніколі не павінны быць хрысціянамі.

Супярэчлівая аснова адносін паміж іўдаізмам і хрысціянствам адлюстроўваецца і ў асобных момантах творчасці Сіміёна Полацкага. З аднаго боку//Яко Авеля Каин брата си любяше, // Тако жидовин любит христианство наше// [7, с. 158], на пярэдні план выносяцца разыходжанні паміж іўдэямі і хрысціянамі. А ў другіх выпадках яўрэі ў творчасці С. Полацкага выступаюць як узоры хрысціянам для пераймання. Ён параўноўваў строгае выкананне яўрэямі Суботы і супрацьпастаўляе яўрэйскую адданасць заповіту з Богам паслабленым паводзінам праваслаўных. У пропаведзі на дзень памяці сямі святых пакутнікаў макевеяў С. Полацкі прыводзіць у прыклад Элеазара, які абраў пакутніцкую смерць, але не з'еў свініны, што з'яўляецца для хрысціянскай традыцыі сімвалам

моцы ў выкананні заветаў [7, с. 160].

У цэлым, любая рэлігія ў яе культурна-гістарычнай увасобленасці ўспрымаецца як дынамічная сістэма, адкрытая для развіцця ў розных напрамках. Але рэлігійная традыцыя, як і ўсялякі акумулянт, здольна актыўна супраціўляцца свайму змяненню і выконваць тым самым ахоўную функцыю ў адносінах да веры.

Літаратура і крыніцы

1. Полонский, П. Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству. – Краснодар, 2009.
2. Гасатрян, С. М. Христианство и святая земля (историко – философские проблемы) – М., 2005.
3. Службы на Вялікдзень і светлы тыдзень. – Полацк, 2007.
4. Запрометова, О. «В начале было слово»: Тора Моисея и Законы Христа как символ мудрости в раввинистической и христианской традициях // Мудрость – праведность – святость в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. – М., 2011.
5. Барац, А. Теология дополнительности и перспективы иудео – христианского диалога. – Минск, 2008.
6. Епіскап Арцёмій (Кішчанка). Пропаведзі. – Жыровічы, 2010.
7. Евреи и христиане (в православных обществах Восточной Европы). – М., 2011.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ: КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

И. П. Заинчковская

В XXI веке этноконфессиональные проблемы стали одними из самых актуальных для социума. Потеря важных для человека связей с сообществами, в частности с этнорелигиозными, приводит к формированию непродолжительного фрагментарного характера отношений в этой области. На фоне компенсации фрагментарного характера отношений возникает «индивидуальный заказ» к переосмыслению роли традиционных религиозных идентичностей в современной социальной реальности как источника групповой консолидации, актуализированный поиск статуса в социальном пространстве.

В современной реальности человек находится в социальном и «пространственном смущении». Переход к постмодернистской эпохе, сопровождаемый переходом от мира, определяемого в формате времени, к реальности, определяемой пространственно [1, с. 688] сконструировал проблему утраты способности «проявлять» свое место (статус) в социальном пространстве.

Изучение сакрально религиозной проблематики предполагает исследование проблемы формирования религиозного пространства как результативную основу для теоретического и эмпирического дискурсов.

В этом контексте можно говорить о перспективах дальнейших научных поисков для более полного изучения теоретических и практических возможностей религиозного пространства Украины. Опираясь на эмпирические исследования ученых, мы сосредоточим внимание на проблемах влияния религии на формирование религиозного пространства в образовательной сфере Украины.

В глобализационных процессах появился своеобразный «оппонент» в лице

религиозных конфессий, которые были, есть и возможно останутся достоянием определенных наций и народов, несмотря на интернационализм и космополитизм некоторых религий (христианство, мусульманство, буддизм и т. д.). Кроме отмеченного факта, добавим, что процесс глобализации существенно повлиял на изменение конфигурации и сути межрелигиозных отношений.

Для научного анализа заявленной темы мы обратимся к авторскому исследованию «Этнорелигиозное пространство украинских студентов».

Религиозная идентичность украинских студентов. Презентация религиозной идентичности украинских студентов сложилась следующим образом: большинство опрошенных студентов считают себя верующими людьми, 70% опрошенных утверждают, что «верят в Бога». Атеистов среди опрошенных оказалось всего 6%. Тех же, кто еще не определился с религиозной идентичностью – 10%. Интересно отметить, что среди студентов были и такие, кто заявил, что «верит, но не в Бога»: «верят в себя», «в хороших людей», «в кумиров».

Значимый результат исследования по религиозной идентичности – корреляция возраста студентов и интенсивности религиозной веры. Взросление студентов снижает процент тех, кто презентует религиозную идентичность, увеличивается количество студентов, которые «маркируются» неверием в Бога. Возможный комментарий: взросление предполагает сложную трансформацию ценностей, возникновение новых стратегий ценностей, иной поиск «самости».

Верующие студенты распределились следующим образом: 72% опрошенных студентов идентифицировали себя как православные, католиков оказалось 3%, протестантов и мусульман всего по 1%. Иудеев же среди опрошенных было еще меньше – 0,4%. Интересно, что вариант ответа «другое» составил 13%, в частности здесь студенты обозначали свою принадлежность к протестантским церквям и к различным неорелигиозным движениям, харизматичным сектам (свидетели Иеговы, мормоны, церкви «Возрождение» и т. д.). Важно отметить, что тех, кто идентифицирует себя с определенной конфессией, оказалось значительно больше, чем тех, кто подтвердил, что верит в Бога. Очевидно, что сюда попали те студенты, которые не смогли ответить однозначно на вопрос «Вы верующий человек?» Очевидно и то, что в представлении молодежи принадлежность к конфессии не является маркером веры. А этот факт может быть свидетельством секуляризации религии в обществе.

Корреляция религиозности и этнической идентичности украинских студентов.

Верующие студенты интенсивно презентуют региональную («я житель *определенного* региона») и этническую идентичность («я украинец», «я русский», «я белорус»). Студенты-атеисты и те, кто «верит, но не в Бога» презентуют региональную идентичность и европейскую («я гражданин Европы»). Гипотетичный комментарий: религиозная идентичность студентов предполагает этнический маркер.

Интенсивность посещения церкви как маркер религиозной активности украинских студентов.

Около половины опрошенных студентов посещают церковь только по большим праздникам (48%), раз в месяц это делает 20% опрошенных и лишь 7% это делают регулярно. Есть и такой результат: 13% опрошенных утверждают, что «верят в Бога, но не посещают церкви», а 9% студентов никогда не посещают

церковь. Последние данные свидетельствуют об определенной амбивалентности студентов, так как количество студентов, которые посещает церковь, и логично предположить, верят в Бога, значительно больше, чем тех, кто заявил о своей религиозной идентичности в начале исследования.

Религиозная идентичность украинских студентов и социальная активность.

Социальная активность студентов замерялась вопросом «Являетесь ли Вы членом политических, студенческих, спортивных и других объединений?» Более половины опрошенных студентов – 58% не принадлежат ни к какому типу объединений, 18% опрошенных относятся к студенческим объединениям, 10% к спортивным. Студентов, принимающих участие в деятельности политических партий, оказалось 3%.

Религиозная идентичность и самочувствие украинских студентов.

Количество студентов, которые отмечают свое хорошее настроение, насчитывается 57%. Треть респондентов – 33% пожаловались на те или иные негативные настроения в своем самочувствии. Из них 3% испытывают откровенно деструктивные эмоции (страх, тоска). Довольных своей жизнью среди опрошенных оказалось немного более половины 56%. Количество недовольных же совпала с долей тех, кто испытывает различные негативные настроения – их оказалось ровно треть.

Религиозная идентичность украинских студентов и опыт религиозной дискриминации.

Среди опрошенных студентов 49% не сталкивались с религиозной дискриминацией практически никогда. Несколько раз сталкивались с религиозной дискриминацией 23%. И 7% ответили, что были свидетелями религиозной дискриминации много раз. Затруднились с ответом 22% респондентов. Последняя цифра достаточно велика и может свидетельствовать о недостаточном понимании студентами содержания религиозной дискриминации.

Литература и источники

1. Ритцер, Дж. Современные социологические теории. – СПб., 2002.

СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПРОТЕСТАНТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Г. В. Косых

Религиозный опыт включен в социальную систему общественных отношений и устойчиво существует в ней. Соединение в религиозном опыте иррациональных переживаний, жизненных ценностей и личностных смыслов позволяет рассматривать его как психологический процесс, посредством которого человек целостно познает себя и мир, как особое направление духовного развития человека. Анализ смысловой организации религиозного опыта приобретает особую актуальность, связанную с изучением функций религиозного опыта в целостном жизненном опыте личности, которые позволяют ему быть одним из главных регуляторов личной и общественной жизни. Изучение смысловой организации религиозного опыта предполагает обращение к индивидуальному

своеобразие личности, ее внутреннему миру. В работах современных авторов И. М. Богдановской и И. Г. Самойловой оно связано с обоснованием и разработкой нового методологического подхода к религиозным явлениям, основанного на принципе дополнительности различных объяснительных схем, синтезирующего методы познания естественных и гуманитарных наук, идеи понимающей психологии, феноменологии, герменевтики [1] [2].

Гипотеза исследования состояла в предположении того, что интегративным образованием религиозного опыта является уровневая модель как система религиозно-личностных смыслов, включающая религиозные представления, религиозные ориентации, переживание события религиозного и личностного опыта и система религиозно-личностных смыслов. В исследовании приняли участие прихожане общества «Исход» и прихожане общества «Свидетели Иеговы».

Разработана уровневая модель смысловой организации современной религиозности протестантского направления христианской церкви. В порядке возрастания духовных ценностей выделено три уровня ценностных смыслов, которые связаны с религиозной ориентацией личности: внешняя религиозная ориентация; внутренняя религиозная ориентация; базовые духовные переживания.

Первый уровень ценностных смыслов. Внешняя религиозная ориентация поддерживается двумя типами зависимого поведения: деструктивным сверхзависимым поведением с потребностью в эмоциональной близости, любви и принятии со стороны значимых других, включающее ригидное стремление к получению помощи и поддержки на фоне постоянного ощущения себя как беспомощного и слабого независимо от конкретной ситуации, и дисфункциональным отделением как неспособностью развивать социальные связи, устанавливать отношения привязанности. Внешне религиозно ориентированный человек замкнут, его внутренний мир закрыт от взглядов окружающих, он не проявляет саморуководства в принятии решений и деятельности, соответственно, у него отсутствует ответственность в любой сфере жизни. Внешне религиозно ориентированный человек не принимает изменчивости жизни, желает видеть мир вокруг себя «застывшим», боится и не принимает смерти как явления, которое нельзя предвидеть и предотвратить, кризисные ситуации рассматриваются им как чрезмерно опасные, несущие потери, страдания, мученичество.

Второй уровень ценностных смыслов. Внутренняя религиозная ориентация, как активная вера, приводит к самоуверенности и самопривязанности как потребности соответствия с идеальным представлением о себе, без желания что-либо изменять внутри себя, полностью удовлетворенного собой. Внутренняя религиозная ориентация поддерживается типом поведения, характеризуемым как дисфункциональное отделение. В основе деструктивного отделения лежит бессознательный страх перед близкими отношениями, которые ассоциируются с поглощением, потерей себя, растворением в другом человеке, а также ранний детский опыт, сформировавший у ребенка убеждение в преимуществе независимости и самодостаточности по сравнению с близостью и привязанностью. Неотъемлемыми чертами зависимой личности выступают неуверенность в себе, несамодостаточность, чувство беспомощности, тревога по поводу возможного отвержения и одиночества.

Третий уровень ценностных смыслов. Базовые духовные переживания

определяются как присутствие в прошлой жизни респондента события и когнитивной оценки этого события на уровне экзистенциальных смыслов, которая приводит его к убеждению существования высшей силы (называя или не называя ее Богом). Респондент переживает глубокую внутреннюю связь с высшей силой (Богом). Чем выше индивидуальное значение этих переживаний, тем более зрелыми являются религиозно-психологические представления и ценностные смыслы человека.

Базовые духовные переживания как образ жизни поддерживаются здоровым типом зависимого поведения. Люди с нормативной зависимостью демонстрируют значительную гибкость в общении, способность обращаться за помощью по мере возникновения объективной необходимости, умение устанавливать долговременные эмоциональные отношения. Здоровая зависимость связана с широким спектром поведенческих реакций, отличается адаптивностью и вариативностью. Основа здоровой зависимости формирует у респондента чувство уверенности, безопасности, а также убеждение в том, что далеко не всегда обращение к другим за помощью является признаком слабости или собственной неуспешности. В связи с чем, у респондентов формируется открытость в отношениях и ответственность за собственные убеждения и поступки.

В случае существования в индивидуальном опыте человека базовых духовных переживаний формируется ряд экзистенциальных смыслов: принятие собственной жизни в ее временном аспекте прошлого, настоящего и будущего на основе позитивного отношения к себе; жизнь понимается как имеющая смысл, обладающая ценностью и позволяющая духовно расти; особенности прохождения человеком своего собственного пути характеризуются принятием на себя ответственности за свою собственную жизнь и происходящие в ней события; жизнь рассматривается как подчиненная высшему смыслу (какой-либо идее); смерть также рассматривается как имеющая смысл, что говорит об активной рефлексии данного события, важно не то, какой смысл видит человек в смерти, но видит ли он его вообще; человек принимает любые собственные чувства по отношению к смерти, она осмысленна как ситуация, являющаяся частью жизни; принимает смерть как данность и не стремится избежать размышлений или разговоров о ней; формируется концепция смерти в континууме от «смерть как переход» до «смерть как полное завершение»; происходящие с ним несчастья осмысливаются, извлекается позитивный опыт, способствующий не только выработке адекватного отношения к событию, но и выработке адекватных способов действия; формируется концепция кризисной ситуации как опыт, позволяющий на основе самосовершенствования делать свою жизнь более гармоничной и двигаться дальше.

Проведенный факторный анализ позволил выделить ряд взаимосвязанных показателей, совокупность которых мы назвали «смысловой организацией современного религиозного опыта личности». Фактор «смысловой организации современного религиозного опыта личности» включает: экзистенциальные смыслы; характеристики, составляющие самоотношение; формы межличностного поведения.

Экзистенциальные смыслы включают: «Принятие изменчивости жизни», «Жизнь как рост», «Принятие жизни», «Уверенность и безопасность», «Принятие себя», «Стремление к росту», «Ответственность», «Концепция смерти», «Принятие

чувств по отношению к смерти», «Принятие смерти», «Наличие смысла жизни», «Наличие смысла смерти», «Наличие смысла в кризисной ситуации», «Концепция кризисной ситуации».

Характеристики, составляющие самоотношение, включают: «Самопринятие», «Самопривязанность», «Внутренняя конфликтность», «Самообвинение».

Формы межличностного поведения включают: «Деструктивная сверхзависимость», «Дисфункциональное отделение», «Здоровая зависимость».

Таким образом, религиозная вера современного человека (в протестантизме) отражает сложное соотношение внешней и внутренней сторон религиозного опыта. В настоящее время можно говорить о несформированном религиозном поведении современных верующих. Тем не менее, значительное число верующих молодого и зрелого возраста осознают присутствие в своей жизни Божественного начала, обращение к которому позволяет получить ответы на многие вопросы, касающиеся смысла жизни.

Литература и источники

1. Богдановская, И. М. Смысловая организация современного религиозного опыта личности: Дис... канд. психолог. наук: 19.00.01 / И.М. Богдановская. – СПб, 2002.
2. Самойлова, И. Г. Этнические и религиозные аспекты межкультурной коммуникации // Межкультурность как опыт и процесс: 10 лет трансфера межкультурных знаний в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова: сб. науч. трудов / Под ред. Л. Н. Ваулиной. – Кострома; Дармштадт, 2011.

КРИЗИС КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛЮТЕРАНСТВЕ

Е. Г. Абакумов

В своем докладе я постараюсь затронуть непростую тему религиозной самоидентификации человека, волею судеб рожденного и возвращенного в лоне современной западной цивилизации, тот цивилизации, с которой все мы неразрывно связаны.

В беседах с представителями белорусской интеллигенции мне неоднократно приходилось встречать благосклонность по отношению к христианской религии, ее церковным институтам, обусловленную вроде бы вполне благородным мотивом – способствовать «распространению христианских ценностей», и обычно легко прийти к согласию о том, что одной из наиболее значимых «христианских ценностей» рассматривается честность. Заповедь «да будет слово ваше «да, да», «нет, нет», а что сверх того, то от Лукавого» (Мф 5, 37) всем известна и принимается в обществе с одобрением.

Именно честность, представление о ценности которой Ницше унаследовал от нескольких поколений своих предков - лютеранских священников, заставила его назвать себя во всеуслышание «антихристианином» и произнести столь неудобные для нас слова: «Все сегодня противоречит христианству, все – антихристианское: каким же чудовищно лживым уродом должен быть современный человек, чтобы, несмотря на все это, не стыдиться называть себя

христианином!» [1, с. 56].

С этими словами несложно спорить, указав на более чем своеобразные представления Ницше о христианстве, которые он явно почерпнул не в период своего богословского обучения, но полезнее рассматривать их как адресованные нам из прошлого злободневные вопросы. Кто есть «современный человек»? Кто является «христианином»? Возможно ли их «мирное сосуществование» в рамках отдельно взятой личности? И как удастся многим моим «единоверцам» не ощущать себя, по определению Ницше, «лживыми уродами», учитывая их убеждения и образ жизни?

Как-то мне довелось увидеть передачу из Швеции, большинство граждан которой до сих пор принадлежат к церкви, которая много столетий была образцово лютеранской. Там процветает культ Мартина Лютера, который «освободил нас из тьмы папских суеверий». Ведущий с удивлением и некоторой неловкостью сообщает исторический факт, что за 110 лет «конфессионального века» в Швеции за мужеложство было казнено всего 10 (!) человек, что на порядок меньше осужденных за сношения с овцами, утками и т.п. Смущение обусловлено необходимостью признать как равнодушие в прошлом шведов к однополый любви, так и с неохотой вспоминать о том, как уголовное право Швеции некогда копировало древние библейские нормы.

Потому соглашусь с Германом Зассе, что «хотя современный человек готов петь дифирамбы Лютеру и Реформации, обсуждая противостояние Лютера Риму и средневековью, его разочарованию нет предела, когда он узнает, насколько далек Лютер от идей современного мира» [2, с. 43]. Вспоминая столь мрачный для наших современников XVI век, он отметил: «Нам не нужно раскаиваться в конфессиональном веке, так же, как не нужно стыдиться его перед миром. Люди века ортодоксии знали нечто такое, чего не знает и не стремится знать современный человек. Они знали, что как личности и как народы мы буквально живем истиной и буквально умираем ложью» [2, с. 113].

Времена меняются, и в 2009 году епископом столичного диоцеза Стокгольма стала Ева Брунне – не только пятым епископом-женщиной в Швеции, но и, что более примечательно, первым епископом-лесбиянкой, вступившей в «законный» однополый брак, освященный церковным благословением, со своей сослуживицей – священником Гуниллой Линден. По случаю ее избрания один наш бывший соотечественник, ныне прибегающий к окормлению со стороны «ее преосвященства» Брунне, высказал весьма показательные мысли: «Ева Брунне верит в Бога, по образу и подобию которого не стыдно быть созданным. Россияне верят в другого Бога: тщеславного, косного, злобного психопата, придумавшего ад и свалившего ответственность за перекосы в своем творении на некие «силы зла». В Швеции врата ада так одолели церковь, что она перестала быть клубом любителей мракобесия и средством обогащения церковной бюрократии». Вот такая вот «христианская» вера...

Что же такое значить быть «лютеранином», как именуют себя епископ Брунне и ее со-мысленники? На сей счет сложился определенный консенсус: «Аугсбургское вероисповедание 1530 года является... достаточным стандартом лютеранской доктрины», а «всякий христианин, принимающий Аугсбургское вероисповедание, по праву носит имя «лютеранин» [3, р. 175]. В Конституции Всемирной лютеранской федерации сказано: «Федерация исповедует Священное

Писание в качестве единственного источника и нормы своего учения, жизни и служения. Она видит в трех вселенских символах веры и в исповеданиях Лютеранской церкви, особенно в Аугсбургском исповедании и в Кратком Катехизисе Лютера, чистое изложение Слова Божьего» [4].

Как верно указывали богословы прошлого, «Вероисповедание – это свидетельство, что определенные толкования Писания верны не только с точки зрения лютеран или католиков, а с точки зрения Святого Духа». «Оно представляет собой норму, посредством которой проверяются учителя прошлого и наставляются богословы будущего» и «является своего рода знаменем единства веры, при помощи которого христиане узнают друг в друге братьев и сестер и могут иметь истинное духовное общение» [5, р. 166].

Наиболее значимым «местом жизни» Вероисповедания в лютеранских церквях является процедура «конфессиональной подписи», когда «служители церкви перед рукоположением торжественно заявляют и свидетельствуют своей подписью, что вера, изложенная церковью в конфессиональных документах, является также верою их сердца. Требуя такую подпись, церковь ограждает своих членов от лжеучителей и их ересей» [6, р. 64]. Посмотрим на то, какую присягу приносила госпожа Брунне, принимая епископский сан и должность в 2009 году. «Будешь ли ты твердо стоять в вере нашей церкви и защищать ее, следя за тем, чтобы Слово Божье провозглашалось с чистотой и ясностью, как оно записано в Священном Писании и удостоверено в Вероисповедании нашей церкви?» [7]. Ева Брунне торжественно ответила «да», а уделявшие ей посвящение епископы не увидели никаких препятствий к совершению священнодействия. И не только меня, но и многих из вас, возможно, озадачит вопрос, как удается таким людям, как фрекен Брунне, торжественно приносить такую присягу, практикуя то, что невозможно совместить с текстами, как самого Писания, так и лютеранского Вероисповедания.

Поясню ход изощренного мыслительного процесса, помогающего с «чистой совестью» присягать одному, а учить другому. Любимый трюк либеральных теологов – это употребление формулы Quatenus, то есть человек согласен подписать Вероисповедание с оговоркой «настолько» или «в той мере», в какой они истинны и соответствуют Писанию.

Теперь священнослужитель считает себя вправе игнорировать по собственному усмотрению любые артикулы Вероисповедания, самовольно истолковывая св. Писание. И никто не узнает, что у него на уме.

Хорошо еще, если такая оговорка будет произнесена служителем церкви во всеуслышание, тогда как очень часто применяют правило «ментальной резервации», когда при произнесении слов присяги человек мысленно дополняет ее отменяющей формулой.

Ну а затем приходит очередь разобраться с самим Писанием, которое многим столь неудобно, поскольку явно отвергает церковную эмансипацию женщин и гомосексуализм. Для этого есть свои трюки. Достаточно критерием истины признать не «слова Писания, а смысл Писания» и «не отождествлять Писание со Словом Божьим» [8, р. 217].

Теологи-модернисты пришли к выводу, что библейские тексты лишь «содержат» (!) Слово Божье, причем в неявном, неартикулированном виде. Недостаточно просто взять цитаты из Библии, чтобы определить содержание

Евангелия, если даже это слова Христа или апостолов, с которыми они обращались к своим слушателям. Так открыт полный произвол поисков «нового Евангелия», которого не слышали прежде.

Отцом-основателем нового богословского течения и первым учителем «Евангелия нового типа» следует признать Рудольфа Бультмана, который в тревожном 1941 году нашел время провозгласить программу «демифологизации» христианства. Отвергнув все традиционные догматы как несовместимые с современным мировоззрением, Бультман увидел в «*Sein und Zeit*» своего друга Хайдеггера более подходящую форму для изложения евангельской вести, нежели употреблявшиеся прежде. Как ни увивал Бультман от разъяснений, но так и не смог развеять опасения, что в рамках его теологии конкретные формы изложения Евангелия в Библии случайны, необязательны, и зачастую ошибочны, тогда как на самом деле Евангелие – это обращенный Богом призыв к новому самопониманию человека в его «экзистенциальной ситуации».

Звезда Бультмана на богословском горизонте ярко сияла и для служителей других конфессий, так что в далеком 1967 году профессор Ратцингер со смущением говорил: «Богослов застрахован от нападков, если объясняет «воскресение мертвых» лишь как то, что надо ежедневно, неутомимо, снова и снова работать для будущего» [9, с. 53]. Тогда же будущий римский понтифик Бенедикт XVI продемонстрировал навыки уверенного владения модным богословским «новоязом»: «Вера видит в Иисусе человека, в котором – говоря языком биологической схемы – совершен очередной скачок эволюции; человека, в котором совершился прорыв за пределы ограниченного способа нашего человеческого существования с его монадной замкнутостью» [9, с. 197]. Таковы «тщеты кипящего разумения» современного богословия/пустословия.

Надеюсь, мне удалось кратко показать, как интеллектуальная изощренность или, кто-то скажет, бесчестность позволяет многим служителям лютеранских церквей не только верить, но и публично учить чему вздумается, игнорируя традиционное учение Библии и Вероисповедания, не принимая всерьез угрозу для совести, содержащуюся в присяге, которую они приносили перед Богом и людьми.

Имеет ли место обозначенная проблема на наших просторах? Белорусское законодательство о свободе совести и религиозных организациях придерживается последовательного представления о «конфессиональной идентичности» верующего человека. «Религиозной общиной признается объединение в пределах территории одного или нескольких населенных пунктов группы граждан Республики Беларусь, являющихся приверженцами единого вероисповедания, для совместного исповедания веры и удовлетворения иных религиозных потребностей» (ст. 14 Закона Республики Беларусь).

Мы видим, что законодатель исходит из предположения, что граждане, объединяющиеся в религиозную общину, имеют ясное представление о ее вероисповедании и делают сознательный выбор в его пользу, выражая ему свою «приверженность», то есть имеют с ним согласие воли и интеллекта. Само желание присоединиться к общине какого-либо вероисповедания рассматривается *ipso facto* как приверженность данному вероисповеданию. Также налицо презумпция честности гражданина в религиозных вопросах, то есть подразумевается, что человек не станет членом определенной общины, если не разделяет ее вероисповедания.

Подобный подход не имеет очевидных препятствий для совести христианина. Люди, внешние по отношению к определенному церковному сообществу, вправе требовать от него «отчета в нашем уповании» (ср. 1 Петр 3, 15) и находить его в официальном вероисповедании каждого такого сообщества. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что навыки обращения с текстами и собственной совестью не знают государственных границ и с легкостью заимствуются нашими согражданами, занимающимися религиозной деятельностью. «Конфессиональный принцип» все более воспринимается как «бремя неудобноносимое», подлежащее отмене и забвению. Будущее покажет, так ли это.

Литература и источники

1. Ницше, Ф. Антихристианин. Сумерки богов. – 1990
2. Засе, Г. На том стоим. Кто такие лютеране. – 1994.
3. Arand, Ch/P. Testing the Boundaries: Windows to Lutheran Identity. – St. Louis: Concordia Publishing House, 1995.
4. Constitution of the Lutheran world federation [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lutheranworld.org/sites/default/files/Constitution%20EN%20final_0.pdf. – Date of access: 12.03.2014.
5. Krauth, Charles Porterfield. Lutheran and Missionary. – Philadelphia, 1861.
6. Walther. The kind of Subscription required.
7. Svenska Kyrkan [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.svenskakyrkan.se>. – Date of access: 05.02.2014.
8. Inaugural address of President Charles Michael Jacobs, Lutheran Theological Seminary at Philadelphia, April 22, 1927. – Philadelphia, 1927
9. Ратцингер, Й. Введение в христианство. – 2006.

Научное издание

**РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ
В СВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы
международной научной конференции
Республика Беларусь, г. Минск, 27–28 мая 2014 года**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 22.05.2014 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная

Гарнитура Arial Печать цифровая Усл.печ.л. 27,4 Уч.изд.л. 27,9

Тираж 100 экз. Заказ № 1932

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2

Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе

KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное

Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.

в качестве издателя печатных изданий за № 1/185